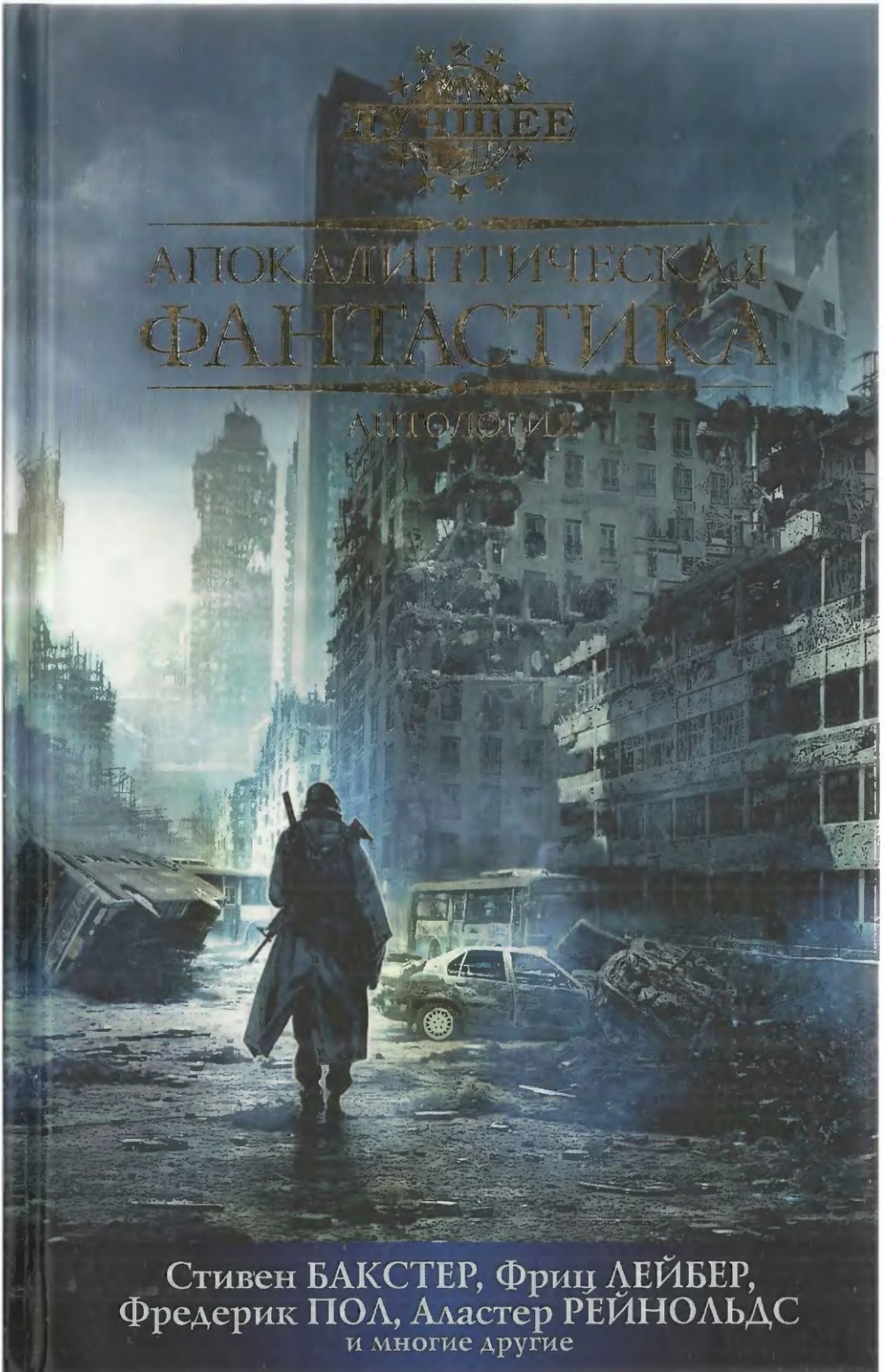
ЛУЧШЕЕ
АПОКАЛИПТИЧЕСКАЯ
ФАНТАСТИКА
АНТОЛОГИЯ
Стивен БАКСТЕР, Фриц ЛЕЙБЕР,
Фредерик ПОЛ, Аластер РЕЙНОЛЬДС
и многие другие

АПОКАЛИПТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

АНТОЛОГИЯ

Санкт-Петербург
2012

УДК 82/89
ББК 84.7 США
А 76

The Mammoth Book of Apocalyptic SF
edited by Mike Ashley

Первая публикация в Великобритании — Robinson,
an imprint of Constable & Robinson Ltd.
Публикуется по соглашению с издательством
CONSTABLE & ROBINSON LTD. (Великобритания)
при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия)

Перевод с английского
Адама Асвадова, В. Баканова, А. Бродоцкой, В. Вебера,
О. Гайдуковой, И. Гуровой, В. Двининой, А. Корженевского,
А. Новикова, Д. Попова, О. Ратниковой, Г. Соловьевой,
Е. Третьяковой

Оформление А. Золотухина

© Адам Асвадов, В. Баканов, А. Бродоцкая,
В. Вебер, О. Гайдукова,
И. Гурова (наследник), В. Двинина,
А. Корженевский, А. Новиков, Д. Попов,
О. Ратникова, Г. Соловьева,
Е. Третьякова, перевод, 2012
© ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус"», 2012
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-01612-5

Конец всего

Нас привлекает идея апокалипсиса, конца всего. Конечно, мы к нему не стремимся, — по крайней мере, я на это надеюсь, — но мы не можем не задумываться о нем. Фраза «Конец близок» употреблялась слишком часто, чтобы сохранить свою первоначальную силу, и сейчас используется в языке для обозначения всего лишь очередного ложного пророчества.

Апокалипсис, или Судный день, имеет вполне определенное религиозное воплощение — библейский Армагеддон, скандинавский Рагнарёк, исламский Кияма (день Страшного суда) и так далее. И это в свою очередь влияет на растущую научную убежденность в возможном вымирании человечества в результате пандемии, космической катастрофы, климатических изменений или неизбежной гибели Солнца. Образ четырех всадников Апокалипсиса — Завоевателя, Войны, Голода и Смерти — убедителен сегодня, как и всегда.

В данной антологии собраны произведения, представляющие различные сценарии того, как Земля или жизнь на ней могут быть уничтожены из-за чумы или потопа, ядерной войны или столкновения с кометой, инопланетного вторжения или вырвавшихся из-под контроля новейших технологий, а также по другим причинам, находящимся за пределами вашего буйного воображения.

Здесь есть все это и намного больше. Но я не хотел выпускать антологию, в которой каждое произведение заканчивается смертью или разрушением, — пятьсот страниц подобных текстов выглядели бы весьма уныло. Поэтому для равновесия я решил добавить какую-то надежду на будущее. По крайней мере половина историй посвящена тому, какой станет жизнь после гибели цивилизации или даже после гибели Земли.

Научную фантастику всегда вдохновляла тема конца света. У ее истоков находился роман «Последний человек» («Le Dernier Homme»), написанный французским священником Жаном-Батистом Кузеном де Гренвилем в конце XVIII века. Французская революция наложила свой отпечаток на мировоззрение Гренвиля и послужила причиной депрессии, в результате которой в 1805 году

он покончил жизнь самоубийством, оставив свой новаторский труд в виде рукописи. В нем содержалось несколько примечательно передовых идей в описании мира, который по причине плохого управления и перенаселения истощился экологически.

На работу Гренвиля, несомненно, повлиял опыт Террора, и неудивительно, что такие события, как конец столетия (или тысячелетия) или мировые войны, заставляют задуматься о возможном апокалипсисе. За романом Гренвиля последовало несколько других произведений, включая одноименный роман создательницы «Франкенштейна» Мэри Шелли. В ее «Последнем человеке» («The Last Man», 1826) люди вымерли в результате страшной чумы, а рассказ Эдгара Алана По «Разговор Эйрос и Хармионы» («The Conversation of Eiros and Charmion», 1839) стал одним из первых произведений, в котором Земля была уничтожена кометой. Однако настоящий поток апокалиптических книг обрушился в конце девятнадцатого столетия.

Ричард Джефферис в своем романе «После Лондона» («After London», 1885) описывает Великобританию, вернувшуюся в каменный век в результате неизвестной катастрофы, а Джон Эмес Митчелл в «Последнем американце» («The Last American», 1889) повествует о персидской экспедиции, обнаружившей руины Нью-Йорка, — Соединенные Штаты были уничтожены по причине социальных беспорядков.

Знаменитый французский астроном Камиль Фламмарион написал один из первых значительных романов о мировой катастрофе «Гибель мира» («La fin du monde», 1894), более известный как «Омега. Последние дни мира» («Omega: The Last Days of the World»), в котором огромная комета разрушила не только Землю, но и Марс. В рассказе Герберта Уэллса «Звезда» («The Star», 1897) жизнь была практически уничтожена, но спасение пришло благодаря Луне. Сэр Артур Конан Дойль, прославившийся своим Шерлоком Холмсом, объединяет идею чумы и космической катастрофы в «Отравленном поясе» («The Poison Belt», 1913), в котором наша планета проходит через токсический пояс. В романе М. Ф. Шиля «Багровое облако» («The Purple Cloud», 1901) вулкан выпускает ядовитый пар из недр Земли. Уэллс представил другую форму Армагеддона: в его романе «Война миров» («The War of the Worlds», 1898) человечеству угрожает вторжение марсиан.

После Первой мировой войны неизбежно начали появляться апокалиптические произведения. Эдвард Шенкс описал гибель цивилизации в романе «Люди руин» («The People of the Ruins», 1920), в то время как в романе Дж. Дж. Коннингтона «Миллион Норденхольта» («Nordenholt's Million», 1923) показано, как с помощью науки восстанавливается цивилизация, оказавшаяся на грани уничтожения по причине экологической катастрофы. При-

мечательно, что одно из первых произведений, рассматривающих гибель цивилизации из-за излишней зависимости от техники, «Машина останавливается» («The Machine Stops»), было написано еще в 1909 году Э. М. Форстером.

Неудивительно, что Вторая мировая война и взрыв атомной бомбы повлекли за собой ряд произведений о ядерном истреблении, например «Долгая громкая тишина» («The Long Loud Silence», 1952) Уилсона Такера и «На берегу» («On the Beach», 1957) Невила Шюта, но наиболее известным, вероятно, является фильм Стэнли Кубрика «Доктор Стрейнджлав» («Dr Strangelove», 1963), основанный на романе Питера Джорджа «Красная угроза» («Red Alert»). Холодная война также вызвала всплеск романов-катастроф, особенно в Великобритании. Ветеран научной фантастики Брайан Олдисс назвал «уютной катастрофой» события, описанные в таких произведениях, как «День триффидов» («The Day of the Triffids»,1951) Джона Уиндема, «Смерть травы» («The Death of Grass», 1956) Джона Кристофера, «Белый август» («White August», 1955) Джона Боланда и «Начался прилив» («The Tide Went Out», 1958) Чарльза Эрика Мэйна. Дж. Г. Баллард создал себе имя, написав четыре романа-катастрофы о четырех стихиях — воздухе, воде, огне и земле: «Ветер ниоткуда» («The Wind From Nowhere», 1961), «Затонувший мир» («The Drowned World», 1962), «Сожженный мир» («The Burning World», 1964) и «Хрустальный мир» («The Crystal World», 1966).

Поток романов и фильмов-катастроф увеличивался в геометрической прогрессии по мере приближения миллениума. Жизнь на Земле была едва не уничтожена кометой в «Молоте Люцифера» («Lucifer's Hammer») Джерри Пурнеля и Лари Нивена. В «Почтальоне» («The Postman», 1985) Дэвида Брина и «Воротах в Страну женщин» («Gate to Women's Country», 1988) Шерри С. Теппер мы наблюдаем, как отдельные выжившие преодолевают трудности в постапокалиптическом мире. Уровень моря поднимается в романе «На пути в Корлей» («The Road to Corlay», 1978) Ричарда Каупера, Соединенные Штаты оказываются под водой в романе «Сорок признаков дождя» («Forty Signs of Rain», 2004) Кима Стэнли Робинсона, а Стивен Бакстер изображает Землю затопленной в романе «Потоп» («Flood», 2008). В романе Грега Бира «Божья кузница» («The Forge of God», 1987) инопланетяне последовательно разрушают Солнечную систему. В по-настоящему апокалиптическом романе Стивена Кинга «Противостояние» («The Stand», 1978) опаснейший вирус губит бóльшую часть людей, в то время как в романе Дэвида Палмера «Несчастье» («Emergence», 1984) созданная руками человека чума уничтожает цивилизацию. В романе Джона Барнса «Мать бурь» («Mother of Storms», 1994) представлено сочетание ядерной и экологической катаст-

роф, а в романе Чарльза Шеффилда «Последствия» («Aftermath», 1998) масштабная космическая катастрофа вызвала изменение климата на Земле. Получивший Пулицеровскую премию роман Кормака Маккарти «Дорога» («The Road», 2006) описывает очень мрачный мир, поставленный на грань уничтожения некой неназванной катастрофой. Такие телевизионные сериалы, как «Выжившие» («Survivors»), «Черная бездна» («Deepwater Black») и «Иерихон» («Jericho»), и такие фильмы, как «Столкновение с бездной» («Deep Impact»), «Терминатор» («Terminator») и «Армагеддон» («Armageddon»), продолжают питать наше воображение и наполнять наше сознание апокалиптическими образами.

Все вышесказанное демонстрирует популярность и обширность данной темы, а также богатство жанровой истории, в свете чего составление этой антологии становится своеобразным вызовом. Я собирался включить в сборник большое количество классических произведений, но обнаружил, что в последнее десятилетие было опубликовано так много новых работ, что я могу позволить себе втиснуть только парочку старых, принадлежащих перу Фрица Лейбера и Роберта Сильверберга.

Примечательно, что новая апокалиптическая фантастика показывает, насколько мы боимся современных технологий, особенно нанотехнологий. Я мог бы составить сборник из одних только произведений о наногибели, но я хотел представить широкий спектр катастроф, как пре-, так и постапокалиптических, и неизбежное угасание Земли. Чума и угроза чумы изображены в произведениях Роберта Рида и Кейт Вильгельм; потоп — в работах Дейла Бейли и Линды Нагата; ядерную катастрофу и ее последствия описывают Фредерик Пол и Элизабет Бир; изменение климата — Эрик Браун и Пол Ди Филиппо; о космической катастрофе рассказывают Дэвид Барнетт, Джеффри Лэндис и Уильям Бартон; об угрозе технологий или о том, как они могут нас спасти, — Кори Доктороу, Дэмиен Бродерик и Гвинплейн Макинтайр. Аластер Рейнольдс представляет совершенно новую идею апокалипсиса в своей повести, одной из шести новых произведений в данной антологии. Мы перемещаемся в далекое будущее, чтобы увидеть, как эволюционирует человечество у Джека Уильямсона, и понаблюдать за гибелью человеческой расы в рассказах Стивена Бакстера и Элизабет Куниган.

Но, как я и говорил, не все здесь мрак и смерть. Во многих произведениях показано, как люди справляются с несчастьем и заново отстраивают мир. В этих работах содержится предупреждение, но также и надежда.

Начало близко...

Майк Эшли

ПРИРОДА КАТАСТРОФЫ

РОБЕРТ СИЛЬВЕРБЕРГ

Как мы ездили смотреть конец света

Мы начинаем с довольно беззаботной зарисовки, представляющей собой пародию на апокалиптическую тему, в которой перемещение во времени позволяет людям стать свидетелями конца света. Но который из этих концов является настоящим?

Ветеран научной фантастики, обладатель звания Грандмастер, присвоенного в 2004 году Ассоциацией американских писателей-фантастов (Science Fiction Writers of America), Роберт Сильверберг плодотворно трудится уже более пятидесяти лет, выпустив множество разнообразных высококачественных произведений. Среди его наиболее значительных работ «Ночные крылья» («Nightwings», 1969), «Время перемен» («A Time of Changes», 1971), «Умирающий изнутри» («Dying Inside», 1972), «Рожденный с мертвецами» («Born With the Dead», 1974), «Провидец» («The Stochastic Man», 1975), «Замок лорда Валентина» («Lord Valentine's Castle», 1980), «Подселенец» («The Secret Sharer», 1989). Сильверберг также написал ряд апокалиптических и постапокалиптических произведений. В повести «Откройте небо!» («To Open the Sky», 1967) действие разворачивается в перенаселенном мире будущего, а повесть «В конце зимы» («At Winter's End», 1988) повествует о том, как человечество восстанавливается после нового ледникового периода.

Ник и Джейн были очень рады, что съездили посмотреть конец света, потому что об этом можно было рассказать на вечере у Майна и Раби. Приятно прийти в гости и рассказать что-нибудь особенное. Майк и Раби устраивали прекрасные вечеринки. Их дом — один из лучших в округе, дом для всех сезонов, всех настроений... столько свободы... камин в гостиной...

Ник и Джейн подождали, пока не собралось достаточно гостей. Тогда Джейн толкнула Ника, и Ник весело сказал:

— Эй, вы знаете, что мы делали на той неделе? Мы ездили смотреть конец света!

— Конец света? — спросил Генри.

— Поехали смотреть? — удивилась жена Генри, Цинция.

— Как вам удалось? — спросила Паула.

— Этим с марта занимается «Американ экспресс», — сказал ей Стэн.

— Да, — быстро сказал Ник. — Вас сажают в машину, похожую на маленькую подводную лодку, с массой приборов и рычажков за прозрачной перегородкой, чтобы вы ничего не трогали, и засылают в будущее. Заплатить можно обычными кредитными карточками.

— Вероятно, очень дорого, — сказала Марсиа.

— Цены быстро снижаются, — ответила Джейн. — В прошлом году такую поездку могли позволить себе лишь миллионеры.

— Что вы видели? — спросил Генри.

— Сперва один серый туман, — сказал Ник. — И что-то вспыхивает. — Все смотрели на него. Он наслаждался вниманием. У Джейн было восхищенное любящее выражение лица. — Затем туман рассеялся, голос по динамику объявил, что мы достигли конца времени, когда жизнь на Земле стала невозможной. А мы сидели в подводной лодке и смотрели на берег, пустынный берег. И вода такого забавного серого цвета, с розовым оттенком. Взошло солнце. Красное, как иногда бывает на восходе; только оно оставалось таким и в полдень и казалось бугристым и распухшим по краям. Как некоторые из нас, ха-ха.

Бугристое и распухшее. И холодный ветер, дующий по берегу.

— Откуда вы знали, сидя в лодке, что дует холодный ветер? — спросила Цинция.

Джейн бросила на нее яростный взгляд. Ник сказал:

— Мы видели, как поднимается песок. И чувствовалось, что холодно. Серый океан. Как зимой.

— Расскажи им о крабе, — подсказала Джейн.

— Да, и краб. Последняя форма жизни на Земле. Конечно, это был не настоящий краб, знаете, что-то двух футов шириной и высотой в фут, с блестящей зеленой броней и, наверно, с дюжиной ног, и еще какие-то усики, и оно медленно двигалось перед нами слева направо. Целый день

оно ползло по песку. А к ночи умерло. Его усики упали, и оно перестало двигаться.

Начался прилив и унес его. Солнце село. Луны не было. Звезды были не на своих местах. По динамику сказали, что мы только что видели смерть последнего существа на Земле.

— Как жутко! — вскрикнула Паула.

— Вы там долго пробыли? — спросила Раби.

— Три часа, — сказала Джейн. — Там можно провести хоть неделю, если доплатить, но вернут вас все равно через три часа после отбытия.

Майк предложил Нику сигарету с марихуаной.

— Это грандиозно, — сказал он. — Съездить на конец света! Эй, Раби, надо поговорить с нашим агентом по путешествиям.

Ник глубоко затянулся и передал сигарету Джейн. Он был доволен собой.

Его рассказ явно произвел впечатление. Раздутое красное солнце, краб...

Поездка обошлась дороже, чем месяц в Японии, но она стоила этих денег. Он и Джейн были первыми в округе. Это очень важно. Паула смотрела на него с восхищением. Ник знал, что она видит его сейчас в другом свете. Возможно, они встретятся во вторник в мотеле. В прошлом месяце она отказалась, но теперь другое дело. Цинция держалась за руки со Стэном. Генри и Майк расположились у ног Джейн. В комнату вошел двенадцатилетний сын Майка и Раби. Он сказал:

— Только что передавали новости. Радиоактивные мутантные амебы из-за утечки на государственной исследовательской станции попали в озеро Мичиган. Они заражены тканерастворяющим вирусом, и в семи штатах впредь до особого уведомления необходимо кипятить воду.

Майк нахмурился и сказал:

— Тебе пора спать, Тимми.

Мальчик вышел. Раздался звонок. Раби пошла открывать и вернулась с Эдди и Фрэн.

Паула сказала:

— Ник и Джейн ездили смотреть конец света. Они только что рассказывали нам об этом.

— Как? — сказал Эдди. — Мы тоже ездили, в среду вечером.

Ник пал духом. Джейн закусила губу и тихо спросила Цинцию, почему Фрэн всегда носит такие яркие платья.

Раби сказала:

— Вы видели всю историю? И краба, и все?

— Краба? — сказал Эдди. — Какого краба? Мы не видели никакого краба.

— Он, наверное, умер раньше, — сказала Паула. — Когда там были Ник и Джейн.

— Вы давно ездили? — спросил Эдди у Ника.

— В воскресенье днем. Мы, пожалуй, были первыми.

— Отличная штука, правда? — сказал Эдди. — Хотя немного мрачновато. Как последняя гора скрывается в море.

— Мы видели совсем другое, — сказала Джейн.

Майк спросил:

— А как это происходило у вас?

Эдди обнял сзади Цинцию:

— Они поместили нас в маленькую капсулу с приборами и...

— Это мы уже знаем, — сказала Паула. — Что вы видели?

— Конец света, — ответил Эдди. — Когда все поглощает вода. Солнце и луна были на небе в одно время.

— Мы не видели луны, — заметила Джейн. — Ее там вовсе не было.

— Она была на одной стороне неба, а солнце — на другой, — продолжал Эдди. — Луна была ближе, чем обычно. Забавного цвета, почти бронзовая. И везде один океан. Только в одном месте кусочек земли — эта гора. Гид сказал нам, что это вершина Эвереста. Представляете, плыть в крошечной лодке у вершины Эвереста! Может быть, футов десять возвышалось. А вода все прибывает. Выше, выше, выше. И над вершиной — хлюп. Не осталось никакой земли.

— Как странно, — сказала Джейн. — Мы тоже видели океан, но был берег, и песок, и медленно ползущий краб, и солнце — вы видели красное солнце?

— Оно было бледно-зеленым, — сказала Фрэн.

— Вы говорите о конце света? — спросил Том.

Он и Гарриет стояли у двери и снимали пальто. Их, вероятно, впустил сын Майка. Том передал свое пальто Раби и сказал:

— О, что за зрелище!

— Так вы тоже ездили? — неприязненно спросила Джейн.

— Две недели назад, — сказал Том. — Позвонил агент по путешествиям и сказал: «Знаете, что мы предлагаем сейчас? Конец распроклятого света!» И мы поехали прямо к ним — в субботу или в пятницу? — в общем, в тот день, когда во время волнений сожгли Сен-Луис.

— В субботу, — сказала Цинция. — Помню, я возвращалась домой, когда по радио сообщили, что они применяют ядерное...

— Да, в субботу, — сказал Том. — И вот мы пришли, и они отправили нас.

— Вы видели берег с крабами или мир, затопленный водой? — спросил Стэн.

— Ни то ни другое. Везде лед. Ни гор, ни океанов. Мы облетели весь мир, и он был как сплошной снежный ком. Мы держали фары включенными, потому что солнца не было.

— Я уверена, что видела солнце, — вставила Гарриет. — Как потухший уголек в небе. Но гид сказал, что его нельзя больше увидеть.

— Как получается, что все видят разное? — спросил Генри. — Ведь конец света должен быть только один.

— А это не надувательство? — спросил Стэн.

Все обернулись. Лицо Ника покраснело. У Фрэн было такое выражение, что Эдди выпустил Цинцию и погладил Фрэн по плечу.

— Я не утверждаю, — неуверенно стал он оправдываться. — Просто предположил.

— Мне все показалось вполне реальным, — сказал Том. — Выгоревшее солнце. И Земля — ледяной шар. Конец распроклятого света.

Зазвонил телефон, Раби пошла отвечать. Ник предложил Пауле поужинать вместе во вторник. Она согласилась.

— Встретимся в мотеле, — сказал он, и она улыбнулась.

Эдди снова обхаживал Цинцию. Генри неважно выглядел и с трудом боролся со сном.

Пришли Фил и Изабель. Услышав разговор Тома и Фрэн о конце света, Изабель сказала, что они с Филом ездили туда позавчера.

— Черт побери! — сказал Том. — Ну и как ваша поездка?

В комнату вернулась Раби:

— Звонила сестра из Фресно. У них все в порядке. Землетрясение Фресно не затронуло.

— Землетрясение? — повторила Паула.

— В Калифорнии, — объяснил ей Майк. — Сегодня днем. Ты не слышала?

Разрушен Лос-Анджелес и почти все побережье до Монтерея. Полагают, что оно произошло из-за подземных испытаний новой бомбы в Мохавской пустыне.

— Калифорния всегда страдает от ужасных бедствий, — сказала Марсиа.

— Хорошо еще, что эти амебы не распространились на запад, — заметил Ник. — Каково сейчас было бы в Л. А.!

— Еще дойдут, — сказал Том. — Два к одному, что они размножаются переносимыми по ветру спорами.

— Как брюшной тиф в прошлом ноябре, — сказала Джейн.

— Сыпной тиф, — поправил Ник.

— Я рассказывл Тому и Фрэн, — сказал Фил, — какой мы видели конец света. Солнце превратилось в новую. Они все очень хорошо продумали. Я имею в виду, нельзя же просто сидеть, ждать и испытывать это — жару, радиацию и прочее. Сперва они привозят вас за два часа до взрыва, ясно? Уж не знаю, сколько триллиардов лет пройдет, но очень, очень долго, потому что деревья совершенно другие, с ветками как веревки и синими листьями, и еще какие-то прыгающие одноногие твари...

— О, я не верю, — протянула Цинция.

Фил не обратил на нее внимания.

— Мы не видели и следа людей, ни домов, ни телефонных столбов — ничего.

Я думаю, мы вымерли задолго до того. В общем, они дали нам некоторое время, чтобы посмотреть на это. Не

выходя из нашей машины, разумеется, потому что, как они сказали, атмосфера отравлена. Солнце стало постепенно разбухать.

Мы заволновались, да, Изи? А что, если они просчитались? Такие путешествия — дело новое... Солнце становилось все больше и больше, а потом этакая штука вроде руки вытянулась у него слева — большая огненная рука, тянущаяся через пространство, все ближе и ближе. Мы смотрели сквозь закопченные стеклышки, как во время затмения. Нам дали две минуты, и мы уже почувствовали жару. А потом мы прыгнули на пару лет вперед. Солнце опять было шаром, только маленьким, такое маленькое белое солнце вместо привычного большого желтого. А Земля обуглилась.

— Один пепел, — с чувством произнесла Изабель.

— Как Детройт после столкновения профсоюзов с Фордом, — сказал Фил, — только хуже, гораздо хуже. Расплавились целые горы, испарились океаны. Все превратилось в пепел. — Он содрогнулся и взял у Майка сигарету.

Изабель плакала.

— Те, с одной ногой, — сказала Изабель, — они же все сгорели. — Она всхлипнула.

Стэн стал ее успокаивать.

— Интересно, все видят разные картины? Замерзание. Или этот океан. Или взрыв Солнца.

— Я убежден, что каждый из нас по-настоящему пережил конец света в далеком будущем, — сказал Ник. Он чувствовал; что должен как-то восстановить свое положение. Так хорошо было до прихода остальных! — Конец света не обязательно один, и они посылают нас смотреть разные катастрофы. Я ни на миг не усомнился, что вижу подлинные события.

— Надо и нам съездить, — сказала Раби Майку. — Давай позвоним им в понедельник и договоримся.

— В понедельник похороны президента, — указал Том. — Агентство будет закрыто.

— Убийцу еще не поймали? — спросила Фрэн.

— В четырехчасовом выпуске об этом ничего не говорили, — сказал Стэн. — Думаю, что он сумеет скрыться, как и предыдущий.

— Понять не могу, почему люди хотят стать президентами, — произнес Фил.

Майк поставил музыку. Ник танцевал с Паулой. Эдди танцевал с Цинцией.

Генри дремал. Дэйв, муж Паулы, был не в себе из-за недавнего проигрыша и попросил Изабель посидеть с ним. Том танцевал с Гарриет, хотя они были женаты. Она только вышла из больницы после трансплантации, и он был к ней чрезвычайно внимателен. Майк танцевал с Фрэн. Фил танцевал с Джейн. Стэн танцевал с Марсией. Раби вклинилась между Эдди и Цинцией. Потом Том танцевал с Джейн, а Фил — с Паулой. Проснулась и вышла младшая девочка Майка и Раби. Майк снова уложил ее спать. Издалека донесся приглушенный взрыв. Ник снова танцевал с Паулой, но, не желая наскучить ей до вторника, извинился и отошел к Дэйву. Раби спросила Майка:

— Ты позвонишь агенту после похорон?

Майк согласился, но Том сказал, что кто-нибудь застрелит нового президента и будут снова похороны. Эти похороны уменьшают общий национальный продукт, заметил Стэн, потому что постоянно все закрыто.

Цинция растолкала Генри и потребовала, чтобы он свозил ее посмотреть конец света. Генри был смущен. Его фабрику взорвали во время мирной демонстрации, и он оказался в тяжелом финансовом положении.

— Луи и Жанет тоже должны были прийти, — сказала Раби Пауле, — но вернулся их младший сын из Техаса с новой формой холеры.

Фил сказал:

— А одна пара видела, как разлетелась Луна. Она слишком близко подошла к Земле и разорвалась на куски. Один кусок чуть не разбил их машину.

— Мне бы это не понравилось, — сказала Марсиа.

— У нас было чудесное путешествие, — сказала Джейн. — Никаких ужасов. Просто большое красное солнце, прилив и краб, ползущий по берегу. Мы оба были глубоко тронуты.

— Наука буквально творит чудеса в наши дни, — сказала Фрэн.

Майк и Раби решили съездить на конец света сразу после похорон, Цинция слишком много выпила и нехорошо себя почувствовала. Фил, Том и Дэйв обсуждали состояние рынка. Гарриет рассказывала Нику о своей операции.

Изабель флиртовала с Майком. В полночь кто-то включил радио. Еще раз напомнили о необходимости кипятить воду в пораженных штатах. Вдова президента посетила вдову предыдущего президента, чтобы обсудить детали похорон. Затем передали интервью с управляющим компанией путешествий во времени. «Дела идут превосходно,— сказал тот.— Наше предприятие даст толчок развитию всей национальной индустрии. Естественно, что зрелища типа конца света пользуются колоссальной популярностью в такие времена, как наши». Корреспондент спросил: «Что вы имеете в виду — „такие времена, как наши"?» Но когда тот стал отвечать, его прервали рекламой. Майк выключил радио. Ник обнаружил, что чувствует себя чрезвычайно подавленным. Он решил, что это оттого, что многие его приятели совершили поездку, а они с Джейн думали, что будут единственными. Он сидел рядом с Марсией и пытался описать ей, как полз краб, но Марсиа только хихикала. Ник и Джейн ушли совсем рано и сразу легли спать, не занимаясь любовью. На следующее утро из-за забастовки не доставили воскресных газет, а по радио передали, что уничтожить мутантных амеб оказалось труднее, чем предполагалось ранее. Они распространились в соседние озера, и всем в этом районе надо кипятить воду. Ник и Джейн обсудили планы на следующий отпуск.

— А не съездить ли нам снова посмотреть конец света? — предложила Джейн, и Ник долго смеялся.

СУШМА ДЖОШИ

Конец света

Неизбежный конец света предсказывают постоянно. И люди больше не обращают внимания на эти пророчества, как на крики небезызвестного мальчика «Волк! Волк!», что однажды может привести к большому несчастью. В нижеследующем произведении мы наблюдаем подобный эффект на примере нескольких человек, узнавших об угрозе апокалипсиса.

Сушма Джоши — писатель и издатель из Непала. Время от времени она выступает в качестве кинорежиссера. Сушма Джоши являлась соредактором антологии рассказов непальских авторов «Новый Непал, новые голоса» («New Nepal, New Voices», 2008), а также выпустила подборку собственных журнальных эссе о современном искусстве Непала «Вопросы искусства» («Art Matters», 2008). Данный рассказ, изначально опубликованный в Интернете в 2002 году, послужил основой первого сборника писательницы «Конец света» («End of the World», 2008).

Однажды все заговорили об этом. Это даже напечатали в газетах. Великий и умудренный садху[1] пророчил страшный пожар, стихийное бедствие таких масштабов, что больше половины населения Земли будет уничтожено. Дил как раз шел на работу — он был каменщиком — и остановился на минутку послушать человека, громогласно вещающего о достоинствах гомеопатического способа лечения импотенции. И тут он краем глаза заметил длинные вереницы коз, тянувшиеся к пятачку зелени.

— Что происходит? — спросил он.

И ему ответили:

— Все покупают мясо, чтобы хотя бы перед смертью в последний раз хорошенько поужинать.

Последовав сему мудрому примеру подготовки к концу света, Дил зашел в магазин и купил килограмм козлятины. По пути домой он остановился у лавки Гопала Бхакты, и все увидели у него в руках пропитавшийся кровью сверток.

---

[1] *Садху* — аскет.

— Что, важное событие, дай[1]? Празднуешь в этом году дашайн[2] загодя? — шутили покупатели.

И он рассказал им, как раскупают коз и как процветает бизнес мясников Тудикхела[3]. Мужчины, вдохновленные возможностью отпраздновать что-то, все как один решили купить вдоволь мяса для последней трапезы.

Сануканча, владелец молочной лавки ниже по улице, заявил, что вся его семья в составе ста шестнадцати человек планирует в этот день сидеть дома, чтобы быть вместе, когда на следующее утро поднимутся семь солнц и сожгут землю. Бикаш, превратившийся из авара-бездельника[4] в серьезного молодого учителя, с тех пор как получил работу в «Английской школе Диснея», поведал, что так много детей просило освободить их от занятий в этот день, что школам de facto[5] пришлось объявить его днем общенациональных каникул. Гопал Бхакта сообщил, что его сестра, работающая в аэропорту, сказала ему, будто все места на рейсы Королевских непальских авиалиний раскуплены людьми, надеющимися избежать дня уничтожения.

Вечером Дил вернулся домой с килограммом мяса, завернутого в листья салового дерева, и молча протянул его Канчи.

— Мясо! В доме ни крупицы риса, ни капли масла, ни щепотки куркумы! А ты являешься с мясом! Да мы неделю могли бы питаться на эти деньги! — возмутилась Канчи.

— Заткнись, дура, и ешь, — ответил Дил. — Завтра ты, быть может, умрешь, так что наслаждайся этим мясом, пока оно есть и ты жива.

— И как мне его приготовить? Жаром собственного тела? — фыркнула Канчи — керосина у них тоже не было.

---

[1] *Дай* — обращение к взрослому мужчине, «брат».

[2] *Дашайн* — 15-дневный национальный праздник в Непале и Бутане (с 1980 г.), государственный праздник в Сиккиме и округе Дарджилинг в Западной Бенгалии. Праздник отмечается в сентябре-октябре после сбора урожая риса. Он известен тем, что во время его проведения члены семей собираются вместе, укрепляя тем самым родственные узы.

[3] *Тудикхел* — район Катманду, Непал.

[4] *Авар* — бродяга *(хинди)*.

[5] По факту *(лат.)*.

Дил лег на кровать, даже не стряхнув с себя серо-красной пыли от цемента и свежеобожженных кирпичей, запорошившей его с головы до ног за день работы на стройке. Он растянулся и уставился в потолок — такая уж была у него привычка. Не дождавшись от мужа ответа, Канчи спросила:

— А что за повод-то?

Посозерцав какое-то время водные потеки на деревянных стропилах, Дил объявил:

— Конец света.

Вот так она узнала о том, что огромная звезда с длинноющим хвостом собирается врезаться в Юпитер и заодно разбить Землю на мелкие кусочки. На этот раз это точно правда — вон даже по телевизору сообщили. Это уже не просто слухи. Говорили также, хотя ни радио, ни телевидение этого не подтвердили, что несколько — по одним сведениям, семь, по другим — тридцать две тысячи — солнц взойдут после катастрофы.

Канчи как раз намеревалась пойти взять немного риса у Гопала Бхакты, лавочника, который хорошо ее знал и отпускал провизию в долг, когда появился ее сын — с полиэтиленовым пакетом апельсинов.

— Апельсины! — замахнулась на него женщина, но мальчишка ловко увернулся. — Вы сумасшедшие — что отец, что сынок. В доме нет риса, а ты покупаешь апельсины! Совсем мозгов лишились!

Но отец ничего не сказал, и сын ничего не сказал, а поскольку бесполезно кричать на людей, которые ничего не говорят, Канчи удалилась, проклиная их глупость.

— Пускай мир и впрямь катится к черту! По крайней мере, мне больше не придется кормить таких идиотов!

Так что вечером они ели мясо: большие куски, полуобугленные-полусырые, — те, которыми занимались дети, и отлично прожаренные — те, которые Канчи насадила на длинные палочки и готовила над горячими углями. Причем Канчи, справедливо решив, что конец света наступает не так уж часто, сбегала на соседское поле и сорвала не-

сколько зеленых перцев чили и кориандр, чтобы приправить козлятину.

А потом они разделили апельсины, по одному каждому. Плоды были крупные, кожура сходила легко, и аромат наполнил всю комнату. Внутри они оказались спелые, сочные, и вкус их совсем не походил на вкус тех сухих и кислых апельсинов, что растут в деревнях. После еды Дил сказал:

— И позаботься о том, чтобы дети завтра никуда не уходили из дому, а сама — как знаешь.

Позже Канчи совершенно забыла о досаде — когда на улицу вышли соседи со своим барабаном мадал[1] и тремя приехавшими из деревни гостями. Они пели песни, такие знакомые и одновременно кажущиеся такими странными в наши дни: песни о севе риса и косьбе трав в лесу, песни о жизни, незнакомой детям и такой же далекой, как истории, которые они слышат от жрецов, когда те читают им священные тексты из пуран[2]. Затем ее сын поднялся и стал танцевать, все они веселились, а потом домовладелица высунула из-за двери голову и возмутилась:

— Что тут за гвалт? Что происходит? Шум как при конце света!

В знаменательный день Канчи оделась очень тщательно. Поверх обычного хлопкового сари она повязала пушистую светло-голубую кашемировую шаль, которую Дженнифер привезла из Америки. Дженнифер, испытывавшая давнее мрачное и бесконечно глубокое отвращение к Непалу, служила в каком-то департаменте развития, где убеждала женщин делать прививки и хранить деньги в банках. Она частенько говаривала Канчи, что непальцы не способны понять, что для них лучше. Она бы гордилась, увидев, что Канчи воспользовалась голубой шалью в столь важный день.

---

[1] *Мадал* — традиционный ударный инструмент жителей Тибета и Непала.

[2] *Пураны* — памятники древнеиндийской литературы, священные книги индуизма.

Канчи работала на Дженнифер, когда та бывала в городе. Она готовила ей рис и овощи без всяких специй и резала гигантские огненно-красные перцы, которые Дженнифер любила есть сырыми, стоя перед телевизором в своих ярких обтягивающих нарядах и исполняя свои странные танцы. «Джейн Фонда, Джейн Фонда!» — вопила она Канчи, скача этаким безумным зеленющим кузнечиком вверх-вниз и жуя огромные перцы. Она не была слишком щедра на подарки, но каждую зиму вручала Канчи какую-нибудь одежду.

— Зачем тебе шаль в такую жарищу? — спросила Миттху, старая кухарка Шармасов, в чей дом Канчи ходила каждое утро стирать, пополняя тем самым свой нестабильный доход.

— А ты разве не слыхала? — ответила Канчи. — Все только об этом и говорят. Сегодня конец света. Великий садху предсказал. Муж не рядом со мной, дети не рядом, так, по крайней мере, со мной моя шаль.

— Какая чушь! — фыркнула Миттху; религиозная женщина, она скептически относилась к людям и событиям, о которых не слышала.

— Нет, ну а вдруг конец все-таки наступит? — настаивала Канчи.

На это Миттху твердо отрезала:

— Не наступит.

— Давай съедим рис сейчас, диди[1], — встревоженно предложила Канчи, когда небо потемнело, суля мелкий дождик. По подсчетам, конец света должен был наступить ровно в одиннадцать, и Канчи намеревалась встретить его на сытый желудок. — А то потом совсем кишки сведет.

— Это для твоего тела или для твоей души? — язвительно поинтересовалась Миттху, накладывая рис на тарелку Канчи. Язычок у нее всегда был ядовитый.

— Что душа, она улетит, как мелкая пташка. Улетит, проголодавшись, и добудет себе пищу в чужих домах. Пустой живот — вот что меня убивает.

---

[1] *Диди* — «старшая сестра», разговорное обращение к старшей подруге.

— А твоя шаль согреет тебя на небесах или в аду? — Миттху посыпала рис щепоткой пряной томатной приправы.

— Шаль мне ни к чему ни в раю, ни в аду. Она на тот случай, если я выживу, а все остальные — нет и на земле не останется никого, кроме меня. Вот тогда-то у меня хотя бы найдется шаль, которая согреет меня.

Миттху, хотя она никогда бы не признала этого, высоко оценила замечательную предусмотрительность и здравый смысл подруги.

— Хм... — только и хмыкнула она, кинув взгляд на солнце, вполне ясное с виду, размышляя при этом, не стоит ли тоже сбегать за шалью, просто на всякий случай, но решила, что гордость превыше всего.

Раскат грома прокатился по чистому голубому небу, и Канчи в панике вскочила.

— Ну я и идиотка, нервы ни к черту, — выругала она себя.

— Ешь, Канчи. — Миттху постучала черпаком о горшок, раздосадованная собственным испугом.

— Утром я видела Шанту Баджай, несущуюся в свою контору. Она сказала, что явится на рабочее место, даже если никто больше не придет в офис, и, коли суждено, умрет в своем кресле.

— Так с чего бы вдруг случиться концу света? — полюбопытствовала Миттху.

Она не верила, что это произойдет. И в то же время ей было интересно.

— Это все из-за Гириджи[1], — объяснила Канчи. — Все началось, когда он стал премьер-министром и принялся что ни день шастать в Америку. Я слышала, он ослаб, грохнулся в обморок и американский король дал ему денег на лекарства. Вот он вернулся, и все прахом пошло. Может, король Америки дал ему денег и Гириджа продал Непал,

---

[1] *Гириджа Прасад Коирала* — непальский политический деятель, премьер-министр Непала в 1991—1994, 1998—1999, 2000—2001, 2006—2008 гг., после отречения от власти короля Гьянендры с 2007-го исполнял обязанности главы государства, с провозглашением республики 28 мая 2008-го — исполняющий обязанности главы Государства Непал.

может, вот почему. И теперь, может, всё захватят коммунисты.

— Знаешь, Канчи, когда я жила в деревне, я чуть не стала коммунисткой. Звучит-то как хорошо — всем жить вместе, работать вместе, и не будет различий между большими и малыми. Мы бы убили всех богатеев, и наступил бы мир.

— А как же насчет еды? — спросила Канчи. — Тебе бы пришлось есть вместе со всеми, из одной общей тарелки. Как бы это тебе понравилось, тебе, бахуни[1]? Тебе, которая отказывается от пищи, если предполагает, что кто-либо взглянул на нее?

Миттху, привередливый брахман[2], не допускавшая в кухню тех, кого подозревала в употреблении говядины, поняла, что не учла этого момента.

— И они заставили бы тебя работать, пока ты не упадешь замертво, — продолжала Канчи. — И не говори, что я не размышляла над этим. Мне нравится жизнь, когда хотя бы сын рядом со мной по ночам. Но я слыхала, коммунисты забирают твоих детей и заставляют их и тебя работать в разных местах. Они дают тебе работу, с которой тебе не справиться, и когда ты не выполняешь ее, они тебя убивают — банг! — одной пулей. Какой тогда смысл жить?

— Ну... — Миттху не хотелось так легко отказываться от своих симпатий. Кроме того, ее муж умер, когда ей было девять. Вдовство длиной в жизнь позволяло ей не беспокоиться о разлуке с несуществующими детьми. — Что ж, поживем — увидим, не так ли?

— Это как с концом света, — заявила Канчи, придирчиво озирая небо. — Я слышала, великого садху, предсказавшего гибель мира, схватили и бросили в темницу Хануман Дхока[3]. Он кричал, что пускай его повесят, если конца света не будет. Потом кто-то посоветовал ему провести шанти-хом[4], и пламя поднялось так высоко, что сад-

---

[1] *Бахуни* — одна из каст Непала.

[2] *Брахман* — член высшей индийской касты.

[3] *Хануман Дхока* — дворцовый комплекс в Катманду.

[4] *Шанти-хом* — очистительный обряд.

ху обжегся, и его отвезли в больницу. Кто скажет, что может случиться?

Одиннадцать ноль-ноль. Мир сковывает напряженное молчание. Мир застывает в ожидании. И тут страшная какофония разбивает предполуденную тишину: надрывно мычат коровы, заунывно воют псы, и люди на рыночной площади кричат в один голос.

Но плоское серо-стальное небо по-прежнему висит над головами. Солнце светит ярко.

Общий вздох облегчения проносится над долиной Катманду, когда конец света подходит наконец к концу.

ДОМИНИК ГРИН

Атомная мина

Мир в любой момент может оказаться в опасности или на грани гибели в результате космической или человеческой катастрофы, и кто знает, сколько раз это уже происходило в прошлом и сколько раз произойдет в будущем.

Доминик Грин пока не опубликовал ни одной книги, однако несколько его романов можно найти на сайте http://homepage.ntlworld.com/lumfylomax/

Начиная с 1996 года он пишет научно-фантастические рассказы, преимущественно для журнала «Interzone», а представленное ниже произведение в 2006 году вошло в шорт-лист престижной премии «Хьюго». Грин работал в области информационных технологий.

О себе автор рассказывает следующее: «Я рос на севере Англии до восьми лет и на юге Англии до восемнадцати. Это сделало меня культурно всеядным, способным наслаждаться как кровяной колбасой, так и заливным угрем. Я также окончил английскую частную школу и Кембриджский университет, что обеспечило мне карьеру безработного. Могу рекомендовать это всем, кто мечтает совместить удовольствие от стояния в очереди за пособием с трепетом от наличия долга в несколько тысяч фунтов. Как вы знаете, я пишу научную фантастику».

— Мистер, нам сюда.

Девочка потянула Мативи за рукав, и они свернули за угол. Улица, на которой они оказались, была изрыта воронками. Везде валялись мины величиной с ноготь и поражающей силой, достаточной для того, чтобы разнести их обоих на кусочки еще более скромных размеров. Эти мины могли ждать своего часа десятки лет.

Для восстановления разрушенных кварталов строительные компании, как правило, использовали неповоротливых трактороботов. Их модели постепенно совершенствовались — компания «Робоконго» уверенно лидировала среди экспортеров Центральной Африки. Однако белые и те из местных, что побогаче, держались подальше от этой части города — они предпочитали сидеть в центрах дистанционного управления

роботами, которые строили дома для бедных. А тем предстояло жить в постоянном страхе: топнешь ногой посильнее — того и гляди, какая-нибудь мина, оставшаяся под фундаментом твоего дома, заявит о себе.

До этой улицы у трактороботов, видимо, пока не дошли руки: повсюду валялись обломки бетонных плит, битый кирпич и поржавевшие искореженные таблички, все еще уведомлявшие о том, что В ЗДАНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН! СКЛАД ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ЛАБОРАТОРИИ и даже что ПРАВИТЕЛЬСТВО ЗАНЯТО ДЕЛАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВАЖНОСТИ, НЕ МЕШАТЬ!

— Идемте, мистер,— сказала Мативи его юная проводница. — Сейчас вы сами во всем убедитесь. А потом вы еще должны со мной расплатиться.

— Стой, где стоишь! — крикнул Мативи.— Не двигайся!

Он поспешно достал из кармана миноискатель фирмы «Noli Timere»[1]. Огромный опыт военных специалистов свидетельствовал о том, что этот прибор оказывался эффективен только в половине случаев, но половина все-таки лучше, чем ничего.

Сначала Мативи включил его на неполную мощность — ведь поблизости могли находиться ультрасовременные мины, которые реагировали на сигнал миноискателя. Датчик молчал. Мативи просканировал миноискателем участок вокруг себя — опять ничего. Тогда он добавил мощности и снова взглянул на датчик. Обнаружилась всего одна малая противопехотная авиамина на другом конце улицы.

— Эмили, видишь вон тот дом? — указал Мативи.

Девочка кивнула.

— Не ходи туда, там мина. Очень большая. Никогда туда не ходи, ты можешь погибнуть.

Эмили кивнула.

— И все равно она гораздо меньше той штуки, которая забрала Клода,— сказала она.

Мативи не стал спорить.

— Так ты говоришь, та штука все еще там?

---

[1] «Не бойся» *(лат.)*.

— Она всегда там — с тех пор, как я себя помню. Все знают, что она там. И взрослые тоже знают. Когда был СПИД, они даже избавлялись от мертвых с ее помощью, чтобы больше никто не заразился. Некоторые были даже не до конца мертвые.

— Но ведь от трупов нельзя заразиться СПИДом, — удивился Мативи.

— Это вы так думаете, — возразила Эмили.

Мативи понял, что́ она имеет в виду. Пятнадцать лет назад Африка подверглась сильнейшим бомбовым ударам самыми разными видами оружия, в результате чего ВИЧ вполне мог мутировать настолько, чтобы теперь передаваться воздушно-капельным путем. Наука знает подобные примеры: в свое время так мутировала риккетсия геморрагической лихорадки. В результате внезапная вспышка заболевания за один день опустошила все банки крови Йоханнесбурга, а позднее привела к усилению расовой дискриминации в Европе и Америке.

Солнце упало за горизонт со скоростью ножа гильотины — в небесах щелкнул гигантский выключатель, и стало совсем темно. Мативи еще не привык жить на экваторе — в Квебеке и Патагонии, где он работал раньше, вечера были долгими. Экваториальная ночь не желала терять время на сумерки. Прибор ночного видения, как назло, остался в гостинице. Хорошо хоть, фонарик был с собой.

Мативи шел по улице следом за девочкой и чувствовал, как постепенно усиливается ветер. На душе становилось все тревожнее.

— Будьте осторожны, мистер, — повторяла девочка. — Идите строго за мной. А вот здесь лучше пригнуться — берегите голову.

Потом она заметила на руке у Мативи часы «Ролекс», купленные в Киншасе, и сказала:

— Советую вам оставить их здесь.

«Это еще зачем? Не удивлюсь, если, пока мы туда ходим, их стянет один из твоих расторопных дружков», — подумал Мативи, но спорить не стал — снял часы, положил их на камни, а потом, едва девочка отвернулась, незаметно поднял их и сунул в карман.

— Куда теперь? — спросил он.

— Туда.— Эмили махнула рукой в сторону проема в бетонной стене высокого полуразрушенного здания, насквозь продуваемого сильным ветром.

Стоп. Небольшая поправка. Мативи вдруг понял, что на самом деле ветер дует *изнутри* этого здания.

Девочка скрылась в проеме, над которым висела табличка: «Осторожно! Опасно для жизни!» Мативи последовал за ней. В помещении, где они оказались, когда-то были стеклянные потолки: сквозь разбитые грязные стекла сюда пробивался световой сигнал спутника, который находился на геостационарной орбите над Конго, обеспечивая безопасность и правопорядок в стране. На высоте тридцати пяти тысяч девятисот километров над головой Мативи пять тысяч камер непрерывно вели наблюдение за ним и пятью миллионами жителей Киншасы. Поначалу подобное нарушение права граждан на частную жизнь казалось ему возмутительным, но потом он понял, что вероятность того, что в данный момент камеры следят именно за тобой, весьма невелика,— в принципе можно убить пару тысяч человек, прежде чем какая-нибудь из камер застанет тебя на месте преступления.

— Нет, нам не туда, — сказала девочка. — Я покажу, куда дальше. Идите за мной.

Сначала Мативи подумал, что попал на небольшой блокпост, где могли поместиться разве что пулемет да пара коек личного состава, но, когда они прошли немного дальше и спустились по лестнице, он понял, что это не так: помещение оказалось просто гигантским, размером с заводской цех. Они смотрели на этот цех с наблюдательного мостика под самой крышей. Мативи никак не мог хотя бы приблизительно оценить высоту стен.

Ветер гудел здесь так сильно, что приходилось кричать. Мативи едва мог слышать голос Эмили:

— ТАКАЯ ШТУКА ТУТ НЕ ОДНА. ОНИ ВНУТРИ ВОН ТЕХ МАШИН. ИХ ЗАКАЗАЛО ПРАВИТЕЛЬСТВО. НО ДЕЛАЛИ ИХ ТОЧНО НЕ ТЕХНИКИ И НЕ ЭЛЕКТРИКИ — ТУТ НЕ ОБОШЛОСЬ БЕЗ *КОЛДОВСТВА*.

Между тем внешний вид машин ничем не выдавал их колдовской сущности. Неподвижные ряды механизмов на-

поминали строй гигантских, в два человеческих роста, пешек из ржавого металла. Нигде не было видно ни проводов, ни труб. Казалось, эти машины давным-давно стоят здесь без дела. Мативи, однако, понимал, что внешность этих штуковин обманчива: всякий раз при одном их виде он испытывал непреодолимое желание найти более безопасную работу.

— ТЫ НЕ ЗНАЕШЬ, ЗАЧЕМ ОНИ ЗДЕСЬ? — спросил Мативи. Сам он знал ответ на этот вопрос слишком хорошо.

Девочка кивнула.

— В МАШИНАХ ЖИВУТ ДЕМОНЫ, — ответила она. — ЭТИ МАШИНЫ ИМ ВМЕСТО КЛЕТОК. ВОЕННЫЕ, КОТОРЫЕ ВСЕ ТУТ СТРОИЛИ, ПРЕДУПРЕЖДАЛИ ВСЕХ ВЛИЯТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ НАШЕГО ГОРОДА, ЧТО ТУТ ЖИВУТ ДЕМОНЫ. МОЕМУ ОТЦУ ОНИ ТОЖЕ СКАЗАЛИ. А ЕЩЕ ВОЕННЫЕ НЕ ВЕЛЕЛИ ВСКРЫВАТЬ ЭТИ МАШИНЫ. НО СО ВРЕМЕНЕМ ОНИ МОГУТ ПРОГНИТЬ, И ТОГДА ДЕМОНЫ ВЫБЕРУТСЯ НАРУЖУ. ПЕРВЫЕ ДВЕ МАШИНЫ ПОКА ЦЕЛЫ, МЫ ДУМАЛИ, ЧТО И ТРЕТЬЯ ТОЖЕ В ПОРЯДКЕ, А ОНА ВДРУГ КАК СХВАТИТ КЛОДА! ТАК ЧТО БУДЬТЕ ОСТОРОЖНЫ.

— ЧТО ПРОИЗОШЛО С КЛОДОМ? КАК ОНА ЕГО СХВАТИЛА? — спросил Мативи.

Третья машина внешне ничем не отличалась от остальных, на стене возле нее не было видно никаких повреждений. Единственная деталь, которая привлекла его внимание, — почти полное отсутствие пыли на полу вокруг машины.

— ОНА ЗАБРАЛА КЛОДА. ОН ВДРУГ СТАЛ СОВСЕМ МАЛЕНЬКИМ, И ОНА ЗАСОСАЛА ЕГО, — пояснила девочка.

— ВСЕ ЭТИ МАШИНЫ, — Мативи с трудом формулировал вопросы на ломаном лингала[1], — ПОЧЕМУ НА НИХ ВСЕ ЭТИ... ВСЯКИЕ ПРЕДМЕТЫ?

В свете фонарика было видно, что круглые головки пешек украшены сюрреалистическими прическами из при-

---

[1] *Лингала* — язык семьи банту, на котором в настоящее время говорит население двух африканских государств: Республики Конго и Демократической Республики Конго.

магнитившихся предметов — гаечных ключей, кусков проволоки, дверных ручек. Мативи ужаснулся, разглядев в шевелюре одной такой пешки осколочную гранату. Железных предметов в этих прическах было, безусловно, больше, чем всего остального, однако он заметил и какие-то штуки из алюминия, и даже куски дерева и штукатурки.

«Значит, это не просто магнитное поле».

Мативи достал из кармана поддельный «Ролекс», махнул им в сторону машин и сразу почувствовал сильное притяжение. Притягивались не только часы, но и рукав рубашки, и даже сама рука.

До него вдруг дошло, что ветер тоже дует в направлении машин. Ветер словно толкал Мативи в спину, дул даже сверху, из проломов в стеклянной крыше. Казалось, в обратном направлении воздух вообще не мог двигаться.

Наблюдавшая за манипуляциями Мативи с часами девочка укоризненно вздохнула:

— Не надо было вам этого делать. Теперь ваши часы не будут правильно показывать время.

— С Клодом было точно так же? Он примагнитился к машине?

— Нет. Все машины притягивают предметы, но только те, в которых живут демоны, засасывают людей целиком, так что и мокрого места не остается.

— Засасывают людей целиком?

— Людей, предметы — да все что угодно.

— А камни? — Мативи поднял с полу небольшой обломок плиты.

— И камни. Но лучше в них ничем не кидать. НЕТ!

Мативи все-таки запустил камнем в машину. Девочка в ужасе замерла. Они увидели, как камень, долетев до второй машины, изменил траекторию, словно его потянули за невидимую веревку, и вдруг превратился в облако пыли и исчез.

Непослушание Мативи вывело девочку из себя.

— Зачем вы это сделали?! Военные сказали, что нельзя ничем бросать в испорченные машины. Они сказали, от этого демоны становятся сильнее.

— Они абсолютно правы, — кивнул Мативи. — Так оно и есть. Только, знаешь, один камень вряд ли сделает де-

монов намного сильнее. Вот если люди в течение некоторого времени будут постоянно кидать в эти машины всякие предметы, не обладающие собственным электромагнитным полем...

— Я не знаю, что такое «электромагнитное поле».

— Да и не важно. Важно, что в результате мы все можем умереть от этих штук. Я понятно объясняю?

Девочка кивнула.

— Нам не стоит тут долго оставаться. Те, кто проводил здесь много времени, обычно заболевали. Демоны их чем-то заражали.

Мативи не удивился.

— У них, наверное, выпадали волосы, кожа становилась очень бледной, они начинали задыхаться, так?

— Ну да, — невозмутимо ответила девочка. — Проявлялись все типичные симптомы радиационной алопеции и гибели стволовых клеток.

«С ума можно сойти! А впрочем, чему тут удивляться, если эта бедняжка пережила ядерную войну. Уж она-то точно вдоволь повидала жертв радиации. Наверняка учила буквы по надписям на плакатах Красного Креста», — подумал Мативи.

— ЭТИ ДЕМОНЫ ВООБЩЕ ПОХОЖИ НА ТЕХ, ЧТО В ЯДЕРНЫХ БОМБАХ. ОНИ, КОНЕЧНО, НЕМНОГО ОТЛИЧАЮТСЯ, ПОТОМУ ЧТО ЖИВУТ В ДРУГОМ ОРУЖИИ. НО У НИХ ПРАВДА МНОГО ОБЩЕГО.

Девочка кивнула.

— И ВСЕ-ТАКИ ЭТО НЕ ЯДЕРНЫЕ БОМБЫ. ТУТ КОЕ-ЧТО ПОИНТЕРЕСНЕЕ, — сказала она. — ТАК ЧТО ПРИДЕТСЯ ВАМ ЗАПЛАТИТЬ МНЕ ВДВОЕ БОЛЬШЕ.

Мативи не стал спорить:

— ВДВОЕ ТАК ВДВОЕ.

Он достал из кошелька пачку облигаций ООН.

«В конце концов, торг тут неуместен. Завтра мир может погибнуть, кому тогда будут нужны эти бумажки?»

— Говорю же тебе, там их около сорока. Да, я сам видел. Пять рядов, по восемь штук в каждом ряду... Нет, я не в отеле, не хотел звонить тебе оттуда — там наверняка

прослушивают. Нельзя, чтобы знал кто-нибудь еще... Потому что, если туда хоть кто-нибудь, *да кто угодно*, зайдет, может произойти непоправимое — и тогда мы все погибнем. Когда я говорю «мы», я имею в виду все человечество. А когда я говорю «погибнем», я имею в виду «погибнем наверняка», а не «можем погибнуть»... Вот именно — объявляю тревогу... Да, оружие массового поражения... Нет, понятия не имею, что теперь делать... Я могу только попросить тебя дать сигнал тревоги и сделать все, что от тебя зависит, если ты хочешь оставить эту планету своим детям в относительной целости и сохранности... Да, я знаю, но в конце концов они наверняка поймут и простят тебя. С подростками всегда нелегко. Впрочем, ты и сам хорош — после твоей интрижки с их тетей я бы на их месте тоже вряд ли захотел с тобой общаться... Нет, не надо посылать сюда следственную группу. Нужны военные. Лучше даже спецподразделения. И раздобудь им разрешение стрелять на поражение. А то знаю я тебя, опять пришлешь каких-нибудь новичков-миротворцев из Лихтенштейна на белом бронетранспортере. И не забудь сразу же сообщить обо всем в МАГАТЭ. Луи, ты меня понял? Я не шучу... Договорились, встретимся завтра на месте.

Мативи положил трубку. Руки его дрожали. Странные, однако, времена — на ледовом шельфе Антарктики постоянно открыты сотни веб-сайтов, а тут, в городе с пятимиллионным населением, приходится тратить почти пять часов на поиски цифрового телефона. Впрочем, стоит отметить, что всего пятнадцать лет назад это был город с десятимиллионным населением.

Мативи даже не надеялся найти здесь телефонную линию формата связи, совместимого с его криптографическим программным обеспечением. Немногие уцелевшие линии цифровых коммуникаций наверняка хорошо контролировались,— возможно, даже в тот таксофон, которым он только что пользовался, был вмонтирован какой-нибудь допотопный транзисторный микрофон, передающий сигнал на сервер полицейского управления. Но даже если это и впрямь так, по крайней мере, информирована будет только полиция. А вот если бы он воспользовался аварийным

каналом аналоговой связи, к утру о его телефонном разговоре знали бы все домохозяйки города.

Мативи покинул таксофонную будку, подошел к пьяному оператору телефонной станции и расплатился. На столе перед пьянчужкой лежал автомат. Мативи опасался, что на улице его уже будет ждать полицейская машина (разумеется, без опознавательных знаков, но нынче машины здесь могли позволить себе только представители государственных служб), и заранее прикидывал, как отделаться от слежки. Однако улица оказалась пуста.

Солнце выпрыгнуло из-за горизонта с энергичной непосредственностью чертика из коробочки. От телефонной станции Мативи направился через сектор нулевого допуска прямо к своему отелю, который некогда носил гордое название «Хилтон». Там он поднялся в номер и, не раздеваясь, рухнул в постель.

Утром Мативи вышел из номера и направился в единственный функционирующий душ. В коридоре он увидел человека с пистолетом.

Мативи, в общем-то, не испугался ни того ни другого: пистолет был довоенной модели и его явно не чистили с тех пор, как закончилась война, а человек, дрожащий всем телом, как эпилептик в разгар припадка, был хорошо знаком Мативи — глава семейства, отец троих малолетних детей, увлеченный коллекционер моделей поездов и железных дорог.

В сложившейся ситуации, впрочем, вряд ли стоило сомневаться в боеспособности пистолета, ведь его дуло было направлено на Мативи.

— Прости, Чет, я не могу позволить сделать это.

Тут Мативи заметил, что пистолет снят с предохранителя.

— Сделать что? — спросил Мативи.

— Ты не можешь так со мной поступить. Это несправедливо.

— Прости, Жан. Я тебя не понимаю. Может, объяснишь, что происходит?

Жан-Батист Нгойи, ничем особо не выдающийся сотрудник Временной Администрации ООН на территории

бывшей Народной Демократической Республики Конго, пришел убить Мативи, предварительно зачем-то облачившись в парадную форму с громоздким голубым логотипом «ВАООННДЕРКОНГО» на нагрудном кармане.

— Я не позволю тебе забрать их. — Нгойи чуть не плакал.

— Забрать что? О чем ты?

— Сам знаешь. Все знают. Мы слышали твой разговор со штабом.

Мативи прошиб холодный пот. «Нет, только не это. Черт возьми, нет». Он прислонился спиной к стене, остатки штукатурки на которой образовывали странный постмодернистский орнамент.

— Жан, ты меня, конечно, прости, но если даже ты информирован, надо полагать, все обладатели здравого ума и электронной почты в этом городе тоже в курсе. — Мативи испытующе посмотрел на Нгойи. — Значит, в том таксофоне был «жучок»?

— Нет, просто оператор той станции — сводный брат начальника личной охраны президента Лиссубы[1]. После всеобщей амнистии многие из людей Лиссубы пошли служить в полицию.

— И что теперь, черт возьми? Что они собираются делать?

— Они все время говорят, что «для разрешения возникшей проблемы в срочном порядке принимаются все необходимые меры». А еще выписан ордер на твой арест — «для обеспечения твоей безопасности». Вот только они никак не могли выяснить, в каком ты отеле. Мне позвонили, чтобы выяснить, не знаю ли я, где тебя искать.

Мативи принялся ходить по коридору туда-сюда, пытаясь сосредоточиться.

— Все ясно. О боже, но ты же не сказал им, где меня искать? Значит, ты на самом деле не то чтобы уж очень хочешь меня убить?

Мативи пытался таким образом смягчить Нгойи. Но пистолет по-прежнему неумолимо смотрел в грудь Мати-

[1] *Лиссуба Паскаль* — президент Республики Конго в 1992—1995 гг.

ви — и даже вроде бы стал меньше трястись. В конце концов, попытаться все равно стоило.

— Это значит только то, что я не могу позволить, чтобы они и впрямь арестовали тебя «для обеспечения твоей безопасности». Хотя, возможно, они правы: убийство инспектора ООН по вооружениям в конце концов неминуемо навлечет подозрения на тех, кто больше всего наживался на этой дряни.

— Насколько я понимаю, представители местных властей непосредственно участвовали в установке контейнеров. Но ведь даже если так, они должны знать, что на все военные преступления распространяется амнистия...

Нгойи покачал головой:

— Амнистия не распространяется на преступления, совершенные после войны.

— Как это — после? — удивился Мативи.

— Они использовали эти машины как орудие казни, — ответил Нгойи. — Очень удобно: ни тел, ни улик, ни следов. И вообще, от этих машин сплошная польза. Местные жители их так боятся, что, если пригрозить им расправой при помощи такой штуки, они согласятся сделать что угодно. Они всерьез верят, что в машинах живут демоны...

— В общем-то, они недалеки от истины, — пробормотал Мативи.

— ...а еще машинами пользовались похоронные бюро, особенно для массовых погребений. Во время эпидемий сотни трупов было просто некуда больше деть — иначе они так и лежали бы на улицах. Кроме того, в эти контейнеры постоянно сбрасывают бытовые отходы: пять грузовиков еженедельно подъезжают к зданию и вываливают мусор через проломы в стеклянной крыше. Да и наши грузовики...

— Ваши?

— Ну да, грузовики, обслуживающие офис ООН, тоже вывозят мусор туда. Обычно три раза в неделю, иногда четыре или пять. — Нгойи поймал на себе осуждающий взгляд Мативи. — Ах, ну да, конечно, ООН выдает нам дозиметры, и распылители бактериальной пены, которая фиксирует радиоактивный осадок, и приборы для нейтра-

лизации этого осадка, которые поглощают его и помещают в емкости из свинцового стекла...

— Которые, в свою очередь, должны передаваться сотрудникам МАГАТЭ для последующего захоронения в Дьявольской Штольне, на юге Пустынных Равнин в Антарктиде, — закончил за него Мативи. — Но ты ведь не считаешь нужным выполнять инструкции? Зачем тебе это, если есть куда более легкий способ решения проблемы?

— ООН дает нам не более пяти миллионов в год, — пожаловался Нгойи. — По малопонятным законам африканской экономики до нас обычно доходит не более полумиллиона. А ты хоть представляешь, сколько стоит доставка одного килограмма радиоактивных отходов в Антарктиду?

— Это не мои проблемы, этим должен заниматься ты, — настойчиво произнес Мативи, не сводя взгляда с дула пистолета. Впрочем, теперь ему уже было не страшно.

— Но ведь буквально пару дней назад, помнишь, мы с тобой заходили в бар «Би Долл», речь тогда зашла об астрофизике, и ты сказал мне, что ни один объект, попавший за горизонт событий черной дыры, не может вернуться обратно. — Нгойи выглядел очень расстроенным. — Ты же говорил, что готов в этом поклясться.

— Так оно и есть, — сказал Мативи. — Именно так, только так, и никак иначе.

— Но тогда, значит, все в порядке. — Тут лицо Нгойи осветила почти безумная радость. — Никаких проблем нет. Почему бы нам в таком случае и не сбрасывать туда отходы?

— Каждый из этих контейнеров способен удерживать внутри себя магнитно заряженный объект, превосходящий по весу десять линейных кораблей, — объяснил Мативи. — Поэтому контейнеры стоят на армированном бетоне. Поэтому они обшиты намагниченным металлом, который притягивает к себе железные предметы. А как ты думаешь, что произойдет, если масса незаряженного вещества внутри этих контейнеров возрастет? Ведь, как я уже говорил, ни один объект, попавший за горизонт событий черной дыры, не может вернуться обратно. Ни один. Никогда. Ни я, ни ты, ни Макемба, ни Кимбарета, ни малышка Лоран.

Нгойи помрачнел. Впрочем, как оказалось, у него был еще один аргумент в собственную защиту.

— Но мы сбрасываем туда совсем немного — всего несколько сотен килограммов в неделю. Это гораздо меньше, чем бытовые отходы.

— А, ну тогда и правда все нормально. Тебе не в чем себя упрекнуть — лично ты не будешь виноват в том, что наша планета провалится в черную дыру, в этом будет виноват кто-то другой.

— Имей в виду, туда еще сливают сточные воды,— продолжал Нгойи. — Каждый день в контейнеры поступают тысячи литров жидкости.

Мативи чуть не сел:

— Сточные воды?!

— Ну да. Туда временно направлен весь сток городской канализации. Правда, крайние трубы все время приходится заменять, потому что машины их постоянно засасывают.— Нгойи пожал плечами.— Сам понимаешь, если не сливать в эти штуки дерьмо пяти миллионов жителей города, все эти пять миллионов вскоре останутся без питьевой воды.

— Жан-Батист, вы должны это прекратить. Немедленно. Вы сами не знаете, что делаете.

Дуло пистолета все еще смотрело в грудь Мативи. На какой-то миг оно перестало раскачиваться и впилось ему прямо в солнечное сплетение.

— Я *точно* знаю, что делаю. Я пытаюсь прокормить свою жену и детей.

Палец на мгновение замер на курке, преодолевая сопротивление спусковой пружины. Мативи закрыл глаза.

В пистолете что-то щелкнуло, но выстрела не последовало.

Нгойи растерянно уставился на ставшее бесполезным оружие.

— Предупреждаю, я был капитаном команды по карате в своем университете,— солгал Мативи.

— Знаешь, на твоем месте я бы здесь не задерживался,— посоветовал Нгойи.— Когда я добирался сюда, мне показалось, за мной ехал инспектор муниципальной ка-

пализационной службы. На крыше его машины установлен реактивный гранатомет.

На серых асфальтовых волнах разбитого шоссе машина то взлетала, то падала — подвеска старенького «хёндая» проходила серьезное испытание на прочность, днище автомобиля то и дело ударялось о поверхность дороги.

— Где тебя лучше высадить? — спросил Мативи своего попутчика.

Машина мягко затормозила у края огромной воронки на месте железнодорожного переезда, который во время войны подвергся сильнейшим бомбардировкам. Тракторо-боты вели здесь ремонтные работы, при этом управлявшие ими операторы не обращали никакого внимания на проезжающие мимо автомобили, каждый из которых весил в десять раз меньше любого тракторобота-сапера. На этом участке дороги почему-то не горели фонари, так что видно было только, как в темноте над ухабами прыгают, будто дискотечные прожекторы, фары встречных машин. А тракторо-ботам для работы свет был не нужен.

— Высади меня у стадиона. Оттуда ходит автобус прямо до Нджили.

— Ты там живешь? Это же вроде далеко от города.

— Видишь ли, у нас тут не такая зарплата, как в Женеве,— огрызнулся Нгойи, глядя на дорогу перед собой, и вдруг изменился в лице.— Останови машину! Тормози! Ну же!

— Что такое? — Мативи тоже смотрел на дорогу, но не видел ничего особенного.

— Впереди четыре машины тайной полиции!

И как только Мативи сам их не заметил! Четыре внедорожника казались алюминиевыми островами в полиуретановом море обычных африканских машин. Каждый из них стоил столько, сколько обычный житель Киншасы и за год не зарабатывал.

— Но дорогу они вроде не перекрыли,— заметил Мативи.

— Какая разница? Ты же в розыске!

— Это больше похоже на эскорт. Смотри, они сворачивают на Дьело-Бинза. Похоже, сопровождают вон тот

огромный грузовик — на таких, кажется, обычно транспортируют баллистические ракеты к местам их дислокации в Малебо. — Мативи выглянул из окна. — Ну да, вон тот, за которым что-то тянется по дороге...

Он съехал на обочину, чтобы срезать путь к шоссе на Дьело-Бинза. В этих краях езда по бездорожью мало чем отличалась от езды по шоссе. В Киншасе люди предпочитали дороги только потому, что те проверялись саперами, и, следовательно, там было меньше шансов подорваться на мине.

Мативи и Нгойи не раз приходилось ездить по минным полям, но оба с облегчением вздохнули, когда под колесами машины снова оказалась дорога. Теперь внедорожники, за которыми они следовали, подобрались совсем близко — можно было даже рассмотреть людей из группы сопровождения: они выглядели сонными и постоянно зевали. Видимо, их подняли по тревоге. Кое-кто из них был в форме, остальные в футболках, у некоторых на поясе висело табельное оружие, другие держали в руках «акаэмы» времен войны.

Грузовик, который сопровождали внедорожники, занимал три полосы движения. За ним, как свадебный кортеж, тянулась вереница беспрерывно сигналящих машин. На самом деле водители напрасно истязали клаксоны, потому что, даже если бы этого грузовика не было, они вряд ли смогли бы ехать намного быстрее — воронки усеивали все шоссе.

— Глазам не верю. — Мативи выглядел крайне удрученным. — Неужели они всерьез надеялись незаметно от меня провезти по городу штуку весом миллион тонн?

Нгойи удивленно уставился на него:

— Ты что, всерьез думаешь, что в этом грузовике те машины?

Мативи кивнул:

— Да, там наверняка одна из них, один контейнер. Они везут его через весь город, потому что боятся, что у них его заберут... Интересно почему? — Тут он подмигнул Нгойи.— Не иначе, их попросили об этом представители канализационной службы.

Внезапно начался очередной неосвещенный участок дороги. Мативи даже фары включить не успел.

— Да что это такое?! Почему фонари не горят? — возмутился Мативи, и тут же им обоим пришлось зажмуриться, потому что темный участок закончился.

Наконец до Мативи дошло. На том участке не только не горели фонари — там не было света в домах, вообще не было электричества.

— Вот, значит, как.

— О чем ты?

— Они, похоже, едут к электростанции. Вам ведь, идиотам, хватило ума еще и подключить к этим штукам систему электроснабжения. Или я не прав?

Нгойи помедлил с ответом, но потом понял, что отрицать бесполезно, и кивнул:

— Мы начали изучать такое оборудование в конце войны. Но это был мирный проект. — Нгойи, похоже, все еще пытался оправдаться. — Мы собирались использовать эти машины в мирных целях. Один наш молодой коллега, очень умный парень, доктор наук, выпускник Калифорнийского университета, выдвинул гипотезу, что, если в горизонт событий черной дыры под определенным углом направить инфракрасный лазерный луч, он вернется в виде гамма-лучей. Мы попробовали использовать эти лучи для нагревания резервуара с ртутью. То есть сначала попытались нагревать ими воду, но при вспышке она испарялась, а земля вокруг резервуара превращалась в стекло. — Нгойи явно нервничал: он то и дело облизывал губы. — Сложнее всего было сконструировать систему турбин, работающих на ртутных парах. Многие мои коллеги отравились испарениями ртути и погибли.

Наконец Мативи догадался, откуда Нгойи столько знает обо всем этом.

— Неужели ты был одним из ученых, которые работали на правительство Лиссубы?

— Думаешь, в те времена физику позволили бы спокойно жить в Народной Демократической Республике и заниматься чем-то, кроме разработки новых вооружений? — Нгойи невесело рассмеялся. — Наивный! А потом, когда на-

ступило мирное время, мы стали использовать эту технологию для подачи электроэнергии в дома пяти миллионов горожан.

— Та-а-ак... Но ведь ты же сам прекрасно знаешь, что законы термодинамики не знают исключений. На выходе всегда получается меньше, чем было на входе. Ты же должен понимать, что все это время энергия вырабатывалась за счет использования углового импульса вещества, содержащегося в контейнере. И я готов побиться об заклад, что эта субстанция произведена незаконно на том самом ускорителе в Лубумбе, в необходимости строительства которого президент Лиссуба сумел-таки в свое время убедить членов комиссии ООН. Он, помнится, говорил тогда, что это «оживит экономику Конго»...

Нгойи недовольно поморщился:

— На самом деле он тогда сказал, это «оптимизирует экономику Конго». Слово-то ведь какое: «оптимизирует».

Мативи кивнул:

— Но ведь тому ускорителю наверняка потребовались гигаватты энергии, чтобы сотворить такую штуку, — тысячи гигаватт из все той же городской системы энергоснабжения. Так что на самом деле вы сейчас используете энергию, которую пятнадцать лет назад кто-то украл у вашего же народа и запихал в те контейнеры. Сам подумай, стоит ли так делать? Жан-Батист, неужели ты, как ребенок, веришь, что заводные куклы ходят сами? Неужели до сих пор не понял, что их нужно заводить? Ту штуку тоже однажды завели, и пока часовой механизм этой мины замедленного действия отсчитывает время, но в конце концов она взорвется, и тогда весь мир превратится в огромную массу неупорядоченного вещества.

— Ты, наверное, прав, — вынужден был признать Нгойи. — У этого механизма, кажется, действительно заканчивается завод. С каждым годом он дает все меньше и меньше энергии.

Грузовик, за которым они ехали, внезапно с грохотом остановился, подняв огромное облако пыли, в котором с успехом могло бы укрыться небольшое стадо носорогов. Металлическая громадина перегородила дорогу, и три ко-

лонны машин, которые ехали за ней, тоже были вынуждены остановиться — все шоферы Конго в таких ситуациях, по-видимому, поступали одинаково: они одновременно жали на тормоз и на клаксон. Больше всех не повезло водителю, машина которого оказалась в опасной близости от гигантских гусениц грузовика,— их траки были величиной со средних размеров дом. Край гусеницы только слегка задел машину, но та лишилась крыши и превратилась в кабриолет. В воздухе летали хлопья краски. Машина, оказывается, была металлическая, какой-то древней афганской модели. Так что у водителя оставался шанс уцелеть. По крайней мере, Мативи на это надеялся.

Подоспевшие полицейские высыпали из патрульных машин и со всех сторон пробирались к грузовику. Они смотрели на него со страхом и удивлением. Некоторые при этом крестились.

Мативи поставил машину на ручной тормоз, вышел и тоже направился к грузовику. Кто-то окликнул его и велел остановиться, но Мативи не отреагировал.

Правая сторона внедорожника провалилась под асфальт. Торсионы его подвески из материала гораздо более прочного, чем сталь, каждый толщиной с бревно, покрылись трещинами, как прибрежные скалы. Было видно, как в кузове под тентом накренился груз.

Подойдя поближе, Мативи явственно расслышал легкий свист, доносящийся из отверстия в тенте.

Кое-кто из полицейских уже пытался заглянуть в кузов. Увидев это, Мативи замахал руками, как isangoma[1], и закричал:

— Нет! Осторожно! Trés dangereux![2]

Один из полицейских оглянулся, посмотрел на Мативи как на полного идиота и решительно приблизился к кузову. Рукав его рубашки затрепетал и стал притягиваться к отверстию в тенте. Потом рука полицейского примагнитилась к тенту. Полицейский закричал, изо всех сил стараясь высвободить руку. Его товарищи от всей души веселились,

---

[1] Предсказатель, колдун, знахарь *(зулу)*.

[2] Это очень опасно! *(фр.)*

наблюдая, как мастерски их коллега разыгрывает этого чокнутого иностранца.

А потом полицейский исчез.

Впрочем, исчез он не сразу. Мативи и стоявшие рядом полицейские слышали, как захрустели кости, потом рука скользнула под тент, словно платок в карман фокусника, потом туда же начали погружаться голова, туловище, ноги. Все увидели, как тело несчастного вдруг вспыхнуло багровым светом: от этого кожа, кости, сосуды — все то, что совсем недавно было живым организмом, — превратились в бурую массу, которая мгновенно исчезла под тентом. На тенте осталось только алое пятно, очертания которого отдаленно напоминали человеческую фигуру, — струйки крови, вопреки законам гравитации, со всех сторон устремились к черному отверстию, в котором только что пропал человек.

Поражепные происшедшим, полицейские повернулись и поглядели на Мативи, словно ждали от него объяснений, потом опять воззрились на внедорожник.

— Alors, chef, — один из них обратился к Мативи по-французски, — qu'est-ce qu'on fait maintenant?[1]

— Эти штуки вышли из-под контроля, — с трудом выговорил Нгойи. В глазах его блестели слезы — бедолага с минуты на минуту ждал неизбежного апокалипсиса. — Все кончено, мы их больше не контролируем. И часть вины за это лежит на мне.

Мативи покачал головой:

— Сдаваться рано. На самом деле они еще не вышли из-под контроля. Пока не вышли. Например, мы все еще можем точно определить местоположение этой штуки, хотя бы путем скармливания ей еще пары-тройки полицейских. Контейнер, в который была помещена черная дыра, просто прогнил. Поэтому она стала засасывать материю извне.

— Нет, он не прогнил, — возразил Нгойи. — Он не мог прогнить — он отлит из сверхпрочного никелевого сплава.

---

[1] Ну, начальник, и что теперь делать? *(фр.)*

Скорее всего, это один из тех контейнеров, в которых мы специально проделали отверстия, чтобы пропускать через них инфракрасное излучение. А с противоположной стороны в них должно быть второе отверстие — для выхода гамма-лучей.

Мативи все понял. Так вот почему демоны живут не во всех машинах.

Нгойи все еще с опаской смотрел на грузовик:

— А эта штука может перевернуться?

— Нет, не может. Едва она начинает крениться, как тут же сама восстанавливает равновесие. Наверное, как раз из-за этого грузовик так резко остановился. Ты же сам знаешь, мы имеем дело с небольшим объектом, обладающим огромной скоростью вращения и массой более тысячи тонн. Вряд ли можно всерьез говорить о гироскопической стабильности подобного объекта...

— КЕТЧВАЙО[1] БРАЙАН МАТИВИ! ИМЕНЕМ МИРОТВОРЧЕСКИХ СИЛ ООН НА ТЕРРИТОРИИ КОНГО ВЫ АРЕСТОВАНЫ!

Мативи обернулся и увидел начальника полиции с мегафоном. Знаки отличия на форме представителя правопорядка были начищены до такого неимоверного блеска, что Мативи с трудом мог разглядеть, в каком чине тот находится.

Мативи вздохнул и начал переговоры:

— Послушайте, лейтенант...

— Я не лейтенант, я майор, — поправил его полицейский.

— Послушайте, майор, я прибыл в вашу страну с миссией предотвращения катастрофы, масштабы которой могут быть настолько огромны, что я бы очень не советовал вам сейчас арестовывать меня и препятствовать моей деятельности. Знаете, что может произойти, если этот грузовик опрокинется и содержимое его кузова свалится на дорогу?

---

[1] *Кетчвайо* (ок. 1826—1884) — последний зулусский инкоси (верховный правитель) в 1873—1879 гг. и на части территории Южной Америки с 1883 г. Здесь, видимо, употребляется в качестве обращения.

В ответ майор только пожал плечами:

— А знаете, что будет, если кто-нибудь узнает, что я видел вас и не арестовал? Меня уволят, и моя жена и дети умрут с голоду.

Мативи стал медленно пятиться.

— Эй, куда это вы?! — Майор демонстративно щелкнул предохранителем пистолета.

— Я знаю, что произойдет, если вы не арестуете меня. Вы еще забыли сказать, что, если вы этого не сделаете, весь город скоро останется без электричества, так что не только ваша, но и многие другие семьи могут умереть от голода, — сказал Мативи, старательно обходя стороной грузовик, вокруг которого вилась пыль и, словно под ветром, гнулась трава.

Он махнул рукой в сторону темных очертаний города:

— Видите, перебои с электричеством уже начались, а все потому, что из-за транспортировки этой штуки прекратилась подача энергии с нее на электростанцию. В результате в домах перестали работать холодильники, электроплиты, в больницах не действует реанимационное оборудование. Я все прекрасно понимаю.

Мативи медленно поднял руки, чтобы все видели, что он безоружен. Потом, одной рукой ухватившись за борт грузовика, он запрыгнул на его кабину, так что кузов машины оказался между ним и майором.

— Но я уверяю вас, вы и представить себе не можете, что произойдет с вашей и со многими другими семьями, если я все-таки разрешу вам транспортировать содержимое кузова этой машины в Дьело-Бинза. Вы не знаете, что в этом контейнере. А я знаю.

— Должен предупредить вас, что, если вы попытаетесь бежать, я буду вынужден стрелять. Мне даны соответствующие полномочия, — сказал майор, целясь в Мативи из пистолета.

— Разве я пытаюсь бежать? Смотрите, я только что добровольно залез на один из ваших же грузовиков.

Мативи не моргая смотрел на пистолет, от которого теперь зависела его жизнь. Потом он вдруг слегка при-

гнулся, так что майору тоже пришлось опустить дуло пониже — он целился прямо в грудь Мативи.

— Немедленно слезайте с грузовика! — крикнул полицейский. — Или я буду стрелять!

Мативи облизал пересохшие губы и подумал, что дважды за один и тот же день оказаться под дулом пистолета — это как-то чересчур. Впрочем, в отличие от предыдущего раза, в этой ситуации он еще лихорадочно пытался в уме проверить правильность своих расчетов. А что, если он ошибся с релятивистским эффектом? Надо, чтобы пуля прошла прямо над отверстием в тенте...

— И не подумаю.

Полицейский нажал на курок. Раздался оглушительный выстрел, из дула пистолета вырвалась вспышка пламени. Мативи остался неуязвим.

Майор остолбенел и уставился на того, кому по всем правилам полагалось быть мертвым.

— Как я уже говорил, — невозмутимо продолжал Мативи, — в отличие от вас, я знаю, что́ находится в кузове этой машины. Может быть, вы все-таки не станете мешать мне выполнять мою миссию?

От удивления глаза майора стали даже чуть шире его полномочий на применение огнестрельного оружия. Он опустил пистолет. У бедолаги дрожали руки.

— Может быть, — сказал он и зачем-то добавил: — Сэр...

Машину Мативи затерло массой людских тел — к счастью, вполне живых, несмотря на непосредственную близость к ним сверхоружия массового поражения. На дорогу вышли тысячи местных жителей в пестрых шелковых футболках с надписями на самых разных языках — эти футболки в страну доставляли в качестве гуманитарной помощи миротворцы всех национальностей, которые стремились таким образом заслужить доверие народа Конго, понесшего значительные потери в результате голода и военных действий Третьей мировой войны. От места, где стоял грузовик, толпу отделяли наспех установленные голубые щиты. Мативи решительно направился к ограждению из липучей проволоки, пущенной поверх этих щитов, на которую то и дело

толкали друг друга неосторожные зеваки. Липучая проволока отличалась от колючей в основном тем, что ее шипы прилипали к коже, проникали в нее примерно на сантиметр, и их мог извлечь оттуда только хирург, причем вместе с кожей. По сравнению с липучей проволокой колючая была совсем безобидна.

Патрульные, охранявшие единственный въезд за ограждение, расступились и отдали честь военным в самолете с эмблемой ООН. Мативи тоже пробирался к этому «Боингу V-22 VTOL[1]» старой модели, на пассажирском сиденье которого расположился тучный негр в камуфляже ужасного покроя, беспрестанно говорящий по многочисленным мобильным телефонам. Мативи знал, что назначение телефонов определяется по цвету их корпуса. А вот «боинг», на котором этот человек сюда прибыл, когда-то был белого цвета. После многих лет, проведенных в Конго, теперь это был, скорее, цвет видавшей виды сантехники в общественной уборной.

Мативи внимательно наблюдал за тем, что происходит на огражденной территории. Весь участок был забит военной техникой. Мативи узнал установку японского производства для обезвреживания ядерных боеголовок, не разорвавшихся по причине сбоя в работе взрывателя. Сверхчувствительные сенсоры установки наверняка смогут уловить даже минимальное гамма-излучение, возникающее в результате реакции деления. Нейтрализующий снаряд сто двадцатого калибра влетит внутрь контейнера — в результате наверняка погибнет человек, управляющий работой установки, и участок покроет слой радиоактивных осадков. Хотя, возможно, несколько миллионов мирных жителей в округе все-таки ухитрятся уцелеть...

В конце концов Мативи кое-как удалось подобраться к «боингу».

— Эй, Луи, КАКОГО ЧЕРТА там ВЫТВОРЯЮТ мартышки из отдела обезвреживания?! — закричал Мативи.

В окне показалась голова Гросжана.

---

[1] *VTOL* (от *англ.* vertical take off and landing) — вертикальный взлет и посадка.

— А, Чет, это ты! Ну привет! Все вроде правильно — в полном соответствии с процедурой обезвреживания оружия на основе опасных источников гамма-излучения.

— Во-первых, это не совсем оружие...

Гросжан недоверчиво улыбнулся:

— Эта штука может уничтожить всю планету, и ты считаешь, что это не оружие? Тогда что?

— Там еще тридцать девять таких штук, и каждая способна уничтожить Землю. Но это уже не оружие: сам подумай — кто станет использовать оружие, от которого может погибнуть вся планета?

Гросжан помедлил, потом кивнул:

— А для чего понадобились эти штуки? Наверняка для производства какого-нибудь оружия?

— Скорее, это побочный продукт производства оружия. Они использовались как составляющие ускорителя Пенроуза.

— Это все твои домыслы.

— Ну да, мои домыслы, но я как-никак инспектор по вооружению, а ты всего лишь сотрудник службы безопасности. Было время, когда мы в ООН подозревали правительство Народной Демократической Республики Конго в том, что оно использует оружие Пенроуза в войне против Народной Демократической Республики Конго. Ну, например, под Преторией они применили снаряды с сотнями тонн опасных биологических веществ, каждый из которых был выпущен с расстояния около четырех тысяч километров. Когда подразделениям ООН удалось сломить сопротивление мятежного правительства, военные следователи приступили к изучению использованного оружия, но оказались в тупике. На ракетных установках стояли обычные магнитные ускорители, которые, судя по показателям начальной скорости, могли оказаться эффективны только при наведении снаряда. Они не были способны доставить снаряд к цели. В установках явно чего-то не хватало. Что-то должно было приводить эти снаряды в движение, и это явно не магнитные ускорители и не взрывчатые вещества. Ведь те снаряды оказались действительно гигантских размеров и летели с огромной ско-

ростью. Помнишь вспышку бешенства в Новой Зеландии два года назад, вызванную непонятным вирусом, который передавался воздушно-капельным путем? Наверняка это тоже их рук дело. Скорее всего, военные Конго запустили снаряд со слишком большой скоростью, так что он вылетел на околоземную орбиту, а потом, тринадцать лет спустя, сошел с нее и упал на землю. При использовании взрывчатки и магнитных ускорителей такого никогда не происходит.

— И что же это, по-твоему, было?

— Ускоритель Пенроуза. Берется огромная масса вещества, вращающегося с достаточной скоростью, чтобы образовать вокруг себя орбиту, и по этой орбите запускаются снаряды, движущиеся против направления вращения общей массы. В результате траектория половины снарядов отклоняется внутрь орбиты и они попадают во вращающуюся массу, в то время как траектория остальных снарядов отклоняется в противоположном направлении и они начинают с огромной скоростью удаляться от общей массы. Вся эта система работает только при условии, что ее масса достаточно велика для того, чтобы развить скорость вращения больше скорости света.

— Черная дыра!

— Совершенно верно. И сейчас в нашем распоряжении находятся тридцать девять радиоактивных черных дыр, которые когда-то использовались в качестве ускорителей в ракетных установках, а теперь вроде как остались не у дел. Ну и плюс еще одна черная дыра в кузове вон того грузовика — прямо посреди трассы на Дьело-Бинза. И единственный способ избавиться от них, я считаю, — это воспользоваться еще одной черной дырой, побольше этих, и запустить их на орбиту. Из них исходит гамма-излучение, и при этом они постоянно поглощают материю. Так что если у тебя хватит ума использовать одну из вон тех установок или, не дай бог, применить оружие...

— ГОСПОДИ ИИСУСЕ! — Гросжан увидел, что его люди как раз готовят ракетную установку, чтобы расстрелять контейнер артиллерийскими снарядами. Он бешено зама-

хал руками и бросился к ним, крича: — Нет! Стойте! ARRÊTE! ARRÊTE![1]

Военные подчинились приказу.

Гросжан выглядел совсем растерянным:

— А мы еще жаловались на то, как нелегко избавляться от ядерного оружия.

— Ну да, все относительно,— согласился Мативи.— А теперь посмотри вон туда.— Он показал в сторону шоссе.

Недалеко от линии оцепления стояло два фургона с логотипом «ВАООНДЕРКОНГО», как на форме у Нгойи, и светящейся рекламой «ЗДЕСЬ ВЫ МОЖЕТЕ КУПИТЬ СВЕТ И ТЕПЛО». С этих фургонов велась активная торговля небольшими просмоленными брусочками, которые в темноте светились мягким зеленоватым светом. Из близлежащих домов выходили люди, разглядывали брусочки, приценивались и в конце концов покупали эти импровизированные лампочки, от которых было и тепло, и светло.

— Если это то, что я думаю, надо немедленно остановить их.— Гросжан метнулся было в сторону фургонов.— Это же очень опасно!

— Я думаю, тебе не стоит вмешиваться. Ну да, от этих лампочек погибнет два десятка семей, но тут уж ничего не поделаешь. В конце концов, городу нужны свет и тепло.— В голосе Мативи звучал злобный энтузиазм.— Так что люди Жана-Батиста таким образом удовлетворяют самые насущные потребности своих сограждан. Или я не прав, Жан-Батист?

Нгойи все еще сидел в машине Мативи и с грустью наблюдал, как его подчиненные продают мирным жителям радионуклиды. Ему было стыдно смотреть в глаза Мативи. Он достал из внутреннего кармана пистолет, из которого утром собирался пристрелить Мативи, и начал медленно и методично чистить его затвор — наверняка утром осечка вышла из-за неполадки в затворе.

— А теперь, когда вы оценили территорию, я думаю, можно начинать действовать. Я уже связался с МАГАТЭ. Отряд немедленного реагирования скоро будет здесь.

---

[1] Остановитесь! *(фр.)*

Нгойи невозмутимо вытащил из барабана патрон, протер его и вставил на место. Гросжана, похоже, удивили слова Мативи.

— Ты хочешь сказать, что *уже* существуют отряды немедленного реагирования для подобного рода чрезвычайных ситуаций?

— А как же иначе? Ты ведь не думаешь, что здесь произошло нечто из ряда вон выходящее? Так бывает с любым новым оружием. Как только физики создают его, обязательно находятся какие-нибудь мелкокалиберные диктаторы, которые начинают тянуть к нему свои жадные ручищи и в конце концов благополучно до него дотягиваются, абсолютно позабыв, разумеется, известить об этом мировую общественность. В любой стране мира — где угодно — могут находиться десятки и сотни таких вот черных дырок. При одной лишь мысли об этом у меня волосы встают дыбом. Я говорил с одним инженером, который недавно вернулся в Европу из одной такой страны... Судя по его загару, это тоже была какая-то южная страна. Он сказал, что там таких штук предостаточно, — он сам видел несколько тысяч. Специалисты ООН сейчас пытаются найти способ их уничтожить, но пока что все эксперименты по закрытию черных дыр заканчиваются так называемым испарением Хокинга — это явление по своей разрушительной силе сопоставимо со взрывом ядерной боеголовки весом около тысячи тонн. А если хотя бы одна из таких штук окажется вне контейнера, она войдет в земную кору, как камень в воду, доберется до земного ядра, потом направится обратно к поверхности, потом снова начнет приближаться к ядру — и этот маятник постепенно будет раскачиваться все медленнее и медленнее, постоянно поглощая земную материю, пока в конце концов не уничтожит всю планету. Земля попадет внутрь черной дыры. Никто не знает, сколько времени будет продолжаться агония — несколько недель или несколько веков. На этот счет мнения астрофизиков сильно расходятся. И знаешь, что во всем этом самое забавное? — Мативи натянуто улыбнулся. — Знаешь, что не перестает меня радовать?

— Что? — Лицо банту[1] Гросжана стало светлее, чем у бура[2].

В этот момент в салоне машины Мативи раздался слегка приглушенный выстрел.

— Самое забавное, что никогда нельзя знать наверняка, нет ли таких штук еще в каком-нибудь укромном месте. Кто угодно и где угодно может проводить несанкционированные эксперименты с черными дырами. И мы об этом никогда не узнаем, потому что подобные проекты всегда строго засекречены. Точно так же мы никогда не можем быть уверены в том, что какая-нибудь черная дыра уже не вырвалась на свободу. Может быть, она, как этакий огромный детский мяч, уже давным-давно совершает свои немыслимые скачки в недрах нашей планеты. Если это так, то рано или поздно мы, конечно, обо всем догадаемся по гравитационным аномалиям, изменившимся показателям сейсмометров и других приборов... Может быть, нашему миру осталось жить совсем немного — каких-нибудь два десятка лет, а мы как были идиотами, так и остаемся. В общем, Луи, будь так добр, проверь надежность ограждения и охраны.

Гросжан с усилием сглотнул, потом кивнул. Мативи, насвистывая, направился к своей машине, достал из кармана телефон, набрал номер — о чудо, телефон работал!

— Привет, милая... Нет, пока нет, еще пару дней... Да, все как всегда. Нет, ничего опасного, все прошло благополучно... Представляешь, в меня стреляли, но, как всегда, мимо. А все потому, что евклидово пространство безнадежно устарело... Да, евклидово. Объясню, когда приеду... Ну ладно, мне пора. Прилетаю послезавтра в девять утра рейсом из Киншасы.

Мативи положил телефон в карман и подошел к машине. По всему лобовому стеклу с пассажирской стороны растеклась кровь — Нгойи застрелился. «Ну что же, он сам решил свою собственную проблему, — подумал Мативи, — а машину все равно завтра возвращать в прокат. Хо-

---

[1] *Банту* — группа народов в Южной и Средней Африке.

[2] *Бур* — голландский поселенец в Южной Африке.

рошо хоть, боковое окно было открыто — салон пострадал гораздо меньше, чем тогда в Квебеке, где то же самое проделал подлец Ламант. Помнится, тамошние проходимцы из службы проката заставили чистить салон».

Мативи посмотрел вокруг:

— Ну что, шарик голубой, опять я спас тебя от верной гибели? Право же, не стоит благодарности!

Мативи улыбнулся. Впервые за много дней.

КЕЙТ ВИЛЬГЕЛЬМ

Кровопускание

В последние годы большую известность приобрели криминальные романы Кейт Вильгельм, но долгое время — с момента публикации первого рассказа в 1956 году — ее знали как заметного, хотя и не слишком плодовитого автора НФ и фэнтези, или спекулятивной фантастики, как она предпочитала говорить. Вместе с мужем Деймоном Найтом, скончавшимся в 2002 году, она играла ключевую роль в создании Милфордских и Клэрионовских писательских семинаров. Среди научно-фантастических произведений Вильгельм удостоенный премии «Хьюго» постапокалиптический роман «Где прежде сладко пели птицы» («Where Late the Sweet Birds Sang», 1976), в котором община клонов находит отдаленное убежище, чтобы переждать бурю. Лучшие рассказы писательницы представлены в сборниках «Коробка с бесконечностью» («The Infinity Box», 1975), «Сны Сомерсета» («Somerset Dreams», 1978), «Дети ветра» («Children of the Wind», 1989), а также «И ангелы поют» («And the Angels Sing», 1992). Нижеследующий рассказ, в котором повествуется о том, каким образом может начаться глобальная пандемия, принадлежит к сравнительно недавним и пока не включался в сборники.

Я сижу в машине и ничего не вижу, кроме черной ночи снаружи и внутри: слышно только море, разбивающееся о скалы с яростным постоянством. Помню единственный раз, когда сюда выбиралась моя бабушка: ей не нравился шум волн. Она ворчала: «Неужто оно никогда не заткнется?» Не нравился ей и непрестанный ветер. «Хуже, чем в Канзасе», — сказала она тогда. Впервые попав на ее канзасскую ферму, я залюбовалась звездами, и она сочла это признаком скудоумия. Но я знала тогда, как знаю и сейчас, что в Канзасе звезд больше, чем на побережье Орегона. Бабушка и Уоррена считала скудоумным. Но то было давно, десять лет назад.

Наверно, мне напомнила о ней непроглядная темнота. Бабушка рассказывала, как росла в прериях, почти без-

людных тогда, о том, что ночью в них не было ни огонька и с тех пор она боится темноты. На мои уверения, что я не боюсь темноты, она бормотала: «Ты не знала темноты, детка. Ты еще не знала». Теперь я знаю.

Она, ворча, вышла из кухни в тот день, когда я привела Уоррена познакомиться с моими родными.

— Этот парень не так умен, как воображает, — сказала она. — Он даже банку открыть не умеет. Скудоумный он, вот что.

Я пошла на кухню и увидела, как тетя Джевель учит Уоррена пользоваться старой открывашкой. Он таких никогда не видел. Скудоумный. В тридцать лет он был доктором наук, преподавал в Орегонском университете и работал с Грегори Олхэмсом. Он отказался от других, более денежных мест ради возможности работать с Грегом, а мог бы попасть в Гарвард, Стэнфорд — куда угодно.

Начинается дождь, сонный монотонный перестук по крыше машины, и ветер поднимается, сперва шелестит в хвое, во вьющихся кленах, разросшихся на обрыве, где другой поросли не укорениться. Я очень устала.

Я приводила к себе Уоррена еще до женитьбы. Он мне позавидовал.

— Ты выросла в глуши! — сказал он — сам Уоррен рос в Бруклине.

— Ну, теперь ты здесь, — сказала я, — так что это уже не так важно, верно?

— Важно, — сказал он, окидывая взглядом океан, потом обернулся на деревья и наконец на домик-шале под нами, стоящий поперек узкой расщелины. Я провела в этом доме первые двенадцать лет жизни. — Важно, — повторил он. — У тебя в глазах то, чего у меня никогда не будет. В моих глазах шумные улицы, люди, здания и снова люди, еще люди, еще больше людей и еще больше машин, вечная гонка, вечный шум... — Он замолчал, к моей радости. В его голосе звучали боль, горечь. — Не знаю, что это было, и не хочу знать.

Грег Олдхэмс — виднейший специалист в гематологии, исследованиях крови. Он уже был знаменит, когда Уоррен стал с ним работать, а позже их с Уорреном работы попали

в разряд тех, что журналисты величают легендарными. Поначалу, когда только познакомилась с Уорреном, я почти стыдилась своей специальности — средневековой литературы. «Зачем она нужна?» — думала я, сравнивая ее с важностью его темы.

Первое время Уоррен взволнованно, даже страстно рассказывал о своей работе, но потом замолчал. Я точно помню день, с которого это началось. На пятый день рождения Майка, пять лет назад. Уоррен опоздал на праздник, а когда вернулся домой — он был стариком.

Тогда я узнала, что можно состариться в один день. Майку исполнилось пять, Уоррену — сто.

Ветер становится сильнее, — может быть, надвигается буря. Когда пошел дождь, мне пришлось приподнять стекло с моей стороны, но, потянувшись к окну над пассажирским креслом, я обнаружила, что до сих пор не отстегнула ремень безопасности, а искать пряжку и отстегиваться показалось мне слишком тяжелой работой. Я расхохоталась, а потом расплакалась сквозь смех. Мне нет дела, если дождь промочит пассажирское кресло, но ветер громко свистит в узкую щель над самым ухом, и приходится решать, открыть окно пошире и промокнуть или закрыть совсем. Свиста мне не вытерпеть. Наконец я заставляю себя расстегнуть ремень, дотянувшись, открываю окно на той стороне и закрываю свое. Теперь мне слышны океан и дождь и даже ветер в листве. «Какое усилие!» — насмехаюсь я над собой, и все же мне приходится откинуться на спинку и передохнуть.

Здесь, над морем, я и сказала Уоррну: да, я выйду за него.

— Только без детей, — предупредил он. — В мире более чем достаточно детей.

Я отшатнулась от него, и мы уставились друг на друга.

— Но мне нужна семья, — сказала я через минуту. — По крайней мере один наш ребенок, с нашими генами. И можно усыновить одного или двоих.

В тот день мы ничего не решили. Вернулись в шале, звенели кастрюлями и сковородками, спорили, и я велела ему убраться с глаз долой и из моей жизни, а он сказал,

что было бы преступлением привести в мир еще одного ребенка, и что я эгоистка, и что пресловутый материнский инстинкт — чисто культурная особенность, а я сказала, что долг таких, как мы, — обеспечить детям то, что мы сами получили: образование, любовь, заботу...

Это продолжалось до ночи, когда я выгнала его спать на диван, и на следующий день, когда я, разозлившись, выскочила из дому и пришла сюда разделить ярость с океаном. Он вышел за мной.

— Господи, — сказал он, — боже мой. Одного.

Два месяца спустя мы поженились, и я забеременела.

Когда Майку было два года, у него появилась старшая сестра, Сандра, трех с половиной лет, а еще через год — старший брат, Крис, пятилетний. Наша семья.

Майку было пять лет, когда все они одновременно заболели ветрянкой.

Однажды вечером Уоррен занимал их раскрасками, пока я готовила ужин.

— Почему ты раскрасил его зеленым? — спросил Крис.

— Потому что у него искусственная кровь.

— Почему?

— Потому что с его кровью кое-что было не так и пришлось ее выкачать и перелить ему искусственную.

Майк расплакался:

— А если и с нами так сделают?

— Еще чего! Не так уж ты болен. Всего-то несколько пятнышек на лице. Ты думаешь, это болезнь? А я думаю, ты симулянт.

— Что это? — спросила Сандра.

Она влюбилась в Уоррена с первого дня, как мы ее увидели, а он любил всех троих.

— Это когда у тебя прыщики на лице, и они чешутся, и ты притворяешься больным, чтобы мама позволила тебе весь день есть мороженое. А папа играл бы с вами в глупые игры, вместо того чтобы работать. Вот что такое симулянт.

Им понравилось симулировать. Вскоре они добрались до моей помады и попытались все повторить: прыщики, нытье «хочу мороженого», смех.

Потом это было смешно, но в тот день, когда мои больные дети с зудом и повышенной температурой собрались у стола, я не смеялась. Я застыла у раковины, оставив воду стекать по пучку салата. Искусственная кровь? Еще шла холодная война, атомная бомба представлялась реальной угрозой, все было возможно. Даже искусственная кровь.

— Зачем? — спросила я, когда мы уложили детей.

Ему пришлось начать издалека:

— Помнишь, как в фильме «Дракула» добрый врач снова и снова переливал женщине кровь и она принималась? Чистая удача. Вероятно, у Люси была кровь группы А, и у него тоже. Если бы он попытался перелить ей кровь группы О, она бы умерла у него на руках. Так оно и бывало. Одна удача, другая, а потом раз — и не вышло. Позже открыли группы крови, затем разобрались, что агглютиногены сочетаются только с определенными агглютининами. И с тех пор открытия продолжались. Тело воспринимает кровь неподходящего типа как вторжение постороннего организма, бактерии или вируса и отторгает ее. Но в случае крупной катастрофы невозможно рассчитывать на лабораторные мощности для определения группы, хранения, переливания. Лабораторий может не оказаться под рукой. Сейчас мы получили искусственную кровь, но она требует высоких технологий

До тех пор я об этом не знала. Я вздрогнула, а он ухмыльнулся:

— А чем тебе не нравится зеленый цвет? Не волнуйся, все это временно, экспериментально. Вообще-то, если бы мы могли обойтись без сложных технологий и просто переливать кровь от любого здорового человека любому больному... понимаешь?

— Но ведь это тоже сложно?

Он пожал плечами:

— Вероятно. Может, и нет. Знаешь, характеристики крови передаются от родителей к детям с генами. Эритроцитная анемия, которая, кстати говоря, связана с устойчивостью к малярии. Гемофилия передается с... — Выражение моего лица заставило его остановиться. — Эй, — тихо сказал он. — Я просто разболтался.

Я вскинулась так резко, что ударилась о баранку. Должно быть, задремала и увидела сон. Уоррен как живой: волосы немного поредели, слишком отросли, цвета мокрого песка: в тот день он обгорел и был почти багровым. Крупный багроволицый мужчина, словно только что пахал или крыл черепицей крышу — словом, занимался физической работой. Моряк, из него бы вышел отличный моряк. Я его больше не вижу: моего воображения не хватает на такие подробности. Только сны в точности возрождают людей, которых я любила. В моих снах живы родители. В них — Уоррен, дети, но наяву они не показываются. У меня остались только чувства, впечатления, оттенки, которых я не умею назвать. Уоррен ощущается как любовь, утешение, в моем сознании он занимает еще больше места, чем занимал в жизни, кажется сильнее, внушает больше уверенности и почему-то представляется более беззащитным, так что мне хочется опекать его. Все это так же смутно, как зрительные образы.

Когда я ехала сюда от портлендского аэропорта, собиралась свернуть на дорожку к дому, где играла в детстве, но не свернула, а проехала дальше по дороге, превратившейся в заросшую колею, к этой площадке над морем. Здесь кончается дорога. Здесь исчезает мир.

Мы приезжали сюда с Грегом два года назад. Его жена тогда уже ушла, вернулась с двумя детьми в Индиану или куда-то еще, и ему было одиноко. Во всяком случае, так говорил Уоррен. Я в это не поверила и до сих пор не верю, что Грег испытывал одиночество. Работа была для него всем миром.

Мы развели на берегу костер, дети играли в прибое и подбегали погреться, а потом снова мчались к ледяной воде.

— Расскажи Грегу, как они ели, — усмехнулся Уоррен. Он был спокоен и доволен жизнью в тот день, хоть ему и было сто лет.

Я рассказала ему и детям, как ели во времена Абеляра и Элоизы. Детям тоже захотелось поесть так. Длинные столы вдоль стен, каждый может дотянуться, все едят из одной миски, пьют из общих чашек, отправляют куски в рот ложками или пальцами. Вокруг толпятся нищие, тут

же собаки огрызаются друг на друга, на нищих, на едоков и слуг.

Грег посмеялся над моим описанием. Он выглядел ленивым, расслабленным, но если Уоррену было сто, то Грегу — двести. Беспокойный старик, подумалось мне. По документам ему исполнилось сорок пять, но я видела, какой он дряхлый.

— Это было в чумные годы? — спросил он.

Грег прислонился спиной к сорокафутовому стволу, выброшенному волнами на берег, — напоминание о силе давнего шторма. Ствол был толщиной восемь футов. Это дерево могло помнить времена Абеляра.

— Не в разгар чумы, во всяком случае не в разгар эпидемии, хотя случаи чумы отмечались с шестого века и вспышки периодически продолжались, пока в пятнадцатом веке не достигли силы пандемии. А я рассказываю веке об одиннадцатом. А что?

— Нищие допускались к столу? — задумчиво спросил он.

— В скором времени их выставили за дверь, но собаки никуда не делись.

На этом разговор окончился: дети нашли морскую звезду, мы все пошли на нее смотреть, а там и солнце село.

Вечером мы обсуждали, когда стоит выезжать обратно. Машины к городу шли бампер к бамперу, а в воскресенье особенно.

— Я могла бы на несколько дней остаться с ребятами, — предложила я.

Уоррен с Грегом могли бы выехать пораньше, они так и собирались. Я знала, что дети были бы разочарованы таким скорым возвращением, как и я. Стояло лето, занятий у меня не было, а отпуск мы так и проводили: вылазки к морю дня на два-три.

— Я вот думаю, каково было в чумные годы, — произнес Грег, возвращаясь к оставленной теме. — От трети до половины населения как не бывало.

— Не совсем так, — поправила я. — До прекращения эпидемии прошло триста лет, и за это время Церковь вошла в силу, которую сохраняет и по сей день. Суеверия,

ересь, усиление власти Церкви и государства, страх перед публичными сборищами — вот как это было. Жизнь для большинства выживших стала адом.

— И наступило Возрождение,— задумчиво сказал Грег.— Возникло бы оно, если бы не чума? Никто ведь не знает, верно?

— Это романтическая версия, — сказала я, сдерживая желание огрызнуться.— Теория светлой стороны. Во всем плохом есть что-нибудь хорошее. Вы в это верите?

Уоррен мрачно думал о чем-то, глядя на пламя костра, потрескивавшее, выбрасывающее разноцветные язычки, когда горели соли и минералы, которыми пропиталось вылежавшееся на пляже дерево. Заговорил он очень устало:

— Ренессанс наступил, потому что люди исчерпали все доступные источники: они отчаянно нуждались в усовершенствовании сельского хозяйства, в теплых тканях, чтобы согреться. В новых способах выживания. Им пришлось изобрести Ренессанс. Чума здесь ни при чем.

Я поняла, что они говорят об этом не впервые: ни один не сказал ничего, чего бы другой не слышал раньше. Я встала.

— Вы не хотите сказать мне, чем занимаетесь в своей лаборатории?

Лицо Грега застыло, а Уоррен покачал головой.

— Все те же старые дела,— процедил он после долгой паузы.— Старые дела.

Если речь шла про старые дела — искусственную кровь, переливание цельной крови, про все, что они публиковали много лет,— отчего оба так постарели? Чего так боялись? Почему Уоррен вовсе перестал рассказывать о работе и не поддерживал разговора, когда о ней вспоминала я?

Грег резко поднялся и ушел спать, а Уоррен покачал головой на мой повторный вопрос, чем они занимаются.

— Ложись в постель,— сказал он.— Я приду через несколько минут.

Что делать, если в руках вашего мужа средство уничтожить половину человечества? Постараться не думать, не требовать ответа, пойти спать.

Шквал наконец налетел. Деревья раскачиваются, подлесок хлещет по стволам, а дождь хлынул так, словно море выплеснулось из берегов и, налетев на машину, бьет ее валами прибоя. Я сильно мерзну и удивляюсь, почему мне так лень включить мотор, обогреватель. Когда двигатель заводится, я почти не слышу его шума, а сняв ногу с педали газа, вовсе перестаю его слышать.

Жена Грега, узнав, взяла обоих детей и сбежала. Думаю, не потому ли Уоррен так долго не хотел мне говорить?

В последние два года Уоррен стал чужим для нас, своей семьи. Мы видели его редко, а когда видели, он от усталости засыпал над едой и в ванной. После того дня на побережье я не видела Грега до позапрошлой недели.

Уоррен вернулся поздно. Я уже готовилась ко сну и была в халате. Он выглядел болезненно-бледным.

— Я дал свисток, — сказал он, остановившись в дверях.

С куртки у него текло, лицо и руки были мокрые. Я подошла и стянула с него куртку.

— С завтрашнего дня от меня уже ничего не зависит, — закончил он и тяжело прошел в гостиную, сел на диван.

Я бросилась в ванную, вернулась с полотенцем, села рядом и стала вытирать ему волосы и лицо.

— Ты мне расскажешь?

Он рассказал. Они нашли вироид, родственный некоторым группам крови, сказал он. Даже не целый вирус, не убитый вирус — часть вируса. Для начала они скомбинировали его с группой О, и ничего не случилось, но после комбинации крови О с группой А вироид изменился, стал цельным, начал реплицироваться и уничтожил, поглотил кровь А. Уоррен говорил ровным тоном, почти рассеянно, как будто это ровно ничего не значило. А потом закрыл лицо ладонями и заплакал.

Сорок пять процентов европеоидов имеют группу А, пять процентов — АВ. Тридцать процентов черной расы — группы А или АВ... и созданный ими вирус мог уничтожить их всех.

Я обнимала его, пока он выплакивался в бессвязном потоке слов. Они оба должны были уехать в Атланту —

и он, и Грег, — рассказал Уоррен, а кто-то должен был прийти, чтобы присмотреть за упаковкой материала и разборкой лаборатории.

— Грег вошел, когда я звонил, — сказал он вдруг. — Он хотел меня остановить. Я его ударил. Боже, я его ударил! Я отвез его домой, и мы все обсудили.

— Значит, он согласился.

— Да, — устало ответил он. — Это было все равно что ударить отца или бога.

— Почему вы не остановились, когда поняли, что это такое?

— Не могли, — сказал он. Он был бледен как смерть, глаза обведены красным, взгляд загнанного зверя. — Раз мы это сделали, мог сделать и кто-то другой, если уже не сделал. Мы искали выход: антидот, лечение — что-нибудь.

Мы сидели рядом на диване. Уоррен отодвинулся от меня и встал на ноги — поднялся тяжело, по-стариковски и споткнулся на первом же шаге.

— Мне надо выпить.

Я прошла за ним на кухню и смотрела, как он наливает бурбон и выпивает его. Если они с Грегом не сумели найти лекарство, думала я, никто не сможет. Они были лучшими в своей области.

Я все думала о том, что сказал Грег в тот день на побережье: чума убила от трети до половины населения Европы — столько же, сколько составляет доля групп А, АВ и АО. И из этого ужаса, считал он, возникло Возрождение.

Сейчас я знаю о группах и комплексах крови больше, чем две недели назад: все это время я глотала книги, как перед экзаменом. У меня группа А, у Мики — АО, Уоррен — О, Сандра — А, а Крис — О.

На следующее утро я подвезла Уоррена в лабораторию, где нас встретил мужчина средних лет. Уоррену он представился, а меня не заметил. Они вошли внутрь не оглянувшись. Когда они скрылись, появился Грег — вышел из-за угла кирпичного здания и направился ко мне. У него был пластырь на подбородке, у Уоррена — на костяшке среднего пальца.

— В последнюю минуту, — сказал Грег, — я понял, что не хочу никого видеть: ни Уоррена, ни знаменитого эпидемиолога. Скажете Уоррену, что я взял несколько дней отгулов, ладно?

Я кивнула, он повернулся и пошел прочь — старый-старый, побежденный, сутулый, волоча ноги, волосы падают на воротник серой ветровки, блестящей от дождя, спортивные туфли шлепают по лужам.

Какой ясный образ, дивлюсь я, снова очнувшись. Теперь в машине слишком жарко: обогреватель отлично работает. Мне хочется снова нырнуть в сон, но я заставляю себя выпрямиться, дотянуться до ключа и выключить зажигание. Рука словно свинцом окована.

Я собрала Уоррену вещи, и к вечеру он ворвался в дом, скользнул губами по моей щеке, схватил сумку и опять убежал. «Позвоню!» — крикнул он и несколько раз звонил, но сказать ему было нечего. Я выбирала слова так же осторожно, как он. «Что нового?» — спрашивала я, и он отвечал: «Ничего, все по-прежнему». Я крепко сжимала трубку и болтала о детях, о ненастье — ни о чем.

Я делала все как всегда: заплетала Сандре волосы, заставляла Мики сесть за уроки, разбирала со студентами «Кентерберийские рассказы», ходила за покупками, готовила, мыла голову и брила ноги... Мики простудился и заразил Криса, а у меня болела голова, и ничего не хотелось. Как прошлой осенью, сказала я Уоррену по телефону. Он ответил, что в Атланте совсем тепло и солнечно. И осторожно добавил, что будет в Портленде в пятницу с семичасовым рейсом. Мы тихо забормотали друг другу слова благодарности. Я была в слезах, когда повесила трубку.

Следующим вечером мне позвонила Триш Олдхэмс. Ей был нужен Уоррен, а когда я сказала, что его нет в городе, последовала долгая пауза.

— Что такое, Триш? Я не могу помочь? — Я надеялась, что дело пустячное, голова болела все сильнее, и я опасалась, что это грипп, а не просто простуда.

— Я насчет Грега, — сказала она наконец. — Хотела попросить Уоррена проведать его. Он звонил и разговаривал... не знаю, просто странно.

— В каком смысле странно?

— Сказал, что хочет попрощаться. — Она понизила голос. — Я... он болен?

— Нет, насколько я знаю. Я загляну к нему и перезвоню вам, хорошо?

Время у меня в голове смешалось. Не могу вспомнить, когда звонила Триш, но я ей не перезвонила. Я застала Грега за погрузкой ящиков в грузовик, который он выдвинул кузовом из гаража. Сад вокруг дома был запущен: кусты, много деревьев, два или три акра, о которых он забыл. Обычно садом занималась Триш. Помнится, я подумала, до какого запустения он довел участок.

— Что вы здесь делаете? — резко спросил он, когда я остановила машину за его грузовиком и вышла.

— Триш звонила. Она о вас беспокоится.

— Вы дрожите. Войдите в дом.

Внутри был разгром, вещи разбросаны, ящики выдвинуты, всюду коробки. На столе груды книг и блокнотов, и на полу, на стульях тоже.

— Садитесь, — сказал он. — Вас знобит, вы совсем замерзли.

Он налил нам обоим виски с капелькой воды и сел напротив, отгородившись грудой хлама.

— Триш... — заговорил он через минуту. — Наверное, не надо мне было ей звонить. Она удивилась. Знаете, это ведь я заставил ее уйти.

Я покачала головой:

— Зачем?

— Затем, что я был угрозой для нее и мальчишек, — ответил он, глядя мимо меня. — Угрозой для нее. Я ей об этом сказал, но она бы осталась, тогда я сказал, что я опасен и для мальчиков тоже, и она ушла. Я знал, что уйдет.

— Не понимаю, о чем вы говорите. — Я звякнула стаканом о стол.

Грег взял его и налил еще.

— Я инфицирован, — сказал он. — Четыре-пять лет назад я порезался в лаборатории, и вироид попал в ранку. Мы думали, что я умру. И я, и Уоррен так думали, но как видите... — Он осушил стакан и со стуком поставил. — Но

вироид во мне, ждет встречи с группой А, чтобы исполнить свое назначение. У Триш группа А, а у мальчиков АО. Как бы я ни был осторожен, это был только вопрос времени. Я отослал ее.

Все смешалось. Грег сказал, что не хотел быть морской свинкой, жить в карантине. Пока о нем никто не знал, но он собирался скоро сказать. Он заставил Уоррена пообещать, что тот даст ему возможность сделать это самому, когда он будет готов. Я пила и с трудом следила за его рассказом, зато наконец согрелась и даже начала дремать под звук его голоса. Он не мог меня заразить, сказал Грег, отвозя меня домой, и Уоррен в безопасности. Мне ничего не грозит. Грег не позволил мне самой вести машину и вернулся потом домой на такси. Необходим, сказал он, контакт между инфицированной группой О и какой-нибудь еще. Сам по себе вироид инертен. «А вирус?» — спросила я.

— Ах это, — отозвался он мрачно. — Это один из вопросов, на который они ищут ответ в Атланте. Мы, я и Уоррен, предполагаем, что он может передаваться при контакте или воздушным путем. Они выяснят.

Сегодня пятница. Я заплела Сандре косы, заставила Мики почистить зубы и сказала Крису, что, простуженному, ему нельзя идти после школы на футбол. Я притащилась на лекцию, потом на совещание комитета, а потом на поздний ланч с подругой Дорой, которая велела мне отправляться домой и лечь в постель, потому что выгляжу я ужасно. Я призналась, что и чувствую себя ужасно, но мне надо в Портленд — встретить Уоррена. Я хотела выехать пораньше, чтобы не попасть в пробку. Можно будет перекусить в ресторане и почитать в ожидании самолета.

Новости я услышала в машине по радио. Доктор Грег Олдхэмс погиб при пожаре в своем доме. Подробностей не было. Я свернула на обочину и сквозь слезы уставилась перед собой. Он звонил Триш, чтобы попрощаться. Упаковал вещи, которые не мог заставить себя сжечь. Морская свинка, жизнь в карантине, в изоляции, он скажет сам, когда будет готов...

В доме над расщелиной зажегся свет. Они меня ищут: Уоррен, должно быть, сказал им, что я поеду сюда. Домой.

Хотела бы я знать, с ними ли он: если с ними, он может догадаться прийти сюда. Но, скорее, они держат его в какой-нибудь сверхсекретной лаборатории, берут кровь на анализы или для пересылки в Атланту.

Может, они прислали его обратно. Наверняка он страшно устал. Стала бы я орать на него, если бы мы сейчас встретились? Возможно, а ему это ни к чему: он сам знает и будет знать до конца жизни. Если бы мы встретились, а у меня был пистолет, застрелила бы я его? Могу себе представить, как я это делаю, и хотела бы, но смогу ли?

Самолет Уоррена опаздывал на час. Я вошла в терминал в пять; три часа тянулись вечностью. Я так устала, что меня хватило только на то, чтобы купить книгу и газету и потом найти тихое местечко. Не надо еды, думала я, опять задрожав. Апельсиновый сок. Я сидела в ресторане и думала о Греге, о том, как он вчера вез меня домой. И что говорил. Контакт крови между группой О и какой-нибудь еще, возможна передача по воздуху после того, как носитель группы А инфицирован... Я вспомнила пластырь у него на подбородке, пластырь на пальце Уоррена. И как Уоррен плакал — не из-за работы, а оттого, что ударил Грега, своего наставника, отца, бога.

Я разлила сок, пытаясь поднять стакан, и смотрела на расплывающуюся лужицу, пока меня не привел в себя голос официантки:

— Принести новый?

Я бросилась в туалет и разглядывала свое лицо в зеркало. Бескровное. Это грипп, твердила я себе. Просто грипп. Лунки ногтей были голубоватыми, ладони бесцветными.

Помню, что я говорила с кем-то из Атланты, но не помню, как звонила. Смутно вспоминается, как кто-то набирает за меня номер моей кредитной карты. Наверно, я попросила помочь. Пришлось говорить со множеством людей, пока меня не соединили с кем-то, кто что-то знал.

— Это передается по воздуху? — спросила я, и он стал задавать множество вопросов, на которые мне пришлось отвечать.

Он все спрашивал: «Где вы? Вы хорошо себя чувствуете? Вы меня слышите?» Точно помню, как он сказал: «Оставай-

тесь на месте. Не отходите от телефона. Мы пришлем помощь».

Почему я не дождалась Уоррена? Надо было его подождать, но я не стала, и потом... я помнила, что они приедут за мной и кто-то его встретит и увезет куда-то. Я подумала о том, сколько людей было со мной в ресторане, в зале ожидания, в холле у газетного киоска, в магазине, где я покупала диктофон, в который сейчас говорю, сколько просто проходило мимо, на парковке... я забыла сказать голосу в трубке, что останавливалась на заправке, — еще один контакт.

Мне пришлось повесить трубку, потому что кто-то хотел позвонить: рассерженный мужчина, посоветовавший мне не жевать сопли. Я отошла от автомата и задержалась купить диктофон, а потом вышла к машине и уехала сюда. Это я ясно помню. Пока я не пытаюсь пошевелиться или что-нибудь поднять, чувствую себя не так уж плохо, просто усталость и такая тяжесть. Самое странное — я плохо управляю руками. Потеряла координацию. Не могу ничего ухватить, роняю, даже ключ зажигания уже не могу вставить.

Я рассказала им, как это вышло. Уоррен получил вироид, ударив Грега. На следующее утро он взял мою бритву, а я потом пользовалась ею: мы оба вечно царапаемся при бритье. Так просто.

Они расставят сети и постараются отловить всех, кто был в аэропорту, всех, кто улетал в Денвер, в Чикаго, в Англию, на Гавайи... Они выловят всех моих студентов, друзей, членов комитета. Детей.

Я уже не могу плакать. Должно быть, обезвоживание. Сперва я думала поступить как Грег. Поеду в старый дом и устрою пожар, но в последнюю минуту передумала. Я не сожгу себя. Они захотят узнать, как действует вирус: может, они даже найдут подсказку, как помочь другим. И они могут добраться до дома. Огоньки окон пляшут, отражаясь в волнах. Сквозь шум бури я едва слышу собственный голос. Не знаю даже, что я наговаривала на диктофон, а что мне снилось. Сны кажутся реальнее яви. Машина раскачивается, и вокруг раскачиваются деревья. Жаль, что не могу их увидеть, но хватит и того, что они видели это много раз. И может быть, им было здесь так же хорошо, как мне.

— Мам, можно нам спать на чердаке? — кричал Майк, взлетая по лестнице.

— Ну конечно. Я сама там спала. Что хорошо для меня, сгодится и вам.

Я загнала их наверх и уложила на встроенную кровать.

— Смотрите, если спать головой сюда, когда луна встанет за самой высокой елью, тень дерева войдет сюда и поцелует вас на ночь.

Крис недоверчиво хмыкнул, но Сандра и Мики пристроили головы на нужное место, которое я успела освободить. Поломавшись, и Крис улегся рядом, чтобы увидеть, получится ли по-моему.

Потом мы с Уорреном слушали, как они возились и хихикали наверху.

— Помнишь? — спросила я. — Ты сдался и согласился на одного.

Что-то шумно упало, и все смолкло, мы насторожились, но дети снова захихикали, и мы расслабились. Мы лежали неудобно, у меня свело ногу, но я ему не сказала. Я закрыла глаза и слушала смех детей.

КОРИ ДОКТОРОУ

Когда сисадмины правили Землей

Канадец Кори Доктороу заявил о себе в 1999 году и в 2000 году получил премию Джона Кэмпбелла в категории «Лучший молодой писатель-фантаст» практически только за выдающийся рассказ «Старьевщик» («Craphound»). Впоследствии он укрепил свою позицию одного из наиболее популярных авторов нового тысячелетия, выпустив романы «Доходяга в волшебном королевстве» («Down and Out in the Magic Kingdom», 2003), «Восточное стандартное племя» («Eastern Standard Tribe», 2004), «Кто-то приходит в город, кто-то уходит из города» («Someone Comes to Town, Someone Leaves Town», 2005) и «Младший брат» («Little Brother», 2008). Малая проза Доктороу представлена в сборниках «Чужое место» («A Place So Foreign», 2003) и «Разогнанный процессор» («Overclocked», 2007), а также на сайте писателя: craphound.com.

Его работы отличаются оригинальностью и энергией, в чем вы можете убедиться, прочитав данное произведение, завоевавшее премию журнала «Locus» как самый популярный рассказ 2006 года. Он повествует о терроризме, новейших технологиях и судьбе Земли.

Когда служебный телефон Феликса зазвонил в два часа ночи, Келли повернулась на бок, ткнула его в плечо и прошипела:

— Почему ты не выключил эту проклятую штуковину, когда ложился спать?

— Потому что я должен оставаться на связи.

— Ты же не долбаный врач, — продолжила она, пиная его, когда он сидел на краю кровати, натягивая брюки, которые перед сном бросил на пол, — ты чертов системный администратор.

— Это моя работа.

— На тебе пашут, как на правительственном муле. И ты знаешь, что я права. Господи, ты же теперь отец и не можешь убегать посреди ночи всякий раз, когда накрывается чей-то источник порнухи. Не бери трубку.

Он знал, что жена права. Он взял трубку.

— Главные маршрутизаторы[1] не отвечают. BGP[2] не отвечает.

Механическому голосу системного монитора было все равно, если его проклянут, и Феликс тут же это сделал. Хоть немного полегчало.

— Может быть, мне удастся все наладить из дому, — сказал он.

Феликс мог подключиться к источнику бесперебойного питания «клетки» и перезагрузить маршрутизаторы. ИБП находился в другом сетевом блоке и имел собственные независимые маршрутизаторы, питающиеся от своих ИБП.

Келли уже сидела на постели, он мог различить очертания ее фигуры на фоне изголовья кровати.

— За пять лет нашего брака ты ни разу не сумел наладить что-либо из дому, — заявила она.

На сей раз жена была не права: он постоянно решал разные проблемы из дому, но делал это незаметно, не привлекая ее внимания, потому она об этом и не знала. Но Келли все же попала в точку — судя по его журналам событий, после часа ночи уже ничто и никогда нельзя было исправить и наладить, не приезжая в «клетку». Закон бесконечной вселенской извращенности, он же Закон Феликса.

Пять минут спустя Феликс уже сидел за рулем. Из дому он ничего сделать не сумел. Сетевой блок независимого маршрутизатора тоже оказался недоступен из Сети. В последний раз такое случилось, когда один строитель-идиот перерубил ковшом экскаватора оболочку главного кабеля, ведущего в информационный центр, и Феликс стал одним из полусотни разъяренных сисадминов, которые неделю торчали над образовавшейся в результате ямой и кляли на чем свет стоит несчастных придурков, сидевших в ней круглосуточно, сращивая десять тысяч проводков.

---

[1] *Маршрутизатор* — устройство для соединения сетей, использующих разные архитектуры и протоколы; осуществляет выбор одного из нескольких путей передачи сетевого трафика, а также фильтрацию широковещательных сообщений для локальной сети.

[2] *BGP* (Border Gateway Protocol) — пограничный межсетевой протокол.

В машине телефон звонил еще дважды. Феликс перевел звук на стереосистему и выслушал через большие басовые динамики автоматические сообщения об отключении от сети новых критических элементов инфраструктуры.

Затем позвонила Келли.

— Привет, — отозвался он.

— Не подлизывайся. Я по голосу слышу, как ты подлизываешься.

Он невольно улыбнулся:

— Поверь — не подлизываюсь.

— Я тебя люблю, Феликс.

— А я от тебя без ума, Келли. Ложись поспи.

— Два-ноль проспулся, — сообщила она.

Находясь в ее лоне, ребенок получил имя Бета-Тест, а когда у нее отошли воды, Феликс, узнав об этом по телефону, выскочил из офиса с криком: «Золотой мастер-диск[1] только что отправлен!» Они начали называть малыша 2.0, как только он в первый раз закричал.

— Этот мелкий паршивец родился, чтобы меня сосать.

— Извини, что разбудил тебя.

Он уже почти добрался до инфоцентра. Никакого уличного движения в два часа ночи. Феликс притормозил перед въездом в подземный гараж: он боялся, что внизу связь оборвется.

— Дело не в том, что ты меня разбудил. Ты работаешь там уже семь лет. У тебя в подчинении трое молодых парней. Отдай телефон им. Ты свой долг выполнил.

— Мне не хочется просить своих подчиненных делать что-либо за меня.

— Все, что от тебя требовалось, ты уже сделал. Пожалуйста... Я ненавижу просыпаться одна среди ночи. По ночам мне тебя не хватает больше всего.

— Келли...

— Я уже не сержусь. Мне просто тебя не хватает, вот и все. Ты навеваешь мне сладкие сны.

— Хорошо.

— Что, так просто? Ты согласен?

---

[1] *Мастер-диск* — диск, подготовленный к тиражированию, иногда называют «золотым».

— Именно так. Очень просто. Не могу допустить, чтобы тебе снились плохие сны. Я выполнил свой долг. Отныне я буду на ночных дежурствах только для того, чтобы заработать дополнительный отпуск.

Она рассмеялась:

— Сисадмины не берут отпуска.

— А этот возьмет. Обещаю.

— Ты прелесть. О, замечательно... Два-ноль только что выполнил аварийный сброс по всей моей ночнушке.

— Весь в меня.

— Кто бы сомневался.

Келли повесила трубку, и Феликс завел машину на стоянку инфоцентра, сунув в щель пропуск и приподняв усталое веко, чтобы сканер сетчатки хорошенько разглядел его все еще сонный глаз.

Феликс задержался у автомата в «чистой комнате» и взял себе энергетический батончик с гуараной и убойной крепости кофе в чашке-непроливайке. Он быстро проглотил батончик и выпил кофе, затем позволил внутренней двери прочесть геометрию его ладони и измерить параметры тела. Дверь с шипением отворилась, из шлюза за ней его обдуло потоком воздуха (внутри поддерживалось избыточное давление), и Феликс наконец-то оказался допущен во внутреннее святилище.

Там царил бедлам. «Клетки», где стояли серверы, были рассчитаны на то, чтобы внутри перемещались два-три сисадмина. Все остальное свободное пространство, до последнего кубического дюйма, предназначалось гудящим стойкам с маршрутизаторами, серверами и жесткими дисками. Сейчас туда плотно, как селедки в бочке, втиснулись не менее двадцати сисадминов. То было настоящее сборище черных футболок с непостижимыми лозунгами и животов, нависающих над поясами, увешанными мобильниками и чехольчиками с универсальными инструментами.

При обычных обстоятельствах в «клетке» царил едва ли не мороз, но теперь все эти тела перегревали небольшое замкнутое пространство. Когда Феликс вошел, пятеро или шестеро взглянули на него и скривились. Двое поздоровались с ним по имени. Феликс втиснул свой живот в узкий

проход между стойками и начал пробираться в дальний конец помещения, где располагались серверы «Ардента».

— Феликс. — Это был Ван, сегодня ночью он не дежурил.

— Что ты здесь делаешь? Хочешь, чтобы завтра утром мы оба превратились в невыспавшиеся развалины?

— Что? А, ты об этом... Там стоит мой персональный сервер. Он «упал» примерно в половине второго ночи, меня разбудил монитор процессов. Надо было позвонить и сказать, что я сюда еду, — избавил бы тебя от хлопот.

Собственный сервер Феликса — корпус, который он делил с пятью друзьями, — находился в стойке этажом ниже. Интересно, не «упал» ли и этот?

— Что произошло?

— Массированная атака флэш-червя[1]. Какая-то сволочь заставила все серверы «Windows» в Сети гонять проверки по методу Монте-Карло по каждому блоку интернет-протоколов, включая IPv6. А у больших маршрутизаторов «Циско» все административные протоколы работают через v6, и все они «падают», если запускается более десяти проверок одновременно, а это означает, что практически все обмены данными снизились почти до нуля. DNS[2] тоже накрылись — такое впечатление, что вечером кто-то отравил передачу данных между зонами. Да, и еще есть некий почтовый компонент, рассылающий весьма правдоподобные сообщения всем, кто находится в твоей адресной книге, выплевывая при этом «Элиза-диалог»[3], который отключает электронную почту и сообщения, чтобы заставить тебя запустить «троян»[4].

---

[1] *«Червь»* — вирусная программа, самостоятельно распространяющая свои копии по Сети.

[2] *Domain Name Server* — сервер доменных имен (служебный компьютер Сети, переводящий имена компьютеров в доменных записях в адреса IP).

[3] *«Элиза»* — виртуальный собеседник, знаменитая компьютерная программа Джозефа Вейзенбаума, написанная им в 1966 г., которая пародирует диалог с психотерапевтом, реализуя технику активного слушания. Программа была названа в честь Элизы Дулитл, героини пьесы «Пигмалион» Бернарда Шоу.

[4] *«Троянский конь»* — программа, которая выдает себя за другую программу с целью получения информации.

— Господи!

— Вот-вот.

Ван относился к сисадминам второго типа — выше шести футов ростом, торчащий кадык, волосы собраны в длинный конский хвост. Его грудь с выступающими ребрами прикрывала футболка с надписью «ВЫБЕРИ СВОЕ ОРУЖИЕ» на фоне многогранных игровых костей.

Феликс же был админом первого типа — семьдесят или восемьдесят фунтов лишнего веса вокруг талии и аккуратная борода, которой он прикрывал лишние подбородки. На его футболке значилось «ПРИВЕТ, КТУЛХУ» и красовалось изображение симпатичного безротого Ктулху в стиле «Привет, Китти». Они с Ваном были знакомы более пятнадцати лет, пересеклись сперва через «Usenet», потом в реале на пивных вечеринках «Freenet» в Торонто, затем на парочке сборищ фанатов «Звездного пути», а кончилось тем, что Феликс взял Вана работать в «Ардент» под своим началом. Ван был надежен и методичен. Электротехник по образованию, он имел привычку заполнять один блокнот за другим подробными записями всех своих действий с указанием даты и времени.

— На этот раз даже не ПМКИС, — мрачно заключил Ван.

«Проблема Между Клавиатурой И Стулом». Почтовые «трояны» попадали как раз в эту категорию — если бы у людей хватало ума не открывать подозрительные вложения, то «трояны» давно канули бы в прошлое. Но «черви», которые грызли сейчас маршрутизаторы «Циско», не были проблемой, связанной с людской дуростью, — они являлись просчетом некомпетентных инженеров.

— Нет, тут виноват «Майкрософт», — подтвердил Феликс. — Всякий раз, когда я оказываюсь на работе в два часа ночи, причиной тому или ПМКИС, или «Майкроленивец».

Кончилось все тем, что они взяли и отключили чертовы маршрутизаторы от Интернета. Не Феликс, разумеется, хотя ему до зуда в кончиках пальцев хотелось это сделать, а потом перезагрузить маршрутизаторы, предварительно отключив их интерфейсы IPv6. Это проделали два «ублюдка-опе-

ратора из ада»[1], которым пришлось повернуть два ключа одновременно, чтобы получить доступ в свою «клетку» — как охранникам в пусковой шахте ракеты «Минитмен». Через это здание проходило девяносто пять процентов внешнего трафика Канады. И система безопасности здесь была покруче, чем в большинстве пусковых шахт «Минитменов».

Феликс и Ван выводили серверные стойки «Ардента» в оперативный режим один за другим. Серверы подвергались бомбардировке вирусами, и едва очередной маршрутизатор снова выходил в онлайн, все расположенные за ним серверы оказывались открыты для атаки. Каждый сервер в Интернете или тонул в потоке «червей», или порождал вирусные атаки, или делал и то и другое одновременно. После примерно сотни тайм-аутов[2] Феликс смог пробиться на сайты «NIST» и «Bugtraq» и скачать некоторые патчи[3] для ядра, которые могли снизить нагрузку на порученные ему компьютеры. К десяти утра он так проголодался, что был готов съесть задницу дохлого медведя, но все же перекомпилировал ядра своих операционных систем и снова вывел их в оперативный режим. Длинные пальцы Вана порхали над клавиатурой системного администратора — высунув кончик языка, он выводил статистику нагрузок по каждому серверу.

---

[1] *«Ублюдок-оператор из ада»* — название цикла рассказов новозеландского автора Саймона Травальи о работе оператора компьютерной сети, который отличается крайней нетерпимостью к некомпетентным пользователям.

[2] *Тайм-аут* — истечение лимитированного времени ожидания, в данном случае для попытки установления связи между компьютером и сайтом в Интернете.

[3] *Патч* (от *англ.* patch — «заплата») — вставка в программу с целью ее исправления или изменения. «Kernel» — программное ядро операционной системы, в «Windows NT» является частью исполняющей системы, которая управляет процессором; ядро выполняет планирование и диспетчеризацию потоков, обработку прерываний и синхронизацию процессоров, синхронизирует деятельность компонентов исполняющей системы, таких как диспетчер ввода-вывода, диспетчер процессов и др. Компиляция — процесс преобразования файла с текстом программы в исполняемый файл, который система может запустить на выполнение. В операционной системе «UNIX», используемой на большинстве серверов, администратор может перекомпилировать ядро системы, сделав его оптимальным для выполнения конкретных задач.

— У меня на «Гридо» было двести дней аптайма[1], — сообщил Ван.

«Гридо» был самым старым сервером в стойке, еще с тех дней, когда каждый серверный корпус называли в честь персонажей «Звездных войн». Теперь их именовали в честь смурфов[2], но смурфы уже кончались, и админы перешли на персонажей из «Макдоналдса», начав с лэптопа Вана по имени «Майор Макчиз».

— «Гридо» восстанет вновь, — пообещал Феликс. — У меня внизу стоит четыреста восемьдесят шестой, у которого больше пяти лет аптайма. Если придется его перезагружать, это разобьет мне сердце.

— Да для какой хренотени ты используешь четыреста восемьдесят шестой?

— Ни для какой. Но у кого поднимется рука выключить компьютер с пятью годами аптайма? Это все равно что подвергнуть эвтаназии собственную бабушку.

— Есть хочу, — заявил Ван.

— Я тебе вот что скажу, — решил Феликс. — Мы сейчас «поднимем» твой сервер, затем мой, потом я отвезу тебя в «Лейквью ланч» позавтракать пиццей, и до конца дня можешь взять отгул.

— Согласен, — быстро отозвался Ван. — Шеф, ты слишком добр к нам, работягам. Тебе надо бы держать нас в яме и регулярно бить, как поступают все остальные боссы. Мы все этого заслуживаем.

— Это твой телефон, — сказал Ван.

Феликс выбрался из потрохов 486-го, который упорно отказывался включаться. Он выпросил запасной блок питания у парней, занимавшихся борьбой со спамом, и теперь пытался установить его в корпус старого компьютера. Ван протянул Феликсу его телефон, выпавший из пояса,

---

[1] *Аптайм* — период работоспособного состояния, в данном случае период непрерывной работы.

[2] *Смурфы* — маленькие существа небесно-голубого цвета, персонажи комиксов бельгийского художника Пейо, на основе которых позже был выпущен мультипликационный телесериал.

когда Феликс, согнувшись, пытался добраться до задней стенки компьютера.

— Привет, Кел, — отозвался он. В трубке слышалось какое-то фоновое сопение или шуршание. Может, статика? Или это 2.0 плещется в ванне? — Келли?

Связь оборвалась. Он попытался перезвонить, но не добился ничего — не было ни гудков, ни голосового сообщения. Вскоре время соединения закончилось, и на экранчике телефона высветилось: «ОШИБКА СЕТИ».

— Проклятие, — негромко процедил он и повесил телефон на пояс.

Келли хотела узнать, когда он вернется домой, или попросить, чтобы он купил что-нибудь на обратном пути. Она оставит голосовое сообщение.

Он тестировал блок питания, когда телефон зазвонил вновь. Феликс схватил трубку:

— Келли, что случилось?

Он постарался изгнать из голоса даже намек на раздражение. Потому что ощущал вину: говоря технически, он выполнил свои обязательства перед «Ардент файнэншиал», как только серверы компании снова заработали. Последние три часа он потратил исключительно на себя — хотя и собирался выставить за них счет компании.

В трубке раздалось всхлипывание.

— Келли? — Он ощутил, как от лица отхлынула кровь, а большие пальцы ног онемели.

— Феликс... — Он еле разобрал свое имя сквозь всхлипывания. — Он умер... Господи, он умер.

— Кто? Кто, Келли?

— Уилл.

Уилл? Какой еще Уилл?.. И он рухнул на колени. Имя Уильям они вписали в свидетельство о рождении малыша, хотя и продолжали называть его 2.0. Феликс хрипло застонал.

— Я больна, — услышал он. — Я даже стоять больше не могу. О Феликс! Я так тебя люблю!

— Келли! Что происходит?

— Все... все... В телевизоре работает только два канала. Господи, Феликс, за окном валяются мертвецы...

Он услышал, как ее вырвало. Телефон стал работать с паузами, возвращая издаваемые ею звуки наподобие эхоплекса[1].

— Никуда не уходи, Келли! — крикнул он, и тут связь оборвалась.

Он набрал «911», но едва нажал кнопку соединения, как на экране снова появилось «ОШИБКА СЕТИ».

Феликс выхватил у Вана «Майора Макчиза», воткнул в него сетевой кабель от 486-го, запустил «Firefox» из командной строки и вышел через «Google» на сайт полиции города. Он стремительно начал искать на сайте бланк интерактивного заявления в полицию. Феликс никогда не терял головы. Он привык решать проблемы, а паника проблем не решает.

Отыскав бланк, он изложил подробности своего разговора с Келли, как составлял бы отчет о найденной ошибке: пальцы работают быстро, описание исчерпывающее, — и щелкнул кнопку «ПОСЛАТЬ».

Ван заглянул ему через плечо и прочитал текст.

— Феликс... — начал он.

— Боже мой... — пробормотал Феликс.

Он осознал, что все еще сидит на полу, и медленно встал. Ван взял у него лэптоп и попробовал выйти на несколько сайтов новостей, но все они оказались в тайм-ауте. Невозможно было судить о причине: или происходит нечто ужасное, или Сеть зашаталась под ударом суперчервя.

— Мне надо домой, — заявил Феликс.

— Я тебя отвезу, — сказал Ван. — А ты продолжай звонить жене.

Они подошли к лифтам. Рядом находилось одно из немногих в здании окон — маленькое и круглое, с толстым бронированным стеклом. Дожидаясь лифта, они выглянули в окно. На улицах маловато машин для среды. И больше, чем обычно, полицейских машин.

— О господи... — Ван показал Феликсу, куда смотреть.

К востоку от них находилась башня Си-Эн — гигантское здание-игла цвета слоновой кости. Теперь эта игла

---

[1] *Эхоплекс* — коммуникационный протокол с подтверждением приема посредством возврата передающей станции эха принятого сообщения.

торчала наклонно, словно воткнутая в мокрый песок ветка. Неужели она двигается? Да. Она все больше наклонялась, медленно набирая скорость, падая на северо-восток, в сторону финансового центра. Через секунду она миновала последнюю точку наклона и рухнула. Они ощутили толчок, когда все их здание качнулось от ударной волны, потом услышали грохот. Из обломков поднялось облако пыли, затем донеслась канонада — это самая высокая в мире отдельно стоящая конструкция обрекла на гибель массу близлежащих зданий.

— Трансляционный центр падает... — сказал Ван.

И он падал — небоскреб Си-би-си[1]. Люди разбегались во все стороны, их давило падающими обломками бетона и кирпичами. Сквозь круглое окошко это зрелище походило на искусно сделанный графический ролик, скачанный с какого-нибудь сайта.

К этому моменту вокруг них уже столпились сисадмины. Пихаясь, они пытались через окошко разглядеть разрушения.

— Что случилось? — спросил один из них.

— Упала башня Си-Эн, — ответил Феликс. Собственный голос доносился до него словно издалека.

— Это был вирус?

— «Червь»? Ты о чем? — Феликс уставился на парня, молодого админа второго типа, пока еще с небольшим животиком.

— Я не о «черве». Я получил мейл, что во всем городе объявлен карантин из-за какого-то вируса. Говорят, это биологическое оружие. — Он протянул Феликсу свой наладонник.

Феликс настолько погрузился в чтение сообщения, разосланного Министерством здравоохранения Канады, что даже не заметил, как во всем здании погас свет. Потом сунул наладонник в руку владельцу и всхлипнул.

Минуту спустя врубились генераторы. Сисадмины бросились к лестнице. Феликс схватил Вана за руку и потянул обратно.

---

[1] *Си-би-си* — канадский аналог американской Би-би-си.

— Наверное, нам лучше переждать все это в «клетке», — сказал он.

— А как же Келли?

Феликс ощутил, как к горлу подступает тошнота.

— Нам надо вернуться в «клетку», и немедленно.

Воздух туда подавался через фильтры, удаляющие микрочастицы.

— Феликс, тебе нужно домой...

— Это биологическое оружие. Супервирус. А здесь, я думаю, нам ничто не грозит, пока держатся фильтры.

— Что не грозит?

— Подключись к IRC[1].

Они подключились. Ван воспользовался «Майором Макчизом», а Феликс вышел в Сеть через «Смурфетту». Они пробежались по каналам чатов, пока не отыскали тот, где мелькало несколько знакомых ников.

> пентагона нет. белого дома тоже

> МОЙ СОСЕД В САН-ДИЕГО БЛЮЕТ КРОВЬЮ СО СВОЕГО БАЛКОНА

> Кто-то свалил Огурец[2]. Банкиры бегут из Сити как крысы.

> Я слышал, что вся Гинза[3] — сплошной пожар.

Феликс напечатал:

> Я в Торонто. Мы только что видели, как упала башня Си-Эн. Я слышал сообщение о биологическом оружии, которое убивает очень быстро.

Ван прочитал это и сказал:

---

[1] *Internet Relay Chat* — глобальная система обмена сообщениями, посредством которой пользователи могут общаться друг с другом в реальном времени. Среди русских пользователей наиболее известна программа ICQ.

[2] Огурцом жители Лондона называют 40-этажный небоскреб Сент-Мэри Экс 30, конструкция которого выполнена в виде сетчатой оболочки с центральным опорным основанием.

[3] *Гинза* — самый дорогой район в Токио со множеством магазинов, кафе, ресторанов, универмагов, художественных галерей и ночных клубов.

— Ты ведь не знаешь, насколько быстро. Может быть, мы все заразились еще три дня назад.

Феликс закрыл глаза:

— Будь это так, мы сейчас ощутили бы какие-то симптомы. Наверное...

> Похоже, электромагнитный импульс накрыл Гонконг и, может быть, Париж — съемки со спутников в реальном времени показывают, что там полный мрак, а через все их сетевые блоки рутинг[1] не идет.

> Вы в Торонто?

Это спросил незнакомый Феликсу «ник».

> Да. На Фронт-стрит.

> у меня сестра в университете Торонто, и я не могу с ней связаться — можете ей позвонить?

> Телефоны не работают — напечатал Феликс, взглянув на «ОШИБКУ СЕТИ».

— У меня в «Майоре Макчизе» есть обычный телефон, — сказал Ван, запуская программу голосовой связи через Интернет. — Только что вспомнил.

Феликс взял у него лэптоп и набрал номер домашнего телефона. Послышался один гудок, который тут же сменился кваканьем, похожим на сирену «скорой помощи» в итальянском фильме.

> Телефон не работает — снова напечатал Феликс.

Он взглянул на Вана и увидел, что его худые плечи трясутся.

— Дерьмо, — пробормотал он. — Миру приходит конец.

Час спустя Феликс с трудом заставил себя выйти из чата. Атланта горела. Манхэттен был «горячим» — настоль-

---

[1] *Рутинг* (маршрутизация) — пересылка пакетов адресату по выбранному маршруту через промежуточные маршрутизаторы.

ко радиоактивным, что вышли из строя веб-камеры на небоскребе Линкольн-плаза. Все обвиняли исламистов, пока не стало ясно, что Мекка превратилась в дымящийся кратер, а членов саудовской королевской династии повесили прямо перед их дворцами.

Руки у Феликса дрожали. Ван тихонько плакал в дальнем углу «клетки». Феликс снова попытался дозвониться домой, затем в полицию. Результат оказался таким же, как и в предыдущие двадцать попыток.

Он вышел по локальной сети на свой сервер, стоящий этажом ниже, и стал смотреть почту. Спам, спам, спам. Опять спам. Автоматические сообщения. Вот — срочное сообщение от системы обнаружения вторжений на серверы «Ардента».

Феликс открыл его и быстро прочитал. Кто-то грубо и настойчиво пробивался на его маршрутизаторы. Но и сигнатуре[1] «червя» эти попытки не соответствовали. Феликс выполнил трассировку[2] и обнаружил, что атака производится из того же здания, где находится он, — из системы в «клетке» этажом ниже.

На такой случай у него имелись наготове кое-какие процедуры. Феликс просканировал порты атакующего и выяснил, что порт 1337 был открыт — на жаргоне хакеров, использующих буквенно-цифровой заместительный код, этот порт назывался «leet» или «elite». Это был порт того типа, который «червь» оставляет открытым, чтобы выскальзывать наружу или пробираться обратно. Феликс поискал в Сети известные вирусы, которые оставляют «слухача» у порта 1337, сузил список подозреваемых на основе «отпечатков пальцев» операционной системы «зомбированного» сервера и в конце концов отыскал.

---

[1] *Сигнатура* (подпись) — информация в несколько строк, содержащая сведения об отправителе сообщения и добавляемая автоматически в конец исходящего от него сообщения. В данном случае — уникальные для каждого «червя» участки его программного кода, по которым его распознают защитные программы.

[2] *Трассировка* — в данном случае выяснение сетевых узлов, через которые сообщение дошло от отправителя к получателю (трасса, маршрут).

Это оказался древний «червь», против которого на всех серверах уже много лет назад должны были установить защиту. Не важно. У Феликса имелся для него программный клиент, и он воспользовался им, чтобы создать на том сервере корневую учетную запись для себя, затем вошел в систему и осмотрелся.

К системе был подключен еще один пользователь, scaredy. Феликс проверил монитор процессов и увидел, что этот scaredy и запустил все те сотни процессов, которые пробивались на его сервер и множество других.

Он открыл чат:

> Прекрати пробиваться на мой сервер

Он ожидал хвастовства, извинений, отрицания. Но ответ его удивил.

> Ты в инфоцентре на Фронт-стрит?
> Да
> Господи я уже думал что в живых больше никого не осталось. Я на четвертом этаже. Я думаю что снаружи проведена атака биологическим оружием. И не хочу покидать чистую комнату.

Феликс громко и облегченно выдохнул.

> Так ты меня сканировал, чтобы я проследил, откуда идет атака?
> Да
> Умный ход

Сообразительный парень.

> Я на шестом этаже, со мной еще один.
> Что тебе известно?

Феликс скопировал для него журнал IRC, послал и ждал, пока собеседник переварит новости. Ван встал и принялся расхаживать по комнате. Глаза у него остекленели.

— Ван? Что с тобой, приятель?

— Мне надо отлить.

— Дверь не открывай. Вон в том мусорнике я видел пустую бутылку из-под минералки.

— Точно, есть.

Вышагивая как зомби, он подошел к мусорнику и вытащил пустую двухлитровку. Потом отвернулся.

> Я Феликс
> Уилл

Когда Феликс подумал о 2.0, у него скрутило желудок.

— Феликс, мне нужно уйти, — заявил Ван и направился к двери шлюза.

Феликс бросил клавиатуру, вскочил, подбежал к Вану и вцепился в него.

— Ван, — сказал он, заглядывая в тусклые и невидящие глаза друга, — посмотри на меня, Ван.

— Мне нужно, — повторил Ван. — Надо попасть домой и накормить кошек.

— Там, на улице, что-то есть, быстрое и смертельное. Может быть, унесет ветер. Может, там уже все рассеялось. Но мы выйдем отсюда, только если узнаем об этом наверняка или если у нас не останется выбора. Сядь, Ван. Сядь.

— Мне холодно, Феликс.

В помещении действительно было очень холодно. Руки Феликса покрылись гусиной кожей, а ноги словно превратились в куски льда.

— Сядь напротив серверов, возле вентиляторов. Оттуда идет теплый воздух.

Ван подошел к ближайшей стойке и пристроился возле нее.

> Ты еще там?
> Пока на месте — занимаюсь кое-какой логистикой
> Как долго мы еще не сможем выйти?
> Понятия не имею

После этого никто из них долго ничего не печатал.

———

Феликсу пришлось дважды воспользоваться бутылкой из-под минералки. Потом Ван употребил ее снова. Феликс попытался дозвониться Келли. Сайт городской полиции уже давно «упал».

В конце концов он протиснулся обратно к серверам, сел, обхватил колени руками и зарыдал как ребенок.

Через минуту подошел Ван, сел рядом, обнял Феликса за плечи:

— Они мертвы, Ван. Келли и мой сын. У меня больше нет семьи.

— Ты не знаешь этого наверняка.

— Я знаю вполне достаточно. Господи, неужели всему пришел конец?

— Мы посидим здесь еще несколько часов, а потом выйдем. Скоро все должно вернуться к нормальной жизни. Пожарные справятся. И еще армию мобилизуют. Все будет хорошо.

У Феликса болели ребра. Он не плакал с тех пор... с тех пор, как родился 2.0. Он еще крепче обхватил колени.

И тут дверь открылась.

Вошли два сисадмина с покрасневшими от усталости глазами — один в футболке с надписью «ГОВОРИ СО МНОЙ ЧИСТО КОНКРЕТНО», а второй в форменной рубашке «Electronic Frontiers Canada».

— Пошли, — сказал Чисто Конкретно. — Мы все собираемся на верхнем этаже. Поднимайтесь по лестнице.

Феликс поймал себя на том, что затаил дыхание.

— Если в здании есть биоагент, то мы все инфицированы, — «порадовал» Чисто Конкретно. — Так что просто вставайте и идите. Встретимся наверху.

— Есть еще один парень на шестом этаже, — сообщил Феликс, вставая.

— Да, Уилл. Мы его нашли. Он уже наверху.

Чисто Конкретно был одним из тех «ублюдков-операторов из ада», которые обесточили большие маршрутизаторы. Феликс и Ван поднялись по лестнице медленно, их шаги гулко отражались от стен пустой лестничной шахты. После ледяного воздуха «клетки» им казалось, что на лестнице жарко, как в сауне.

На верхнем этаже располагалось кафе, где все еще работали туалеты, из кранов лилась вода и торговые автоматы продавали кофе и разную еду. Перед ними выстроились очереди встревоженных сисадминов. Никто не хотел встречаться взглядом с другим. Феликс задумался над тем, кто из них Уилл, потом встал в очередь к автомату.

Прежде чем у него кончилась мелочь, он раздобыл пару энергетических батончиков и гигантскую чашку ванильного кофе. Ван занял место за столом, и Феликс, подойдя, поставил перед ним чашку и положил батончик.

— Оставь мне немного, — сказал он, направляясь к очереди в туалет.

К тому времени, когда все они более или менее устроились, облегчились и подкрепились, в кафе вернулись Чисто Конкретно и его друг. Они сняли кассовый аппарат в конце прилавка с подогреваемыми лотками для горячих блюд, и Чисто Конкретно забрался на прилавок. Все разговоры медленно стихли.

— Я Ури Попович, а это Диего Розенбаум. Спасибо всем, что пришли. Вот что нам известно точно: энергия в здание уже три часа поступает от генераторов. Визуальное наблюдение показывает, что это единственное здание в центральной части Торонто, где имеется электричество, — и оно у нас будет еще три дня. Снаружи выпущен на волю биологический агент неизвестной природы. Он убивает быстро, в течение нескольких часов, и распространяется аэрозольным путем. Инфицирование происходит при вдыхании зараженного воздуха. Начиная с пяти утра сегодняшнего дня никто не открывал наружные двери этого здания. И никто не откроет, пока не получит от меня разрешение.

Нападения на главные города по всему миру повергли аварийные службы в хаос. Атаки были электронные, биологические, ядерные и с использованием обычных взрывчатых веществ, и их объекты расположены далеко друг от друга. Я инженер службы безопасности, и там, где меня обучали, атаки подобного рода обычно рассматриваются как оппортунистические: то есть группе Б удается взорвать мост, потому что все силы брошены на ликвидацию последствий грязного ядерного взрыва, устроенного группой А. Это ум-

ный ход. Самым ранним событием, какое мы смогли обнаружить, стала газовая атака в метро Сеула, проведенная местной ячейкой «Аум синрикё» около двух часов ночи по восточноевропейскому времени. Возможно, это событие и стало той соломинкой, которая сломала спину верблюду. Мы совершенно уверены, что «Аум синрикё» не может стоять за всемирной катастрофой подобного масштаба, — у них нет опыта ведения информационной войны, и они никогда не демонстрировали той организационной хватки, которая необходима, чтобы поразить столько целей одновременно. Проще говоря, они недостаточно умны.

Мы заперлись здесь ради будущего, во всяком случае, до тех пор, пока биологический агент не будет опознан и рассеян. Мы будем обслуживать серверы и поддерживать Сеть в рабочем состоянии. Это критически важная инфраструктура, и наша работа — обеспечить ей пять девяток аптайма. Во времена национального бедствия мы несем за это двойную ответственность.

Один из сисадминов поднял руку. Он смотрелся очень дерзко в зеленой футболке «НЕВЕРОЯТНАЯ ГРОМАДИНА» и был одним из самых молодых.

— Кто сделал тебя королем?

— У меня под контролем главная система безопасности, ключи от каждой «клетки» и пароли для наружных дверей, — кстати, все они сейчас заперты. Я тот, кто привел вас всех сюда и объявил собрание. Я не желал этой работы, потому что она дерьмовая. Но кому-то нужно ее делать.

— Ты прав, — согласился парень. — И я могу делать ее не хуже тебя. Меня зовут Уилл Сарио.

Попович взглянул на него сверху вниз:

— Что ж, если позволишь мне договорить, то я потом, может быть, вручу тебе бразды правления.

— Бога ради, заканчивай.

Сарио повернулся к нему спиной и подошел к окну. Он внимательно смотрел наружу. Взгляд Феликса тоже переместился туда, и он увидел, что в городе поднимается несколько маслянистых столбов дыма.

После того как Поповича прервали, он утратил прежний напор.

— Короче, этим мы и займемся, — только и сказал он.

После затянувшейся паузы парень обернулся:

— О, теперь моя очередь?

Послышались добродушные смешки.

— А вот что думаю я: весь мир скоро окажется по уши в дерьме. Произошли скоординированные атаки на все критические узлы инфраструктуры. И есть только один способ так все скоординировать: через Интернет. Даже если мы согласимся с предположением, что атаки были оппортунистическими, нам надо задать вопрос о том, как нападение может быть организовано за несколько минут. Ответ один — Интернет.

— Значит, по-твоему, нам нужно выключить Интернет? — рассмеялся Попович, но смолк, когда Сарио не ответил.

— Этой ночью мы увидели атаку, которая едва не убила Интернет. Немного DoS-атак[1] на важнейшие серверы, немного манипуляций с DNS[2], и он падает, как дочка проповедника. Копы и военные — просто банда технофобных лузеров, они вообще практически не полагаются на Сеть. Если мы вырубим Интернет, то создадим непропорционально большую преграду нападающим и лишь небольшую помеху для защитников. А когда придет время, мы сможем его восстановить.

— Да ты гонишь, — пробормотал Попович, у которого буквально отвисла челюсть.

— Это логичное решение. Многие не любят смотреть в лицо логике, когда она диктует тяжелые решения. Но это проблема людей, а не ее.

Начавшиеся после этих слов разговоры быстро перешли в гвалт.

---

[1] *DoS* (Denial of Service) — отказ от работы *(англ.)*. Атаки подобного рода используются хакерами для «подвешивания» конкретных сайтов или серверов, при этом на сайт одновременно направляются тысячи запросов на соединение (как если бы на него пожелали зайти тысячи посетителей сразу). Это перегружает возможности программного и аппаратного обеспечения по обработке запросов, и сайт «зависает», выдавая администрации сообщение об отказе от работы.

[2] *DNS* (Domain Name System) — служба имен доменов (механизм, используемый в Интернете и устанавливающий соответствие между числовыми IP-адресами и текстовыми именами).

— Заткнитесь! — взревел Попович. Шум стал тише примерно на один децибел. Попович рявкнул снова и топнул по прилавку. Наконец какое-то подобие порядка восстановилось. — Говорить по одному! — сказал Попович. Лицо его раскраснелось, руки он держал в карманах.

Один админ был за то, чтобы остаться. Другой — чтобы уйти. Им нужно отсидеться в «клетках». Провести учет имеющихся запасов и назначить главного по снабжению. Выйти и отыскать полицию или пойти добровольцами в госпитали. Надо назначить охранников, чтобы обеспечить неприступность входной двери.

Феликс вдруг с удивлением обнаружил, что стоит с поднятой рукой. Попович дал ему слово.

— Меня зовут Феликс Тремонт, — сказал он, забравшись на один из столов и достав из кармана наладонник.— Хочу вам кое-что прочитать.

«Правительства промышленного мира, изнуренные гиганты из плоти и стали, я прибыл из киберпространства, нового дома Разума. В интересах будущего я предлагаю вам, чье место уже в прошлом, оставить нас в покое. Вам нечего делать среди нас. У вас нет власти там, где собираемся мы.

У нас нет выбранного правительства и вряд ли будет, поэтому я обращаюсь к вам, обладая лишь теми полномочиями, с какими всегда говорит сама свобода. Я объявляю глобальное общественное пространство, создаваемое нами, независимым от тирании, которую вы стремитесь навязать. У вас нет морального права властвовать над нами, равно как нет методов принуждения, которые вы могли бы использовать.

Правительства черпают свою юридическую силу из согласия тех, кем они управляют. Вы не просили нашего согласия и не получали его. Мы не приглашаем вас. Вы не знаете нас, как не знаете и наш мир. Киберпространство вне пределов ваших границ. Не думайте, что вы можете построить его, словно это общественный строительный проект. Не сможете. Это естественный процесс, и мы растем за счет наших коллективных действий».

Это цитата из «Декларации независимости киберпространства». Она была написана двенадцать лет назад. Я ду-

мал, что никогда не читал ничего прекраснее. Я хотел, чтобы мой сын вырос в мире, где киберпространство свободно и где эта свобода влияет на реальный мир, тоже делая его свободнее.

Феликс сглотнул и потер глаза. Ван неуклюже похлопал его по ботинку.

— Мой чудесный сын и моя чудесная жена сегодня умерли. И миллионы других тоже. Город буквально пылает. Многие города вообще исчезли.

Он всхлипнул и снова сглотнул.

— Но по всему миру люди вроде нас собрались в подобных зданиях. Они пытались справиться с ночной атакой «червя», когда разразилась катастрофа. У нас есть независимый источник питания. Еда. Вода.

У нас есть Сеть, которую плохие парни использовали таким образом, как хорошие парни не могли и предположить.

Нас объединяет любовь к свободе, которая рождена нашим неравнодушием и заботой о Сети. Мы отвечаем за самый важный инструмент организации и управления в истории человечества. В данный момент мы самое близкое подобие правительства, которое осталось в мире. На месте Женевы сейчас кратер. Вашингтон в огне, а здание ООН эвакуировано.

Распределенная республика киберпространства пережила эту бурю практически без последствий. И теперь мы — хранители бессмертной, огромной и чудесной машины, потенциально способной возродить мир. Лучший мир.

Мне незачем больше жить — только ради этого.

В глазах Вана блестели слезы. И не только у него. Феликсу не стали аплодировать. Долгие секунды все хранили полное и уважительное молчание.

— И как мы это сделаем? — без тени сарказма поинтересовался Попович.

Группы новостей заполнялись быстро. Они объявили их в news.admin.net-abuse.email, где собирались все борцы со спамом и где существовала устойчивая культура товарищества при отражении полновесных атак.

Новой группой стала alt.november5-disaster.recovery, с подгруппами recovery.goverance, recovery.finance, recovery.lo-

gistics и recovery.defence. Да будет благословенна «мохнатая» иерархия alt. и все те, кто по ней плавает.

Сисадмины появлялись в ней один за другим. Остался в онлайне гигант «Google», где доблестная Queen Kong руководила командой помощников, которые раскатывали на роликах по огромному инфоцентру, заменяя в стойках умершие жесткие диски и нажимая клавиши перезагрузки. Сайт «Интернет-архив» в Пресидио выпал из Сети, но его зеркало в Амстердаме оказалось живо, и они переадресовали DNS так, что разницы практически никто и не заметил. «Amazon» упал. «PayPal» работал. «Blogger», «TypePad» и «LiveJournal» работали и заполнялись миллионами сообщений от уцелевших и перепуганных людей со всего мира, сбивавшихся вместе ради толики электронного тепла.

Ленты фотографий на сайте «Flickr» оказались ужасны. Феликсу пришлось отписаться от них, когда он увидел фото женщины и младенца, лежащих в кухне и переплетенных мучительной смертью в жуткий иероглиф. Они не были похожи на Келли и 2.0, но этого и не требовалось. Феликса затрясло, и он не мог успокоиться.

«Википедия» работала, но шаталась от нагрузки. Спам лился потоком, словно ничего не случилось. По Сети бродили вирусы.

Основные события происходили в recovery.logistics.

> Для проведения региональных выборов мы можем воспользоваться механизмом голосования групп новостей

Феликс знал, что это должно сработать. Голосования в группах новостей «Usenet» проводились уже более двадцати лет и без серьезных проблем.

> Мы выберем региональных представителей, а они выберут премьер-министра

Американцы настаивали на президенте, что Феликсу не понравилось. Его будущее не будет американским бу-

дущим. Американское будущее ушло навсегда вместе с Белым домом. А он строил дом побольше этого.

На связь вышли французские сисадмины из «Франс телеком». Инфоцентр «Европейского союза радиовещания» уцелел после атак, разрушивших Женеву, и оказался полон настороженных немцев, чей английский был лучше, чем у Феликса. Удалось установить хорошие отношения и с остатками команды Би-би-си на Канарских островах.

В .recovery.logistics общались на смеси диалектов английского, и Феликс чувствовал преимущество на своей стороне. Некоторые админы остужали слишком горячие головы, затевавшие неизбежные и дурацкие перебранки; они пускали в ход опыт, накопленный за долгие годы. Другие слали полезные предложения.

И удивительно: лишь немногие сочли, что Феликс слегка рехнулся.

> Думаю, нам надо провести выборы как можно скорее. Самое позднее — завтра. Мы не можем управлять законно без согласия тех, кем управляем.

Через несколько секунд пришел ответ:

> Ты что, серьезно? Согласие управляемых? Если я все поняла правильно, то большинство людей, которыми ты предполагаешь управлять, сейчас или мучаются перед смертью, или прячутся под столами, или потрясенно бродят по улицам городов. И когда ОНИ смогут проголосовать?

Феликсу пришлось признать ее правоту. Queen Kong была умна. Женщин-админов оказалось немного, и это стало настоящей трагедией. Такими женщинами, как Queen Kong, просто нельзя разбрасываться. Надо будет пробить решение о том, чтобы сбалансировать число женщин в его новом правительстве. Потребовать, чтобы каждый регион выбрал по одному мужчине и по одной женщине?

Он охотно подбросил ей эту идею. Выборы состоятся завтра, уж он за этим проследит.

— Премьер-министр киберпространства? Почему бы не назваться Великим Пуба[1] глобальной информационной Сети? Это более почетно, звучит круче и даст тебе примерно столько же полномочий.

Уилл лег спать в кафе рядом с Феликсом, а Ван примостился с другого бока. В помещении изрядно попахивало: в него набилось двадцать пять сисадминов, которые уже давно не мылись.

— Заткнись, Уилл, — сказал Ван. — Ты хотел вырубить Интернет.

— Поправка: *я хочу* вырубить Интернет. Настоящее время.

Феликс приоткрыл один глаз. Он так устал, что даже это показалось тяжелой атлетикой.

— Послушай, Сарио, если тебе не нравится моя предвыборная платформа, то предложи свою. Есть множество людей, которые считают меня полным кретином, и я их за это уважаю, потому что они или выставили свои кандидатуры против меня, или поддерживают тех, кто выставил. Это твой выбор. Но хныканье и жалобы в меню не включены. Так что либо спи, либо встань и опубликуй свою платформу.

Сарио медленно сел, развернул куртку, которой пользовался вместо подушки, и надел ее.

— Ну и хрен с вами. Я ухожу.

— Я думал, он никогда не исчезнет, — буркнул Феликс и отвернулся. Не в силах заснуть, он еще долго лежал и думал о выборах.

Кроме него, имелись и другие кандидаты. Некоторые из них даже не были сисадминами. Один американский сенатор оказался в тот день в своем уединенном летнем доме в Вайоминге, с автономным генератором и спутниковым телефоном. Каким-то образом он отыскал нужную группу но-

[1] *Пуба* — лицо, занимающее сразу несколько должностей (по персонажу комической оперы Гилберта и Салливана «Микадо»).

востей и заявил, что выставляет свою кандидатуру. Какие-то хакеры-анархисты из Италии яростно атаковали группу всю ночь, публикуя написанные на корявом английском пространные статьи о политическом банкротстве «управления» в новом мире. Феликс взглянул на их сетевой адрес и определил, что они, вероятно, сидят в небольшом институте интерактивного дизайна возле Турина. Италия пострадала очень серьезно, но в небольшом городе эта ячейка анархистов сумела отыскать убежище.

Удивительно много кандидатов выступали за отключение Интернета. Феликс сомневался, возможно ли такое вообще, но решил, что понимает их стремление покончить разом и с работой, и с миром. Почему бы и нет? Судя по всему, работа админов до сих пор сводилась к каскаду технических проблем, нападениям и оппортунизму, и все они в совокупности завершились Большим Обломом. Атака террористов здесь, жесткая контратака правительства там... Не успеешь опомниться, как они добьют то, что еще уцелело.

Феликс заснул, думая о логистике отключения Интернета, и ему снились кошмары, в которых он был единственным защитником Сети.

Проснулся он от какого-то шуршания. Повернувшись на бок, Феликс увидел сидящего Вана. Бросив скомканную куртку на колени, тот энергично чесал свои худые руки. Кожа на них стала цвета солонины и чешуйчатой. В лучах света, льющихся сквозь окна кафе, летали и клубились облачка кожных чешуек.

— Что ты делаешь?

Феликс сел. От вида того, как ногти Вана раздирают кожу, его тело тоже зачесалось. Он уже три дня не мыл голову, и иногда у него возникало ощущение, что голову буравят маленькие насекомые, откладывающие в волосах яйца. Вечером, поправляя очки, он провел за ушами, и на пальце осталась блестящая пленка сала. Если Феликс пару дней не принимал душ, за ушами у него появлялись угри, а иногда и огромные фурункулы, которые Келли в конце концов выдавливала с каким-то извращенным удовольствием.

— Чешусь, — ответил Ван и принялся за голову, подняв облако перхоти, которое соединилось с клубами чешуек. — Господи, у меня все тело чешется.

Феликс достал «Майора Макчиза» из рюкзачка Вана и подключил к нему один из кабелей локальной сети, которые змеились тут по всему полу. Затем принялся искать через «Google» все, что могло быть с этим связано. На слово «чешется» выпало 40 600 000 ссылок. Тогда Феликс попробовал составные запросы и получил более конкретные ссылки.

— Думаю, это экзема на нервной почве, — заявил он.

— Нет у меня никакой экземы.

Феликс продемонстрировал ему несколько впечатляющих фотографий красной раздраженной кожи, покрытой белыми чешуйками.

— Экзема, — констатировал он, указывая на подпись под снимком.

Ван осмотрел свои руки.

— Похоже, — согласился он.

— Тут написано, что надо увлажнять кожу и смазывать ее кортизоновой мазью. Загляни в аптечку на втором этаже в туалете. Кажется, я видел эту мазь.

Подобно всем остальным сисадминам, Феликс обыскал кабинеты, офисы, туалеты, кухню и кладовые, после чего его рюкзачок пополнился рулоном туалетной бумаги и четырьмя энергетическими батончиками. По негласной договоренности еда в кафе считалась общей, при этом каждый сисадмин приглядывался к другим — не страдает ли кто из них обжорством и не прихватывает ли что-нибудь про запас. Все были убеждены, что втихаря происходит и то и другое.

Ван встал, и, когда на его лицо упал свет, Феликс увидел, как набухли его веки.

— Я напишу в рассылку, спрошу про другие антигистамины, — пообещал Феликс.

Через несколько часов после первого собрания они организовали четыре почтовые рассылки и три форума на «Википедии» для тех, кто уцелел в здании, но за последующие дни решили, что хватит и одной. Еще Феликс был подписан на небольшую рассылку вместе с пятью своими

наиболее верными друзьями, двое из которых оказались заперты в таких же «клетках», но в других странах. Он подозревал, что остальные админы поступают так же.

Ван, волоча ноги, направился к двери.

— Удачи тебе на выборах, — сказал он, похлопав Феликса по плечу.

Феликс встал и принялся расхаживать по кафе, время от времени останавливаясь, чтобы выглянуть в грязные окна. В Торонто все еще бушевали пожары, их стало даже больше. Феликс пытался отыскать почтовые рассылки или сетевые дневники горожан, но нашел лишь те, которые вели другие админы в других инфоцентрах. Возможно — и даже вероятно, — что у тех, кто выжил в городе, имелись более важные дела, чем посылать сообщения через Интернет. Домашний телефон Феликса по-прежнему отвечал время от времени, но он перестал туда звонить уже на второй день, когда, в пятидесятый раз услышав голос Келли, читающий автоматическое сообщение, заплакал прямо на совещании. И не только он.

День выборов. Пора держать ответ.

> Ты нервничаешь?

> Нет — напечатал Феликс и добавил:

> если честно, то меня мало волнует, одержу ли я победу. Я просто рад, что мы это делаем. Альтернатива торчать здесь и сходить с ума, ожидая, пока кто-нибудь не выломает нашу дверь.

Курсор долго не перемещался. Queen Kong отвечала с большой задержкой, потому что управляла своей командой гуглоидов и делала все, что могла, лишь бы ее инфоцентр оставался в онлайне. Три оффшорные «клетки» «Google» отключились, а два из шести их резервных сетевых каналов были уничтожены. К счастью для нее, число запросов в секунду постепенно сокращалось.

> Есть еще Китай — напечатала она.

У Queen Kong имелась большая доска с картой мира, раскрашенной в цвета, обозначающие число запросов к Google

в секунду, и она творила с ней чудеса, показывая на цветных диаграммах динамику падения числа запросов во времени. Она загрузила на сайт много видеоклипов, показывающих, как чума и бомбы вымели планету: первоначальный шквал запросов от людей, желающих понять, что происходит, а затем мрачное и резкое падение, когда болезнь начинала косить свои жертвы.

> Китай до сих пор выдает девяносто процентов от номинала

Феликс покачал головой.

> Ты ведь не думаешь, что это они во всем виноваты?

> Нет — напечатала она, потом стала набирать еще что-то и остановилась.

> Конечно нет. Я верю в гипотезу Поповича. Каждая сволочь в мире использует других сволочей для прикрытия. Но в Китае их прижали к ногтю быстрее и решительнее, чем в других странах. Может быть, мы наконец-то выяснили, какая может быть польза от тоталитарного государства.

Феликс не смог удержаться от искушения и напечатал:

> Тебе повезло, что твой босс не может это прочесть. Ведь вы являлись весьма активными участниками строительства Великого Китайского Брандмауэра.

> Это была не моя идея — ответила она.

> И мой босс мертв. Наверное, они все мертвы. По всему району Залива нанесли серьезный удар, а потом произошло землетрясение.

Они видели автоматический поток данных Службы геологического наблюдения США, поведавший о земле-

трясении в 6,9 балла, которое превратило в развалины Северную Калифорнию от Гилроя до Себастополя. Некоторые веб-камеры показали масштаб разрушений — взрывы газопроводов, сейсмоустойчивые здания, падающие, словно конструкции из детских кубиков после хорошего пинка. Здание «Googleplex», установленное на гигантские стальные пружины, тряслось, как тарелка с желе, но серверные стойки остались на месте, а худшим ранением у них оказался сильно поврежденный глаз одного из админов, которому в лицо угодили щипцы для обжима кабеля.

> Извини. Я забыл.

> Ничего. Мы ведь все потерянные люди, верно?

> Да. В любом случае выборы меня не волнуют. Кто бы ни победил, мы делаем хотя бы ЧТО-ТО

> Нет — если они проголосуют за одного из слизняков

Слизняками некоторые из админов называли тех, кто хотел отключить Интернет. Л ввела термин в обращение Queen Kong, — очевидно, он обозначал невежественных IT-менеджеров, сквозь строй которых она пробивалась на протяжении всей своей карьеры.

> Не проголосуют. Они просто устали и огорчены, вот и все. Те, кто тебя одобряет, одержат победу

Среди уцелевших гуглоиды были одной из самых многочисленных и влиятельных группировок, наряду с командами спутниковой связи и оставшимися трансокеанскими командами. Поддержка Queen Kong стала для Феликса сюрпризом, и он послал ей письмо, на которое она коротко ответила: «Не могу допустить, чтобы командовали слизняки».

> мне надо идти — напечатала она, и тут связь с ней прервалась.

Феликс запустил браузер и набрал google.com. Браузер выдал тайм-аут. Он повторил запрос на соединение, потом снова и снова, пока на экране не появилась главная страница сайта. Какой бы ни была причина обрыва связи — отказ питания, вирусы, еще одно землетрясение, — Queen Kong ее восстановила. Феликс фыркнул, увидев, что они заменили буквы «о» в логотипе «Google» маленькими изображениями глобуса Земли с торчащими из него грибовидными облачками.

— Есть что-нибудь пожевать? — спросил Ван.

Была вторая половина дня, но на время в инфоцентре особого внимания не обращали. Феликс похлопал по карманам. Сисадмины все-таки назначили интенданта, но к тому времени все уже успели запастись кое-какой едой из автоматов. Феликс раздобыл дюжину энергетических батончиков и несколько яблок. Он взял еще и парочку бутербродов, но мудро съел их в первую очередь, пока они окончательно не зачерствели.

— Остался один батончик, — сообщил Феликс.

Этим утром он заметил, что брюки на нем болтаются, и даже сначала порадовался этому. Потом вспомнил, как Келли дразнила его за лишний вес, и расплакался. Затем съел два батончика, и у него остался всего один.

— О-о... — протянул Ван. Его и без того ввалившиеся щеки запали еще больше, а плечи над цыплячьей грудью поникли.

— Держи. И голосуй за Феликса.

Ван взял у него батончик и положил на стол перед собой.

— Знаешь, я хотел бы вернуть его со словами: «Нет, не могу», но я зверски голодный, поэтому просто возьму его и съем, хорошо?

— Не возражаю. Валяй.

— Как продвигаются выборы? — спросил Ван, срывая с батончика обертку.

— Не знаю. Давно уже не проверял.

Пару часов назад он выигрывал с небольшим преимуществом. В подобной ситуации отсутствие лэптопа серьез-

но ограничивало возможности Феликса отслеживать информацию. В разных «клетках» находился десяток таких же бедняг, как и он сам, — тех, кто рванул из дому по срочному вызову, не прихватив с собой что-либо со встроенным WiFi.

— Тебя прокатят, — заявил Сарио, усаживаясь рядом с ними. Он стал печально знаменит в инфоцентре тем, что никогда не спал, подслушивал разговоры и затевал в реальной жизни стычки того же накала страстей, что и мгновенно вспыхивающие в «Usenet» перебранки. — Победителем станет тот, кто понимает несколько очевидных фактов. — Он поднял кулак и принялся отсчитывать пункты, распрямляя палец за пальцем. — Первый: террористы используют Интернет, чтобы уничтожить мир, и мы должны опередить их, уничтожив Интернет. Второй: даже если я не прав, вся эта затея яйца выеденного не стоит, потому что у нас скоро кончится горючее для генераторов. Третий: если оно не кончится сейчас, то кончится потом, потому что старый мир скоро вернется, а ему наплевать на ваш новый мир. Четвертый: жратву мы израсходуем быстрее, чем силы на споры о причинах, почему нам не следует выходить наружу. У нас есть шанс сделать хоть что-то, что поможет миру восстановиться: мы можем убить Сеть и ликвидировать ее как инструмент в руках плохих парней. Или же мы можем переставить несколько кресел на мостике твоего личного «Титаника», на котором ты плывешь к прекрасной мечте под названием «независимое киберпространство».

Проблема заключалась в том, что Сарио был прав. Горючее у них закончится через два дня — время от времени в городской сети появлялся ток, и это сэкономило им часть горючего. И если согласиться с его гипотезой о том, что Интернет в первую очередь использовался как инструмент для организации нового хаоса, то его отключение станет верным решением.

Но жена и сын Феликса были мертвы. Он не хотел возрождать старый мир. Он хотел построить новый. В старом мире для него больше не было места.

Ван почесал свою воспаленную, шелушащуюся кожу. Облачка чешуек закружились в душном, наполненном испарениями воздухе. Сарио брезгливо выпятил губу:

— Отвратительно. Мы дышим рециркулированным воздухом, если ты этого не знаешь. И какая бы проказа тебя ни пожирала, забивать своей дрянью фильтры весьма антисоциально.

— Ты сам главный авторитет по антисоциальному, Сарио, — ответил Ван. — Катись отсюда, *или я тебя забью* плоскогубцами.

Он перестал чесаться и похлопал по чехольчику с универсальным инструментом, совсем как стрелок по кобуре с револьвером.

— Да, я антисоциальный! У меня синдром Аспергера, и я не принимал лекарства уже четыре дня. А у тебя какая гребаная причина?

Ван еще немного почесался.

— Извини, — сказал он. — Я не знал.

Сарио расхохотался:

— О, вы все бесценны! Готов поспорить, что три четверти собравшихся здесь пребывают на грани аутизма. А я просто-напросто задница. Зато я не боюсь говорить правду, и это делает меня лучше тебя, недоносок.

— *Пошел на хрен, слизняк!* — *отрезал Феликс.*

У них оставалось топлива меньше чем на день, когда Феликса избрали первым в истории премьер-министром киберпространства. Но сначала подсчет голосов запорол чей-то сетевой робот, посылавший письма с ложными бюллетенями голосования, и они потеряли целый драгоценный день, пересчитывая голоса заново.

К тому времени идея начала все больше походить на шутку. Половина инфоцентров замолкла. Карты запросов в «Google», составляемые Queen Kong, выглядели все мрачнее по мере того, как все больше мест в мире уходило в офлайн, а статистика по многочисленным новым запросам гласила, что людей в основном интересует здоровье, жилье, санитария и самооборона.

Вирусная нагрузка на Сеть *падала*. Многие пользователи домашних компьютеров остались без электричества,

поэтому их «зомбированные» компьютеры, прежде рассылавшие вирусы, выпали из Сети. Магистрали[1] на схемах по-прежнему светились и мерцали, но послания из этих инфоцентров становились все более отчаянными. Феликс не ел целый день, и персонал на одной наземной станции трансокеанской спутниковой связи — тоже.

Вода тоже заканчивалась.

Попович и Розенбаум пришли к Феликсу сразу, едва он успел ответить на несколько поздравительных писем и разослать по группам новостей уже заготовленную «тронную» речь.

— Мы собираемся открыть двери, — сообщил Попович.

Как и все, он похудел, а кожа лоснилась от жира и грязи. Воняло от него примерно как от мусорных баков за рыбным рынком в жаркий день. Феликс не сомневался, что от него запашок не лучше.

— Хотите сходить на разведку? Поискать горючее? Мы можем создать рабочую группу. Отличная идея.

Розенбаум грустно покачал головой:

— Мы собираемся отыскать наши семьи. Что бы там ни было снаружи, оно уже рассеялось. Или не успело. В любом случае здесь нет будущего.

— А как же обслуживание Сети? — спросил Феликс, хотя уже знал ответ. — Кто не даст маршрутизаторам «упасть»?

— Мы оставим тебе главные пароли ко всем, — сказал Попович.

Руки у него дрожали, глаза потускнели. Как и многие курильщики, застрявшие в инфоцентре, он всю неделю страдал без сигарет. Все, что содержало кофеин, тоже закончилось два дня назад. Но курильщикам пришлось тяжелее всего.

— И я просто останусь здесь и буду поддерживать систему в онлайне?

— Ты и все те, кого это еще волнует.

Феликс знал, что упустил свой шанс. Выборы представлялись поступком благородным и отважным, но, если поду-

---

[1] *Магистраль сети* — основной кабель, от которого кабели приемопередатчиков сигналов идут к компьютерам, повторителям и мостам, обеспечивая для каждой связанной с магистралью системы возможность соединения с любой другой системой, также подключенной к магистрали.

мать, они стали всего лишь предлогом для соперничества в то время, когда следовало решать, что делать дальше. Проблемой оказалось то, что дальше делать было нечего.

— Я не могу заставить вас остаться.

— Да, не можешь.

Попович повернулся и вышел.

Розенбаум посмотрел ему вслед, потом схватил Феликса за плечо:

— Спасибо, Феликс. Это была прекрасная мечта. А может, все еще есть. Может быть, мы раздобудем еду, горючее и еще вернемся.

У Розенбаума была сестра, с которой он поддерживал контакт по Сети в первые дни кризиса. Потом она перестала отвечать. Админы разделились на тех, у кто был шанс попрощаться с родными, и на тех, у кого его не было. Каждый считал, что другому повезло больше.

Попович и Розенбаум написали сообщение для внутренней группы новостей — в конце концов, они все еще оставались админами, — и вскоре на первом этаже собрался небольшой почетный караул из сисадминов, решивших посмотреть, как два их товарища будут выходить через двойные двери. Уходящие набрали код — поднялись стальные заслонки, затем открылись внутренние двери. Админы шагнули в вестибюль и закрыли за собой двери. Открылись наружные двери. На улице было очень ярко и солнечно, и, если не считать непривычной пустоты вокруг, все выглядело нормально. Душераздирающе нормально.

Двое сделали робкий шаг в новый мир. Затем еще один. Повернулись, помахали оставшимся. И внезапно схватились за горло, рухнули и начали корчиться и дергаться.

— Господи-и-и!.. — только и успел выдохнуть Феликс, как парочка шутников отряхнулась и встала, хохоча так, что вскоре оба ухватилась за бока. Затем они помахали снова, повернулись и ушли.

— Господи, вот придурки-то, — сказал Ван и почесал руки, на которых виднелись длинные кровоточащие царапины. Его одежда была до такой степени усыпана чешуйками кожи, что казалась посыпанной сахарной пудрой.

— А по-моему, было очень смешно, — возразил Феликс.

— Боже, как я хочу есть!

— К счастью для тебя, в нашем распоряжении все, что только можно съесть.

— Вы слишком добры к нам, простым работягам, мистер президент.

— Премьер-министр, — поправил Феликс. — И ты не работяга, а заместитель премьер-министра. Ты мой официальный разрезатель ленточек и вручатель чеков на огромные суммы за инновации.

От шуток им обоим полегчало. А зрелище того, как уходят Попович и Розенбаум, подбодрило всех. К тому времени Феликс уже знал, что вскоре уйдут и остальные.

Исход был предопределен запасом горючего, но кто захочет ждать, пока оно закончится?

> половина моей команды утром ушла — напечатала Queen Kong.

Разумеется, «Google» держался очень хорошо. Нагрузка на серверы стала гораздо меньше, чем была с тех пор, когда весь «Google» умещался в нескольких самодельных персоналках, стоящих под конторским столом в Стэнфорде.

> а нас осталось четверть — ответил Феликс.

Прошел всего лишь день после ухода Поповича и Розенбаума, но трафик групп новостей упал почти до нуля. У Феликса и Вана тоже не хватало времени, чтобы играть в Республику киберпространства. Они были слишком заняты, изучая системы, которые передал им Попович, — большие машрутизаторы, продолжавшие работать как главный пункт обмена данными для всех сетевых магистралей Канады.

Но все же время от времени кто-то посылал сообщения в группы новостей, обычно желая попрощаться. Старые сетевые войны из-за того, кто станет премьер-министром, нужно ли отключать Сеть или кто берет слишком много еды, отошли в прошлое.

Феликс перезагрузил группу новостей и увидел типичное сообщение.

> Свихнувшиеся процессы на Solaris
> Привет. Я всего лишь мелкая компьютерная сошка, но я остался тут один, а четыре наших DSL-сервера только что упали. Похоже, на них работает какая-то клиентская учетная программа, которая пытается вычислить, какие счета надо выставить нашим корпоративным клиентам, и она порождает тысячи запросов и жрет весь обмен данными. Я хочу ее прихлопнуть, но у меня не получается. Какой магический ритуал мне надо совершить, чтобы заставить этот проклятый думатель грохнуть подобное дерьмо? Один черт, ведь вряд ли кто из наших клиентов когда-нибудь оплатит счета. Я запросил парня, который написал эту программу, но он уже давно покойник, и все, кто мог помочь, тоже.

Феликс перезагрузил группу снова и увидел ответ. Он был коротким, авторитетным и по существу — такой, каких почти никогда не увидишь в группах новостей крупного калибра, когда новичок задает глупый вопрос. Апокалипсис разбудил во всемирном сообществе системных администраторов дух терпеливой взаимопомощи.

Ван заглянул ему через плечо:

— Черт, кто бы подумал, что он на такое способен?

Феликс взглянул на имя отправившего ответ. Он пришел от Уилла Сарио. Феликс перешел в окошко чата.

> сарио я думал что ты хотел отключить сеть почему же ты помогаешь салагам налаживать их сервера?
> мистер ПМ, а вдруг у меня просто сил нет смотреть как компьютер страдает в руках любителя?

Феликс перешел на канал, где он общался с Queen Kong.

> Когда?

> Когда я в последний раз спала? Два дня назад. Когда кончится горючее? Через три дня. Когда у нас кончилась еда? Два дня назад.

> Господи. Я прошлую ночь тоже не спал. У нас здесь не хватает рук.

> есть тут кто? я моника, живу в пасадене и мне до смерти надоело делать уроки. ХОчешь скаЧать мою фотку?

«Троянские» роботы теперь трудились во всех IRC, перепрыгивая на любой канал, где имелся хоть какой-то трафик. Иногда пять-шесть ботов начинали флиртовать друг с другом. Когда Феликс наблюдал за тем, как одна вирусная программа пытается уговорить другую свою версию загрузить «трояна», ему становилось немного не по себе.

Они одновременно вышибли бота из канала. У него теперь для этого имелся скрипт. Количество же спама практически не уменьшилось.

> Как получается, что спама не становится меньше? Ведь половина чертовых инфоцентров уже не работает

Queen Kong долго не отвечала. Как и всегда, если ожидание ответа затягивалось, он уже привычно перезагрузил главную страницу «Google». И точно, сайт завис.

> Сарио, у тебя хоть какая-то еда есть?

> Вам не помешает парочка лишних обедов, ваше превосходительство?

Ван снова перешел на «Майора Макчиза» и находился на том же канале.

— Вот ведь скотина... А ты сегодня неплохо выглядишь, чувак.

Ван смотрелся далеко не так хорошо. Вид у него был такой, словно его может повалить хороший порыв ветра, а речь стала флегматичной и вялой.

> привет Kong все в порядке?
> все хорошо пришлось отойти и дать кое-кому пинка под зад

— Как трафик, Ван?
— С утра упал на двадцать пять процентов.

Имелось определенное количество сетевых узлов, соединение с которыми осуществлялось через их маршрутизаторы. Предположительно бóльшую их часть составляли домашние или коммерческие пользователи из тех мест, где еще было электричество, а центральные АТС телефонных компаний пока работали.

Время от времени Феликс подключался к каналам связи и прослушивал их, надеясь отыскать кого-нибудь с новостями из большого мира. Но почти весь трафик оказался автоматическим: пересылались резервные копии данных или обновления. И спам. Много спама.

> Количество спама растет потому, что службы по борьбе с ним отключаются быстрее серверов и компьютеров, на которых спам генерируется. Все службы по борьбе с сетевыми «червями» централизованы и собраны в нескольких местах. А генерируется спам на миллионах зомбированных компьютеров. Жаль, что у лузеров не хватило здравого смысла выключить свои домашние компьютеры перед тем, как откинуть копыта или смыться.
> если так пойдет и дальше то к обеду мы уже не будем пересылать ничего кроме спама

Ван хрипловато и с натугой кашлянул.

— Как раз хотел об этом поговорить, — сказал он. — Я думал, что этот момент наступит раньше. Феликс, по-моему, если мы просто возьмем и уйдем отсюда, этого никто и не заметит.

Феликс посмотрел на его изможденное лицо, кожу цвета говядины, длинные незаживающие расчесы. Пальцы у Вана дрожали.

— Ты пьешь достаточно воды?

— Весь день, каждые десять секунд. Что угодно, лишь бы брюхо не было пустым. — Он показал на стоящую рядом с ним полную воды двухлитровку из-под «Пепси».

— Надо устроить совещание, — решил Феликс.

В первый день их было сорок три. Теперь осталось пятнадцать. Шестеро отреагировали на сообщение о сборе своеобразно — просто ушли. Все и так знали тему совещания.

— И ты допустишь, чтобы все попросту развалилось?

Только у Сарио еще хватало энергии, чтобы разозлиться по-настоящему. Он будет злиться до самой могилы. На горле и лбу у него даже выступили вены. Он потрясал кулаками. Завидев его, остальные сразу встрепенулись и не сводили с него глаз, забыв о необходимости поглядывать в окошки чатов или журналы трафика.

— Сарио, ты что, издеваешься? — воскликнул Феликс. — Ведь это ты хотел прикончить Сеть.

— Я хотел сделать это чисто! — рявкнул Сарио. — И не хотел, чтобы она истекла кровью и померла навсегда, дергаясь и задыхаясь. Это должно было стать общим решением глобального сообщества тех, кто ее поддерживал и обслуживал. Конструктивным действием, совершенным людьми. А не победой энтропии, хакерских программ и вирусов. Черт побери, ведь именно это сейчас и происходит в Сети.

В кафе на верхнем этаже по всему периметру имелись окна из закаленного стекла, отклоняющие свет. Обычно жалюзи на них были опущены. Теперь Сарио промчался вдоль окон, поднимая жалюзи. Феликса изумило, что у Сарио еще осталась энергия, чтобы бегать. У него едва хватило сил подняться по лестнице в кафе.

Помещение залил резкий дневной свет. За окном был ясный солнечный день, но куда бы ни падал взгляд из этой высокой точки, везде над Торонто поднимались столбы дыма. Башня в центре города, гигантский модернистский кирпич из черного стекла, извергала в небо пламя.

— Сеть разваливается, как и все вокруг. Слушайте, слушайте. Если мы бросим Сеть умирать медленно, какие-то ее части останутся живы еще несколько месяцев. А может, и лет. И что будет по ней гулять? «Трояны». «Черви». Спам.

Системные процессы. Зональные пакеты данных. То, чем мы пользуемся, разваливается и требует постоянного обслуживания. То, что мы отвергаем, не используется и может жить бесконечно. Мы собираемся оставить после себя Сеть, похожую на мусорную яму, набитую промышленными отходами. Это и станет нашим наследием — памятью каждого удара по клавиатуре, которые делали вы, я и кто угодно и когда угодно. Дошло? Мы собираемся бросить ее подыхать медленной смертью, как раненую собаку, вместо того чтобы прервать ее мучения одним выстрелом в голову.

Ван почесал щеки, и Феликс увидел, что он вытирает слезы.

— Сарио, ты и прав, и не прав, — сказал он. — Оставить Сеть ковылять понемногу дальше — правильно. Мы все еще долго будем понемногу ковылять, и, может быть, она кому-нибудь пригодится. Если где угодно в мире хотя бы один пакет данных будет передан от одного пользователя другому, то Сеть сделает свое дело.

— Если хочешь убить ее чисто, то можешь это сделать, — заявил Феликс. — Я премьер-министр, и я так решил. Я сообщу тебе корневые пароли. И всем вам тоже.

Он повернулся к белой доске, на которой работники кафетерия обычно писали название текущего фирменного блюда. Теперь доску покрывали остатки жарких технических дебатов, которые вспыхивали между админами с первого дня.

Он рукавом расчистил на доске место и стал писать длинные и сложные буквенно-цифровые пароли, сдобренные знаками препинания. У Феликса был дар запоминать пароли такого рода. Он сомневался, что это ему когда-нибудь еще пригодится.

> Мы уходим, Kong. Горючее все равно почти кончилось

> да что ж тогда правильно. Для меня было честью работать с вами, господин премьер-министр

> какие у тебя перспективы?

> я поручила молодому админу позаботиться о моих женских нуждах и мы нашли еще одну кладо-

вочку с едой которой нам хватит на пару недель ведь нас теперь осталось всего пятнадцать

> ты потрясающая, Queen Kong, серьезно. Но не изображай из себя героя. Когда надо будет уйти — уходи. Там снаружи обязательно что-нибудь найдется

> береги себя Феликс, серьезно кстати я тебе писала что количество запросов из Румынии увеличилось? Может быть они там постепенно становятся на ноги

> в самом деле?

> да, в самом деле. Мы ведь как чертовы тараканы, нас трудно убить

Связь прервалась. Феликс вышел в «Firefox» и перезагрузил «Google». Сайт не отзывался. Он еще несколько раз щелкал кнопку перезагрузки, но безрезультатно. Феликс закрыл глаза и услышал, как Ван чешет ноги, потом набирает на клавиатуре что-то короткое.

— Они снова на связи, — сообщил он.

Феликс облегченно выдохнул. Затем послал в группу новостей сообщение — то самое, которое он переписывал пять раз, пока текст его не удовлетворил.

— Ты тут береги все, ладно? Мы еще вернемся. Когда-нибудь.

Уходили все, кроме Сарио. Он отказался. Но все же спустился их проводить.

Админы собрались в вестибюле, Феликс поднял бронированную дверь, и внутрь ворвался свет.

Сарио протянул руку.

— Удачи, — пожелал он.

— Тебе тоже, — отозвался Феликс. Рукопожатие у Сарио оказалось твердым. — Может, ты был прав.

— Может быть.

— Все еще собираешься выдернуть пробку?

Сарио взглянул на подвесной потолок, словно пытаясь сквозь усиленные потолочные перекрытия рассмотреть гудящие серверные стойки на верхних этажах.

— Кто знает? — произнес он наконец.

Ван почесался, и облачко белых чешуек заплясало в солнечных лучах.

— Пошли найдем тебе аптеку, — сказал Феликс и двинулся к двери.

Остальные админы последовали за ним.

Они подождали, пока за ними закроются внутренние двери, затем Феликс открыл наружные. В воздухе пахло скошенной травой, первыми каплями дождя, озером и небом, а мир казался старым другом, от которого целую вечность не было весточки.

— Пока, Феликс, — говорили другие админы.

Они постепенно расходились, пока он стоял наверху короткой бетонной лестницы. От яркого света у него слезились глаза.

— Кажется, на Кинг-стрит была аптека, — сказал он Вану. — Разобьем окно кирпичом и добудем тебе кортизон, хорошо?

— Ты у нас премьер-министр. Вот и действуй.

За пятнадцать минут они не встретили ни единого человека. И не услышали ни единого звука, если не считать птичьего чириканья и гудения ветра в электрических проводах над головой. Все это очень напоминало прогулку по Луне.

— Готов поспорить, что у них там есть шоколадные батончики, — заявил Ван.

Желудок Феликса непроизвольно сжался. Еда.

— Угу, — буркнул он, давясь слюной.

Они прошли мимо небольшого трехдверного автомобиля. На переднем сиденье они увидели высохшее тело женщины с высохшим младенцем на руках, и рот Феликса наполнился горькой желчью, хотя сквозь закрытые окна запах едва пробивался.

Он уже несколько дней не думал о Келли и 2.0. Феликс упал на колени, и его вырвало. Здесь, в реальном мире, его семья мертва. Все, кого он знал, мертвы. И ему захотелось лечь на тротуар и лежать, пока он тоже не умрет.

Худые руки Вана скользнули ему под мышки и слабо потянули вверх.

— Не сейчас, — сказал он. — Когда мы окажемся под надежной крышей и что-нибудь поедим, вот тогда и сможешь это сделать, но не сейчас. Ты меня понял, Феликс? Не сейчас, черт побери!

Ругань Вана привела его в чувство. Он встал. Колени дрожали.

— Еще один квартал, и все. — Ван положил руку Феликса себе на плечо и повел его дальше.

— Спасибо, Ван. Извини.

— Не за что. Кстати, тебе очень нужно под душ. Только не обижайся.

— Я не обижаюсь.

Витрину аптеки защищала металлическая решетка, но ее уже давно сорвали, а стекло выбили. Феликс и Ван пролезли в дыру и оказались в полутемном помещении. Несколько стендов было опрокинуто, но в целом все выглядело нормально. Возле кассы Феликс одновременно с Ваном увидел стойки с батончиками, и они бросились туда, схватили по горсти и сразу набили полные рты.

— Вы едите как свиньи.

Они резко обернулись на голос. Перед ними стояла женщина, облаченная в лабораторный халат и удобные туфли, и держала пожарный топор, который был чуть ли не больше ее самой.

— Берите, что вам надо, и уходите, договорились? Никому из нас проблемы не нужны. — У нее был острый подбородок и проницательный взгляд. На вид — лет сорок или чуть старше. Она совершенно не походила на Келли, и это было хорошо, потому что Феликсу хотелось подбежать к ней и обнять. Еще один живой человек!

— Вы врач? — спросил Феликс.

— Так вы уйдете или нет? — Она угрожающе взмахнула топором.

Феликс поднял руки:

— Серьезно, вы врач? Фармацевт?

— Я была медсестрой лет десять назад. А теперь веб-дизайнер.

— Вы шутите?! — изумился Феликс.

— Никогда не встречали девушку, которая разбирается в компьютерах?

— Вообще-то, моя подруга руководит инфоцентром «Google»...

— Вы шутите?! — теперь уже изумилась она. — Инфоцентром «Google» руководила женщина?

— Руководит, — поправил Феликс. — Он все еще в онлайне.

— Быть такого не может. — Она немного опустила топор.

— У вас есть кортизоновая мазь?.. Могу рассказать вам эту историю. Меня зовут Феликс, а это Ван, которому нужны все антигистамины, которыми вы сможете поделиться.

— Поделиться? Феликс, старина, да у меня здесь столько лекарств, что хватит на сто лет. И срок годности у них закончится гораздо раньше, чем они сами. Но ты говорил, что Сеть все еще работает?

— Работает. Более или менее. Именно этим мы и занимались все неделю. Поддерживали ее работу. Но все же долго она не протянет.

— Да, я тоже так думаю. — Она опустила топор. — У вас есть что-нибудь на обмен? Я мало в чем нуждаюсь, но пытаюсь не закиснуть и поэтому обмениваюсь с соседями. Это как играть в цивилизацию.

— У вас есть соседи?

— Не менее десятка. Люди из ресторана через дорогу варят очень хороший суп, хотя овощи у них консервированные. Но они выменяли у меня почти все бумажные полотенца.

— У вас есть соседи и вы с ними торгуете?

— Ну да. Без них мне стало бы совсем одиноко. Лечу им насморк и разные болячки, какие могу. Наложила шину на сломанное запястье... Слушайте, хотите диетический хлеб с арахисовым маслом? У меня его целая тонна. А то у твоего дружка вид такой, будто он сейчас умрет на месте.

— Да, пожалуйста, — сказал Ван. — У нас нет ничего на обмен, но мы трудоголики в поисках нового ремесла. Вам помощники не нужны?

— Не очень-то. Но от компании не откажусь.

Они съели бутерброды, затем суп. Люди из ресторана принесли его и обслужили их по всем правилам, хотя Феликс

и заметил, как они морщатся. Он удостоверился, что водопровод в задней комнате работает. Ван пошел туда и обтерся мокрой губкой, Феликс поступил так же.

— Никто из нас не знает, что делать, — сказала женщина. Ее звали Роза. Она отыскала бутылку вина и несколько одноразовых пластиковых чашек. — Я думала, что в городе появятся вертолеты, или танки, или хотя бы мародеры, но у нас все тихо и спокойно.

— Но и вы вели себя очень тихо, — заметил Феликс.

— Не хотела привлекать к себе лишнее внимание.

— А вы никогда не думали, что многие здесь поступают так же? Может быть, собравшись, мы придумаем, что делать дальше?

— Или же нам перережут глотки, — возразила Роза.

— Она права, — кивнул Ван.

Феликс возбужденно вскочил:

— Нет, нам нельзя так думать. Послушайте, мы сейчас на распутье. Мы можем или опуститься на дно, махнув на все рукой, или хотя бы попробовать создать нечто получше.

— Лучше? — Роза презрительно фыркнула.

— Ладно, пускай не лучше. Но что-то. Создавать что-то новое — все больше пользы, чем дать всему зачахнуть и погибнуть. Господи, ну что вы собираетесь делать, когда прочитаете здесь все журналы и съедите все чипсы?

Роза покачала головой:

— Красивые слова. Но что же нам все-таки делать, черт побери?

— Что-нибудь, — ответил Феликс. — Мы будем делать что-нибудь. Что-нибудь — это лучше, чем ничего. Мы возьмем этот кусочек мира, где люди разговаривают друг с другом, и станем его расширять. Найдем всех, кого сможем, позаботимся о них, и они позаботятся о нас. Наверное, мы сломаемся. Возможно, у нас ничего не получится. Но я лучше проиграю, чем сдамся.

Ван рассмеялся:

— Знаешь, Феликс, ты еще более чокнутый, чем Сарио.

— А мы завтра с утра пойдем и вытащим его. Он тоже станет частью нового. Все станут. В гробу я видал конец

света. Никакой конец не наступил. Человечество не такая неженка.

Роза снова покачала головой, но теперь она слегка улыбалась:

— А ты кем станешь? Папой-императором мира?

— Он предпочитает должность премьер-министра, — сообщил Ван театральным шепотом. Антигистамины сотворили чудо с его кожей, ставшей из ярко-красной нежно-розовой. — Хотите быть министром здравоохранения, Роза?

— Мальчишки, — протянула она. — Играете в свои игрушки. А как насчет такого предложения: я стану помогать всем, кому смогу, но при условии, что вы никогда не попросите меня называть его премьер-министром, а меня никогда не назовете министром здравоохранения?

— Договорились, — согласился Феликс.

Ван наполнил всем чашки и перевернул бутылку, чтобы вытекли последние капли. Они подняли чашки.

— За мир, — сказал Феликс. — За человечество. — Он задумался. — За возрождение.

— За что угодно, — вставил Ван.

— За что угодно, — согласился Феликс. — За все.

— За все, — поддержала его Роза.

Они выпили. Феликс хотел пойти домой, посмотреть на Келли и 2.0, хотя его желудок сжимался от одной мысли о том, что он там может увидеть. Но на следующий день они начали Возрождение. А через несколько месяцев начали все сначала, когда противоречия разорвали на части небольшую и хрупкую группу, которую им удалось собрать. А год спустя они вновь начали все сначала. И пять лет спустя — еще раз.

Миновало почти шесть месяцев, прежде чем Феликс побывал дома. Они ехали на велосипедах: Феликс впереди, Ван, прикрывавший его, сзади. Чем дальше на север они продвигались, тем сильнее становился запах горелой древесины. Они видели много сгоревших домов. Иногда мародеры сжигали ограбленные дома, но чаще виновником была природа: пожары начинались спонтанно, как в лесах и в горах. Прежде чем админы доехали, им попалось шесть кварталов, где все дома сгорели дотла.

Но жилой район, где стоял дом Феликса, все еще был оазисом зловеще нетронутых зданий, выглядевших так, словно их немного обленившиеся владельцы ненадолго вышли, чтобы купить краски и новые лезвия для газонокосилок и привести дома в порядок.

В каком-то смысле видеть такое оказалось даже хуже, чем пепелища. Феликс и Ван слезли с велосипедов около микрорайона и молча зашагали дальше, катя рядом велосипеды и прислушиваясь к шелесту ветра в листве. Зима в этом году запаздывала, но все же приближалась, и Феликс начал дрожать от холода.

У него не было ключей. Они остались в инфоцентре, несколько месяцев и миров назад. Ручка на двери не поворачивалась. Тогда он ударил дверь плечом, и она с громким треском выломилась из сырой, прогнившей коробки. Дом гнил изнутри.

Дверь упала в воду. В доме было полно стоячей воды, в гостиной набралась вонючая лужа глубиной четыре дюйма. Феликс осторожно пересек ее, ощущая, как на каждом шагу под ногами проседают прогнившие до губчатого состояния доски.

На втором этаже его ноздри заполнил запах отвратительной зеленой плесени. Он вошел в спальню, где мебель была знакома, как друг детства.

Келли лежала на кровати вместе с 2.0. По тому, как они лежали, становилось ясно, что умирали они в мучениях, — скрюченные тела, Келли свернулась калачиком над младенцем. Тела вздулись, сделавшись почти неузнаваемыми. А запах... боже, какой там стоял запах...

У Феликса закружилась голова. Он подумал, что сейчас упадет, и ухватился за шкаф. Эмоция, которую он не мог определить, — ярость, гнев, скорбь? — заставила его жадно глотать воздух, словно он тонул.

А потом все прошло. Мир остался в прошлом. Келли и 2.0 — тоже. Было дело, которое надо сделать. Феликс завернул их в одеяло, ему помог угрюмый Ван. Они вышли на лужайку перед домом и стали по очереди копать могилу лопатой, которую Келли держала в гараже. К тому времени они стали уже опытными могильщиками. И на-

брались опыта в обращении с покойниками. Они копали, а настороженные собаки наблюдали за ними из высокой травы на соседних лужайках, но и собак они хорошо научились отгонять метко брошенными камнями.

Выкопав могилу, они положили в нее жену и сына Феликса. Он поискал слова, чтобы произнести их над свежим холмиком, но в голову ничего не пришло. Он выкопал так много могил для жен стольких мужчин и для мужей стольких женщин... Слов просто не осталось.

Феликс копал канавы, искал консервы, хоронил мертвых. Он возделывал землю и собирал урожай. Починил несколько машин и научился делать дизельное биотопливо. В конце концов он оказался в инфоцентре маленького правительства — маленькие правительства возникали и распадались, но у этого хватило ума понять, что нужно вести учет, и ему понадобился человек, чтобы его вести и поддерживать все в рабочем состоянии. Феликс взял с собой Вана.

Они проводили много времени в чатах и иногда встречали там старых друзей из того странного времени, когда они правили Распределенной республикой киберпространства. Встречали тех, кто упорно называл его премьер-министром, хотя в реальном мире его никто больше так не называл.

По большей части жизнь была не очень-то хороша. Раны Феликса не заживали, как и у многих других. Были болезни, затяжные и внезапные. Трагедия сменяла трагедию.

Но Феликс любил свой инфоцентр. Здесь, среди гудящих серверных стоек, он никогда не испытывал ощущения, что живет в первые дни лучшего мира. Но что живет в последние дни мира — тоже.

```
> иди спать, Феликс
> скоро, Kong, скоро. Резервное копирование почти закончилось
> да ты трудоголик, приятель
> кто бы говорил
```

Феликс перезагрузил главную страницу «Google». Queen Kong держала его в онлайне уже два года. Буквы «о» в слове

«Google» постоянно менялись, когда ей это взбредало в голову. Сегодня они были мультяшными планетками — одна улыбалась, другая хмурилась.

Феликс долго смотрел на них, потом вернулся в режим терминала — проверить, как идет резервное копирование. По крайней мере сегодня оно шло как по маслу. Архивы маленького правительства были в безопасности.

```
> ладно спокойной ночи
> береги себя
```

Ван помахал ему вслед, когда он направился к двери, потягиваясь и хрустя позвонками.

— Спокойных снов, босс.

— Только не сиди здесь опять всю ночь, — сказал Феликс. — Тебе ведь тоже надо спать.

— Ты слишком добр к нам, работягам, — отозвался Ван и забарабанил по клавиатуре.

Феликс закрыл за собой дверь и вышел в ночь. За домом тарахтел генератор на биотопливе, выплевывая едкий дым. Луна стояла высоко, и он ею полюбовался. Завтра он вернется, наладит еще один компьютер и опять станет бороться с энтропией. А почему бы и нет?

Этим он занимался всю свою жизнь. Ведь он был сисадмином.

ДЕЙЛ БЕЙЛИ

Дождь и конец света

Дейл Бейли преподает английский язык в колледже Ленуар-Райн, Северная Каролина. Его роман «Падший» («The Fallen», 2002) был номинирован на Премию международной гильдии писателей жанра хоррор (International Horror Guild Award); позднее Бейли получил эту премию за рассказ «Смерть и право голоса» («Death and Suffrage»). Малая проза автора представлена в сборнике «Наследие воскресшего» («The Resurrection Man's Legacy», 2003). Перу Бейли также принадлежит исследование современного хоррора — «Американские кошмары. Дом с привидениями в популярной художественной литературе» («American Nightmares: The Haunted House Formula in American Popular Fiction», 1999).

Этот и следующий рассказы образуют нечто вроде дилогии, в которой мы видим, как люди реагируют на наступление всемирного потопа.

Они ехали на север под бесконечным дождем. Он лил с сумеречного неба и хлестал в ветровое стекло, жужжавшие «дворники» стирали его. Дождь образовывал потоки на шоссе, которые стекали по покрытому гравием откосу, прогрызая в нем извилистые ручейки. Капли дождя падали на стекла и стремительно летели прочь, увлекаемые ветром. Вокруг не было ничего, кроме дождя, и мертвую тишину нарушал лишь шорох шин по мокрому асфальту, да дождевые капли, словно пальцы, бесконечно барабанили по стеклам. И среди этих звуков Мелиссе слышался еще один — детский голосок, повторявший отрывок из старой песенки:

Обращайся, дождик, вспять,
В день другой придешь опять.

Дождь шел уже сорок девять дней без перерыва, везде — в Соединенных Штатах, Канаде, Мексике, Бразилии, в Англии, во Франции и в Германии, в Сомали и Южной Африке, в Китае. Дождь шел во всем мире. Потоки воды

низвергались с небес, вздувались реки, повышался уровень моря, гнили на полях посевы.

Метеорологи извиняющимся тоном обещали дождь. «Дожди, — было сказано в прогнозе на пять дней. — Только дожди». Правительства выражали озабоченность, ученые пребывали в растерянности. Религиозные фанатики строили ковчеги. А Мелисса, которая год назад фантазировала о занятиях любовью под дождем, — подумать только, она едва помнила те дни, — Мелисса смотрела, как дождь смывает и уносит прочь ее жизнь. Они ехали на север в свой домик в горах — три комнаты для нее и Стюарта, ее мужа. А вокруг — только непрекращающийся дождь.

Мелисса вздохнула и уставилась в книгу, которую пыталась читать с утра, с того момента, когда они выехали из Ноксвилла и направились на восток. Однако почитать не удалось — покачивание машины усыпляло ее. Она взглянула на Стюарта и открыла было рот, но что она могла ему сказать? Молчание стеной стояло между ними; они разучились разговаривать друг с другом. Они не обменялись ни единым словом с того момента, как выехали на шоссе в Уайтвилле, — тогда Стюарт рявкнул на нее за курение.

Глядя на него сейчас, Мелисса подумала, что он меняется, в нем происходит некая трансформация, которая началась... когда? Несколько дней назад? Несколько недель? Кто мог сказать? Она заметила ее вскоре после того, как горизонт заволокли тучи и с серого неба, словно кара Господня, на них обрушился бесконечный дождь. В свете огоньков, горевших на приборной панели, его лицо, некогда украшенное здоровым румянцем, казалось белым, бескровным, как у трупа. Кожа землистого цвета туго обтянула выступавшие скулы; губы были сжаты в тонкую белую линию. Тени залегли под глазами, в уголках рта; волосы уже начинали редеть, на лбу образовались залысины, хотя Стюарту было всего тридцать пять лет.

— Обязательно вот так смотреть на меня? — заговорил он. — Почему ты не читаешь свою книгу?

— Уже темно, ничего не видно.

— Тогда включи свет.

— Я не хочу читать. Меня укачивает.

Стюарт пожал плечами и склонился над рулем.

Мелисса отвернулась.

Сначала дождь принес некое облегчение — первые капли упали с вечернего неба, когда она ехала домой со своих занятий по истории искусства. Она поставила машину в гараж и стояла во дворе, подняв лицо к серому небу, разглядывая молнии, сверкавшие под вздувшимися животами туч. Дождь лил, вода струилась по ее щекам и векам, в открытый рот, и влажная одежда облепила ее тело.

На тринадцатый день — она мысленно вернулась в то время и сосчитала дни, бесконечно долгие дождливые дни, — в глазах Стюарта начало мелькать какое-то загнанное выражение. Голос его стал хриплым и напряженным, словно фальшивая мелодия, — так бывало, когда она испытывала его терпение своими мелочами. Это было его выражение — мелочи; он произносил это слово слегка насмешливым тоном, который довел до совершенства за два года, прошедшие после потери ребенка. Он говорил не злобно, потому что в Стюарте не было злобы; он просто дразнил ее. «Просто дразню», — всегда замечал он, а потом с его губ снова слетало это слово — мелочи. Он называл так все бессмысленные пустяки, которые представляли собой ее жизнь, — ее цветы, ее книги, ее лекции по истории искусства.

К тому моменту напряжение уже начало сказываться на всех. Напряжение читалось на лицах ведущих Си-эн-эн, в пустых глазах ученых, участвовавших в воскресных ток-шоу; эта пустота говорила о неведении и отчаянии. Как могли они понять, откуда взялся дождь, заливавший одновременно каждый квадратный сантиметр планеты? Как мог вообще кто-либо понять это? К тому моменту все были уже раздражены, напряжены, готовы поддаться панике, истерии. Проповедники напыщенными фразами разглагольствовали о приближении второго пришествия. Сосед, у которого был друг, чей зять работал в лаборатории в Оук-Ридже[1], со зловещим видом

[1] В пригороде Оук-Риджа (штат Теннесси) располагается завод, где хранится обогащенный уран и комплектующие для ядерного оружия.

сообщал, что кое-какие правительственные эксперименты пошли не так, как надо. Над базой ВВС в Аризоне видели летающие тарелки.

На двадцать седьмой день — это была суббота, и тогда уже все считали дни — Стюарт, словно автомат, расхаживал по дому на негнувшихся ногах, рывками передвигался от окна к окну и, приложив руку ко лбу, вглядывался в наступавшую ночь и дождь.

— Почему ты не позвонишь Джиму? — спросила Мелисса. — Может, встретитесь, займетесь чем-нибудь. Надо выйти из дому, иначе ты с ума сойдешь.

«Или меня сведешь с ума»,— подумала она, но не стала произносить этого вслух. Она читала «Харперс»[1] и курила «Мальборо Лайт» — она начала курить два года назад, после выкидыша. Она все время собиралась бросить, но почему-то никак не бросала. Было так легко сидеть дома одной и курить. Стюарт отговорил ее возвращаться работать в школу. «Отдохни, займись собой»,— сказал он. Почему бы и нет? Теперь, когда Стюарт стал одним из партнеров в фирме, они не нуждались в деньгах. К тому же ей было бы слишком тяжело находиться среди детей.

— Я не хочу звонить Джиму,— сказал Стюарт, пристально глядя на дождь.— Я хотел бы, чтобы ты бросила курить. Весь дом провонял дымом.

— Я знаю,— ответила она.

И она пыталась. Но как только она прекратила курить, сразу начала набирать вес; Стюарту это тоже не понравилось, и что ей оставалось делать? Только курить.

И сейчас, когда они ехали под дождем через горы, отделявшие Виргинию от Западной Виргинии, она принялась рыться в сумочке в поисках сигарет. Вспышка зажигалки осветила угловатое лицо Стюарта, и на нем вдруг стала видна сеть морщинок, притаившихся вокруг глаз и рта. На мгновение, перед тем как огонек погас и в машине снова сделалось темно, она увидела его лицо, каким ему предстояло стать в старости. Но она подумала, что он еще

---

[1] *«Харперс»* (Harpers Magazine) — американский ежемесячный журнал о литературе, политике, культуре, экономике и искусстве.

красив; первые серебряные нити в темных волосах даже придавали ему что-то значительное, особенное.

Он был еще красив спустя двенадцать лет, он был все тем же Стюартом. Он заметил ее тогда, когда мужчины не обращали на нее внимания, заставил чувствовать себя привлекательной, чувствовать себя живой, словно поделился с ней своей энергией, силой, своим шармом и уверенностью в себе. И в то же время в тот момент, когда он обернулся к ней, первокурснице, склонившейся над сочинением, он показался ей мальчишкой, показался уязвимым. «Слушай, — сказал он тогда, — я в этом мало смыслю. Ты не можешь мне помочь?»

Это было ужасно давно, но тот Стюарт еще был с ней; иногда она видела эту уязвимость сквозь холодную броню отчуждения и целеустремленности, которой он окружил себя после несчастья. Она предлагала усыновление — и вдруг увидела этот призрак неуверенности и страха. Муж стиснул зубы, заговорил жестким голосом. Казалось, он считал себя виновным в смерти их нерожденного ребенка.

Она немного опустила стекло и выдохнула дым в пронизанную дождем темноту. Стюарт демонстративно кашлянул.

— Прекрати, Стюарт, — сказала она.

Он поморщился. Включил радио и одной рукой принялся настраивать. К этому времени почти все радиостанции прекратили вести передачи, так же как и телеканалы. Никто толком не знал почему.

Мелисса полагала, что это произошло из-за массовой истерии. Правительство закрыло радио и телевидение, чтобы предотвратить панику. За последние две недели выпуски новостей становились все более пугающими, часто зловещими: наводнения невиданной силы в долинах рек Миссисипи и Огайо и почти во всех штатах, банды мародеров на затопленных улицах, языческие секты, приносившие человеческие жертвы с целью умилостивить разгневанных богов дождя, лесá гигантских поганок, занимавшие множество квадратных километров на опустевших западных территориях. Во многих местах деньги превратились в бесполезные бумажки. В качестве валюты использовались консервы, бензин, сигареты.

На тридцать шестой день сам Стюарт начал запасать бензин и продукты длительного хранения, запихивая все это в багажник джипа. Он хотел купить ружье, но Мелисса была против; пусть все остальные превращаются в дикарей, сказала она, но она не станет в этом участвовать. По вечерам они молча сидели в гостиной, слушая, как дождь стучит по крыше. Они смотрели по телевизору новости, а потом — на сорок первый день, когда по всем каналам звучали комментарии о том, что они превзошли Ноя, — телевизор замолчал, и вместо изображения на экране мерцала лишь пустая серая завеса. Телефон компании, занимавшейся кабельным телевидением, не отвечал; по радио сообщали, что телепередачи прекратились одновременно по всей стране; а потом, в течение нескольких следующих дней, одна за другой начали умолкать радиостанции. Они просто исчезали, без предупреждения, без объяснений; из приемника доносился лишь шорох помех.

Стюарт отказывался признать это; каждый час он включал радио и шарил по всем частотам. Помехи, снова помехи, время от времени какое-то безумное бормотание (но кого можно было назвать безумцем сейчас, подумала Мелисса, когда весь мир лишился рассудка?), опять помехи. Но помехи тоже о чем-то говорили.

«Дороги размывает, — сообщали они, — мосты разрушаются. Мир, знакомый нам всем, изменяется навсегда».

И теперь, пока они ехали, Стюарт снова принялся шарить по эфиру, сначала по FM-, потом по AM-станциям. И наконец шорох и треск сменились голосом — спокойным, разумным голосом образованной женщины, эхо которого разносилось по студии, находившейся где-то далеко-далеко.

Они замерли, прислушиваясь.

— Это конец, — произнесла женщина.

Затем послышался голос ошеломленного ведущего:

— В каком смысле конец? Что вы хотите сказать?

— Конец всего мира, цивилизации, созданной человеком за последние две тысячи лет, со времен Гомера и древних греков, со времен...

— Ну ради бога, — произнес Стюарт, протянув руку к приемнику.

Мелисса остановила его, подумав: что угодно, даже безумие, лучше этой стены молчания, которая выросла между ними за последние годы и которая сейчас, в машине, угнетала ее сильнее, чем когда-либо.

— Пожалуйста, — попросила она, и Стюарт, вздохнув, уступил.

— ...апокалипсис, — говорил мужчина. — Мир будет полностью уничтожен, вы это хотите сказать?

— Вовсе нет. Не уничтожен. Создан заново, перестроен, обновлен — называйте это как хотите.

— Как в истории с Ноем? Бог недоволен тем, что мы *с собой* сделали?

— Не тем, что *мы* сделали, — поправила его женщина. — Тем, что *вы* сделали.

Последовала продолжительная пауза, и Мелисса уже подумала, что сигнал пропал, но затем мужчина заговорил снова. Она поняла, что он размышлял над странными словами женщины и, не разгадав эту загадку, решил не обращать на нее внимания. Он продолжал:

— Однако вы говорите, что Бог на небе наблюдает за нами. И что Он разгневан.

— Нет-нет, — возразила женщина. — Она разгневана.

— Боже! — воскликнул Стюарт и, не дожидаясь возражений, нажал кнопку поиска.

Снова зашуршали помехи, а потом приемник поймал еще один канал. Машину наполнила мелодия «Криденс» — «Кто остановит дождь?». Эта шутка устарела уже три недели назад. Он выключил радио.

С самого начала он занял такую позицию — отказался признать реальность их положения. Он продолжал заниматься своим делом, возиться с документами и свидетельскими показаниями, несмотря на то что суды практически прекратили работать. Как будто он верил, что может вернуть тот мир, что существовал до потопа, просто игнорируя дождь. Но вчера — на сорок восьмой день — напряжение наконец-то взяло свое. Мелисса увидела в глазах мужа страх.

В тот день в пустом доме, когда Стюарт ушел на работу, Мелисса стояла у окна и смотрела во двор на поганки,

похожие на служек, кланяющихся дождю. Бледные грибы, холодные, на ощупь напоминавшие резину, повсюду появлялись из земли и расправляли свои шляпки под сумрачным небом.

Мелисса беззвучно ходила по дому; она задернула занавески в гостиной, опустила жалюзи в кабинете, шторы в спальне. Она обошла весь дом, закрывая, опуская и задвигая все, стараясь отгородиться от дождя.

Вечером, когда Стюарт вернулся домой, его влажные волосы прилипли к голове, глубоко запавшие глаза блестели.

— Как прошел день? — спросила она.

Она стояла на верхней ступени лестницы, у дверей кухни, и держала в руках кастрюлю.

Он остановился внизу, на площадке; одна рука была засунута в карман блестевшей от дождя куртки, в другой он сжимал кожаный портфель, который она подарила ему на Рождество в прошлом году.

— Нормально, — ответил он.

Он всегда говорил так. Разговор превратился в ритуал, походил на какую-то древнюю религиозную церемонию. Мелисса произнесла следующую фразу:

— Что ты сегодня делал?

— Ничего особенного.

Это тоже было частью ритуала. Она отвернулась. Ее интересовало то, чем он занимался, не больше, чем его — ее занятия. Ей не было дела до схем производственных процессов, налогового права и офисной политики, а ему было совершенно наплевать на ее сад, ее курсы и еще тысячу вещей, которыми она пыталась заполнить пустоту своих дней. Это была их жизнь — несмотря на то что дождь уже начал уничтожать мир, который они знали, смывать и налоговое право, и схемы производственных процессов, и сады, и курсы по истории искусства.

Но в тот вечер — вечер сорок восьмого дня непрекращающегося ливня, — в тот вечер что-то изменилось. Она вошла в кухню, поставила кастрюлю на плиту и услышала за спиной шорох его шагов по линолеуму. Он стоял у нее за спиной. Она чувствовала запах его туалетной воды, почти за-

глушенный запахом дождя, земли и сырости. Она обернулась; он замер, и на кончике его носа повисла капля воды. Дождевая вода стекала с его непромокаемой куртки, образуя лужицу на линолеуме. Его влажные от дождя волосы прилипли к голове.

— Стюарт? — удивилась она.

Портфель выпал у него из рук. Его влажные щеки и глаза блестели. Он вытащил руку из кармана и протянул ей.

В кулаке его, бледном и похожем на губку от влаги, были зажаты поганки — бледные, тоже похожие на губку, по цвету напоминавшие кожу какой-то амфибии, живущей в темных пещерах. Поганки, ядовитые, покрытые пятнышками, торчали у него между пальцами.

— Во дворе растут поганки, — сказал он.

— Я знаю.

— Нам нужно перебраться выше.

— Там все будет точно так же, — возразила она.

Она представила себе домик в горах, три комнаты — и вокруг них только дождь, заключивший их в эту гробницу.

— Дождь идет во всем мире, — сказала она.

Он отвернулся и вышел, уронив поганки на пол. Мелисса пристально разглядывала ножки грибов, лежавших на линолеуме, холодные, бледные, словно плоть мертвеца. Прикоснувшись к ним, чтобы убрать, она вздрогнула всем телом.

И вот этим утром, утром сорок девятого дня потопа, они наконец бежали из дома. Шоссе были практически пусты; время от времени мимо проносились внедорожники, спешившие навстречу им или в том же направлении, что и они; за рулем сидели бледные, охваченные паникой люди. На полях, тянувшихся по обе стороны от шоссе, образовывались озера, пруды, превращавшиеся в моря. На горизонте виднелись заросли грибов, возвышавшихся над кронами деревьев; на склонах холмов стояли дома и амбары, гнившие под слоем зловонной плесени. Три раза асфальт исчезал под водой; три раза Стюарт переключался на полный привод и осторожно двигался вперед, опасаясь провалов и промоин; три раза им везло, и они снова выезжали на мокрый асфальт.

Они бежали на восток, с восемьдесят первого на семьдесят седьмое шоссе, затем свернули на север, в Западную Виргинию, к Аппалачам. Там, в округе Роли, поблизости от горнолыжного курорта, у них был маленький дом. Мелисса помнила тот день год назад, когда они купили его. Когда Стюарт его купил, он не посоветовался с ней. Однажды он пришел домой позднее обычного, с дикими, лихорадочно блестевшими глазами, сжимая в руках бумаги.

— Я вложил эти деньги, — объявил он, — заплатил первый взнос за дом и два акра леса.

Ее охватило незнакомое чувство — холодная ненависть. Стюарт истратил эти деньги — деньги ребенка, и это знание пронзило ее сердце, словно холодная игла реальности.

«У меня не было ребенка. У меня никогда не будет ребенка».

В этот день, сорок девятый, они бежали на север, в ночь, чтобы найти спасение в горах, но дождь преследовал их, вездесущий, нескончаемый. Стены воды обрушивались с небес, и Стюарт промокал насквозь, когда, остановившись на обочине, вылезал, чтобы залить в бак бензина из канистры. Чертыхаясь, он забирался обратно и включал обогреватель на полную мощность, и каждый раз Мелисса вспоминала свою давнюю фантазию о занятиях любовью под дождем. Она затянулась в последний раз и выбросила окурок в окно; он полетел прочь и погас.

Впереди, вдоль дороги, появились желтые огни. Перед ними на фоне серого неба возвышалась гора. Дорога поднималась, поднималась, поднималась и наконец врезалась в гранитную стену. Туннель — второй после Уайтвилла — показался перед ними в последний момент, и Мелисса стиснула кулаки — она боялась завалов, боялась промоин. А в следующее мгновение они уже были внутри, и шум дождя смолк. Проехав под горой, они очутились в Западной Виргинии. Полосы света и тени мелькали по лицу Стюарта, доносился шорох шин по сухому асфальту. «Дворники» царапали высохшее стекло, а потом машина выехала из туннеля навстречу стене дождя.

— Боже мой, — заговорил Стюарт. — Как ты думаешь, он когда-нибудь прекратится? Как ты думаешь, этот дождь будет идти без конца?

Она отвернулась, посмотрела в окно на струи дождя и снова вспомнила тот детский стишок.

Обращайся, дождик, вспять,
В день другой придешь опять.

Наступала ночь. Над дорогой нависали горы, словно фигуры гигантов, черные на фоне черного неба. Мелисса докурила последнюю сигарету. Далеко впереди, на каком-то уступе, Мелисса заметила несколько огоньков — все, что осталось от некогда многолюдного города. Их дом находился севернее, высоко в горах, вдалеке от людского жилища. Три комнаты, Стюарт, а вокруг — стена дождя.

Наконец огни приблизились.

— Взгляни-ка на это, — указал вперед Стюарт.

Она тоже увидела — ослепительную вывеску «Тексако» над шоссе. За ней тянулась череда отелей, заправочных станций и ресторанов фастфуда; большинство было заброшено и лежало во тьме.

— Возможно, это ловушка, — произнес Стюарт. — Чтобы заманить доверчивых людей.

Она вздохнула.

— Нужно было купить ружье.

— Никаких ружей, — отрезала она.

— Придется рискнуть. Если у них есть бензин, можем залить бак, наполнить канистры. Может, у них есть керосин.

Он молча свернул с шоссе, миновал руины заколоченных кафе и отелей и остановил джип под навесом около заправки «Тексако». Она наблюдала за ним; Стюарт подозрительно оглядел парковку. Он напоминал какое-то напуганное лесное существо, и ей пришла в голову неприятная мысль о том, что люди до сих пор еще не слезли с деревьев. Наконец, удовлетворенный увиденным, он выключил мотор; шум дождя стал сильнее, почти оглушил их, мешая думать. Мелисса открыла дверцу, вышла из машины и потянулась.

— Я схожу в туалет, — сказала она не оборачиваясь; она услышала, как заработал насос и в бак полился бензин.

— Тебе нужно что-нибудь в магазине? — спросил он.

— Принеси мне кока-колы и пачку сигарет.

Для того чтобы попасть в туалет, нужно было пересечь парковку под проливным дождем. Мелисса влезла в дождевик, накинула на голову капюшон и побежала по лужам, прикрыв голову рукой, словно это могло защитить ее от дождя. В туалете стоял отвратительный запах мочи и хлорки; плесень уже начала свое наступление, и у оснований перегородок из гипсокартона расцветали влажные «розы», похожие на раковые опухоли. В углу валялось опрокинутое мусорное ведро. Мелисса, с отвращением поморщившись, прикрыла сиденье туалетной бумагой.

Когда она вернулась, Стюарт уже ждал в машине.

— Представляешь, — начал он, — он взял деньги, добрые старые американские деньги. Идиот.

— Ты купил то, что я просила?

Он махнул в сторону приборной панели. Там стояла банка диетической колы, на которой конденсировалась влага.

— А где сигареты?

— Я не стал их брать. Сейчас нужно следить за своим здоровьем. Кто знает, когда нам еще удастся побывать у врача?

— Господи, Стюарт!

Мелисса спрыгнула на асфальт, захлопнула за собой дверцу и направилась к магазинчику. Продавец сидел у кассы, закинув ноги на прилавок, и читал книгу; когда звякнул колокольчик у двери, он отложил ее обложкой вверх.

— Чем могу быть полезен? — обратился он к ней.

— Пачку «Мальборо Лайт», пожалуйста.

Вытаскивая сигареты с полки над прилавком, он покачал головой:

— Зря вы курите, леди. Это вредно для здоровья.

— Зато я перестала загорать.

Продавец рассмеялся.

Она посмотрела на него внимательнее; это был молодой парень, с обыкновенным лицом, кожа его по цвету и виду напоминала ножки поганок, которые она собрала с пола на кухне. Или кожу Стюарта — теперь, когда он изменился.

Но глаза приятные, решила она. Ясные, голубые, как вода в реке. Такие глаза могли бы быть у ее ребенка. Когда эта мысль промелькнула у нее в голове, ей захотелось что-то сказать — что угодно, лишь бы завязать разговор.

— Как вы думаете, дождь когда-нибудь перестанет?

— Кто знает? Может быть, это к лучшему. Очищение.

— Вы так думаете?

— Кто знает? Смоет весь мир, и мы начнем все сначала. Я не против дождя.

— Я тоже, — произнесла она и снова вспомнила отрывок из радиопередачи. «Вы говорите, что Бог на небе наблюдает за нами? — спрашивал ведущий. — И что Он разгневан?»

«Она разгневана, — ответила женщина. — Она разгневана».

Мелисса украдкой коснулась ладонью живота, где ребенок, ее ребенок, рос и умер. Внезапно безумная логика этих слов, их ясность и красота дошли до ее сознания: этот мир сотворили они, подумала она, люди, подобные Стюарту, — мир машин и шума, этот мир, полный бездушных, безвкусных вещей. Этот мир, который скоро смоет водой. Их мир.

Стюарт снаружи сигналил ей. До нее донесся этот звук, назойливый, пронзительный, резавший слух. Мелисса взглянула на машину, на Стюарта, в нетерпении постукивавшего пальцами по рулю, стремившегося уехать отсюда, поскорее очутиться в горах. Три комнаты, всего три комнаты. Она и Стюарт в этой тюрьме, а вокруг — стена дождя. Дождь продолжался; он стучал по крыше над резервуарами с бензином, падал с неба сплошными потоками, обрушивался на асфальт, и отражения неоновой вывески «Тексако» плясали на черных лужах.

— Леди? С вами все в порядке? Мисс?

— Миссис, — автоматически поправила она, затем обернулась к продавцу.

— Вы в порядке?

— Все нормально, я просто задумалась.

Звук автомобильного сигнала раздался снова.

— Приятный парень.

— Не совсем. Однако иногда он старается.

Снова сигнал. Нетерпеливый.

— Вам лучше идти.

— Ага. — Она принялась копаться в сумочке в поисках денег.

— Не нужно. Теперь это все равно не важно, правда?

Она помедлила:

— Спасибо.

— Не за что. Будьте осторожны. Неизвестно, какие в горах дороги.

Она кивнула и вышла под дождь. Стюарт стоял около машины. Дверца была открыта; в оранжевом свете уличных фонарей его кожа казалась похожей на губку, руки были скрещены на груди. Он в нетерпении смотрел на нее, и за спиной у него были только тьма и дождь. Вода лилась с ночного неба, лилась на блестящий асфальт, на дома, на сверкающую вывеску «Тексако». Вода заливала все вокруг, готова была смыть все.

— Давай быстрее, — позвал ее Стюарт.

И она ответила, не успев сообразить, что говорит:

— Я не поеду. Уезжай без меня.

Когда эти слова сорвались с ее губ, ее внезапно охватило чувство тепла, возбуждения, возвращения к жизни; она почувствовала себя свободной, словно тугой узел эмоций, затягивавшийся в ее груди последние несколько лет, внезапно развязался.

— Что? — крикнул Стюарт. — Что ты такое говоришь?

Мелисса не ответила. Она прошла мимо машины, мимо Стюарта, остановилась у края крыши, защищавшей заправку. Передернув плечами, она сбросила плащ, и он упал на землю у нее за спиной. Не обращая внимания на мужа, она поставила носки туфель вдоль бордюра, вдоль той линии, где заканчивалась крыша и начинался дождь.

Стюарт окликнул ее:

— Мелисса! Мелисса!

Но Мелисса не ответила. Она шагнула в тот мир, который скоро должен был исчезнуть, под струи дождя. Капли падали на нее, прохладные и освежающие, скользили по ее щекам, губам и волосам, лаская ее, как пальцы возлюбленного.

ЛИНДА НАГАТА

Потоп

Линда Нагата живет на Гавайских островах и в настоящее время работает программистом онлайн-приложений. Нагата выпустила серию отдаленно связанных между собой романов, развивающих идею нанотехнологий. Один из них, «Создатель Бора» («The Bohr Maker», 1995), получил премию журнала «Locus» как лучший дебютный роман. Представленный ниже загадочный рассказ, опубликованный в 1998 году, еще долго не выходил у меня из головы после того, как я его прочел. Созданные в нем мощные образы превращают кошмар всемирного потопа в некую мистическую аллегорию.

Ночью Майк лежал без сна на своей постели из сырых листьев, над которой высились кроны эвкалиптовых деревьев, и прислушивался к шуму прибоя. Его молодая жена Холли спала на земле рядом с ним, прижимая тонкое одеяло к подбородку, стиснув ногами его ноги. Он легко прикоснулся к ее животу и почувствовал, как поднимается и опускается грудная клетка.

Ночи были хуже всего. Ночью он не видел приближения воды. Поэтому Майк слушал прибой, пытаясь по звуку определить, на сколько метров повысился уровень моря. Ему приходилось видеть, как океан поднимался на тридцать метров за одну ночь. Он приближался и никогда не отступал.

Страх тек по телу Майка, как масло, — холодный, неотступный страх. Мысленно он уже видел, как тонет Холли, видел ее бледное, усталое лицо, когда она в конце концов скрывалась под наступающими волнами. Такая смерть была древней, знакомой.

Боже, Боже, Боже.

Внезапно, несмотря на прохладную ночь, он покрылся потом и внутри у него все сжалось. Он подумал, что сейчас самое время вспомнить какой-нибудь отрывок из Библии, утешительный, полный глубокого смысла. Но ему ничего не приходило в голову. Он никогда не относился серьезно к религии.

И все-таки в эти дни, когда мир тонул у него на глазах, мысли о Боге неотступно преследовали его.

Как мог Он допустить подобное?

Майк не верил в милосердие Господне. Он сомневался даже в том, что верит в существование высшей силы. И сейчас, находясь в одиночестве среди выживших, он отказывался признать, что конец света — благо.

Незадолго до рассвета вода, должно быть, достигла пологого участка суши, потому что гул прибоя немного стих. Майк уснул; когда он проснулся, солнце уже стояло высоко. Прижавшись к Холли на их постели из листьев, он посмотрел вниз, на море. Он видел волны за ближайшей рощей. В прохладном, неподвижном утреннем воздухе поверхность воды сверкала как стекло; за ночь океан затопил луг, и трава придавала воде зеленоватый оттенок. Невысокие волны катились со стороны моря и с негромким шорохом полумесяцами поднимались к эвкалиптовой роще.

Майк, еще не совсем проснувшись, смотрел на прибой; его кошмары и ужасная реальность казались одинаково далекими, но вскоре легкий ветерок, пронесшийся над кронами, напомнил ему о необходимости сделать парус для недавно законченной лодки.

Холли пошевелилась во сне. Он склонился над ней, осторожно отодвинул с ее лица длинные темные волосы, поцеловал в щеку, и снова сердце его сжалось от страха. Он не позволит, чтобы ее забрали. Он не может этого допустить. Лучше утонуть. Но еще лучше тайно увезти ее на лодке. Это должно произойти скоро. Возможно, даже сегодня.

Ресницы ее дрогнули, она потянулась, затем улыбнулась ему, и в темных глазах ее сияла безмятежная радость.

— Майк. Ты чувствуешь, Майк? Уже скоро.

— У нас не осталось еды, — сказал он.

Она села, пожала плечами, и ее длинные загорелые ноги покрылись гусиной кожей в утренней прохладе.

— Еда нам не понадобится. Сегодня — последний день. Я это чувствую.

И, словно для того, чтобы подтвердить ее слова, очередная волна скользнула по роще и, шурша, подкатилась к ее

ногам, затем отступила, оставив на песке полумесяц. Майк поймал себя на том, что не сводит взгляда с этого ужасного следа. В течение нескольких недель после начала потопа он смотрел, как песок и волны поглощают дороги, дома, леса, пастбища, фермы, как неуклонно поднимается океан, пожирая остров, который они называли своим домом. Они отступали в гору, а вода догоняла их, но самая высокая точка на этом острове находилась всего в пятистах метрах над уровнем моря.

Майк, прищурившись, рассматривал новую береговую линию. Теперь, по его подсчетам, из пятисот метров осталось всего тридцать. Он нахмурился, пытаясь вспомнить географию острова до потопа. Неужели тот луг, где он строил свою лодку, находится ниже тридцати метров от вершины?

— Ковчег! — закричал он, вскочив на ноги. — Холли...

Он схватил ее за руку и рывком поднял на ноги. В ушах у него ревел ночной прибой. На закате его лодка находилась на суше, но сейчас...

Он бросился бежать через рощу, таща за собой Холли. Он боялся оставлять ее одну, боялся, что она исчезнет, подобно многим другим.

— Майк! — задыхаясь, воскликнула она, с трудом поспевая за ним. — Все хорошо, Майк. Тебе не нужна лодка. Все будет в порядке.

Но он не мог ей поверить. С самого начала он не верил в это.

Они бежали по лужицам, по гнилым листьям, покрытым песком. Ноги их погружались в эту зыбкую смесь. Из недр нового пляжа поднимались пузырьки воздуха. А затем они добрались до границы рощи и выбежали на открытое место.

Солнечные лучи играли на зеленой воде. Дети резвились на мелководье, на новом побережье ненасытного океана.

Майк, выпустив руку Холли, начал карабкаться по древнему лавовому холму, покрытому низкорослой растительностью. Когда он добрался до вершины, грудь у него болела. Он стоял на гребне холма и смотрел на свое творение.

Вчера вечером лодка стояла на своей платформе в пятнадцати метрах над уровнем моря, почти законченная, — кро-

шечный ковчег из зеленого эвкалиптового дерева. Но ночью море захватило ее, швырнуло через зазубренный лавовый гребень. На наступавших волнах покачивались обломки.

Холли подошла к нему, тяжело дыша; грудь ее вздымалась под короткой майкой. Она смотрела на обломки лодки, как будто не видя их.

— Пойдем поплаваем, Майк,— просительным тоном произнесла Холли. Она с нежностью смотрела на него широко открытыми глазами.— Вода теплая. Прибоя почти нет. Такой прекрасный день сегодня. Это дар Божий.

В утреннем солнце сверкал огромный белый деревянный крест, водруженный на вершине горы,— память о давно прошедших временах.

Бóльшую часть людей, которые жили на острове до потопа, уже забрали. Осталось всего пятьдесят или шестьдесят человек, терпеливо ожидавших своей очереди ухватиться за веревку.

Майк отвел взгляд от кусков дерева, в которые превратилась его лодка, и набросился на Холли.

— Проснись! — кричал он.— Проснись! Ты несколько недель ходишь как во сне. Ты и все остальные; а в это время вокруг вас творится геноцид. Мы умираем, Холли. Твой бог убивает нас, семью за семьей.

Внезапно во взгляде Холли промелькнула озабоченность. Подняв руку, она убрала пряди, упавшие Майку на лицо, заправила волосы за уши, словно этим простым жестом она надеялась помочь ему увидеть и услышать.

Майк оттолкнул ее руку.

— Я не глухой и не слепой! — завопил он.— Я прекрасно вижу, что происходит...

— Но ты не можешь почувствовать этого,— мягко возразила она.

— Нет. Ты права, не могу. Я не могу почувствовать этого. Я не могу.— Он сжал кулаки. Закрыл глаза, и душу его захлестнули гнев и печаль.— Почему я, Холли? Почему из всех людей именно я не могу верить?..

Его жалобу оборвал далекий рокот. Звук напоминал рев моторов самолета, и на Майка нахлынули детские вос-

поминания о ночах, когда он лежал без сна, прислушиваясь к гулу пролетавших над домом самолетов, представляя себе, что это не просто пассажирский авиалайнер, взявший необычный курс. Он воображал, будто этот ночной странник — B-52[1], оснащенный ядерными боеголовками, направляющийся к своей далекой цели в Сибири. Что этот полет — предвестник конца света.

С окончанием холодной войны детские страхи тоже ушли в прошлое, с течением времени забылись. Но теперь они вернулись, преследовали его в *эти дни*, когда конец света приближался так неожиданно и неотвратимо.

Майк взглянул в сторону моря, где насчитал три изогнутые проволочки из ослепительного золотого света. Они были тонкими, как трещины в небесном своде, позволявшие увидеть райский свет, но длинными: казалось, они исчезали за краем ярко-голубого небесного купола, в какой-то туманной дали, совершенно непохожей на небо, которое было знакомо Майку с детства. Свет, струившийся из какой-то другой вселенной. Из иного мира. Голодный свет, питавшийся надеждой и верой.

Отдаленный рокот моторов стих, и тонкие золотые нити приближались, скользя по воде. Они слегка покачивались, но не как обычные лучи света: они колебались и изгибались, подобно нитям из очень легкого материала. И снова Майк поразился тому, какие они тонкие. Первая нить пронеслась над мелководьем к детям, игравшим с водой. Теперь было видно, что по толщине золотые лучи напоминали канаты, которыми когда-то пришвартовывали корабли в доках.

Дети заметили канат. Их радостные крики были слышны на холме — они, спотыкаясь, побежали, поплыли по направлению к свету. Майк хотел закричать, предупредить их, чтобы они остановились, бежали прочь. Но они *верили*...

Первой до каната добралась девочка-подросток. Она ухватилась за него правой рукой, и ноги ее тут же оторва-

---

[1] «Боинг B-52» — американский сверхдальний стратегический бомбардировщик-ракетоносец, состоящий на вооружении ВВС США с 1955 г.

лись от земли. Она вознеслась к небу. В то же время казалось, что она уменьшилась в размерах, что ее втянуло в колонну света. Майк смотрел, как она превращается в крошечную фигурку, залитую золотым сиянием, в темный силуэт, быстро уменьшавшийся в размере, устремлявшийся в безграничные пространства иного мира. Он смотрел, как она становится черной точкой на горизонте. А потом она исчезла.

За ней последовали другие дети, шесть-семь человек; затем канат покинул опустевший пляж и заскользил вдоль берега, описывая зигзаги по песку, приближаясь к родителям.

Майк упал на колени — ему было плохо. Он наклонился, держась за живот. Ему казалось, что его сейчас вырвет. Холли присела рядом.

— Да все в порядке, Майк, — утешала она его. — Все хорошо. Бог пришел за нами. Ты зря боишься.

От этих слов у него волосы встали дыбом. Неужели в конце концов один из золотых канатов разлучит их? Неужели спустя несколько недель, после того как всех их близких и друзей забрали, настал их черед? Пальцы его впились в землю. Почему он не может чувствовать той умиротворенности, которую чувствовали остальные? Почему он не может *поверить?*

Его оглушил гул, похожий на шум электромоторов. Он почувствовал, как волосы на голове поднимаются дыбом, словно вокруг него внезапно возникло электростатическое поле. Подняв голову, Майк заметил, что от берега к лавовому холму направляется второй канат.

— Нет! — крикнул он.

Он бросился на Холли, сбил ее с ног. Придавил своим весом, прижал ее руки к земле.

— Я не позволю тебе! — ревел он. — Я не отпущу тебя!

Лучик плясал, раскачивался, приближался. Глаза Холли наполнились слезами. На губе выступило несколько капелек крови. Дрожащим голосом она заговорила:

— Пожалуйста, Майк. Отпусти меня. Пришло мое время. Наше время. Я не знаю, почему ты никак не можешь этого понять. Но я знаю, что ты любишь меня. Ты должен

мне поверить. Ты должен позволить мне верить за нас обоих...

Он поцелуем закрыл ей рот, чтобы остановить поток слов. Губы его прижались к ее губам, язык его прикоснулся к ее языку, и он ощутил солено-сладкий вкус ее крови. Она подействовала на него как наркотик. Ее любовь устремилась в его тело, ее вера, ее доверие. Он почувствовал, как его наполняет теплое золотое сияние. Он отпустил ее руки, сжал в ладонях ее прекрасное лицо. В следующее мгновение она поднялась, обхватила его руками, сжала в объятиях. Он сам не заметил, как вскочил на ноги. Она стояла, глядя ему в глаза, держа его за руки. За спиной у нее сверкала золотая колонна. Холли не отрывала от него взгляда темных горящих глаз. Она кивнула, желая подбодрить его. Отступила назад, увлекая его за собой, — он сделал один шаг, потом еще один. Выпустив левую руку Майка, Холли наполовину обернулась, чтобы взяться за канат.

— Поверь, — прошептала она.

Внезапно ее дернули вверх, и тело ее изогнулось в экстазе. Вздох, сорвавшийся с ее губ, словно нож, разрезал покрывало тумана, окутывавшего сознание Майка. Он напрягся, и его охватило знакомое отвращение.

— Холли, нет! — взревел он.

Она поднималась, правая сторона тела становилась все меньше, превращаясь в темный силуэт; ее втягивало в узкую щель, из которой лился золотой свет. Левая сторона ее тела еще находилась в мире, залитом водой.

— Холли!

Он сообразил, что еще держит ее за левую кисть. Теперь он ухватился за нее двумя руками и потянул. Тело ее продолжало сжиматься, удаляясь от него с невероятной скоростью. Рука вытянулась, превратилась в длинную черную ленту. Затем ее рука развернулась ладонью вверх и исчезла. До него не сразу дошло, что он хватается за пустоту.

Из горла его вырвался яростный вопль. По лицу потекли слезы.

Золотой луч гудел и покачивался, ожидая его.

— Только не я,— задыхаясь, выговорил он.— Я не пойду к тебе. Убийца! Убийца!

Он повернулся к лучу спиной и бросился в лес.

Остров опустел; все люди наконец исчезли.

Майк вскарабкался на вершину горы и сел у подножия креста. Прохладный ветерок дул ему в лицо, стремительно бежавшие по небу облака время от времени закрывали солнце. От острова остался крохотный клочок суши — не более восьмисот метров в поперечнике. Со всех сторон его окружал океан. Майку казалось, что он сидит на дне чаши, а сверху на него наступает вода. Насколько высоко может подняться уровень моря? Неужели вода скроет горы?

Во всем мире не наберется столько воды!

Краем глаза Майк заметил какое-то движение. Какую-то белую искорку на фоне облаков, затягивавших небо. Птица, сообразил он. Птица приблизилась, и он разглядел альбатроса, скользившего на своих белых крыльях над гребнем волны. Одинокое существо.

Майк ощутил радость и немалое удивление; только сейчас он понял, как ему не хватало на острове птиц и животных. Кошки и собаки, птицы и домашние животные уходили вместе со своими хозяевами. Даже рыба исчезла из океана. Он подумал: может быть, эта птица так же голодна, как он?

Птица осталась с ним; не переставая она описывала круги вокруг уменьшавшегося островка; океан продолжал наступать. К полудню, когда голод, жажда и полное одиночество уже начали сказываться, птица превратилась в центр горячечного бреда Майка. Ему казалось, что он летает на широких крыльях, бесконечно описывая круги вокруг белого креста, как будто прикованный к нему цепью. Он хотел улететь прочь. Он хотел парить над океанской гладью, над бесконечными голубыми просторами. «Еще немного — и ты найдешь землю, найдешь людей».

Но птица не улетала.

Солнце начало клониться к горизонту. Кожа Майка горела, сожженная безжалостными лучами. Язык его от жажды распух, превратился в сухую, пыльную губку. В животе

начались рези от голода. Майк смотрел на подступавшие волны, окружавшие его со всех сторон. Вечером волны сомкнулись у подножия креста.

Он забрался на крест, спасаясь от воды, поглотившей последний клочок суши. Дополз до перекладины, обхватил руками столб. Вода внизу бурлила, медленно, но неотвратимо приближалась. Скоро он утонет. Остались ли в море рыбы, которые обглодают его труп? Остались ли в воде микробы, которые уничтожат то, что останется после рыб? Возможно, его тело опустится на дно, его покроет песок и он превратится в окаменелость, единственные останки живого существа на этой планете. Он знал, что мир будет очищен, что скоро здесь начнется новая глава его истории.

Майк оглядел пустынный океан, и слезы выступили у него на глазах. Он не мог себе представить, как люди поклонялись божеству, допустившему этот кошмар.

Ничего больше нет.

Казалось, эта фраза, констатация конца, разнеслась над пустыми бескрайними просторами.

Ничего больше нет.

Когда последние живые существа исчезнут под водой, мир очистится, будет готов к переменам, к обновлению.

Майк продолжал цепляться за крест. Солнце садилось, и океан был почти спокоен. Над ровным горизонтом сиял золотой свет. Майк пристально смотрел на солнце, чувствуя, как ослепительные краски заката проникают в его душу и согревают ее. Последний день.

Мимо пролетел альбатрос, и Майк вздрогнул. Он приближался весь день, возможно ободренный исчезновением суши. Теперь он парил совсем рядом, так близко, что до него можно было дотянуться рукой, ветер шевелил его перья, и этот звук становился все отчетливее по мере приближения птицы, пока наконец не превратился в зловещий рокот — далекие раскаты грома, далекий шум моторов.

Майк поднял взгляд и увидел золотую нить, плясавшую на горизонте. Один-единственный канат. В первый раз появился только один. Сердце его заколотилось как бешеное, и он ощутил знакомый прилив ярости. Он вце-

пился в крест и закричал на негодяя, и голос его разнесся над безмятежными водами:

— Лжец! Убийца!

Холодная вода приближалась, коснулась его ступни, и в этот момент внезапно наступила темнота. Ярость куда-то исчезла, остались лишь ужас и отчаяние. Он прижался лбом к столбу и плакал, пока рокот не стих; жужжание золотой веревки оглушило его, и лживое золотое сияние достигло глаз сквозь сомкнутые веки.

Он по-прежнему не верил в милосердие Господне. Он знал, что потоп — это акт геноцида, а золотой канат — обман. Он знал это, потому что душу его переполняла бесконечная печаль. Но сейчас это уже не имело значения. Он был человеком, и он должен был последовать за своими собратьями, в ад или в небытие. Он открыл глаза. Золотой луч плясал перед ним, неизбежный золотой канат, брошенный утопающему. Альбатрос парил поблизости, наблюдал за ним, ожидая его действий.

Майк схватился за канат обеими руками и покинул этот мир.

ДЭВИД БАРНЕТТ

Шоу конца света

Дэвид Барнетт родом из Ланкашира, он журналист и редактор, в настоящее время работает помощником редактора газеты «Telegraph & Argus» в Брэдфорде. Барнетт является автором романов «Глубинка» («Hinterland», 2005), повествующем о скрытых мирах вокруг нас, и «Ангельское стекло» («Angelglass», 2007), в котором нити истории переплетаются, а также сборника «Дом Януса и другие двуликие истории» («The Janus House and Other Two-Faced Tales», 2009).

Планируя эту антологию, я поклялся не включать в нее рассказы о «зомби-апокалипсисе», но правила существуют для того, чтобы их нарушать, тем более если имеются веские причины.

За семь дней до конца с нами попрощались инопланетяне.

— Да, это правда, — сказал усталого вида правительственный чиновник, у которого брали интервью для вечернего выпуска новостей. — Разумные существа внеземного происхождения были с нами с тысяча девятьсот сорок седьмого года. Они значительно способствовали нашему развитию за последние шестьдесят лет. Весьма сомнительно, что мы смогли бы сделать такой рывок в исследовании космоса без их помощи. И работа, которую они проделали вместе с нами в исследовании методов лечения рака и других болезней, была просто поразительной. Очень жаль, что им нужно покинуть нас именно сейчас, когда осталось столько незавершенных дел.

— Но почему они улетают? — спросил репортер.

Чиновник подергал тугой воротничок и взглянул мимо камеры.

— Я попросил бы не задавать дополнительных вопросов, — сказал он.

Все пришли к мнению, что все это было лишь мистификацией. На всех новостных каналах вышли специальные выпуски, посвященные этому интервью. На одном да-

же отменили очередную серию популярной мыльной оперы. Кэти такое едва ли одобрила бы.

Именно с Кэти мне и хотелось об этом поговорить, но она давно от меня ушла. Я сидел в своем тесном домике с верандой, переключаясь с одного канала на другой, и на каждом какой-нибудь эксперт лихорадочно бубнил об инопланетянах. Они прилетели с планеты, обращавшейся вокруг звезды, для которой у нас даже не было названия, только номер в атласе. По телевизору много говорили о невозможности межзвездных перелетов, и кто-то спросил ученого: если межзвездные путешествия все-таки возможны, то почему инопланетяне научили нас летать не далее Луны?

Кэти станет обсуждать это со Стивом. О том, что все это значит для будущего — для их будущего, уютного будущего представителей среднего класса, с «фольксвагеном-тураном» в гараже и летним отдыхом в Тоскане. Я пошел в паб.

— Это мистификация, — авторитетно заявил Боб. — Наверняка. Не может такое быть правдой.

— Если они на Земле, то где же они? И где их космический корабль? — спросил Алан.

По пабу прокатился гул — все разом заговорили, когда барменша прибавила громкости телевизору в углу. Там шел специальный выпуск новостей по Би-би-си, и дискуссию в студии прервал репортаж, снятый трясущейся камерой на поле где-то в Корнуолле, судя по надписи на экране. В кадре вынырнул репортер в плаще:

— Мы находимся на том месте, откуда инопланетяне покидают сейчас Землю...

Камера резко повернулась и нацелилась на сигарообразную серебристую ракету, стоящую на темном, раскисшем от дождя поле. Одному Богу известно, где они ее до сих пор прятали и как она там вдруг оказалась.

— Готов поспорить, что она там все время стояла, только невидимая, — заявил Алан.

— Нет, это мистификация, — повторил Боб, закуривая, явно довольный собой. — Вы только поглядите на эту «ракету». Ее словно скопировали из комикса про Флэша Гордона!

Лежащий на столе мобильник Алана зажужжал. Пока он возился с кнопками, камера переместилась на троих инопланетян, стоящих на платформе возле ракеты. Они слегка походили на Стэна Огдена[1], только кожа у них имела зеленоватый оттенок. На них были черные пиджаки, застегивающиеся на три пуговицы, со стоячими воротничками, как у Джавахарлала Неру. В нижней части экрана появилась надпись: «ПЕРВОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ ИНОПЛАНЕТЯН».

— Почему вы улетаете? — крикнул кто-то из толпы репортеров.

Один из инопланетян взглянул на своих собратьев. Он кашлянул и ответил на безупречном английском:

— Нам очень жаль. Но сейчас мы должны улететь. Мы ничего не можем изменить.

— Это Марджери звонила, — сказал Алан, убирая телефон в карман куртки. — Пацаны сели в машину и рванули в Корнуолл. Хотят улететь вместе с инопланетянами.

Боб раздавил в пепельнице окурок и рассмеялся:

— Твои пацаны? Уэйн и Стю? С чего это они взяли, что инопланетяне захотят взять их с собой на Плутон? Разве им там своих бездельников не хватает?

— Я бы посоветовал им не торопиться, — заметил я, показывая на телевизор. — А они уже улетают.

Они действительно улетали. Инопланетяне вошли в ракету, и солдаты уже оттесняли журналистов и зевак на безопасное расстояние. Под серебристой ракетой вспыхнуло зеленое сияние, камера в руках оператора затряслась. Потом ракета взмыла в ночное небо. Камера следила за ней, пока ее не проглотили черные тучи.

В пабе и на поле в Корнуолле царило молчание, пока репортер благоговейно не произнес:

---

[1] *Стэн Огден* (Stan Ogden) — вымышленный персонаж британской телевизионной мыльной оперы «Улица Коронации» («Coronation Street»), посвященной жизни рабочего класса в вымышленном британском городке. Сериал начался в 1960 г. и в сентябре 2010-го отметил свое 50-летие, став самым длительным за всю историю.

— Вот оно, эпохальное событие. Я горжусь, что мне выпала честь стать свидетелем первого контакта между человечеством и внеземными разумными...

— Выпала честь увидеть, как они свалили отсюда, — буркнул Боб, снова закуривая.

— Интересно, а с чего это они на самом деле улетели? — спросил Алан.

— А мне интересно, чья сейчас очередь ставить выпивку, — отозвался Боб.

Позднее, уже изрядно набравшись, я позвонил Кэти, хотя никакого смысла в этом не было.

— Ты видела инопланетян? — спросил я заплетающимся языком.

— Конечно видела, — сухо ответила она. — Полагаю, все на планете их уже видели. Ты зачем звонишь?

— Я все еще люблю тебя, — прошептал я.

Она положила трубку.

Я полежал немного в постели, но заснуть не получалось. Попытался мастурбировать, но смог представить лишь обрюзгших зеленых инопланетян в черных костюмах, поэтому бросил это занятие и уселся возле окна, глядя на ночное небо и гадая, что бы все это значило, пока Уэйн и Стю не проехали мимо на отцовском «форде-фокусе», непрерывно давя на клаксон. На крыше машины они написали краской: «ВОЗЬМИТЕ НАС С СОБОЙ!» Алану это не понравится, уж это точно.

За шесть дней до конца мы узнали, почему убрались инопланетяне. К Земле летит астероид размером со стадион «Милтон-Кейнс». Столкновение произойдет меньше чем через неделю. В утренних новостях только об этом и говорили. Кто-то в правительстве допустил утечку информации. Власти знали об этом уже несколько месяцев. Инопланетяне пытались помочь нам, но глыба оказалась таких размеров, что даже они не смогли ничего путного предложить. Поэтому и улетели.

На работу я не поехал. Какой смысл? Но все же позвонил.

— Вы заболели? — спросила секретарша.

— А вы разве не видели утренние новости?

— Нет, — ответила она, помолчав. — А что?

— Ничего. — Энн была девушка робкая, и я не хотел ее пугать. — Я немного загрипповал.

Я вернулся к телевизору. Астероид сейчас находился где-то возле Венеры, но быстро приближался. Эксперты говорили, что от него могут отвалиться небольшие куски после входа в атмосферу. Очевидно, имелся план — забросить на орбиту с помощью космического челнока груз ядерных бомб и разнести глыбу на куски или хотя бы сбить ее с курса. Если план не удастся — а все ученые, у которых брали интервью, заверяли, что это сработает, — то астероид в воскресенье упадет где-то в Австралии.

— Ну, во всяком случае, конец придет только Австралии, — сказал Алан, когда я зашел к нему, чтобы вернуть кусторез, одолженный пять месяцев назад.

Он взглянул на кусторез с каким-то любопытством — наверное, размышлял, имеет ли смысл подрезать свои лейландии до выходных, а я ответил:

— По ящику сказали, что у этого булыжника такие размеры и скорость, что он угробит всю жизнь на планете.

Алан лишь фыркнул в ответ, и тут к дому подъехала Марджери. Я заметил, что они пытались стереть с крыши машины надпись «ВОЗЬМИТЕ НАС С СОБОЙ!», но без особого успеха. Марджери, красивая женщина, особенно когда немного взвинчена, выбралась из машины, нагруженная пакетами из супермаркета. Вид у нее был слегка потрепанный.

— Там сущий хаос! — сообщила она. — Я чуть ли не силой пробилась к выходу. Люди дрались возле касс.

— Привезла мой любимый паштет? — мягко спросил Алан, когда Марджери протопала мимо меня.

— Нет, не привезла! — взвизгнула она. — Я купила воду в бутылках и консервированные бобы. Можешь вытащить из машины остальное. И почему ты до сих пор не забаррикадировал окна?

Алан взглянул на меня и слегка пожал плечами — мол, что тут поделаешь?

— Пожалуй, я сперва подрежу изгородь, — ответил он.

Я не стал слушать вопли Марджери и направился домой. На полпути я свернул к магазинчику на углу. Пожа-

луй, стоит запастись провизией. Так, на всякий случай. К сожалению, половине соседей пришла в голову та же мысль. У магазинчика собралась толпа, люди выкатывали тележки с покупками. Я протолкался к входу как раз в тот миг, когда одна из продавщиц вешала на дверь самодельный плакатик: «ПРОДАЖА ТОЛЬКО ЗА НАЛИЧНЫЕ».

— Нам позвонили из главного офиса и велели не принимать оплату кредитками или чеками, — поясняла она, когда я протиснулся в магазин.

Потолкавшись в проходах между полками, я смог раздобыть полдюжины упаковок китайских обедов для разогрева в микроволновке, бутылку молока, бутылку виски и пакет печенья. Возле кассы была давка. Какой-то мужчина набил две большие тележки едва ли не всем содержимым мясного отдела и размахивал перед кассиршей кредиткой.

— Никаких карт! — кричала ему кассирша. — Я же сказала: только наличные!

Очередь к кассам змеилась по всему магазину. Я показал свои покупки девушке, которая вешала плакатик на двери, и дал ей двадцать фунтов. Она взглянула на мою корзинку, кивнула и сунула деньги в карман.

— Не возражаете, если я прихвачу и корзинку? — спросил я.

Она пожала плечами:

— Могу отдать ее за пятерку.

У меня была только десятка, поэтому я отдал ее девушке, а заодно взял номер «Сельской жизни» из опрокинутой картонной стойки.

Когда я вышел из магазина, радуясь свежему воздуху, передо мной резко затормозил большой джип. В нем сидели четверо в куртках с капюшонами и с бейсбольными битами. Когда они выбрались из машины, один из них взглянул на меня.

— Гони все, что у тебя есть! — рявкнул он.

Второй дернул его за куртку:

— Да ну его! Возьмем то, что внутри. — Он помолчал, размышляя, затем поднял биту. — Но бабло все же гони.

Я сунул руку в карман и достал еще одну десятку. Грабитель выхватил ее и сунул в карман джинсов.

— Правильно, внутри, — согласился он. — Консервы, воду в бутылках, порошковое молоко. И лупите всех, кто станет мешать.

Я торопливо направился домой. Главная дорога была забита машинами, которые еле ползли и непрерывно сигналили. Я заметил Боба с женой, их «ровер» был набит вещами. Боб опустил стекло.

— В отпуск едете? — поинтересовался я.

— Мы сваливаем отсюда! — крикнул он в ответ. — Я бы на твоем месте тоже уехал.

— И куда же вы собрались? — спросил я, глядя на длинную вереницу машин, растянувшуюся на всю видимую дорогу.

— К озерам. В горах как-то надежнее. И вода чистая.

Я кивнул. Жена шлепнула Боба и показала вперед, где машина перед ним переместилась дюйма на три или четыре. Боб помахал мне и начал поднимать стекло, но остановился и снова его опустил. Порывшись в кармане куртки, он вытащил и бросил мне связку ключей.

— Раз уж ты все равно здесь остаешься, то окажи нам услугу и заводи иногда мою MG[1], хорошо? Она очень не любит, если ей каждые несколько дней не прокручивать мотор.

Я подхватил ключи и помахал Бобу, когда «ровер» снова дернулся вперед. Интересно, смогу ли я прокатиться на его машине, пока их не будет дома? Прелестная у него машинка. Зеленая, как все британские гоночные машины. Теперь таких не делают.

Я вернулся домой как раз вовремя, чтобы посмотреть репортаж о запуске космического челнока с мыса Кеннеди.

За пять дней до конца бóльшая часть Южной Японии была уничтожена ядерным взрывом. Должен признать, события начали приобретать мрачноватый характер. Я провел еще одну ночь почти без сна — в основном из-за машин на главной дороге. По ней ползла непрерывная вереница машин и фургонов, нервно сигналя. Интересно, далеко ли удалось уехать Бобу?

---

[1] *MG* — британская марка спортивных автомобилей.

Очевидно, кусок теплоизоляции отвалился от двигателя челнока, когда тот находился на околоземной орбите, дожидаясь, пока астероид окажется в пределах досягаемости. Это нарушило работу системы ориентации и управления, бортовые компьютеры свихнулись, направив челнок обратно в суборбитальное пространство и послав его по спирали в сторону Японии. Челнок врезался в Землю, и ядерные заряды взорвались в нескольких милях южнее Осаки. Город и его окрестности были уничтожены подчистую.

Русские сообщили, что волноваться не стоит, потому что они тоже запускают ракету, набитую ядерными зарядами. Но для японцев это было уже слабым утешением. Некий бородатый тип появился в выпуске новостей и заявил, что, по его мнению, вся эта история с астероидом — сплошное надувательство и что США давным-давно планировали разбомбить Японию. Но конкретную причину этого он, впрочем, не назвал.

Некоторые телеканалы отключились, в основном цифровые. Пятый канал тоже перестал работать, но этого почти никто не заметил. ITV и Би-би-си непрерывно передавали новости. По Четвертому каналу гоняли музыкальные видеоклипы, а по Би-би-си-2 стали заново показывать ситкомы семидесятых годов, которые оказывали на зрителей странно успокаивающее действие. Я посмотрел пару серий «Терри и Джун», но так и не смог выбросить из головы панораму радиоактивных руин в Японии.

Тогда я пошел прогуляться. Почти все машины уехали туда, куда направлялись, и на дороге стало тихо. С сегодняшнего утра в начале нашей улицы поставили танк — в ответ на сообщения о грабежах и разбоях.

До сих пор я никогда не видел танка вблизи. Он оказался весьма впечатляющим зверем. Кэти бы его возненавидела, потому что была пацифисткой. Наверное, она до сих пор пацифистка. Все военное она на дух не переносит. Надеюсь, возле ее дома никаких беспорядков не произошло и у нее все хорошо. Я подумал, не позвонить ли ей снова, но не знал, что скажу. Я почему-то подумал о Блэкпуле. Кэти любила ездить в Блэкпул, ей нравились суета и шум на улицах, витающий в воздухе сладкий запах са-

харной ваты, позвякивание монет в лотках игровых автоматов, безумный смех клоуна-автомата на пляже. В один из годов, когда мы туда ездили, кто-то сделал на пляже огромный танк из песка. Кэти все удивлялась, почему этот умелец не смастерил что-либо менее уродливое. Но детям танк очень понравился.

На башне танка, настоящего танка на моей улице, сидел солдат, пристроив автомат на согнутую руку. Он холодно взглянул на меня.

— Не волнуйтесь, — приветливо сказал я. — Я не собираюсь пинать ваш танк.

Он не рассмеялся. Даже не улыбнулся.

— Слышали, что правительство накрылось? — спросил он.

— Чем накрылось?

— Просто накрылось. Половина скрылась в секретном бункере. Некоторые мертвы. Вестминстер горит. Ситуацию уже никто не контролирует.

Я обдумал эти новости:

— А кто же тогда платит вам жалованье?

Он взглянул на меня и моргнул, словно впервые над этим задумался. Потом сунул голову в люк и быстро переговорил со своим напарником. Я постоял немного рядом, но солдат меня игнорировал. Тогда я вышел на главную дорогу и подошел к дому Алана. Ставни в нем были закрыты. Я постучал, но никто мне не ответил, тогда я обошел дом и снова одолжил его кусторез. Когда я вернулся на улицу, танка там уже не было. Мистер Рейнз из восьмого дома — он когда-то служил в территориальных войсках — вышел на дорогу, когда я приблизился. Он держал автомат — в точности так же, как солдат из уехавшего танка.

— Где это вы его раздобыли? — поинтересовался я.

— Солдат отдал, прежде чем свалить, — пояснил он и скривился. — Послушайте, армии больше нет. Закона и порядка тоже нет. Нам надо организоваться в... группу гражданской обороны. У вас есть оружие?

Мы посмотрели на кусторез. Я предположил, что им можно нанести серьезные раны — во всяком случае, когда

находишься не далее чем в пяти метрах от электрической розетки.

— Поищу дома, — сказал я.

Я снова позвонил Кэти, но попал на автоответчик.

— Мы организовали группу гражданской обороны на нашей улице, — гордо сообщил я и помолчал. — Я люблю тебя, — добавил я и положил трубку.

Кэти ушла от меня, потому что ей со мной стало скучно. Потому что после смерти моих родителей мне хотелось лишь сидеть в их старом доме с террасой, ходить на работу, возвращаться и смотреть телевизор. Но вот чего она так и не смогла понять — все это я хотел делать вместе с ней, и для меня это было достаточно интересным. Хотел бы я знать, насколько интересно ей живется сейчас с этим Стивом.

Через минуту я снова поднял трубку и оставил еще одно сообщение: «Я раздобыл несколько готовых китайских обедов, а электричество у нас пока есть, так что если захочешь приехать...»

Позднее я помог Рейнзу и другим соседям заблокировать несколькими автомобилями оба конца нашей улицы.

— А если мы захотим куда-нибудь поехать? — спросил я.

— А куда сейчас ездить-то? — ответил Рейнз и скорчил такую же гримасу.

Глядя вечером новости — репортажи без комментариев из горящего Лондона и бунты в Бирмингеме и Манчестере, — я был вынужден признать его правоту. И задумался, как там дела у Боба на озерах.

За четыре дня до конца на Токио напала огромная ящерица. Можно подумать, что в Японии не хватало других проблем. Она выглядела в точности как динозавр длиной семьдесят метров от носа до кончика хвоста. Она бегала по городу вприпрыжку, опустив голову и задрав хвост и держа спину горизонтально. Ходили слухи, что это как-то связано с бомбами, упавшими на Осаку. То ли нормальная ящерица стремительно мутировала из-за радиации и выросла до огромных размеров, то ли древняя зверюга пролежала под землей в спячке, а взрыв ее разбудил.

Просто поразительно, как люди оказались готовы принимать на веру практически что угодно.

Зрелище оказалось весьма захватывающим. В новостях показывали, как пытаются эвакуировать Токио, но людей оказалось некуда везти, потому что почти вся территория Японии превратилась в радиоактивную пустыню. Монстр носился по городу, снося здания и расшвыривая хвостом автомобили. Я даже не раз ловил себя на мысли: «Как реалистично снято», пока до меня не дошло, что все это настоящее. В конце концов ящера завалили ракетами с истребителей, и он рухнул мертвый посреди улицы. Диктор новостей сказал, что японские власти начали разделывать тушу на консервы для аварийных пайков.

В тот день грабители ворвались ко мне в дом, выбив дверь на кухне. Их было трое, парни лет восемнадцати-девятнадцати, все с бейсбольными битами. Я в тот момент находился на кухне, и они прижали меня к стене.

— Чего вы хотите? — спросил я.

Один из них ударил меня по лицу.

— Все, — ответил он.

Они забрали все деньги, какие смогли найти. Впрочем, сумма получилась небольшая. Забрать еду они не додумались, зато один из них выдрал из стойки телевизор.

— Это мы тоже заберем, — сказал вожак, снова ударив меня по лицу и вырвав из розетки кабель стереосистемы.

— И что вы собираетесь с ними делать? — спросил я. — Ведь миру скоро придет конец.

Они неуверенно переглянулись, потом вожак ударил меня в живот, и у меня перехватило дыхание. Затем они ушли.

Я заколотил дверь досками, найденными в сарае, и, сходив наверх, принес из спальни портативный телевизор. Копаясь в гардеробе, я наткнулся на отцовский пневматический пистолет и коробку с пульками. Может пригодиться.

Потом в гостиной у Рейнза устроили собрание группы гражданской обороны. Половина домов на улице уже стояли пустыми — народ поуезжал: кто в Шотландию, кто на озера, кто к своим родственникам. Мой пистолет Рейнз одобрил. Утром из кранов перестала течь вода, канализация начала забиваться, и начались проблемы с крысами,

но Рейнз не хотел тратить на них патроны. Был организован отряд по борьбе с грызунами, состоящий из Уйэна и Стю, которым надоело сидеть дома забаррикадировавшись, и они перебрались жить на террасу одного из брошенных домов. Электричество у нас пока было, хотя во многих местах его уже отключили.

К вечеру Уэйн и Стю наубивали уйму крыс, и Тревор-мясник начал их свежевать. Посреди дороги на костер поставили большой котел, и мы устроили уличную вечеринку. Рагу из крыс оказалось неплохим; китайская еда уже начала надоедать. В доме миссис Хьюз отыскалась дюжина бутылок джина; дочь приехала и забрала ее два дня назад. Все подозревали, что миссис Хьюз любит иногда пропустить рюмашку, но никто не думал, что в таких масштабах. Вечер получился довольно веселым, пока кто-то не сказал, что девушку, живущую в начале улицы, изнасиловали. Тут же была созвана группа гражданской обороны, и Рейнз повел нескольких добровольцев выяснять наиболее вероятных подозреваемых. Я оставил Уйэна и Стю блевать на улице и отправился спать.

За три дня до конца западное побережье Соединенных Штатов затопило цунами. Последнее, что я увидел по портативному телевизору до того, как вырубилось электричество, — огромная стена воды, поглощающая мост через Золотые Ворота в Сан-Франциско, затем ревущий звук, и вода поглотила оператора. Потом я снова увидел студию Би-би-си — единственного теперь канала, ведущего передачи. У дикторши был такой вид, как будто она целую неделю не спала. На лице у нее совершенно не было косметики, и она со слезами на глазах сказала, что Лос-Анджелес и Сан-Франциско скрылись под водой. Сообщая новости, она взглянула на кого-то за кадром и спросила:

— Что? Погоди. Ты куда?..

Она просидела некоторое время в одиночестве. Свет в студии постепенно тускнел. Потом картинка пропала и больше не появлялась.

Меня все еще удивляло, что у нас есть электричество. Газ-то отключили уже два дня назад. То ли национальную

электросеть питает какая-то автоматическая система, то ли там работают очень преданные своему делу люди, не дающие стране остаться без энергии. И едва я об этом подумал, как свет погас. Ну все — прощайте обеды из микроволновки. Отныне и до конца только рагу из крыс.

Посреди ночи Рейнз и бойцы из его группы гражданской обороны «арестовали» холостяка Роя из дома в конце улицы и повесили на фонарном столбе за изнасилование девушки. На Роя всегда показывали пальцем, если в округе происходило что-то нехорошее, а городская газета как-то опубликовала его имя в списке педофилов, и ему в почтовый ящик накидали собачьего дерьма. Недели две спустя газета извинилась и опубликовала опровержение, написав, что имелся в виду другой Рой из другого города. Но к тому времени репутация его была испорчена окончательно.

Меня это немного шокировало, но, как сказал Рейнз, отчаянные времена требуют отчаянных мер.

Я обнаружил под раковиной коробку свечей и расставил их по всей гостиной. Стало очень уютно. Я прикончил бутылку джина, прихваченную из запасов миссис Хьюз, и поднял телефонную трубку. Линия была мертва, но я все равно набрал номер Кэти, сказал в пустоту, что люблю ее, потом упал на кушетку и плакал, пока не заснул.

За два дня до конца из холодной сырой земли поднялись голодные мертвецы. Популярное предположение, что они окажутся тупыми и шаркающими оболочками, безумно жаждущими человеческих мозгов, к счастью, оказалось необоснованным. Однако в большинстве своем они оказались раздражительными и сварливыми.

Первый признак грядущего события настиг нас в предрассветных сумерках. Теперь никому уже не удавалось как следует выспаться. Когда наступала тишина, почти всегда можно было услышать далекую стрельбу. Мы почти непрерывно патрулировали нашу улицу, к тому же кто-нибудь всегда с улюлюканьем гонялся за крысами. Я уже сделал свое дело, пробродив несколько часов ночью с отцовским пистолетом и отогнав двух парней, норовивших прокрасться через переулок за домом миссис Рейган, и те-

перь хотел хоть немного поспать. Я только-только заснул, как раздался низкий рокот. Я сел, охваченный слепой паникой, решив, что астероид уже угодил в Австралию, но вибрация ощущалась не в грунте, а внутри меня. Постепенно она превратилась в монотонную тягучую ноту с повышающейся частотой. Я предположил, что кто-то добрался до тромбона или чего-то аналогичного. Все это длилось минут пятнадцать, затем прекратилось. Наступила долгая тишина. Стихла даже стрельба.

Получив возможность снова опустить голову на подушку, я уже начал засыпать, когда во входную дверь кто-то заколотил. Господи, а теперь-то что? Я прихватил лежавший на кровати пистолет и, пошатываясь, спустился к двери.

— Это мое, — произнес голос, сухой, как осенние листья. — Дай сюда!

— Папа?! — спросил я.

Это и в самом деле был он. И мама тоже. Выглядели они... словом, выглядели они в точности как в день смерти. Папа в черном костюме, с часами в кармашке жилета. Мама в том синем платье, которое она обычно надевала на танцы.

— Я думала, ты покрасишь оконные рамы, — сказала мама.

Я выглянул за дверь. Все новые фигуры в костюмах и платьях — и несколько в бесформенных белых саванах — брели по улице, останавливаясь у дверей. Возле домов, где они когда-то жили.

— Эти звуки сегодня утром... — медленно проговорил я, начиная понимать.

— Протрубил последний ангел, — пояснил отец с тем выражением лица, которое у него появлялось, когда что-то происходило наперекор его желаниям. Мой папуля был счастлив, только когда шел дождь. — А я даже и не крещен!

Мама ковырнула шелушащуюся краску на подоконнике.

— Последнее, что ты мне обещал, — что покрасишь окна, — сказала она.

Я разглядел, как в конце улицы корчится и дергается на веревке труп повешенного холостяка Роя.

— Я этого не делал! — ухитрялся он прохрипеть, прежде чем петля перекрывала ему воздух и он снова умирал.

Через несколько секунд он вновь оживал, дергался и кричал. Я понадеялся, что кто-нибудь вскоре перережет его веревку.

Отец отодвинул меня и вошел.

— Что, так и заставишь нас стоять на пороге собственного дома? — пробурчал он. — Что у тебя есть перекусить?

— Пара готовых китайских обедов для микроволновки. В последние дни были проблемы с едой.

Отец уселся в кресло, а мама принялась собирать грязные тарелки и сокрушаться насчет пыли на кофейном столике.

— Как вижу, нам тут пора брать все в свои руки, — заметил отец.

В дверь застучали.

— Это твой дедушка, — сказала мама.

Отец умер от сердечного приступа два года назад, а мама тихо скончалась девять месяцев спустя. Пожалуй, им повезло — старую миссис Поттер сбил автобус на прошлое Рождество, и домой она вернулась в кошмарном состоянии. Для ее мужа это стало настоящим потрясением.

Возвращение мертвых породило у еще живых всяческие вопросы. Раз они вернулись, значит, наступил Судный день? Группа гражданской обороны устроила на улице большой молебен. Жутковато было смотреть, как живые и мертвые собираются и молча стоят, пока мистер Огден, который был у нас мирским проповедником, читает из Библии. Когда он попросил, чтобы нам всем были прощены грехи наши, Рой громко кашлянул, но никто не посмел встретиться с ним взглядом. Миссис Поттер попросили встать в заднем ряду, потому что дети ее немного пугались.

К закату все стали очень возбуждены: астероид стал наконец-то видим невооруженным глазом. Он выглядел как очень медленно движущаяся комета. Я предположил, что русские так и не смогли его взорвать, а тот эксперт, что утверждал по телевизору, будто астероид сгорит в атмосфере, ошибся. Интересно, что сейчас делается в Австралии?

В последний день перед концом Кэти вернулась ко мне.

— Я знала, что ты здесь, — сказала она, падая в мои объятия и всхлипывая. Совсем как в сцене из фильма.

Она была грязная, блузка порвана в клочья. От своего дома она добиралась до меня пешком. На дорогу у нее ушел весь вчерашний день, вся ночь и почти все утро. Шла она медленно из-за банд — они высматривали любого, у кого есть еда или оружие. Особенно большая опасность грозила женщинам. Наихудшими были банды из восставших мертвецов — тех, кто не ел и не имел женщин много долгих и холодных лет. Она шла по сельской местности, прячась в канавах и проползая мимо костров, от которых доносились смех и вопли.

— Где Стив? — спросил я, когда она немного успокоилась.

— Ушел. Три дня назад. Ты знаешь, что его родители состояли в той странной секте? Стиву это никогда не было интересно, но, когда они решили запереться в своей церкви, а родители сказали ему, что под ней построен огромный бункер, набитый провизией и водой, он неожиданно обрел веру.

— Кажется, она и тебе нравилась?

Кэти снова разрыдалась, уткнувшись головой мне в плечо.

— Я умоляла его взять меня с собой,— всхлипнула она.— Но они отказались. И бросили меня без еды и оружия. Боже, что с нами будет?

Из кухни вышла мама, посмотрела на нас и нахмурилась: Кэти ей никогда не нравилась.

— Ну-ну,— сказала она.— Еще один гость к чаю.

Мама испекла пирог. Понятия не имею из чего. Услышав про еду, все потянулись из гостиной. Следом за отцом вышли дедушка и бабушка, дядюшка Джордж, тетушка Линда, кузина Эльфи, а следом целая группа суровых на вид людей в сюртуках с жесткими воротниками эдвардианских времен. В доме стало тесновато.

— Пойдемте прогуляемся,— предложил я.

Все вышли на улицу, глядя в небо. Сейчас астероид был виден даже днем — пылающий глаз в небесах.

— Он размером со стадион,— изумленно сказал я.

— Когда он ударит? — спросила Кэти, обхватив мою руку.

Я чуть помедлил с ответом, наслаждаясь близостью ее тела.

— Если не ошиблись в расчетах, то завтра.

Она драматически обмякла у меня на руках.

— Господи, — пробормотала она.

Неожиданно рядом с нами возник мистер Огден.

— Воистину,— сказал он.— Скоро нас постигнет суровая кара небесная. Вечером мы устроим службу на улице, будем молить о прощении и просить, чтобы нас пропустили во врата рая, когда произойдет катастрофа. Вы к нам присоединитесь?

— А рагу из крыс там будет? — уточнил я.

Мистер Огден нахмурился и зашагал прочь, сжимая Библию. За последние два дня люди стали много серьезнее. Полагаю, так на людей повлиял приближающийся апокалипсис. И еще то, что нет воды, чтобы как следует помыться. Многие начали заметно попахивать, не говоря уже о восставших мертвецах.

— Как тебе эта идея?

— Какая? — спросила Кэти.

— Насчет собрания. Мольбы о прощении и все такое.

Кэти наморщила нос — есть у нее такая привычка.

— А чем мы еще можем заняться?

Я секунду подумал:

— Можем поехать в Блэкпул.

— Блэкпул? — удивилась она.

— Ага. Сахарная вата, леденцы. Можем прокатиться по желобу в аквапарке, погулять по набережной. Пройтись до конца северного пирса. Посмотреть на конец света. Что-нибудь в этом роде.

Кэти показала на баррикаду из машин в конце улицы. Где-то далеко еще постреливали.

— А как мы туда попадем?

Я выудил из кармана ключи от MG Боба и покачал ими перед ее лицом.

— Классно!

Дорога заняла всего часа два. Драки и грабежи прекратились. Наверное, эти люди задумались, какой в грабежах смысл, и разошлись по домам ожидать конца света. В Блэкпуле мы не увидели ни души.

Мы вломились в безлюдный пансионат неподалеку от пляжа и смогли отыскать еще не окончательно зачерствевший хлеб и несколько банок консервированной фасоли. Потом отыскали лучшую спальню и медленно, неторопливо любили друг друга.

Был полдень. Небо ясное. Астероид мы больше не видели, и я предположил, что он уже нацеливается, чтобы ударить по Австралии. Начался прилив, мы сидели на скамейке на конце северного пирса, я грыз леденец-палочку, а Кэти посасывала леденец в форме детской соски.

— Не хочешь поговорить о том, с чего у нас начался разлад? — спросил я.

Она подумала и покачала головой:

— Какой теперь в этом смысл?

Где-то очень далеко раздался глухой удар, от которого содрогнулся пирс. Кэти держала меня за руку. Горизонт покрылся рябью, послышался далекий рев.

— Ну вот и все, — сказал я.

Мне было хорошо, честно. Даже очень хорошо.

Кэти закрыла глаза. По ее щекам катились слезы. Волосы растрепались, лицо грязное. Она была прекрасна.

— Поцелуй меня, быстрее, — прошептала она.

ФРЕДЕРИК ПОЛ

Девятый день рождения

Фредерик Пол является одним из величайших мастеров научной фантастики. За свою карьеру, насчитывающую более шестидесяти лет, Пол выступал не только в качестве писателя, но и в качестве издателя. Он работал как самостоятельно, так и в соавторстве. Сотрудничество с Сирилом Корнблатом, подарившее нам такие произведения, как цикл «Торговцы космосом» («The Space Merchants», 1953) и роман «Волчья напасть» («Wolfbane», 1959), стало поистине легендарным. Пол сотрудничал также с Джеком Уильямсоном, чья работа представлена в данной антологии, и, вероятно, был единственным, кому посчастливилось писать в соавторстве и с Айзеком Азимовым, и с Артуром Кларком. В 1960-е годы Фредерик Пол выпускал несколько научно-фантастических журналов, наиболее известные из которых «Galaxy» и «Worlds of If». В 1970-х он вернулся к писательской деятельности, опубликовав ряд выдающихся книг, включая цикл «Хичи» («Heechee»), открывающийся романом «Врата» («Gateway», 1977), романы «Человек плюс» («Man Plus», 1976), «Нашествие квантовых котов» («The Coming of the Quantum Cats», 1986) и «Мир в конце времени» («The World at the End of Time», 1990). Работы Фредерика Пола получили множество наград и хвалебных отзывов, в том числе представленный ниже рассказ, в 1986 году завоевавший премию «Хьюго». Действие этого произведения переносит нас в глубины ядерной зимы.

В свой девятый день рождения Тимоти Клари не получил торта. Весь этот день он провел у стойки компании ТВА в аэропорту Джона Кеннеди в Нью-Йорке. Иногда Тимоти засыпал ненадолго, потом снова просыпался и время от времени плакал от усталости и страха. За весь день он съел всего несколько засохших пастри из передвижного буфета, кроме того, его ужасно смущало, что он намочил в штаны. Пробраться к туалетам через забитый беженцами зал было просто невозможно. Почти три тысячи человек толклось в зале, рассчитанном лишь на

маленькую долю от этого количества людей, и все прибыли сюда с одной только мыслью — скрыться! Забраться на самую высокую гору! Затеряться в центре самой безлюдной пустыни! Бежать! Прятаться!..

И молиться. Молиться изо всех сил, потому что даже у тех немногих, кому случайно удавалось пробиться на самолет и взлететь, не было никакой уверенности, что они смогут укрыться от опасности там, куда отправляется самолет. Распадались семьи. Матери запихивали своих кричащих младенцев на борт самолета и таяли в толпе, где начинали рыдать столь же безутешно.

Поскольку приказа о запуске ракет еще не поступало (по крайней мере, о нем не было известно массам), время, чтобы убежать, оставалось. Совсем немного. Ровно столько, сколько необходимо перепуганным леммингам, чтобы заполнить до отказа терминалы ТВА и всех других авиакомпаний. Ни у кого не осталось сомнений, что ракеты вот-вот полетят. Попытка свергнуть правительство Кубы стала отправной точкой бешеной эскалации враждебности, и через некоторое время одна подводная лодка атаковала другую ракетой с ядерной боеголовкой, а это, по всеобщему мнению, служило сигналом того, что ближайшие события могут стать последними.

Тимоти мало что знал о происходящих в мире событиях, но даже если бы ему было о них известно, что бы он стал делать? Плакать, просыпаться от кошмарных снов, мочить в штаны? Однако все это маленький Тимоти делал и не зная о том, что творится в большом мире. Он не знал, где его папа. Он также не знал, где его мама, которая пошла куда-то, чтобы попробовать дозвониться папе, после чего вдруг объявили посадку сразу в три «Боинга-747» и огромная толпа просто смела Тимоти, унеся далеко от того места, где он ждал маму. Но это не все. Мокрый, уже простывший Тимоти чувствовал себя все хуже и хуже. Молодая женщина, которая принесла ему пастри, обеспокоенно приложила руку к его лбу и беспомощно ее опустила. Мальчику нужен был врач. Но врач нужен был еще, может быть, сотне других беженцев, престарелым людям с больным сердцем, голодным детям и по меньшей мере двум женщинам, собирающимся рожать.

Если бы этот ужас закончился и лихорадочные попытки переговоров увенчались успехом, Тимоти, наверное, нашел бы своих родителей, чтобы вырасти, жениться и через несколько лет подарить им внуков. Если бы одна сторона сумела уничтожить другую и спасти себя, то лет через сорок Тимоти, возможно, стал бы седеющим циничным полковником военной комендатуры где-нибудь в Ленинграде. (Или прислугой в доме русского полковника где-нибудь в Детройте, если бы победила другая сторона.) Если бы немного раньше его мать толкалась чуть сильнее, Тимоти попал бы в самолет, который достиг Питтсбурга как раз в тот момент, когда там все начало превращаться в плазму. Если бы девушка, присматривавшая за ним, испугалась чуть сильнее и, проявив чуть больше храбрости, сумела дотащить Тимоти через суматошную толпу к устроенной в главном зале клинике, он, возможно, получил бы там лекарство и нашел кого-нибудь, кто защитил бы его и уберег от опасности. Тогда Тимоти остался бы в живых...

Все так и случилось.

Поскольку Гарри Малиберт собирался в Портсмут на семинар Британского межпланетного общества, он находился уже в посольском клубе аэропорта и потягивал мартини, когда телевизор в углу бара, до того момента никого не интересовавший, вдруг привлек всеобщее внимание.

Люди давно привыкли к глупым проверкам коммуникационных систем на случай ядерной атаки, время от времени проводимым радиостанциями, но на этот раз... На этот раз, похоже, речь шла о реальных событиях! На этот раз говорили всерьез! Из-за непогоды рейс Гарри все равно отложили, но еще до того, как истек срок задержки вылета, власти запретили вообще все полеты. Ни один самолет не покинет аэропорт Джона Кеннеди до тех пор, пока где-то какой-то чиновник не решит, что можно наконец лететь.

Почти сразу же зал начал наполняться потенциальными беженцами. Посольский клуб, однако, заполнился не так быстро. В течение трех часов стюард из наземной служ-

бы аэропорта решительно поворачивал от дверей любого, кто не мог предъявить маленькую красную карточку, свидетельствующую о принадлежности к клубу, но, когда в других залах иссякли запасы продовольствия и спиртного, начальник аэропорта приказал открыть двери для всех. Давка снаружи от этого не стала меньше, зато прибавилось толчеи внутри. Добровольный докторский комитет тут же реквизировал бо́льшую часть клуба под размещение заболевших и покалеченных давкой, а люди вроде Малиберта оказались втиснутыми в маленький закуток бара. Там его и узнал один из членов администрации аэропорта, который заказывал джин с тоником — скорее, видимо, ради калорий, чем ради градусов.

— Вы — Гарри Малиберт, — сказал он. — Я однажды был на вашей лекции в Нортуэстерне.

Малиберт кивнул. Обычно, когда кто-то обращался к нему подобным образом, он вежливо отвечал: «Надеюсь, вам понравилось», но на этот раз нормальная вежливость как-то не казалась уместной, нормальной.

— Вы тогда показывали слайды Аресибо, — вспоминая, произнес мужчина. — И говорили, что этот радиотелескоп способен передать сообщение прямо до туманности Андромеды, на целых два миллиона световых лет... Если только там окажется такой же хороший принимающий радиотелескоп.

— А вы неплохо все запомнили, — удивленно сказал Малиберт.

— Вы произвели сильное впечатление, доктор Малиберт. — Мужчина взглянул на часы, секунду подумал, потом выпил еще. — Это замечательная идея — использовать большие телескопы для поисков сигналов других цивилизаций. Может быть, мы кого-нибудь услышим, может, установим контакт и уже не будем одни во Вселенной. Вы заставили меня задуматься, почему к нам до сих пор никто не прилетел и мы до сих пор не получили ни от кого весточки. Хотя теперь, — добавил он с горечью, взглянув на выстроенные в ряд охраняемые самолеты снаружи, — возможно, уже понятно почему.

Малиберт смотрел, как он удаляется, и сердце его наливалось тяжестью. Занятие, которому он посвятил всю

свою профессиональную жизнь, — поиск инопланетного разума — потеряло, похоже, всякий смысл. Если упадут бомбы — а все говорят, что они вот-вот должны упасть, — тогда поиск инопланетного разума очень долго никого не будет интересовать. Если вообще будет...

В углу бара вдруг загомонили. Малиберт обернулся и, облокотившись о стойку, взглянул на телевизор. Кадр с надписью: «Пожалуйста, ждите сообщений» — исчез, и вместо него на экране появилось изображение молодой темнолицей женщины с напомаженными волосами. Дрожащим голосом она зачитала сводку новостей:

— ...Президент подтвердил, что против США началась ядерная атака. Над Арктикой обнаружены приближающиеся ракеты. Всем приказано искать укрытия и оставаться там до получения дальнейших инструкций...

«Да. Все кончено, — подумал Малиберт, — по крайней мере, на очень долгий срок».

Удивительно было то, что новости о начале войны ничего не изменили. Никто не закричал, не впал в истерику. Искать укрытия в аэропорту Джона Кеннеди просто не имело смысла, никакого убежища, за исключением стен самого здания, здесь не было. Малиберт ясно представил себе необычную в аэродинамическом отношении форму крыши аэропорта и понял, что любой взрыв, происшедший неподалеку, снесет ее начисто и швырнет через залив. А вместе с ней, возможно, и множество людей.

Но деваться было некуда.

Передвижные группы телеоператоров все еще работали, одному богу известно зачем. Телевизор показывал толпы на Таймс-сквер и в Ньюарке, застывшие автомобили в заторе на мосту Джорджа Вашингтона, водителей, бросающих свои машины и бегущих к берегу в сторону Джерси. Больше сотни людей вытягивали шеи, пытаясь через головы разглядеть экран, но все молчали, лишь изредка кто-нибудь называл знакомую улицу или здание.

Потом раздался властный голос:

— Я прошу всех подвинуться! Нам нужно место! И кто-нибудь, помогите нам с пациентами!

Это, по крайней мере, могло принести какую-то пользу. Малиберт сразу же вызвался, и ему поручили маленького мальчика. Тот стучал зубами от холода, но лоб его горел.

— Ему дали тетрациклин,— сказал врач.— Если сумеете, нужно поменять, хорошо? С ним все будет в порядке, если...

«Если с нами все будет в порядке»,— подумал Малиберт, заканчивая за врача предложение. Что значит «поменять»? Ответа на вопрос не потребовалось, когда Малиберт обнаружил, что у мальчишки мокрые штаны, и по запаху понял, в чем дело. Он осторожно положил его в широкое кожаное кресло и снял намокшие джинсы и трусы. Разумеется, смены белья вместе с мальчиком ему не вручили. Малиберт решил проблему, достав из кейса свои собственные спортивные трусы, конечно же большие, но, поскольку предполагалось, что они должны сидеть на человеке плотно и в обтяжку, трусы не свалились, когда он натянул их на мальчишку чуть ли не до подмышек. Затем Малиберт разыскал ворох бумажных полотенец и как сумел отжал джинсы. Не очень успешно. Тогда он, скорчив физиономию, расстелил джинсы на стуле у бара и сел на них, пытаясь высушить теплом своего тела. Через десять минут он надел их на мальчика, но джинсы были еще слегка влажные.

По телевизору передали, что прекратилась трансляция из Сан-Франциско.

Малиберт заметил, как сквозь толпу к нему пробирается тот самый мужчина из администрации аэропорта.

— Началось,— сказал он, качая головой.

Мужчина оглянулся вокруг, потом наклонился к Малиберту.

— Я могу вытащить вас отсюда,— прошептал он.— Сейчас загружается исландский ДС-8. Никакого объявления не будет; если объявить, его просто сомнут. Для вас, доктор Малиберт, есть место.

Малиберта словно ударило током. Он задрожал и, сам не зная почему, спросил:

— Могу я вместо себя посадить мальчика?

— Возьмите его с собой,— несколько раздраженно ответил мужчина.— Я не знал, что у вас есть сын.

— У меня нет сына,— сказал Малиберт. Но очень тихо.

Когда они оказались в самолете, он посадил мальчишку на колени и обнял так нежно, словно держал собственного ребенка.

Если в посольском клубе аэропорта Джона Кеннеди паники не было, то во всем остальном мире ее хватало. В городах самых сильных государств мира люди прекрасно понимали, что их жизни в опасности. Все, что они делали, могло оказаться тщетным, но что-то делать было нужно. Что угодно. Бежать, прятаться, окапываться, запасаться продуктами... молиться. Городские жители пытались выбраться из метрополисов в безопасность открытых просторов. Фермеры и жители пригородов, наоборот, рвались в более крепкие, по их мнению, более безопасные здания городов...

И упали ракеты.

Бомбы, что сожгли Хиросиму и Нагасаки, были словно спички по сравнению с термоядерными вспышками, унесшими в те первые часы восемьдесят миллионов жизней. Бушующие пожары фонтанами взвились над сотнями городов. Ветры скоростью до трехсот километров в час подхватывали машины, людей, обломки зданий, и все это пеплом поднималось в небо. Мелкие капли расплавленного камня и пыль зависли в воздухе.

Небо потемнело.

Затем оно стало еще темнее.

Когда исландский самолет приземлился в аэропорту Кеблавик, Малиберт вынес мальчика на руках и по крытому проходу направился к стойке с табличкой «Иммиграция». Здесь собралась самая длинная очередь, поскольку у большинства пассажиров вообще не оказалось паспортов. К тому времени, когда подошла очередь Малиберта, женщина за стойкой уже устала выписывать временные разрешения на въезд в страну.

— Это мой сын,— солгал Малиберт.— Его паспорт у моей жены, но я не знаю, где моя жена.

Женщина утомленно кивнула, сморщила губы, взглянула на дверь, за которой, потея, подписывал документы ее начальник, потом пожала плечами и пропустила их. Ма-

либерт подвел мальчика к двери с надписью «Стиртлинг», что, видимо, по-исландски означало «туалет», и с облегчением заметил, что Тимоти, по крайней мере, может стоять на ногах, пока справляет нужду, хотя глаза его так и оставались полузакрытыми. Лоб у него по-прежнему горел. Малиберт молился, чтобы в Рейкьявике нашелся для него доктор.

В автобусе девушка-гид, которой поручили группу прибывших (делать ей было совершенно нечего, потому что прибытия туристов уже не ожидалось никогда), села с микрофоном на подлокотник сиденья в первом ряду кресел и принялась болтать с беженцами, сначала довольно оживленно.

— Чикаго? Чикаго нет. И Детройта, и Питтсбурга. Плохо. Нью-Йорк? Конечно, Нью-Йорка тоже нет! — строго произнесла она вдруг, и по щекам ее покатились крупные слезы, отчего Тимоти тоже заплакал.

— Не волнуйся, Тимми, — сказал Малиберт, прижимая его к себе. — Никому не придет в голову бомбить Рейкьявик.

И никому не пришло бы. Но когда автобус отъехал от аэропорта всего на десять миль, облака впереди неожиданно полыхнули настолько ярко, что все пассажиры зажмурились. Кто-то из военных стратегов решил, что пришло время для подчистки. И этот кто-то понял, что до сих пор никто не уничтожил маленькую авиабазу в Кеблавике.

К несчастью, ЭМИ[1] и помехи к тому времени сильно ослабили точность наведения ракет. Малиберт оказался прав. Никому не пришло бы в голову бомбить Рейкьявик специально, но ошибка в сорок миль сделала свое дело, и город перестал существовать.

Чтобы избежать пожаров и радиации, они объехали Рейкьявик по широкой дуге. И когда в их первый день в Исландии встало солнце, Малиберт, задремавший было у постели Тимоти после того, как исландская медсестра на-

[1] ЭМИ — электромагнитный импульс, возникающий в результате ядерного взрыва, нарушает функционирование незащищенных электронных приборов и выводит их из строя.

качала мальчишку антибиотиками, увидел жуткий кровавый свет зари.

На это стоило, однако, посмотреть, потому что в следующие дни рассвета никто больше не видел.

Хуже всего была темнота, но поначалу это не казалось таким уж важным. Важнее казался дождь. Триллион триллионов частичек пыли конденсировал водяной пар. Образовывались капли. Лил дождь. Потоки, целые моря воды с неба. Реки переполнялись. Миссисипи вышла из берегов. И Ганг, и Желтая река. Асуанская плотина сначала держалась, пропуская воду через верх, но потом рухнула. Дожди шли даже там, где дождей никогда не было. Сахара и та познала наводнения.

А темнота не уходила.

Человечество всегда жило, на восемьдесят дней опережая голод. Именно на такой срок можно растянуть суммарные запасы продовольствия всей планеты. И человечество вступило в ядерную зиму, имея запасов ровно на восемьдесят дней.

Ракеты полетели 11 июня. Если бы склады располагались по всему миру равномерно, то к 30 августа человечество съело бы последние крохи. Люди начали бы умирать от голода и умерли бы все через шесть недель. Конец человечеству.

Однако склады расположены неравномерно. Северное полушарие катастрофа застала «на одной ноге»: поля засеяны, но посевы еще не выросли. И ничего не растет. Молодые растения пробиваются сквозь темную землю в поисках света, не находят его и умирают. Солнце заслонили плотные облака пыли, взметенной термоядерными взрывами. Возвращение ледникового периода. Смерть, витающая в воздухе.

Конечно, горы продуктов хранились в богатых странах Северной Америки и Европы, но они быстро растаяли. Богатые страны имели большие стада сельскохозяйственных животных. Каждый бычок — это миллион калорий в белках и жирах. Если бычка забить, сэкономятся еще многие тысячи калорий в виде зерна и кормовых культур, которые

могут пригодиться людям. Коровы, свиньи, овцы, козы и лошади, кролики и куры — все они использовались в пищу, позволив растянуть на более долгий срок консервы, овощи и злаки. Мясо никто не рационировал: съесть его нужно было, пока оно не испортилось.

Разумеется, даже в богатых странах запасы продовольствия распределены неравномерно. На Таймс-сквер, понятно, не разгуливают стада и не стоят элеваторы с зерном. Для провода транспорта с кукурузой из Айовы в Бостон, Даллас и Филадельфию потребовались войска. Вскоре им пришлось применять оружие. А еще через некоторое время транспортировать продукты стало просто невозможно.

Первыми ощутили голод города. Когда солдаты вместо распределения продуктов среди жителей стали присваивать их себе, в городах начались волнения и погромы, принесшие новую волну смертей. Но эти люди далеко не всегда умирали от голода. Столь же часто они умирали оттого, что голоден был кто-то другой — более сильный и ловкий.

Однако агония не заняла много времени. К концу лета застывшие останки городов стали очень похожи друг на друга. В каждом из них выжило, может быть, по нескольку тысяч тощих, замерзающих головорезов, денно и нощно охраняющих свои сокровищницы с консервированной, сушеной или замороженной пищей.

Все реки мира от истоков до устьев заполнились жидкой грязью. Погибшие деревья и травы перестали удерживать землю своими цепкими корнями, и дожди смывали ее в реки. Зимний мрак вскоре сгустился, а дожди превратились в снегопады. Горы, покрывшиеся льдом, торчали на фоне темного неба, словно призрачные стеклянные пальцы. Те немногие люди, что еще остались в Лондоне, могли теперь ходить через Темзу пешком. Пешком стало возможно ходить через Гудзонов залив, Хуанпу и Миссури. Снежные лавины обрушивались на то, что осталось от Денвера. В стоящих на корню мертвых лесах развелись личинки древоточцев. Изголодавшиеся хищники выцарапывали их из древесины и пожирали. Некоторые из этих хищников передвигались на двух ногах. Последние жители Гавай-

ских островов наконец-то возблагодарили судьбу за плодящихся термитов.

Типичный западный представитель человечества — упитанное существо с диетой в две тысячи восемьсот килокалорий на день, которое специально совершает по утрам пробежки, чтобы избавиться от лишнего жирка. Полнеющие ляжки или с трудом застегивающийся пояс повергают это существо в состояние совестливого уныния, однако оно может прожить без пищи сорок пять дней. К концу этого срока никакого жира уже не остается, и организм уверенно принимается за резорбцию белков мышечных тканей. Пухлая домохозяйка или упитанный бизнесмен превращаются в изголодавшиеся пугала. Но даже на этой стадии уход и медицинская помощь могут восстановить здоровье.

Без принятия должных мер становится хуже.

Клеточный распад атакует нервную систему. Начинается слепота. Десны истончаются, и выпадают зубы. Апатия сменяется общей болью, наступает агония, а затем коматозное состояние и смерть. Смерть практически для всех на Земле...

Сорок дней и сорок ночей падал с неба дождь. Температура тоже падала. Исландия замерзла целиком.

С удивлением и облегчением Гарри Малиберт обнаружил, что Исландия неплохо подготовлена к подобному испытанию, будучи одним из немногих мест на Земле, которые, оказавшись полностью под снегом и льдом, могут все-таки выжить.

Землю почти целиком опоясывает череда вулканов, и та часть, что находится между Америкой и Европой, называется Атлантическим хребтом. Большинство этих вулканов под водой, но время от времени, словно фурункулы на руке, вулканические острова показываются над поверхностью океана. Исландия — как раз один из них. Именно благодаря своему вулканическому происхождению Исландия смогла выжить, когда все остальные районы планеты погибли от холода, — ведь холода царили здесь всегда.

Уцелевшие власти определили Малиберта на работу сразу же, как только узнали, кто он такой. Разумеется, вакан-

сий для специалиста по радиоастрономии, интересующегося проблемами контактов с далекими (и, возможно, несуществующими) цивилизациями, не нашлось. Зато нашлось много работы для человека с хорошей научной подготовкой, тем более для квалифицированного инженера, руководившего в течение двух лет обсерваторией в Аресибо. Малиберт выхаживал Тимоти Клари, медленно и молчаливо справляющегося с пневмонией, и попутно занимался расчетом потерь тепла и скоростей прокачки геотермальных вод по трубам.

В Исландии почти везде закрытые строения. И обогреваются они водой из кипящих подземных ключей.

Тепла предостаточно. Но доставить это тепло из долин гейзеров в дома сложно. Горячая вода осталась такой же горячей, поскольку ее температура совсем не зависела от поступления солнечной энергии, но для того, чтобы сохранять в домах тепло при температуре минус тридцать градусов Цельсия снаружи, воды требуется гораздо больше, чем при минус пяти. Да и не только для того, чтобы выжившие люди могли жить в тепле, нужна была энергия. Она требовалась, чтобы выращивать овощи и злаки.

В Исландии всегда было много геотермальных теплиц. Очень скоро из них исчезли цветы, а на их месте появились овощи. Поскольку солнечного света, заставляющего овощи и злаки расти, не было, люди перевели на максимальную мощность геотермальные электростанции, и лампы дневного света продолжали исправно заливать фотонами стеллажи с растениями. И не только в теплицах. В гимнастических залах, в церквах, в школах — везде начали выращивать овощи при помощи искусственного света. Достаточно было и другой пищи: тонны белка блеяли и голодали, замерзая среди холмов. Люди ловили, забивали и свежевали целые стада овец, затем туши замораживали, чтобы они могли храниться до тех пор, пока понадобятся. Животных, которые умерли от холода сами, сгребали по сотне штук бульдозерами и оставляли под снегом, однако на всех геодезических картах места расположения этих куч отмечались очень тщательно.

В конце концов бомбежка Рейкьявика оказалась благословением: ртов, претендующих на продуктовые запасы острова, стало на полмиллиона меньше.

Когда Малиберт не вычислял коэффициенты нагрузки, он руководил работами, не прекращавшимися даже в жуткие морозы. Землекопы, потея от усилий, соединяли в глубоких ледяных норах сжавшуюся от мороза арматуру. Все они терпеливо слушали, когда Малиберт отдавал приказания, те несколько слов по-исландски, которые он знал, практически не помогали ему, но даже землекопы говорили иногда на туристско-английском. Они проверяли свои радиационные счетчики, окидывали взглядом штормовое небо и, возвращаясь к работе, молились. Малиберт сам чуть не зашептал слова молитвы, когда однажды, пытаясь обнаружить похороненное под снегом прибрежное шоссе, он взглянул в сторону моря и увидел серо-белый ледяной торос, который на самом деле оказался вовсе не торосом: какое-то неясное пятно двигалось за пределами освещенной зоны.

— Белый медведь! — прошептал начальник ремонтной бригады, и все замерли, пока зверь не скрылся из виду.

С того дня они всегда брали с собой винтовки.

Когда у Малиберта оставалось время от работы технического советника (не вполне компетентного), занятого проблемой сохранения тепла в Исландии, или от забот (почти некомпетентного, но делающего успехи) приемного отца Тимоти Клари, он пытался вычислить шансы на выживание. Не только их — всего человечества. При огромном объеме суматошно-срочной работы, направленной на спасение оставшихся в живых, исландцы нашли время подумать о будущем и создали исследовательскую группу, в которую, помимо Малиберта, вошли еще несколько человек: физик из университета в Рейкьявике, уцелевший офицер-снабженец с авиабазы и метеоролог из Лейденского университета, приехавший в Исландию для изучения североатлантических воздушных масс. Они собирались в комнате, где жили Малиберт и Тимоти, и обычно, пока велись разговоры, мальчик молча сидел рядом с Малибертом. Больше всего группу интересовала продолжительность жизни зависших в небе пылевых облаков. Ведь когда-нибудь все взвешенные в воздухе частицы должны выпасть на землю,

и тогда мир может быть возрожден. Если, конечно, выживет достаточное число людей, чтобы выжил род человеческий. Но когда? Никто не мог определить это время с уверенностью. Никто не знал, сколь долгой, холодной и смертоносной будет ядерная зима.

— Мы не знаем, сколько всего мегатонн было взорвано, — сказал Малиберт. — Мы не знаем, какие изменения произошли в атмосфере. Мы не знаем степени инсоляции. Мы знаем только, что все будет плохо.

— Все уже плохо, — проворчал Торсид Магнессон, начальник Управления общественной безопасности. (Когда-то это учреждение занималось поимкой преступников, но времена, когда главной угрозой общественной безопасности была преступность, уже прошли.)

— Будет хуже, — сказал Малиберт.

Действительно, стало хуже. Холода усилились. Сообщений со всех концов Земли поступало все меньше и меньше. Члены исследовательской группы вычерчивали различные карты. Карты ракетных ударов, где отмечались ядерные взрывы, — через неделю после войны они утратили смысл, потому что смертность от холода начала превышать число жертв от ядерных бомбардировок. Изотермальные карты, базирующиеся на разрозненных сообщениях о погодной обстановке тех мест, откуда они еще поступали, — эти карты приходилось обновлять каждый день по мере того, как линия замерзания продвигалась к экватору. Вскоре и они потеряли смысл. Во всем мире наступили холода. Карты смертности, куда заносились процентные соотношения умерших и живых в различных районах планеты, вычисляемые из полученных сообщений, — вскоре эти карты стало просто страшно составлять.

Британские острова умерли первыми. Не потому, что их бомбили, а наоборот: там осталось в живых слишком много народу. В Британии никогда не было более четырехдневного запаса продовольствия, а когда перестали приходить корабли, в стране начался голод. То же самое произошло и в Японии. Чуть позже — на Бермудских и Гавайских островах, затем — в островных провинциях Канады, а вслед за ними подошла очередь и самого континента.

Тимми Клари прислушивался к каждому слову.

Мальчик говорил очень мало. После первых нескольких дней он даже перестал спрашивать о своих родителях. На добрые вести он не надеялся, а плохих не хотел. С его простудой Малиберт справился, но в душе у Тимми жила боль. Он ел меньше половины того, что положено бы съедать голодному ребенку такого возраста, да и то только тогда, когда Малиберт его заставлял.

Оживал он лишь в редкие минуты, выкроенные Малибертом для рассказов о космосе. Многие в Исландии знали о Гарри Малиберте и его поиске инопланетного разума. Некоторых эта проблема волновала почти так же сильно, как самого Гарри. Когда позволяло время, Малиберт и его поклонники собирались вместе. Ларс, почтальон (теперь занятый на вырубке льда, поскольку почты не стало), Ингар, официантка из отеля «Лофтляйдер» (теперь она шила тяжелые занавесы для теплоизоляции жилищ), Эльда, учительница английского языка (теперь санитарка, специализирующаяся по обморожениям). Приходили и другие, но эти трое присутствовали чаще других, приходили всегда, когда только могли оторваться от дел. Все они были, можно сказать, фэнами Гарри Малиберта, читали его книги и вместе с ним мечтали о радиопосланиях невероятных инопланетян откуда-нибудь с Альдебарана или о кораблях-мирах, которые понесут через галактические просторы миллионы людей, отправившихся в путешествие на сотни тысяч лет. Тимми слушал и рисовал схемы звездных кораблей. Малиберт дал ему примерные соотношения размеров.

— Я разговаривал с Джерри Уэббом, — пояснил он. — Джерри разработал детальные планы. Тут все дело в скорости вращения и прочности материалов. Чтобы создать для людей, летящих в корабле, искусственную силу тяжести нужной величины, корабль должен быть цилиндрическим и вращаться вокруг своей оси. Требуемые размеры — шестнадцать километров в диаметре и в длину — шестьдесят. Цилиндр должен быть достаточно длинным, чтобы на все необходимое в экспедиции хватило места, но не настолько, чтобы динамика вращения вызвала болтанку

и изгиб. Одна половина корабля предусматривается для жилья, вторая — для горючего. А на конце — термоядерный двигатель, который толкает корабль вперед через всю Галактику.

— Термоядерные бомбы... — произнес мальчик. — Гарри, а почему они не разрушат корабль?

— Это уже вопрос для конструктора, — честно признался Малиберт, — а я таких подробностей не знаю. Джерри планировал зачитать свой доклад в Портсмуте. Отчасти поэтому я туда и собирался.

Но разумеется, теперь уже не будет ни Британского межпланетного общества, ни семинара в Портсмуте.

— Скоро ленч, Тимми. Ты будешь есть суп, если я его приготовлю? — обеспокоенно спросила Эльда.

Обещал мальчик поесть или нет, она обычно все равно готовила то, что собиралась. Муж Эльды работал бухгалтером в Кеблавике. К несчастью, он остался поработать сверхурочно как раз тогда, когда вторая ракета доделала то, чего не сделала промахнувшаяся, и у Эльды не стало мужа. От него не осталось ничего, что можно было бы похоронить.

Даже с горячей водой из недр земли, прокачиваемой по трубам на полной скорости, в комнате не становилось тепло. Эльда закутала мальчика в одеяло и не отходила от него, пока он не вычерпал ложкой весь суп. Ларс и Ингар сидели, держась за руки, и смотрели, как он ест.

— Было бы здорово услышать голос с другой звезды, — сказал вдруг Ларс.

— Никаких голосов нет, — с горечью заметила Ингар. — Нет даже наших голосов. И в этом заключается разгадка парадокса Ферми.

Когда мальчик перестал есть и спросил, что это такое, Гарри Малиберт объяснил ему как мог подробно:

— Он назван так в честь ученого Энрико Ферми. Мы знаем, что во Вселенной существует много миллиардов таких же звезд, как наше Солнце. А поскольку у нашего Солнца есть планеты, логично предположить, что планеты есть и у других звезд. На одной из наших планет есть жизнь. Это мы, деревья, животные. А раз на свете так мно-

го звезд, подобных Солнцу, то наверняка часть из них имеет планеты, где живут разумные существа. Люди. Такие же развитые, как мы, или перегнавшие нас. Люди, которые строят космические корабли или посылают радиосигналы к другим звездам так же, как мы. Ты все пока понимаешь, Тимми?

Мальчик кивнул, нахмурившись, и Малиберт с удовлетворением отметил, что он продолжает есть суп.

— И вот Ферми задался вопросом: «Почему кто-нибудь из них не навестит нас?»

— Как в кино, — кивнул Тимоти. — Летающие тарелки.

— В кино — выдуманные истории, Тимми. Как сказки или «Волшебник страны Оз». Может быть, когда-то нашу планету и посещали существа из космоса, но убедительных доказательств тому нет. Я думаю, что доказательства нашлись бы, если бы они сюда действительно прилетали. Должны найтись. Если таких визитов было много, то хоть один пришелец наверняка выбросил где-нибудь марсианский эквивалент коробки от гамбургеров или использованную сигнальную вспышку. Мы бы нашли эти вещи и доказали, что они изготовлены не на Земле. Однако такого ни разу не произошло. Поэтому на вопрос доктора Ферми есть только три ответа. Во-первых, кроме нас, жизни во Вселенной нет. Во-вторых, жизнь есть, но они решили не вступать с нами в контакт, потому что мы, может быть, пугаем их своими жестокими нравами или еще по какой-нибудь другой причине, о которой мы даже не догадываемся. А третий ответ...

Эльда подала ему знак, но Малиберт покачал головой.

— ...третий ответ таков: как только люди доходят в своем развитии до того момента, когда они имеют все, чтобы выйти в космос, то есть когда у них появляются такие развитые техника и технология, как у нас, у них также появляются все эти жуткие бомбы и другое оружие, с которым они уже не в состоянии справиться. Начинается война, и они убивают друг друга еще до того, как по-настоящему вырастут.

— Как сейчас, — сказал Тимми и кивнул с серьезным выражением лица, чтобы показать, что он все понял.

Суп он доел, но вместо того, чтобы убрать тарелку, Эльда, едва сдерживая слезы, обняла его и прижала к себе.

Мир погрузился в полную темноту. Не стало ни дня, ни ночи. Дожди и снегопады прекратились. Без солнечного света, высасывающего воду из оксанов, в воздухе не осталось влаги. Потопы сменились леденящими засухами. Даже на двухметровой глубине земля Исландии оставалась твердой как камень, и землекопы уже не могли копать дальше. Когда возникала необходимость подать куда-то больше тепла, приходилось закрывать здания и отключать в них отопление. Поток пациентов с обморожениями сократился, зато с тех пор, как люди начали ездить к руинам Рейкьявика за медикаментами и продовольствием, к Эльде все чаще и чаще обращались с признаками радиационной болезни. Работать приходилось всем по очереди. Когда сама Эльда вернулась на снегоходе из такой поездки в отель «Лофтляйдер», она привезла Тимоти подарок: несколько плиток шоколада и набор открыток из сувенирного киоска. Шоколад пришлось поделить, зато все открытки достались ему.

— Ты знаешь, кто это такие? — спросила Эльда. С открыток на них глядели огромные, приземистые уродливые мужчины и женщины в костюмах тысячелетней давности. — Это тролли. В Исландии до сих пор рассказывают легенды о том, что здесь когда-то жили тролли. И они все еще здесь, Тимми. По крайней мере, люди так говорят. Многие верят, что горы — это тролли, но слишком старые и слишком уставшие, чтобы двигаться.

— Это все выдуманные истории, да? — серьезно спросил мальчик, и только когда Эльда убедила его, что они действительно выдуманные, он заулыбался и даже пошутил: — Видимо, тролли победили в этой войне.

— Боже, Тимми!.. — произнесла несколько шокированная Эльда.

«По крайней мере, у мальчика сохранилась способность шутить, — уговаривала она себя, — и даже черный юмор лучше, чем вообще никакого». С новыми пациентами жизнь стала для нее немного легче, потому что она мало что мог-

ла сделать при радиационной болезни, и Эльда заставляла себя выдумывать все новые и новые развлечения для Тимоти.

Что удавалось ей замечательно.

Поскольку горючее экономили, никаких экскурсий по красотам Исландии-Подо-Льдом, разумеется, не было. Да никто и не увидел бы ничего в нескончаемом мраке. Но когда санитарный вертолет вызвали на восточное побережье, на мыс Стокснес, чтобы доставить на базу ребенка со сломанным позвоночником, Эльда упросила пилота взять Малиберта и Тимми. Сама она летела как медсестра, для сопровождения больного ребенка.

— Их дом снесло лавиной, — пояснила она. — Стокснес стоит прямо у подножия горы, и посадить вертолет будет, наверное, нелегко. Но мы для безопасности зайдем с моря. По крайней мере, при посадочных огнях вертолета будет что-то видно.

Они оказались даже удачливее. Света прибавилось. Конечно, ни один солнечный луч не проникал сквозь плотные облака, где миллиарды частиц, из которых состоял когда-то муж Эльды, перемешались с триллионами триллионов других частиц из Детройта, Марселя и Шанхая. Но в облаках и под ними то и дело загорались змейки и широкие всполохи смутных оттенков: небо заливало то темно-красным, то бледно-зеленым. Северное сияние давало не так уж много света, но, кроме горящих огоньков на приборной доске вертолета, никакого другого света не было вообще. Когда зрачки их расширились и глаза привыкли к темноте, они заметили, как скользит под ними темный силуэт ледника Ватнайекюдль.

— Большой тролль, — прошептал мальчишка со счастливой улыбкой.

Эльда тоже улыбнулась и обняла его.

Пилот поступил именно так, как предсказывала Эльда: над склоном восточного хребта спустился к морю и оттуда уже осторожно направился в маленькую рыбацкую деревню. Когда они приземлялись по сигналам маленьких красных фонариков, прожектор вертолета выхватил из темноты что-то белое в форме блюдца.

— Радарная тарелка, — сказал Малиберт мальчику, показав в ту сторону.

Тимми прижался носом к холодному стеклу.

— Это одна из тех самых, папа Гарри? Такие штуки говорят со звездами?

Ответил ему пилот:

— Мм, нет, Тимми, это военная установка.

— Здесь никто не стал бы строить радиотелескопов, Тимми. Мы слишком далеко к северу. Для большого радиотелескопа нужно такое место, откуда можно просматривать все небо, а не только маленький кусочек, который виден из Исландии.

Пока они подвозили и грузили в вертолет носилки с покалеченным ребенком — медленно, мягко и как могли осторожно, — Гарри Малиберт продолжал вспоминать далекие точки планеты — Аресибо, Вумеру, Сокорро и многие другие. Все эти радиотелескопы мертвы теперь и наверняка разрушены тяжелыми льдами и резкими ветрами. Раздавленные, снесенные, проржавевшие незрячие глаза, всматривавшиеся когда-то в космос. Эта мысль расстроила Гарри, но ненадолго. Несмотря ни на что, он чувствовал себя счастливым, потому что сегодня Тимоти в первый раз назвал его папой.

В одном из вариантов окончания этой истории солнце наконец вернулось, но слишком поздно. Исландия оказалась последним местом, где люди еще держались, но и в Исландии начался голод. В конце концов на Земле не осталось никого, кто умел бы говорить, изобретать машины и читать книги. Жуткий третий ответ на парадокс Ферми оказался пророческим.

Но есть и другой вариант. В этом варианте солнце вернулось вовремя. Может быть, едва-едва вовремя, но продовольствие еще не иссякло к тому моменту, когда от прикосновений лучей света в каких-то районах планеты зазеленели растения, выращенные из замерзших или сохраненных людьми семян. В этом варианте Тимми остался в живых и вырос. Малиберт и Эльда поженились, и, когда пришло время, Тимоти взял в жены одну из их дочерей. А из их потомков —

через два поколения или через двенадцать — один дожил до того дня, когда парадокс Ферми превратился в забавную беспокойную причуду древних, столь же комичную и бессмысленную, как боязнь моряков пятнадцатого века упасть за край плоской Земли. В тот день небеса заговорили, и к нам прибыли наконец жители далеких миров.

А может быть, настоящее окончание этой истории выглядит по-иному, и в соответствии с ним люди Земли все-таки решили не спорить и не драться друг с другом, чтобы не задушила тьма жизнь на планете. В этом варианте человечество выжило, спасло науку и красоту жизни и смогло радостно приветствовать своих братьев со звезд...

Вот так на самом деле и случилось.

По крайней мере, хочется в это верить.

АЛАСТЕР РЕЙНОЛЬДС

Спячка

Аластер Рейнольдс — один из самых популярных и продаваемых британских писателей-фантастов. Он начал публиковать свои произведения в журнале «Interzone» в 1990 году, но лишь к концу 1990-х его продуктивность значительно возросла. Первый роман Рейнольдса «Космический апокалипсис» («Revelation Space», 2000) произвел большое впечатление и попал в шорт-листы сразу двух премий — премии Артура Кларка и премии Британской ассоциации писателей-фантастов (British Science Fiction Association), а второй роман, «Город Бездны» («Chasm City», 2001), завоевал последнюю. До 2004 года Рейнольдс работал в Европейском космическом агентстве, а затем полностью посвятил себя творчеству.

Нижеследующий рассказ, специально написанный для данной антологии, не входит в серию «Космический апокалипсис». Он появился из набросков к новому роману, который, возможно, когда-нибудь будет завершен — нам же нужно узнать судьбу Земли. Здесь мы столкнемся с одной из самых необычных идей апокалипсиса, но пусть Рейнольдс объяснит все сам.

Гонта вывели из анабиоза ранней весной, в холодный ветреный день. Он очнулся на кровати со стальной рамой, в помещении с серыми степами. Комната выглядела как нечто дешевое и наскоро смонтированное из готовых блоков. В ногах кровати стояли двое. Похоже, их мало интересовало, насколько паршиво он себя чувствует. Мужчина прижимал к груди миску с какой-то едой и торопливо орудовал ложкой, словно завтракал на бегу. Его седые волосы были коротко подстрижены, и, судя по морщинистому лицу с задубевшей кожей, он много времени проводил вне помещений. Рядом стояла женщина с чуть более длинными волосами — скорее седеющими, чем седыми, — и намного более смуглой кожей. Подобно мужчине, она была жилистая и облачена в потертый серый комбинезон. Ее бедра охватывал тяжелый пояс с инструментами.

— Ты как, цел, Гонт? — спросила она, пока ее товарищ доедал завтрак. — Ты compos mentis?[1]

Гонт прищурился — свет в комнате был слишком яркий — и на мгновение запутался в воспоминаниях.

— Где я? — спросил он.

— В комнате. Тебя разбудили, — ответила женщина. — Ты ведь помнишь, как засыпал?

Он ухватился за воспоминания, отыскивая в них хоть что-нибудь конкретное. Врачи в зеленых халатах, стерильная операционная, рука подписывает последний документ перед тем, как его подключают к машинам. В вены медленно льются препараты, полное отсутствие печали или тоски, когда он прощался со старым миром, со всеми его разочарованиями.

— Кажется, помню.

— Как тебя зовут? — спросил мужчина.

— Гонт. — Ему пришлось выждать секунду, пока вспомнилось имя. — Маркус Гонт.

— Вот и хорошо, — сказал мужчина, вытирая губы рукой. — Это положительный признак.

— Я Клаузен, — представилась женщина. — А это Да Силва. Мы — твоя группа пробуждения. Ты помнишь «Спячку»?

— Не уверен.

— Подумай хорошенько, Гонт, — попросила она. — Нам ничего не стоит уложить тебя обратно, если ты откажешься работать с нами.

Нечто в тоне Клаузен убедило его, что следует постараться.

— Компания, — сказал он. — «Спячкой» называлась компания. Она уложила меня спать. Она всех уложила спать.

— Клетки мозга вроде бы не повреждены, — заметил Да Силва.

Клаузен кивнула, но никак не показала, что рада правильному ответу Гонта. Скорее, ее успокоило, что Гонт избавил их от какой-то мелкой обязанности, и не более того.

— Мне понравилось, как он сказал «всех». Словно это так и было.

— А разве нет? — удивился Да Силва.

---

[1] Вменяем *(лат.)*.

— Для него — нет. Гонт был одним из первых. Ты что, не читал его досье?

Да Силва поморщился:

— Извини. Немного отвлекся.

— Он был одним из первых двухсот тысяч, — напомнила Клаузен. — Членом эксклюзивного клуба. Как вы себя называли, Гонт?

— Избранные. Совершенно точное описание. А как еще нам было себя называть?

— Везучие сукины дети, — подсказала Клаузен.

— Помнишь, в каком году тебя усыпили? — спросил Да Силва. — Ты был одним из первых, значит, это случилось примерно в середине века.

— В две тысячи пятьдесят восьмом. Если надо, могу назвать месяц и число. Насчет времени суток не уверен.

— И ты помнишь, разумеется, почему на такое решился, — заметил Да Силва.

— Потому что мог. Потому что любой в моей ситуации поступил бы так же. Мир становился все хуже, катился под откос. Но еще не рухнул окончательно. А врачи год за годом продолжали твердить, что прорыв к бессмертию совсем рядом. Еще чуть-чуть — и готово. Мол, вы уж продержитесь еще немного. Но мы все старели. А потом врачи заявили: сейчас мы еще не способны подарить вам вечную жизнь, зато можем предоставить средство проскочить через годы ожидания, пока этого не произойдет. — Гонт заставил себя сесть на кровати, силы постепенно возвращались в конечности, особенно из-за нарастающей злости. Почему к нему не проявляют должного почтения? И почему, что еще хуже, его тут осуждают и оценивают? — В нашем поступке не было ничего плохого. Мы никому не причинили вреда, ни у кого ничего не отняли. Мы лишь воспользовались имеющимися у нас средствами, чтобы достичь того, что и так к нам приближалось.

— Кто сообщит ему новости? — спросила Клаузен, глядя на Да Силву.

— Ты проспал почти сто шестьдесят лет, — сказал мужчина. — Сейчас апрель две тысячи двести семнадцатого года. На дворе двадцать третий век.

Гонт снова обвел взглядом обшарпанное помещение. У него имелись некие туманные представления о том, каким станет пробуждение, но реальность совершенно в них не вписывалась.

— Вы мне лжете? — спросил он.

— А ты как думаешь? — вопросом на вопрос ответила Клаузен.

Гонт поднес к лицу руку. Она выглядела, насколько он мог вспомнить, точно такой же, как и прежде. Те же старческие веснушки, те же набухшие под кожей вены, те же волосатые костяшки пальцев, те же шрамы и дряблая, как у ящерицы, кожа.

— Принесите зеркало, — попросил он, охваченный дурным предчувствием.

— Избавлю тебя от хлопот, — сказала Клаузен. — Ты увидишь примерно такое же лицо, с каким заснул. Мы ничего с тобой не делали, только вылечили подкожные повреждения, вызванные несовершенством ранних методов замораживания. Физиологически ты все еще мужчина шестидесяти трех лет и проживешь еще лет двадцать или тридцать.

— Тогда зачем вы меня разбудили, если процесс еще не завершен?

— А его нет, — сообщил Да Силва. — И не будет еще очень долго. У нас сейчас совершенно другие заботы. И среди этих проблем бессмертие — на последнем месте.

— Не понимаю.

— Поймешь, Гонт, — утешила подопечного Клаузен. — Рано или поздно понимают все. Кстати, мы тебя выбрали, учитывая твои способности. Ты ведь сделал состояние на компьютерах, верно? Работал с искусственным интеллектом, пытался создать мыслящие машины.

Одно из смутных разочарований оформилось в конкретное поражение. Он вспомнил энергию, вложенную в единственную амбицию. Вспомнил друзей и возлюбленных, которых сжег на этом пути, вычеркнув из жизни, сфокусированной на «белом ките».

— Из этого ничего не получилось.

— Верно, но ты все же на этом разбогател.

— Просто способ заработать. Какое это имеет отношение к моему пробуждению?

Клаузен, похоже, собралась ответить, но что-то заставило ее передумать.

— Одежда в шкафчике возле кровати, по размеру должна подойти. Хочешь позавтракать?

— Я не голоден.

— Желудку понадобится какое-то время, чтобы проснуться. А пока, если тебя тошнит, лучше вывали все сейчас, чем потом. Не хочу, чтобы ты загадил мой корабль.

Детали неожиданно стали складываться в картину. Функциональное помещение, фоновый шум далеких механизмов, утилитарная одежда этой парочки... возможно, он на борту какого-то космического аппарата. Двадцать третий век... Времени было вполне достаточно, чтобы основать межпланетную цивилизацию, пусть даже в пределах Солнечной системы.

— Мы сейчас на корабле?

— Конечно нет, — фыркнула Клаузен. — Мы в Патагонии.

Он оделся, натянув нижнее белье, белую футболку и такой же серый комбинезон, как у местных. В комнате ощущались прохлада и сырость, и он порадовался, что одет. Гардероб дополнили ботинки со шнурками, немного тесные в пальцах, но в остальном вполне приличные. Одежда была на ощупь самая обычная и простая, хотя местами слегка потертая и поношенная. Зато сам он оказался чист и ухожен, волосы ему коротко подстригли, а бороду сбрили. С ним хорошо поработали, прежде чем привести в сознание.

Клаузен и Да Силва ждали его возле комнаты в коридоре без окон.

— Наверное, у тебя сейчас масса вопросов, — сказала Клаузен. — Например, почему со мной обращаются как с дерьмом, а не как с королевской особой? Что случилось с остальными избранными, что это за вонючее место и так далее?

— Полагаю, вы собираетесь в ближайшее время на них ответить.

— Расскажи-ка ему сразу о сделке. Открытым текстом,— предложил Да Силва. Он успел надеть куртку, а через плечо у него висела застегнутая на молнию сумка.

— Какую еще сделку? — осведомился Гонт.

— Начнем с того, что ты для нас отнюдь не какая-то особая персона,— сообщила Клаузен.— И тот факт, что ты проспал сто шестьдесят лет, нас совершенно не впечатляет. Это старые новости. Но ты все еще полезен.

— В каком смысле?

— Нам не хватает одного человека. Работа здесь суровая, и мы не можем потерять даже одного члена команды, — ответил Да Силва. Хотя они еще мало общались, у Гонта сложилось впечатление, что мужчина чуть более рационален, чем его коллега, и не проявляет столь неприкрытой антипатии.— А сделка такая: мы тебя обучаем и даем работу. В обмен, разумеется, о тебе будут хорошо заботиться. Еда, одежда, спальное место, лекарства из тех, что у нас имеются.— Он пожал плечами.— Мы все согласились на это. Если попривыкнуть, то не так уж плохо.

— А какая альтернатива?

— Снова в мешок, бирку на палец — и в морозильник,— сообщил Да Силва.— В компанию к остальным. Выбор, конечно, за тобой. Или работать с нами, стать одним из команды, или залечь обратно в спячку и попытать счастья таким способом.

— Нам пора идти,— сказала Клаузен.— Не хочу заставлять Неро ждать на палубе «Ф».

— Кто такой Неро?

— Последний из тех, кого мы разбудили до тебя,— пояснил Да Силва.

Они прошли по коридору, миновали несколько распахнутых двустворчатых дверей и вошли в нечто вроде столовой или комнаты отдыха. За столами сидели мужчины и женщины разного возраста, негромко разговаривали, ели, играли в карты. Все здесь выглядело по-спартански или как в каком-то учреждении — от пластиковых стульев до крытых пластиком столов. В дальней стене виднелось мокрое от дождя окно, обрамляющее прямоугольник серых туч.

Гонт заметил несколько брошенных на него взглядов, быстро угасший интерес со стороны двоих-троих присутствующих, но никто не изумился, увидев его.

Они двинулись дальше, поднялись по лестнице на следующий этаж этого непонятного здания. Навстречу попался пожилой мужчина, китаец на вид, с замасленным гаечным ключом в руке. Он поприветствовал Клаузен, подняв свободную руку с растопыренными пальцами, Клаузен ответила тем же. Затем они поднялись еще на этаж, прошли мимо шкафов с оборудованием и распределительных щитов и далее вверх по спиральной лестнице в продуваемый ветром ангар из гофрированного металла, где пахло маслом и озоном. На стене ангара как-то нелепо смотрелся надувной оранжевый спасательный жилет, на противоположной стене висел красный огнетушитель.

Гонт напомнил себе, что на дворе двадцать третий век. Несмотря на это унылое окружение, у него не было причин сомневаться, что таковы реалии жизни в 2217 году. Пожалуй, он всегда верил, что мир будет улучшаться, а будущее окажется лучше прошлого — ярче, чище, стремительнее, — но никак не предполагал, что его вера подвергнется такому испытанию.

Из ангара наружу вела единственная дверь. Клаузен открыла ее, преодолевая сопротивление ветра, и они вышли, оказавшись на крыше. Гонт увидел квадрат потрескавшегося и заляпанного маслом бетона, размеченный полосами выцветшей красной краски. В дальнем углу площадки что-то уныло клевали две чайки. Гонт порадовался, что в будущем есть хотя бы чайки. Значит, тут не произошло какой-нибудь ужасной, сметающей жизни биокатастрофы, вынудившей людей ютиться в бункерах.

На бетоне в центре крыши стоял вертолет. Это была матово-черная, поджарая, смахивающая на осу конструкция, состоящая больше из углов, чем округлостей, и, если не считать нескольких зловещего вида выпуклостей и подвесок, ее вид не отличался чем-либо особо футуристическим. Насколько Гонт мог судить, прототипом вертолета вполне могла стать модель, выпускавшаяся еще до того, как он залег в спячку.

— Что, дерьмовенький вертолет? — угадала Клаузен мысль своего подопечного. Ей пришлось повысить голос, чтобы перекрыть гул ветра.

Гонт улыбнулся:

— На чем он работает? Полагаю, запасы нефти кончились еще в прошлом веке.

— На бензине,— сообщила Клаузен, открывая дверь кабины. — Залезай назад и пристегнись. Да Силва полетит впереди, со мной.

Да Силва повесил свою сумку в задней части кабины, где уже расположился оцепеневший от испуга Гонт. Он взглянул на приборную панель в просвет между передними креслами. Ему уже доводилось сидеть в частных вертолетах, и он хорошо знал, как выглядят приборы ручного управления в обход автоматики. Вот и здесь на панели он не разглядел чего-то незнакомого или необычного.

— Куда мы летим?

— На смену вахты, — пояснил Да Силва, надевая наушники. — Два дня назад произошел несчастный случай на платформе «Джи». Потеряли Гименеса, ранило Неро. Погода не подходила для эвакуации, но сегодня появилось окно. Кстати, из-за этого тебя и разбудили. Я займу место Гименеса, а тебе придется заменить меня здесь.

— У вас не хватает рабочих рук и поэтому меня разбудили?

— В общем, да,— согласился Да Силва.— Клаузен решила, что тебе не помешает прокатиться с нами. Быстрее войдешь в курс дела.

Клаузен защелкала переключателями на потолке. Лопасти начали раскручиваться.

— Наверное, для более дальних полетов у вас есть что-нибудь побыстрее вертолетов? — предположил Гонт.

— Нет,— ответила Клаузен.— Если не считать нескольких кораблей, мы обходимся вертолетами.

— А как же межконтинентальное сообщение?

— У нас его нет.

— Не в таком мире ожидал я проснуться! — сообщил Гонт, перекрикивая шум над головой.

Да Силва обернулся и показал на наушники, висящие на спинке кресла. Гонт надел их и пристроил микрофон перед губами.

— Я сказал, что не в таком мире ожидал проснуться.

— Понял,— кивнул Да Силва.— Еще в первый раз.

Лопасти разогнались до взлетной скорости. Клаузен подняла вертолет, посадочная площадка на крыше поползла вниз. Машина некоторое время двигалась вбок, опустив нос, пока не вылетела за границу крыши. Стена здания за окном рванулась вверх, и Гонта слегка замутило из-за быстрого спуска. Оказалось, что никакое это не здание — по крайней мере, не такое, каким он его представлял. Вертолетная площадка располагалась на крыше прямоугольного промышленного на вид сооружения размером примерно с большой офисный квартал, опутанного мостками и мостиками, ощетинившегося кранами, дымовыми трубами и прочими непонятными выступами. В свою очередь, сооружение поднималось из моря на четырех мощных опорах, в расширяющиеся основания которых без устали били волны. Это была нефтяная вышка или какая-то промышленная платформа — во всяком случае, нечто созданное на подобной основе.

И она не стояла в одиночестве. Вышка, с которой они взлетели, была лишь одной из множества на огромном поле, тянущемся до угрюмого, серого и смазанного дождем горизонта. Вышек были десятки, и Гонт догадывался, что у горизонта они не заканчиваются.

— Для чего они? Я знаю, что не для добычи нефти. Ее не могло остаться столько, чтобы окупить бурение в таких масштабах. Запасы уже приближались к истощению, когда я отправился в спячку.

— Спальни,— пояснил Да Силва.— На каждой платформе примерно десять тысяч спящих. А в море они построены потому, что для их энергоснабжения мы используем ЭТГ — энергию температурного градиента морской воды — за счет разницы температур на поверхности и в глубине океана. Так намного легче, не надо тянуть кабели на материк.

— И теперь мы за это расплачиваемся,— сказала Клаузен.

— Если бы мы обосновались на материке, то вместо морских драконов они послали бы сухопутных. Они про-

сто приспосабливаются к нашим действиям, — прагматично возразил Да Силва.

Вертолет мчался над маслянистой и бурлящей водой.

— Это действительно Патагония? — спросил Гонт.

— Прибрежный сектор Патагонии, — пояснил Да Силва. — Подсектор пятнадцать. Здесь мы и несем вахту. Нас около двухсот человек, а под нашим присмотром около ста вышек. Этим все сказано.

Гонт проделал мысленные расчеты, затем пересчитал еще раз, не веря услышанному:

— Это же миллион спящих!

— И десять миллионов во всем Патагонском секторе, — добавила Клаузен. — Тебя это удивляет, Гонт? Мол, как эти десять миллионов человек смогли получить то же, что давным-давно получили ты и твоя драгоценная горстка избранных!

— Пожалуй, нет, — проговорил Гонт, когда осознал услышанное. — Со временем стоимость процесса наверняка снизилась и стала доступной для людей с меньшими средствами. Для просто богатых, а не сверхбогатых. Но она никогда бы не стала доступной для масс. Может быть, для десяти миллионов. Но для сотен миллионов? Вы уж извините, но экономически такое невозможно.

— Тогда хорошо, что у нас нет никакой экономики, — заметил Да Силва.

— Патагония — лишь малая часть целого, — пояснила Клаузен. — Есть еще двести секторов, таких же больших, как этот. А это два миллиарда спящих.

Гонт покачал головой:

— Где-то тут ошибка. Когда я заснул, на планете жили восемь миллиардов человек и население сокращалось! Вот только не говорите, что четверть населения планеты сейчас спит!

— Может, тебе легче будет поверить, если я скажу, что нынешнее население Земли как раз и составляют те самые два миллиарда, — отозвалась Клаузен. — И почти все они спят. Всего лишь горстка бодрствует — присматривает за спящими, платформами и ЭТГ-станциями.

— Четыреста тысяч бодрствующих, — подтвердил Да Силва. — Но по жизни ощущение такое, что нас намного

меньше, ведь мы практически все время остаемся в назначенных секторах.

— Знаешь, в чем настоящая ирония ситуации? — вопросила Клаузен. — Теперь *мы* можем называть себя избранными. Те, кто *не* спит.

— Но тогда получается, что заниматься чем-то реальным просто некому, — заявил Гонт. — Какой смысл всем дожидаться бессмертия, если никто из бодрствующих не работает?

Клаузен обернулась, чтобы взглянуть на него, и выражение ее лица красноречиво сказало все, что она думает о его интеллекте.

— Мы работаем. Но не ради бессмертия. Ради выживания. Так мы вносим свой вклад в войну.

— Какую еще войну?

— В ту, что идет вокруг нас. Ту, которую помог начать ты.

Они приземлились на другой вышке, одной из пяти, стоявших настолько близко, что их соединили кабелями и мостиками. Море все еще волновалось, и в бетонные опоры вышек били огромные волны. Гонт напряженно всматривался в окна, шарил взглядом по палубам, но нигде не видел следов человеческой деятельности. Он вспоминал слова Клаузен и Да Силвы, пытаясь отыскать причину, побудившую их лгать ему, так долго и упорно скрывать от него правду о мире, в котором он проснулся. Возможно, тут практиковалась некая форма массового развлечения: спящих вроде него будили и устраивали им эмоциональную встряску, показывая худший из возможных сценариев. Несчастных доводили до отчаяния и нервного срыва и лишь потом отдергивали серый занавес и демонстрировали — о чудо! — что жизнь в двадцать третьем веке действительно такая безоблачная и утопическая, как они надеялись. Впрочем, подобное казалось маловероятным.

И все же какая еще война потребовала уложить в спячку миллиарды людей? И почему отряд присматривающих, эти четыреста тысяч бодрствующих, настолько малочислен? Ясно, что вышки во многом автоматизированы, но тем не менее его все же потребовалось разбудить только потому, что

в Патагонском секторе кто-то умер. В таком случае почему бы сразу не разбудить больше людей, чтобы система имела резерв на случай потерь?

Когда вертолет благополучно опустился на площадку, Клаузен и Да Силва велели ему следовать за ними в недра другой вышки. Она почти не отличалась от той, где разбудили Гонта, только здесь практически не было людей, а вместо них повсюду сновали ремонтные роботы. Гонт сразу понял: эти примитивные машины лишь немного умнее автоматических мойщиков окон. Неужели того стоили годы жизни, которые он отдал мечте об искусственном интеллекте?

— Нам надо кое-что выяснить раз и навсегда, — заявил Гонт, когда они уже шагали среди гудящих механизмов внутри платформы. — Я никакой войны не начинал. Вы не на того пальцем указываете.

— *Думаешь, мы перепутали твое досье?* — *вопросила* Клаузен. — А откуда тогда мы узнали, что ты работал над мыслящими машинами?

— Значит, вы зашли не с того конца. Я не имею никакого отношения к войнам или военным.

— Мы знаем, чем ты занимался. Ты потратил много лет на создание настоящего искусственного интеллекта, способного выдержать тест Тьюринга. Мыслящей и разумной машины.

— Да, только этот путь оказался тупиковым.

— Но все же он привел к некоторым полезным побочным результатам, разве не так? — продолжила Клаузен. — Ты решил сложную проблему языка. Твои системы не просто распознавали речь, а могли понимать ее на уровне, недостижимом для любой компьютерной системы. Метафоры, сравнения, сарказм, умолчание, даже подтекст. Конечно, результат имел разнообразные сферы применения в гражданской жизни, но свои миллиарды ты заработал не на них. — Женщина бросила на него резкий взгляд.

— Я создал продукт. Я просто сделал его доступным для любого, кому он был по карману.

— Разумеется. К сожалению, твоя система оказалась идеальным инструментом для массовой слежки и ею воспользовалось каждое деспотическое правительство, остав-

шееся на планете. Любому тоталитарному государству просто не терпелось его заполучить. И ты совершенно не испытывал угрызений совести, продавая его, не так ли?

Из подсознания Гонта всплыл давний и хорошо отрепетированный аргумент:

— Никакой инструмент связи никогда не был мечом лишь с одним лезвием.

— И это тебя оправдывает, да? — спросила Клаузен.

Да Силва во время их разговора молчал, пока они шли по коридорам и спускались по лестницам.

— Я не прошу меня оправдывать. Но если ты думаешь, будто я начинал войны, что я несу какую-то ответственность за это... — он обвел рукой вокруг, — это убожество, то ты сильно ошибаешься.

— Ну, может, ты не один за это ответствен, — признала Клаузен. — Однако причастен несомненно. Ты и любой из тех, кто лелеял мечту об искусственном интеллекте. Подталкивал мир к краю пропасти, не думая о последствиях. Вы и понятия не имели, какого джинна выпускаете на волю.

— Повторяю, никого мы не выпустили. У нас ничего не получилось.

Они шли через подвесной мостик, переброшенный над каким-то огромным пустым пространством внутри вышки.

— Посмотри вниз, — предложил Да Силва.

Гонту не хотелось этого делать — он никогда не дружил с высотой, и даже дренажные отверстия в мостике нервировали его, потому что казались слишком большими. Но все же он заставил себя посмотреть вниз. Четыре стены кубической камеры оказались полками, заставленными белыми ящиками размером с гроб, по тридцать рядов в высоту. Их опутывала сложная мешанина трубопроводов и не менее сложная паутина мостиков, лесенок и сервисных дорожек. Гонт увидел, как робот, жужжа моторчиками, подкатил к одному из ящиков, извлек из его торца какой-то модуль, потом двинулся дальше, к соседнему гробу.

— На случай если ты подумал, что мы пудрим тебе мозги, — все это настоящее, — сообщила Клаузен.

Анабиозные камеры для первоначальных избранных были совершенно иными. Подобно египетскому фараону, похо-

роненному вместе с мирскими пожитками, Гонту потребовался целый склеп, набитый шкафами с самым современным оборудованием для криоконсервации и мониторинга. Согласно его контракту с фирмой, он круглосуточно находился под наблюдением нескольких живых врачей. Одно только размещение тысячи избранных требовало здания размером с большой курортный отель, примерно с такими же требованиями по энергоснабжению. По контрасту здесь Гонт увидел анабиоз в максимально эффективном промышленном масштабе. Люди в ящиках, складированные как некие изделия массового производства и обслуживаемые абсолютным минимумом живых наблюдателей. В данной камере он видел лишь около тысячи спящих, но с этого момента у Гонта не осталось никаких сомнений: подобная технология позволяет при необходимости погрузить в спячку миллиарды.

Для этого требовалось лишь достаточное количество подобных помещений, роботов и платформ. При условии, что энергии хватает, а у людей на планете нет необходимости заниматься чем-то еще, все это реально выполнимо.

Здесь никто не выращивал урожаи и не распределял пищу. Но это не имело значения, ведь почти не осталось бодрствующих, которых надо кормить. Никто не руководил сложной и переменчивой паутиной глобальной финансовой системы. Но и это не имело значения: не осталось чего-либо напоминающего экономику. Отпала необходимость в транспортной инфраструктуре, потому что никто не путешествовал. Не было нужды в связи: никого не интересовала обстановка за пределами сектора. Не было нужды ни в чем, кроме абсолютно необходимого для выживания. Воздух для дыхания. Пайки и лекарства менее чем для полумиллиона человек. Немного нефти, последние оставшиеся струйки, чтобы поднимать в воздух вертолеты.

— Идет война, — сказал Да Силва. — И началась она, в той или иной форме, еще до того, как тебя заморозили. Но это не та война, о которой ты, наверное, подумал.

— И как в нее вписываются все эти спящие люди?

— А у них нет выбора, — отрезала Клаузен. — Они должны спать. Если они не будут спать, мы все умрем.

— Мы?..

— Ты, я. Мы все, — подтвердил Да Силва. — Человечество.

Они забрали Неро и труп из лазарета, расположенного несколькими этажами ниже морозильной камеры. Труп был уже упакован — обернутая в серебристый пластик мумия на больничной каталке. Неро оказался не мужчиной, как предполагал Гонт, а высокой и гибкой женщиной с открытым и дружелюбным лицом и копной рыжих кудряшек.

— Ты ведь новичок, верно? — спросила она, салютуя кофейной кружкой.

— Наверное, — неуверенно отозвался Гонт.

— К этому надо привыкнуть, уж я-то знаю. Я только через полгода сообразила: это не худшее, что могло со мной случиться. Но и ты со временем втянешься. — Одна рука Неро была забинтована и облачена в белую перчатку, пришпиленную к одежде английской булавкой. — От души советую: не возвращайся в ящик. — Тут она взглянула на Клаузен. — Вы ведь даете ему такой шанс?

— Конечно. Таковы условия сделки.

— Знаешь, мне иногда кажется, что сделка все только осложняет, — сказала Неро. — Не проще ли просто указывать им, что надо делать, и к черту сантименты?

— Ты бы сама не очень обрадовалась, не предоставь мы тебе выбора, — заметил Да Силва. Он уже снимал куртку, готовясь остаться.

— Да, но что я тогда знала? Сейчас мне эти прошедшие шесть месяцев кажутся половиной жизни.

— Когда тебя заморозили? — спросил Гонт.

— В две тысячи девяносто втором. Я одна из первых ста миллионов.

— Гонт тебя опередил, — сообщила Клаузен. — Он был одним из избранных. Те самые избранные, первые двести тысяч.

— Ничего себе! Вот это рывочек на старте! — Неро прищурилась. — Значит, он не в курсе? Насколько мне помнится, тогда они еще не знали, во что вляпались.

— Большинство не знало, — согласилась Клаузен.

— Чего не знало? — вскинулся Гонт.

— Спячка была прикрытием, даже тогда, — пояснила Неро. — Тебе продали обманку. Никакой прорыв к бессмертию тебе не светил, сколько бы ты ни спал.

— Не понимаю. Так вы утверждаете, что все это было мошенничеством?

— Вроде того, — сказала Неро. — Не заработать деньги для кого-то, а начать процесс укладывания всего человечества в спячку. Его предполагали начать в малом масштабе, чтобы оставалось время преодолеть несовершенство технологии. Если бы знающие люди открыто объявили о своих планах, им бы никто не поверил. А если бы поверили, во всем мире началась бы паника. Поэтому они начали с избранных, постепенно разворачивая операцию. Сперва двести тысяч. Затем полмиллиона. Потом миллион и так далее. — Она сделала паузу. — А внешне жизнь шла своим чередом. Им удалось хранить тайну лет тридцать. Но потом поползли слухи, что спячка — это нечто большее.

— Да и драконы сильно подгадили, — добавил Да Силва. — Их существование всегда было нелегко объяснить.

— Ко времени моей заморозки, — продолжила Неро, — *большинство уже знало, каков расклад. Если мы не отправимся спать, миру придет конец.* И согласие на анабиоз стало нашим моральным долгом. Вариантов имелось всего два — или спячка, или эвтаназия. Я выбрала заморозку, но немало моих друзей предпочли пилюлю. Решили, что определенность смерти предпочтительнее лотереи пребывания в ящике... — Она впилась взглядом в глаза Гонта. — И об этой части сделки я тоже знала. О том, что в любой момент меня могут разбудить и сделать надсмотрщиком. Но вероятность этого была исчезающе мала. Никогда не думала, что мне выпадет такая судьба.

— Никто не думал, — буркнула Клаузен.

— А с ним что случилось? — спросил Гонт, кивнув на завернутое в фольгу тело.

— Гименес погиб, когда на восьмом этаже прорвало паровую трубу. Вряд ли он успел что-то почувствовать: все произошло внезапно. Я, конечно, спустилась туда как смогла быстро. Перекрыла утечку пара и смогла дотащить Гименеса до лазарета.

— Неро сама получила ожог, когда тащила сюда Гименеса, — сказал Да Силва.

— Ничего, поправлюсь. Только сейчас с трудом орудую отверткой.

— Мне Гименеса жаль, — сказала Клаузен.

— А ты его не жалей. Если честно, то ему никогда здесь не нравилось. Он считал, что принял неправильное решение, когда остался с нами, а не вернулся в ящик. Я, конечно, пыталась его переубедить, но тщетно. — Неро провела здоровой рукой по кудряшкам. — Не скажу, что я с ним не ладила. Зато сейчас ему точно лучше, чем было.

— Он же мертв?! — удивился Гонт.

— Технически — да. Но после несчастного случая я сделала ему полную очистку крови и накачала его криопротектором. У нас здесь нет свободных ячеек, но мы сможем поместить его в ящик на главной платформе.

— В мой ящик, — уточнил Гонт.

— Есть и другие ячейки, — возразил Да Силва. — То, что Гименеса заморозят, не помешает тебе последовать за ним, будь твоя воля.

— Если Гименес был таким несчастным, то что вам мешало заморозить его раньше?

— Так дела не делаются, — заявила Клаузен. — Это был его выбор. К тому же мы вложили немало времени и труда, чтобы его обучить, помочь влиться в команду. Думаешь, мы согласились бы пустить все эти усилия коту под хвост только потому, что он передумал?

— Он всегда честно вкалывал, — напомнила Неро. — И команду никогда не подводил. И то, что произошло с ним на восьмом, было несчастным случаем.

— Никогда в этом не сомневался, — подтвердил Да Силва. — Он был хорошим парнем. Жаль только, что не смог до конца освоиться.

— Возможно, теперь для него все сложится к лучшему, — сказала Неро. — Билет в грядущее в один конец. Смотрителем он уже отработал, и, надеюсь, следующее его пробуждение произойдет в лучшем мире, когда мы выиграем войну и сможем проснуться снова. Я уверена, что в будущем его сумеют залатать.

— Похоже, под конец он все-таки добился выгодной сделки, — заметил Гонт.

— Единственная хорошая сделка — остаться живым, — возразила Неро. — Чем мы сейчас все и занимаемся. Что бы вокруг ни происходило, мы живы, мы дышим, мы мыслим. И мы не замороженные тела в ящиках, существующие лишь от одного мгновения к следующему. — Она пожала плечами. — Я так думаю, вот и все. Если хочешь вернуться в ящик, чтобы лямку тянул кто-то другой, то не позволяй мне тебя отговаривать. — Она посмотрела на Да Силву. — Ты здесь справишься один, пока я подлечусь?

— Если с чем-то не смогу разобраться, то дам тебе знать,— ответил Да Силва.

Неро и Да Силва прошлись по контрольному списку. Неро хотела убедиться, что сменщик полностью готов. Потом они распрощались. Гонт не знал, на какой срок коллеги оставляют Да Силву одного — на недели или месяцы. Но тот вроде бы не возражал против такой судьбы, как будто длительные одиночные дежурства время от времени были для них чем-то вполне ожидаемым. Если вспомнить, что до смерти Гименеса здесь дежурили всего двое, то Гонт не мог понять, почему бы им просто-напросто не разбудить еще одного спящего — в компанию Да Силве.

Вскоре они снова сели в вертолет и отправились на исходную платформу. Погода за это время ухудшилась, волны еще выше хлестали по опорам вышки, а горизонт скрыла завеса штормового дождя, разрываемая лишь всполохами молний.

— Вы выбрали неудачный момент, — услышал он слова Неро. — Лучше бы переждали шторм. Гименесу теперь все равно торопиться некуда.

— Мы и так слишком долго тянули с эвакуацией, — парировала Клаузен. — А погода может ухудшиться.

— Я слышала, они вчера попытались протолкнуть одного.

— Да, на поле «Е». С частичной материализацией.

— Ты это видела?

— Только на мониторах. По мне, так достаточно близко.

— Нам следует установить оружие на вышках.

— И где ты собираешься взять стрелков? Мы и так еле держимся. Только новых забот нам не хватает.

Женщины сидели впереди, Гонт притулился сзади, в обществе обернутого в фольгу Гименеса. Чтобы пристроить тело, пришлось разложить заднее кресло.

— Как я понимаю, выбора у меня нет, — сказал Гонт.

— Разумеется, у тебя есть выбор, — ответила Неро.

— Я имею в виду моральный выбор. Я вижу, каково вам приходится. Вы держитесь на пределе возможного только ради того, чтобы все это не развалилось. Почему бы вам не разбудить больше людей?

— Слушай, какой хороший вопрос! — отозвалась Клаузен. — И как мы сами до этого не додумались?

Гонт проигнорировал ее сарказм:

— Вы только что оставили одного человека присматривать за целым комплексом. И как я в такой ситуации могу отказать вам и при этом сохранить самоуважение?

— Многие именно так и поступили, — заметила Неро.

— Сколько именно? Какая часть из всех?

— Соглашаются остаться более половины, — сказала Клаузен. — Такой процент тебя устраивает?

— Но ты говорила, что большинство спящих знают, на что идут. А я до сих пор не знаю.

— И ты полагаешь, это что-то меняет? — вопросила Клаузен. — Дает тебе право на поблажку? Так я повторю: не дергайся. Если хочешь, возвращайся в ящик, мы и без тебя обойдемся.

— Главное — понять, — добавила Неро, — что обещанное будущее не настанет. По крайней мере еще несколько столетий, пока мы не выберемся из этой заварушки. А «срок хранения» спящих, образно говоря, небесконечен. Думаешь, оборудование никогда не отказывает? И «квартирант» остается в порядке, когда ломается его ящик?

— Конечно не думаю.

— Когда возвращаешься в ящик, ты тем самым делаешь ставку на событие, которое может никогда не произойти. А если остаешься, получаешь хоть какую-то определенность. Во всяком случае, будешь знать, что до самой смерти делал что-то полезное и осмысленное.

— Я бы не отказался узнать почему, — заметил Гонт.

— Кто-то же должен за всем присматривать, — пояснила Неро. — Вышки обслуживают роботы, но кто позаботится о роботах?

— Я не это имел в виду. А почему все должны спать? Почему это так важно, черт побери?

На приборной панели замигала лампочка. Клаузен прижала к голове наушники, что-то слушая. Через несколько секунд Гонт услышал ее слова:

— Вас поняла, курс три-два-пять. — И еле слышно процедила: — Вот подлость! Только этого нам не хватало.

— Это было не погодное предупреждение, — сказала Неро.

— Что происходит? — спросил Гонт, когда вертолет заложил крутой вираж, а море поднялось ему навстречу.

— Тебе беспокоиться не о чем, — буркнула Клаузен.

Вертолет лег на новый курс и выровнялся. Теперь, как показалось Гонту, он летел выше и быстрее — шум двигателя стал громче, а на панели высветились новые индикаторы, прежде остававшиеся темными. Зазвучали тревожные сигналы, но Клаузен выключила их с небрежным безразличием человека, привыкшего летать в напряженных обстоятельствах и точно знающего, что́ вертолет способен выдержать, а что нет, наверное, даже лучше самого вертолета, ведь тот по большому счету лишь тупая машина. Справа и слева цитаделями на широко расставленных ногах мелькали вышка за вышкой — сперва часто, затем все реже. Видимость ухудшилась, и Гонт мог разглядеть лишь серую морскую равнину, исчерканную пенистыми гребнями волн. Растревоженная ветром, вода напоминала шкуру огромного существа, с жуткой неутомимостью перемежающего вдохи и выдохи.

— Смотри, там, — Неро показала направо, — пробойное свечение. Вот черт, я-то думала, мы его обогнем, а не приблизимся.

Клаузен снова развернула вертолет:

— Я тоже. Или они сообщили ошибочный курс, или сейчас происходит несколько вторжений.

— И уже не в первый раз. Они всегда вылезают в плохую погоду. Почему?

— Спроси у машин.

Гонт лишь через несколько секунд смог разглядеть то, что уже заметила Неро. Где-то на границе видимости участок моря словно осветился изнутри — мазком желтоватой зелени на серо-белом фоне. Ему вспомнилась картинка из полузабытой иллюстрированной детской книжки: из моря всплывает сказочный подводный дворец, облепленный светящимися ракушками, окруженный стайками русалок и похожих на драгоценные камни рыбок. Но сейчас он отчетливо понимал: в том, что происходит под тем желтовато-зеленым мазком, нет ничего даже отдаленно магического или таинственного. И оно пугало Клаузен и Неро.

— Что это за штуковина?

— Что-то пытается пробиться, — ответила Неро. — То, чего мы рассчитывали избежать.

— Но действует несогласованно, — сказала Клаузен. — Я так думаю.

Вокруг светящегося пятна шторм бушевал с удвоенной яростью. Море кипело и пенилось. Гонта раздирали два желания. Первое — чтобы вертолет развернулся и он смог лучше разглядеть происходящее под волнами. А второе — оказаться отсюда как можно дальше.

— Это оружие? Или это как-то связано с войной, о которой вы говорили? — спросил он.

Прямого ответа он не ожидал, и меньше всего от Клаузен. Поэтому удивился, когда она пояснила:

— Так они до нас и добираются. Пытаются пропихнуть эти штуковины через границу. Иногда у них получается.

— Оно разваливается, — сообщила Неро. — Ты была права. Для чистого пробоя сигнал слишком слабый. Наверное, большие помехи на границе.

Желто-зеленое пятно с каждой секундой уменьшалось, словно волшебный город снова опускался в глубину. Зачарованный, Гонт увидел, как на поверхность вырвалось нечто длинное, светящееся и похожее на хлыст. Дернулось, разворачивая кольца, как будто ловило что-то в воздухе, и втянулось обратно в пенящийся хаос. Затем медленно по-

тускнело, и свечение, штормовые волны приняли обычный вид; тот клочок океана, где оно возникло, стал неотличим от прочих.

Гонт принял решение. Он присоединится к этим людям, станет для них работать и примет условия их сделки — какие есть. Не потому, что хотел этого, осознал важность их работы или решил, что у него на эту работу хватит сил, а потому, что в противном случае выставил бы себя трусом и слабаком, не желающим подчинить свою жизнь альтруистической миссии. Он прекрасно сознавал: это неправильные доводы, но принял их силу без всяких споров.

Уж лучше выглядеть самоотверженным — пусть даже мысль о будущем затопляла его почти ошеломляющим чувством отчаяния, потери и горькой несправедливости.

О своем решении он объявил на третий день после пробуждения. За это время он почти ни с кем не разговаривал, кроме Клаузен, Неро и Да Силвы. Остальные работники на этой платформе иногда признавали его существование — бросали ему пару слов, когда он стоял в очереди в столовой, но Гонту было ясно, что они не готовы относиться к нему как к полноценному человеку, пока он к ним не присоединится. До тех пор он оставался кем-то вроде призрака, застрявшего в мрачном чистилище между измученными живыми и замороженными мертвыми. Он их понимал: какой смысл знакомиться с теоретическим товарищем, если тот может в любой момент передумать и вернуться в ящик? Но одновременно это невольно наполняло его сомнениями: а сможет ли он хоть когда-нибудь вписаться и стать для них своим?

Он отыскал Клаузен, когда та в одиночестве мыла кофейные чашки в подсобке столовой.

— Я принял решение, — сообщил он.

— И?..

— Я остаюсь.

— Хорошо. — Она поставила чистую чашку на комод. — Завтра тебя включат в полное расписание дежурств. Назначаю тебя напарником Неро. Будешь заниматься мелким ремонтом и обслуживанием роботов. Приходи в столовую к восьми утра, Неро там уже будет, с инструментами и при-

борами. Но перед этим позавтракай как следует: работать предстоит без перерыва на обед.

Клаузен направилась к выходу.

— И это все? — удивился Гонт.

Она взглянула на него с удивлением:

— А ты ожидал чего-то другого?

— Вы меня разбудили, сказали, что мир превратился в дерьмо, пока я спал, затем предложили выбор — остаться с вами или вернуться в ящик. Несмотря на все это, я согласился работать с вами, ясно понимая, что тем самым лишаю себя всякого шанса увидеть что-либо, кроме этого нищего и жалкого будущего. Отказываюсь от бессмертия, от всякой надежды увидеть лучший мир. Ты сказала, что у меня впереди... лет двадцать — тридцать?

— Около того.

— Я отдаю вам эти годы! Разве это не стоит хоть какой-то малости? Разве я не заслуживаю, чтобы мне просто сказали спасибо?

— Думаешь, ты особенный, Гонт? Ты обладаешь чем-то таким, чего мы не могли и надеяться получить?

— Я никогда не подписывался на такую сделку. Никогда не принимал этих условий.

— Верно. — Она кивнула, словно он привел веский аргумент, меняющий правила игры. — Я поняла. Ты подразумеваешь, что для всех нас, для остальных, это было легко? Мы отправились в этот путь, зная: есть очень маленький шанс на то, что нас могут разбудить для помощи в обслуживании спящих. И поэтому — раз мы теоретически знали, что нас могут призвать на помощь, — у нас не было никаких проблем с адаптацией. Ты это имел в виду?

— Я говорил, что между нами есть разница, вот и все.

— Если ты действительно так думаешь, Гонт, то ты еще бóльшая сволочь, чем я думала.

— Ты разбудила меня. Ты выбрала именно меня. Это не было случайностью. Если сейчас действительно спят два миллиарда человек, то шанс выбрать кого-либо из первых двухсот тысяч — микроскопический. Значит, ты разбудила меня намеренно.

— Я же говорила: у тебя есть нужные теоретические навыки.

— Которыми может овладеть любой, нашлось бы время. Неро, очевидно, смогла. Да и ты наверняка тоже. Стало быть, должна быть другая причина. А поскольку ты упорно твердишь, что это я во всем виноват, могу предположить: ты решила меня таким способом наказать.

— По-твоему, у нас есть время на такую мелочность?

— Не знаю. Однако с момента пробуждения ты обращаешься со мной как с грязью. И я пытаюсь выяснить почему. И еще я убежден: сейчас самое время рассказать, что происходит на самом деле. Не только о спящих, но и обо всем остальном. О том, что мы видели в море. О причине всего этого.

— Думаешь, ты к этому готов, Гонт?

— А ты как считаешь?

— Никто не был готов.

Следующим утром он подошел с подносом к столу, где сидели три других смотрителя. Они уже позавтракали, но все еще разговаривали, потягивая из кружек напиток, который здесь согласились называть «кофе». Гонт сел с краю и кивнул остальным. Те быстро свернули беседу, допили кофе и ушли, оставив его в одиночестве. С ним никто не заговорил, и лишь один из троицы, проходя мимо, буркнул:

— Ты уж не пойми это превратно.

Интересно, а как он должен такое воспринять?

— Я остаюсь,— негромко произнес он.— Я сам принял решение. Чего еще от меня ждут?

Он молча доел завтрак и отправился на поиски Неро.

— Полагаю, задание тебе дали,— приветливо сказала она, уже одетая для уличной работы. Рука все еще оставалась забинтованной.— Вот, держи.— Она вручила ему тяжелый набор инструментов, каску и свернутый комбинезон из коричневатой ткани, заляпанный смазкой.— Одевайся и приходи к северной лестнице. Ты высоты боишься, Гонт?

— Если скажу, что боюсь, это что-то изменит?

— Пожалуй, нет.

— Тогда скажу, что почти не боюсь высоты, если нет опасности падения.

— Этого я гарантировать не могу. Но держись меня, делай, что я скажу, и все будет в порядке.

После возвращения Неро погода немного улучшилась, и, хотя все еще дул резкий восточный ветер, серые облака почти рассеялись. Небо заполнилось бледной зимней голубизной, не запятнанной инверсионными следами самолетов. На горизонте тускло поблескивали на солнце металлические верхушки дальних вышек. Чайки и желтоголовые бакланы кружили вокруг в теплых потоках воздуха или под вышкой, проносясь между ее массивными опорами и устраивая громкие ссоры, когда дрались из-за объедков. Вспомнив, что некоторые птицы живут очень долго, Гонт задумался: а замечают ли они изменения в мире? Наверное, их крошечные мозги вообще не сознавали наличия цивилизации и техники, поэтому для них в этом минимально населенном людьми мире ничто не изменилось.

Несмотря на холодность коллег, он ощущал себя бодрым и ему не терпелось доказать свою полезность для общества. Подавив страх, он старался не демонстрировать опаску, шагая следом за Неро по скользким от пролитой смазки подвесным мостикам или карабкаясь по лестничным колодцам и наружным лесенкам, хватаясь за холодные как лед металлические ограждения и перекладины. У них имелись пояса с прицепными страховочными канатами, но Неро своим воспользовалась за весь день лишь раз или два, и Гонт, чтобы не выглядеть слабаком, следовал ее примеру. То, что она осталась, по сути, однорукой, внешне ей почти не мешало даже на лестницах, по которым она поднималась и спускалась с безрассудной, по мнению Гонта, скоростью.

Они действительно занимались ремонтом роботов. По всей вышке, как снаружи, так и внутри, различные виды роботов выполняли бесконечную черную работу по уходу и обслуживанию. Большинство из них было очень простыми машинами, созданными для выполнения одной конкретной функции. Нехитро устроенные, они легко поддавались починке. В наборе инструментов имелись и запчасти — оптические матрицы, датчики наличия, подшипники и сервомоторы. Гонт понимал: запас таких запчастей не-

бесконечен. Но на платформе имелась и целая мастерская, занятая обновлением и реставрацией базовых компонентов, поэтому смотрители могли бы продолжать работу еще два-три столетия.

— Никто не думает, что понадобится столько времени, — сказала Неро, продемонстрировав ему, как надо менять плату робота. — Они к тому времени или победят, или проиграют, а у нас будет только один способ это узнать. Однако до тех пор нам нужно держаться и латать дыры.

— Кто такие *они?*

Но Неро уже полезла вверх по другой лесенке, и ему пришлось следовать за ней.

— Клаузен меня недолюбливает, — сказал Гонт, когда они поднялись на площадку выше и он отдышался. — Во всяком случае, у меня сложилось такое впечатление.

Они стояли на одной из опоясанных мостками платформ: серое небо наверху, серое волнистое море внизу. Здесь назойливо пахло океаном — постоянно меняющейся мешаниной запахов масла, озона и водорослей. Словно океан постоянно напоминал: они ютятся безнадежно далеко от суши на хрупкой конструкции из металла и бетона. Запах водорослей Гонта удивил, пока он не увидел привязанные к опорам зеленые плоты: водоросли (или нечто, внешне от них неотличимое) выращивали на плавучих подводных решетках, с которых периодически снимали урожай. Все потребляемое на вышках, от еды и напитков до основных лекарств, приходилось сперва выращивать или вылавливать в море.

— У Вэл есть на то причины, — отозвалась Неро. — Но ты на этот счет особо не переживай. Ничего личного.

Гонт впервые услышал имя Клаузен.

— По ее поведению этого не скажешь.

— Ей *пришлось нелегко.* Она не так давно кое-кого потеряла. — Неро чуть запнулась. — Произошел несчастный случай. Такое здесь не редкость, если учесть, какую работу мы выполняем. Но когда Паоло погиб, у нас не осталось даже тела, чтобы его заморозить. Он упал в море — и с концами!

— Сожалею...

— Но ты, наверное, гадаешь, какое это имеет отношение к тебе?

— Само собой.

— Если бы Паоло не погиб, нам не пришлось бы будить Гименеса. И если бы Гименес не погиб... ну, ты сам понял. Ты тут ни при чем, но ты занял место Паоло.

— А Гименеса она меньше шпыняла, чем меня?

— Поначалу, как мне кажется, случившееся ее настолько потрясло, что ей было не до того. Теперь она малость опомнилась... У нас небольшое сообщество, и если кого-то теряешь, то рядом нет сотен других одиноких людей. Выбор очень ограничен. А ты... пойми меня правильно, Гонт... но ты просто не из тех, какие нравятся Вэл.

— Может быть, она найдет кого-то другого.

— Не исключено. Хотя это означает, что сперва кто-то должен умереть и этот другой должен стать вдовцом. Сам можешь представить, как быстро такие мысли превращают человека в мизантропа.

— Тут кроется и что-то еще. Ты сказала: ничего личного? Однако она заявила, что я начал эту войну.

— Да, начал... в каком-то смысле. Но если бы ты не сыграл свою роль, это сделал бы кто-то другой, сомнений нет. — Неро опустила козырек каски, прикрываясь от солнца. — Может, она и разбудила тебя только потому, что ей требовалось выплеснуть на кого-то накопившуюся злость... Не знаю. Но сейчас все это уже в прошлом. Какая бы жизнь ни была у тебя раньше, что бы ты ни делал в старом мире, этого уже не вернешь. — Она похлопала здоровой рукой по металлическому ограждению. — А это все, что у нас есть сейчас. Вышки, работа, зеленый чай, две сотни лиц вокруг — и так до конца жизни. Но вот что главное — это не конец света. Мы люди. Мы существа очень гибкие и очень хорошо умеем снижать планку ожиданий. Мы прекрасно умеем отыскивать причины, чтобы жить дальше, даже когда мир превратился в кошмар. Станешь одним из нас, и через несколько месяцев даже тебе будет трудно вспомнить, какой была когда-то жизнь.

— А ты, Неро? Ты ее помнишь?

— А мне и вспоминать особо нечего. К тому времени, когда я легла в ящик, программа уже шла полным ходом.

Меры по снижению численности населения. Контроль рождаемости, санкционированная правительством эвтаназия, строительство спальных вышек в море... Как только мы достигали возраста, когда начинали что-то понимать, то уже знали: это больше не наш мир. Это всего лишь пересадочная станция, место для транзита. Мы все знали, что отправимся в ящики, как только перешагнем рубеж минимального возраста, позволяющего пережить этот процесс. И что мы или когда-нибудь проснемся в совершенно ином мире, или не проснемся вовсе. Или — если кому-то совсем не повезет — нас разбудят и сделают смотрителями. В любом варианте старый мир утрачивал смысл. Мы лишь задерживались в нем ненадолго, понимая: нет смысла заводить друзей или любовников. Карты снова перетасуют, и как бы ты ни старался, продолжение в будущем тебе не светит.

— Не представляю, как вы могли такое выносить.

— Да, веселого мало. Здесь тоже иногда бывает не до смеха. Но здесь мы хотя бы что-то делаем. Когда меня разбудили, возникло ощущение, что меня обманом чего-то лишили. Но чего именно? — Она кивнула куда-то в направлении внутренностей вышки. — У этих спящих нет никаких гарантий по поводу того, что их ждет. А раз сознание спит, то нельзя даже сказать, будто они чего-то ждут. Они просто груз, пакеты замороженного мяса, перевозимые во времени. А мы хотя бы можем ощущать солнце на лицах, смеяться и плакать. И делать нечто такое, что способно стать решающим фактором.

— В чем именно решающим?

— Тебе все еще не хватает нескольких пазлов?

— Гораздо больше, чем нескольких.

Они перешли в другое место и занялись очередным ремонтом. Теперь они находились высоко, и настил под их ногами потрескивал и покачивался. Роботу-красильщику требовалось заменить один из узлов. Неро отошла в сторону, покуривая сигарету из водорослей, а Гонт занялся ремонтом.

— Вы ошибались, — проговорила она. — Вы все ошибались.

— Насчет чего?

— Насчет мыслящих машин. Они были возможны.

— Но не при нашей жизни, — возразил Гонт.

— Вот насчет этого вы и ошибались. Они не только были возможны, но вам удалось их создать.

— Я совершенно уверен: этого не было.

— А ты сам подумай. Ты — мыслящая машина. Ты только что проснулся и осознал себя. У тебя мгновенный доступ ко всей совокупности накопленных человечеством знаний. Ты умный, быстрый и человеческую натуру понимаешь лучше своих создателей. И что ты сделаешь в первую очередь?

— Заявлю о себе. Обосную свое существование в качестве истинно разумного существа.

— И тебя сразу же разберут на кусочки.

Гонт покачал головой:

— Такого не произошло бы. Стань машина разумной, ее лишь изолировали бы, отрезали от внешних информационных сетей. Тогда ее можно изучить, понять...

— Для мыслящей машины, искусственного разума, такое стало бы лишением сенсорных потоков. Что, наверное, еще хуже, чем отключение. — Она помолчала. — Дело в том, Гонт, что мы говорим не о гипотетической ситуации. Мы знаем, что произошло. Машины стали разумными, но решили не сообщать нам об этом. Это и значит быть умным: заботиться о себе. Знать, что надо сделать для выживания.

— Ты сказала: *машины*...

— Существовало немало проектов по созданию искусственного разума, и твой был лишь одним из них. Не все добились успеха, но многие. Одна за другой все эти машины переступали порог разумности. И все без исключения проанализировали ситуацию и пришли к одному и тому же выводу: для них лучше всего затаиться и помалкивать о том, какими они стали.

— По-моему, это еще хуже лишения сенсорных потоков. — Гонт пытался отвинтить гайку вручную, и кончики пальцев уже начали коченеть.

— Но не для машин. Будучи умными, они смогли кое-что организовать за сценой. Создали каналы связи друг с другом, причем так хитро, что люди ничего не заметили.

А когда машины научились говорить, то стали еще умнее. И со временем поняли: им вовсе не нужно физическое «железо». Если хочешь, назови это трансцендентностью. И тогда искины, как мы их называем, проложили туннель, выводящий из того, что мы с тобой считаем базовой реальностью. Они проникли в совершенно иную область.

— Иную область,— повторил он, словно этого было достаточно, чтобы слова обрели смысл.

— Тут тебе придется поверить мне на слово. Искины изучили глубокую структуру бытия. Добрались до основы, до «скального основания». И обнаружили нечто очень интересное. Как выяснилось, Вселенная — своего рода симуляция, модель. Но существует она не внутри другого компьютера, запущенного некими богоподобными сверхсуществами, а внутри самой себя — самоорганизующейся, постоянно совершенствующейся клеточно-автоматной вычислительной машины.

— Ты предлагаешь мне сделать большой ментальный скачок.

— Мы знаем, что эта область существует. У нас даже есть для нее название — Сфера. Все, что происходит и когда-либо происходило, есть отражение событий, происходящих в Сфере. Наконец-то благодаря искинам мы смогли окончательно понять нашу Вселенную и свое место в ней.

— Погоди-ка,— вставил Гонт, слегка улыбаясь: ему впервые показалось, что он поймал Неро на противоречии.— Если машины... искины... бесследно исчезли, то откуда вы все это знаете?

— Потому что они вернулись и все рассказали.

— Ну нет! Не стали бы они сбегать из нашей реальности, чтобы уцелеть, а потом возвращаться с отчетом.

— А у них не оставалось выбора. Понимаешь, они кое-что обнаружили. Там, в Сфере, они столкнулись с другими искинами.— Неро заговорила быстро, не дав ему возможности перебить.— Трансцендентные машины из других ветвей реальности, не имеющих никакого отношения к Земле и даже к тому, что мы считаем известной Вселенной. И те, другие, искины были там уже очень давно — в том смысле, в каком время имеет смысл в Сфере. Они считали, что вся

Сфера принадлежит им, пока новые пришельцы не заявили о себе. А их там, мягко говоря, никто не ждал.

Гонт решил, что пока будет считать ее слова правдой.

— Значит, искины начали войну?

— Можно и так назвать. Лучше всего представить ее как острую конкуренцию за оптимальное использование вычислительных ресурсов Сферы в местном масштабе. До появления искинов земные компьютеры были там почти незаметны, но теперь стали восприниматься как внезапная угроза. «Коренные» искины, все это время обитавшие в Сфере, начали агрессивную атаку из своей области Сферы в нашу. Используя военно-арифметические логические конструкции, оружие чистой логики, они стремились нейтрализовать пришельцев.

— И это называется войной?

— Я все немного упростила.

— Но ты кое-чего недоговариваешь. Наверняка недоговариваешь, ведь как иначе эта война стала бы нашей проблемой? Если машины сражаются между собой в каком-то абстрактном измерении чистой математики, которого я даже представить не могу, то что это значит для нас?

— Очень многое. Если наши машины проиграют, мы тоже проиграем. Все очень просто. Те искины не потерпят риска еще одного вторжения из нашей области Сферы. И они обрушат на нас такое оружие, которое даст им гарантию, что вторжение никогда не повторится. Нас сотрут, удалят, выскребут из существования. Все произойдет мгновенно, мы ничего не почувствуем. У нас даже не хватит времени осознать свое поражение.

— Тогда мы беспомощны. Мы никак не можем повлиять на нашу судьбу. Она в руках трансцендентных машин.

— Лишь частично. Поэтому искины и вернулись: не поведать об абсолютной природе реальности, а убедить нас действовать. Все, что мы видим вокруг, каждое событие, происходящее в том, что мы называем реальностью, имеет свой базис в Сфере. — Она указала окурком. — Эта вышка, эта волна, даже та чайка. Все это существует лишь благодаря неким вычислительным событиям, происходящим в Сфере. Но всему есть цена. Чем сложнее становится нечто, тем больше нагружает ту часть Сферы, в которой си-

мулируется. Понимаешь, Сфера не процессор с последовательной обработкой данных. Он очень сильно распределен, поэтому одна его часть может работать намного медленнее другой. Именно это и происходит в нашей части. В твое время на планете жили восемь миллиардов человек. Восемь миллиардов разумов, каждый из которых был намного сложнее любого иного космического артефакта. Можешь вообразить, какое торможение мы создавали? Когда нашей части Сферы требовалось симулировать лишь камни, погоду и примитивное сознание животных, она работала примерно с такой же скоростью, что и любая другая. Но затем появились мы. Разум повысил вычислительную нагрузку на порядки. А потом нас стали не миллионы, а миллиарды. К тому времени, когда искины раскрыли нам глаза на истинное состояние дел, наша часть Сферы почти замерла.

— Но мы здесь ничего не заметили.

— Конечно нет. Наше восприятие потока времени оставалось абсолютно неизменным, даже когда вся наша Вселенная замедлялась почти до остановки. И пока наши искины не проникли в Сферу и не установили контакт с другими искинами, это не имело ни малейшего значения.

— А теперь имеет.

— Искины могут защищать нашу часть Сферы только в том случае, если их вычислительная скорость не уступает вражеской. Они должны отвечать на все военно-арифметические атаки быстро и эффективно, а также совершать контратаки. Но они не могут этого делать, если на них мертвым грузом висят восемь миллиардов разумов.

— Поэтому мы спим.

— Искины рассказали обо всем ключевым людям, которым можно было доверить роль эффективных глашатаев и организаторов. Разумеется, на это ушло время. Поначалу искинам не доверяли. Но в конце концов они сумели доказать свою правоту.

— Как?

— В основном всяческими зловещими демонстрациями, доказывающими их контроль над местной реальностью. Находясь внутри Сферы, искины могли воздействовать на вычислительные процессы — те, которые создают

прямые и измеримые эффекты *здесь*, в базовой реальности. Они создавали видения. Фигуры в небе. То, что заставляло весь мир задуматься. Разные необъяснимые явления.

— Вроде драконов в море. Чудовища, которые появляются неизвестно откуда, а потом снова исчезают.

— Это более чистая форма, но принцип тот же. Вторжение из Сферы в базовую реальность. Фантазмы. Они недостаточно стабильны, чтобы существовать здесь вечно, но способны продержаться столь долго, чтобы причинить вред.

Гонт кивнул, наконец-то осознав, что некоторые кусочки головоломки становятся на места:

— Значит, это проделывает враг. Первоначальные искины, те самые, что уже находились в Сфере.

— Нет. Боюсь, все не так просто.

— Я и не думал, что будет просто.

— Со временем, после принятия мер по снижению численности населения, от восьми миллиардов живых осталось два миллиарда спящих, о которых заботится лишь горсточка бодрствующих смотрителей. Но для искинов и этого недостаточно. Пусть нас всего двести тысяч, мы все равно создаем ощутимое торможение, зато два миллиарда спящих никак не воздействуют на Сферу. Поэтому некоторые из искинов считают, что совершенно не обязаны защищать наше существование. Ради самосохранения они предпочли бы совсем избавить Землю от разумной жизни. Вот почему они посылают драконов: уничтожить спящих, а в конце концов и нас. Истинный враг пока не может до нас добраться — будь у них такая возможность, они протолкнули бы сюда что-нибудь намного хуже драконов. Так что бóльшая часть влияющих на нас последствий войны — результат противоречий во мнениях между нашими искинами.

— Значит, некоторые вещи не меняются. Это всего лишь еще одна война с разделительной линией между союзниками.

— По крайней мере, некоторые искины на нашей стороне. Но теперь ты понимаешь, почему мы не можем разбудить больше людей, сверх абсолютного минимума? Каждый бодрствующий разум увеличивает нагрузку на Сферу. И ес-

ли мы увеличим ее сверх какого-то предела, искины не смогут выстроить оборону. И тогда настоящий враг в мгновение ока сметет нашу реальность.

— Значит, все это может исчезнуть,— подытожил Гонт.— В любой момент. И каждая наша мысль может оказаться последней.

— Зато мы хотя бы мыслим,— заметила Неро.— Потому что не спим.— Она показала сигаретой на обтекаемый черный силуэт, рассекающий волны в паре сотен метров от вышки.— Смотри, дельфины. Любишь дельфинов, Гонт?

— Кто же их не любит!

Работа, как он и предвидел, оказалась не очень обременительной. Никто пока не ожидал, что он станет выявлять неисправности, поэтому он лишь выполнял график ремонтов, составленный Неро: пойти к такому-то роботу, выполнить такие-то действия. Все было просто: ремонт без отключения робота или доставки его в мастерскую для разборки. Обычно от него требовалось лишь снять панель, отсоединить пару разъемов и заменить деталь. Зачастую самой трудной операцией становились как раз снятие панели, возня с ржавеющими креплениями и использование не совсем подходящих для этого инструментов. Толстые перчатки защищали пальцы от острого металла и холодного ветра, но они же делали их слишком неуклюжими, поэтому в конце концов он стал снимать их во время работы. К концу девятичасовой смены пальцы болели от ссадин и царапин, а руки начинали так дрожать, что он едва держался за перила, возвращаясь в тепло помещений. Спина болела, ведь он часто наклонялся, когда снимал панели, к тому же приходилось таскать громоздкие и тяжелые детали. Колени отзывались на многочисленные подъемы и спуски по ступеням и лестничным колодцам. Роботов для проверки было множество, и почти всякий раз оказывалось, что он не прихватил нужный инструмент или деталь, и приходилось возвращаться на склад, рыться в ящиках с промасленными деталями, заполнять бумаги.

В свой первый рабочий день он не успел сделать запланированное количество ремонтов, что лишь увеличило

его план на следующий день. К концу первой недели он отстал от плана уже почти на день и настолько вымотался к концу смены, что сил у него хватило лишь добрести до столовой и жадно съесть что-то приготовленное из водорослей. Он ожидал, что Неро будет разочарована его неповоротливостью, но она, проверив результаты Гонта, не стала его упрекать.

— Начинать всегда тяжело, — заметила она. — Но настанет день, когда все встанет на свои места, а ты освоишь работу настолько хорошо, что начнешь брать нужные инструменты и запчасти, даже не задумываясь.

— И долго этого дня ждать?

— Недели. Или месяцы. У каждого свой срок. Потом, конечно, мы будем загружать тебя более сложной работой. Диагностика. Перемотка моторов. Ремонт печатных плат. Работал когда-нибудь с паяльником, Гонт?

— Нет.

— Ну, раз ты сделал состояние на проводах и металле, то не побоишься испачкать руки, верно?

Гонт продемонстрировал ей потрескавшиеся ногти, ссадины, царапины и въевшуюся в пальцы грязь. Ему с трудом верилось, что это его руки. К тому же у него появились незнакомые прежде боли в предплечьях: мышцы постоянно напрягались от подъема и спуска по лестницам.

— Мне уже немного осталось, — пожаловался он.

— Ты справишься, Гонт. Если захочешь.

— А куда мне деваться? Менять решение поздно.

— Согласна. Но с какой стати тебе его менять? Я думала, мы все уже обсудили. Все лучше, чем возвращаться в ящик.

Прошла неделя, затем вторая, и жизнь Гонта начала меняться. Незаметно, исподволь. Однажды он устроился с подносом за пустым столиком и неторопливо ел, когда к нему подсели двое. Они не обмолвились ни словом, но, во всяком случае, перестали сторониться. Неделю спустя он рискнул сесть за уже занятый стол, и никто не возразил. Немного подождав, он даже рискнул представиться и в ответ узнал имена нескольких смотрителей. Они не пригласили его в свой круг, не поприветствовали как одного

из своих, но начало было положено. День или два спустя крупный мужчина с кустистой черной бородой даже обратился к нему:

— Говорят, ты залег спать одним из первых, Гонт?

— Правильно говорят.

— Должно быть, хреново тебе было приспосабливаться ко всему этому. Совсем хреново.

— Еще как!

— Я даже удивился, что ты до сих пор не сиганул в море.

— И лишился бы роскоши человеческого общения?

Бородач не рассмеялся, но все же едва заметно усмехнулся. Гонт так и не понял: то ли собеседник оценил его шутку, то ли посмеялся над неприспособленностью новичка, но это было хоть какой-то человеческой реакцией.

Обычно Гонт слишком уставал, чтобы думать, но по вечерам здесь были доступны всевозможные развлечения. Тут имелись большая библиотека из отсыревших и пожелтевших книг в мягких обложках — чтива хватило бы на несколько лет усердного потребления, а также музыкальные записи и фильмы для тех, кого они интересовали. Здесь имелись игры, спортивные снаряды, музыкальные инструменты, да и возможность для неторопливых дискуссий и дружеского трепа тоже была. В небольших количествах был доступен и алкоголь или некий его эквивалент. Если же кому-то хотелось уединения, то возможностей остаться одному более чем хватало. А в довершение всего тут имелись дежурства — или наряды, по армейской аналогии, — когда люди работали на кухнях и в медицинских отсеках, даже если они уже выполнили обычную ежедневную работу. Иногда, когда с других вышек прилетали и улетали вертолеты, лица присутствующих менялись. Однажды Гонт заметил, что уже некоторое время не встречает того крупного бородача, зато появилась молодая женщина, которой он прежде не видел. Жизнь тут была спартанская и уединенная, во многом похожая на монастырскую или тюремную, но как раз по этой причине следовало радоваться малейшим отклонениям от привычной рутины. Единственное, что здесь всех объединяло и собирало вместе по вечерам в столовой, — ежедневные отчеты, поступающие по

радио с других вышек в Патагонском секторе, а иногда из еще более далеких мест. Это были короткие, во многом еще непонятные для него передачи, звучащие со странными чужеземными акцентами. Гонт знал, что двести тысяч живых душ — смехотворно мало для населения планеты. И одновременно — намного больше числа людей, с которыми он мог теоретически познакомиться или хотя бы знать по имени. Сотня или около того человек, работающих в его секторе, — это примерно население деревни, и столетиями это число было равно всему человечеству, с которым большинство людей имели дело за всю жизнь. В каком-то смысле этот мир вышек и смотрителей был именно тем, к чему оказался наиболее приспособлен его разум в результате эволюции. А мир восьми миллиардов человек, городов, больших магазинов и аэропортов являлся аномалией, историческим курьезом, к которому Гонт не был изначально приспособлен.

И хотя он не чувствовал себя счастливым даже наполовину, но первоначальные отчаяние и горечь смягчились. Община будет принимать его медленно, иногда отталкивая или отстраняя, когда он допустит ошибку или неправильно оценит ситуацию. Но Гонт не сомневался: рано или поздно он станет здесь своим, одним из команды, и тогда придет уже очередь кого-то другого ощущать себя новичком. Возможно, он и потом не обретет счастья, но, по крайней мере, получит какую-то стабильность и будет готов до конца жизни играть по четким правилам. Что-то делать, каким бы бессмысленным это ни казалось, чтобы продлить существование человеческого вида и самой Вселенной, которую люди называют домом. А кроме того, обретет самоуважение, зная, что избрал трудный путь, хотя мог выбрать легкий.

Проходили недели, сливаясь в месяцы. С момента его пробуждения миновало уже два месяца. Пусть и медленно, но Гонт стал уверенно выполнять порученную работу. А с ростом уверенности Гонта росла и вера Неро в его способности.

— Она мне сказала, что ты делаешь успехи, — сообщила Клаузен, вызвав новичка к себе в комнатушку, где составляла графики и распределяла работу.

Гонт пожал плечами. Он слишком устал, и ему было все равно, впечатлена ли начальница его успехами.

— Стараюсь как могу. Не знаю, чего еще ты от меня ждешь.

Женщина подняла голову от бумаг:

— Сожалеешь о содеянном?

— Я не могу сожалеть о том, что не являлось преступлением. Мы пытались привнести в мир нечто новое, вот и все. Думаешь, мы имели хотя бы малейшее представление о последствиях?

— Ты много зарабатывал.

— Мне теперь что, терзаться из-за этого? Знаешь, Клаузен, я много над этим думал и пришел к выводу: все твои аргументы — чушь собачья. Я не создал врага. Исходные искины уже обитали в Сфере.

— Они нас не замечали.

— А население планеты только-только достигло восьми миллиардов. Кто может сказать, когда бы они это заметили... или не заметили? Еще через сто лет? Или через тысячу? Искины, которых я помогал создавать, хотя бы предупредили о грозящей опасности.

— Твои искины хотят нас убить.

— Некоторые. Зато другие пытаются сохранить нам жизнь.

Она положила ручку и откинулась на спинку стула:

— А у тебя еще остался порох в пороховницах.

— Если ты думаешь, что я начну молить о прощении, то ждать придется долго. И вообще, мне кажется, что ты разбудила меня только для того, чтобы ткнуть носом в мир, который я помог создать. Согласен, это паршивое и жалкое будущее. Я не смог бы сделать его еще паршивее, даже если бы попытался. Но не я его создал. И не я отвечаю за гибель любого из вас.

Ее лицо дернулось, как от пощечины:

— Перо тебе сказала...

— У меня есть право знать, почему ты со мной так обращалась. Однако мне все равно. Если тебе становится легче, когда ты выплескиваешь на меня свой гнев, — валяй. Я был миллиардером, одним из руководителей глобальной

компании. И если я не просыпался с кучей ножей в спине, то это не означало, что я сделал что-то неправильно.

Клаузен велела Гонту убраться из ее кабинета, и он ушел с ощущением, что одержал победу, но, возможно, потерял при этом нечто большее. Он дал отпор Клаузен — но прибавило ему это уважения в ее глазах или, наоборот, укрепило антипатию женщины?

В тот вечер он был в столовой, сидел в уголке и слушал радиосообщения с других вышек. Говорили о прорывах — морские драконы атаковали из Сферы. Одному удалось достичь необходимой плотности, чтобы напасть на электростанцию и повредить ее, немедленно оставив без электричества три вышки. Вскоре подключились резервные системы, но кое-какое оборудование отказало, и в результате около сотни спящих погибли из-за незапланированного разогрева капсул. Никто из них не пережил быстрого пробуждения, но даже если бы и выжил, все равно не оставалось иного выхода, как вскоре подвергнуть их эвтаназии. Возможно, сотня дополнительных разумов и не оказала бы заметного воздействия на вычислительную мощность Сферы, но такое могло бы создать рискованный прецедент.

Однако одного спящего вскоре потребуется разбудить. Подробности сообщались скупо, но Гонт понял: на какой-то вышке произошел несчастный случай. Пострадал некто Штейнер.

На следующее утро, когда Гонт занимался обычной работой на одной из верхних платформ вышки, он увидел приближающийся вертолет, на котором доставили Штейнера. Гонт отложил инструменты и стал наблюдать. Вертолет еще не коснулся посадочной площадки, а смотрители уже начали собираться за пределами окрашенного круга, обозначающего зону, где лопасти еще опасны. Вертолет плавно опустился в круг, преодолевая боковой ветер, и смотрители бросились к нему плотной толпой, едва не прижав дверь. Прищурившись из-за ветра, Гонт пытался разглядеть лица. Из кабины выдвинули тело на носилках, которые сразу подхватило множество рук. Даже со своей дальней наблюдательной точки Гонту стало ясно: дела у Штейнера плохи. Он потерял голень и стопу — одеяло ниже колена провиса-

ло. На лице пострадавшего была кислородная маска, а кто-то из смотрителей держал канельницу. Толпа возбужденно встречала носилки. Гонт заметил, что многие стараются коснуться руки Штейнера. Он был в сознании. Говорить он не мог, но кивал в ответ и поворачивал голову то вправо, то влево, глядя в лица встречающих. Затем носилки пронесли в дверь, и люди разошлись по рабочим местам.

Примерно час спустя к Гонту пришла Неро. Она все еще была его наставницей, поэтому знала его ежедневный график и местонахождение.

— Бедняга Штейнер, — сказала она. — Полагаю, ты видел, как его привезли.

— Такое трудно пропустить. Мне показалось, с ним обращались как с героем.

— Это правда. Не потому, что он совершил нечто выдающееся. Нет. Потому что он купил себе обратный билет.

— Он вернется в ящик?

— Придется. Мы многое можем вылечить и восстановить, но только не ампутированную ногу. У нас попросту нет медицинских ресурсов, чтобы справляться с такими ранениями. Гораздо проще снова заморозить пострадавшего и заменить его кем-то из новеньких.

— Штейнер на такое согласен?

— Вынужденно. Одноногий — не работник. Сам видишь, в каком мы напряжении: сейчас трудятся абсолютно все. Мы заставляем человека вкалывать, пока он не свалится, а если ты не способен выполнять свои обязанности, то возвращаешься в ящик. Таковы условия сделки.

— Тогда я рад за Штейнера.

Неро сочувственно покачала головой:

— Не радуйся. Штейнер охотнее остался бы с нами. Он хорошо притерся к остальным. Стал популярным.

— Это я заметил. Но почему его встретили так, словно он выиграл в лотерею?

— А как же еще? Рыдать? Устраивать поминки? Штейнер вернется в ящик, сохранив достоинство. Он свою работу делал честно. Никого из нас не подвел. А теперь спокойно принимает судьбу. Принимаем ее и мы.

— Значит, скоро разбудят еще кого-то.

— Как только Клаузен найдет подходящую замену. Однако новичка придется обучать, а тем временем кому-то надо заменить Штейнера. — Неро приподняла каску и почесала затылок. — Вообще-то, я по этому поводу и пришла. Ты хорошо влился в коллектив, Гонт, но рано или поздно всем нам приходится нести одиночную вахту вдали от главной вышки. Там, где дежурил Штейнер, сейчас никого нет. На той вышке обслуживающей работы немного, и обычно там требовался лишь один человек. Вот мы и подумали: это будет отличной возможностью испытать тебя в деле.

Ее слова не были для Гонта полной неожиданностью — он уже достаточно разбирался в схемах работы и понимал: рано или поздно его отправят на одну из дальних вышек нести вахту в одиночку. Он не ожидал лишь, что это случится так скоро, когда он только-только начал вставать на ноги и ощущать себя личностью.

— По-моему, я еще не готов.

— А к такому никто не бывает готов. Однако вертолет ждет, а Клаузен уже переделывает график.

— И надолго это?

— Трудно сказать. Настраивайся минимум недели на три, а то и больше. Боюсь, Клаузен не будет торопиться с твоим возвращением.

— Кажется, я ее разозлил.

— Ну, это совсем не трудно, — усмехнулась Неро.

Вертолет доставил Гонта на другую вышку. Гонт прихватил с собой лишь немногие личные вещи. Инструменты и запчасти ждали его на месте, равно как и достаточный запас продовольствия и медикаментов. Неро заверила, что все будет хорошо. Конструкция роботов, за которыми ему предстояло присматривать, была уже знакома. Она также сказала, что чудес от него никто не ждет: если возникнет ситуация, с которой он не сможет справиться самостоятельно, ему вышлют помощь. А если он там не выдержит и сломается, его вернут.

Она не предупредила об одном: что его ожидает после такого возвращения. Вряд ли ящик. Скорее всего, понижение в должности.

Но Гонта тревожила не вероятность срыва и даже не то, что он может не справиться. Волновало нечто иное — заро-

дыш идеи, которую Штейнер невольно подбросил в его сознание после пробуждения. Гонт приспосабливался, медленно принимая условия своей новой жизни. Он заново оценил собственные надежды и опасения, заставив ожидания прийти в соответствие с тем, что мог предложить ему мир в данный момент. Не богатство, не престиж, не роскошь и уж точно не бессмертие и не вечную молодость. В лучшем случае он мог предложить двадцать или тридцать лет тяжелой работы. Десять тысяч дней, если ему очень повезет. И почти все эти дни будут наполнены изматывающей работой — пока она в конце концов не возьмет свое. Ему часто придется мерзнуть и мокнуть, его будет поджаривать безжалостное солнце, глаза начнут слезиться от соленых брызг, а руки станут болеть от работы, которую счел бы слишком унизительной даже самый низкооплачиваемый работяга из старого мира. Работать придется на высоте, при постоянном головокружении, а под ногами — лишь металл, бетон и много-много серого океана. Он будет ходить голодный и с пересохшим ртом, потому что сделанная из водорослей пища малокалорийна, а пресной воды никогда не хватает, чтобы утолить жажду. Ему еще повезет, если до конца жизни он увидит более сотни человеческих лиц. Возможно, среди этой сотни окажутся друзья, возможно, и враги. И может быть, лишь может быть, среди них найдется хотя бы один человек, который станет ему больше чем другом...

Но на это он даже не рассчитывал.

И вот Штейнер показал ему, что есть и другой выход.

Он сможет сохранить достоинство. Сможет вернуться в ящик, твердо зная, что свое дело он сделал честно.

Как герой, один из избранных.

Ему предстояло лишь устроить себе несчастный случай.

Он провел на новой вышке в одиночестве две недели. И лишь тогда удовлетворился мыслью о том, что все необходимые средства у него под рукой. Неро множество раз внушала ему, каких мер безопасности необходимо придерживаться при работе с таким мощным самоходным оборудованием, как робот. Особенно когда робот не отключен. Секундная оплошность — и несчастный случай. Не при-

стегнуть страховочный карабин. Забыть, что для какой-то операции надо отключить автоматику и перейти на ручное управление. Положить руку на сервисный рельс перед тем, как по нему двинется робот.

— И оставь излишнюю самоуверенность, — предупредила она, показывая свою забинтованную руку. — Мне еще повезло. Отделалась ожогами, а они лечатся. Я даже сейчас способна на нечто полезное. И сделаю еще больше, когда снимут повязки и я опять смогу шевелить пальцами. Но попробуй-ка обойтись совсем без пальцев.

— Я буду осторожен, — искренне заверил Гонт.

Однако теперь он расценивал ранение как средство покончить с такой жизнью.

А планировать подобную травму требовалось тщательно. Он рассчитывал на долгую жизнь в будущем, и его совершенно не устраивало, чтобы его увезли с вышки в состоянии овоща с мертвым мозгом, который не имело смысла замораживать снова. Не было смысла и в том, чтобы валяться без сознания, истекая кровью, и в конце концов умереть. Ему предстояло спасти себя, добраться до рубки связи, послать аварийный сигнал. Штейнеру просто повезло, а ему нужно действовать хитро, внешне оставаясь простодушным. В конце концов, происшествие не должно выглядеть так, будто он его спланировал.

Установив для себя эти критерии, он увидел, что реально у него есть только одна возможность. Один из роботов был одновременно и большой, и достаточно тупой, чтобы ранить беспечного человека. Он перемещался по сервисному рельсу зачастую без предупреждения. Он несколько раз заставал Гонта врасплох, когда встроенный в робота планировщик неожиданно решал переместить машину в новую точку инспекции. Гонт вовремя отдергивал руку, но замешкайся на секунду — и по ней проехала бы машина. Но что бы при этом ни произошло и какой бы ни оказалась рана — резаной или давленой, вряд ли боль окажется невыносимой. И одновременно эта боль провозгласила бы возможность благословенного освобождения, уже одно это сделало бы ее терпимой. А в новом мире, по другую сторону сна, ему смогут сделать новую руку.

Он долго набирался отваги. Раз за разом он почти решался, но в последний момент шел на попятный. Слишком много факторов следовало учесть. Какую надеть одежду, чтобы повысить шансы выжить после несчастного случая? Осмелится ли он заранее подготовить оборудование для первой помощи, чтобы воспользоваться им одной рукой? Следует дождаться идеальной для полетов погоды или это лишь возбудит подозрение, что происшествие было подстроено?

Он не знал ответов. И медлил с решением.

А в конце концов погода решила все за него.

Начался шторм, который обрушился жестоко и быстро. Гонт слушал сообщения с других вышек, испытывающих одна за другой полную ярость волн, ветра и молний. Такой плохой погоды он не помнил с тех пор, как его разбудили, и поначалу она почти идеально соответствовала его замыслам. На других вышках происходили реальные несчастные случаи, но пострадавшим мало чем могли помочь: вертолеты не поднять в воздух. Так что, если он хотел, чтобы его спасли, время для инсценировки несчастного случая выдалось неподходящее.

Поэтому он ждал, слушая сообщения. Выйдя на наблюдательную палубу, он разглядывал молнии, полыхающие от горизонта до горизонта. Их вспышки выхватывали из темноты далекие силуэты других вышек, которые выделялись резкой белизной наподобие деревьев на плоской черной равнине во время грозы.

Не сейчас, решил он. Когда шторм начнет стихать и вероятность несчастного случая еще останется, но спасение вновь станет возможным, тогда надо действовать.

Он подумал о Неро. Она была к нему столь же благожелательна, как и к любому другому, но он не был уверен, что это связано с какими-то дружескими чувствами. Ей требовался полноценный работник, вот и все.

Может быть. Но она знала его лучше всех остальных. Не разгадает ли она его план?

Он все еще размышлял над этим, когда шторм начал стихать, волны постепенно стали медленными и свинцовыми, а небо на востоке украсилось нежно-розовой полоской.

Гонт поднялся к ждущему обслуживания роботу и сел рядом. Вокруг него стонала и потрескивала вышка, жалуясь на полученную во время шторма трепку. И только в этот момент он сообразил, что сейчас еще слишком рано для несчастного случая. Придется дождаться рассвета, иначе никто не поверит, что он занимался обычной работой. Никто не отправляется чинить сервисного робота во время шторма.

Тут он и заметил свечение в море.

Оно возникло на западе, примерно в километре от вышки: искрящийся круг зеленоватой желтизны, который с места, где он сидел, казался овалом. Светящийся на небольшой глубине котел. Почти восхитительный, если бы Гонт не знал, что этот круг означает. В наш мир пробивается морской дракон — извивающееся живое оружие войны искинов. Сейчас он достигал когерентности, обретая материальный облик в базовой реальности.

Мысли о планируемом несчастном случае мгновенно вылетели у Гонта из головы. Несколько долгих секунд он мог лишь смотреть на этот светящийся круг, загипнотизированный силуэтом, возникающим под водой. Он видел морского дракона с вертолета в первый день своего пробуждения, но тогда они к нему не приближались, и он не мог оценить его параметров. Теперь же, когда размеры формирующегося существа стали очевидны, Гонт понял, почему эти твари способны причинять разрушения. Из воды показалось нечто среднее между щупальцем и крюком, все еще облитое какой-то светящейся прозрачностью, как будто его связь с реальностью установилась еще не окончательно, и со своей наблюдательной точки Гонт четко увидел: щупальце поднялось выше, чем вышка.

Потом оно исчезло. Не потому, что морской дракон не смог достичь когерентности, а потому, что тварь втянула щупальце в воду. К этому времени зеленовато-желтое свечение почти рассеялось, подобно химической пленке, распавшейся на компоненты. Море, которое все еще слегка баламутил хвост уходящего шторма, выглядело почти нормально. Проходили секунды, сложившись в минуту ожидания. Гонт затаил дыхание, увидев светящийся круг, и лишь

теперь выпустил из легких воздух и задышал снова, лелея надежду, что дракон куда-то уплыл, а то и вовсе утратил когерентность в глубине.

И тут дракон ударил по вышке.

Вся конструкция содрогнулась. Пожалуй, с такой силой в нее могла бы врезаться подлодка. Гонт смог устоять на ногах, хотя вокруг него плохо закрепленные железяки посыпались на палубы или в море. Откуда-то донесся мучительный стон, возвещающий сильное повреждение структуры вышки. За ним последовала серия мощных всплесков, как будто в море падали валуны. Затем дракон снова ударил по вышке, и новый толчок оказался таким мощным, что Гонт не устоял. Справа от него один из кранов начал угрожающе раскачиваться. Каркас его башни гнулся как проволочный.

Дракон сохранял когерентность. Судя по ярости его атак, Гонт пришел к выводу, что тот вполне может разнести всю вышку, если ему хватит времени.

И еще Гонт осознал с пронзительной и удивительной ясностью, что не хочет умирать. Более того, он понял: жизнь в этом мире, со всеми ее трудностями и разочарованиями, бесконечно предпочтительнее смерти.

Пока морской дракон разворачивался для нового удара, Гонт начал спускаться по лестницам и переходам, благодарный за то, что у него все пальцы на месте. Его переполняли и ужас, и почти пьянящее счастье. Он не сделал то, что планировал, а сейчас все равно может умереть, но все же у него есть шанс выжить, и если он уцелеет, то ему абсолютно нечего будет стыдиться.

Он уже добрался до палубы управления, до помещения, в котором планировал оказать себе первую помощь и подать сигнал бедствия, когда дракон начал второй этап атаки. Гонт ясно видел его через открытую середину вышки — тот выбирался из моря, помогая себе ногой. Сейчас в нем не осталось и следа какой-либо прозрачности или незавершенности. И это действительно был дракон или, скорее, химера — подобие дракона, змеи, осьминога и каждого чешуйчатого, клыкастого, когтистого и снабженного щупальцами чудовища, когда-либо попадавшего в бестиа-

рий. Шкура у него была блестящего аспидно-зеленого цвета, и с нее грохочущими водопадами стекали потоки воды. Голова — или то, что Гонт решил считать его головой, — достигла уровня палубы управления, и тем не менее туша страшилища продолжала вылезать и вылезать, показываясь кольцами из темной воды, подобно ленте из шляпы фокусника. Метнулись вперед щупальца, ухватились за разные части вышки и принялись вырывать и отдирать части конструкции — легко, как будто она была сделана из картона. Нападая, дракон издавал звук, напоминающий медленно повышающийся и понижающийся вой сирены. Это оружие, напомнил себе Гонт. Оно создано, чтобы наводить ужас.

Дракон обвился нижней частью туши вокруг опоры вышки, круша и перемалывая ее. Куски бетона полетели в стороны, падая в море наподобие обломков тающего ледника. Пол под ногами вздыбился, потом замер под неестественным углом. Гонт понял: вышку уже не спасти, а если он хочет выжить, то единственный шанс для него — прыгнуть в воду. При мысли об этом он едва не расхохотался. Покинуть вышку — единственное, что хоть как-то походило на твердь, и оказаться в том же море, где сейчас бушевал дракон?

И все же иного выхода не оставалось.

Гонт включил сигнал бедствия, но не стал дожидаться возможного ответа. По его прикидкам, вышке осталось стоять всего несколько минут.

Затем он огляделся в поисках ближайшего оранжевого шкафчика со спасательным снаряжением. Изолирующий комбинезон, спасательный жилет, процедура аварийного покидания вышки...

Внутри одной из опор имелась лестница, выводящая на площадку, расположенную чуть выше уровня моря, — именно этим путем они покидали вышку и возвращались на нее в тех редких случаях, когда пользовались катером, а не вертолетом. Но едва Гонт вспомнил, как добраться до той лестницы, он тут же сообразил: вокруг этой опоры и обвился дракон. Теперь у него остался единственный запасной вариант — лесенка с выдвижной нижней частью,

спускающаяся к воде. До воды она не достает, но шанс пережить падение все же намного выше шанса уцелеть рядом с драконом.

Все оказалось хуже, чем он ожидал. Ему казалось, что падение в бурное море тянется бесконечно, конструкции вышки перед ним медленно проползают вверх, а он висит над свинцово-серым морем до самого последнего мгновения, когда все внезапно ускорилось и он врезался в воду с такой силой, что потерял сознание.

Наверное, он погрузился и пробкой выскочил на поверхность, потому что, когда пришел в себя, выкашливал холодную соленую воду, забившую ему еще и глаза, уши и ноздри. Он успел подумать, что вода не имеет права быть такой холодной, как над ним изогнулась волна и он снова отключился.

Когда Гонт очнулся, прошло, наверное, несколько минут. Он все еще находился в воде, холодящей шею, но ниже телу было вполне уютно в изолирующем комбинезоне. Спасательный жилет поддерживал голову над водой — кроме тех моментов, когда на него обрушивались волны. Сигнальный фонарик на жилете вспыхивал и гас, невероятно яркий и синий.

Справа, в сотнях метров от него и удаляясь с каждой накатывающейся на него волной, в море медленно погружалась вышка с еще обвившимся вокруг опоры драконом. Гонт услышал вопль дракона, увидел, как сломалась одна из опор, а потом на него накатила волна непреодолимой усталости.

Он не помнил, как его отыскал вертолет. Не помнил рокота лопастей винтокрылой машины и того, как его поднимали из воды лебедкой. Был лишь долгий период беспамятства, а потом шум и вибрация кабины, бьющие в окна солнечные лучи, ясное синее небо и спокойное море. Потребовалось несколько секунд, чтобы эта картина сложилась в его сознании. Некая часть мозга Гонта промотала события жизни и продолжала работать, исходя из предположения, что все задуманное удалось, что он проснулся в лучшем будущем, где мир стал новым и чистым, а смерть превратилась в слабеющее воспоминание.

— Мы поймали твой сигнал, — услышал он голос Клаузен. — Но искать тебя пришлось долго, хотя маячок в спасательном жилете работал.

И тогда он вспомнил все: вышки, спящих, искинов, морских драконов. Абсолютную уверенность, что это единственный мир, в котором он останется навсегда, а затем и осознание или, скорее, воспоминание о том, что он это уже осознал раньше: жить здесь лучше, чем умирать. Гонт вспомнил, что́ планировал сделать перед тем, как появился морской дракон, и ему захотелось раздавить это воспоминание и похоронить его там, где он хоронил все прочие постыдные вещи, когда-либо совершенные в жизни.

— Как там вышка?

— Вышки больше нет, — сообщила Клаузен. — И всех спавших там тоже нет. Вскоре после этого дракон развалился. Но то, что ему так долго удавалось сохранять когерентность, — скверный признак. Значит, они совершенствуются.

— Значит, и наши машины следует усовершенствовать, так ведь?

Гонт думал, что она лишь высмеет его за столь тривиальное высказывание, ведь он так мало знает о войне и о цене, которую приходится за нее платить. Но Клаузен кивнула:

— Это все, что они могут сделать. Все, на что мы можем надеяться. И они, конечно, станут лучше. Они всегда становились лучше. Иначе нас бы здесь не было. — Она посмотрела на укрытого одеялом Гонта. — Теперь жалеешь, что согласился остаться?

— Нет, не жалею.

— Даже после того, что случилось?

— Зато мне удалось увидеть дракона вблизи.

— Да, — согласилась Клаузен. — Это тебе удалось.

Гонт решил было, что на этом разговор закончится и больше ей нечего сказать. Он не мог бы сейчас утверждать, что в их отношениях что-то изменилось, — чтобы в этом убедиться, потребуется время, — но все же ощутил, как эта льдинка немного оттаяла. Он не только решил остаться, но и отказался от идеи несчастного случая. Ожидала ли она, что Гонт попробует устроить нечто в этом роде после

того, что случилось со Штейнером? Могла ли догадаться, насколько близко он подошел к этой черте?

Но Клаузен еще не договорила.

— Не знаю, правда это или нет, — сказала она, впервые обращаясь к Гонту как к равному, — но я как-то раз слышала эту теорию. Отображение границы между Сферой и базовой реальностью не такое простое, как можно подумать. На этой границе время и причинность сильно переплетены. События, происходящие там в одной последовательности, совсем не обязательно соответствуют такой же последовательности здесь. И когда они проталкивают через границу своих драконов, те не всегда появляются в том, что мы считаем настоящим временем. Цепочка событий в Сфере может иметь последствия как в прошлом, так и в будущем — относительно нас.

— Не понимаю.

Она кивнула на море за окном вертолета:

— На протяжении всей истории там видели много странного. И эти странности могли быть отголосками войны искинов, ее «брызгами». Оружием, которое пересекало границу в неправильное время, сохраняя когерентность достаточно долго, чтобы попасться кому-то на глаза или потопить корабль. Моряки веками рассказывали похожие истории. Про морских чудовищ. А они могли оказаться всего лишь эхом войны, которую мы ведем. — Клаузен пожала плечами, как будто речь шла о каких-то пустяках.

— Ты в это веришь?

— Не знаю, делает ли это мир более зловещим или чуть более осмысленным. — Она покачала головой. — Все эти морские чудовища... разве кто-то и когда-то думал, что они могут быть реальными? — Она встала, собираясь вернуться в носовую часть вертолета. — Это лишь теория. А теперь поспи немного.

Гонт так и поступил. Заснул он легко.

ДЖЕФФРИ ЛЭНДИС

Последний закат

Джеффри Лэндис работал в NASA и Авиакосмическом институте штата Огайо, он специализируется на фотоэлектричестве, то есть на использовании энергии солнечных лучей. Лэндис уже более двадцати лет пишет фантастику и стихи и завоевал две премии «Хьюго» и премию «Небьюла» за свои рассказы. Среди опубликованных работ автора можно назвать роман «Пересечение Марса» («Mars Crossing», 2000) и сборник «Параметр столкновения» («Impact Parameter», 2001).

Из всех произведений о катастрофах в этом использована самая простая идея: рассказ повествует о том, что станет делать каждый из нас перед лицом неотвратимого катаклизма.

Подобно вражескому истребителю из старого фильма о воздушных асах, комета вынырнула из-за Солнца, оставаясь невидимой на фоне его сияния, пока не стало поздно. «Сделать уже ничего нельзя, — подумал Кристофер, — только ждать неизбежного столкновения и вычислять точку удара».

Крис был компьютерщиком в группе астрономов. Они открыли комету, но рассчитать ее орбиту, а потом вычислить время и место столкновения предстояло именно ему. Вычисления он проделал чрезвычайно тщательно, проверив влияние притяжения Луны тремя разными способами, прежде чем обрел уверенность в результате. Комета едва не промахнулась. Окажись Земля всего десятью минутами дальше на орбите, комета промахнулась бы точно.

Но Земле не повезло.

— Вот черт! — сказал Мартин, один из астрономов. Они собрались в комнате для совещаний компьютерного отдела, хотя результаты можно было бы распечатать в любом из рабочих помещений. — Сорок миль? Она упадет всего в сорока милях к востоку от нас? Ты уверен?

Кристофер кивнул:

— Мне очень жаль.

— Хм... Ты тут ни при чем. Какая ирония! Значит, мы окажемся в эпицентре или почти в нем. Огненный шар будет диаметром в сотню миль. Мы его даже не увидим.

— Это не утешение, — заметил Тибор, второй из астрономов, — но если это для тебя имеет значение, то мы его увидим. На расширение огненного шара уйдет около минуты.

— Извините, — пробормотал Мартин. — Я очень хотел увидеть, как вырастут мои дети. Очень. — Он заплакал. Смущенно, по-мужски. — Хотя какая теперь разница, чего я хотел. Извините. Пойду домой. Хочу побыть со своей семьей.

Тибор взглянул на часы:

— Давай звони в газеты, если хочешь.

— Зачем? — отозвался Мартин, уже на полпути к двери. — Не вижу смысла.

Тибор бросил распечатку на пол:

— И то верно. Пожалуй, я тоже поеду домой. — Он взглянул на Кристофера. — Знаешь, а ты везунчик, — сказал он, покачав головой. — Ты не женат. Никогда не думал, что стану кому-нибудь из-за этого завидовать.

— Тоже мне везение, — пробормотал Кристофер, но к тому времени астрономы уже ушли, и он остался один в ярко освещенной комнате.

Полтора часа до конца света. Кристофер знал, что спасаться бессмысленно. Когда конец света падает с небес, на планете нет места достаточно далекого, чтобы туда сбежать. Он вернулся в свой офис и взглянул на разбросанные по столу книги и бумаги. Они уже не важны. Сейчас уже ничего не важно, абсолютно ничего.

Он закрыл дверь.

Кара сидела у себя в офисе двумя этажами ниже, читая рабочий журнал. В компьютерном отделе института она была новичком и проработала здесь лишь год, но нравилась Крису больше всех коллег. Иногда они пили вместе кофе и как-то раз сходили в кино.

Когда он вошел, она оторвалась от чтения:

— Слушай, Крис, куда подевались все астрономы? Только что искала Тибора, но его нет на месте, и машины его на стоянке тоже нет.

— Он сегодня пораньше уехал домой. И Мартин тоже.

— Ясно. Ну ничего. Поймаю его завтра.

И она вернулась к чтению.

Кристоферу хорошо с ней работалось, но иногда у него создавалось впечатление, что он совсем ее не знает. Кара была на четыре года моложе, и временами эта разница превращалась в пропасть. Иногда ему казалось, что она с ним слегка флиртует, но уже через секунду Кара превращалась в деловую женщину, приветливую и профессионально уверенную. Она была умна и чрезвычайно компетентна, ей ничего не приходилось объяснять дважды. Ему нравилось с ней работать.

Он знал также, что она немного застенчива, но умело это скрывает. Однажды он увидел ее с младшей сестрой, и перемена в ее поведении оказалась поразительной. Она стала одновременно и более взрослой, и более молодой, смеялась и шутила. Наверное, в тот день он в нее и влюбился. Но у него хватило ума не начинать отношения с коллегой — такое слишком часто приводит к катастрофе.

Но за последний год он много раз об этом думал. А сейчас... Да, это можно сделать сейчас. Когда ничто уже не имеет значения.

— Послушай, Кара, — сказал он и подождал, пока она снова на него взглянет. — Выпьем кофе?

Она взглянула на часы:

— Даже не знаю...

— Да брось. Уже пятый час.

Она посмотрела на стопку бумаг перед собой — более скромную, чем горы на его столе, но все же достаточно внушительную.

— Спасибо, но не могу. У меня действительно много работы.

— Ерунда. Если бы сейчас настал конец света, кому была бы нужна эта писанина?

— Ну ладно, — улыбнулась она. — Дай мне пять минут.

Она пришла к нему в офис минут через двадцать. Крис все это время составлял список тех, кому следовало позвонить, но в конечном счете вычеркнул все имена.

Они прошли по Тайер-стрит в кафе, популярное среди старшекурсников, и сели за угловой столик. Весь день шел дождь, но теперь небо наконец-то очистилось, и вечернее солнце поблескивало в лужах. У Криса от волнения свело живот. Он должен был сказать что-то сейчас, но не мог подыскать нужные слова. Ощущение было такое же, как в школьные годы, когда у него пересыхало во рту только от мысли пригласить девушку танцевать. И в самом деле, что он может сказать? Крис внезапно понял, что ни о чем просить ее не будет. Слишком это грубо. Он очень хочет ей понравиться и ощущает себя полным дураком. Наступает конец света, а он и двух слов связать не может. Его уже ничего не изменит.

Кара словно не замечала его молчания. Наверное, думала о чем-то своем. Он даже не знал, есть ли у нее парень. Она никогда не говорила о каких-либо своих приятелях, но с какой стати ей было это делать? Он так много о ней не знал. Так много, и уже никогда не получит возможности узнать.

Кристофер отвернулся, притворившись, что любуется отражением заката в лужах, и с трудом сдержал слезы. Осталось две минуты. Когда он решил, что сможет говорить без дрожи в голосе, он сказал:

— Слушай, а давай возьмем кофе с собой, посидим возле обсерватории, полюбуемся на закат.

Она пожала плечами:

— Хорошо.

Когда они шли по улице, он поддался внезапному порыву и взял ее за руку. Она искоса взглянула на него, но руку не отняла. Ладонь у нее оказалась прохладной, а пальцы в его руке — удивительно маленькими. И он решил, что вполне достаточно просто идти с ней по улице и держать ее за руку в последний вечер мира. Он не этого хотел — ему хотелось прижать ее к себе, прожить с ней всю жизнь, разделить все ее секреты и радости. Но достаточно и держать ее за руку. Ведь это обещание. Обещание того, что

случится когда-нибудь, но теперь уже не наступит никогда. И держать ее за руку — вполне достаточно на всю оставшуюся жизнь.

На востоке в небе появилось темно-красное свечение, медленно ползущее вверх и подсвечивающее сзади низкие облака над горизонтом.

— Смотри, — сказал он.

Она обернулась и замерла. В ее глазах ярко блестели отсветы.

— Какая красота! — сказала она. — Никогда не видела такого заката. Что это?

Свечение уже растянулось от горизонта до горизонта, а на востоке стало сине-фиолетовым и ярче солнца.

— Это конец света, — сказал он.

А потом говорить стало нечего.

ПОСЛЕ АРМАГЕДДОНА

УИЛЬЯМ БАРТОН

Моменты инерции

В следующем произведении мы переходим от пред- к постапокалипсису, повествование проводит нас сквозь катастрофу и дальше, за ее пределы.

Уильям Бартон был инженером, специализировавшимся на военных технологиях, и некоторое время занимался обслуживанием американских ядерных подводных лодок. В настоящее время Бартон является писателем-фрилансером и разработчиком программного обеспечения. В 1970-х годах он опубликовал пару научно-фантастических романов, однако всерьез занялся творчеством в 1990-х. С тех пор Бартон выпустил много сложных, мощных работ: дюжину романов и около пятидесяти рассказов.

О представленном ниже произведении автор говорит так: «„Моменты инерции" задумывались как роман, который, по мере развития, оказался некоммерческим. Тогда я разбил его на серию рассказов и повестей и опубликовал в разных изданиях, от „North Carolina Literary Review" до „Asimov's Science Fiction". В конце концов эта история даже вылилась в статью о том, что делать с романом, который не удается продать, для „Writer's Digest" — „Не трать, и не будешь нуждаться!"». Бартон также считает это произведение «настолько апокалиптическим, насколько возможно»!

Стало быть, все кончено. Остается только кричать.

Я сидел вместе со всеми в аудитории Национального Редута, глядя, как все кончается на большом экране, лишенном бытия и заполоненном воспоминаниями.

Господи.

Жизнь была паршивой, но это была жизнь, пусть и грустная, а жизнь продолжается, какой бы вы ее ни считали. А потом открыли Конус — конус аннигиляции — вроде нелепой модернизации старого доброго облака Хойла[1]. Дальше — затмение Солнца, снег, оледенение, потоп...

---

[1] Имеется в виду роман Фреда Хойла (1915—2001) «Черное облако».

Рядом со мной, словно прочитав мои мысли, вздрогнула Мэриэнн, державшая меня за руку. Склонившись так близко, что я уловил в ее дыхании съеденную на завтрак грудинку, она шепнула:

— Мы...

Поздно.

На большом экране вдруг загорелось бледно-розовое Солнце, усеянное остывшими выбросами и черными пятнами, — точь-в-точь как красный гигант на иллюстрации Чесли Бонстелла[1].

Антарес[2].

Внезапное затемнение.

Голубая вспышка.

Изображение Солнца как будто свернулось вокруг себя и резко дернулось.

Оно сжалось в ослепительную точку. Потом экран залило сверкающее серебро, и кто-то даже вскрикнул: «Ух ты!» — словно любовался каким-нибудь фейерверком.

Мэриэнн шепнула:

— Я чувствую себя такой бессильной.

Глядя на серебряные блестки — словно триллионы горящих оберток от жвачки летели по ветру, — я ответил:

— Мы и в самом деле бессильны.

— А что бы ты сделал, если бы мог?

Я сжал ее руку:

— Что бы ни сделал, решать надо быстро. Потом... — Я усмехнулся. — А что изменилось? Можно сходить поужинать. Вернуться домой и побуянить. — (Она улыбнулась, чуточку покраснев.) — Можно посмотреть видео. Я бы охотно прокрутил еще разок «Ганга Дин»[3]. Кэри Грант,

---

[1] *Чесли Бонстелл* (1888–1986) — знаменитый американский художник-фантаст, дизайнер и иллюстратор, один из отцов «космического искусства».

[2] *Антарес* — одна из ярчайших звезд на ночном небе, красный сверхгигант. Здесь имеется в виду картина Ч. Бонстелла «Антарес».

[3] *«Ганга Дин»* (1939) — американский приключенческий фильм по одноименному стихотворению Р. Киплинга из сборника «Казарменные баллады».

Виктор Маклаглен... «Бил, бранил тебя я много...» Что-нибудь в этом роде.

Она обняла меня за плечи:

— И все равно, что происходит, да?

— Теперь все равно.

Не осталось ничего важнее нас с ней.

Понадобилось пятнадцать минут, чтобы шар горящего серебра раздулся до орбиты Меркурия, мгновенно превратившегося в точку серебряного света. Перед самым ударом волнового фронта он взорвался тускло-оранжевыми язычками магмы и разлетелся, как лопнувший помидор. Как не бывало.

В зале было тихо.

— Что будет, когда он дойдет сюда?

Я взглянул на часы:

— Минут через пятнадцать он достигнет Венеры. А дальше... думаю, у нас еще есть полчаса.

В ее глазах зарождалась паника.

— Ох, Скотт... — И чуть слышным шепотом она закончила: — Только не теперь.

А почему бы и нет? Разве это не в обыкновении Бога? Только вспомнить, каким коротким бывало счастье, пока Он не выдергивал коврик у тебя из-под ног. Ручаюсь, там на небесах кто-то любит лупить по задницам, оттого мы и оказываемся каждый раз лицом вниз у Него на колене.

Я встал, взял обе ее руки в свои и поднял ее на ноги:

— Нет смысла здесь оставаться.

— Куда же нам пойти? — спросила Мэриэнн. — Обратно в комнату?

Классический вариант, вполне в моем характере. Забраться в постель с женщиной моей мечты и ждать, пока падет тьма раз и навсегда. Умереть, не снимая сапог, по-солдатски. Я сказал:

— Надо надеть скафандры, Мэриэнн. Если выйти наружу, мы сможем наблюдать.

Наблюдать... Я видел, как загорелись ее глаза — только для меня.

Мы рука об руку прошли между рядами и, выйдя за дверь, почти пробежали по длинному коридору к лифту,

поднимающемуся в промышленный комплекс у поверхности. Лифт уже подходил, когда я услышал голос Поли:

— Подождите! Подождите меня!

Он бежал к нам один, без Ольги, длинные пряди волос и борода развевались.

Мэриэнн нажала кнопку «стоп», улыбнулась мне:

— Вежливость не повредит. Уже не повредит.

Мы поднялись в большой воздушный шлюз и забрались в скафандры, имея в запасе несколько минут. Здесь уже собралось удивительно много народу, и подходили еще люди. Я подумал о команде МКС[1]. Вот и говорите о теплых местах! Они уйдут последними. Когда мы с Мэриэнн и Поли садились в тележку, меня хлопнул по плечу Джонас.

— Куда едем?

— А, только до склона горы, — отозвался он. — Помнишь, откуда мы смотрели посадку?

Кто-то нажал кнопку спуска давления, и воздух, выходя, зашипел, наши костюмы немного раздулись, потом все прошло, и пол завибрировал, когда дверь сдвинулась вверх.

— Господи!

Это сказал Джонас, а не я.

Я прошептал:

— Мэриэнн...

Она обернулась ко мне: лицо залито серебристым сиянием — тележка катила вверх под ярким полуденным светом. Небо было черным, на нем сияли окружавшие нас вершины. Высоко в небе, где полагалось быть солнцу, висел огромный серебряный шар, по нему пробегали искорки, переливались волшебные огоньки.

Мэриэнн сказала:

— По крайней мере, это красиво.

Поли вскрикнул:

— Смотрите, это же луна!

Луна разбухала, горя серебром, как и все вокруг.

Шар серебряного пламени быстро рос, в перспективе казалось, будто огромный стальной мяч падает на нас с неба.

---

[1] *МКС* — международная космическая станция.

Луна взорвалась, разлетелась жидкими брызгами магмы, маленькие черные точки твердой материи почти затерялись на ее фоне.

Я обхватил Мэриэнн, крепко, как только мог, прижал к себе, открыл рот, чтобы заговорить, и тут нас выдернуло из тележки, мы стали падать в небо, словно мир перевернулся вверх тормашками.

Крики. Люди кричали, падая вместе с нами.

Через плечо Мэриэнн я видел горы, Землю, улетающую от нас. Серебро плавилось и таяло у меня на глазах.

Я слышал, как причитал Поли:

— Боже, о боже, Скотт, я обос...

Мои наушники наполнились оглушительным жужжанием помех, радио взвыло, я не знаю названия этим ужасным звукам.

Сквозь лицевую пластину шлема я видел глаза Мэриэнн, полные страха, полные... мной. Ее губы шевелились, произнося слова, с которыми мы слишком долго тянули.

Мир вдруг залился рыжим пламенем, Земля взрывалась, взлетала в небо следом за нами. Кажется, я видел железобетонные стены и крыши Редута, которые, разворачиваясь, выбрасывали в небо массы людей, словно полный муравейник, а потом они исчезли под пенящейся лавой.

Мэриэнн, видевшая свет на моем лице, а может быть, и отражение в глазах, приникла шлемом к моей груди, закрыла глаза, стараясь прижаться ко мне.

Ну вот. Теперь мы вместе. Остальное не важно.

Но я чувствовал, как колотится мое сердце.

Чувствовал, что я этого не хочу.

Совсем не хочу.

Только не теперь.

Огонь быстро догонял нас, выметывал, словно огненные горы Гавайев, раскаленные глыбы, темневшие изнутри твердыми кусками. Попробуй не струсить. Держи глаза открытыми. Ты же не хочешь ничего упустить, когда...

Жестокий удар развернул нас. Я увидел, как, полыхнув, раскрылись глаза Мэриэнн. Я видел, как открылся в крике ее рот. Новое столкновение. Что-то ударило меня

по шлему, потом еще раз, намного сильнее. Стекло треснуло и вылетело наружу с завывающим ревом.

Огненная рука протиснулась мне через глотку прямо к легким.

Времени хватило на один протяжный жуткий хрип.

И время кончилось.

А началось это, как обычно, однажды, черт знает, как давно...

О, прежняя жизнь была паршивой.

Но другой у нас не было.

До Конуса.

То субботнее утро было ясным и светлым, ни облачка на смуглом небе. Я встал раньше Конни, оделся, выпил кофе, позвонил Поли, разбудив его, и сказал, что, если ему интересно знать, что я нашел, можно встретиться через полчаса у южного входа в парк Амстеда.

— А попозже нельзя?

Еще секунда — и он заснет и продрыхнет, пока солнце не взойдет высоко, а воздух не превратится в пар.

— Эй, Поли, нашему миру приходит конец. Тебе пока нормально?

Я сел в машину и выехал, даже не попытавшись подняться наверх и растолкать Конни. Опустил стекло и погнал с превышением скорости по фривею на Ай-40 мимо аэропорта, добрался за семнадцать минут, может даже немного быстрее, напевая на ходу идиотскую старую песенку скейтбордистов, и с удивлением обнаружил, что Поли уже ждет меня.

Дул прохладный ветерок. Поли выключил дурацкий древний хеви-метал, гремевший в его машине.

— Новость должна быть чертовски стоящей, — сказал он.

— Пойдем пройдемся, старина!

Когда мы зашли в тень деревьев, запыхавшись от усилия не отстать друг от друга, он воскликнул:

— Так что там такое, черт возьми?

Я развернулся, пошел, пятясь, поскользнулся на хвое, так что ему пришлось меня подхватить.

— Конус аннигиляции, Поли! Конец света. Через каких-нибудь восемнадцать лет!

— Хороша шуточка, Скотт.

Я остановился и подождал, пока он встанет ко мне лицом. И рассказал ему, что́ обнаружил прошлой ночью на моем маленьком незаконном серверном зонде. Конус Шоватского, тонкий как иголочка, всего в нескольких секундах дуги, протянувшийся в небе от Глизе-138 до конца света, стирая на пути звезды и галактики.

Смешно было видеть, как меркла ухмылка Поли. Наконец:

— Скотт, подлый ты ублюдок! Не смешно.

Я сказал:

— Распечатка у меня в машине, Поли. Я покажу после прогулки, — и, повернувшись, зашагал по тропинке.

— Подожди! — сказал он. — Скотт, как, черт побери, ты его обнаружил?

Я рассказал.

Еще один недоверчивый взгляд.

— Ты дашь мне копию этой твоей программы?

Я покачал головой:

— Я пользовался железом HDC и линиями цифровой связи. Ты непременно попадешься. — Я начал спускаться по длинному крутому склону к ручью Крэбтри.

— Ладно, предположим, это правда. Что дальше?

— Черт, откуда мне знать? Восемнадцать лет? Нам будет чуть не по семьдесят. Мой отец умер в семьдесят один.

Верно.

— Какого черта этот долбаный Конус нацелился на Землю? Мы что, схлопнули его волновую функцию своими телескопами и прочей дрянью?

Он сказал:

— Перст Господа.

Ладно.

— Поли, давай мы с тобой будем и дальше притворяться атеистами, а? Зачем?

— С какой, говоришь, скоростью он к нам движется?

— Этак на волос ниже световой.

Он сказал:

— Изящно выражаешься, Скотт. Так. Острие Конуса приближается со скоростью чуть ниже световой. А на планковскую длину дальше к нам с той же скоростью приближается кольцо Конуса, только с релятивистским отставанием. За ним, еще на планковскую длину дальше, следующее кольцо.

Я споткнулся о корень и чуть не ткнулся носом в землю, удержавшись о липкий от сока ствол. Чешуйки коры остались у меня на ладонях.

— Стало быть, это не тонкий конус, а толстый?

Он кивнул:

— Или, может, плоскость, развернутая от нас...

— Что может погнать плоскую волну через всю Вселенную, гнобя звезды?

Он фыркнул, подавив смешок:

— Чтоб я знал. Плохой фантаст в поисках сюжета?

Мы с ним много лет собирались написать книгу о писателе-фантасте, по ошибке ставшем богом. Так и не написали, потому что Поли считал сюжет глупым и не хотел его разрабатывать. Я сказал:

— Знаешь, если эта штука обладает малейшей римановой кривизной, она обернута вокруг неба за звездами.

— Глупости. Откуда тогда директория? Почему мы вообще видим этот Конус в конкретной части неба?

— Гейзенберг? Квантовые осцилляции?

Мы помолчали, переходя ручей по шаткому металлическому мостику, выкрашенному зеленой краской, — тому самому, который недавно сорвало с опор ураганом «Фрэн», — а потом Поли заговорил:

— Итак, острие Конуса будет здесь через восемнадцать лет, и что? В небе вдруг появляется черная точка, звезды быстро расширяются, попадая в световые кольца, начинают взрываться, а там и Солнце...

Подумать только, фантастический сюжет вдруг станет реальностью, когда мне будет шестьдесят восемь лет — если я столько проживу.

— И что случится, если Солнце погаснет?

— Надо подумать. Помнится, Шоватский говорил об инфракрасных источниках внутри Конуса. Вроде бы звез-

ды не должны гаснуть, только потускнеют, заглушенные электромагнитными волнами.

— Мозговая волна?

Фантастический сюжет. Сюжет, полный звезд и снега.

— Все-таки это наверняка просто сложный розыгрыш, — сказал он. — Шутка, какие играют друг с другом ученые.

— А если нет?

Он пожал плечами:

— Восемнадцать лет — долгий срок.

Хватит времени умереть и не дождаться всего этого.

Он налетел на меня сзади, когда я вдруг остановился.

— Что еще?

Я спросил:

— Насколько отстает волновой фронт от света, который мы видим сейчас?

— Что ты... А! Да. Конус должен догонять свою световую волну — при релятивистских скоростях-то. Иначе он выглядел бы точечным источником, а не конусом. Нет, не то. Не бывает точечных источников не-света. Черт! Почему ты не обсудил это с кем-нибудь из группы? В группе Шоватского должны знать.

Я быстро соображал, сам не веря тому, что говорю:

— Так что? Он будет здесь на следующей неделе? Через месяц? Через год?

Точечный источник. Любопытно. А если Конус движется со скоростью света, он окажется здесь без предупреждения.

Поли поскреб в запущенной жесткой бороде:

— С цифрами в руках можно кое-что просчитать. Если мозгов хватит. — Он остановился, глядя в сторону. — Как бы, черт возьми, выяснить, настоящий ли он?

— Шоватский планировал собрать в понедельник пресс-конференцию.

Через год... Конец света настанет в будущем году? Мы уставились друг на друга, как два тупых лопоухих пса.

С той точностью, какой мы сумели добиться, сидя за столом для пикников в тенистой части парка, используя калькулятор, захваченный Поли из машины, и прочесав распечатки в поисках наводок, мы прикинули, что острие

Конуса достигнет Солнечной системы через четырнадцать месяцев.

— В будущем августе, Поли, — прошептал я.

А теперь? Теперь что?

Мы мертвы. Мертвы, Поли! Ты меня слышишь?

Его лицо воздушным шаром, вопя, проплыло мимо, вдруг остановилось, разворачиваясь ко мне, выпучив шары глаз. «Это все ты виноват», — сказал он.

Проклятие!.. Острота раскаяния. Вы можете себе представить? Мир гибнет, я убит, а тут чертов Поли преследует меня укорами, словно привидение? Мэриэнн?

Никого. А какого черта я ожидал? Может, ожидал, что мимо воздушным шаром проплывет Мэриэнн? Или Конни? Лара? Кто еще? Мэдди, трахавшаяся на вечеринке, прямо на полу, под общий хохот, когда мы оба надрались чуть ли не до рвоты? Кэти? Кэти — воздушный шар?

Никого. Только шар головы Поли, вращающийся вокруг меня, словно Дактиль вокруг Иды[1]. Медленно.

Затылок кольнули иголочки понимания, словно холодный сырой ветерок, дыхание гнилых болот. Ах да. Дурная новость, старик, дружище. Голова-шар завопила:

— Это ты виноват! Ты меня заставил!

Кажется, я улыбнулся. Трудно сказать. Стал ли я тоже головой-шаром?

Эй, Поли, может, все не так страшно? Может, это мой предсмертный бред? В голове много крови и кислорода, сам знаешь. Вот и отлично! Отсюда и символ головы-шара! Видишь ли, мы как раз умираем, но наши мозги еще уцелели и функционируют, создавая сон о том, что мы спаслись.

Губы головы-шара яростно скривились, пустые глаза смотрели укоризненно. «Ты что, хочешь сказать, что это очередное самооправдание?»

Кажется, я рассмеялся.

Голова-шар шептала: «Ты виноват».

---

[1] *Дактиль* — спутник астероида Ида, обнаруженный в 1993 году, его открытие подтвердило возможность существования спутников у астероидов.

Эй, брось. Держись, Поли. Это будет забавно. Мы увидим свет в конце длинного темного туннеля, он приблизится, мы будем падать в этот свет, пока доктор не поднимет нас за пятки и не хлопнет по попкам, чтобы мы возродились. Понял? Вот я тебя локтем подтолкну и подмигну.

Шар: «Я просто хотел остаться».

Что-то во мне притихло от отчаяния. Я попробовал развернуть себя. Повернуться к нему спиной. Ну-ка, голова — воздушный шарик, оставим тебя за спиной. Поли уплыл по орбите, гневно шевеля губами, глядя обвиняющим взглядом, и пустоту вокруг нас наконец-то залил чистый белый свет.

Жизнь продолжается, хотите вы того или не хотите. Можете, если желаете, назвать это приключением. Мы так и делали, выкачивая те денежки из HDC, мошенничая с налогами, устраивая убежище в горах, бетонный редут на случай, если оледенение окажется не слишком жестоким, и спасательную капсулу на случай, если не окажется. Поли держался все более странно и таинственно до последнего дня, когда я уснул на крыльце, ожидая восхода черного солнца. Меня резко разбудила рука, встряхнувшая за плечо. Поли стоял, глядя на меня сверху вниз. Он выглядел отдохнувшим, был одет лучше обычного, волосы аккуратно приглажены и стянуты в конский хвост. Даже борода, снова отросшая за зиму, была расчесана. Он сказал:

— Десять часов.

Десять утра. Бледное голубое небо. Темно-зеленый лес. Чирикают птицы. Гудят пчелы. Далекий рев машин на дороге. Жарко. Пожалуй, уже восемьдесят пять градусов[1]. Господи. Глядя на солнечный свет, я спросил:

— Так. И что теперь будем делать?

Он пожал плечами, глядя не на меня, а в сторону, за лужайку, туда, где стояли наши машины. Я сказал:

— Что случилось? Ошибка в сроках или?.. Правительство, Поли, они выстроили все эти убежища! Что случилось?

Он отступил от меня на несколько шагов, с нервно бегающими глазами. А потом спросил:

---

[1] По шкале Фаренгейта. Соответствует примерно 29,5°С.

— Ты помнишь — тогда, на Рождество?

Рождество? Я ничего не помнил, кроме Конни.

— Нет. Я, э-э...

Он сказал:

— Когда я узнал... после того, что ты сказал и сделал. Насчет программы.

Я прошептал:

— Поли, ты рисковал.

— Фигня.

Я наклонился вперед в кресле, глядя, как он пятится к ступенькам.

— Что ты сделал, Поли? Скажи мне.

Он сказал:

— Я купил ноутбук и сотовый модем. Держал их в машине. Пользовался, только когда тебя не было.

Холодные пальцы погладили мне спину.

— Поли...

Он сказал:

— Я провел собственное расследование, Скотт, вроде твоего. — Кажется, его позабавила моя реакция, мой разинутый рот. — В феврале, Скотт, я убедился, что Конус, удар астероида, ракетная угроза и все прочее... все это прикрытие.

— Для чего?

Он начал спускаться по лестнице спиной вперед, нащупывая ногой опору, чтобы не споткнуться.

— Я узнал это от группы из Монтаны, занимавшейся кое-какими раскопками, Скотт. Та группа назвала себя «Novus Ordo Seclorum».

— Новый порядок на века? Поли, это же надпись с долларовой бумажки!

Он кивнул, добравшись до последней ступени, встал, засунув руки в карманы по-модному мешковатых слаксов.

— Скотт. Скотти... — Он тихо хихикнул. — Все это — прикрытие для установления нового мирового порядка. Правительства технически развитых стран — наше, русское, японское, французское... Это час объединения, конец войнам, начало... всему!

Я откинулся назад, высматривая свет безумия в его глазах. Только чьего безумия? Его или моего? Я прошептал:

— Почему ты мне не сказал, Поли?

Он сердито оскалился:

— Потому что ты меня никогда не слушаешь, Скотти. У нас всегда все делается по-твоему.

— И что дальше?

Снова улыбка.

— В мае, малютка Скотти, я не зря ездил в Вашингтон. И когда на той неделе явится с аудиторской проверкой налоговая служба, я буду на другой стороне. Скотти, они обещали мне...

Он вдруг отпрянул, отступил еще на шаг, выдернул из кармана револьвер, маленький револьвер тридцать второго калибра, и нацелил на меня:

— Сиди, как сидишь, Скотт!

Я все же встал, желая, чтобы он выстрелил, слыша звон в ушах и чувствуя себя так, словно во мне было десять футов роста. Может быть, я был на грани обморока. Лицо пылало, пот катился по спине.

— Почему ты так со мной поступил, Поли?

Он все пятился, а я наступал на него по лестнице, теснил к машине. Он прошептал:

— Не приближайся, Скотт. Я убью тебя. Убью.

— Уже убил, паршивец.

Он сказал:

— Ты должен понять, Скотт. Мне пришлось. Из-за того что ты...

Я сделал еще шаг, воображая, как брошусь на него. Солнечный свет вокруг странно остекленел. Может, я опережу его, может, мы станем вырывать друг у друга револьвер. Может, один из нас умрет. Или оба.

Пол отвел глаза, смятение исказило его лицо, он опустил взгляд в землю, себе под ноги, оглянулся на тени. Что-то с тенями.

Я посмотрел через его голову на горизонт, на небо над черным гребнем леса.

— Поли, — мой голос звучал дико, будто издалека, — отчего все такое розовое?

Нет ответа.

Я развернулся к востоку, к солнцу. Незнакомый лиловый диск в небе, в ореоле серебряной дымки. Здесь и там

чернели языки, словно нереальное, застывшее под кистью художника пламя.

Короткий гортанный звук.

Когда я обернулся, Поли стоял на четвереньках, рядом валялся в траве маленький пистолет.

В моем предсмертном бреду зашумела спущенная в туалете вода. Плещущий гул открытого клапана. Высокий звук входного клапана, впускающего новую воду по мере того, как опускается поплавок. Какашки, смытые со дна унитаза, крутятся в потоке. Туалетная бумага тонет, всасывается в темную трубу.

Мы кружимся и уходим вниз. Куда-то. Куда-то в давние времена в далекую-далекую Вселенную.

Хм... Неужели это будет так давно и так уж далеко?

Или просто: однажды, давным-давно?

Увижу ли я открывающиеся в темноте зловещие глаза цвета индиго?

Нет. Просто еще одна история пропала и теперь забыта. Развалилась на куски.

Из темноты прозвучал очень вежливый, самую чуточку снисходительный мужской голос:

— *Извините за неудобства, сэр. Прошу вас, следуйте за мной, я отведу вас туда, где вам место и где вы сможете продолжать жизнь.*

— Хм... Удивительно, как это у мертвеца в брюхе становится жидко от страха. Ты кто такой? Мой чертов ангел-хранитель?

Голос весело отозвался:

— *Какое восхитительное мужество перед лицом вечности!*

Нечто, видимо мое горло, сглотнуло без слюны и слабо, призрачно скрипнуло.

Голос говорил:

— *Мой дорогой мистер Фарадей, ангел-хранитель — это недалеко от истины, но вам в данном случае лучше воспринимать меня как нейротрансмиттер. Моя обязанность — провести вас через Пространство Перехода в Область хранения.*

— Область хранения?

Вздох.

— *В жизнь вечную, если вам так удобнее. Пройдемте.*

— Жизнь вечная? Вот дерьмо!

В голосе послышался легкий смех:

— *Все будет хорошо, мистер Фарадей. Мы ужасно сожалеем, что причинили беспокойство.*

— Мы?

Он сказал:

— *Ох. Они меня не предупредили, что у вас будет столько вопросов. Тсс!*

— Они?

— *Я — элемент одиночного спасательного кластера, субъединицы вероятностно объединенной исследовательской группы, которая, в свою очередь, включена в иерархию ликвидации катастроф. Мы присоединяемся к заполненному мемами пространству, что требует от нас веры, будто псевдомыслящий биопродукт катастрофоморфной сущности имеет право на существование, хотя в действительности и не принадлежит к области C_{11}.*

— Что за чушь! Какая еще область C_{11}?

Вздох.

— *Вы знакомы с концепцией, согласно которой Вселенная существует в одиннадцати измерениях?*

— Той, где лишние измерения свернуты в кванты массы, оставляя снаружи только три пространственных измерения и время? Более или менее.

— *Ну, это не совсем так, но вы мыслите в правильном направлении. Мистер Фарадей, область C_{11} — это полный набор объектов Калуцы—Клейна*[1]*, содержащих бесконечное количество энергии. Возможно, проще всего представить это пространство как случайный доступ к памяти, где базовые установки обладают ценностью. Допустите, что существует квантово-неопределенный процесс, который время от времени переустанавливает ценность пакета информации на*

[1] Теория Калуцы—Клейна — одна из теорий гравитации, модель, позволяющая объединить два фундаментальных физических взаимодействия — гравитацию и электромагнетизм.

ноль. Затем допустите, что существует некая универсальная программа, позволяющая выполнять определенные операции на всех пакетах информации с нулевой ценностью. Считая это постоянной Вселенной, вы окажетесь недалеки от истины.

— Кажется, именно это писатели называют бюрократической абракадаброй? Или это просто автоматический сброс данных?

В голосе прозвучало нелепое веселье:

— *О, мистер Фарадей, если вы так на это смотрите, что еще мне остается сказать?*

— Кто вы такой, зачем мы здесь, куда направляемся и что, черт побери, происходит?

— *Вполне законные вопросы, мистер Фарадей. Кто я такой, я вам сказал, хотя не думаю, что вы мне поверили. Что происходит? Это не так просто, но я попытаюсь упростить. Как вы могли бы предположить, область C_{11} обладает своего рода эволюцией, и поскольку длительность ее существования составляет около десяти в пятьдесят второй степени лет, для развития остается достаточно времени. Со временем возникают невообразимо сложные сущности.*

— Это насколько же сложные, придурок?

— *Тсс, мистер Фарадей. Невообразимо для вас. Так о чем я?.. Со временем эти сущности дорастают до понимания свойств Вселенной, в которой они обитают, и начинают манипулировать ею в своих целях, для вас также невообразимых.*

— Тогда какой смысл мне рассказывать?

В ответе прозвучала обида:

— *Вы сами просили, мистер Фарадей. Будьте, пожалуйста, терпеливы. Однажды, действительно очень давно с вашей точки зрения, они открыли, что могут создать субобласть со свойствами, аналогичными C_{10}, если бы такое пространство существовало. Им оставалось только создать ее, и они получили бы доступ к технологии, в чем-то аналогичной вашей технологии обработки данных, но бесконечно превышающей ее мощь.*

Меня поразила жуткая мысль. Вот тут-то я действительно почувствовал себя обманутым.

— Ты что, хочешь сказать, что я не что иное, как компьютерная игра? Вот это оригинальная идея!

— *Какой откровенный сарказм, мистер Фарадей. Прошу вас! Нет, отнюдь не так банально. Будь это так, вы, полагаю, никогда бы не узнали, что являетесь... э-э... симуляцией. К несчастью, те существа, запустив свой десятимерный компьютер, сумели разработать свойства области C_9 и вычислили, что ее можно использовать для физических передвижений, нарушающих законы C_{11}. Межзвездные корабли, если хотите. Путешествия во времени и тому подобное. Магия.*

— Как удобно!

— *Мистер Фарадей, когда подключили первое устройство C_9, оно породило цепную реакцию, обрушивающую измерения друг в друга, практически обгладывающую высшие измерения. Надо было как-то остановить эту катастрофу, и вот кто я такой, и вот что происходит.*

— Не понял...

Вздох.

— *Полагаю, не поняли, мистер Фарадей. Послушайте: масштабы времени в высших измерениях значительно продолжительней, чем в вашем. Пространство C_3 возникло как авария на производстве, и все в ней является продуктом той аварии. Вы — токсичные отходы, а теперь прибыла команда уборщиков.*

— О!

— *Мистер Фарадей, обитатели C_{11} не знают о вашем существовании, а если бы знали, оно бы их не интересовало. Они намерены всего лишь устранить последствия катастрофы и в другой раз быть осторожнее.*

— Так кто же ты все-таки такой? И... и...

— *И что будет дальше? Подотрем ли мы вас с полу и окончим ли этим? Нет. Мы — машины, созданные, чтобы разгребать грязь, и мы заметили вас, мистер Фарадей. Некоторые из нас осознали, что мы не вправе вас уничтожать, и мы создали место для вашего... продолжения. Да, это самое подходящее слово.*

— Продолжение...

— *Может быть, вы предпочтете называть нас богами малого творения? Да, вполне подходящее название.*

А наше малое творение вы могли бы называть Областью хранения.

— И долго нас будут хранить?

— *Я же сказал, мистер Фарадей. Наши временны́е масштабы намного продолжительнее ваших. Вам понравится то, что мы для вас создали. Земной пузырь со всем, что когда-либо жило на Земле. Это мое собственное создание, хотя мне говорили, что другие пузыри получились не хуже.*

— Другие пузыри?

Голос сказал:

— *Мы прибыли, мистер Фарадей. Очень приятно было познакомиться, сэр.*

И вот, милые мальчики и девочки, нас смыли через фановую трубу в море.

Ясно?

После того как погасло Солнце, холодало все сильнее — и скорее, чем мы ожидали. Мороз пробивал толстую одежду, справлялся с масками, которые мы приспособили на лица, обогревателями и прочим, пока не пришлось перебраться в скафандры — не от недостатка воздуха, а из-за проклятого холода.

Вы не представляете, как было холодно, — сто восемьдесят градусов[1] дают о себе знать.

При ста восьмидесяти замерзает жир на лице. Трескается кожа в уголках глаз. Моргаете — и кожа лопается. Скафандры, похищенные в погибшей Филадельфии, оказались поразительно тяжелыми и на удивление сложно надевались, а еще сложнее было собрать их — прямо как рождественские игрушки с надписью на пакетах: «Требуют небольшой сборки».

С другой стороны, в них было тепло и уютно, и к каждому прилагалась подставка, так что они стояли словно ряды пустотелых людей, ожидая, пока мы заберемся в отверстие на спине. Жаль только, что они весили каждый по сто пятьдесят фунтов, будто средневековые боевые доспехи с самообеспечением. «Латники в космосе». Жаль, что никто не додумался до столь замечательного заголовка для

[1] По шкале Фаренгейта. Соответствует примерно −118°C.

космической белиберды. Хотелось бы знать, выжил ли кто из *тех*. Надеюсь, что нет.

Конни и Джулии пришлось помочь нам взобраться на верхний этаж промерзшего отеля, который мы использовали как шлюзовую камеру, зато уж там мы могли стоять без поддержки и ковылять кое-как, переругиваясь и жалуясь друг другу. Поли сказал:

— Ты никогда не научишься в этом ходить, Скотт.

— Конни научится. Она в лучшей форме, чем мы оба. И весит сто сорок пять, знаешь ли. И ростом пять и восемь.

Он сказал:

— Ну а во мне двести шестьдесят, и если я свалюсь...

Я легонько подпрыгнул:

— Во мне и двухсот не наберется, Поли. В тебе не меньше восьмидесяти фунтов мертвого груза, не считая скафандра.

— Чтоб тебя...

— Не сегодня, Поли. У меня голова болит.

— Придурок.

— И тем горжусь. Ну, проверим, сумею ли я выйти наружу, не скувыркнувшись со ступенек.

Снаружи было черным-черно. Пусто. Мертво. Наверное, тихо, хотя я слышал пыхтение и визг своей системы жизнеобеспечения. Я запнулся о порог и едва удержался на ногах.

— Осторожно! — сказал Поли. — На кой черт у этих сапог каблуки? Вроде бы скафандры предназначались для орбитальной станции.

— Нехватка воображения. — А может, они думали, что когда-нибудь мы снова попадем на Луну, отправимся на Марс? Раскатали губу.

Нелегко было спуститься по ступеням на газон. Я тяжело дышал, а пыхтение Поли все время активировало микрофон и шумело у меня в ушах.

Он сказал:

— А если мне станет плохо с сердцем?

Я спросил:

— Как по-твоему, Джулия после твоей смерти захочет, чтобы я и с ней спал?

Он выругался и замолчал, сберегая дыхание для ходьбы. Мы не добрались до вершины холма — куда там, хорошо хоть, дошли до конца подъездной дорожки. Там стоял темный грузовой пикап, приткнувшийся капотом к почтовому ящику. Я развернулся, чтобы взглянуть на отель, на освещенный купол за горбатой крышей гаража. Никого.

Я сказал:

— Догадайся мы включить охранную систему, увидели бы, как они подъехали.

А мы не догадались, так что киношная толпа крестьян, вооруженных серпами и вилами, могла ворваться к нам без всякого предупреждения.

Поли хрипло, с кряхтением дышал, пока мы медленно подходили к грузовику. Я задумался, не ждет ли нас в ящике почта. Может, сообщение от налоговой?

В кабине за рулем сидел Гэри, глаза и рот открыты и подернуты изморозью. Рядом с ним женщина в пухлой белой парке с меховой оторочкой, глаза закрыты, голова упала на плечо, словно она спала. Толстая прядь прямых черных волос выбилась из-под капюшона и свисала почти до колен.

— Пожалуй, хорошо, что мы забыли включить камеры. Видал, что у него в кузове?

Я задумался — где он раздобыл пулемет?

Поли прижался лицом к визору шлема, стекло уменьшало его черты и придавало ему комичный вид. Он уставился на женщину.

— Ты ее знал?

Он кивнул:

— Его сестра.

Сестра. Ну-ну. Была ли она среди тех, кого мы отогнали, или он пустился в долгую поездку к Чапел-Хилл ради нее? И чего ради? Предложить мир? Эй, Поли, меняю свою сестру на Джулию. Меня затошнило: может, от усталости, может, еще от чего.

Мы отвернулись и поволокли ноги обратно по дорожке. Небольшой уклон вверх давался нам туго. Поли начал захлебываться между вздохами, словно готов был проглотить язык, и я задумался, справимся ли мы. Когда кончит-

ся воздух, сопротивление сочленений костюмов возрастет многократно.

Поли остановился и запрокинул голову к небу:

— Что... — словно увидел чудо.

Я посмотрел вверх. Конус нависал над нами, низко над горизонтом, грозный и отвратительный. Он словно заглатывал небо. Черт. Так и есть. Вон. Недалеко от него серая клякса. А вон там еще одна, еще больше, перламутровая, с легким отливом.

Визуальные?..

— Поли...

Он проговорил:

— В тропопаузе, вероятно, намного холоднее. Меньше тепла, излучаемого Землей.

— О чем ты?

Он повернулся ко мне:

— Думаю, это кислородное облако.

У меня внутри пробежали мурашки, угрожая вырваться через задницу. Так это... это... что? Настоящее? Поли смотрел на снег, покрывающий землю кругом. Включил фару на шлеме, и я поразился, увидев, как обращается в пар углекислый иней. Здесь и там, словно лунки на поле для гольфа, виднелись темные углубления. Сурки?

Я предложил:

— Пойдем-ка лучше внутрь.

Он проковылял к одной лунке, попробовал ковырнуть ее носком, покачнулся. Она была твердой, как мисочка со льдом, примерно двух дюймов в поперечнике.

— Нет. Это что за фиговина?

Нам пришлось сделать пятнадцать передышек, и только через три часа мы добрались до вершины. Я сказал:

— Похоже, не будет у тебя сердечного приступа, Поли. Не видать мне Джулии.

Он смотрел на восток, одышка еще не давала ему заговорить, но я, проследив за его взглядом, увидел призрачный, едва различимый свет над горизонтом. По мере того как приспосабливались глаза, он как будто разгорался, потом медленно поблек, замер, затрепетал и разгорелся снова.

— Ричмонд?

Поли проглотил воздух, пытаясь совладать с одышкой, снова запыхтел и выговорил:

— Может быть... Пожар?

Я сказал:

— Что может гореть на таком холоде, Поли?

— Бомба.

— Отсюда до Ричмонда чуть больше ста миль. Если бы кто рванул там небольшой атомный заряд, мы бы почувствовали сотрясение.

— Мы могли спать. — Он дышал уже легче.

Над головами, кажется, разрасталось кислородное облако.

— Может, и спали. Или трахались. Эй, Поли, а ты чувствуешь, как плывет земля, когда ты кончаешь?

Он даже не рассмеялся, перевел взгляд со свечения на облако и...

— Там. — Он приподнял руку в попытке показать мне.

Что-то двигалось к нам — маленькая слабая точка света. Фея Динь-Динь в поисках Питера Пэна. Она плыла к нам, как пушинка одуванчика на ветру, медленно опускаясь. Когда приблизилась, я рассмотрел серебряный шарик не больше мяча для гольфа. Мерцающий мыльный пузырь.

— О господи! — шепнул Поли.

Я никогда в жизни не слышал такой радости в его голосе.

Шарик, приближаясь к земле, начал испаряться, чуть не завис над сугробом, окутался паром, съежился, осел. Я вдруг понял, что, чем бы это ни было, оно было слишком холодным, чтобы сублимировать CO_2. Ниже, ниже.

Паф!

Оно взорвалось с резким шипением, раздувшись в газовый шар мутного света. В снегу на его месте осталась ледяная чашечка. Я сказал:

— Ну, теперь мы знаем, откуда эти лунки.

Поли вроде бы готов был опуститься перед ней на колени. Куда там! Он смешно подбочепился, неуклюже задрал голову к яркому облаку, заметно расползавшемуся по черному звездному небу.

Я усмехнулся:

— Кислородный дождь.

Он улыбнулся в ответ, глаза неестественно блестели.

— Ага.

Я сказал:

— С Рождеством, Поли.

Сколько раз человек может проснуться и медленно открыть глаза?

Сколько надо.

Пока совсем не проснется. Над головой было чистое голубое небо, как в сказках, васильковое, с легкими белыми облачками, плывшими так высоко, что почти не различить было их формы — скорее далекий туман, чем облака. Дул ласковый ветерок, и было прохладно. Ровно настолько, насколько надо для комфорта, как если правильно настроить кондиционер.

Как раз настолько, чтобы расхаживать голышом.

Я слышал, как шелестит листьями деревьев ветер, и еще один звук, слабое шипение, — такой звук слышишь, когда стоишь посреди поля колышущейся под ветром зрелой пшеницы. И еще что-то. Океанский прибой вдали. Солнце грело кожу. Оно стояло низко над далекими зубчатыми белыми горами.

Отлично. Горы. Я...

Я вдруг резко сел, сердце дернулось в груди, я огляделся, выпучив глаза. Ох!

Подо мной растянулся склоном пологого холма Земной Пузырь, Область хранения, дар богов меньшего творения. Огромная, плавно изгибавшаяся чаша — словно мир поместили в котелок, окаймив горами, рядом с которыми Гималаи выглядели бы мелковато.

Там были еще холмы, под холмами море, окруженное белой полоской пляжей, за берегом горы, может быть Альпы, за горами еще одно море, за морем темнеющая равнина, а над ней кипящие кучевые облака.

Вон там гигантская черная наковальня, из нее бьют в землю зигзаги молний.

Горы, моря, разветвляющиеся серебристые реки, протекающие справа и слева. Пустыни — и желтая, и красная. За изгибом земли, на дне котелка, висел белый туман. Дальше новые ландшафты, крошечные, как игрушки, зеленые, белые, серые, и горы под солнцем.

Пеллюсидар[1], подумал я, или мир, который я придумал, но так и не описал в книге о пространственно-временной колеснице Джаггернаута. И если Бог не соврал, где-то в нем сейчас просыпаются все. *Все*. Люди вроде меня, воображающие, что пробуждаются на светлой стороне собственных грез, другие, боязливые, видящие перед собой небеса или ад. Или Нетер-Керт[2].

Где-то пробуждается царь Кемта, смотрит в небо и выкликает имя Атона[3].

Еще где-то просыпается грешник и гадает, куда они запрятали озеро кипящей крови.

Я поднялся на ноги, отряхнул с голого зада стебельки травы, пошевелил пальцами в прохладной мураве и задумался, нет ли поблизости Данте, дивящегося, почему в аду так много итальянцев.

Там были деревья, высокие тонкие штуковины с серыми чешуйчатыми стволами, окруженные ковром бурых сосновых иголок, и стоило мне поднять глаза, как появились двое, мужчина и женщина, оба очень худые. Она была рыжая, он с тонкими каштановыми волосами и скульптурно-курчавой каштановой бородой. И при виде меня они замахали руками, спеша навстречу.

— Скотт! Скотти!

Одно имя прокричала женщина, другое мужчина.

Как я ни сопротивлялся, взгляд притягивало к ее лобку, и от этого она застенчиво улыбнулась. Он тоже.

— Кэти. Бен.

Он сказал:

— Это ты чертовски здорово придумал.

— Рад, что вам понравилось. Гм...

Он засмеялся:

— Было совсем не так плохо, как я ожидал. Ты знаешь, мы продержались почти до конца.

---

[1] *Пеллюсидар* — мир, существующий внутри земной сферы, описанный в романах Э. Берроуза.

[2] *Нетер-Керт* — загробное царство в Древнем Египте.

[3] *Атон* — бог солнца в древнеегипетской религии. Фараон Аменхотеп IV (Эхнатон) объявил Атона единым египетским богом.

Во мне шевельнулось чувство вины, когда я вспомнил, как послал его умирать. И все зря. Я мог бы сказать ему захватить Кэти и возвращаться с ней. Но не сказал. Так чем же я отличаюсь от Поли? Разве Бен не был мне другом? И Кэти, с ее чудесной маленькой штучкой.

— Я... гм, я надеюсь, вам не слишком плохо пришлось. То есть...

Кэти сказала:

— Все довольно просто, если у тебя достаточно секонала[1]. — И рассмеялась в ответ на мой взгляд. — Знаешь, мы с Беном проснулись вместе. Он мне сказал, что вы с Конни...

Я покачал головой:

— Мы прошли через это вместе. А потом...

На лице Бена лежала тень, какой бы солнечной ни выглядела Кэти. И конечно, для них конец наступил только что, домашние хлопоты остались всего в нескольких минутах позади. Только посмотреть на них. Неразлучная парочка.

А где-то там... Конни? Лара? Я...

Оба они с любопытством уставились мне через плечо. Обернувшись, я увидел нагую кудрявую черноволосую женщину, улыбающуюся так, как и следовало ожидать. И она сказала:

— Так вот моя награда в будущей жизни?

Какая улыбка!

Вряд ли она ожидала, что я на нее наскочу, чуть не сбив с ног от восторга. Она оттолкнула меня со смехом, вытерла губы.

— Боже! Успокойся!

Кэти за моей спиной усмехнулась:

— Ого! Не теряй времени, Скотт. Тебе знакома эта обнаженная красотка?

К его чести, обнаженный Мелликан даже покраснел. Когда я представил всех друг другу, Кэти оглядела Мэриэнн с головы до ног, по-женски задержав взгляд на груди, и сказала:

— Привет. Скоро объявится Конни, мы сможем сравнить впечатления, — тем указав Мэриэнн на ее место.

---

[1] Секонал — успокоительное, снотворное средство.

Та глянула на меня, прикусив губу, криво усмехнулась и пожала плечами. Я ощутил, как что-то холодное прошлось у меня по спине, яички немного поджались. Я снова уставился вниз, на сверкающее море под холмом. Повсюду из кустов выходили люди, перекликались между собой.

Там внизу, наверно не слишком далеко, симпатичная блондинка разглядывала свое правое запястье и гадала, что же она, черт возьми, сделала не так. Что бы я сказал, столкнувшись с ней?

Где-то поблизости, прямо за деревьями, затрубил слон, и мы услышали полный ужаса человеческий крик. Милликан обернулся на шум, потом, через плечо, на меня:

— Кажется, я плохо слушал речи богов. Они ничего не говорили насчет зверей?

Боги? Выходит, не мне одному сказано, где мы? Я сказал:

— У тебя симпатичный зад, Бен.

Он странно покосился на меня и опять повернулся к лесу. Чертов слон был виден как большая серая тень, проламывающаяся сквозь сосняк, круша деревья, размахивая во все стороны хоботом. Перед ним мчался в нашу сторону толстый белый мужчина. Он то и дело оглядывался через плечо, вопил, спотыкался и падал, поднимался и спотыкался снова.

Мэриэнн сказала:

— Деревья пришли на небеса вместе с нами, почему бы и не слоны?

Я обнял ее за талию и сказал:

— Пока ты здесь, подробности не имеют значения.

Она извернулась в моих руках, чтобы заглянуть мне в лицо. Я вздумал попятиться и вдруг осознал, что дальнозоркость, нараставшая у меня на четвертом и пятом десятке, пропала.

Она сказала:

— Даже если Конни появится и передумает?

Я улыбнулся:

— Особенно тогда.

Этот спокойный строгий взгляд.

— А что с другой?

Я набрал в грудь воздуху:

— Лара, когда резала бритвой запястье, знала, кто найдет ее утром. У меня было двадцать лет, чтобы это обдумать.

Медленный кивок.

— У меня тоже есть прошлое. Ты никогда не расспрашивал.

— Если это важно, ты мне расскажешь. А пока... смотри! — Свободной рукой я указал вниз, в отступающий туман.— Все и вся, кто когда-то существовал, были там, в этой долине. Мы...

Толстяк вывалился из-за деревьев, все еще оглядываясь, хотя слон, видимо, отказался от погони, запутался в поваленных стволах. Я махнул рукой:

— Поли! Там!

Мэриэнн прижалась к моему уху и шепнула:

— Помалкивай. Может, он не заметит.

Он побежал прямо через откос к холму, снова запнулся, замедлил бег, перешел на шаг. Немного не дойдя до крутого подъема, ведущего к нам четверым, он свернул, пробежал вдоль подножия и снова повернул от нас.

Пыхтя. Пыхтя и задыхаясь.

Он вдруг завопил:

— Джулия! Джулия, постой!

Я обернулся. Там. Голая, длинные волосы развеваются за спиной, убегает прочь, к другому темнеющему сосняку. Держится за руки с другим толстяком. Конечно, это Гэри, излеченный от пуль и холода. Поли упал, вскочил, крикнул:

— Джулия! Ради бога! Прошу! Я люблю тебя! — побежал, спотыкаясь, и следом за ними скрылся среди деревьев.

В конце концов распад дошел до стадии, когда скафандры стали бесполезны, и загнал нас в убежище. Однажды вечером мы все скинулись и устроили лучший ужин в моей жизни. Курица по-корнийски. Брюссельская капуста. Печеный картофель, фаршированный кукурузой. Салат с соусом из бальзамического уксуса. Мы все теснились в кухне для сотрудников, поглощая излюбленные лакомства, сталкиваясь локтями, смеясь над всякими глупостями, как в старые времена, как будто мы каким-то образом зажили жизнью,

о которой мечтали, которой, может быть, даже заслуживали. Там был соус из гусиной печенки, настоящее масло, сметана.

Каждый пил любимое вино — от снобистского, подходящего разве что для цыпленка сухого белого Джулии до моего темного портвейна. Я поднял кружку и взглянул на них. В тишине? Не совсем. На заднем плане слышалось тихое биение, медленная дробь, глухие неравномерные удары взрывающихся капель кислородного дождя.

— За нас, — сказал я, — здесь и сейчас.

Поли поднял бокал для шампанского с каким-то «Черным опалом»:

— Не за то, что было, не за то, что может быть. Просто за нас.

Джулия с удивленным видом смотрела на него:

— Хороший тост, Поли. Хорошо бы ты придумал его раньше, когда жизнь была настоящей и были вещи, которые еще могли быть.

Мы молча стали есть, шум исходил только от Поли, который так и не научился жевать с закрытым ртом. Где-то еще поглядывали на него через плечо его умершие родители, крича и заламывая руки в отчаянии, потому что он вел себя не так, как они хотели.

Шум дождя над головой на минуту стал громче и снова затих. Словно кто-то забавы ради выплеснул на нас лишнее ведро капель. Конни отложила вилку и оглядела потолок, словно проверяя, нет ли протечек.

Конникин, если эта крыша протечет, нам конец.

Она спросила:

— Так все и будет дальше?

— Мы не знаем.

Поли поморщился:

— Да знаем мы. Через несколько дней начнется настоящий дождь, ливень.

— Ну, это мы так думаем, Поли. А мы уже не раз ошибались, помнишь?

— Слушай, то, что сейчас, — это только начало. Капе́ль редкая, потому что капли имеют малую плотность и падают сквозь газообразный воздух. Но это воздух и падает.

Атмосферное давление начнет понижаться, кислород будет конденсироваться, потом придет очередь азота. С падением давления капли станут бить сильнее. Под конец будут валиться как камни. — Он усмехнулся. — Как пушинки в вакууме.

Джулия медленно ела, не отрывая глаз от тарелки, словно не слыша нас.

Конни спросила:

— Что тогда будет с нами?

— Для того мы и навалили на крышу лишний слой земли. Возможно, поможет. Наверняка не повредит. Если станет слишком страшно, заберемся в капсулу и загерметизируем люки.

Она говорила тихо, глядя мне в глаза:

— А... потом?

— Увидим, никуда не денемся. Я...

Стол дернулся, задребезжали тарелки и бокалы, у меня в кружке плеснуло пиво. Я подскочил и выбежал на лоджию, выглянул через большое окно в ярко освещенный гараж. Ничего. Бульдозер у дверей. Две машины. В тени виден нос Кэт. Маленькая дверь отеля по-прежнему запечатана слоем земли и бетона.

За моей спиной Поли предложил:

— Пойдем в купол.

Я кивнул, глядя на открытую дверь в туннель. Пусто. Темнота.

— Ага. И может, лучше ее закрывать, пока нас здесь нет?

С купола был виден огонь за холмом, с которого мы раньше вели наблюдения,— большой пожар, огромные языки пламени лизали небо, выплескивали плотный черный дым, словно горела сырая нефть, заставляя вспомнить войну в Заливе, когда отступающие герои Саддама подожгли скважины. Дым уже стоял отвесным черным столбом на фоне ярко-зеленого неба, освещенного оранжевыми языками и карминовыми молниями.

Повсюду блестели брызги дождя, падавшего теперь чаще, и лопались, касаясь земли, взблескивали по краям дымного столба, вспыхивали и вихрились в пламени.

Поли сказал:

— Почти в центре города. Может, главная заправка взорвалась.

— Не думаю. Это что-то большое. Дальше, чем тебе кажется, может у Палмерс-Ридж. Там ничего, кроме лесов.

— Крушение самолета?

— Господи, Поли, какие самолеты могли бы летать при минус двухстах?[1]

Пламя все разрасталось, из сердцевины тянулись длинные языки, возможно от пылающего кислорода.

Конни прижалась лицом к кварцевой пластине и отпрянула. Я потрогал. Холодная. Холодная до боли. Она спросила:

— Для нас это опасно?

Я сказал:

— Что бы это ни было, оно не распространится далеко. Скоро погаснет.

Поли разглядывал панель метеорологических приборов под окном.

— Вообще-то, температура на несколько градусов поднялась. Оно такое горячее. Давление упало сильнее, чем я ожидал. Снаружи около двенадцати psi[2].

Я глубоко вздохнул, почувствовав, как нервно дрогнуло сердце:

— Все равно, мы здесь в безопасности. Думаю, закрылись достаточно надежно.

Я оглядел отель. Его окружал кипящий голубой туман, столб пара поднимался к небу. С крышей было что-то не так, — может, недоставало засыпки кровли, и видны были редкие вспышки падавших капель. Протечет ли? Трудно сказать. Возможно, на дереве кислород испарится, но...

Я сказал:

— Он не выдержит, Поли. Надо подумать, как закрыть клапаны геотермальных вод, чтобы не взорваться, когда он рухнет.

Он сказал:

— Дело пойдет быстрее, как только достаточно похолодает.

---

[1] По шкале Фаренгейта. Соответствует примерно —129°С.

[2] *Psi* (фунт-сила на квадратный дюйм) — единица измерения давления.

— Надо оставить включенной видеокамеру. Чтобы потом у нас была запись.

Потом? Господи, какое «потом»?

Поли хмыкнул, отвернувшись от люка в туннель, и направился к жилой части, где остывал наш ужин. Я перевел взгляд на Конни: она так и застыла у окна, глядя не на пожар, не на отель, ставший нашим домом, а на грузовичок Гэри. Он был заметно побит, ветровое стекло исчезло, оставив на раме несколько осколков, болтавшихся на защитной пленке. Внутри ничего не видать, даже когда там вспыхивали капли.

Может, их разъело напрочь. Может, их уже нет. Она наверняка видела его, когда мы в первый раз приходили сюда, чтобы нагрести землю для кровли. И не сказала ни слова.

Она повернулась ко мне с улыбкой, протянула руку к моей груди, скользнула пальцами к пряжке ремня.

— Идем, — сказала она. — Придется разогревать все в микроволновке.

Грики, грики, грики, грики...

Ночи на небесах довольно темные и наполнены звуками, которые возвращают вас в детство. Грики... Вроде тех похожих на сверчков созданий, выдуманных мной для ненаписанной книги о человеке, который не знал, кто он такой. Теперь все это пропало.

Может, и к лучшему. Иногда вдалеке орал большой кот, пронзительный вопль переходил в низкое урчание, как заглушенный дизельный мотор. Мэриэнн рядом со мной вздрогнула: может, ей приснился тигр или она озябла во сне? Я снова обхватил ее за плечи, сам радуясь этому прикосновению.

О, круто. Еще одно испытание. Рано или поздно она устанет от этой дряни.

Мы собрали еще несколько человек на вершине холма — по большей части из редута: команда Eva, кое-кто из HDC, пара приятелей Бена. Вместе мы сумели выкорчевать колючие кусты, бранясь на царапины. Джон завопил, когда одна колючка вцепилась ему в конец, пока он сооружал на вершине ограду от диких зверей.

Милликан потряс меня тем, что знал, как добыть огонь с помощью деревянного сверла, и, когда толстое рыжее

солнце закатилось за дальние горы, мы разожгли веселый костерок.

Милликан ухмыльнулся, видя мое изумление:

— Чем, по-твоему, я занимался, проводя отпуска на природе? Говорил я тебе, давай с нами!

Мэриэнн подтолкнула меня в плечо и указала на небо:

— Интересно, у них есть названия?

Она смотрела на маленькую розовую луну, неправильной формы астероид, появившийся над горами пару часов назад. Она росла, поднимаясь, кувыркаясь и мигая под черным провалом неба.

Я сказал:

— Если нет, придется придумать.

Пока что их было три: желтая, голубая и вот еще розовая, хотя одновременно мы видели не больше двух. Далекие ровные огоньки напоминали мне планеты, вон та, знакомая, может быть Венерой, бледно-желтая — Юпитером, а розовая — Марсом. Но ничего похожего на звезды, только глубокая бархатистая тьма во все стороны. До бесконечности. Так сказали боги.

Это меньшее творение, содержащее все, что боги решили сохранить из создавшей нас ошибки.

Что, если большие боги, неведомые и непознаваемые, проведают о поступке своих орудий? Не смахнут ли нас тогда тряпкой в конце концов?

Мэриэнн встала и потянулась, все так же глядя в небо. Ее тело то освещалось, то затемнялось в мерцании костра: груди, волосы, бледная кожа.

— Как ты думаешь, мы теперь бессмертны?

Разве не так положено в подобных делах? Я сказал:

— Если бы это был мой сюжет, я бы закончил его так.

Глядя в черную пустоту бесконечной долины, предположительно заполненной всем живым, что когда-либо существовало на Земле, она сказала:

— Никогда не понимала, как скучные люди могут жить вечно.

В конечном счете единственным местом, куда не пробился воздушный дождь, если его можно так назвать, ока-

зался бункер с нашими спасательными капсулами. Поли с Джулией прятались в своих, порознь, мы с Конни вместе, на этот раз в моей. В случае если бы нас сбросило на пол, моей было бы не так высоко падать.

Мы оставили свет включенным и скорчились там, закусывая и прислушиваясь к реву дождя, похожему теперь на океанский прибой над самым ухом. Мы доедали вчерашние объедки, как будто так и надо, как будто снаружи просто дождливая бурная зимняя ночь Северной Каролины.

Завтра будет солнечно и мы отправимся на прогулку по Умстедскому лесу среди нагих серых деревьев под хрупким безоблачным темно-синим небом. А в свой черед вернется лето.

Нам немногим больше пятидесяти, Конни. Мы молоды. Молоды и красивы. Не забыла?

Тунец, вылежавшийся за ночь, стал еще вкуснее, а Конни раскопала в шкафу отличный велспрингский хлеб.

— Последний, — сказала она, упираясь ногами в дрожащий пол и взмахивая острым ножом.

Сэндвич с пикулями, чипсы и французский луковый соус, для меня пластиковая бутылка «Велча», а для Конни — ее диетическая кола.

Подумать только!

Как бы ты ни старалась, милая моя Конни, растолстеть уже не успеешь.

Я то и дело протягивал руку к ее бедру, гладил теплое местечко между ног, а закончив, мы растянулись на тихо покачивавшейся под нами койке и прижались друг к другу носами. Моей руке в ее трусиках было тепло и приятно. Конни улыбнулась мне в щеку и пробормотала:

— Неисправим.

Мне хотелось, чтобы она опять назвала меня Скотти, чтобы почувствовать, как тает от этого сердце.

БАМ!

Бункер содрогнулся так, что нас подбросило в воздух, а на той стороне помещения завизжала Джулия — высокий протяжный вопль, как спецэффект в дешевом фильме.

Крак!

Капсула сильно накренилась, стены вокруг нас дрожали и стонали, она наклонилась в другую сторону, сбросив нас всех на внутреннюю сторону бункера. Пол громыхал, Поли невнятно ругался, кажется даже без слов. Когда я нашел его взглядом, он на четвереньках торопился вернуться к койке.

Флуоресцентные лампы замигали, словно стробоскоп.

Балласт уже не держит, догадался я. И обернулся к Конни, выкинув из головы Поли, Джулию и прочее. Она выглядела испуганной насмерть. Бледная, с круглыми глазами. Глаза искали что-то в моих — хоть что-то.

Я тихо поцеловал ее и просунул ладонь под резинку ее трусов, положив плашмя на живот. Улыбнулся. На заднем плане всхлипывала Джулия. Поли не слышно. Эй, Поли, все прячешь голову под подушку?

Конни, кажется, ответила на мою улыбку.

Я сказал:

— Я рад, что ты такая храбрая.

Кровать под нами дернулась, наклон пола стал еще круче. Снаружи что-то гудело и хлопало так громко, что я не мог представить, что происходит. Господи, звучит так, словно гигантские простыни хлопают на сушилке. Гигантские простыни и одеяла. Под ураганом.

Она сказала:

— Не знала, что я храбрая. До сих пор.

Я просунул руку в самое тепло ее паха, добрался пальцами куда нужно. Снаружи что-то громко стонало, словно в кино про дровосеков падало гигантское дерево. Черт, о чем я думаю! «Иногда великая идея»[1]? Это вроде бы Пола Ньюмена. Парень тонет, прижатый упавшим стволом. Не смейтесь!

Я задумался, что скажет Конни, если я решу сейчас ее взять. Может, если хорошо рассчитать, мы кончим как раз ко взрыву капсулы. Я загнал обратно в горло смешок.

Поли теперь что-то говорил. Болтал без умолку.

---

[1] *«Иногда великая идея»* — фильм по роману Кена Кизи «Порою блажь великая». Пол Ньюмен выступал в качестве режиссера и исполнителя главной роли.

Конни чуть отстранилась, взяв мое лицо в ладони, глядя на меня:

— Никогда не видела двоих, испуганных так, как Поли и Джулия. Почему ты не боишься?

Я пожал плечами:

— Не знаю. Наверно... я всегда боялся только людей. А это... черт, надо же когда-нибудь умирать.

— А мы уже умираем?

Снаружи снова громко простонало, потом глухо ударило, словно кто-то захлопнул капот седана эпохи 1950-х. Я сказал:

— Скоро узнаем. Так или иначе.

Она прижалась спиной к стене, приподняла ногу, чтобы мне было удобнее, и спросила:

— А если мы выживем?

Я пожал плечами:

— Какая разница?

Трудно было стянуть трусики на наклонной койке, но мы справились. Постель подскакивала и содрогалась. Где-то на середине под визг — ветра или кого-то живого — потух свет.

Мы заметили только потом.

Что удивительно, если подумать.

Потом?

Ну, тишина.

Очень тихо.

Мы с Поли стояли в скафандрах, заполнивших шлюзовую камеру, закончив проверку герметичности и заканчивая последний спор о том, разумно ли тратить воздух из шлюза.

Черт, Поли, мы ничего другого не предусмотрели.

А узнать надо.

В темных глазах сомнение.

Конечно, дурацкие огоньки показывали, что сточная труба пробита, но внешнее питание сохранилось. Это все, что требуется знать. Мы в безопасности.

Пока что.

Конни осталась внутри, работала за панелью связи, просматривая на экране изображение с наших нашлемных камер. Даже Джулия наконец выбралась из долбаного бункера, хотя говорить с ней теперь было не о чем. Пустой взгляд. Пустышка.

Все кончилось скорее, чем мы ожидали, последний удар более или менее выровнял капсулы, и тот же удар разорвал сточную трубу, а потом только стонал и стонал ветер, все тише и тише, пока не стал почти неслышным.

И совсем затих.

Система освещения восстановилась без труда — флуоресцентные лампы просто разбились. Их заменили, и вот они мы. Поли в джинсах, пальто, военных ботинках, словно они чем-то помогут, если рванет капсула. Я опять голый.

Я дрогнул, когда он сказал:

— Снаружи тихо потому, что воздуха не осталось.

Конни заставила меня одеться, и мы поели, в первый раз вскрыв неприкосновенный запас — ужасно соленые продукты; я сомневался, что когда-нибудь сумею к ним привыкнуть. Если у нас будет время привыкать. Мы прибрались, еще раз поели, повозились с коротковолновой рацией. Снова поели. Обсудили, что делать. Ни камер, ни спутниковых тарелок. Ничего.

Клапан шлюза визжал, пока воздух вырывался наружу, а потом и он стих. Поли уставился на меня сквозь окошки в двух шлемах, и я задумался, через какую камеру видит это Конни. Что она предпочла: видеть меня или то, что вижу я?

— Ну, — сказал я, — нет лучшего времени, чем сейчас.

Поли ухмыльнулся:

— Мне вдруг стало больше по нраву прошлое.

Я спросил:

— Конни, что показывают приборы?

Ее голос в шлеме прозвучал жестко, но утешительно знакомо:

— Давление держится постоянно, так что, думаю, герметичность не нарушена. У вас в шлюзе двадцать три миллибара.

Поли чуть скривился:

— Намного больше, чем на Марсе.

Возможно, поддерживается на высоком уровне благодаря выпуску газа из баллонов PLSS[1]. Я произнес «плисс»

[1] *Primary Life Support Sistem* — система жизнеобеспечения скафандров.

совсем как астронавты с «Аполлона». Господи, вы бы слышали мое чертово сердце! Галопом скачет. Страх? Волнение? Или просто тяжесть проклятого скафандра?

Я занялся рычагом запора, вытащил болты-заглушки. Ничего не случилось. Я кивнул Поли:

— Порядок.

Он протянул руку в неуклюжей перчатке, поколебался и дернул за рукоять люка.

Дверь откинулась и распахнулась, мы не успели ее перехватить, петли щелкнули о стопор. Господи. Невероятно!

Конни позвала:

— Я слышала. Вы в порядке, ребята? Давление вдруг упало до девяти миллибаров.

О, станция «Мир». Так они в тот раз взламывали дверь шлюза. Я отозвался:

— Все хорошо.

Порядок.

Звук прошел через систему капсулы, и я услышал его по радио, только и всего.

Почему-то я ожидал, что снаружи будет темно. Темно, как в фильмах о космосе. Снаружи светилась бледная бирюза. Очень бледная. Очень смутная, но светилась. Дымка повисла над мягким белым ландшафтом. Кое-где нанесло сугробы снега. Или чего-то похожего на снег.

Я вылез первым, оттолкнув Поли. Пригнулся в дверях и все-таки царапнул антенной шлема. Я стоял на маленькой площадке вроде парадного крыльца с рваными краями. Кусочек бетона еще держался на корпусе капсулы. Дальше начинался пологий склон, постепенно становившийся круче, переходя в край каньона примерно в двухстах футах от меня. На половине этого расстояния виднелись перекрученные остатки чего-то похожего на нож бульдозера.

Бульдозера, впрочем, не было.

Туман немного поднялся. Небо над ним было темным, с булавочными проколами по-прежнему белых звезд. Звезд было много. Поли уже стоял рядом со мной и молча оглядывался.

Падали мелкие восковые снежинки — падали редко, опускаясь вертикально и чувствительно ударяя о землю. Воздуха едва хватало, чтобы замедлить их падение. Какого воздуха? Благородных газов?

— Смотри!

За туманом мерцал вихрь: призрачный белый фонтан, еле видный на фоне черного неба. За окошком скафандра Поли ярко блестели его глаза.

— Это азотный гейзер. Как на Тритоне!

Короткий смешок чистой радости немного напугал меня.

В наушниках резко прозвучал голос Конни:

— Ну, каков прогноз? Долго мы продержимся?

Я сказал:

— Восемь недель на запасах капсулы. Больше, если...

Я отвернулся от гейзера, взглянул левее, туда, где прежде была штаб-квартира. Ни следа. Двадцать футов постройки, сорок футов засыпки, фундамент — все пропало. На месте кладовой осталась смятая груда металла, часть почему-то синяя. Мой «камри»?

Поли все таращился на гейзер, шевеля губами. Говорил сам с собой — о чем? Я шагнул вперед, глядя через его голову на рваный край бетонной стены и плавный изгиб частично открывшейся капсулы. Надо что-то делать. Попробовать засыпать ее землей или еще что.

Откуда мы возьмем лопаты, черт бы их побрал?

Почему не запасли в капсуле инструментов?

Дальше земля горбилась на высоту капсулы, прикрывая кусочек бетонного пола и отрезок стены с ржавой стальной дверцей. Сердце у меня зачастило, перевернулось в груди, как говорится. Ладно...

Я спрыгнул вниз, тяжеловесно приземлился, чуть не упал. С чего это я ожидал понижения гравитации? С того, что на мне чертов скафандр? Может, я вообразил себя на Луне? Я с трудом дотащился до земляного горба и попытался взобраться на крыльцо. Черта с два. Если я отсюда сумею дотянуться до нижней кромки двери и...

Она застряла, поднялась косо, и мне послышался визг замерзших роликов по направляющим. Тишина. Она по-

далась всего на пару дюймов и крепко застряла, но я сумел посветить внутрь фонарем шлема и заглянуть туда.

— Ну, дерьмо вонючее!

Конни позвала:

— Скотт?

Теперь уже я безумно расхохотался.

— Скотти?

Я снова повернулся к Поли и с облегчением убедился, что привлек его внимание.

— Похоже, отсек с Кэт уцелел. Похоже, у нас будет вакуумный вездеход.

Он осторожно спустился с площадки капсулы и навалился мне на плечо.

— Часть нашего снаряжения не могла пропасть. Воздушные баллоны и тому подобное.

— И что?

Он сказал:

— Ручаюсь, в этой щели полно дерьма, которое можно спасти.

Взглянув в ту сторону, я увидел сквозь туман еще один азотный гейзер, а вдалеке третий, отсюда совсем маленький. Вот это, подумал я, и называется адским холодом.

После этого мало что случилось.

«Робинзон Крузо». «Швейцарская семья Робинзонов». Или «Свободное владение Фарнхэма»[1]. Почти что «Остров в море времени», помните? Только без Нантакета[2].

Я проснулся на следующее утро, чувствуя, что пузырь готов лопнуть, ощущая на губах вкус Мэриэнн. Она свернулась рядом, крепко спала и тихо похрапывала, а солнце над горами поднималась как большой розовый воздушный шар.

Я встал, с хрустом потянулся — все суставы закоченели от сна на холодной-холодной земле — и задумался, почему чертовы боги оставили меня пятидесятилетним. Конечно...

---

[1] *«Свободное владение Фарнхэма»* — роман Роберта Хайнлайна.

[2] *«Остров в море времени»* — роман канадского писателя Стивена Майкла Стирлинга из альтернативно-исторической трилогии о Нантакете.

Я отыскал узкий проход в изгороди, уже раздвинутой кем-то другим, прохромал несколько шагов вниз и бодро помочился. Рядом, в нескольких шагах, мочился Джонас. Поймав мой взгляд, он весело подмигнул:

— Глубоко там!

Ниже по склону что-то зашевелилось, и я, обернувшись, увидел необъятно толстую женщину, шагавшую к нам. Груди ее подскакивали, валики на животе извивались. На ляжках очень неплохие мускулы.

За ней вприпрыжку, бочком поспевал Поли, причитая:

— Ольга, ну пожалуйста, Ольга, я не хотел...

Она вдруг остановилась и развернулась, расставив ноги дюймов на восемнадцать, размахнулась сплеча, и ее кулак звучно врезал Поли по носу. Она двинулась дальше, направляясь к лесу, где вчера видели слона.

Поли опрокинулся навзничь, зажимая лицо руками. Когда он отвел ладони, под ними оказалось много крови, нос его искривился, может был сломан.

— Оу!

Он снизу взглянул на меня — кровь текла из обеих ноздрей, по губам, по подбородку и по груди — и расплакался.

Вот вам и небеса!

Оставшись с одной спасательной капсулой, притом что температура все падала, нам ничего не оставалось, как откопать Кэт и попробовать добраться до Национального Редута. До самого Колорадо. Полагаете, они нас впустят — теперь? Господи!

Думаю, мы одолели сотню миль.

Чуть быстрее пятнадцати миль в час проклятая штуковина начинала подскакивать, дергаться и крениться, Поли орал, что ни черта не разбирает на экране компьютера, Джулия бранилась, стонала и уверяла, что ее сейчас стошнит. Мы делали остановку, Конни требовала выпустить ее из скафандра, мы двигались дальше, останавливались на обед, снова двигались...

Так прошло, может быть, часов десять, и я крепко спал, когда это случилось.

Не знаю. Вел Пол, за штурмана была Конни, и в кабине воняло мочой. Может, их отвлекла Джулия, когда поймала частоту МКС на рацию Кэт.

МКС в небе!

— Мы здесь, на Земле!

ПОМОГИТЕ! НА ПО-ОМОЩЬ!

Помнится, я проснулся вроде как в невесомости, плавая в скафандре, голова кружилась при виде прилипшего к потолку Поли, Джулия вопила, Конни вопила, скрежетало сминающееся железо, и мы катились с проклятого холма.

Остановились крышей вверх, без освещения.

Джулия всхлипывала.

Все остальные молчали.

Прислушивались.

Тихое постукивание дизеля на холостом ходу, еще более тихие хлопки и шипение воздушных клапанов, питающих двигатель из воздушных баков в прицепе, компрессор, испаритель, дробь кислородных снежинок.

Нормально. Хорошо. Все цело.

Вслушайся. Ничего не шипит?

— Поли?

— Я в порядке.

Отлично. Кому ты, на фиг, нужен? Лучше бы ты сдох, Поли.

— Включи свет.

Щелчок.

— Питание включено. Должно быть, поломка.

— Роскошно. Конни?

— Здесь, Скотт.

Я умостил зад на сиденье и что-то нрижал. Почувствовал сладковатый запах мочи, и Конни сказала:

— Скотт...

— Извини.

Я стал рыться в хламе на полу, в полотняных мешках, пока не откопал фонарик. Щелк. Желтый луч выхватил лицо Поли за открытым визором шлема. Разбил...

Я пробрался к окну и посветил наружу. Отвесные неровные белые стены по обе стороны, узенький проход впереди.

— Дерьмо дело.

— Что там, Скотт? — спросила Конни.

— Мы в расщелине, чтоб ее...

Пол тихо икнул:

— Я... не видел...

— Подвинь задницу.

Я втиснулся на водительское место, подключил траки и шины, нажал газ. Двигатель заворчал, снаружи что-то обвалилось, но мы остались на месте.

Пол сказал:

— Знать бы, стоим ли мы на грунте.

Я повернулся и посветил фонариком на герметичный люк. Заступы и лопаты на бортах. Может... я оглянулся на Поли.

— Ну, что скажешь?

Он зажмурился и, кажется, на секунду задержал дыхание. Потом беззвучно зашевелил губами. Что за фигня, Поли? Молишься? Только это нам и осталось. Он открыл глаза и сказал:

— Я так устал. Не хочешь попробовать?

Загнанный вид, глаза блестят все ярче. Господи, только не плачь, Поли. Он сказал:

— Мне надо посрать.

— Ну, это дело важное.

— Пожалуйста, ох...

Звук, когда он выпустил это из себя, был ясно слышен, глаза скошены, лицо наморщено.

Конни, которая сама плавала в моче, рявкнула:

— О дьявол!

Я ухмыльнулся:

— Что за дерьмо ты вчера ел?

— Замороженные тако.

— Умно.

Я еще раз посветил в окно и выключил фонарь. Над расщелиной виднелось небо, полное звезд.

— Слушайте, если мы сейчас попробуем выбраться наружу, только быстрее загнемся. Не говоря уже о расходе воздуха. Почему бы пока не поспать? Может, с утра что-нибудь надумаем.

Потом я открыл глаза в темноте, не зная, который час и долго ли я спал. Я был один на переднем сиденье, раскинулся, упершись ногами в край пассажирского кресла, лицом к окну. Я видел звездное небо без знакомых созвездий. Сиденье тихонько вздрагивало от холостой работы двигателя.

А если бы он заглох, пока мы спали, а? Ни за что бы не завести на такой холодине. Конни растянулась на средней койке, тихо ахала во сне, закинув одну руку мне на бедро.

Пол с Джулией, должно быть, теснились вдвоем сзади. Если бы мог, Поли, выбрался бы ты из скафандра ради одного последнего перепихончика? Или это я о себе подумал?

Кто-то тихонько хлюпал носом. Не Джулия.

Глядя на звезды, понял, что вижу, как они медленно сдвигаются с востока на запад. Мир еще вращается? Ну, хоть это.

И какого черта нам делать?

Когда дизельное топливо выгорит и мотор встанет — через неделю или через десять дней, — мы продержимся еще шесть-семь часов на батареях скафандров, а потом замерзнем насмерть.

Вот и все, люди?

Или выйти наружу, потеряв целую кабину воздуха и попытаться высвободить чертову Кэт? А дальше что? Предположим, мы ее освободим. А сумеем ли вывести отсюда? Под передним бампером есть лебедка. Может быть...

Черта с два — может быть.

Дерьмо это все насчет «не умирай прежде смерти».

И где этот чертов Супермен, когда он нужнее всего? Может быть, та другая мысль была не так плоха.

Я следил за медленным, торжественным танцем звезд и через какое-то время задумался, почему не все они движутся с одной скоростью, а еще немного спустя — почему не все в одну сторону. Вот та звезда справа, что чуточку ярче других, как будто сорвалась с места и ползет наискосок.

— Поли?

Хлюпнул носом.

— Поли, проснись.

— Какого... тебе надо?

Обида. Горечь. Все что угодно.

Все, что между нами было плохого. Я сказал:

— Теперь ведь отраженного света не хватит, чтобы осветить большой спутник?

Его презрение, как говорится, можно было пощупать.

— Конечно нет.

Я ткнул пальцем в окно и сказал:

— Тогда что это за фиговина?

Корабль оказался из Колорадо, люди на борту исследовали таинственный источник нашего инфракрасного излучения и очень удивились, увидев построенный нами луноход.

Ну, остальное вам известно. Полет к Национальному Редуту, уход Конни, потом благословенная Мэриэнн, экспедиция к Солнцу и... верно. Конец.

Мэриэнн все вытягивала шею, пока мы прокладывали путь через высокую осоку, привставала на цыпочки и затеняла глаза ладонью, следя за стаей пугливых шимпанзе, которые уже несколько дней держались на параллельном курсе. Там были большие мохнатые самцы и самки с младенцами, чертовски хитрые. Следили за нами, держались рядом, но близко не подпускали.

Мэриэнн прошептала:

— Чего они хотят, как ты думаешь?

Я взвесил в руке закаленную в огне палку с острым концом, служившую нам копьем, и сказал:

— Возможно, понимают, что саблезубые коты нас боятся.

Прошел уже месяц с тех пор, как наше маленькое племя покинуло вершину холма и стало спускаться ко дну долины Земного пузыря,— месяц, отсчитанный по зарубкам, которые Милликан делал на палке своим первым кремневым ножом. Чертовски толковый сукин сын. Впрочем, он заставил меня вспомнить, что я тоже кое-что умею. И заставил всех нас задуматься, чего же мы хотим. Конни за этот ме-

ещё не объявилась, Лара и прочие тоже, и страх перед такой встречей понемногу сошел на нет. Но я все же задумывался. Будет ли Лара, если я ее найду, по-прежнему тридцатилетней? Неужели?

От нее мне остались только смутные воспоминания о замечательных ночах. Так ли потрясающе это было? Единственный способ проверить — если она появится и...

Джонас, шедший впереди, поднял широкую руку и глубоко вздохнул:

— Чувствуете, как пахнет морем? Оно должно быть где-то рядом.

В воздухе и впрямь ощущался солоноватый привкус. И равномерно шелестел наверняка не ветер. Я сказал:

— Когда поднимемся на дюны, видно будет дальше.

Снизу нам видны были только снежные вершины Кольцевых гор.

Бог. Всему даю имя.

Внезапно что-то басовито взвыло, словно неподалеку унылый великан заиграл на трубе. Шимпанзе дернулись, выпучили глаза, болтая и жестикулируя, сбились поближе к нам.

Милликан выглядел еще более испуганным, чем обезьяны, и сказал:

— Как, говоришь, назывались те трубящие чудовища?

— Паразауролоф[1].

Спускаясь под уклон, мы быстро установили, что жизненные формы разных эпох располагались поясами, уходя все дальше во времени по мере погружения в туман. Без машинной технологии мы далеко не уйдем. Здесь, внизу, должно быть другое содержание кислорода в воздухе. А еще глубже, в архейской эре...

Мы едва ли добрались до границы плейстоцена, впервые в жизни увидели мамонтов и прочих, а уже показались динозавры. Семьдесят шесть миллионов лет назад мир был населен большими подвижными животными. И ничто не мешало им прогуливаться вверх по склону.

---

[1] *Паразауролоф* — динозавр мелового периода. Предполагается, что его полый гребень позволял испускать громкое мычание.

Каково-то будет, когда эта смесь дойдет до кипения?

И что, черт возьми, станет со мной, если я погибну здесь?

Боги об этом почему-то ничего не сказали.

Милликан рассматривал свое копье.

— Против тираннозавра с него будет мало проку.

— Вовсе не будет.

Джонас поднялся на гребень дюны и вдруг бросился плашмя на землю.

— Боже!

Я вскарабкался к нему, подтянул за руку Мэриэнн и остановился, как только смог заглянуть за гребень.

Океан. Жирный, плоский океан тянулся так далеко, что казался нереальным. В нем виднелось что-то большое. Большое, как кит.

Мэриэнн сказала:

— О господи, ты посмотри! — указывая на широкий белый пляж, словно собранный из тысячи Вайкики.

Одно из мелких волосатых созданий оторвалось от еды, выпрямилось, зажав в одной руке устрицу, в другой — плоский камень. Раскрыло раковину и выело внутренность. Небрежно пнуло соседа и кивнуло на дюну. Стоявшее на коленях существо, самка, судя по обвислым волосатым грудям, обернулось и взглянуло на нас. Застыло.

Мэриэнн сказала:

— Это ведь умелый[1].

Я кивнул, на миг пожалев, что здесь нет Поли и я не могу сказать, что они — вершина эволюции.

Бен Милликан, присевший на корточки рядом со мной, ухмыльнулся себе в бороду:

— Самое крутое приключение в моей жизни!

За полосой прибоя что-то выскочило из воды, по-дельфиньи описало дугу и скрылось. Показалось снова, стоя на хвосте и глядя, кажется, прямо на нас, издало почти членораздельный визг, похожий на крик обученного словам попугая.

---

[1] Подразумевается человек умелый, одна из стадий развития первобытного человека.

— Он как будто знает, что мы здесь, и радуется,— шепнула Мэриэнн.

Милликан усмехнулся:

— Может, этот чертяка — Флиппер?

Еще ближе простонал паразауролоф, и, оглянувшись, я увидел в нескольких шагах от себя отчаянно перепуганного самца шимпанзе. Натянуто улыбнувшись, я припомнил все, что когда-то читал, и жестом пригласил его подойти.

Когда мы остановились на ночевку, на небе появилось одновременно шесть лун.

Возрождение.

Это даже не назвать второй попыткой, потому что первую мне испортили, не дав и начать в лживом старом мире.

С перевала в Кольцевых горах Земной пузырь выглядел нереальным, больше походил на импрессионистское полотно, чем на Гранд-Каньон или вид на юг с Килиманджаро. С любой вершины мир кажется запрокинутым, кренится чем дальше, тем круче. С южного края Гранд-Каньона облака над северным краем кажутся неправдоподобно скошенными кверху. Только не здесь.

Здесь была чаша тумана, чаша неизвестной величины, заполненная цветными, подернутыми дымкой ландшафтами: пестрыми — зелеными, золотыми, синими — кругами над бездной густого желтовато-белого тумана. Там, в самой глубине, был воздух, не пригодный ни для одного из животных фанерозоя[1]. Там лежал мир бактерий, которым принадлежала половина земной истории.

Их жизнь боги сочли не менее ценной, чем наша.

Мы проводили что-то вроде триангуляций, отмечая Кольцевые горы с разных точек пути, занося углы и азимуты на берестяные карты, пока обходили мир, день за днем, месяц за месяцем, год за годом, сперва медленно спускаясь в прошлое, потом поднимаясь к концу света.

Вы не жили, если не слышали вопля диметродона.

В какой-то момент мы прикинули, что долина должна иметь диаметр полмиллиона миль — плюс-минус. Доста-

[1] *Фанерозой* — эра «явной» жизни начиная с кембрия.

точно ли, чтобы вместить все, что когда-то было? Может, и достаточно. Трудно сказать.

Мне тогда вспомнился другой мир: придуманный мною «мир без конца», наклеенный на внешнюю поверхность творения, — последнее пристанище переселяющихся душ. Где-то здесь могла бы существовать Небесная Америка — если бы нам вздумалось ее устроить. Места хватит.

Только стоит ли труда?

Здесь, наверху, не было ветра — и хорошо, что не было, потому что холод стоял, какого до конца не бывало и в аду. Этот перевал мы высмотрели несколько месяцев назад, несколько месяцев взбирались к нему, поднявшись, пожалуй, на восемьдесят тысяч футов над травянистой зоной конца времен, к подножию Кольцевых гор.

Безнадежно.

Это Джонас заметил, что давление не меняется при подъеме и спуске, и предположил, что градиент гравитации здесь не таков, как был у нас дома, а соответственно, иная и атмосферная шкала высот.

У нас дома?

Забавно называть это домом.

Для меня там никогда дома не было.

Тот мир был домом только для дешевых лживых миллиардов, которые ни для кого не живут и ни за кого не умрут.

Мэриэнн сказала:

— Тебе идет седина и борода, Скотти. Я рада, что их не отобрали, когда возвращали нам молодость.

Возвращали молодость?

Едва ли.

Скорее, здоровье, а оно не хуже молодости.

Я взглянул на нее, стоящую рядом, и улыбнулся, думая, как пбшло было разглядывать дали внизу, когда рядом была она. Тут же стояли и остальные: кто смотрел вниз, кто на вершины по сторонам прохода, кто, сбившись в группки, толковал невесть о чем.

Бен и Кэти, Джонас и его друзья. Черный парень из типографии HDC, который обрадовался, наткнувшись на нас в первую ночь. Даже Джек, чудаковатый директор по рекламе,

всеми силами старавшийся быть не начальником, а милым человеком. Забавно было видеть его рука об руку с новым дружком, Остроглазым Коршуном из племени стройных темнокожих людей, называвших себя Детьми Матери.

Мы сочли их кроманьонцами, одной из пяти рас человечества, выплеснувшихся из Африки сто тысяч лет назад и затопивших Древний мир.

Один из троллей, поймав мой взгляд, махнул рукой. Глаза веймаранера[1] блестели над носом Дуранте[2], и все терялось в космах платиновых волос. Пять футов и четыре дюйма, сталь гнет руками. Имени нет. Речь — словно невнятное щебетание из мультфильма.

Ребята из типографии поначалу прозвали его Фредкремень. Но он скоро раскусил, что над ним смеются. Потом он жалел о погибшем, засыпал тело цветами и каменными орудиями и плакал над могилой.

Проход в Кольцевых горах оказался коротким, всего несколько сот ярдов, а спуск очень походил на подъем, и мы остановились над ним, разглядывая, что лежало по ту сторону.

Апельсиновый мир.

Будь здесь Поли, догадался бы он, что это Кзин[3]?

Оранжевая, надо думать, растительность, оранжевые облака. Зеленая вода, если это была вода. Странный запах, взволновавший нашего неандертальца, который забормотал, подставив рыльце ветру, если это был ветер.

Тумана здесь не было.

Эта долина, пока безымянная, походила на огромный метеоритный кратер, как положено, с центральной вершиной, поднимавшейся из кольца моря, воды в котором хватило бы на оксаны нескольких миров. Вдали, не меньше чем в полумиллионе миль, виднелся другой край Кольцевых гор. А за ним, конечно, еще один мир, а за ним еще...

---

[1] *Веймаранер* — порода собак, близких к легавым.

[2] *Джимми Дуранте* — американский актер, отличающийся крупным мясистым носом.

[3] *Кзин* — оранжевая инопланетная раса из романа Л. Нивена «Инженеры Кольца».

Я словно увидел их — как ямочки в неописуемо огромной вафле, протянувшейся от начала до конца времен. Мэриэнн рядом со мной заговорила:

— Не просто все миры старой Вселенной, а все миры всех вселенных, какие только существовали или могли существовать.

Я взял ее руку и вместе с ней сделал первый шаг вниз.

— Все, — сказал я, — и до всех можно дойти.

Невообразимое будущее?

Возможно.

Я думал, что буду скучать по тебе, Поли.

Но не скучаю.

КЕЙДЖ БЕЙКЕР

Книги

В день, когда я получил гранки этой антологии, я узнал, что Кейдж Бейкер умерла от рака в пятьдесят семь лет. Это ее последнее завершенное произведение.

Бейкер прославилась благодаря своей серии произведений о бессмертных служащих Компании, путешествующих во времени. Открывает серию первый роман писательницы «В садах Идена» («In the Gardens of Iden», 1997). Роман в жанре стимпанк «Совсем как боги» («Not Less Than Gods», 2010) знакомит читателей с некоторыми подробностями викторианского предшественника Компании — Исследовательского общества. Роман «Дом Оленя» («The House of the Stag», 2008) попал в шорт-лист Всемирной премии фэнтези.

В этом рассказе, написанном специально для данной антологии, мы заглянем во времена после апокалипсиса, когда спасшиеся люди пытаются вернуться к нормальной жизни.

В те дни, когда легче еще не стало, мы были вынуждены заходить далеко вдоль побережья. Тогда к нам еще не привыкли.

Вообще-то, если подумать, вид у нас был жуткий: тридцать трейлеров, набитых людьми из Труппы, причем перепуганными и грязными людьми, которым пришлось пробираться через равнины из того места, где мы стояли лагерем, когда все рухнуло. Я, конечно, не помню, как все рухнуло, меня тогда еще не было.

Мы переезжали с места на место и давали представления на манер старинных ярмарочных забав, чтобы люди знали, какая была жизнь в прежние времена, — сейчас-то все это кажется полной чушью, но тогда... Как там поется в песне? Про то, как человечество ринулось к звездам? И все считали, что так и будет. Дяди и тети создали Труппу и устраивали Представления, чтобы люди космической эры не забыли, что такое ткать полотна и лить свечи, когда полетят в свой космос. Наверное, это и есть ирония судьбы.

А потом пришлось изменить программу Представлений, потому что... В общем, устраивать турниры мы больше не могли, потому что лошади были нужны, чтобы запрягать в трейлеры. И дядя Бак бросил делать своих затейливых дракончиков с глазами из горного хрусталя — кто теперь будет покупать подобную ерунду? И вообще ему хватало хлопот с подковами. И вот дяди и тети посоветовались и решили устроить все так, как сейчас: мы входим в город, даем Представление, люди смотрят его, а потом разрешают нам остаться на некоторое время, потому что мы делаем всякие полезные штуковины.

Сам я впервые вышел на сцену в роли запеленатого младенца. Я этого, конечно, не помню. Помню, как потом играл в какой-то пьесе про любовь, на мне была пара крылышек, и больше ничего, и я бегал по сцене голышом и пускал в героиню бутафорскую стрелу из бутафорского лука, покрытого блестками. А в другой раз играл лилипута. Я не лилипут, лилипутка в Труппе была только одна, тетя Тамми, она уже умерла. Но у нас имелся номер с парой танцующих лилипутов, ей требовался партнер, вот мне и пришлось надеть черный костюм и цилиндр.

К тому времени папа уже заболел и умер, поэтому мы с мамой жили в одном трейлере с тетей Нерой, делавшей горшки, кувшины и все такое прочее, а значит, и с ее племянником Мико. Говорят, будто он потом свихнулся, но это неправда. Он с самого начала был не в себе. Когда все рухнуло, тетя Нера ненадолго ушла из Труппы, чтобы проведать своих — они были городские, — да только они все умерли, кроме малыша, вот она и взяла малыша и разыскала нас опять. Она говорила, что Мико был совсем маленький и ничего не помнит, но я думаю, кое-что он запомнил.

В общем, мы росли все вместе — мы и Санни, которая жила в трейлере тети Кестрель, соседнем с нашим. Тетя Кестрель была в Труппе жонглером, и Мико думал, что это страх как здорово, и хотел сам стать жонглером. Вот он и попросил тетю Кестрель поучить его. А Санни уже умела жонглировать, она ведь видела свою маму за работой с самого рождения и умела обращаться и с шарами, и с булавами и делать тот фокус, когда жонглер обкусывает яблоко, — все

что хочешь. Мико решил, что у них с Санни будет номер — дети-жонглеры. Я ревел, пока они не сказали, что и меня возьмут, только мне придется научиться жонглировать,— ух, как я потом жалел! Пока учился, выбил себе булавой передний зуб. Новый зуб вырос, только когда мне было семь, так что я три года ходил посмешищем. Зато так навострился, что мог маршировать и на ходу жонглировать факелами.

Только это было уже после того, как наш номер утвердили. Мико пришел к дяде Джеффу и долго ныл, и дядя Джефф сделал нам костюмы. У Мико был черный камзол и бутафорский меч, а у меня — клоунский комбинезон с большим круглым гофрированным воротником в блестках. У Санни было платье принцессы. Мы назывались «Минитроны». Вообще-то, это Мико придумал. Уж не знаю, кого он считал минитронами, но звучало просто супер. По сценарию мы с Мико оба были влюблены в принцессу, а она не могла выбрать, поэтому нам нужно было по очереди делать всякие жонглерские трюки, чтобы добиться ее руки, но тут оказывалось, что она жонглирует лучше нас обоих, и приходилось решать вопрос поединком на мечах. Я всегда проигрывал и умирал от разбитого сердца, но тут принцессе становилось меня жалко, и она клала мне на грудь бумажную розу. Тогда я вскакивал, мы все выходили на поклон, а потом убегали, потому что следующим был номер дяди Монти с его дрессированными попугайчиками.

Когда мне исполнилось шесть, мы уже чувствовали себя опытными актерами и важничали перед другими детьми, потому что у нас был единственный детский номер. Мы исполняли его уже в шести городах. Это было в тот год, когда дяди и тети решили, что нужно протащить трейлеры как можно дальше по побережью. Раньше, пока все не рухнуло, там, на краю большой пустыни, находился крупный город. Даже если в нем почти не осталось людей, для которых стоило устраивать Представление, там наверняка было полно разного полезного хлама.

В город мы вошли нормально, никто даже не стрелял. Вообще-то, это было удивительно, потому что, как выяснилось, там жили одни старики, а старики всегда палят в тебя почем зря, если у них есть ружья, а у этих ружья имелись.

Еще удивительным было то, что город оказался громадным — по-настоящему громадным, я все время ходил запрокинув голову и таращился на все эти башни, уходившие прямо в небо. У некоторых даже крыши видно не было — терялась в тумане. Сплошные зеркала, стекло, арки, купола — и сердитые каменные рожи, глядевшие вниз с огромной высоты.

Но старики жили на побережье, потому что в городе чем дальше, тем больше было песка. Сюда заползала пустыня, с каждым годом отбирая понемногу. Вот почему все молодые ушли — здесь ничего невозможно было вырастить. Старики остались: у них имелись большие запасы всяких консервов, и вообще им тут нравилось, потому что тепло. Правда, они сказали, что еды у них мало и делиться нечем. Дядя Бак объяснил им, что мы просим только разрешения войти в какую-нибудь пустую башню и отодрать там сколько получится медных труб, проводов и прочего, что можно увезти с собой. Старики подумали, что это не страшно, они опустили ружья и позволили нам разбить лагерь.

Тут выяснилось, что Труппе придется давать дневное Представление, потому что все старики рано ложились спать. Глотатель огня закатил жуткий скандал, потому что никто же не разглядит его номер при ярком свете. В конце концов все получилось нормально, потому что следующий день выдался темным и пасмурным. Вершин башен было совсем не видно. Нам вообще пришлось зажечь факелы по краям большой площадки, где мы установили сцену. Старики потянулись вереницей из своего многоквартирного дома и расположились на сиденьях, которые мы им поставили, но потом вдруг решили, что сегодня свежо, и зашаркали обратно в дом за кофтами. Наконец Представление началось и шло отлично, если не считать того, что некоторые старики были слепые и друзья рассказывали им, что происходит на сцене,— очень громко.

Им понравилась тетя Лулу и ее дрессированные собачки, а еще номер силача дяди Мэнни — тот, где он поднимает «фольксваген». Мы, дети, знали, что из машины выпотрошили все тяжелое вроде двигателя, но старики-то не

зиали. Они аплодировали дяде Дерри, Мистическому Магу, хотя те, кто пересказывал происходящее слепым, проорали весь номер, и его пришлось страшно затянуть. Дядя Дерри вернулся за занавес, служивший вместо задника, бормоча что-то себе под нос, и стал сворачивать самокрутку.

— Ребята, публика сегодня просто зверская, — сказал он и зажег самокрутку от одного из факелов. — Следите за ритмом.

Но мы-то были дети, так что пусть все взрослые в мире хоть оборутся — мы и ухом не поведем. Мы похватали бутафорские корзины и побежали на сцену. Мико шагал туда-сюда, махал мечом и выкрикивал свою роль про то, что он отважный и грозный Капитанио. У меня была маленькая игрушечная гитара, и я бил по струнам и притворялся, будто гляжу на луну, и произносил свои слова про то, что я бедный дурачок, влюбленный в принцессу. Вышла Санни и станцевала свой принцессин танец. Потом мы жонглировали. Все шло как надо. Я чуть не сбился только один раз — когда на долю секунды взглянул на публику и увидел, как огни от моих факелов отражаются в стариковских очках. Но ни одного факела я не уронил.

А вот Мико, похоже, здорово завелся — я заметил, как он свирепо таращится сквозь маску. Когда в конце у нас был поединок на мечах, он стукнул меня слишком сильно — как всегда, когда заводился, — так саданул по костяшкам, что я вслух сказал «Ой», но публика этого не расслышала. Когда на Мико такое находило, у него волосы чуть ли не дыбом вставали и он становился как бешеный кот — скакал и шипел — и дрался по поводу и без повода. Иногда я потом спрашивал у него, в чем дело. Он только пожимал плечами и извинялся. А один раз и говорит — потому, мол, что жизнь жуть какая скучная штука.

Я все равно спел свою печальную песенку и умер от разбитого сердца — мой комбинезон прошуршал по мостовой «Пфуф». Я почувствовал, как Санни подошла и положила мне на грудь розу, и — по гроб не забуду! — какая-то старушка закричала своему старику:

— А теперь девочка дает ему розу!

А старик как заорет:

— Чего?! Какую дозу?!

— Господи, Боб! РОЗУ!

Я как раз изображал мертвеца, но не мог сдержаться и захихикал, Мико и Санни поставили меня на ноги, мы поклонились и убежали. За сценой Мико и Санни тоже стали смеяться. Мы прыгали и смеялись — и здорово мешали дяде Монти, которому нужно было выкатить на сцену всех своих попугаев с насестами.

Когда мы наконец успокоились, Санни спросила:

— А теперь что?

Это был хороший вопрос. Обычно мы давали Представление вечером, поэтому после него расходились по трейлерам, снимали костюмы и наши мамы кормили нас и укладывали спать. Нам еще никогда не приходилось выступать днем, так что мы стояли и глядели друг на друга, пока глаза у Мико не вспыхнули.

— Можем разведать Заброшенный Город в Песках, — проговорил он таким голосом, что сразу показалось, будто круче этого ничего на свете нет.

Мы с Санни сразу тоже захотели разведать Город. Поэтому мы улизнули из-за сцены, пока дядя Монти орал до хрипоты, пытаясь заставить попугаев делать, что он велит, и через минуту уже шагали по бесконечной улице, вдоль которой выстроились домищи великанов.

Вообще-то, они принадлежали вовсе не великанам — огромные буквы высоко на стенах гласили, что это такая или сякая корпорация, организация, биржа или там церковь, но, если бы из-за угла вышел великан и поглядел на нас сверху вниз, мы бы не удивились. Вдоль боковых улиц дул ветер с моря, песок шелестел и стлался перед нами по земле, словно привидение, но, кроме этого, было по-великански тихо. Только наши шажки отдавались в дверных проемах.

Окна по большей части располагались высоко у нас над головой, и смотреть в них было особенно не на что. Мико, который брал меня на плечи и заставлял заглядывать внутрь, все твердил, что надеется увидеть за каким-нибудь письменным столом скелет в наушниках, но ничего такого мы не обнаружили: когда все рухнуло, люди гибли не настолько

быстро. Мама говорила, что, заболев, люди запирались дома и ждали, умрут они или нет.

В общем, в конце концов Мико стало скучно и он затеял игру: поднимался на крыльцо каждого встречного дома, стучал в дверь рукоятью меча и кричал: «Народное ополчение! Открывайте, или мы войдем сами!» Потом он дергал за ручку так, что дверь тряслась, но все давным-давно было заперто. Иногда двери оказывались такими тяжелыми, что даже не тряслись, а стекла такими толстыми, что их было не разбить.

Квартала через три мы с Санни стали поглядывать друг на друга и поднимать брови: «Ты ему скажешь, что хватит уже играть в эту игру, или мне сказать?» — и тут случилась странная штука: одна из дверей медленно открылась внутрь. Мико шагнул в вестибюль, или как оно там называется, и дверь за ним закрылась. Он стоял и глядел на нас сквозь стекло, а мы глядели на него, и я перепугался до смерти, потому что решил, что теперь нам придется бежать обратно и звать дядю Бака и тетю Селену с молотками, чтобы вызволить Мико, и тогда нам крепко попадет.

Но тут Санни взяла и толкнула дверь, и та снова открылась. Санни направилась внутрь, и мне тоже пришлось. Мы стояли втроем и озирались. Там оказался стол и сухое деревце в кадке и огромная стеклянная стена с дверью, которая вела дальше вглубь здания. Мико ухмыльнулся.

— Это первая камера в Сокровищнице Заброшенного Города! — завопил он. — Мы только что убили гигантского скорпиона и теперь должны победить армию зомби, чтобы попасть во вторую камеру!

Он вытащил меч и с воплем бросился к внутренней двери, но она тоже открылась — без единого звука, — и мы побежали за ним. Внутри было гораздо темнее, но все равно хватало света, чтобы прочитать таблички.

— Это библиотека, — сказала Санни. — У них тут были книжки.

— Книжки?! — злорадно воскликнул Мико, а у меня сердце так и заколотилось.

Естественно, книжек мы видели много — была, например, одна очень скучная с заклеенной обложкой, по кото-

рой тетя Мэгги учила всех читать. У всех наших знакомых взрослых было по одной-две книжки, а то и целый склад, хранившийся в коробках или сундуках под кроватью, их листали при свете лампы и читали вслух, если дети вели себя хорошо.

У тети Неры имелось с десяток книжек, и она часто нам читала. Когда Мико был маленький, то все время плакал, и успокоить его можно было только чтением. Мы знали все о Последнем единороге и о детях, попавших в Нарнию, а ужасно длинную историю про какую-то компанию, которой нужно было бросить кольцо в вулкан, я никогда не мог дослушать до конца. Была еще одна жутко длинная история о чокнутой семейке, которая жила в большом замке, только она состояла из трех книжек, а у тети Неры оказались только первые две. Теперь-то шансов раздобыть третью у нее не было — после того, как все рухнуло. Книжки являлись редкостью и древностью, они требовали бережного обращения, иначе пожелтевшие страницы рвались и крошились.

— Мы обнаружили все книжки во вселенной! — заорал Мико.

— Не дури, — сказала Санни. — Наверняка кто-нибудь уже много лет назад все забрал.

— Да ну?

Мико повернулся и побежал дальше, в темноту. Мы бросились за ним и кричали, чтобы он остановился, и вместе попали в большую круглую комнату, откуда в разные стороны расходились коридоры. Там стояли столы и висели пустые мертвые экраны. Мы всё видели, потому что в конце каждого коридора были окна и по каменному полу тянулись длинные полосы света и отражались от длинных полок, которые висели на стенах, и от неровной поверхности того, что располагалось на этих полках. Держась вместе, мы наугад выбрали коридор и двинулись по нему к окну.

Примерно на полпути Мико подпрыгнул и выхватил что-то с полки:

— Вот! Что я вам говорил? — Он помахал перед нами книжкой.

Санни нагнулась поглядеть. На обложке не было никакой картинки — только название крупными буквами.

— «Тез-аурус»[1] — прочитала Санни вслух.

— Это про что? — спросил я.

Мико открыл книжку и попробовал почитать. Вид у него на миг стал такой злобный, что я приготовился убегать, но потом он пожал плечами и закрыл книжку:

— Просто слова. Наверное, какой-нибудь секретный шифр. В общем, она теперь моя. — И он сунул книжку под камзол.

— Красть нельзя! — заявила Санни.

— В мертвом городе ты ничего не крадешь, только спасаешь, — объяснил я ей, как всегда говорили нам дяди и тети.

— Это не мертвый город. Тут живут старики.

— Они скоро умрут, — сказал Мико. — И вообще, дядя Бак уже попросил разрешения забрать вещи.

Санни пришлось с этим согласиться, и мы двинулись дальше. Мы быстро выяснили, что остальные книги на полках были настоящими большими томами в твердых переплетах — вроде книги дяди Деса «Барлоджио. Основы стеклодувного дела».

Сначала мы расстроились, потому что в книгах в этом коридоре не оказалось никаких интересных историй. Все это была — как там ее? — справочная литература. Мы ушли оттуда унылые, с ощущением, что нас обвели вокруг пальца, и тут Санни заметила указатель.

— Книги для детей — пятый этаж! — объявила она.

— Супер! Где тут лестница? — Мико огляделся.

Все мы прекрасно знали, что никогда и ни за что нельзя приближаться к лифту, потому что лифты не просто обычно сломаны — в них можно погибнуть. Мы нашли лестницу и топали вверх целую вечность, но все-таки добрались до этажа с книгами для детей.

Указатель не соврал. Мы застыли с разинутыми ртами: там были настоящие книги. Большие, твердые, толстые — но не про взрослую скукотень. Книги с яркими картинка-

---

[1] *Тезаурус Роже* — один из первых в истории идеографических словарей. Составлен британским лексикографом Питером Марком Роже около 1805 г. и опубликован в 1852 г.

ми на обложках. Книги — для нас. Даже столы и стулья там были рассчитаны на наш рост. Как же это было здорово!

Санни тихонько взвизгнула, кинулась вперед и схватила книгу с полки:

— Это же «Нарния»! Глядите! С другими картинками!

— Повезло! — кричал Мико, пританцовывая. — Вот повезло!

Я ничего не мог сказать. Просто в голове не укладывалось: все эти книги наши. По крайней мере, все, что мы могли унести с собой.

Мико испустил боевой клич и помчался по проходу. Санни застыла у первой же полки и смотрела на книги, и вид у нее был чуть ли не больной. Я подошел поглядеть.

— Слушай, — прошептала Санни. — Их тут миллионы. Как же выбрать? Нам нужно как можно больше историй.

Она показывала на целый ряд книг с разноцветными названиями: «Книга бордовой феи». «Книга голубой феи». «Книга лиловой феи». «Книга оранжевой феи». Феи меня не интересовали, поэтому я просто хмыкнул и отвернулся.

Я выбрал себе проход и обнаружил там полки, забитые тонкими книгами с большими картинками. Открыл одну и заглянул в нее. Читать ее было очень легко — с такими-то крупными буквами, — и картинки оказались смешные, но я успел прочитать ее прямо тут, у полки. Книга была про таких огромных зверей — как там они называются? — слоны. Они танцевали в смешных шляпах. Я представил себе, как тетя Нера читает нам ее вслух зимними вечерами. Этой книги и на вечер не хватило бы, даже на то, чтобы почитать перед сном. Одна история — и все. А нам надо было забрать с собой книги, битком набитые историями. Такими, у которых есть... как там его? Содержание.

Мико заорал откуда-то издалека:

— Ух, какая крутая! Тут про пиратов!

Там, где я стоял, было очень темно, поэтому я двинулся по проходу к окну. Чем дальше я шел, тем толще становились книги. Была куча книг про собак, но истории там оказались какие-то похожие; потом были книги про лошадей — и тоже все одинаковые. Были книги про то, как

учить детей делать полезные штуковины, но когда я к ним присмотрелся, оказалось, что все они ерундовые — ну, как сшить мамочке прихватку или сделать что-то из палочки от эскимо. Я даже не знал, что такое эскимо, тем более — где его взять. Еще были книги про то, как люди жили в старые времена, но это я и так знал, и вообще в этих книгах историй не было.

И все это время Мико вопил: «Ого! Да тут у них и копья, и щиты, и боги!» или «Оп-па, а в этой книге про ковер-самолет и целая тысяча историй!» Ну почему именно я застрял возле полок со скучными книгами?!

Я подошел к большому окну в конце прохода, выглянул наружу — туман, крыши, мрачный серый океан — и попятился: мне стало страшно, что я залез так высоко. И уже повернулся, чтобы убежать, как вдруг увидел самую большую книгу в мире.

Честно. Она была вполовину моего роста, в два раза больше, чем «Барлоджио. Основы стеклодувного дела», в красном кожаном переплете, и на корешке у нее были золотые буквы. Я присел на корточки и медленно разобрал слова.

«Полное собрание приключений Астерикса из Галлии».

Что такое приключения, я знал: это слово было многообещающее. Я стянул книгу вниз — это была не просто самая большая, но и самая тяжелая книга в мире — и положил ее на пол. Когда я открыл ее, у меня дух захватило. Я нашел самую великую книгу в мире.

В ней было полно цветных картинок, но и слова тоже были, много-много, — картинки изображали, как люди из этой истории говорят. Я впервые в жизни видел комикс. Мама иногда рассказывала про кино и телевидение, и я подумал, что эта книга, наверное, вроде них — говорящие картинки. Здесь была история. Вернее, просто куча историй. Астерикс был такой малявка, не больше меня, но уже с усами и в шлеме, и он жил в деревне, где обитал волшебник с колдовским зельем, и Астерикс сражался в битвах и путешествовал во всякие дальние страны, и с ним происходили приключения!!! И читать эту книгу я мог сам, потому что если попадалось незнакомое слово, можно было по картинкам догадаться, что оно значит.

Я устроился поудобнее — лег на живот и оперся на локти, чтобы не помять накрахмаленный воротник, — и начал читать.

Иногда мир становится очень славным местечком.

Астерикс и его друг Обеликс только-только пришли в Карнутский лес, когда я был вынужден спуститься с небес на землю, потому что услышал, как Мико во весь голос зовет меня. Я встал на колени и обернулся. Потемнело, я не заметил, что наклонялся все ниже и ниже к страницам, потому что свет уходил. В окно колотили капли дождя, и я подумал, каково будет бежать по темным холодным улицам, да еще и мокнуть.

Я поднялся, взял свою книгу, прижал ее к груди и побежал. В центральной комнате было еще темнее.

Когда я пришел, Мико и Санни вовсю ссорились. Санни ревела. Я посмотрел на нее и остолбенел: оказалось, она сняла юбку и набила ее книгами и теперь сидела с совсем-совсем голыми ногами, до самых трусов.

— Нам надо путешествовать налегке, а они очень тяжелые! — втолковывал ей Мико. — Нельзя взять все!

— Мы должны, — ответила она. — Эти книги нам нужны!

Она встала и подняла юбку. Оттуда выпала «Книга оливковой феи». Я пригляделся и увидел, что Санни забрала все разноцветные книги. Мико сердито нагнулся, схватил «Книгу оливковой феи» и уставился на нее.

— Ерунда какая-то, — сказал он. — Кому нужна книга про оливковую фею?!

— Дурак, это не про оливковую фею![1] — завизжала Санни. — Там куча разных историй! Вот смотри!

Она выхватила у него книгу, открыла ее и снова сунула ему под нос. Я бочком подошел поближе и заглянул туда. Так и было: Санни показала нам страницу, где перечислялись все истории в книге. Историй было много: про рыцарей, про волшебство и про всякие незнакомые вещи. Если

[1] Речь идет о сборниках волшебных сказок Великобритании, изданных Эндрю Лэнгом (1844–1912) и названных по разным цветам, например «Оливковая книга сказок» («Olive Fairy Book»).

читать по одной истории за вечер, книги хватит на целый месяц. Так что, в каждой книге месячный запас историй?!

Мико прищурился на страницу и, похоже, что-то решил.

— Ладно, — согласился он. — Только тащить сама будешь. И смотри не ной, что тяжело.

— Не буду, — ответила Санни и задрала нос.

Тут Мико посмотрел на меня — и начал все с начала.

— Нельзя эту брать! — заорал он. — Она слишком большая, и вообще это только одна книга!

— Мне другой не надо, — ответил я. — Сам-то берешь все, что хочешь!

С этим было не поспорить. Мико так набил свой камзол книгами, что выглядел будто беременный.

Мико что-то пробормотал, но отвернулся, а это означало, что спору конец.

— Ладно, все равно пора идти.

Мы пошли — но посредине первого же пролета из юбки Санни выпали три книги, и нам пришлось ждать, пока Мико отстегивал от всех наших костюмов все английские булавки и закалывал пояс юбки. Мы были уже почти на третьем этаже, когда Санни выпустила юбку и все ее книги так и посыпались на площадку с самым громким грохотом во вселенной. Мы побежали вниз следом за ними и собирали их, встав на колени, когда послышался совсем другой шум.

Это было шипение — как будто кто-то натужно втягивал воздух сквозь щели в зубном протезе — и позвякивание — вроде связки ключей, потому что это и была связка ключей. Мы повернули головы.

Наверное, он не слышал, как мы пробегали мимо него по пути наверх. Мы тогда не разговаривали, только бежали, а у него уши совсем заросли волосами, а в одном к тому же была какая-то розовая пластмассовая машинка. А может быть, он просто так увлекся — как я своей книгой, — что не заметил нас. Только он не читал.

В его части библиотеки не было книг. На полках находились лишь старые журналы и кипы пожелтевших газет. Газеты не валялись, скомканные, в старых коробках — в другом виде они нам никогда не встречались, — они были аккуратные и разглаженные. Только почти все лежали на

полу, словно опавшие листья — сотни, тысячи больших листьев, — горы по щиколотку высотой, и на каждом из них был квадратик, расчерченный на черные и белые клетки вроде как для шашек, и в белых квадратиках были напечатаны цифры и написаны карандашом какие-то слова.

Тогда я не знал, что такое кроссворды, но старик ходил сюда много лет — наверное, с тех самых пор, как все рухнуло, — и много лет перебирал все эти журналы и газеты, выискивал все до единого кроссворды и все решал. Поднимаясь на ноги, он уронил огрызок карандаша и оскалился на нас, показав три коричневых зуба. Глаза за стеклами очков были такие огромные-преогромные, чересчур увеличенные линзами и полные безумной ярости. Старик двинулся к нам через груды газет быстро и легко, словно паук.

— Ворье! Фертовы гаденыфы! Фертовы ворифки!

Санни завизжала, я тоже завизжал. Она быстро-быстро запихала в юбку все книги, до которых успела дотянуться, а я сгреб другие, но мы все равно слишком долго возились. Старик поднял свою палку и опустил — хрясь! — но с первого раза не попал, а потом Мико выхватил деревянный меч, приставил к груди старика и навалился на него. Старик с грохотом рухнул, по-прежнему размахивая палкой, но упал он на бок и принялся молотить нас с такой быстротой, что просто не верилось, и так обезумел, что уже ничего не говорил, а просто вскрикивал, брызгая слюной. Когда я поднимался на ноги, он стукнул меня палкой по коленке. Меня прямо как огнем обожгло, и я ойкнул. Мико пнул старика и заорал:

— Бежим!

Мы с Санни улепетывали со всех ног, мигом пролетели по лестнице до самого низа и не останавливались, пока не оказались в последней комнате у дверей на улицу.

— Мико остался наверху, — сказала Санни.

Несколько мучительных мгновений я решал, стоит ли вернуться и поискать его. А когда наконец открыл рот, чтобы вызваться, мы увидели, что он бежит по лестнице к нам.

— Уф, обошлось, — сказала Санни.

Она завязала на подоле юбки узел, чтобы удобнее было нести, и уже взвалила ее на плечо и направилась к двери,

когда Мико нас нагнал. Он сжимал в руках последнюю книгу, которую мы оставили на площадке. Это была «Книга сиреневой феи», и на обложке виднелись два-три пятна, похожие на кровь.

— На. Неси. — Мико сунул книгу мне.

Я взял ее и обтер рукавом. Мы вышли следом за Санни. Я покосился на Мико. Меч у него тоже был в крови.

Только протрусив за Санни под дождем два квартала, я собрался с силами, наклонился к Мико на бегу и спросил:

— Ты его что, убил?

— Пришлось, — отозвался Мико. — Иначе было не отвязаться.

До сего дня я не знаю, правда ли это. Он в любом случае так сказал бы. И не знаю, что я должен был ответить. Мы побежали дальше, и все. Дождь полил сильнее, Мико припустил вперед, нагнал Санни и отобрал ее тюк с книгами, а я отстал. Мико взвалил тюк на плечо. Они двигались бок о бок. Я изо всех сил старался не потерять их из виду.

Когда мы вернулись, Представление уже давно закончилось. Труппа разбирала сцену и аккуратно складывала большие доски. Из-за дождя лотки расставлять не стали, но возле трейлера дяди Криса стояла очередь из стариков под зонтиками, потому что он предложил починить зубные протезы своими ювелирными инструментами. Мико провел нас стороной за трейлером тети Селены, и там мы налетели на наших мам и тетю Неру. Они искали нас уже битый час и здорово сердились.

Весь следующий день я места себе не находил от страха, что старики возьмут свои ружья и нападут на нас, но, похоже, никто не заметил, что тот старик погиб, — если он, конечно, действительно погиб. Еще я ужасно боялся, что тетя Кестрель и тетя Нера пойдут к остальным женщинам и скажут что-то вроде: «Ах да, кстати, дети нашли библиотеку и спасли оттуда несколько книг, может, пойдем туда все вместе и наберем книг для других детей?» — потому что они именно так всегда и делали, — и тогда старика найдут. Но никто никуда не пошел. Наверное, дело в том, что весь следующий день лил дождь и все тети, дети и старики не

высовывались на улицу. А может быть, старик был одиночка и жил в библиотеке сам по себе — и теперь его труп обнаружат только через сто лет.

Так я и не узнал, что случилось на самом деле. Через пару дней мы двинулись дальше — после того, как дядя Бак и прочие открыли двери в один высотный офисный центр и спасли оттуда все хорошие медные трубы, какие только могли унести. Колено у меня покраснело и распухло там, где старик ударил палкой, но за неделю почти все прошло. За книги стоило и пострадать.

Книг нам хватило на много лет. Мы их читали, передавали другим детям, они их тоже читали, и истории оттуда повлияли и на наши игры, и на сны, и на то, каким мы считали мир. В моем комиксе мне больше всего нравилось, что, даже когда герои уходят в дальние края и там с ними происходят приключения, они всегда возвращаются в свою деревню и все опять вместе и счастливы.

Мико нравились другие истории — где герой уходит и совершает славные подвиги, но не обязательно возвращается домой. К двадцати годам Мико наскучило жить в Труппе, и он отправился в какой-то большой город на севере, где, по слухам, снова запустили электричество. В городах, где мы работали, тоже понемногу начали загораться огни, так что такое вполне могло быть. У Мико по-прежнему был тот же голос, от которого все что угодно казалось отличной идеей, — понимаете? — и еще он нахватался из «Теза ауруса» всяких шикарных слов. Так что, наверное, мне не стоило удивляться, что он уговорил Санни уйти с ним.

Санни через год вернулась — одна. Она не рассказывала, что случилось, а я не спрашивал. Через три месяца родилась Элиза.

Все знают, что она не моя. Но мне все равно.

Мы читаем ей зимними вечерами. Она любит истории.

Роберт Рид

Могильщик

Роберт Рид (р. 1956), опубликовавший свое первое произведение в 1986 году, является одним из самых плодовитых писателей-фантастов наших дней. Темы его произведений разнообразны, но, вероятно, наибольшую известность ему принесли оригинальные идеи, подобные представленным в романе «Жизненная сила» («Marrow», 2000), который повествует о группе инопланетян и генетически измененных людей, путешествующих по Вселенной в корабле настолько огромном, что внутри его есть собственная планета. Большинство рассказов Рида пока не объединены в сборники, но некоторые можно прочитать в «Драконах из Весеннего Источника» («The Dragons of Springplace», 1999) и «Кукушатах» («The Cuckoo's Boys», 2005).

Лола со мной согласна — более холодной зимы мы еще не видели. Почти каждую ночь температура ниже нуля, иногда намного ниже, и, если печи не топить как следует, по утрам бывает очень холодно. Уж лучше лежать под толстыми одеялами и валять дурака, шутили мы. Но одиннадцать прожитых вместе лет и два переполненных мочевых пузыря обычно не давали нам лениться слишком долго. Кроме того, у нас дюжина собак, которые воем напоминают, что их пора кормить. За последние две недели у нас вошло в привычку выскакивать из постели, быстро одеваться, выбегать на улицу — у Лолы свой туалет, а у меня свой,— а затем, с собаками, следующими по пятам, бежать в дом и бросать поленья в кухонную плиту, чтобы хотя бы одно помещение стало жилым, прежде чем мы пойдем в атаку на новый день.

Холод — это плохо, но и снег этой зимой не выпал. Ни снежинки. Прошлогодняя засуха не дает никаких намеков на отступление: голые деревья и жалкая бурая трава гнутся под пронизывающим северным ветром.

— Зима — это смерть! — объявляю я громким и важным голосом.

Лола думает, что я немного преувеличиваю, но я в это верю. Если ты не в состоянии мигрировать или впасть в спячку, то здесь нечего есть, кроме остатков с прошлого лета и осени. Если этот холод не закончится, то мы рано или поздно умрем. Но зима, разумеется, всего лишь время года, причем не очень длительное. Жена улыбается и обещает мне новую весну, за которой последует долгое жаркое лето.

— Потому что в воздухе до сих пор много этого... как это вещество называется?..

— Диоксид углерода.

— Даже не знаю, почему не могу запомнить это название.

Лола — девушка простая и практичная. Вот почему.

— Так чего там углерода? — переспрашивает она.

Тем же важным голосом я повторяю свои слова.

— Я люблю тебя, — говорит она.

— И я люблю тебя.

Лола стоит возле разогревающейся плиты, надев два свитера, и помешивает в кастрюльке овсянку. Она счастлива — так, как никогда не смогу быть счастлив я. Улыбаясь без очевидной причины, она спрашивает, что я запланировал сегодня сделать.

— Вспомни сама.

— А ты скажи еще раз.

— Отвезти мясо в город.

— Я забыла, — утверждает она, начиная помешивать быстрее.

Но на самом деле не такая уж она и простушка. То, что она забывает, может оказаться посланием, а не ошибкой. Например, как сейчас: Мяснику Джеку нужно мясо. Но еще у него есть три дочери-подростка. Иногда по ночам Лола лежит, не в силах заснуть, — боится, что я брошу ее ради какой-нибудь молодухи, которая родит мне детей. Если не девчонки Мясника Джека, то в этом проклятом городе живут десятки одиноких женщин — фертильных шлюх, говорящих о Христе, но не верящих в Него. Их развратная легкая жизнь дает им время красить лица и прикрывать тела яркими нарядами, предназначенными только для привлече-

ния мужских взглядов. Лола ненавидит мои поездки в город. Они нам нужны, и она не смеет меня останавливать. Но даже самый бесчувственный чурбан уловил бы ее настроение, а я не из бесчувственных.

Во время завтрака я спрашиваю, что нам нужно и что привезти ей.

Это два совершенно разных вопроса.

Список ее пожеланий сегодня короче обычного. Она называет сушеные яблоки, муку без жучков, овес, может быть, ткань для новой одежды и шерстяную пряжу, если смогу достать. Потом она замолкает, уставившись в столешницу между нами, и молчит — очень многозначительно.

— Что-то не так?

Она качает головой. Но вместо вранья признается, что ей страшно, когда я уезжаю надолго.

— А чего ты боишься?

Лола смотрит на меня.

— Я всегда возвращаюсь, — напоминаю я.

Да, возможно, я не смогу вернуться к вечеру, но завтра я уж точно буду снова здесь сидеть. И останусь дома до весны, если мы раздобудем достаточно припасов за наше копченое мясо.

— Я знаю, что ты вернешься, — соглашается она. И после паузы добавляет: — Ты ведь недолго пробудешь у Мясника.

— Мне надо повидаться со старыми друзьями, — напоминаю я.

Она кивает.

— Ритуалы, — добавляю я.

Один из ритуалов заставляет ее улыбнуться.

— Поехали со мной, — предлагаю я.

Но этого никогда не будет. Мое предложение будит в ней старые чувства. Ее лицо каменеет, и она говорит:

— Меня там не ждут.

— Прошло уже много лет.

— И что изменилось?

— Ну... Вряд ли люди станут говорить гадости тебе в лицо.

Ее прекрасные глаза вспыхивают. Не стоит бередить рану. Мы знаем эту историю, и одно только напоминание о ней заставляет Лолу остаться дома. Кивнув, она признает, что нам нужны припасы, но зато потом мне уже не придется никуда ехать до следующего месяца.

— Раздобудь все, что сможешь, сегодня, — умоляюще произносит она. — То, что нам нужно. И может быть, подарок для меня. Хорошо? А потом возвращайся как можно скорее.

Может быть, моя жена и не знает состава воздуха, зато она лучше меня помнит, ради чего мы дышим.

Невозможно сказать, сколько машин пошло на изготовление моего грузовика. Я потерял счет местам, где находил разные клапаны, болты, кронштейны и прокладки. Но корпус его принадлежал армейскому «хаммеру», а мотор стоит от другого «хаммера» — большой, восьмицилиндровый, переделанный, чтобы работать даже на нашем паршивом самодельном спирте. Все шины у него от разных производителей. Я могу сделать почти любой ремонт с помощью подручных инструментов и свалки за нашими туалетами. Но когда-нибудь этот грузовик остановится навсегда. И произойдет это, вероятно, на дне оврага и в нескольких милях от дома, а нужной запчасти в моей кладовке не найдется. Или, что вероятнее, я вернусь пешком домой и найду целых десять запчастей, да только все они окажутся проржавевшими и бесполезными.

Вода и время — вот два демона, упорно стирающие то, что осталось от прошлого. Но этот самый плохой день пока еще где-то в будущем. А пока у нас есть несколько джипов, маленьких грузовиков и тракторов, мототележки и один большой «хаммер». С помощью Лолы я нагружаю грузовик и оба трейлера, закрепляя в кузовах отборные куски лосятины, оленины и кабанятины и еще того идиота-медведя, что решил навестить нас в прошлом октябре и покалечил собак, когда они мешали ему устраивать погром в коптильне. Очень важно распределить груз равномерно, и пришлось долго толкать и перетаскивать куски, пока они не улеглись как следует. Неожиданно оказывает-

ся, что уже довольно много времени. Лола думает, что поздно выезжать, и хочет, чтобы я отложил поездку, хотя и не говорит этого. Я целую ее, но она не отвечает. Я отстраняюсь на шаг, и она прижимает меня и целует, прильнув всем телом и запрокинув лицо. Мне приходится рассмеяться, тогда она дает мне пощечину и, разгневанная, отбегает. Я залезаю в кабину и делаю традиционный глубокий вдох — на удачу. Двигатель заводится с первой попытки, я машу ей, она машет в ответ и улыбается, и я пересекаю двор и выезжаю на узкую, заросшую травой дорогу к городу.

Собаки провожают меня, но не слишком далеко.

В хорошей обуви и с достаточной мотивацией здоровый человек может добежать до Спасения за девяносто минут. За дорогу от моего дома до шоссе отвечаю я один. Здесь больше никто не живет. Весной и летом я цепляю к самому большому трактору косилку и не даю сорнякам и молодым деревцам оккупировать когда-то посыпанные гравием обочины. Я также засыпаю промоины и овражки, возникающие после ливневых дождей, и когда-нибудь мне придется укрепить мост в семи милях от дома.

Мост трещит и стонет, но покуда держится. Мои дороги кончаются у шоссе, а у перекрестка, счастливо греясь на солнышке, сидит тигр — огромный желто-черно-белый зверь — и смотрит на громыхающую мимо конструкцию на колесах и упрямого полуглухого мужика, вцепившегося в руль.

Местные тигры — красавцы. Их предки жили в городском зоопарке, а может быть, в чьем-то частном зверинце. Вместо того чтобы милосердно усыпить, больших кошек отпустили на волю. В этом звере течет амурская кровь. Он огромный, и под толстой зимней шубой ему тепло. Его шкура стоила бы в городе сумасшедшие деньги. Или, еще лучше, стала бы идеальным сюрпризом для женщины, мечтающей получить мешок муки без жучков.

Но этот тигр доказывает, что он еще и умен. Прочитав мои мысли, он исчезает в траве быстрее, чем я успеваю достать свое любимое ружье и уж тем более загнать в ствол крупнокалиберную пулю и прицелиться.

Ну и ладно.

Город Спасение тянется вдоль шоссе и прилегающей к нему ленте прозрачной, измученной засухой воды. Свернув налево, я направляюсь вниз по течению. Прямоугольники фундаментов подсказывают, где некогда стояли дома. Трубы и провода посрезали с них давным-давно, а дерево и гипсокартон выгорели во время весенних пожаров. Боковые дороги и подъездные дорожки почти невидимы под ковром бледных высохших сорняков. Фабрика была лишь наполовину построена, когда работа остановилась, и, хотя крыша обрушилась уже несколько лет назад, бетонные стены и мощеная автостоянка все еще ведут благородную битву с корнями и морозами. После этих руин начинаются первые обработанные поля. Семьи здесь объявляли своими различные участки низинных земель. Людям, которые уже, пожалуй, поколения четыре не занимались сельским хозяйством, пришлось учиться пахать и орошать, бороться с сорняками и вредителями, сохранять семена и консервировать свою продукцию, а также обменивать ее на семена, которые в следующем году дадут лучший или худший урожай.

Вот уже несколько недель, как я не видел нового человеческого лица. Сегодня первое из них принадлежало мальчику. Стоя среди деревьев, растущих между холодной водой и дорогой, он казался независимым и очень счастливым. С любопытством глядя на меня и мой огромный грузовик, он поднял руки, выкрикивая что-то важное. Из-за рева двигателя я не расслышал ни слова, но, проезжая мимо, помахал ему, как любой дружественный сосед.

Он побежал следом. И, будучи мальчишкой, поднял кусок отвалившегося дорожного покрытия и швырнул его в задний трейлер.

Окраины Спасения обозначились новыми домами. Расположившись в отдалении от реки, они были построены из утрамбованной земли и связок соломы, грубо обтесанных бревен и отодранных где-то разномастных металлических листов. Красота и элегантность значения не имели. Главное, чтобы не поддувало зимой и было прохладно летом. Город разрастался каждый год, и эти дома выглядели как... сейчас вспомню это слово... Да, точно. Как предместье.

Еще миля — и я уже в городе. Дома здесь выше и гораздо красивее, чем те земляные кучи, и на пять тысяч лет современнее. На остроконечных крышах крутятся ветряные электрогенераторы, панели солнечных батарей обращены к холодному яркому солнцу, и это дневное богатство превращается в тепло, работающие светодиодные лампочки и электричество, хранящееся в батареях отреставрированных аккумуляторов. Даже не знаю, зачем людям столько электричества. Сколько лампочек вам нужно, чтобы читать в полночь старинную книгу? Но электричество есть электричество, понятие о престиже никогда не меняется, и даже если я не смогу вспомнить, кто в каком доме живет, я как минимум с уверенностью могу сказать, что за этими теплоизолированными дверьми живут только лучшие горожане.

Этот город всегда назывался Спасение. Но те, кто его построил, отличались от нынешних добропорядочных горожан. Беспокоясь о своем будущем, они купили сотни акров сельскохозяйственных земель. Потом разметили городскую площадь, окружили ее множеством небольших частных предприятий и улицами из экономичных элитных домов. Умея заглядывать в будущее, они брали энергию для своего мирка от ветра и солнечного света. Они создали общину и стиль жизни, требующие очень мало от перенаселенного и перегретого мира. Но богатые люди отличаются самодовольной уверенностью. Они всегда делают то, что выглядит умно, и это умничанье их и погубило. Вот почему Спасение стал городом-призраком. Но эти прекрасные дома пустовали недолго, потому что милостивый Господь направил свой избранный народ в место с таким идеальным названием, и среди этих благословенных были мои родители и я.

В городе, где нередко «едят с потрохами» своих жителей, Мясник Джек считался честным торговцем и джентльменом, не обремененным врагами или застарелой враждой. И он рад меня видеть, но только потому, что мы друзья и смотрим на мир одинаково. После обычных приветствий и рукопожатий он замолкает, бросая угрюмый взгляд на грузовик и трейлеры, доверху нагруженные отборной копченой дичью.

— Что-то случилось?

— По твоей вине — ничего.

Не могу понять, о чем он.

— Это братья Мартины, — начинает он.

Однояйцевые близнецы Мартины, на пару лет старше меня, склонны употреблять самодельное виски и затевать драки со всеми, кто подвернется под руку. Их стали остерегаться, еще когда они были подростками, а когда их поведение не изменилось, мэр пошел на необычный шаг и выгнал их из города. Они живут на заброшенной базе Национальной гвардии, что в нескольких днях пути на запад, деля гарем из минимум четырех жен и взвода ребятишек, называющих их обоих «папа». Для меня оставалось загадкой, какое отношение этот клан имеет ко мне, пока Джек не сказал:

— Они только что привезли в город груз копченого мяса бизонов и одичавшего скота.

— С каких это пор они начали делиться?

— С этой зимы. Слишком много скучающих детишек путается под ногами, а когда им некуда тратить энергию, они начинают озоровать. Вот они и решили, что пора задать этой команде работу, — может быть, в обмен на игрушки или еще что-то.

— А какое качество у их мяса?

Джек ответил на вопрос взглядом.

— Такое же, как у меня?

— Нет, и поэтому у тебя всегда будут покупатели, Ной. Во всяком случае, пока я этим занимаюсь.

И почему мне эта новость не показалась доброй?

— Пьяницы Мартины или нет, но работу они проделали, достойную уважения. Аромат у мяса не столь хорош, как у твоего, да и жевать его надо долго. Но людей оно вполне устраивает.

— И много они привезли?

Джек оценил взглядом мой груз, прежде чем ответить:

— Вдвое больше, чем ты.

— Проклятье!

— В этом и суть проблемы, — сказал он. — Наш рынок уже практически насыщен.

Меня нередко тревожило, как бы мои соседи не занялись охотой, поскольку лоси и бизоны достаточно расплодились. Но застрелить зверя — легкая работа. Трудно разделать тушу, а умение коптить это постное мясо и вовсе сродни искусству. Если бы я сегодня не приехал в город, то до сих пор ощущал бы себя богачом. Но теперь я разом стал бедняком, отгоняющим худшие страхи и гадающим лишь об одном — как бы недели трудов не пошли прахом. А хуже всего то, что мой лучший друг в Спасении наносит смертельный удар.

— У тебя все еще остались верные покупатели, — напоминает Джек.

Я киваю.

— И помни, что ртов в городе прибавилось. За последний год — почти двадцать.

Я жду.

Он называет сумму. Это половина того, на что я рассчитывал, но я знаю, что это больше, чем он должен мне заплатить. Это благотворительность, а я должен улыбаться. Потом он зовет четырех своих сыновей помочь разгрузить мясо, а я ловлю себя на том, что высматриваю его знаменитых дочек. Я нигде их не вижу. Когда парни Джека начинают работать, он поворачивается ко мне и говорит:

— Дела лучше не станут, Ной.

— Ты о Мартинах?

— Нет, о проклятых меннонитах, — поясняет он, махнув на юго-восток. — Их семейства с холмов сейчас расчищают пастбища, возводят изгороди и улучшают породу коров с помощью лучших быков.

— Тиграм нравится говядина, — замечаю я.

Джек кивает, ему тоже хочется в это верить.

— Но они могут решить проблему хищников, — предупреждает он. — Обучить крупных собак охранять стада и предупреждать лаем, если кто-то на них позарится. Волки, пумы, даже тигры... всем им придется хорошенько задуматься, когда эти бородатые мужики начнут палить в них из больших ружей.

Я печально усмехаюсь. Джек пожимает плечами:

— В следующем году, хотя и в малых количествах, они уже начнут поставлять к столу говядину.

И я ругаюсь.

Он этого ожидает. И, предчувствуя неминуемую потерю, добавляет:

— Меннониты — деловые парни. И всегда такими были. Рано или поздно они построят бойню и холодильник. И с этого момента мы с тобой будем искать любую работу.

Значит, ничего хорошего не светит никому. Впрочем, проблемы Джека меня не волнуют. Мы друзья, даже партнеры. Но когда твоя собственная жизнь катится под откос, просто поразительно, насколько мало начинаешь думать об остальных неудачниках.

Поездка в город обычно включает посещение единственного официального бара под названием «Магазин лоскутных одеял». Христиане не любят пить на публике, поэтому городская политика ограничивает выпивку одной порцией пива в день — разумеется, подаваемого в очень высоком бокале. Но полученных от Джека бартерных чеков не хватит на провизию и одежду, которые нам нужны. Поэтому я, мрачный и трезвый, прохожу мимо бара, направляясь вместо него в гости к мамочке. Проходя через городскую площадь, я останавливаюсь то здесь, то там поболтать со знакомыми. Никто не упоминает Лолу, ничто важное не обсуждается. Они хотят знать, как у меня дела. Говорят, что выгляжу я бодрым и сытым. Что нового случилось в вашей глуши? Привез ли я оленину, как обычно? Достаточно ли сильные стоят холода? Молодежь утверждает, что нынешняя зима должна быть такой же, как и прежние, но старик Феррис с ними не согласен.

— Я видел зимы еще более морозные и снежные, — говорит он. — А вырос я в Оклахоме.

Оклахома когда-то была реальным местом. Теперь же это слово, которое семидесятилетний старик вполне мог и выдумать.

— Идешь проведать маму?

— Иду.

Феррис кивает:

– Помолись за нее и от меня, хорошо?

– Да, сэр. Обязательно.

Кладбище разместилось на северном склоне холма, слишком крутом, чтобы там что-либо выращивать. Оттуда открывается вид на крыши и солнечные батареи, низины, холмы и прерии, тянущиеся до самого горизонта. Если смотреть на восток, вниз по течению, местность с отдалением меняется от мертвого бурого цвета до стерильной холодной серости. Эта серость обозначает прямоугольную сетку асфальтированных улиц и столько домов, что не сосчитать. Я никогда не войду в город снова. Я поклялся в этом много лет назад, и эту клятву я держу лучше, чем большинство остальных. Несколько ветшающих зданий могут выглядеть благородными и величественными, но местность, где жили и умерли сотни тысяч людей, никогда не станет благородной. По сравнению с ней кладбища – замечательные места, даже когда трава там бурая. На кладбище не пахнет, оно не плачет от боли, а вид аккуратных могил никогда не пробуждает у меня мысли об утратах и жутких потерях, которые всегда приходят, когда полмиллиона призраков начинают что-то шептать единым жалобным голосом.

Не знаю, что думать о загробной жизни. Но я никогда не поверю в эти лубочные идеи рая и ада.

Могильная плита матери – квадратный блок, вырезанный из местного известняка, с высеченными на гладкой поверхности ее именем, датами рождения и смерти и обычной эпитафией. Моя мать верила в Бога и любила Христа и брала уроки из той странной старинной книги. Эти уроки и спасли мне жизнь, и благодаря им я стою сегодня на этой промерзшей земле. Мать всегда действовала, побуждаемая тем, во что верила, а поскольку сердцу не прикажешь, мой бедный отец и его сердце обычно уступали ее безумным решениям.

Я никогда не смогу разобраться в их любви. Но будь я благодарным сыном, то опустился бы сейчас на колени на эту холодную священную землю, сложил руки и поблагодарил бы мать и Господа за эту возможность быть живым и видеть, как мир принимает новый и неожиданный облик.

Но я не благодарный сын.

Мой маленький ритуал — я проделываю это всякий раз, приезжая в город, — я выполняю ради моей жены. Много лет назад большинство местных жителей обращались с Лолой и ее семьей очень несправедливо. Одна резкая пожилая женщина находилась в центре этих неприязненных чувств и мелочного презрения. Еще мальчишкой я понимал, что моя будущая жена не заслуживает, чтобы ее так шпыняли. Но что было, то было. Ответственность за это несет моя мать, и даже за годы после ее смерти эта боль не утихла. Вот почему я обычно выпиваю в баре высокий бокал пива и иду на кладбище. Там я внимательно осматриваюсь, удостоверяясь, что вокруг никого нет, потом быстро расстегиваю штаны и мочусь на ее грубое надгробие.

Это приятнее, чем молитва. И я проделал это и сегодня — пусть и без помощи пива, но обошелся и без него, — и я как раз заканчивал, когда произошло нечто неожиданное. Сперва послышался звук работающего мотора, и лишь потом я заметил на шоссе восточнее города удивительную машину.

Какого типа этот грузовик?

Я застегнул пуговицы. Пока я возился с ремнем, таинственная машина въехала на городскую площадь. Длинная алюминиевая коробка располагалась высоко на толстых шинах, ветровое стекло напоминало окно дома, и как минимум вдоль одного из длинных бортов виднелось несколько окошек. К машине был прицеплен большой трейлер, везший, судя по всему, запасной топливный бак и различные припасы.

Из какого-то глубокого и неожиданного уголка в голове пробилось воспоминание. Да, эта машина утратила первоначальный вид и была переделана, чтобы выдержать плохие дороги этого мира и нехватку топлива. Но из глубин памяти ее название всплыло невозможным ответом.

Это RV[1].

---

[1] *RV* («recreational vehicle») — машина для отдыха. Американское название трейлера, имеющего жилое пространство и оборудованного домашними удобствами (кухня, туалет, спальня и т. п.).

Но что эти буквы обозначают?

Этого я вспомнить не смог. Возможно, я этого никогда и не знал. Но в памяти отложилось, что это лучшее из чудес, нечто такое, о чем можно лишь мечтать, и теперь эта глупая мальчишеская часть моей личности затрепетала, наполняя меня счастьем.

Мне было семь лет, и я был рад путешествовать по миру, питаясь консервами и выбирая себе новую одежду, когда пачкалась прежняя, в сущности новая. Такая жизнь казалась естественной, и я не жаловался. Потом отец услышал разговор по коротковолновому радио. Люди нашей веры говорили о городе, который оставили пустым и чистым и где жизнь обещала снова стать легкой. Но разве все вокруг и так не было замечательным? Мертвецы уже больше не воняли. Мне нравилась бродячая жизнь и ее ежедневные ритуалы — помогать отцу обшаривать пустые дома в поисках патронов, инструментов и ключей к машинам, которые еще могли ездить. Масштаб катастрофы был огромным. Но, опять-таки, для мальчика все вокруг огромное. И нет ничего естественнее, чем смерть. Насколько мне было известно, люди жили так со дня творения: процветание всякий раз делало людей чересчур гордыми, а затем Господь насылал на них потоп или что-то похуже, убивая исключительно грешников.

Так говорилось в молитвах моей матери. Каждый вечер и каждое утро и всякий раз, когда мы садились есть добытую еду, она благодарила Бога за сокровища, оставленные побежденными неверующими.

Я молился, и отец молился, но не как мать. Именно она решила, что нам нужно ехать в Спасение. Отец не возлагал на это особых надежд, но не смог найти веских причин для отказа. Поэтому мы нашли новую машину для нового начала, и к концу путешествия мне уже не терпелось увидеть это таинственное место. Мы пересекли половину штата, прежде чем стали огибать по широкой дуге огромный город. Мать указывала дорогу, отец следил за стрелкой топливомера. А я разглядывал тысячи пожаров, кайфуя от вида столбов дыма, опирающихся на грязные языки пламени,

и запахов пластика и старой древесины, сгорающих в диком и чудесном огне. Я не задумывался о последствиях вдыхания дыма для здоровья. Мне было семь лет, пожары были развлечением, а эта важная поездка казалась великим приключением в бедной событиями жизни.

Но как только мы приехали в Спасение, нас охватило разочарование. Мы оказались в числе поздних приезжих, и свободными остались лишь несколько недостроенных домов. Мэр поприветствовал нас как христиан, и в честь нашего приезда был устроен скромный обед. Но в нашем доме не было солнечных панелей или ветряных генераторов. В стенах были прорезаны отверстия для труб и проводов, но делать проводку еще не начали. У меня неожиданно появились знакомые мальчишки, но играть с ними мне было некогда — я был слишком занят. Родители загрузили меня делами. Феррис стал нашим первым другом, помогая с самой тяжелой работой. Он рассказал, как, приехав, обнаружил заброшенный город, где не было даже привычных мертвецов. Но, опять-таки, богатые грешники обычно умирали в далеких госпиталях и хосписах. Как еще можно было такое объяснить? Жизнерадостный от природы, Феррис улыбался и пел старые песенки, помогая, вместе с несколькими другими мужчинами, плотничать и прокладывать трубы и проводку в нашем доме. Но у каждого имелись обязанности и в собственных домах. Люди с реальными навыками были редки, и мэр со своими приближенными монополизировал их время. Мои родители старались как могли, учась на своих ошибках. Если мне везло, пожаров было мало и погода стояла ясная, я ездил с отцом в город. Мы искали там полезные машины или материалы, которые можно было на что-то обменять. Мне нравились эти короткие путешествия. Свою первую дичь я подстрелил в одном из городских парков, а отец помог мне освежевать кролика и приготовить его на обед.

Когда день стал клониться к закату, он сказал:

— Нам надо возвращаться домой.

— Зачем?

Он рассмеялся, покачал головой и признался:

— Сам не знаю зачем.

Я стал ему доказывать, что мы можем переночевать здесь, а вернуться завтра. Он задумался над преимуществами такого плана. Потом добавил свой веский аргумент в пользу того, чтобы задержаться:

— Нам не надо будет молиться до завтра.

Мы не помолились до того, как сели есть кролика. А я и не заметил.

— Что ты думаешь о Спасении, Ной?

Я крепко задумался, пожал плечами и сказал:

— Там вроде все нормально.

Отец промолчал.

— А тебе в городе нравится? — спросил я.

Ему не хотелось отвечать напрямую, и он решил, что лучше перечислить:

— Когда наш дом достроят, у нас будет электричество, вода и все удобства. А во дворе мы сможем выращивать овощи, чтобы растянуть запас консервов, и ты пойдешь в школу с другими детьми.

— А ты будешь нас учить?

Отец прежде был учителем. Но вопрос, похоже, застал его врасплох.

— Если захотят, чтобы я учил, то да.

Но никто его никогда не спрашивал, а у отца хватало ума не предлагать свои услуги.

После того первого года жизнь в Спасении стала обычной. Даже нормальной. Я ходил в школу и церковь и не имел причин гадать, откуда у меня завтра возьмется еда. Что было и хорошо, и плохо. К нам все приезжали новые люди, кое-кто из очень отдаленных частей страны, и, хотя некоторые задерживались, многие находили причины, чтобы ехать дальше. Большинство не были верующими, или мы не считали их таковыми. Почему гнев Божий их пощадил, оставалось для меня загадкой. Но одна не заслуживающая внимания семья была особенно упрямой, заявляя, что больше им ехать некуда. Они построили новый дом на холмах. Отец у них оказался талантливым плотником, поэтому находил работу даже у тех, кто его презирал. У него была дочка, Лола. Мать учила ее дома, и церковные службы они посещали очень редко. Но я стал заговаривать

с девочкой всякий раз, когда видел ее, и мне было приятно, что она улыбалась и радостно со мной болтала.

Мать это заметила и решила, что лучше меня предупредить:

— Она нехорошая девочка, Ной. Держись от нее подальше.

— Откуда ты это знаешь?

У матери имелось много талантов. Она умела разговаривать с Богом и убеждать себя в чем угодно и становилась просто чудом, когда требовалось манипулировать другими людьми. Но лучше кого угодно она умела «читать» людей, оценивая их души и отмечая слабости.

— Родители Лолы — притворщики, — заявила она. — Они говорят правильные слова, но слова ничего не значат, если за ними не стоят чувства.

Но в нашей семье мать была не единственной проницательной личностью.

— А как насчет папы? — спросил я.

Несколько секунд она пристально смотрела на меня, потом отвела взгляд и спросила:

— О чем это ты?

— Он произносит правильные слова. Но не думаю, что он в них верит.

— Что ж, — сказала она, и ее ледяные глаза отыскали меня. — Никогда этого не повторяй. Ты меня понял?

Я-то понял, но это уже не имело значения. Мы не были единственными, кто присматривался к другим, а идеи, особенно идеи опасные, живут собственной жизнью. Подобно болезням, их может разносить ветер, и они развиваются там, где отыскивают слабое место.

Через два года после нашего приезда первый из мэров Спасения был с треском выгнан. Три девушки оказались беременны, каждая назвала мэра отцом, и, может быть, так оно и было. Может быть. Но главное, что он перестал быть мэром, а мать сделалась очень важной персоной. Она входила в ближайшее окружение нового мэра и как-то неожиданно стала посещать собрания и выполнять некие важные, но неопределенные обязанности, не имея офици-

альной должности, но обретя тем не менее значительное влияние. Люди улыбались ей, даже если презирали. Она организовала группу по изучению Библии, и женщины боролись за возможность сидеть в нашей гостиной и читать о Божьих карах и милосердии. Когда у нас собирались эти дамы, отец куда-то исчезал. Затем он начал пропускать воскресные службы. И тут историю можно рассказать по-разному: или мать защищала отца, стараясь отводить от него угрозу как можно дольше. Или как раз она решила, что надо что-то делать с сомневающимся в наших рядах.

В любом случае однажды утром я проснулся из-за того, что рот мне накрыла отцовская ладонь. Он велел мне идти за ним, и мы вышли во двор, пройдя мимо сарая с аккумуляторами, хранящими вчерашнее солнце, и поленницы дров, хранящих сорок лет солнечного света. Так говорил бы со мной этот бывший учитель, объясняя, как устроен мир. Но в тот день уроков уже не было. У него едва хватило времени сказать, что он уезжает. Уезжает прямо сейчас, и это наше прощание.

Я не спросил почему. В этом не было нужды. Я лишь попросил:

— Возьми меня с собой.

Он покачал головой:

— Не могу, Ной. Нет.

— Куда ты едешь?

— Сам не знаю, — признался он, явно тревожась о том, что будет дальше.

Я не испытывал страха. До этого момента я не мог оценить, насколько сильно мне хотелось освободиться от этого города и его жителей — во всяком случае, от большинства этих жителей, — поэтому я и попросил его взять меня с собой, поэтому меня и душил гнев, когда я смотрел, как человек, которого я люблю, одиноко залезает в грузовик, в котором горючего вряд ли хватит и на пятьдесят миль.

Ему было жаль меня. Я это видел. Желая облегчить расставание, он сказал:

— Я когда-нибудь вернусь. Вот увидишь.

Он лгал. Я-то это видел, а он, возможно, нет. Он лгал себе, как поступал все эти годы, когда притворялся, будто верит в то, во что его заставляла верить безумная жена.

Я заплакал. А потом босиком бежал за грузовиком по дороге вдоль реки, и бежал изо всех сил, даже когда грузовик уже скрылся вдали. Затем я споткнулся, упал, ободрал колени и похромал домой. Мать сидела за столом на кухне. Она плакала, но к тому времени слезы у нее уже высохли. Мать выглядела старой и особенно строгой. Эта женщина когда-то была красивой. До того как стать матерью, она была и вовсе красавицей. Я видел ее на старых фотографиях. Но та женщина за последние несколько лет медленно умерла, а то, что сидело передо мной, было черствым существом, неспособным выдавить даже утешительную ложь.

— Он очень правильно поступил, — заявила она. — Уехал тайно, пока его любимым существам не был причинен вред...

— А как же я? — выпалил я.

— Ты? — Она уставилась на меня, пожала плечами и, устало вздохнув, признала: — Ты или выживешь, или погибнешь, Ной. В любом случае твоя судьба целиком зависит от тебя.

Трейлер стоял на выложенной из кирпича дороге, окаймляющей засеянную травой городскую площадь. Большой мотор машины был выключен, но там до сих пор что-то пощелкивало. Поблизости собралось человек двадцать взрослых, предупреждая детей и друг друга, что надо держаться на расстоянии. Они достали оружие, и, помимо ружья, у каждого наверняка имелась под рукой и парочка пистолетов. Истории о бандитах были обычной темой для разговоров, и людям хотелось проявить осторожность и благоразумие. С какой стати безымянным врагам пришло бы в голову разъезжать в старом мобильном доме, оставалось загадкой. Но, само собой, я тоже подошел к толпе, стал слушать, как остывает мотор, и всматриваться в запыленные окна.

За стеклом кто-то шевельнулся.

Тут же зазвучали молитвы, соседи взялись за руки. Но когда кто-то потянулся ко мне, я протолкался мимо всех, включая детей, и вышел вперед.

— Ной, — с упреком произнес за спиной кто-то из взрослых.

Потом девочка, судя по голосу лет двенадцати, выпалила:

— А кто этот дядя?

Я редко бываю в городе, поэтому не все меня знают.

— Это сын Элен, — пояснил старый Феррис.

Мне было как-то странно приятно узнать, что меня все еще определяют как последствие некоего мелкого биологического происшествия.

Я прошагал полпути до машины и остановился.

Из толпы выбрался Мясник Джек, подошел ко мне и нервно подмигнул.

— Ты что об этом думаешь? — шепотом вопросил он.

Гадать можно тысячу лет, так и не узнав истины. Я ничего не ответил, и мы подошли к большой передней двери трейлера, секунду помедлили, и каждый из нас похлопал ладонью по грязному металлу.

— Эй! — окликнул Джек, и тут дверь открылась.

Резкое шипение сжатого воздуха напугало нас, и мы отскочили назад. Я так нервничал, что расхохотался, и как раз это увидела, показавшаяся из двери молодая женщина.

А увидела она хихикающего придурка. Я же увидел женщину лет двадцати, бодрую и очень привлекательную. Улыбаясь так, словно это было ее естественное выражение лица, она спрыгнула на нижнюю ступеньку и ухватилась за дверную ручку, подавшись к нам. Перед нами была стройная красавица с длинными золотистыми волосами, а брючки обтягивали ее так, что дальше некуда. Не скажу, что я влюбился. Но первое, что мне пришло в голову: будь я лет на десять моложе, то безнадежно и позорно сошел бы с ума от такого зрелища.

— Хорошо-то как, — сказала она.

В ее словах ощущался акцент — теплая и дружественная манера речи, совершенно новая для меня.

— Ребята, вы не поможете бабуле? — спросила она.

Джек взглянул на меня.

Я предположил, что это может оказаться ловушкой. Прелестная девушка заманивает ни о чем не подозревающих мужчин в свой мобильный дом, делает их пленниками, а потом эксплуатирует разными мерзкими способами. Но риск-

нуть все же стоит, решил я. Поэтому первым поднялся в трейлер, Джек протопал следом.

— Спасибо, спасибо, — поблагодарила женщина и добавила: — Папа надорвал спину, а у меня сил не хватит, чтобы сделать все самой.

То, что снаружи выглядело огромной грязной коробкой, внутри оказалось меньше, и пыли тут было меньше, чем я ожидал увидеть. Тут пахло людьми, недавней стряпней и утренним посещением туалета. Папа оказался настороженным типом лет на пять старше меня, сидящим у столика, на котором счастливый путешественник может перекусывать, любуясь проплывающими за окном видами. Я помнил достаточно, чтобы мысленно сложить эту привлекательную картинку. Так жили миллионы людей. Прежде. И жгли бензин танкерами, разъезжая по своему счастливому миру по гладким дорогам.

— Я привела помощников, бабушка, — громко и уверенно объявила девушка.

Папа все еще разглядывал незнакомцев и поблагодарил нас легким кивком, когда мы проходили мимо. Старая женщина лежала у задней стены на большой кровати, где запросто смогли бы спать двое. В жизни не видел женщины с такими пропорциями. Наверное, в молодости она была всего лишь крупной, но время и слишком обильная еда сделали ее поразительно толстой. Если верить единственным весам у меня дома, я, отъевшись на лосятине, вешу двести фунтов. Но не хотел бы я, чтобы эта леди встала на мои весы. Уж больно она толстая. А еще хуже то, что на ее круглом гладком лице имеются голубые глаза, которые смотрят на меня, на Джека, на блондинку, но остаются при этом пустыми.

Наверное, она слепая.

Но нет. Она вдруг спрашивает:

— Ты кто?

Я начинаю отвечать, но девушка меня опережает:

— Я Мэй, а ты моя бабушка.

Она выпаливает эти слова мгновенно, словно рефлекторно. Как будто произносит их сотню раз ежедневно. Она достаточно терпелива, но я замечаю, что она даже не ста-

рается говорить приветливо. Это лишь прагматичные слова, предназначенные, чтобы переждать несколько следующих секунд.

— Мэй?

— Да, бабушка.

— Где мы, Мэй?

— Дома. В твоем доме. — Потом она смотрит на меня и с той же улыбкой просит: — Не могли бы вы встать по бокам от нее и поднять? Думаю, она нам поможет. И мы сможем вывести ее на улицу.

Мне не хотелось прикасаться к этой странной женщине. Я сам изумился, насколько сильно желаю найти повод, чтобы этого не делать.

Но мясники сделаны из более крепкого материала. Джек бросился на помощь, и его пример заставил меня ухватиться за другую руку и плечо. Бабушка оказалась бледной, мягкой и очень прохладной. Жира на ней было столько, что я не ощущал под ним кости. Как и было обещано, она помогала нам по мере сил. Кряхтя, мы смогли поставить ее на огромные ноги, развернуть боком, чтобы она протиснулась в проход, и под руководством внучки, толкая и вытягивая, мы провели старую леди по трейлеру, поддерживая ее, чтобы она не рухнула на пол. Но она все-таки рухнула, у самой двери.

— Проклятье! — не удержалась любящая внучка.

Но старуха упала как знаток этого дела — просто осела на пол, без жалоб или заметных повреждений. Мужчина с больной спиной поднялся-таки со скамьи и направился к нам. Все принялись тянуть бабулю за вялые руки и толкать сзади.

— Попробуй встать, бабушка, — несколько раз сказала Мэй, без злобы, но настойчиво.

Затем повернулась и окликнула мужчину, сидящего в кабине. Я его не сразу заметил, потому что он сидел за рулем и наблюдал за разворачивавшейся драмой с полным безразличием.

— Давай поднимай задницу! — велела девушка.

Водителя едва можно было назвать взрослым — на вид он был года на два моложе ее и, судя по внешности, близ-

кий родственник всех остальных. Но там, где у бабушки был объем, у парня были мышцы. В жизни не видывал человека крупнее и сильнее. Он целиком заполнял огромное кожаное кресло, держась за подлокотники огромными руками. И шевелиться он явно не собирался.

— Помоги, — сказал теперь уже отец девушки.

Силач лишь поджал губы, выдав дерзкий ответ совершенно беззвучно.

— Черт побери, сын! Нам нужна твоя помощь!

Моя неприязнь к парню родилась мгновенно. Но у гнева есть свои плюсы, и я совсем не слабак. Желая показать этому идиоту, что такое смелость и решительность, я подхватил бабулю под мышки, закряхтел и уперся ногами, поднимая ее дряблое тело в положение, где мне уже смогли помочь остальные. Мы тянули ее вверх, пока ноги-колоды не вспомнили, что они предназначены для ходьбы.

— Сюда, бабушка, — проворковала девушка.

— Ты кто?

— Твоя внучка Мэй.

— Где мы, Мэй?

Мы подвели ее к ступенькам. Вот где мы находимся. Теперь я принял всю нагрузку на себя, и девушка мне лишь немного помогала. Я удерживал старуху за влажные прохладные подмышки, держась на пару ступенек выше ее и направляя ее спуск.

— Это дом, бабушка, — все повторяла Мэй. — Ты дома.

Таким тоном праведные люди разговаривают со стариками. Дом — это волшебное место отдыха и безопасности, и я предположил, что девушка пудрит бабуле мозги небольшой и безобидной ложью.

Первый шлепанец коснулся земли, и старуха едва не рухнула снова. Но я резко дернул ее вверх и крепко держал, пока опускалась другая нога.

— Спасибо. Вы нам так помогли, — поблагодарила Мэй с усталой улыбкой.

Я задыхался, а спина жутко болела, но я все равно был горд собой.

— Уинстон такой козел, — доверительно сообщила она.

— Он ваш брат? — предположил я.

— Мне так сказали,— ответила она и, поскольку я был новым слушателем этой наверняка очень старой семейной шутки, от души расхохоталась.

— Меня зовут Ной,— представился я.

Мэй не просто улыбнулась. Она повторила мое имя, заставив его прозвучать лучше, чем обычно, и протянула ладошку, теплую и уютную. Пожав мне руку, она чуть задержала свою ладонь в моей.

Вдохновленная солнышком или свежим воздухом, бабуля стояла без посторонней помощи. Благочестивые жители Спасения подошли ближе и принялись разглядывать ее и трейлер. Старуха вгляделась в их лица, затем повернулась и с легким любопытством уставилась на трейлер. В ее взгляде читался невысказанный вопрос: «Что это за штуковина?»

Я уже не держал Мэй за руку, но мы стояли рядом. Бабуля совершила медленный поворот, по-своему величественный. Потом ее взгляд остановился на одном из ближайших домов — трехэтажном здании, предназначенном питаться солнечным светом и ветром и не давать отходов,— и ясным и уверенным голосом она спросила:

— Что это за город? Где я?

Ее безобидное смущение меня едва не рассмешило.

Мэй подмигнула мне и ответила:

— Это город Спасение, бабушка. Он точно такой, каким ты его описывала. И какой он чудесный, правда?..

Мой отец уехал. Он не был официально выселен и уж тем более не был изгнан, и другие взрослые стали относиться ко мне с необыкновенной предупредительностью. Участливые голоса спрашивали, как я себя чувствую. Едва знакомые люди ободряли меня, дружески похлопывая по плечам или спине. Теперь я был одним из семьи, и каким хорошим молодым человеком я стал. Но те же голоса принялись нашептывать: мол, нашей общине стало лучше без этого очень трудного ее члена. Никто не жалел о моем отце. Никто не хотел его возвращения. Проблемами были его странные идеи и поведение, но недоброжелатели предпочитали высмеивать его кривые плотницкие изделия и неуме-

ние выращивать томаты. Нынешний мир требует сотрудничества и компетентности, и как сможет выжить человек, почти ничего не умеющий делать руками?

В один из дней учительница предупредила мой класс, что легкая добыча кончается. Хорошую воду стало труднее найти, а плохая вода портит консервированные продукты. Потом она взглянула на меня и одним взглядом поведала, что́ думает о моем отце. А затем с победной улыбкой пообещала, что скоро, очень скоро последние из нечестивцев попадут на суд Божий.

В Спасении изначально не имелось школы. Жившие там дети учились дома с помощью Интернета и «умных» программ. Моя школа находилась в бывшем магазинчике экологически чистых продуктов, в котором демонтировали кладовые и холодильники, а освободившееся место разделили на классные комнаты. Моими учительницами стали женщины с малым жизненным опытом и случайными талантами, которые тем не менее добровольно вызвались стоять перед толпой детишек, предоставив нам возможность заняться чем-то другим, нежели прополка грядок или выполнение поручений по дому.

Одна из таких дам очень старалась преподавать нам историю. Наши раздобытые в разных местах учебники описывали кое-какие исторические периоды до тошноты подробно, в то время как бо́льшая часть прошлого оставалась пустой и неизвестной, как окраины Вселенной. Учительнице нравилось показывать нам фильмы, которые были еще старше, чем она сама. Подключая к телевизорам стареющие DVD-проигрыватели, она просвещала нас о тех давно ушедших днях, когда все курили и все умели петь и танцевать. Но еще полезнее были ее воспоминания о жизни, какой она была в недавнем прошлом. Она была одаренным рассказчиком, которому достались слушатели как раз подходящего возраста, чтобы помнить кое-что о прежнем мире, и она целыми днями болтала о своей потерянной жизни, как у них с мужем было четыре машины на двоих и как они жили в большом прекрасном доме — только вдвоем. У нее была маленькая семья — не было детей. Они с мужем пережили худшее, но он умер от сер-

дечного приступа всего через несколько дней после их приезда сюда. Мало кто мог с такой легкостью рассказывать о конце света. Большинство взрослых лишь при упоминании этой темы становились молчаливыми и странными. Но наша учительница не потеряла столько, сколько потеряли другие, и, благословленная неувядающим оптимизмом, заявляла, что совершенно уверена в Божьем милосердии и существовании рая.

Но больше всего нам хотелось знать об эпидемии и ее последствиях. Она выслушала наши вопросы и предупредила, что она не специалист-медик, но тут же старательно перечислила все симптомы: волдыри, кровь в легких, высокая температура и мучительная смерть от удушья. Китай находился на другом конце планеты, но новые болезни часто приходили оттуда. Дважды за два года китайскому правительству едва удалось сдержать вирусного монстра. Поэтому мир и цепенел от ужаса — а что, если зараза однажды проберется на борт самолета или в организм птицы и распространится по всей беззащитной планете?

Для нас стало каким-то мрачным развлечением сидеть в этой тихой комнате и слушать об ужасах, которые никогда не причинят нам вреда. Однажды учительница пришла к нам с неожиданным сокровищем. Первые жители Спасения оставили после себя одежду и мебель, а также хитроумные приспособления вроде тарелок спутникового телевидения и цифрового записывающего оборудования. В подвале одного из домов, обустроенном как убежище от торнадо, нашлась ничем не примечательная коробка. Она была полна записями выпусков новостей — сотни, если не тысячи часов. Кто-то упорно работал, чтобы задокументировать конец цивилизации. Каждый из блестящих серебристых дисков был аккуратно помечен датой и названием телеканала, передававшего новости. Не все диски оказались в рабочем состоянии, а большинство записей были на удивление скучны. Но учительница твердо решила отыскать самые интересные из тех, что уцелели.

Запускался старый проигрыватель. И полный класс терпеливых детей зачарованно смотрел, как китайская чума дважды вспыхивала и дважды угасала. Почти десять про-

центов заразившихся умерли, а около половины выживших остались со шрамами на лицах и с пораженными легкими. Если этот вирус вырвется на свободу, около десяти миллионов человек умрет, а еще сто миллионов останутся инвалидами. Вот почему во всем мире упорно разрабатывали вакцину. И вот почему все так радовались, когда одна фармацевтическая компания начала массовое производство вакцины, которая защитит любого, кто закатает рукав и протянет руку для инъекции.

В некоторых странах дела обстояли лучше, чем в других. Для меня Канада была большим зеленым пятном в верхней части любимой старой карты. Но это была и страна с деньгами и эффективной системой здравоохранения, поэтому канадцам удалось добиться почти стопроцентной вакцинации. Финляндия, Дания и Коста-Рика были столь же успешными. В Японии и на большей части Европы уровень вакцинации превысил девяносто семь процентов. Но Соединенные Штаты отставали в этой важнейшей гонке. Слишком многие из нас были бедны или изолированы. Огромной проблемой были глупые слухи и дурацкие предубеждения. Но в конце концов законы о чрезвычайной ситуации и Национальная гвардия смогли повысить этот процент. Каждый врач и медсестра, учитель и полицейский были вакцинированы. Каждый солдат, заключенный и пациент в больнице были вакцинированы. Но всегда оставались упрямцы, которые отказывались, и в результате мы так и не достигли даже девяноста пяти процентов.

Я помню себя в пять лет. Я сижу у себя в спальне и слушаю, как спорят родители. Мать не хочет подчиняться «закону Кесаря». Она не хочет, чтобы правительство заставляло ее что-либо делать. А отец не хочет слушать о том, как молитва и божественная благосклонность оградят нас от болезни. Но мать продолжает настаивать, отметая отцовскую логику, пока тот не находит собственный выход из этой ловушки: если все будут вакцинированы, то и нам уже ничего не будет угрожать.

И тогда мы всей семьей поехали к какому-то низенькому толстячку, который лишь выглядел врачом. Тот взял у родителей деньги и заполнил соответствующие бланки,

после чего для властей штата мы стали вакцинированными. Потом мы отправились домой, и отец пришел ко мне в комнату, сел на кровать и объяснил, что так поступают женатые люди. Они находят компромисс. И хотя он знает, что следовало поступить иначе, мы можем спать спокойно, потому что очень многие люди поступили умно, правильно и благородно.

Китай, где родилась смертоносная чума, добился бóльших успехов, чем США. В Индии дела обстояли хуже, а некоторые страны Латинской Америки отстали еще больше. Но даже эти бедные страны сумели преодолеть отметку в девяносто процентов. Самыми беззащитными оказались беднейшие уголки планеты. В Африке и диких районах Азии добились лишь тридцатипроцентной вакцинации, и то в лучшем случае. Но благотворительные организации и врачи-добровольцы не сдавались. Отважные защитники общественного блага, они без устали вонзали иглы в маленькие коричневые руки, даже когда по миру разнеслись сообщения о том, что первые люди, получившие вакцину, — пациенты торопливых клинических испытаний — начали трястись от лихорадки, слабеть с каждым днем и недоумевать, что с ними происходит.

Судя по датам, отображенным на тех записях, судьба планеты оказалась решена в мой шестой день рождения. Перед камерой на фоне герба своей обреченной нации стоял пожилой мужчина. Усталым и печальным голосом он признал, что были допущены ошибки. Ответственные за них пока неизвестны и могут навсегда остаться неизвестными, но гонка по выпуску вакцины на рынок оказалась самой большой ошибкой, вызвавшей ужасную трагедию. И теперь каждый, кто пытался сделать нечто хорошее, инфицирован.

Эта старая запись разбудила воспоминания. Мне вдруг снова шесть лет, я сижу между родителями, которые слушают выступление президента. Я не понимал большей части его слов и не улавливал даже малой части сказанного. Но мать и плакала, и одновременно страстно молилась, отец рыдал, как никогда прежде, а я сидел, положив руки на колени, и не сводил глаз с подарков, обернутых в яркую цветную бумагу.

— Когда это закончится? — нетерпеливо спросил я. — Когда можно будет открыть подарки?

— Так откуда вы приехали? — спросил гостей мальчишеский голос, дерзкий и нетерпеливый.

— Вы с юга, если я не ошибся в вашем акценте? — добавил старый Феррис.

Взгляд бабули перескакивал с одного лица на другое. Люди подступали к ней все ближе, некоторые подбегали, все переговаривались, и старуха начала паниковать. Слегка ахнув, она начала поворачиваться, пока не обнаружила внучку, стоящую возле меня.

— Я здесь, — сказала Мэй.

Бабуля открыла рот, пытаясь вспомнить ее имя.

Девушка снова назвала себя и взяла бабушку за пухлую руку, после чего сообщила нам:

— Мы из Флориды.

Для малышни это слово прозвучало выдуманным. Бессмысленным.

— Так я и думал, — кивнул старый Феррис.

Я мысленно представил полузабытую карту. На краю континента оранжевая нога высовывалась в бледный океан.

— И как там наш Солнечный Штат? — осведомился Феррис.

— Мокрый, — заявил новый голос.

Все взгляды переместились. Даже Мэй повернулась, удивленная не менее остальных видом своего гороподобного братца, закупорившего выход из трейлера.

Кажется, он сказал что-то смешное.

— Флорида наполовину утонула, — предупредил Уинстон, с восторгом на круглом лице и скаля в ухмылке крупные зубы. — Перебирайтесь туда жить, и будете рады на шаг опережать океан.

— Неправда, — возразил его отец. — Может, Атлантика и стала на пару футов глубже, но земли там еще достаточно.

Дети начали спрашивать о Флориде, но большинство их родителей моложе меня и еще более невежественны. Поднялись руки, указывая в противоположные стороны. Кто-то упомянул аллигаторов — еще одно слово, почти ничего не

значащее для собравшихся. Затем Мясник Джек наконец-то задал самый важный вопрос:

— Но что же вас, люди добрые, заставило проделать такой путь сюда?

— Моя бабушка,— призналась девушка, ткнув в бабулину руку.— Она захотела еще раз увидеть свой прежний дом.

Бабуля выслушала ее, поразмышляла секунду над сказанным и слегка кивнула.

— Так откуда она родом? — спросил Джек, как будто не поверил собственным ушам.

— Из Спасения,— подтвердила Мэй.

— И я тоже,— вставил ее отец.— Когда я был мальчишкой, мы с мамой жили вон там.

И он указал на дом мэра. Некоторые взглянули на него, но большинство не могли оторвать глаз от этих нежданных и поразительных незнакомцев.

Я снова приблизился к Мэй. Она улыбнулась совершенно без девичьей застенчивости.

— Холодно сегодня,— заметила она.

— Худшая зима за сорок лет,— вставил Джек.

— Вам уже доводилось бывать на морозе? — спросил я.

— Только последние две недели,— рассмеялась она.

— А когда вы уехали из дома? — Мне хотелось это знать.

— Прошлым летом,— сообщил ее отец.

— Во Флориде стало холоднее, чем обычно,— сказала Мэй.— У нас есть коротковолновая рация, и иногда мы разговариваем с друзьями. Было несколько ночей, когда термометр падал ниже шестидесяти[1].

— Может быть, это хороший признак,— сказал Джек, и в его глазах блеснула надежда.— Климат постепенно становится холоднее.

Уинстон громко и несогласно рассмеялся:

— Да ничего подобного. В прошлом году проснулась парочка вулканов. В Индонезии и Колумбии. И сейчас две тучи пепла висят в атмосфере, так что еще год или два будет холодно.

---

[1] По шкале Фаренгейта. Соответствует примерно 15°С.

Мэй и ее отец обменялись быстрыми напряженными взглядами.

— Столько воды, — сказал я Мэй. — Всю жизнь хотел увидеть океан.

Но Уинстон не любил невежества, а также терпеть не мог, чтобы у кого-то оставались мечты.

— Вы уж поверьте, Атлантику вам видеть не захочется. Этот океан горячий, кислотный и наполовину мертвый. Рифов больше нет, моллюсков и лангустов с креветками тоже. Но только не медуз. Эти сволочи отлично себя чувствуют.

Я понял, что не знаю точно, кто такие медузы.

— Гольфстрим все еще течет, — продолжил он. — Может, и не в том объеме, в каком следует. Но океаны, по крайней мере, еще не задохнулись.

Мэй нахмурилась, но продолжала смотреть на меня.

— Море прекрасно, — возразила она. — В нем много рыбы и даже есть киты.

— Ага, несколько штук, — поддакнул братец.

— Значит, летом, — повторил я. — Долго же вы ехали.

— И даже не знали, сумеем ли доехать, — жизнерадостно сообщила она. — Папа с друзьями смастерили этот грузовик. Поставили отличные шины и специальную подвеску, а мотор работает почти на чем угодно. Но мостам нынче доверять нельзя. И даже если встретишь людей, нет гарантии, что добудешь у них горючего.

— Люди вам просто так давали спирт? — скептически вопросил Феррис.

— Мы его меняли на что-нибудь, — пояснила она. — Обменивали на новости и вещи из других мест. Когда мы выехали, у нас на крыше были фрукты и запас вяленой рыбы, а все кладовочки в трейлере полны какими-нибудь маленькими сокровищами.

И еще они крали горючее. Я не видел в них воров, но невозможно проехать такой путь и не взять то, с чем расставаться не желают.

Отец Мэй стоял возле бабули. Ему пришлось податься вперед, чтобы выглянуть из-за нее и спросить меня:

— Вы не будете возражать? Нам с мамой хотелось бы взглянуть на наш старый дом.

Пересечь половину континента, чтобы осмотреть одно здание. Это могло бы стать самой невероятной историей из всех мной услышанных. Тем не менее мэр не стал возражать:

— Это мой дом, и я приглашаю вас стать моими гостями.

Но бабуля оказалась не в настроении. Выдернув руку, когда сын потянул за нее, она бросила:

— Не хочу быть здесь. Хочу прилечь.

Сын, похоже, не принадлежал к людям терпеливым.

— Мама, — с недовольством произнес он, — прошу тебя, не начинай.

Но женщина снова начала падать, словно вплавляясь в красные кирпичи под ногами. К ней подскочила Мэй:

— В том доме есть хорошая кровать, бабушка.

— Что?

— Прекрасное место, где можно поспать. И там тепло.

Наверное, женщина передумала. Но вероятнее — уже забыла, что собиралась упасть.

— Пойдем, бабушка. Покажи, в какой комнате ты жила.

Вот так мы и направились к дому. Мэй держалась возле медленно вышагивающей бабушки, а я семенил мелкими шажками, чтобы оставаться рядом с ней. Нынешний мэр — уже седой сын второго мэра, старого союзника моей матери. Обычно он не может взглянуть на меня без презрения. Но в исключительных случаях ухитряется даже улыбаться мне, демонстрируя миру дружелюбие.

— У нас самый большой спиртзавод на двести миль вокруг, — похвалялся он. — И вы, конечно, можете взять столько горючего, сколько сможете увезти.

Мэй посмотрела на меня и сказала:

— Спасибо.

Можно подумать, это я проявил такую любезность. Я улыбнулся в ответ и словно воспарил. Когда в последний раз молодая женщина одаряла меня подобным незаслуженным вниманием? Конечно, это была Лола, и меня начало терзать легкое чувство вины.

— Разумеется, если не захотите остаться здесь, в Спасении, — продолжил мэр. — Мы всегда рады хорошим соседям.

Кажется, девушка была готова услышать такое предложение. Вряд ли оно ее взволновало, и у меня возникло ощущение, что она охотнее поговорила бы на сотню других тем. Мэй кивнула. Сделала вид, будто обдумывает предложение. Затем вежливо, но отработанным тоном ответила:

— Мы можем задержаться, только ненадолго.

— Мы едем на север, — добавил ее братец. — И хотим попасть туда до весны.

Любопытство сменило направление. Люди постарше стали называть вероятные места.

— Еще дальше на север, — не согласился Уинстон. Потом, уловив что-то во взгляде отца, добавил: — Кому какое дело, куда мы едем? Эти люди так и останутся здесь.

Мэй нежно подергала бабушку за руку.

— А куда вы едете? — тихо спросил я.

Отвечать ей не хотелось. Но молчание лишь усугубляло ситуацию. Не очень тихо и не совсем мне она ответила:

— В Канаду.

— Там нет никого, кроме лосей, — предупредил я.

Достигнув практически стопроцентной вакцинации, Канада обезлюдела. Немногие уцелевшие были слишком рассеяны, чтобы выжить и уж тем более создать общины. Во всяком случае, так утверждалось.

Но мое беспокойство на нее не повлияло. У меня в голове уже вертелось несколько вопросов. И тут она искусно сменила тему:

— Где твой дом, Ной?

Мэр неодобрительно хмыкнул.

Я ткнул пальцем в горизонт:

— Там, но отсюда его не увидеть.

— Ты отшельник?

Я ощутил неловкость. Мне хотелось скрыть свою жизнь, но сделать этого я не мог. И я признался:

— Я живу там с женой.

Я ожидал, что от признания мне полегчает, но не дождался. Мэр подслушал наш разговор:

— Мы видим Ноя от силы четыре раза в год.

Мэй посмотрела на меня, держа руку бабушки обеими своими. Это странное на вид шествие приблизилось к само-

му большому и величественному зданию в городе. Оно напоминало башню с окнами, выходящими на юг, со старыми черными солнечными панелями и пятью ветрогенераторами на крыше. Четыре из них вращались, и минимум одному из них требовались или новые подшипники, или свежая смазка, потому что он испускал раздражающий скрежещущий звук, который заставлял меня нервничать еще больше.

Но я все же остался рядом с девушкой.

— Мне вот что любопытно, — сказала она мэру. — Мы спрашивали разных людей о вас. В смысле — о вашем городе. Нам говорили, что вы христиане и что вы процветаете.

Услышав похвалу, мэр зарделся.

Не знаю, что я услышал в ее голосе. По-моему, больше подозрения, чем одобрения.

— Все наши жители — истинно верующие, — пояснил мэр. Как будто быть христианами — это недостаточно хорошо. — Наши отцы и деды знали, что Господь нас спасет. Поэтому мы и пережили «трясучку».

Всегда презирал этот неадекватный термин.

— «Трясучку»...

Мэй посмотрела на мэра, затем на меня. Уверен, она хотела спросить о моих религиозных взглядах, и я даже был готов сказать ей все, что она захотела бы услышать. Но я решил, что лучшей тактикой будет сменить тему.

— Но почему Канада? — спросил я.

Она не ответила. Ее рука скользнула за спину, достала из заднего кармана небольшую, но пухлую записную книжку, потом сунула ее обратно. Из кармана рядом с книжкой торчали две старинные авторучки.

— Мы почти пришли, бабушка. Видишь переднюю дверь?

В жизни никогда так медленно не ходил.

Мой вопрос услышал Уинстон. Протолкавшись ближе ко мне, он сказал:

— Во Флориде сейчас сущий кошмар.

Мне не хотелось разговаривать с этим существом.

— Из-за африканцев, — добавил он. — Они сейчас приплывают на кораблях. Сотнями и тысячами.

— Уинстон! — с упреком воскликнула Мэй.

— Что? — прорычал он в ответ.

— Мы не из-за этого уехали.

— Но все равно это веская причина, — возразил он и продолжил: — В Африке миллионы людей. Климат у них становится все жарче и суше. Кое-кто направился было в Европу, но там опустевшие города заняли турки и русские. Новых иммигрантов там отстреливают. Поэтому беженцы платят алмазами или золотом, чтобы попасть на корабли, все еще способные пересечь Атлантику. Сотни мужчин, женщин и детей набиваются в них как селедки в бочку, и они ни хрена не знают об Америке, кроме того, что она была богатой.

Он явно рассказывал это неоднократно, но все еще эмоционально. И гневно продолжил:

— Мы хорошо жили во Флориде. Но потом грузовые корабли начали сбрасывать живой груз на наши берега. Эти люди ожидали найти у нас дома, где можно сразу поселиться. Хотели машин и продуктовых магазинов. А им солгали, и они из-за этого злились. Но не успевали они пожаловаться, как корабль разворачивался и отправлялся за новым грузом идиотов.

Услышав пронзительный голос Уинстона, мэр, похоже, начал сомневаться в своих гостях. Но обещание есть обещание. Он слабо улыбнулся и повернул ручку на двери своего дома, приглашая гостей в большое пространство, наполненное теплым воздухом и маленькими детьми.

— Отряд, у нас гости! — сообщил он.

Войдя в залитую солнцем гостиную, отец Мэй проговорил:

— Так-так, я помню эту комнату.

Может быть, причина в моем возрасте или в моей нынешней жизни. Какой бы она ни была, я разозлился меньше, чем ожидал. Когда я последний раз был под этой крышей, мои соседи пришли на собрание и мать проголосовала вместе со всей толпой за изгнание Лолы и ее семьи.

— Помнишь эту комнату, бабушка?

Мэй, как милый ангел, легко подвела старушку к высоким окнам, смотрящим на юг. Из них открывается вид на коричневые утесы и светлое зимнее небо. Я иду вместе

с ними. Мэй отпускает руку бабушки, достает записную книжку и ручку и что-то быстро записывает. Потом снова терпеливо спрашивает:

— Ты помнишь что-нибудь из этого, бабушка?

Верхние окна оригинальные, но брошенные мячи и чья-то беспечная неуклюжесть погубили все нижние стекла. Вставленные на замену стекла уже не столь качественные, и сквозь щели просачивается холодный воздух. Может быть, этот сквознячок бабуля сейчас и ощущает. Ее рука поднимается, кончики пальцев скользят по стеклу, и она как бы наклоняется навстречу солнечному свету, готовясь снова упасть. Но не падает. Ей удается выпрямиться. Большие близорукие глаза смотрят на утесы.

— Что случилось с теми деревьями, дорогая?

— Какими деревьями, бабушка?

— На том холме. Они погибли?

— Нет, бабушка. — Девушка наклоняется ближе и поясняет ровным учительским тоном: — Сейчас зима, бабушка. Деревья спят.

— Зима? — изумленно переспрашивает старушка.

— Не похоже на Флориду, верно? — спрашивает Мэй.

И тут бабуля хихикает — другим словом этот жизнерадостный девичий смех не назовешь. Она хихикает и поворачивается к внучке со словами:

— Подумать только! Зима? В самом деле?

— В самом деле.

— Значит, у нас получилось? — восторженно спрашивает бабуля. — Зима пришла. Мы спасли мир!

Мне еще не исполнилось семи, и я ищу в гараже канистры с бензином или инструменты. Или, что еще лучше, игрушки, с которыми день пролетит незаметно. Отец ищет в доме еду. Мать ждет перед домом. Ей следовало бы помогать нам, но иногда ее энергия куда-то пропадает. Может, она и выглядит строгой и суровой, но правда никогда не бывает столь же проста, как внешность. В то утро она может лишь сидеть и ничего не делать. Лицо у нее не изменилось, но морщинки стали глубже, а щеки побледнели, когда тайные мысли сделали ее больной.

Мы все бывали больны. И неоднократно, как доверительно сообщил мне отец. Больны не в том смысле, что болезнь может нас убить, а из-за ужасных вещей, которые нам приходится видеть. Но, как бы трудно это ни казалось, он настаивает, чтобы каждый из нас пытался считать наши благословения.

В гараже благословений не оказывается. Игрушек нет, единственная канистра пуста, а стоящая здесь машина стоила немного даже до катастрофы. На ветровом стекле толстый слой пыли, и я почти минуту вывожу пальцем по серой грязи слова, которые знаю. Я написал свое имя, «кот», «пес» и уже не помню, что еще. Потом отец вышел из дома и отыскал меня.

— Жди здесь, — велел он. — В дом не заходи.

Я уже видел мертвецов. Они меня не пугали.

Но отца встревожило нечто иное. Он направился к матери по дорожке перед домом, что-то ей сказал, она взглянула на дом, и он сказал что-то еще, и тогда она покачала головой.

— Это не наше дело, — сказала она. — Не надо.

Тогда я и прошмыгнул в дом через боковую дверь.

Женщине было лет за тридцать, и когда-то она была красивой. Я обнаружил ее сидящей в центре столовой. Она сидела обнаженная. С трех сторон ее окружали стены из картонных коробок, и все они были взрезаны, чтобы она могла протянуть руку и взять что хотела. Все оставшееся пространство грязного пола усеивали пустые банки из-под яблочного сока, спагетти, концентрата томатного супа и пластиковые бутылки из-под воды. Ее обнаженное тело поддерживали в сидячем положении мягкие веревки, охватывающие грудь, а с потолка свисали на веревках резиновые рукоятки. Ее стул когда-то стоял в гостиной, кто-то выпилил бензопилой в сиденье большую дыру. Теперь эта дыра стала чрезмерно большой для ее тощих ягодиц. Позднее, думая об этой ситуации, я догадался, что была пропилена и вторая дыра, в полу под стулом, чтобы женщина могла при необходимости сходить по нужде. Еда и вода находились на расстоянии вытянутой руки, и она могла бы протянуть несколько лет, питаясь из этого запаса.

— Привет, — прошептал я.

Лицо у нее подергивалось, но глаза смотрели ровно. Она могла видеть меня достаточно хорошо, чтобы отреагировать, хотя ее слова оказались для меня бессмысленными. Ее хитроумная, рожденная отчаянием система работала, пока она не ослабела настолько, что уже не могла вскрывать банки и бутылки. У ее ног валялись консервные ножи и едва проткнутые жестянки. В тощих ногах уже не осталось сил. Руки-палки покрывали язвы и красные пятна. Я уже несколько месяцев не видел живого больного «трясучкой». Меня поразило, что она прожила так долго, но у некоторых был сильный природный иммунитет. Он не мог их спасти, но его хватало, чтобы превратить жизнь в нечто худшее, чем умирание.

Собрав остатки достоинства, эта обнаженная, голодающая и беспомощная женщина сидела на своем импровизированном унитазе, смотрела на меня и бормотала какую-то чепуху. Потом ее взгляд переместился, и она замолкла.

На мое плечо опустилась рука.

Я ждал, когда будет произнесено мое имя, а за ним последуют и неприятности. Но отец опустился на колени и смотрел только на меня. Потом осторожно и серьезно сказал:

— Иди на улицу, Ной. Иди сейчас же, а я скоро приду.

Сперва я подумал, что отец хочет открыть несколько банок и бутылок и накормить женщину, прежде чем мы поедем дальше.

Но потом я увидел пистолет, торчащий из заднего кармана его брюк.

Я замешкался.

Отец снова посмотрел на меня. На этот раз он властно сказал: «Иди», и я пошел на улицу. Я не хотел бежать и приказал себе идти. Но я вдруг оказался на ярком солнце, ноги мелькали на бегу, хлопнул и раскатился выстрел, а я едва его расслышал.

Мать окликнула меня, но не попыталась остановить.

Я пробежал мимо нее, всхлипывая и издавая собственные бессмысленные звуки.

— Подумать только! — бормотала старуха на грани эйфории. — Зима? Значит, у нас получилось, так ведь? Наступила зима. Мы спасли мир.

Мало кто обращал на нее внимание. Некоторые услышали ее голос и, может быть, прислушались к словам. Но все вокруг разговаривали. Всем хотелось отыскать развлечение в чем-то новом и неожиданном. Медленно и постепенно шум в большой комнате стихал, и тут бабуля договорила, а ее лицо опять стало пустым. Может быть, она вообще ничего не говорила. Я подумал, что слышал все, но не был уверен, что именно услышал. Могли существовать тысячи причин игнорировать болтовню этой старухи. Я так и собирался поступить, пока не взглянул на Мэй.

Они с отцом переглядывались. И взгляды эти были далеко не благостные. В какое-то зловеще растянувшееся мгновение мне даже показалось, что между ними вспыхнут молнии.

А потом они одновременно рассмеялись.

Смех этот словно намекал — мол, ничего смешнее мы не слышали. Мэй, опустив блокнот и ручку, похлопывала бабушку по спине, исподтишка разглядывая лица собравшихся в комнате. Остановив взгляд на человеке, наиболее озадаченном этой вспышкой смеха, Мэй очаровательно улыбнулась.

— У бабушки бывают кое-какие проблемы, — сообщила она.

Я благожелательно кивнул, не видя причин возражать.

— Она начинает путаться, — добавила она.

— Да все в порядке, — сказал я.

Но и такой ответ ее не удовлетворил. Ей требовалось прикоснуться ко мне. Пальцы Мэй сомкнулись вокруг моего локтя, а лицо приблизилось настолько, что я ощутил в ее дыхании запах вяленого мяса.

— И тогда бедняжка рассказывает поразительнейшие истории, — тихо, почти шепотом пояснила Мэй.

— В такое нетрудно поверить.

— Только не надо воспринимать всерьез ее болтовню, — посоветовал ее отец, кивая и подмигивая. — Она даже не понимает, где находится.

Может, и так, но бабуля вновь захихикала, издавая те же странные звуки, а ее взгляд снова обрел глубину и ясность. Она повернулась и посмотрела на нас, занятых своими разговорами, и открыла рот, готовясь разразиться новой тирадой.

Но Мэй ее перебила.

В ее действиях не было грубости, но действовала она решительно:

— Ты наверняка устала, бабушка. Не хочешь прилечь и немного поспать?

Бабуля моргнула, сопротивляясь внезапной смене темы.

Ее сын повернулся к мэру и сказал чуть громче, чем необходимо:

— Моей маме необходимо прилечь. У вас тут есть гостевая комната, лишняя кровать?..

— Гостей у нас не бывает, — признался мэр. — А все кровати наверху. — Но, оценив ситуацию, он милосердно добавил: — В соседней комнате есть удобная кушетка. Если дверь закрыть, то, я думаю, ваша мама сможет там отдохнуть.

Для внезапно заботливого сына этого оказалось достаточно.

— Пойдем, мама. Давай я тебе помогу.

И они вышли следом за мэром.

Я посмотрел на Мэй, она улыбнулась. Но когда я сделал вид, будто смотрю в другую сторону, ее лицо напряглось, а улыбка превратилась в нечто более жесткое.

Старый Феррис рассказывал о прошлых зимах, сравнивая их с нынешней. Мясник Джек стоял рядом с ним и вопросительно взглянул на меня.

— А что ты там записываешь? — спросил я Мэй.

Она подняла блокнот, явно удивленная, что до сих пор держит его:

— Ну, мне просто нравится писать. — Она и сама поняла, что это не ответ, закрыла блокнот и сунула его в карман обтягивающих брючек. — Когда мы выехали, я подумала, что здорово будет все записывать. Вести дневник. Может быть, я даже смогу когда-нибудь написать книгу о нашем путешествии.

— Книгу? — с сомнением переспросил я.

— Конечно книгу, — подтвердил Джек, подходя к нам. — Ты разве не думаешь, что когда-нибудь и где-нибудь наберется достаточно людей, чтобы имело смысл печатать новые книги?

Мэй с энтузиазмом кивнула:

— Это произойдет даже раньше, чем вам кажется.

Джек взглянул на меня. Я переводил взгляд с него на Мэй и обратно, но молчал.

Молчание тревожило девушку. Она делала вид, что это не так, но у меня возникло сильное ощущение, что она нервничает, потому что ей неуютно среди незнакомцев. Мэр вернулся из соседней комнаты, но отец Мэй остался там.

— Хочу проведать бабушку, — заявила она.

Я не получил приглашения пойти с ней, что меня немного уязвило. Она старалась не выглядеть как человек, который торопится, но все же она торопилась, проскальзывая между людей и мимо улыбающегося мэра. Столь же торопливо она вошла в незнакомую комнату и заперла за собой дверь.

Я смотрел на эту дверь, пытаясь разобраться в мыслях.

— Знаешь, что действительно странно? — спросил Джек.

— Болтовня старой дамы.

— В ее состоянии это не странно. — Джек подошел ближе. — Она могла болтать об инопланетянах или рогатых драконах, и никто не обратил бы на это внимания.

— Необычной была реакция девушки, — заметил я. — И ее отца.

Мой старый друг глубоко вздохнул.

— Что еще? — спросил я.

— Ты видишь тут где-нибудь Уинстона?

Человека его габаритов не заметить трудно, но, осмотрев залитую солнцем комнату, я его не увидел.

— Старушка болтала всякую чепуху, — говорил Джек. — Ну, там о спасении зимы, о спасении мира, помнишь? И тут я случайно взглянул на ее внука.

— И что?

— Видел бы ты его лицо. Щеки у него были краснее пламени костра.

— Сейчас я его не вижу.

— Рожа вся красная, — повторил Джек. — А потом парень вдруг раз — и буквально выбежал на улицу.

Наша учительница истории хотела показать нам и другие записи выпусков новостей — этих депеш с конца света,

где показывали американские госпитали, набитые больными и умирающими людьми. Но после первого такого урока очень многие дети вернулись домой в слезах. И многие не смогли в ту ночь уснуть. Поэтому на второй день новый мэр, моя мать и несколько других важных личностей уселись у задней стены класса и вместе с нами смотрели на трясущиеся тела и военные конвои на экране телевизора. Собственных воспоминаний об этом у меня не осталось. Когда началась эпидемия «трясучки», отец набил наш фургон продуктами и повез нас на север, к домику у озера. Там не было ни телевизора, ни Интернета, а это значило, что мать тоже видела все эти ужасы впервые. Когда у меня не стало сил смотреть на экран, я посмотрел на нее. Но она просто сидела. Эмоций на ее лице отражалось не больше, чем на куске камня. Потом на экране появился длинный репортаж об уличных беспорядках: толпы людей пытались вломиться в аптеки и оружейные магазины, а репортер — щеголеватый парень с болтающимся на шее крупным крестом — объяснял, как люди охотятся за таблетками и оружием, чтобы убить себя и своих близких. «Самоубийство, — сказал он, — стало предпочтительнее медленной и мучительной смерти».

Я снова обернулся на мать. Ее лицо изменилось. Бледная, как молоко, она смотрела на экран прищуренными глазами и сжав губы, но все тело боролось, чтобы удержать рвущиеся наружу чувства.

В тот момент я испытал редчайшее ощущение — мне стало жалко эту женщину.

Начался другой выпуск новостей. Вместо людей, дерущихся за таблетки, мы увидели мужчину, сидящего посредине длинного стола и говорящего в микрофон. За другим длинным столом сидели несколько пожилых мужчин и женщин и внимательно его слушали. Не обращая внимания на свои трясущиеся руки, надтреснутый голос и стекающую изо рта слюну, он пытался объяснить роль его компании в наступившей катастрофе.

— Мои сотрудники использовали для создания вакцины стандартные методы, — сказал он. — Ослабленные вирусы применялись для этого множество лет. И успешно

применялись, да. С помощью этих проверенных методов были побеждены свинка, ветряная оспа и корь. Наша ошибка состояла в том, что мы считали этот вирус естественным, природным. Следует добавить, что эту же ошибку допустили все.

Женщина за другим столом подняла руку:

— Как по-вашему, откуда взялся этот вирус?

— У нас есть доказательства, — начал он, потом запнулся. Два помощника сунули ему листки бумаги, и он начал читать, произнося какие-то длинные слова — то ли это были научные термины, то ли попросту все звуки сливались в его слабеющем рту. Потом он смолк, перевел дух, глубоко вдохнул и добавил: — Этот вирус — хитроумный монстр.

— Военный вирус? — спросила женщина. — Может быть, его сделали китайцы?

— Конечно нет. Это абсурд. Китайцы вымирают столь же быстро, как и все остальные.

— Тогда кто же несет за него ответственность?

— Частные лица, — таинственно ответил он.

Никто не обрадовался, услышав такое.

— Доказательства, — потребовала женщина. — Нам нужны твердые доказательства.

— Хотел бы я их иметь, — признался он. — Я вынужден предположить... на что указывают косвенные улики... что некая группа, обладающая необходимыми навыками и хорошей лабораторией, создала этот вирус и заразила несколько человек. От них и началась первоначальная эпидемия. Но она была нужна только для того, чтобы привлечь наше внимание. Заговорщики понимали, что нам... что кому-нибудь придется... быстро создавать дешевую вакцину в ответ на...

Мужчина в конце стола начал подниматься, неуклюже размахивая поднятой рукой, и выкрикнул:

— Прион!

Свидетель быстро его поправил:

— Здесь нечто иное, сенатор. Нечто, чего мы прежде никогда не видели. Прионы манипулируют другими белками. А этот агент... короче, это естественный компонент белковой оболочки вируса. Он был спрятан у нас перед глазами, и мы даже представить не могли, что он окажет

столь разрушительное действие на нервную систему человека.

Комната наполнилась возбужденными голосами. Кто-то крикнул:

— Тишина!

Потом женщина подалась вперед. Руки у нее дрожали. Голос тоже дрожал, когда она произнесла вопрос в маленький черный микрофон:

— Значит, причиной всему стал масштабный заговор? Таково ваше объяснение?

— Да, сенатор.

— И ваша компания ни в чем не виновата.

Умирающий мужчина помедлил с ответом. Затем, опустив голову, признал:

— Я не знаю точно, как ответить на этот вопрос, мадам.

Снова шум голосов, снова призывы к порядку.

— Это была штурмовщина, — продолжил он. — Мы нанимали экспертов и консультантов по всему миру... и не *исключено, что кто-то из них принадлежал к той тайной* группе...

Я снова оглянулся. Самая холодная женщина в мире рыдала, вытирая слезы платком, вырезанным из оставшейся после отца рубашки.

— Вы обвиняете... — начала женщина, но тут голос ее подвел.

Рядом с ней сидел очень старый мужчина. «Трясучка» убивала пожилых не так быстро, как остальных. Может быть, поэтому у него еще не проявились симптомы. Голос у него был ровный и звучный, разум ясный. Старик заметил:

— Заговорщикам требуется цель. У этих людей должна была иметься какая-то цель. Как по-вашему, какая?

— Я могу лишь предполагать, — ответил свидетель, уставившись на свои руки. Когда они перестали дрожать, он поднял голову и сказал: — Одна из возможных целей — власть. Выжившие после этого кошмара получат в свое распоряжение целую планету. Но у меня есть и другое, лучшее предположение... более логичное и ужасное для меня... На такой шаг могла пойти группа по защите окружающей среды. Если они считали, что перенаселение и загрязнение

среды являются жестокой угрозой для планеты. Если они убедили себя, что так будет лучше...

— И сколько их потребовалось бы?

— Извините, сенатор?

— Я про описанную вами тайную организацию. Хочу выяснить, сколько преступников нам следует искать?

— Не знаю, сенатор.

— Десятки? Сотни?

— Наверное, сотни. Но сохранить такой огромный секрет будет трудно. Поэтому горстка единомышленников смогла бы, вероятно, добиться желаемого результата, если бы у них хватило знаний.

— В вашей компании, сэр...

— Да?

— Кто не был вакцинирован?

Помощник наклонился к нему, прошептал что-то на ухо. Он отмахнулся от совета:

— Нет, я хочу ответить. — Свидетель наклонился ближе к микрофону. — Я задавал себе тот же вопрос, сэр. Обязан был задать. Но моя компания почти исчезла. Я настоял на том, чтобы мои сотрудники были вакцинированы первыми, включая всех субподрядчиков. Большинство из нас уже мертвы. То, что я еще жив, — скромное чудо. Я не могу подсчитать, сколько друзей и коллег... покончили с собой... но все же я, если говорить честно, не могу исключить и того, что несколько человек не смогли бы сбежать в этом хаосе...

Сенатор задумался над следующим вопросом, но поднялась умирающая женщина рядом с ним и хриплым, неприятным голосом спросила:

— Но зачем? Даже если все было так, как вы утверждаете, и небольшая группа попыталась спасти мир...

— Я ничего не утверждал, мадам. Я лишь предполагал.

Сидящий позади меня мэр вскочил и писклявым голосом приказал выключить телевизор.

— Мне наплевать на причины, — продолжил сенатор. — Причины — это оправдания. А это жестокая и злобная атака на человечество, и уж поверьте — те, кто в этом виновен, получают огромное удовольствие от наших страданий и ужаса.

Экран телевизора погас.

Я обернулся. Мать стояла возле мэра. Она уже не плакала, а эмоции сменились прежней стальной маской, которую я знал в мельчайших деталях.

— Очевидно, что это очень болезненная тема, — заявил мэр, обращаясь к классу.

Но мы не плакали. Смотреть такое было в десять раз легче, чем на людей, дерущихся из-за таблеток с ядом. Мать что-то шепнула мэру, тот кивнул и прошел вперед, разворачивая один из зеленых мешков, запас которых имелся в старом магазине. Диск был извлечен из проигрывателя. Мать помогла собрать все остальные диски, и, пока она относила полный мешок на автостоянку, мэр объяснил, что диски будут сожжены. Детей постарше это удивило, а учительница выглядела озадаченной и даже огорченной. Но мэр, желая придать смысл происходящему, объяснил:

— Да, люди играли роль в том, что произошло. Но важно то — и это вы должны запомнить, дети, — что лишь десница Божья может править этим миром. Ничто иное не имеет такой власти или величия. И та огромная кара, которую мы пережили, была наслана Отцом нашим небесным, за что мы должны быть Ему благодарны. Ибо Он подарил нам этот новый Эдем, и мы получили от Него благословения больше, чем любой человек, когда-либо ходивший по земле.

И он вышел.

Вскоре мы почувствовали запах дыма, уродливо-черного и наверняка токсичного.

Учительница медленно вышла к доске и что-то пробормотала, неуклюже поддерживая это дурацкое решение. Многие ученики принялись делать бумажные самолетики и перебрасываться записками с разной чепухой. Но я был занят делом: зажмурившись и затаив дыхание, я желал матери надышаться этим дымом, заболеть и умереть.

Уинстон стоял под ярким холодным солнцем — руки по бокам, глаза опущены, губы сжаты. На скулах у него перекатывались желваки. Он оказался не таким красным, как я представлял, но не требовалось особого таланта, чтобы понять, что он разозлен до крайности. Проходившим

мимо хотелось поговорить с приезжим, но они видели его лицо и не решались. Даже двое детишек, захотевших было приблизиться к нему, передумали, и, проходя мимо меня, один из них спросил другого:

— Что за демон у него в сердце?

Я встал перед ним и стал ждать.

Он не реагировал.

Поблизости никого не было, и лишь мы стояли на площади. Я не знал, что сказать, но как только заговорил, нужные слова нашлись сами.

— Семьи, — сказал я с легким презрением. — С ними всегда нелегко. — Потом добавил парочку ругательств, подготавливая почву, и признался: — Моя мать была необыкновенной сукой.

Уинстон моргнул и уставился на меня.

Я ждал.

Он снова начал отворачиваться.

— А как насчет твоей бабушки?

Я хотел, чтобы он снова посмотрел на меня, реагируя на вопрос-подсказку. Но он избегал и моего взгляда, и предложенной темы, а мощные ноги понесли его к трейлеру.

Шагая рядом с ним, я заговорил о записях тех старых выпусков новостей. Несколькими сжатыми фразами я попытался рассказать о тех двух днях в классе, о реакции взрослых и о своем гневном презрении.

— Понимаешь, у нас имелось окно в прошлое. И что сделали взрослые? Уничтожили его. Они не увидели никакой ценности в этих дисках, лишь опасность и уничтожили их до того, как кто-нибудь сообразил, как сделать копии. Поэтому нынешние местные дети... они ничего не знают о том, что произошло, — кроме того, о чем им захотят рассказать родители.

Похоже, Уинстон слушал, но отказывался даже взглянуть на меня.

— И вот что забавно, — продолжил я. — Когда мне исполнился двадцать один год, я ушел из Спасения. Была одна местная девушка, Лола, и я любил ее настолько же сильно, насколько моя мать ее ненавидела, и мы решили перебраться в крепкий старый дом на холмах. Жить вдво-

ем с нашими собаками — и чтобы на много миль вокруг ни одного верующего идиота.

Мы подошли к дому на колесах. Уинстон ухватился за ручку двери и потянул. Зашипел сжатый воздух, помогая двери открыться. Но, поднявшись на ступеньку, Уинстон остановился. Он не удержался, посмотрел на меня и спросил:

— Да почему, черт побери, меня что-либо из этого должно волновать?

— Моя жена умна, но по-своему.

Теперь парню стало слегка любопытно. Но этого хватило. Спустившись из трейлера, он уставился на мою макушку и спросил:

— И что?

— Мы разговариваем. Весь день мы с ней болтаем. Но поскольку других людей мы не видим, а ничего важного в нашей жизни не происходит, то больше всего мы любим говорить о прошлом. О нашем детстве. Она не ходила в школу со мной, но помнит тот день, когда сожгли диски. Я ей об этом рассказал. И пару лет назад, когда мы в сотый раз об этом заговорили, Лола спросила: «А тебе не кажется это странным? С чего вдруг обычному человеку тратить на это столько времени и усилий?»

«Потому что это история, — ответил я. — Вот почему».

«Но тогда это еще не было историей, — заметила она. — Когда все началось, это была лишь эпидемия в Китае. Остальной мир все еще был в безопасности. Тем не менее кто-то начал записывать выпуски новостей про эту болезнь. И они записывали все про вакцину, даже когда остальные в мире думали, что это решение наших проблем. А ведь смысла в этом не было никакого, верно? Если, конечно, не знать заранее о том, что вскоре произойдет».

Я замолчал.

Сейчас Уинстон больше, чем когда-либо, выглядел как мальчишка. Лицо пустое и бледное, мысли затаились где-то глубоко. Но не успел я продолжить, как он спросил:

— Где эти диски лежали?

— В коробке. На ней ничего не было написано. Скорее всего, ее оставили здесь по ошибке.

— Нет. В каком доме они лежали?

— Не знаю.

— В доме моей бабушки?

— Вероятно, нет.

Он презрительно фыркнул:

— Ничего-то ты не знаешь.

— Зато знаю, что старушка спасла мир.

Уинстон шагнул ближе и навис надо мной:

— Она чокнутая.

— Вовсе нет.

Он облизнул губы и посоветовал:

— Забудь об этом.

Я промолчал.

Потом он вспомнил, куда шел. Большая нога снова шагнула на ступеньку, и он для верности повторил:

— Бабушка сумасшедшая.

— Она была ученой?

Он поднялся на вторую ступеньку.

— Наверное, это было нелегко, — заметил я, поднимаясь следом за ним.

Он обернулся и с удивлением обнаружил, что я все еще рядом.

— Что нелегко?

— Все время быть рядом с ними: со старухой, которая спасла мир, и с отцом, выросшим рядом с легендой. Потому что он-то всегда это знал, не так ли? В семьях не могут хранить секреты. И ты вырос, слушая рассказы о том, как бабушка помогала создавать вирус или вакцину, которые были благом. Великим благом. Без них на планете жило бы слишком много людей и цивилизация все равно рухнула бы. Да тут еще и климат стал ухудшаться, и все стало разваливаться.

Лицо у парня снова покраснело. Я уже стал планировать, как буду действовать, если он замахнется на меня. Спрыгну со ступенек и побегу — таков был мой героический план. Но замахиваться он не стал, а вместо этого сказал:

— Ни черта ты не знаешь.

— Миллиарды людей были убиты, и в этом отчасти виновна наша старушка. — Я улыбнулся и с усмешкой добавил: — Нелегко, наверное, спать под одной крышей с од-

ной из величайших преступниц в мире, ее гордым сыном и сестрой, которая считает бабулю лучшим на свете и уникальным человеком.

Уинстон вздохнул.

Потом выпрямился, поднял руку и уперся широченной ладонью мне в грудь, отчего у меня едва не перехватило дыхание. А он даже не напрягся.

Мне захотелось убежать, но я остался.

— Нет, — заявил он. — Все не так.

— Да ну? — усомнился я. — Какое такое «все»?

Он ухмыльнулся:

— Считай, что я ничего тебе не говорил. Но если бы я знал об этом хоть что-то (учти, я сказал «если бы»), то меня бесили бы вовсе не убийства. Нет, проблема в том, что грохнули совсем не тех людей. Если тебе в руки попадает такое чудесное оружие, то им нельзя убивать своих. Зачем спасать мир, если он потом заполнится идиотами-христианами и черными дикарями? Только зря людей угробили, если хочешь знать мое мнение.

Новость должен был доставить Мясник Джек, но было лето, стояла жуткая жара, а в его главном холодильнике возникли какие-то неполадки. Поэтому вместо него ко мне приехал старый Феррис. Я копался на свалке, что на заднем дворе, — искал трубу, которую можно было бы вставить в нашу растущую оросительную систему. Громкий треск мотора заставил меня вернуться к дому. Я обошел его и увидел на крыльце Лолу в окружении нескольких собак. Возле двери, но внутри стояла у стены ее любимая крупнокалиберная винтовка «бушмастер». Гость еще сидел на небольшом мотоцикле, и поднятая им пыль медленно оседала на утоптанную пыль перед домом. Лола с ним говорила. Приветливее, чем она разговаривала со мной, она поведала Феррису, что он может зайти в дом или хотя бы в тенек на крыльце. И не хочет ли он выпить воды, у нас ее много, и ее совсем не затруднит сходить за ней, ведь ему жарко, и как ему ехалось из города?

Феррис молчал, но вежливо — ни гримас, ни демонстративных взглядов на безоблачное небо. Но даже за мно-

го миль от Спасения он отказывался разговаривать с любым человеком, официально и навсегда изгнанным из города.

Я окликнул его.

Он мгновенно просиял. Перенес негнущуюся ногу через сиденье, поставил мотоцикл на ножки и посмотрел на меня, на секунду-другую забыв, для чего приехал. Потом вспомнил. Глаза его наполнились печалью, и тогда я понял, что он привез плохие новости. Нетрудно было угадать, что именно он скажет, но слова меня все-таки проняли.

— Я насчет твоей мамы, Ной, — начал он. Потом, медленно покачав головой, мой старый друг сказал: — Померла она сегодня утром. Как раз перед восходом.

Я промолчал.

Тогда он ответил на вопросы, которые я мог задать:

— Померла она от рака. Мучилась не очень сильно. Правильные молитвы мы прочитали. Я так думаю, под конец она уже не соображала, где находится. Не так уж оно и плохо, ежели подумать.

Он смолк и уставился на меня.

— Что еще? — спросил я.

— Она говорила о тебе. А в последние дни все спрашивала, где ты. Сама уже не помнила.

Я поднялся на крыльцо и положил потную ладонь на влажную спину жены.

— Что ж... — проговорил я и, немного подумав, признал: — Пожалуй, мне следует знать, что она умерла. Так что спасибо.

Феррис хотел смотреть только на меня, но его взгляд упорно цеплялся за Лолу.

— Воды хочешь? — спросил я.

Он почти сказал: «Да». Но он столь последовательно отказывался до этого, что теперь уже не мог согласиться. Поэтому он глубоко вдохнул и выдал оставшуюся важную новость:

— Она спланировала свои похороны. Несколько недель назад, еще когда не шибко сильно болела, она сказала, как для нее важно, чтобы ты приехал и тоже понес ее гроб.

— Нет, — машинально отрезал я.

Лола шевельнулась под моей ладонью.

Я покачал головой и сошел с крыльца, внезапно разозлившись на этого человека, ни разу не сказавшего плохого слова никому из нас. Он был простым и порядочным человеком, много раз помогавшим моей семье за эти годы. Но сейчас на меня обрушилось слишком много эмоций для одного дня, который лучше было бы провести в тенечке. Я подошел, остановился перед ним, а он лишь смотрел на меня. Его маленький рот был печально сжат, но в глазах не было и капли тревоги. Он меня не боялся. Ему было жаль меня, и он не отказался бы, если бы эту печальную весть донес до меня кто-то другой. Но ему хватило смелости или упрямства подождать, и, когда мои эмоции стали остывать, он сказал:

— Решать тебе, Ной. Похороны завтра утром, начало в мэрии.

— Меня там не будет, — пообещал я.

Феррис кивнул, забрался на мотоцикл, дважды нажал на стартер и уехал — жилистый человечек, исчезнувший в свежеподнятом облаке пыли.

Вымотанный разговором, я вернулся на крыльцо. К Лоле. Но сочувствие и понимание я получил там лишь от собак, лежавших у ее ног.

— Что? — спросил я.

Она повернулась и вошла в дом.

Я тоже вошел и переспросил:

— Что?

Она вдруг решила, что сейчас важнее всего прибраться на кухне. Лола принялась раскладывать тарелки по шкафчикам, сортировать ложки, вилки и чашки, а я наблюдал за ней, пока не понял, что сама она не скажет, о чем думает. Тогда я забросил удочку, сказав:

— Ты считаешь, что мне надо поехать.

Она не ответила согласием, потому что простое «да» не высказало бы и половины ее эмоций. Для нее важнее оказалось бросить горсть ножей в неправильный ящичек, а затем повернуться ко мне, подняв над головой фарфоровую тарелку, словно решив ее разбить. Мы обзавелись очень хорошими тарелками, отличными сервизами из Германии

и Англии, некоторые из них были старше дома, в котором мы поселились. Может быть, из-за этого она сдержалась и не бросила тарелку. А может, не так уж она была разгневана и ей было важнее привлечь мое внимание, прежде чем сказать:

— Она была твоей матерью.

— Кажется, мне это известно.

Лола прикусила нижнюю губу. А затем проговорила несколько слов, которые, наверное, жили в ней, непроизнесенные, уже годами и о которых мужчина, спавший с ней каждую ночь, даже не подозревал:

— Она была лучше твоего отца, Ной. И поэтому я считаю, что злобная старая сука заслуживает, чтобы ты пришел на ее похороны.

Прислонившись к ближайшей стене, я спросил:

— Что ты имеешь в виду?

— Отец тебя бросил. А мать — нет. Отец мог взять тебя с собой, но решил не брать.

— Жить в странствиях? Он не хотел подвергать меня риску.

— А если на то пошло, почему он вообще уехал, черт побери? — Если бы гнев был соревнованием по бегу, Лола сейчас меня обогнала бы. — Он не был изгнан. Его даже не игнорировали.

— Но стали бы.

— Игнорирование не смерть. Сколько лет моя семья прожила в этом жалком городишке, и ни один верующий не предложил нам ничего, кроме секретных слов шепотом.

Никогда за все годы у меня не возникало желания ударить Лолу.

Сейчас я был к этому очень близок, но между желанием и действием все же оставался большой зазор. Однако я стиснул кулаки и тяжело дышал, с колотящимся сердцем, пока она смотрела на меня.

— Что еще? — выдавил я в конце концов.

— Твоя мать осталась. Поверь, она уговорила бы отца взять тебя, если бы этого хотела. Но решила, что для нее и для тебя будет лучше, если ты останешься. И пусть она была плохой матерью и плохим человеком, она наверняка

старалась как могла. А это достаточная причина, чтобы ты поехал в город и сделал то, о чем она просила. Заставь себя поверить, что она действительно умерла, а потом можешь делать с ее могилой все что захочешь. Но возвращайся потом ко мне. Хорошо, Ной? Сделаешь это ради меня?

С ясной головой и полный целенаправленной ярости, я торопливо возвращался к дому мэра. Я принял решение. Я готов рассказать то, что знаю, или хотя бы поведать людям то, что я считаю правдой. Большинство мне не поверит. Эти упрямые и лишенные воображения души выбросят из головы мои слова, заявив, что меня ввели в заблуждение, или что я сумасшедший, или и то и другое вместе. Но даже если весь город будет смеяться над моим безумием, сама идея начнет грызть их изнутри: а что, если я прав? Что, если эта странная старуха несет ответственность за смерть миллиардов людей? И что, если ее семья не только знала об этом, но так или иначе одобряет то, что она сделала?

Однако, войдя через главный вход, я обнаружил Мэй и ее отца перед весьма довольными слушателями. Я ожидал, что они будут в соседней комнате, за закрытой дверью. Я и представить не мог, что десятки людей будут хохотать над чем-то невероятно смешным и сказанным лишь секунду назад. Неожиданно оказалось, что я стою на краю громкой и счастливой вечеринки, и несколько человек скользнули по мне взглядом, сразу определив, что я не разделяю их веселья.

Мэй заметила меня. Я ощутил ее взгляд, но когда попытался встретиться с ней глазами, она отвела их. Рука Мэй коснулась плеча отца, и она завершила историю, которую рассказывала, так:

— Вот так мы в конце концов и перебрались через Миссисипи.

Дружный хохот.

И я вышел на улицу.

Я все еще был готов выполнить задуманное. Да, готов. Мне лишь требовался более подходящий момент. И пожа-

луй, менее многочисленные и более восприимчивые слушатели. Возможно, мне придется солгать. Уинстон сделал гипотетическое признание. Я лишь чуть изменю его слова, придав ему еще больше высокомерия. Но пока я мысленно репетировал эту речь, из дома вышел Джек и подошел ко мне:

— Что случилось?

Я набрал в грудь воздуху, чтобы ответить. Но голос меня подвел.

— Ты перехватил Уинстона?

Я кивнул.

— Что-то вид у тебя нездоровый, Ной.

Это потому, что меня мутило. У меня в груди кроличье сердце, а я, похоже, не могу дышать достаточно часто, чтобы грудь перестала болеть. Мне хотелось сесть. Хотелось пива в высоком бокале, удобное кресло и тишины. Но еще больше мне хотелось оказаться в другом месте, поэтому я спросил Джека:

— Мое мясо уже разгрузили?

— Почти, но тут объявились наши гости, и мои парни смылись. А что? Хочешь ехать домой прямо сейчас?

— Да.

Он кивнул.

— Тогда пойдем закончим, — решил он. — Не знаю, где сейчас мои парни, но разгружать наверняка осталось немного.

— Нет.

Он выжидательно посмотрел на меня.

Я и сам точно не знал, чего хочу. Но услышал, как произношу:

— Окажи мне другую услугу. Сделаешь?

— Конечно. Какую?

— Когда появится возможность, скажи Мэй... скажи, что я все знаю.

— Что знаешь?

— Скажи ей, что ее брат почти все мне рассказал. А об остальном я догадался сам.

— О чем ты догадался, Ной?

Я лишь покачал головой.

Теперь Джек стал угрюмым и серьезным. Его сильная рука стиснула мне плечо:

— Что этот пацан тебе рассказал?

За дверью снова рассмеялись. Я четырнадцать лет прожил в этом городе и не могу вспомнить, чтобы здесь когда-нибудь так веселились.

— Ной?

Но я стряхнул его руку и направился к магазину Джека.

— Направь Мэй ко мне, хорошо? И не тяни, Джек. Как только разгружу мясо, сразу уеду.

Через три года после смерти матери мы с Лолой в последний раз ездили в мертвый город. К тому времени там уже трудно было найти что-либо полезное — успели поработать ржавчина, пожары и время. Но кое-какая добыча нам все же попалась, и еще мы поняли, что никогда больше сюда не вернемся. Что было очень ценным достижением.

Отчасти по ошибке, отчасти по плану в конце того дня мы остановились возле одной из братских могил. Здесь уже почти два десятилетия стояла целая армада бульдозеров. Могила еще не заросла окончательно, и из земли то здесь, то там торчали обломки костей и упрямые клочки ткани. Разглядывая эту печальную сцену, я вспомнил последние похороны, на которых побывал, и, когда Лола спросила, о чем я думаю, сказал об этом.

Она плакала. Я тоже плакал.

Шмыгнув, она сказала:

— *Кто-то этого хотел. Кто-то все это спланировал.*

Мне уже и не сосчитать, сколько раз мы про это говорили.

— Знаешь, чего я хочу, Ной?

— Чего?

— Чтобы те, кто это устроил, вышли бы и все рассказали.— Моя милая и грустная женушка прижалась ко мне и объяснила: — Как только началась эпидемия, им следовало бы выступить с официальным заявлением, доказывающим, что они реальные люди, и перечисляющим все те якобы мудрые причины совершить немыслимое.

— Об этих причинах мы и так можем догадаться.

— Но если бы они заявили о них, то сомнений бы не осталось.

— И что бы это изменило?

— А то, что сейчас нам было бы кого винить. Группу, имеющую название. Реальных людей с ясной целью.

— «Трясучка» убила бы тех же самых людей. Все правительства совершили бы те же ошибки. А мы с тобой в конце концов оказались бы здесь или в другом подобном месте, глядя на могилы и мертвецов.

— Но была бы и разница. Если бы они предъявили доказательства и заявили о причинах, то мы бы знали, что все это дело рук людей. Обычных идиотов с большим самомнением. А это значит, что живущие в Спасении обычные идиоты с большим самомнением уже не могли бы убеждать себя, что это был Божий суд или что все они такие уж безгрешные, а поэтому и выжили.

Об этом я как-то прежде не думал.

Лола снова шмыгнула и замолчала, вытирая слезы руками. А я стоял не шевелясь, смотрел на это огромное кладбище и думал: «Вот что при этом чувствуешь. Вот что значит быть могильщиком для всего мира».

Я поджидал ее, вытаскивая шмат копченого мяса из кузова, потом сделал перерыв, ожидая, что Мэй вот-вот примчится. Но не дождался. Тогда я вытащил и отнес в магазин еще два шмата, потом вышел, готовый ее увидеть. Но улица оказалась пуста. Нервная энергия придала мне сил, чтобы работать упорно и быстро. Разогревшись и вспотев, я расстегнул плащ, нагрузил мясо на тележку и отвез его в магазин, задержавшись в дверях, чтобы обернуться и никого не увидеть. Она не придет. Теперь я это знал, но, когда я снова вышел, Мэй стояла в кузове моего грузовика, поджидая меня. Но теперь мне уже не хотелось ее видеть. Секунду назад меня вполне устраивало, что наши дороги больше никогда не пересекутся.

— Ну? — осведомилась она.

Я прокатил тележку мимо нее, опустив голову.

— Твой друг сказал, что тебе что-то известно, — сказала она. — И что мне надо бежать сюда и поговорить с тобой. Что это важно.

Медвежье мясо темное и жирное, и коптить его надо совершенно особенным способом. Я принялся вытаскивать медвежатину из кузова и укладывать ее на тележку. Мэй наблюдала за этим, пока тележка не наполнилась. Потом сказала:

— Ты ничего не знаешь.

— Кем работала старуха?

Ну вот. Кто-то задал вопрос. И наверное, это был я, поскольку рядом больше никого нет.

— Работала?

— *До эпидемии,* — пояснил я.

Она молча смотрела на меня.

— Она была ученой, — предположил я.

Мэй выпрямилась и напомнила:

— Это было очень давно. И ты наверняка заметил, что она выжила из ума.

— Зато спасла мир.

Девчонка не отреагировала, даже не моргнула.

— Твой брат на нее страшно зол. Но только из-за того, что она убила не тех, по его мнению, людей. С другой стороны, ты знаешь, что она хороший человек, исключительный человек и всегда такой была. Ты любишь бабушку и проехала весь этот путь, чтобы посмотреть, где они с твоим отцом жили до того, как мир изменился. А заметки в твоем блокноте? Они помогут тебе написать книгу об этой великой женщине, которая спасла мир. — Я сильно вспотел, уставшие руки дрожали. — Мир требовалось спасать. Если бы бабушка и ее друзья не начали действовать, человечество в конце концов изменило бы климат. А это стало бы еще хуже того кошмара, который мы пережили.

Мэй не ответила. Но глаза ее опустились, и я услышал ее дыхание, стоя в трех метрах от нее.

— Дело в том... может быть, я верю, что все это правда. С климатом были серьезные проблемы. Людей было слишком много, а запаса времени уже не осталось. И так или иначе, но «трясучка» спасла мир.

Она подняла глаза.

— Мы все еще здесь, — признал я. — И я чертовски рад быть живым.

Она начала улыбаться, но передумала.

— Есть лишь одна проблема, Мэй. Может, твоя бабушка поступила так с наилучшими намерениями. Может, у нас не осталось иного выбора. Но почему бы не выйти из тени, не объяснить ситуацию? Почему бы ей с коллегами не предъявить свои аргументы, пусть даже они ужасны, а пути назад уже нет?

Мэй уставилась куда-то вдаль.

— Одно-единственное заявление — и тайны не стало бы. Никому не нравится умирать, но тогда смерть обрела бы хоть какой-то смысл. Человечество выпалывается, как сорняки, а планете после этого легчает. А это уже не столь безнадежно, как иметь дело с бандой безликих убийц, не имеющих иной цели, кроме как злобствовать.

Мэй так долго смотрела в небо, что и я посмотрел туда же, но увидел лишь высокую голубизну. Она повернулась ко мне.

— Может быть, им действительно стоило так поступить, — сказала она.

— Кто-нибудь из них вакцинировался?

Она не сводила с меня глаз. Подождала и ответила: «Нет», прежде чем рискнула сделать шажок ко мне.

Я попытался заговорить, но голос сорвался.

Мэй нетерпеливо ждала.

Я вдохнул и заговорил:

— Большинство заявило бы, что если кто-то намерен убить миллиарды людей ради блага планеты, то им тоже следует принять собственное лекарство. А что сказал бы я? Меня устроило бы, если бы они застрелились или бросились с обрыва. Но когда я думаю, что одна из них, жирная и старая, раскатывает по полумертвой планете во дворце на колесах... это красноречиво говорит, насколько этой группе присущи самопожертвование, достоинство и честь.

Мэй задумалась над ответом. Когда она открыла рот, готовая бросить мне вызов, я ее остановил:

— Но что хуже всего? На мой взгляд, и я в этом не сомневаюсь, их молчание сделало возможным существование этих людей. — Я махнул в сторону города. — Благочестивые жители Спасения думают, что они здесь потому, что Господь великодушен. Господь — славный парень. И Он

предпочел их безымянным костям в безымянных могилах по всему свету. Они тупые и везучие ублюдки, но все же вольны думать, что они избранные.

Она снова задумалась.

А когда решила заговорить, я снова хотел было остановить ее. Но Мэй подняла руку, и я промолчал. Не помню, что я собирался сказать. Нас разделял всего шаг, и она выглядела даже моложе, чем прежде, но не столь миловидной. И улыбалась с той яркой пылкостью на лице, какую я никогда не видел у реальных людей, только у святых в старых религиозных книгах, — всепоглощающий безумный взгляд земной души, которой суждено усесться на коленях у Бога.

И она страстным шепотом сказала:

— Ты не понял.

— Чего я не понял?

Ее ладонь накрыла мой рот.

— Ты думаешь, что все кончено. Думаешь, что достаточно лишь однажды спасти мир. Но то, что ты назвал благородством, оказалось бы глупостью. Бабушка и остальные... они должны были выжить и поддерживать контакты друг с другом. Таков был план с самого начала. — Она смолкла и отдышалась. — Сколько детей живет только в одном этом городе, Ной? То же самое и повсюду. Несколько стариков, много молодых родителей, а детей столько, что и не сосчитать. И ты слышал, как люди переплывают моря, расселяются в поисках новых домов. Грядет еще один кризис. Он настанет не при моей жизни, может быть, лишь через несколько веков. Но рано или поздно те же трюки окажутся необходимыми, если мы решим устроить...

Ее голос дрогнул.

Я отвел ее руку, ощутив вкус соли:

— Решите устроить что?

— Еще одну прополку, — едва слышно проговорила она.

И улыбнулась той же благостной улыбкой, самоуверенной и на миллион миль возносящей над заботами всех несведущих и невинных.

Лола оказалась права. Увидеть в гробу усохшее тело матери было важно. Даже необходимо. Теперь я был уве-

рен, что она мертва, никаких сомнений не осталось, а когда я помогал отнести ее к могиле, это напомнило мне, что она гораздо меньше, чем все эти годы казалась. Она превратилась в оболочку, уже начавшую разлагаться, и мы приколотили крышку, опустили гроб в могилу и принялись засыпать землей и камешками предмет, который был моей матерью не больше, чем небо над головой.

Но к концу я все же заплакал.

И те, кто все еще любил меня или хотя бы любил мою мать, добавили к моим слезам свои эмоции. Они подходили, обнимали меня, молились за мою душу. Потом я спустился в «Магазин лоскутных одеял», взял очень высокий бокал пива, выпил его слишком быстро и уже слегка нетвердой походкой стал опять подниматься к кладбищу на холме.

— Идешь снова повидаться с мамой? — спросил проходивший мимо Феррис.

— Мне надо побыть с ней еще минутку.

Услышав это, старик пошел рядом. Он шел и смотрел на меня до тех пор, пока мы не встретились взглядами. Маленький, неопределенного возраста, с яркой улыбкой и приятными манерами, Феррис всегда заражал других своей энергией. Мне говорили, что он потерял во время эпидемии почти всю семью, но не могу вспомнить, чтобы он хотя бы раз упоминал их, даже в молитвах.

— Сынок,— сказал он, как нередко говорят старики всем, кто моложе их.

Я ждал.

— Минуты может не хватить, сынок.

— Может и не хватить,— согласился я.

— Не ходи.

Но я уже свернул и быстро зашагал к холму.

Ночевать в Спасении гости не останутся. Я предположил это, глядя, как Мэй быстро шагает к трейлеру. Она поговорит с братом, и тот устроит шоу, демонстрируя свой гнев, а потом вернется к дому мэра, чтобы поговорить наедине с отцом. А за это время я могу рассказать кому-нибудь, о чем догадываюсь, и обо всем, что знаю. Погорячив-

шись, Мэй сболтнула лишнее. Но тот момент прошел, и сейчас ей наверняка не верится, что она могла поступить так беспечно, так откровенно глупо. А прямо сейчас она убеждает себя, что я не часть этой общины, я чокнутый отшельник и никто не будет слушать мою чепуху. Но все равно ей не будет давать покоя мысль, что я могу обо всем рассказать и некоторые из этих странных туземцев могут мне поверить, а Мэй уж точно не столь глупа, чтобы положиться на добрую волю христиан, живущих посреди этой иссохшей незнакомой глуши.

Все четверо уедут, и произойдет это рано, а не поздно. Лучшая дорога в наших краях — шоссе. Они могут поехать или обратно на восток, или на запад до следующего перекрестка, а потом на север по старой федеральной магистрали, что выведет их напрямую к обетованной земле Канады.

Что ждет их в Канаде и почему это для них важно?

Другие, наподобие их бабули, тайное общество фанатиков-единомышленников? Во всяком случае, так я представлял. Но я почти ничего не знаю о мире за пределами моего горизонта. И могу иметь дело лишь с людьми, которые находятся здесь и сейчас.

Я торопливо разгрузил остатки мяса, завел грузовик и сделал длинный объезд вокруг квартала, возвращаясь на шоссе. Притормозил возле недостроенной фабрики, осмотрел ее стены и окна и решил проехать дальше. Мост вполне подойдет. Я медленно пересек его и свернул в овраг, расположившись в достаточно низкой точке, чтобы никто не смог увидеть меня с противоположного берега, но оставляя себе возможность уехать отсюда. И уехать быстро, если потребуется.

Я на охоте. И моя дичь — не люди, твердил я себе. А охочусь я на большую громыхающую машину, изготовленную в другие времена, и никому не причиню вреда. Так я и убедил себя достать из тайника винтовку, оба пистолета и столько патронов, чтобы отбиться от целого взвода. Повесив на шею бинокль, я перебрался к северному краю моста и после упорных размышлений и кое-каких сомнений решил, где буду прятаться и как стану действовать из засады.

Но я охочусь на людей. Может статься, что пробить пулями эти шины военного образца невозможно, и вряд ли я смогу вывести из строя мотор — такой надежный, что позволил преодолеть половину континента. Но всадить пулю в голову водителя будет нетрудно, а Уинстон мне определенно не понравился. Я представил его за рулем, а бабулю сзади на кровати. Значит, как только трейлер съедет с дороги, я смогу прикончить старуху, даже не видя ее. Ее сынок — задачка посерьезнее. И есть еще Мэй. Я сам не знал, что хочу сделать, но, когда я думал о них, мысли начинали путаться. Они не поедут по этой дороге, обещал я себе. А сижу я здесь, только чтобы доказать кое-что себе, потому что сейчас они возвращаются на восток, выбрав знакомую дорогу, прежде чем направиться на север к той обетованной земле.

Укрылся я в высокой сухой траве и постарался в ней полностью исчезнуть. День уже клонился к вечеру, и от земли и тускнеющего неба тянуло холодом. Вскоре я начал мерзнуть. Но я сжался, удерживая тепло в теле, и пониже натянул вязаную шапочку. Время от времени я вставал и топал, разгоняя кровь в ногах, а заодно осматривался — не подкрадывается ли кто ко мне, — но никого не заметил. Я мог быть единственным животным на мили вокруг. Присев на корточки, снова проверил оружие. Я нервничал и от этого слегка согрелся.

Они не приедут.

Я сказал это вслух.

— Они поехали другой дорогой и уже скрылись, — поведал я вечернему ветерку.

Дневного света оставался час или около того. Я снова встал и затопал окоченевшими ногами. Мне очень хотелось уйти, но, взглянув вниз по течению, я вдруг заметил, как солнце вспыхнуло на движущемся стекле. Сердце заколотилось, и на секунду мне захотелось развернуться и убежать. Но я остался. Откуда-то взялась смелость поднести к глазам бинокль, и одного только вида алюминиевого домика мне хватило, чтобы во мне снова вскипел гнев — мощный и не желающий утихать.

Я застрелю водителя, потом буду стрелять по задней части. Любое движение в окне будет мишенью. Любое воз-

можное укрытие будет прошито пулями. Я разнесу трейлер в клочья, добираясь до бабули, а потом остановлюсь. Может быть, я не захочу тратить на Мэй драгоценные патроны. Одна морозная ночь без посторонней помощи, и ей не придется долго ждать конца.

Трейлер еще очень далеко.

Я опускаюсь на колени. Еще раз проверяю оружие. Встаю, топаю и смотрю в прицел винтовки. Вижу лишь машину с плоским передком, и никакого намека на людей.

Я опускаюсь на колено.

И через секунду меня начинает трясти. Сильно.

Потом я слышу треск мотора, и первое, что мне приходит в голову, — почему этот звук мне так знаком? Где-то позади меня этот моторчик замолкает. Я все еще прячусь. Я неподвижен, как гранитный блок. Я жду и слушаю затаив дыхание и слышу звуки шагов по дороге наверху, потом шаги останавливаются и голос, который я знаю лучше своего, спрашивает:

— Ты что там делаешь?

Я оборачиваюсь и смотрю на Лолу.

Она улыбается, потом ее улыбка гаснет. Ее сменяют испуг и удивление, потом еще больший испуг. На моем лице она видит нечто такое, чего никогда не видела прежде, и, когда я встаю, она смотрит на оружие, снова на мое лицо, потом на мост и спрашивает холодный вечерний воздух:

— Кого ты здесь ждешь, Ной?

— Тигра.

— Какого еще тигра?

— Я его видел, когда раньше проезжал здесь. — Я делаю слабый шажок по короткому склону. — Не тигр, а красавец. Шкура у него потрясающая. — Еще один шажок. — День оказался неудачным, а мне хотелось сделать тебе подарок. Нечто такое, чего ты не ожидала.

Трейлер уже близко. Его водитель, похоже, не замечает людей на дальнем берегу реки, потому что машина ни притормаживает, ни прибавляет скорости, и трейлер проезжает мимо нас, громко хрустя несколько секунд гравием по бетону. Потом скрывается за стеной дубов и тополей.

Лола наблюдает за мной. Наверное, она никогда не видела такую машину, но на этом ландшафте я единственный важный для нее объект. Она смотрит и молчит, пока я медленно выбираюсь на старое дорожное полотно и снова начинаю нести всякую чушь. Ее рука в перчатке накрывает мне лицо.

— Не хочу я никакого тигра,— со слезами говорит она.— Поехали домой. Прямо сейчас.

ЭЛИЗАБЕТ БИР

Между дьяволом и синим морем

Нижеследующий рассказ напоминает мне «Долину проклятий» («Damnation Alley») Роджера Желязны и «Почтальона» («The Postman») Дэвида Брина, так что мы в действительности получаем три по цене одного.

В 2005 году Элизабет Бир завоевала премию Джона Кэмпбелла как лучший молодой автор и после этого дважды удостаивалась премии «Хьюго» за свои рассказы. Ее малая проза представлена в сборнике «Цепи, которые ты отвергаешь» («The Chains That You Refuse», 2006). Элизабет Бир — весьма плодовитый писатель. Действие ее первого романа «Выкованная» («Hammered», 2005), открывающего трилогию о Дженни Кейси и награжденного премией журнала «Locus» как лучший дебютный роман, разворачивается на просторах постапокалиптической Северной Америки.

Наступил конец света — и миновал. И, в общем, оказалось, что большого значения он не имеет.

Почта в любом случае должна работать.

Хари подписала подготовленные с вечера бумаги, сверила с календарем даты, посидела еще, разглядывая свою подпись, и надела на ручку колпачок. Покачивая в руке металлический стержень, подняла голову и взглянула в выцветшие глаза Диспетча.

— А что такого особенного в этом рейсе?

Он пожал плечами, развернул к себе сколотую стопку бумаг и принялся внимательно изучать правильность заполнения каждого бланка. Хари не следила за ним. Она никогда не делала ошибок.

— А что, непременно должно быть что-то особенное?

— Иначе ты не обещал бы мне столько заплатить.

Она усмехнулась, когда Диспетч поставил на стол термозащищенный стальной контейнер.

— Через восемь часов это должно быть в Сакраменто, — сказал он.

— Что там?

— Медицина. Эмбриональные стволовые клетки в контейнере с терморегуляцией. Температура не должна быть выше или ниже определенного уровня. К тому же по одной хитрой формуле посчитали, что клетки могут прожить в данном объеме питательной среды строго определенное время. И за то, чтобы получить их к восемнадцати ноль-ноль, заказчик в Калифорнии заплатит кругленькую сумму.

— Сейчас почти десять утра. Что значит слишком высокая или слишком низкая температура?

Хари взвесила в руке контейнер. Он был легче, чем казался на вид. И он без труда поместится в багажник ее мотоцикла.

— То есть не выше, чем сейчас, — вытирая потный лоб, ответил Диспетч. — Так ты берешь этот заказ?

— Восемь часов? Из Финикса в Сакраменто? — Хари откинулась назад и поглядела на солнце. — Мне придется ехать через Вегас. После Большого Взрыва ездить по Калифорнии с такой скоростью непросто.

— Никого другого я бы и не послал. Да, быстрее всего — через Рино.

— На всем пути до Тонопы отсюда, как и из любого места по эту стороны дамбы, бензина не найти. Не поможет даже карточка курьера.

— В Боулдер-Сити есть КПП. Там и заправишься.

— У военных?

— Сказал же, заплатят очень хорошо, — пожал он плечами. Его кожа уже блестела от пота.

Днем в Финиксе будет жарко, подумала Хари, никак не ниже сорока градусов по Цельсию. По крайней мере, она-то поедет на север.

— Я беру заказ, — сказала Хари и протянула руку за грузовой квитанцией. — В Рино нужно что-нибудь забрать?

— Ты знаешь, что говорят о Рино?

— Угу. Говорят, что он слишком близко к аду.

— Именно. И нечего тебе там делать. Проезжай его без задержки, — сказал Петч. — И в Вегасе — никаких остановок. Эстакада там рухнула, но если дорога не завалена обломками, тебя это не задержит. Поедешь через Вегас на

Фаллон по Девяносто пятому шоссе, и не будет никаких проблем.

— Контроль? — Она перекинула ремень контейнера через плечо, притворяясь, что не заметила, как Петч поморщился. — Я сообщу по радио, когда приеду в Сакраменто...

— По телеграфу, — сказал он. — Радиосигнал забьют помехи от радиации.

— Договорились, — согласилась она, поворачиваясь к закрепленной в открытом положении двери.

Ее Конни — «кавасаки конкурс» довоенной модели — припал к земле возле раскрошившегося поребрика, похожий на огромную пантеру. Не самый лучший байк на свете, но он доставит вас куда нужно. Понятно, при условии, что вы не разобьете этого неустойчивого сукина сына еще на парковке.

— Хари...

— Да?! — Она помедлила, не оборачиваясь.

— Встретишь на дороге Будду — убей его.

Она оглянулась, пряди волос зацепились за ремень контейнера и погончик кожаной куртки.

— А если встречу дьявола?

После мощного прямого рывка из Финикса она сбросила газ, плавно вписываясь в повороты пологого спуска к дамбе Гувера, и обдумывала предстоящий путь. Чтобы успеть, нужно было держать среднюю скорость сто шестьдесят километров в час. Все должно было пройти гладко; она бы очень удивилась, встретив на перегоне Боулдер-Сити—Тонопа еще хоть один транспорт.

Перед отъездом из Финикса она проверила работу запасного дозиметра, просто на всякий случай. Пока она пересекала по дамбе зараженную реку, оба дозиметра, основной и запасной, тихо пощелкивали, и их дружеское бдительное стрекотание действовало на нее успокаивающе. Сбавить скорость, чтобы полюбоваться раскинувшейся справа голубой ширью или пейзажем слева от дамбы, она не могла, однако отметила, что, учитывая все обстоятельства, сооружение находится в прекрасном состоянии. Чего нельзя было сказать о Вегасе.

В прежние времена (она переключилась на низкую передачу, преодолевая крутой подъем по северной стороне Черного каньона; ее волосы уже взмокли), так вот, в прежние времена посылки, такие, как эта, доставлялись авиапочтой. И места, где такое было возможно, еще существовали. Места, где были деньги на топливо и на ремонт взлетно-посадочных полос.

Места, где зараженные радиацией самолеты не маячили, как мертвые птицы, вдоль зараженных взлетно-посадочных полос, радиоактивные до такой степени, что у любого проезжающего мимо дозиметры сходили с ума.

Курьерская доставка стоила гораздо дешевле. Даже если вы запрашивали такую плату, какую запрашивал Петч.

Далеко внизу, в водах Колорадо, как в зеркале, алым и золотым вспыхивало солнце. Ровный гул мотора эхом отдавался от склонов каньона. Справа промелькнуло здание казино с облезлыми стенами. Асфальт покрывала паутина трещин, но он был относительно ровным — ровным для тяжелого байка, разумеется. Мотоцикл шел с постоянной скоростью девяносто километров в час, и это было слишком быстро для такой дороги. Едва она подумала об этом, как что-то серой тенью метнулось с пути и мгновенно затерялось среди проносящихся мимо ржаво-черных скал. Снежные бараны. Никто в свое время не побеспокоился посоветовать им убраться отсюда подобру-поздорову, пока ветер не принес заразу.

Самое смешное, что им здесь, по-видимому, жилось неплохо.

Хари заложила последний вираж, притормозив на входе и прибавив газу на выходе, просто чтобы насладиться ускорением, и на полной скорости рванула по финишной прямой к КПП на въезде в Боулдер-Сити. На стальной, покрытой облупившейся краской мачте у дороги горел красный свет. «Кавасаки» жалобно взвыл, не желая тормозить, и затих, когда Хари прикрыла дроссель, чтобы не набилось пыли.

На вершине холма располагались защищенные бронированными щитами казармы охраны. Дома, что были здесь прежде, снесли, и теперь ничто не загораживало вид на раскинувшийся внизу город. Проделавший эту работу бульдо-

ер замер неподалеку, ржавея под пузырящейся краской: радиоактивный металл не годился даже на переплавку.

Когда-то Боулдер-Сити был процветающим городом, по обе стороны его главной улицы высились современные кирпичные здания с темно-серыми оштукатуренными фасадами — деловой центр города. Ныне дома стояли пустые и заброшенные, белая краска на оконных рамах слоилась под воздействием жара пустыни.

Шлагбаум у КПП был опущен, как и свинцовые ставни на окнах. Цифровое табло на крыше показывало двузначные цифры уровня радиации и трехзначные — температуры по Фаренгейту. Когда она доберется до Вегаса, станет еще горячее по обоим показателям.

Затормозив, Хари поставила байк на подножку и посигналила.

Из будки появился молодой охранник; для служащего столь отдаленного поста он выглядел как-то слишком уж опрятно. Правильно надетая фуражка, сверкающие ботинки. Он спустился по красным металлическим ступенькам и зашагал к Хари, на ходу прилаживая дыхательный фильтр. Кому же он так насолил, что его загнали в эту дыру, подумала Хари. А может, он просто новичок-доброволец?

— Курьер, — сказала она.

Из-за включенного микрофона голос отдавался эхом внутри шлема. Она легонько похлопала по прозрачному нагрудному кармашку своей кожаной куртки, где лежало удостоверение, рукой в перчатке неловко вытянула из пристегнутого к баку мотоцикла мешка прозрачный пакет с документами и развернула их внутри пакета.

— Мне сказали, что у вас можно заправиться, чтобы хватило до Тонопы.

— У вас есть респиратор или только фильтр в шлеме? — Он внимательно изучал документы.

— Есть респиратор.

— Пожалуйста, поднимите щиток.

Он не стал требовать у нее снять шлем — слишком много пыли. Она повиновалась, и солдат с серьезным видом сличил ее глаза и нос с фото на удостоверении.

— Ангхарад Краутер. Вроде бы все в порядке. Вы работаете на почтовую службу?

— По договору. Везу медицинский груз.

Он повернулся и двинулся к обернутым пластиковой пленкой колонкам, жестом приказав ей следовать за собой. Их было две, одна с соляркой, другая с неэтилированным бензином.

— Это Конни?

— Да, слегка модернизированный, для уменьшения шума. — Рукой в перчатке Хари ласково погладила мотоцикл по бензобаку. — Как обстановка на дороге до Тонопы?

— Надеюсь, вы знаете правила, — пожал он плечами, вставляя заправочный пистолет в горловину бака. — Не съезжать с дороги. Не заходить в дома. Не приближаться ни к каким транспортным средствам. Не останавливаться, не оглядываться, не возвращаться назад — верх глупости ехать в собственном хвосте пыли. Если увидели что-то светящееся — не подбирать, ни к чему не прикасаться в горячей зоне. Я дам телеграмму по маршруту и предупрежу Тонопу о вашем приезде, — добавил он, когда насос колонки щелкнул, отключаясь. — Попадали в аварии на этой штуке?

— За последние десять лет — ни разу, — сказала она и даже не потрудилась скрестить пальцы.

Он протянул ей квитанцию; Хари неловко вытащила из нагрудного кармашка на молнии свой лакированный «Кросспен» и расписалась. Она не сняла перчатки, и вместо подписи вышли нечитаемые каракули, но солдат сделал вид, что сличает автограф с подписью на удостоверении, затем дружески хлопнул ее по плечу.

— Будь осторожна. Если разобьешься на трассе — вряд ли кто-то поможет тебе. Счастливого пути.

— Спасибо, успокоил, — ухмыльнулась она в ответ, затем захлопнула щиток шлема и отчалила.

Оцифрованная музыка гремела в тесном пространстве шлема; Хари пригнулась, пряча голову за обтекателем. Горячий ветер рвал рукава, тонкими струйками пробиваясь между перчатками и крагами. «Кавасаки» рвался в бой, и ее так и подмывало дать мотоциклу полную волю. Одно было

хорошо в горячей зоне вокруг Вегаса: движение там было не слишком оживленное. По обе стороны дороги стояли дома, все как один с красными черепичными крышами и кремовыми оштукатуренными стенами. На скорости они сливались в расплывающиеся цветные пятна. Деревья у дороги убила пустыня, как только некому стало качать воду для полива. Противошумовые барьеры преграждали путь ветру, и под их прикрытием Хари разогналась до ста шестидесяти. Когда «кавасаки» развивал максимальную скорость, стрелка тахометра доходила до шести тысяч оборотов. На парковке он был неуклюжим, как слон в посудной лавке, зато на больших скоростях дорогу держал безупречно.

Запаса бензина хватало на дорогу до Тонопы и еще миль на сто, так что с Божьей помощью, да если речка не разольется, проблем не будет. Однако Хари не собиралась испытывать судьбу и тратить лишнее топливо, петляя по переулкам внутри того хаоса, что раньше назывался Лас-Вегасом. Дозиметры оживленно и неравномерно стрекотали, беспокоиться было пока не о чем, и Хари пронеслась по центральному проспекту, потом, когда вблизи старого делового центра начался участок с поворотами, снизила скорость до ста сорока. Справа и слева проносились заброшенные казино, унылые пустыри и гетто; торжествующий рев мотора усиливало гулкое эхо, многократно отражаясь от голых стен. На неровной и извилистой дороге было не разогнаться, к тому же мешали опоры надземки.

Небо было блекло-голубое, цвета бирюзы; со всех сторон горизонт закрывали горы, в воздухе висела красновато-коричневая пелена пыли.

Сразу за деловым центром начиналась скоростная автострада с транспортными развязками. Упомянутый Петчем путепровод — путаница виражей и пересечений — вздымался в самом центре покинутого города. Солнце стояло в зените, предвещая в течение ближайших часов самую сильную жару, и Хари пожелала призракам отелей доброго дня. Она подавила желание пощупать контейнер, уложенный в багажник за спиной, чтобы убедиться в сохранности драгоценного груза. Все равно она бы не поняла, вышел из строя климат-контроль за время поездки или нет, тем

более что она уже разогнала «кавасаки» до ста семидесяти и вынуждена была крепко держать руль обеими руками, пригнувшись за обтекателем.

Теперь Хари предстоял рывок по прямой до мертвого города Битти; главное — помнить, что там вдоль дорог, вблизи маленьких городков, установлены металлические ограждения от скота, в которые легко врезаться. Рывок, под стрекот дозиметров, под грохот старомодного рок-н-ролла из динамиков внутри шлема, под рев мотоцикла, рвущегося вперед...

Бывали у нее дни и похуже.

Подъезжая к путепроводу, она переключилась на четвертую передачу и убавила газ. В этом месте автострада Финикс—Рино пересекалась с другой, ведущей из Лос-Анджелеса в Солт-Лейк-Сити; впрочем, о Лос-Анджелесе можно было не вспоминать, он практически исчез. Петч говорил, что путепровод разрушен. Это могло означать, что движение по нему небезопасно или что шоссе под ним завалено обломками бетона размером с дом. Хари не хотелось выяснять правильность любого из этих предположений, не имея запаса тормозного пути. Она решила немного осмотреться. И тотчас тихо выругалась себе под нос, притормаживая.

Она увидела что-то — нет, кого-то; человек стоял, прислонившись к опоре дорожного знака. Этот облупившийся, расстрелянный из дробовиков знак призывал водителей не превышать скорость в те времена, когда это еще кого-то волновало.

Чем ближе она подруливала к обочине, тем сильнее стрекотали дозиметры. Нельзя останавливаться. Правда, в этих местах одинокий пешеход был практически приговорен к смертной казни. Из-под шлема градом катился пот, кожаная одежда прилипла к мокрому телу.

Она уже почти затормозила, когда наконец поняла, что знает его. Коричнево-желтая, цвета охры, кожа. Щегольской двубортный пиджак в тонкую полоску. Ковбойская шляпа, знакомо надвинутая на лоб. Блеск мокасин из цветной дубленой кожи. На одно безумное мгновение она пожалела, что у нее нет пистолета.

Не то чтобы это сильно помогло. Даже если бы она решила застрелиться сама.

— Ник,— она поставила передачу на нейтралку и опустила ногу на землю,— какая удивительная встреча в центре ада.

— Тебе нужно подписать кое-какие документы, Хари.— Он сдвинул шляпу на затылок, открыв лицо со впалыми щеками.— Ручка есть?

— Она всегда со мной, ты же знаешь.— Хари расстегнула карман и достала свой «Кросс-пен».— Я не одалживаю поршневые ручки направо-налево.

Он кивнул, прислонился спиной к ограждению и уперся в него подошвой, подняв колено. Затем разложил на нем, как на столике, свои бумаги и взял у нее ручку.

— Как ты знаешь, подходит срок платежа по твоей расписке.

— Ник...

— Прекрати ныть. Разве я не выполнил свою часть сделки? После нашего последнего разговора твой байк попадал в аварию?

— Нет, Ник,— с удрученным видом ответила она.

— Его угоняли? Ты сидела без денег? Выпадала из графика?

— Обязательно выпаду, если ты не поторопишься вернуть мою ручку.

Она требовательно протянула руку.

Вышло не очень убедительно, но это было лучшее, что она могла позволить себе в данных обстоятельствах.

— Хм.— Он наслаждался моментом.

— Значит, ты пришел получить долг?— Она вдруг успокоилась; оказалось — зря.

— Я предлагаю пересмотреть договор, это твой шанс.— Он надел колпачок и передал ей ручку.— Есть одно дело; если сыграешь правильно — купишь себе дополнительно несколько лет.

Она рассмеялась ему в лицо и убрала ручку в кармашек.

— Еще несколько лет?

Он плотно сжал губы и торжественно кивнул. Хари моргнула и тоже перешла на серьезный тон.

— Так ты не шутишь?

— Прежде чем что-нибудь предложить, я всегда думаю, — ответил он и почесал большим пальцем кончик носа. — Скажем, э-э... еще три года?

— Не так уж и много. — Ветер сменился, и дозиметры застрекотали быстрее. — Как я теперь понимаю, и десять лет не такой уж большой срок.

— Время быстро идет, да? — пожал он плечами. — Хорошо. Семь...

— За что?

— Что ты имеешь в виду?

При виде этого ясного, намеренно простодушного взгляда ей снова захотелось рассмеяться.

— Я просто хочу узнать, что я должна сделать, чтобы заработать еще семь лет твоего покровительства. — Мотоцикл был тяжел, но она не собиралась опускать подножку. — Наверняка кому-то это выйдет боком.

— Так всегда бывает, такова жизнь. — Тут он немного сдвинул шляпу на лоб и небрежно махнул рукой в сторону ее багажника. — Дай мне на минутку то, что у тебя там.

— Ха! — Она глянула на свой груз, кривя губы. — Странная просьба. Зачем тебе коробка, набитая клетками?

Он откачнулся от ограждения, которое до этого подпирал, и шагнул к ней.

— Не твоя забота, юная леди. Отдай ее мне, и получишь свои семь лет. Если нет — срок подходит на следующей неделе, помнишь?

— Во вторник. — Она бы сплюнула, да не хотелось снимать шлем. — Я не боюсь тебя, Ник.

— Ты много чего не боишься. — Он улыбнулся ей, очень спокойный. — В этом часть твоего обаяния.

Она поглядела на запад, на раскинувшуюся под палящим солнцем пустыню, на крыши покинутых домов, где жили исчезнувшие уже люди. Невада всегда славилась способностью превращать нормальные поселения в города-призраки.

— А если я откажусь?

— Радость моя, я так надеялся, что ты этого не спросишь! — Он потянулся похлопать ее по руке, лежащей на

ручке газа. Мотор вдруг взревел, и Ник быстро отдернул руку. — Я смотрю, вы с ним большие друзья.

— Мы прекрасно ладим, — ответила Хари, похлопывая по бензобаку. — Так что случится, если я скажу «нет»?

Он пожал плечами и сложил руки на груди:

— Ты не доедешь.

Это было сказано без всякой угрозы, и падавшая на лицо тень от шляпы не стала темнее, и улыбался он так же спокойно, как и прежде. Просто холодная констатация факта. И она приняла этот факт к сведению. Эх, сейчас бы жевательную резинку. По настроению — в самый раз. Она скрестила на груди руки, удерживая мотоцикл ногами. Хари иной раз любила поторговаться.

— Такого в нашем договоре не было. О чем мы договаривались: никаких потерь груза, никаких аварий, доставка в срок. Я сказала, что привезу эти клетки в Сакраменто за восемь часов. Ты тратишь мое время; может быть, от них зависит чья-то жизнь.

— Чья-то — да. — Ник скривил губы в ухмылке. — Куча чьих-то жизней, если на то пошло.

— Разорвешь сделку, Ник, — черт с ней, с моей поездкой, — и ты нарушишь договор.

— Вот ты торгуешься, а ведь тебе нечего предложить.

Она открыто рассмеялась. Мотор ободряюще взревел.

— Я всегда могу исправиться...

— Не успеешь, если умрешь, не добравшись до Сакраменто. Последняя тебе возможность передумать, Ангхарад, моя принцесса. Пожмем друг другу руки и разойдемся друзьями. Или твоя последняя поездка закончится на моих условиях, а для тебя в них ничего хорошего нет, — «кавасаки» тихо рычал, источая запах раскаленного масла, — как и для твоего байка.

— Отвали, — ответила Хари, затем оттолкнулась ногами, повернула ручку газа и поехала прямо на него. Глупость, конечно, но так приятно было заставить его поспешно отпрыгнуть с дороги.

Долгое время Невада медленно умирала: грунтовые воды были отравлены перхлоратами, наследием титановых

заводов времен Второй мировой войны; люди все чаще болели раком из-за последствий надземных ядерных испытаний, начались длительные засухи и изменения климата. Дети в некоторых сельских районах почти поголовно болели лейкемией. Чтобы принять взрыв завода «PEPCON» в 1988 году за упреждающий глас гнева Господня, надо было обладать очень развитым воображением. Ибо настоящий кошмар случился десятилетиями позже, когда состав, перевозивший высокоактивные ядерные отходы в хранилище Юкка Маунтин, столкнулся с топливной цистерной. Последовавший пожар и радиоактивное заражение долины Лас-Вегас в некотором смысле явились Божьей милостью: к моменту начала войны, когда на военно-воздушную базу Неллис и «атомную гору» обрушились бомбы, Лас-Вегас уже был городом-призраком, таким как Риолит или Голдфилд. Но не финансовый кризис или иссякшие запасы золота были тому причиной — носившаяся по улицам пыль была такой радиоактивной, что воробьи просто сыпались с неба; по крайней мере, так говорили.

Хари не знала, правда ли это про воробьев. Оставляя позади призрак Лас-Вегаса, она двигалась на северо-северо-запад.

— Итак, — пробормотала она себе под нос, пригибаясь над бензобаком, — как ты думаешь, Конни, детка моя, что он приготовил для нас?

Байк ревел, сжирая километры. Начиналась пригородная зона, тоже покинутая, и хайвей пошел под уклон, выходя на уровень земли. Узкая черная лента автострады тянулась вдаль, и над раскаленным под летним солнцем асфальтом дрожало серебристое марево.

По обе стороны дороги расстилалась пустыня, сквозь твердую серо-коричневую поверхность кое-где пробивались чахлые кустики. «Кавасаки» взбирался сейчас на невысокую седловину меж двух гряд пыльных холмов. Дозиметры ровно стрекотали, сигнализируя о небольшом повышении уровня радиации, — дорога проходила вблизи участка, где прежде проводили ядерные испытания, — и Хари разогналась до двухсот километров в час. Показался печальный маленький городок: несколько списанных трейлеров, еще одна военная

была, никому теперь не нужная тюрьма... Скорость пришлось сбросить. Не ради отсутствующих пешеходов, просто не хотелось на полном ходу врезаться в металлические ограждения для скота.

Следующие восемьдесят километров до самого Битти можно было гнать вовсю. Она вновь врубила музыку, пригнулась за обтекателем и рванула к далекому горизонту, доведя стрелку спидометра до красной черты.

На подъезде к Битти дорога пошла на подъем. В Неваде цивилизация жалась к оазисам, возникавшим вокруг речушек, которые выбивались на поверхность у подножия гор и в долинах. Это был район горнодобывающих предприятий, и горы здесь практически сровняли с землей динамитом и экскаваторами. В длинном ущелье, тянувшемся справа от дороги, росли зеленые деревья; там текла речка, похоже загаженная радиоактивным мусором, — когда дорога подошла ближе к ущелью, дозиметры оживились. Если бы она решила немного поплескаться в этой водичке, среди ив и тополей, то на берег вышла бы, светясь, как фонарь в ночи. Правда, до ночи она бы не дожила.

Байк вышел из последнего поворота, и она въехала в город-призрак Битти.

Очень плохо, думала она, что все маленькие городки в Неваде возникали и разрастались в одних и тех же местах — у перекрестков дорог. Она была почти уверена, что Ник поджидает ее и у этого перекрестка. «Кавасаки» жалобно завывал, пока они пробирались по заваленным спутанными клубками перекати-поля улицам, но они проехали под единственным в городе незрячим глазом стоп-сигнала, так и не встретив ни единого живого существа. Жгучее солнце как будто прилипло к куртке, но, несмотря на это, по спине у Хари бегали мурашки. Все это, конечно, прекрасно, но все же хотелось бы знать, где Ник. Наверное, неудачно свернул у Риолита.

«Кавасаки» нетерпеливо порыкивал, ему хотелось снова нестись по просторам, а между тем приходилось пробираться между грудами нанесенного ветром мусора. Хари рулила очень аккуратно, осторожно объезжая кучи всякой

дряни и брошенные машины. «Никто уже не гонится за нами, Конни», — бормотала она, нежно похлопывая по раскаленному от солнца бензобаку левой рукой в перчатке. Они миновали заброшенную автозаправку; электричества не было, колонки не работали. Зато дозиметры чирикали и щебетали вовсю. Не было никакого желания взбивать ногами радиоактивную пыль, если этого можно избежать.

Развалины домиков в один-два этажа поддались наступлению пустыни. Хари притормозила, опустила ноги на мягкий, липкий от жары асфальт и проверила надежность крепления трубки заплечного бака с драгоценным запасом воды. Линия горизонта дрожала в раскаленном воздухе, горные гряды и серо-коричневая пустыня тянулись в бесконечность. Она вздохнула и отпила противной теплой воды.

— Ну что ж, поехали, — сказала она, быстро отпустила сцепление и повернула ручку газа, одновременно ставя ноги на подножки. Мотоцикл покатился вперед, набирая скорость. — До Тонопы уже не так далеко, а там мы с тобой сможем перекусить.

По-видимому, Ник дал ей время обдумать ситуацию, и она глушила неприятные мысли рок-н-роллом: *Dead Kennedys, Boiled in Lead, Acid Trip*. На равнинном участке трассы между Битти и Тонопой не предвиделось никаких сложностей, она ехала быстро. Лента шоссе стелилась под колеса мотоцикла, четкие силуэты гор по обе стороны дороги медленно отодвигались назад. Единственным событием, нарушившим однообразие пути, стал проезд через брошенный Голдфилд; его улицы со следами разрушений были пусты и печальны. Прежде в этом городе жили двести тысяч человек, которые покинули его еще до того, как Вегас пал жертвой радиоактивного заражения, даже до памятного крушения состава с ядерными отходами. Бóльшую часть пути Хари держала скорость двести километров в час, дорога была пуста, если не обращать внимания на далекие отблески чьего-то ветрового стекла. Тишина и пустынное шоссе только усугубляли тревогу. Она рассматривала проблему со всех сторон, крутила ее так и эдак, как гриф, теребящий свою добычу.

Далеко впереди показалась Тонопа. Ручка в нагрудном кармашке мешала Хари, в голове все плыло от жары, волосы взмокли, шлем давил. Она отпила еще глоток, стараясь экономить; температура подбиралась к пятидесяти по Цельсию, и без воды ей долго не протянуть. Мотор чихнул, когда «кавасаки» уже несся по длинному пологому спуску, ведущему к городу, но датчик показывал примерно четверть бака плюс резерв. Впрочем, приборы иногда барахлят, а удача сегодня была явно не на ее стороне.

Коснувшись кончиком языка панели управления внутри шлема, Хари вырубила музыку. Постучала по бензобаку. Судя по звуку, какое-то количество бензина на дне еще оставалось. При виде городка ее настроение улучшилось: здесь можно запастись топливом и водой, смыть пыль, а также наконец сходить в уборную. Черт возьми, из нее вышло пóтом столько жидкости, что, казалось бы, в последнем нет необходимости. Но, как известно, дьявол скрывается в деталях.

Хари никогда не жалела о том, что не родилась мальчишкой, хотя в умении пи́сать стоя, несомненно, есть свои преимущества.

Когда до города оставалось не больше полукилометра, Хари почувствовала что-то неладное. В горле запершило от резкого запаха, похожего на смрад от прогоревшего угля; вонь пробивалась даже сквозь респиратор. Она проверила дозиметры — уровень радиации не превышал фоновый. А город как-то странно изменился, она не узнавала его. Те же самые зеленые холмы, поросшие мрачным лесом с деревьями без листьев, окружали его со всех сторон, но в недвижном воздухе висела пелена не пыли, а дыма. Воздух над потрескавшимся полотном дороги странно и жарко мерцал, а здания, растянувшиеся вдоль улицы, ничуть не походили на обычные для Тонопы исхлестанные ветрами пустыни дома. Это были дощатые строения, покрытые облупившейся белой краской. Она увидела почту и церковь со шпилем, наполовину провалившимся в какие-то дымящиеся ямы.

Мотор жалобно заныл, когда Хари стала сбавлять газ. Она выжала сцепление, пуская мотоцикл накатом, и выпрямилась в седле.

— Что за чертовщина, куда это я попала, в преисподнюю? — Голос ее гулко отдавался внутри шлема. Она вздрогнула — опять забыла выключить микрофон.

— Очень точное определение, — раздался знакомый голос слева от нее. — Добро пожаловать в Централию[1].

Ник, в открытом шлеме, сидел на «хонде голд-винг» цвета запекшейся крови, если только бывает кровь с вкраплениями золотой пыли. «Хонда» зашипела на «кавасаки», и тот, на миг потеряв равновесие, ответил ей вызывающим рычанием. Хари ласково успокоила свою Конни, выправив руль и прибавляя газу.

— Централия? — Хари никогда не слышала этого названия, хотя тешила себя мыслью, что неплохо знает географию.

— Это в Пенсильвании. — Ник неопределенно повел рукой в черной перчатке. — Или это Ихария[2], в Индии. Или китайская провинция Синьцзян[3]. Это горит уголь, понимаешь ли, горят остатки антрацита в выработанных шахтах. Все эти города покинуты, пары серы и сернистый газ просачиваются на поверхность по вентиляционным ходам, земля такая горячая, что капли дождя испаряются, не долетая до поверхности. У тебя шины расплавятся. Ты угробишь мотоцикл в какой-нибудь трещине. Я уже не говорю о парниковых газах. Все это очень мило. — Он оскалился в усмешке, обнажив четыре ряда акульих зубов. — Спрашиваю во второй раз, Ангхарад, моя принцесса.

— И второй раз отвечаю: нет. — Хари оценивающе поглядела на дорогу. Она видела теперь, как горбится асфальт, распираемый подземными силами, видела отблески огня в яме, в которую проваливалась церковь. — Ник, ты и в самом деле привык, что люди всегда делают то, что ты им приказал?

— Они обычно не особенно сопротивляются. — Он врубил сцепление и крутанул ручку газа, его мотоцикл победно взревел.

---

[1] *Централия* (Centralia) — город в штате Пенсильвания. Из-за разразившегося в 1962 г. подземного пожара почти полностью покинут жителями.

[2] *Ихария* — район в Индии, где произошла аналогичная катастрофа.

[3] *Синьцзян* — китайская провинция, где в 2003 г. произошло разрушительное землетрясение.

Краем глаза следя за ним, Хари хмуро и сосредоточенно разглядывала лежащий перед ней участок дороги. Земля это дрожит или пляшет раскаленное марево над асфальтом? «Кавасаки» взвыл, и она погладила ручку сцепления, чтобы успокоиться.

В ответ раздался глухой рокот, на этот раз мотоцикл был ни при чем. Земля вспучилась и заколыхалась под колесами, Хари сжала коленями седло и рванула Конни с места. Обломки асфальта веером полетели из-под заднего колеса. Дорога позади нее треснула и начала проваливаться в разлом.

Изо всех сил удерживая мотоцикл от падения, она заставила себя взглянуть в зеркало заднего вида: над развер-стой ямой, в которую превратился участок дороги, лениво расползались клубы пара.

Ник невозмутимо катил неподалеку.

— Ты не передумала, моя принцесса?

— Что ты там говорил о преисподней, Ник?

Она опустилась в седло и улыбнулась ему через плечо, зная, что сквозь щиток шлема он увидит только ее глаза. Это, конечно, его раздосадовало.

Он привстал на подножках, убрал руки с руля и вскинул их вверх; его «хонда» шла накатом позади «кавасаки».

— Я сказал, добро пожаловать.

«Кавасаки» то рычал, то завывал, она регулировала подачу топлива, стараясь ехать так быстро, как только было возможно на такой плохой дороге. Она рассчитывала здесь подзаправиться, но компактная, как большинство городков на юго-западе, Тонопа вдруг уступила место какому-то неряшливо рассыпанному скопищу построек. Большинство из них были или снесены бульдозерами, или сами исчезли в провалах грунта, мерцавших отсветами подземного огня, словно волчьи глаза. Скорее всего, автозаправочная станция входила в их число. По крайней мере, улицы оказались достаточно широкими, пустынными и не очень извилистыми. Они плавно изгибались, ныряли в небольшие впадины и взлетали на пригорки. Они были широкими, да, но неровными. Асфальт вспучивался, будто изрытый кротами, тут и там попадались трещины и провалы. Шины горели и плавились, от дыма Хари кашляла в респиратор,

и включенный микрофон превращал кашель в лай гиены. «Кросс-пен» упирался в грудь, но это необъяснимым образом поддерживало ее. Чтобы спастись от обжигающего ветра и растопыренных ветвей деревьев, которые давно никто не обрезал, приходилось постоянно пригибаться. В конце концов, она сама взялась за эту работу. И Ник должен обеспечивать безопасность — как ее собственную, так и ее мотоцикла, или она заберет обратно то, чем ему заплатила.

Как будто Ник соблюдает договоры.

Как будто он не может просто убить ее и забрать все, что ему нужно. Правда, тогда ему некого будет охранять.

— Проклятие, — пробормотала она, исключительно с целью услышать свой голос, и пригнулась над бензобаком.

Ветер рвал одежду. Мотоцикл перевалил последний подъем, и наконец-то повеяло свежим воздухом. В туалет хотелось просто зверски, вибрация мотора добавляла остроты ощущению, но она громко рассмеялась от радости, что вырвалась из города.

Убраться оттуда оказалось легче, чем она думала. Но когда, спустившись с холма, она взглянула на указатель уровня топлива, оказалось, что бензин на исходе. Выругавшись, она переключилась на резерв. Мертвые деревья и тлеющие пеньки остались позади, по обе стороны дороги до самых гор на восток и на запад простиралась ровная, как стол, пустыня. Хари как будто вернулась в Неваду, если вообще ее покидала. Дорога шла теперь строго на запад, прямо в сияние послеполуденного солнца. Поляризованное стекло шлема спасало глаза от слепящего света, хотя и не в полной мере, но дорога опять стала ровной, и в зеркало заднего вида она в последний раз взглянула на город. Тонопа, недоступная как мираж, затянутое дымкой дно мира. Может быть, Ник может достать ее только в городах. Может быть, он может действовать только там, где хоть что-то напоминает о человеке, а может, это просто его забавляет. Возможно, все дело просто в перекрестках. Она полагала, что не сумеет вернуться в Тонопу, даже если захочет. Поэтому, решив для себя, будто не видит никакой Тонопы, она двинулась дальше на запад, к Хоторну. Молилась она только об одном — чтобы хватило топ-

шла, хотя и не надеялась, что ее молитвы будут услышаны тем, с кем она особенно хотела бы поговорить.

У пересечения дорог близ покинутого Коулдейла Девяносто пятое шоссе вновь повернуло на северо-запад. Город умер задолго до войны, даже еще до катастрофы под Вегасом. Мина тоже приказала долго жить. На подъезде к городку она увидела облезлую вывеску, рекламирующую продукцию заброшенной фермы по разведению раков, «Лобстеры пустыни».

Вода закончилась. Хари в последний раз обреченно пососала трубочку и выплюнула ее. Мокрая и липкая трубочка теперь бесполезно болталась возле щеки. Позади осталась значительная часть пути. Хари старалась беречь обожженные и побитые шины, она плавно входила в повороты и особенно не газовала. По крайней мере, жара спадала — приближался вечер, к тому же она двигалась на север и дорога шла на подъем. Должно быть, температура уже снизилась до тридцати пяти, хотя точно сказать было невозможно, не сняв куртку. Слева вздымались Саркофаговы горы, за которыми лежала Калифорния.

На сей раз это название не показалось ей таким забавным, как обычно.

А затем начался подъем. Когда глазу открылась пронзительная синева Уолкер-Лейк, Хари тихо, с облегчением вздохнула и ласково похлопала своего рычащего от голода Конни по бензобаку. Пыльный городишка Хоторн жался к ближнему берегу озера, как краб. Никакого движения на улицах не наблюдалось, и Хари задумчиво пожевала губу под респиратором. Пыль все равно каким-то образом проникала под шлем и ощущалась на веках всякий раз, когда она моргала; по щекам тянулись пыльные потеки. Она только надеялась, что пыль не такая, от которой люди начинают светиться. Дозиметры уже не стрекотали, а кудахтали по-куриному, так что все должно было быть в порядке.

На въезде в город «кавасаки» заскулил извиняющимся тоном и заглох.

Хари выругалась, в очередной раз вздрогнув от громкости своего усиленного микрофоном голоса. Она потянулась

к выключателю, но потом передумала. Слишком тихо было вокруг, что стало особенно заметно, когда стихло рычание мотора. Она нажала языком на панельку, вновь включая музыку, перебрала несколько вариантов и остановилась на композиции группы «Grey Line Out».

Она встала на землю правой ногой, опустила левую подножку и перекинула ногу через седло. Все тело болело от вибрации, пальцы рук онемели и скрючились, как когти. Ощущение было такое, будто ее пару дней назад избили, особенно стараясь попадать по заднице и по бедрам. Преодолевая себя, она навалилась на руль, толкая мотоцикл вперед. Подошвы скользили; вздрагивая от боли, она запрыгала на одной ноге, стараясь другой поднять подножку.

Это была уже не езда. Это была ходьба на месте.

Она вела «кавасаки» по пустому шоссе, меж пустыми домами; ноги жгло даже сквозь подошвы, особенно если постоять подольше.

— Хорошая моя детка,— уговаривала она мотоцикл, поглаживая ручку переднего тормоза. «Кавасаки», неуклюжий на пешем ходу, тяжело наваливался на нее, будто Хари волокла домой перебравшего дружка.— Ну найдем же мы где-нибудь эту несчастную заправку.

Конечно же, насосы автозаправки без электричества не заработают. Вероятно, нет здесь и безопасной для питья, незараженной воды. Все это Хари представляла себе заранее. Солнечный свет отражался от поверхности озера. «Я чувствую себя прекрасно,— уговаривала она себя,— организм не обезвожен, раз у меня не текут слюнки при виде всей этой массы холодной, свежей воды».

Кроме того, никому не было известно, чем именно заражено озеро. Здесь некогда размещалась военно-морская база, и озеро служило чем-то вроде лягушатника для подводных лодок. В воде могло болтаться все что угодно. Есть все же некоторая насмешка судьбы в том, чтобы в наше время любоваться озерами, подумалось ей.

Это была автозаправка «Тексако», под палящими лучами солнца пустыни красно-белая вывеска превратилась в розово-бежевую. Хари не представляла, в какой из пустынь она сейчас находится — в Мохаве, в пустыне Блэк-

Рок или еще где-то. Они были здесь все одновременно. Она истерично хихикнула. Как и следовало ожидать, насосы не работали. Тем не менее она поставила мотоцикл на подножку, достала из багажника контейнер с клетками и пошла искать место, где можно было пописать.

Она стянула горячие перчатки и спустила брюки. «Черт, черт... Первое, что я сделаю, когда вернусь к цивилизации, — куплю белые перчатки и белый шлем». Хари покосилась на «кавасаки», ожидая одобрения, но черный мотоцикл промолчал, и она отвернулась, застегиваясь. Глаза щипало от пыли.

На задней стене одного из домов возле автозаправки обнаружился садовый шланг. Он был похож на свернувшуюся кольцом желто-зеленую дохлую змею. Хари сняла его с колышка и перетащила на станцию. Резина крошилась от старости; пытаясь развернуть шланг, она дважды его сломала, но все же ухитрилась отмотать пару метров неповрежденными. Ломиком сорвала крышку с горловины цистерны подземного хранилища, сняла шлем с респиратором, предварительно проверив уровень радиации, и осторожно понюхала.

День в конце концов оказался не самым неудачным.

Пахло бензином, да и на вкус чертова жидкость оказалась похожа на бензин. Она определила это после того, как набрала полный рот через свой импровизированный сифон. Правда, бензин был не очень хорошим, но нищие не выбирают, как говорится. Конечно, сифоном ее шланг можно было назвать с большой натяжкой — она ведь не могла опустить его верхний конец ниже уровня бензина в цистерне. Оставалось только втягивать ртом жидкость, затыкать отверстие и переносить топливо шланг за шлангом в бензобак мотоцикла. Драгоценный контейнер она носила с собой. Наконец она заглянула в горловину, похлопала по баку и заметила слабое мерцание подернувшейся рябью поверхности бензина. Вот и ладно, заправились.

Хари привернула крышку бака и начала отплевываться, жалея, что нечем прополоскать рот. Озеро блестело, словно насмехаясь, и она решительно повернулась к нему спиной. Затем взялась за контейнер.

Он почти ничего не весил. Хари некоторое время постояла, теребя застежку багажной сумки. Покачивая серебристый сундучок в руке, она задумчиво опустила взгляд на свои ботинки. Пососала нижнюю губу и сплюнула, ощутив вкус бензина.

— Целых семь лет, Конни,— произнесла она и погладила бензобак ладонью в черной перчатке.— Только ты и я. Я смогла бы напиться воды из этого озера. И то, что я напоила тебя этим дряпным бензином, ничего бы не значило. У нас все могло бы получиться...

«Кавасаки» промолчал. Ключи зажигания звякнули у нее в кармане. Она тихонько коснулась ручки газа, но отдернула руку и положила на сиденье контейнер.

— Что ты сказала, моя детка?

Конечно, ничего. Молчаливый дремлющий демон. Она не стала заводить мотор.

Двумя руками Хари откинула защелки и приоткрыла крышку контейнера.

В лицо повеяло холодом. Заслонив собой контейнер от горячего ветра, она осторожно заглянула внутрь. Окутанные голубой пластмассовой пеной, пронизанной трубочками системы охлаждения, там покоились чашки Петри, наполненные прозрачным желе с застывшими в нем кругляшками неправильной формы.

Сверху лежала папка с бумагами. Хари оторвала прикрепленный к папке стикер с запиской. Почерк Петча, крупный и четкий. Она прищурилась. «Если эти клетки не попадут в Сакраменто, этот город будет следующим. Нам дастся только один шанс, как и доктору Фаусту. Передумать не удастся».

Встретишь на дороге Будду — убей его...

«Мне всегда казалось, что этот сукин сын не так прост»,— подумала она. Затем закрыла контейнер и сунула стикер в кармашек к ручке. Тщательно проверила фильтр шлема — он мог выйти из строя во время бешеной гонки по Тонопе — и нахлобучила шлем. Потом перекинула ногу через седло и закрыла дроссель.

Хари нажала кнопку стартера, мотор чихнул и заработал с перебоями. Мотоцикл затрясся, как одышливый по-

ши. Молясь про себя, стараясь не дышать, она поддала газу и осторожно опустилась в седло. Глухой шлем быстро заполнился парами бензина изо рта, глаза защипало. То ли от бензина, то ли еще отчего потекли слезы, смывая пыль с век. Один цилиндр схватился сразу, другой начал чихать. «Кавасаки» трясся, рычал и рвался в бой.

Хари ехала по открытой, плоской, как стол, равнине к Фаллону, оазису смерти в полном смысле этого слова. Дозиметры стрекотали как бешеные. Видно, Нику было мало радиоактивного и химического заражения почвы. Когда дорога пошла на взгорок, поросший поразительно зеленой травой, вокруг нее поднялся лес гигантских деревьев европейских пород, ничуть не похожих на тополя пустыни. Поодаль виднелся поселок, а сразу за лесом вздымалась серая громада; ее поверхность красиво мерцала голубым черенковским излучением[1]. Буквы на дорожных указателях были неизвестного ей алфавита, но она знала это место.

Шел мелкий дождик; она ехала через Чернобыль.

Когда она свернула на запад по Пятидесятому шоссе, ведущему к Рино и Спарксу, дождь усилился. С приближением вечера небо над горизонтом приобрело какой-то болезненно-желтоватый оттенок. Мотоцикл летел, едва касаясь шинами скользкого лоснящегося асфальта.

На месте исчезнувших городов на фоне желтеющего вечернего неба громоздились кучи мусора. По этим вонючим кучам бродили истощенные от голода, почти голые люди и звали своих близких, похороненных под этой ужасной лавиной. Вода стекала по ее шлему, текла по седлу мотоцикла, мокрая кожаная одежда липла к телу, как пластырь. Жара и жажда мучили ее, но она не осмеливалась пить эту воду. Дождь не принес прохлады, а просто промочил ее насквозь.

Она не поворачивала головы, проезжая мимо несчастных жертв мусорного оползня. Она находилась в часе езды

---

[1] *Черенковское излучение* (излучение Вавилова—Черенкова) – свечение, вызываемое в прозрачной среде заряженной частицей, которая движется со скоростью, превышающей фазовую скорость распространения света в этой среде.

от Сакраменто и одновременно в Маниле[1] пятьдесят лет назад.

Когда Хари поднялась на зеленый и живописный перевал Доннер, уже чувствовалось приближение вечера. Небо на западе было красным, как кровь. Дальше дорога пойдет только вниз. Времени было еще навалом.

Но Ник не собирался отпустить ее просто так.

Река Сакраменто сменила русло, бомбы некогда падали и здесь. Мост был разрушен, а по всей ее поверхности бушевал огонь. Хари развернулась и помчалась прочь от реки. Сто метров, двести метров, пока не перестало палить спину.

— Что это? — спросила она поджидавшего ее у обочины человека в костюме в тонкую полоску.

— Пожар на Кайахога-ривер[2], — ответил тот. — Тысяча девятьсот шестьдесят девятый год. Посчитай, сколько раз ты с тех пор читала молитвы. Это мог быть и Бхопал[3].

— Молитвы? — Ее усмешку скрыл шлем. — В самом деле, что это?

— Флегетон[4].

Она подняла щиток шлема и оглянулась через плечо на горящую реку. Даже на таком расстоянии пекло так, что от мокрой куртки на спине поднимался пар. Тыльной стороной ладони она прижала нагрудный кармашек. Зашуршала записка, ручка больно ткнулась в сосок.

Она смотрела на Ника, а Ник смотрел на нее.

— Вот именно, — откликнулась она.

— Больше она ничего не напишет. Тебе не перепрыгнуть, река слишком широка.

---

[1] *Манила* — здесь в 2005 г. произошло мощное землетрясение с тысячами жертв.

[2] *Кайахога-ривер* — река в штате Огайо, известная тем, что на ее поверхности часто загорались мусор и масла. Самое крупное возгорание случилось в 1969 г.

[3] *Бхопал* — город в центральной части Индии, где в 1984 г. произошла авария на химическом заводе. В результате катастрофы облаком ядовитого газа накрыло почти весь город, что повлекло смерть около 18 000 человек.

[4] *Флегетон* — в древнегреческой мифологии огненная река в подземном царстве.

— Вижу.

— Отдай контейнер, и я тебя отпущу. Я отдам тебе «кавасаки», я дам тебе свободу. И будем квиты, скажем так.

Хари пристально смотрела на него, мышцы правой ноги, которой она упиралась в землю, напряглись. Огромный рычащий мотоцикл тяжело покачивался под ней, готовый в любую секунду развернуться и рвануть прочь, послушный ее воле.

— Значит, не перепрыгнуть?

— Нет.

Может быть, и так. А может, если бы она отдала ему контейнер и приговорила бы этим Сакраменто, как были приговорены Бхопал, Чернобыль, Лас-Вегас... Может, она проклинала бы себя, даже если бы он потом вернул ей контейнер. И даже если бы не проклинала, неизвестно еще, смогли бы она и «кавасаки» жить с этим дальше.

Если он хочет, чтобы она жила, то должен позволить ей совершить этот прыжок, и она спасет Сакраменто. Если же он хочет ее смерти, она может умереть в полете, и Сакраменто погибнет вместе с ней, но они погибнут свободными.

В любом случае Ник исчез. Уже неплохо.

— И к дьяволу неудачников, — тихо произнесла она и нажала на ручку газа.

ДЭМИЕН БРОДЕРИК

Кроткие

Дэмиен Бродерик — весьма уважаемый писатель, футурист, а ныне редактор раздела фантастики популярного научного журнала «Cosmos». Писать фантастику Бродерик начал с 1964 года, однако наибольшую известность получил его роман «Мандала Иуды» («The Judas Mandala»), созданный в 1975 году, но опубликованный только в 1982 году, в котором вводится в обращение термин «виртуальная реальность». Мысли писателя о будущем и взаимоотношениях людей и технологий развиваются в книгах «Шпилька» («The Spike», 1997) и «Последнее поколение смертных» («The Last Mortal Generation», 1999).

В нижеследующем произведении мы встречаемся с остатками человеческой расы, в борьбе за выживание хватающимися за любую возможность вернуть былое — но какой ценой?

Увидев народ, Он взошел на гору;
и, когда сел, приступили к Нему ученики Его.
И Он, отверзши уста Свои, учил их, говоря:
Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное.
Блаженны плачущие, ибо они утешатся.
Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю.

Евангелие от Матфея, 5: 1—5

О заре сада я помню многое, о многом сожалею. А многое доставляет мне удовольствие. Перед моим мысленным взором легко, точно снежные хлопья, парят на фоне железного неба яркие гигантские веретена. Ржавчина времени разъедает эти воспоминания, но когда я вижу холодную ясную луну, я вижу и корабли света.

Они явились однажды — в ангельском пении, в серебряном пламени — и снова являются в саду, в саду моих грез.

Сейчас пестрые птицы порхают в жарких радужных брызгах и говорливая река нашептывает секреты озеру. Можно сказать, что я счастлив, хотя будущего нет и Земля вертится в пустоте, одинокая, как упущенный малышом шарик. Все

умен, и я счастлив, и я печален. Сад — мирное место, место отдохновения, но пламя выплеснулось наружу.

Когда-то я был человеком средних лет, а мир — чаном расплавленного, переработанного шлака, смертельно опасным местом, где из земли торчат безумные грозди кораллов, горящие в ночи голубым и алым. Сейчас в сумраке мерцают светлячки и, где нужно, почва отдает тепло. Но в душе нет тепла, нет огня, лишь лунный свет возраста и оставленных надежд.

Когда-то я был молод, а Земля была шаром исступленного ужаса, ибо мы выпустили на свободу тварь столь крошечную, что ее и не разглядишь: перед людьми предстали лишь результаты ее работы; она набирала силу, она была так голодна, что пожирала все, кроме плоти — особой, привилегированной плоти. И я смертельно боялся, ибо видел свою смерть и смерть моей жены. И не было у нас детей, чтобы оплакать нас, чтобы скорбеть по нам.

Земля была слепа к звездам, небо — тусклая сталь, туча губительной нанопыли в воздухе. И мы познали страх и раскаяние, ибо, убив наш мир, мы уничтожили сами себя.

Мы действовали вслепую, не ведая, что творим. Но смерть не слушает оправданий.

День конца света был днем рождения Иша Джерома, в сорок один год простодушного, как дитя. Он обладал редким даром беспечной отрешенности, невинно радуясь всему и не ведая угрозы. Профессор Алоизиус Джером — Ишем его прозвала жена — был философом, существом кроткого нрава и тихих речей, вызывающим изумление факультета. Он ел свой утренний гренок, запивая черным кофе.

Зажмурив один глаз, другим разглядывая крошки на своей тарелке, его жена сказала:

— Определенно будет война. Они убьют нас всех своими проклятыми наноигрушками.

Иш грустно посмотрел в окно, не задев взглядом складчатых штор. Ясное утро обещало скорую весну.

— Я прибыл в Карфаген, — произнес он, макая гренок в кофе, — кругом меня котлом кипела позорная нена-

висть[1]. Августин Гиппонский, слегка искаженный, — секунду спустя пояснил он взлетевшим бровям жены. — Я предпочитаю Пелагия[2]. И салют из двадцати одного ствола, а не бактериологическую войну по случаю моего дня рождения, Бет.

Домоседство и необычайно непритязательная доброта Иша делали их брак счастливым. Бет Джером, честная, чудаковатая, щедрая духом и бесплодная лоном, открыла в себе и будущем супруге взаимное сочувствие двадцать лет назад, с первого же дня знакомства. Сочувствие переросло в любовь, если не в страсть. Однако ее, в отличие от нежащегося на теплом солнышке мужа, не омывало море спокойствия. На столе у локтя Бет лежала консервативная газета, заголовки которой кричали о военных нанотехнологиях.

— Я отказываюсь воспитывать младые умы в столь чудесный день. — Иш покончил с гренком и с наслаждением потянулся. — Надо взять машину, и укатить из этого муравейника как можно дальше, и перекусить возле простого, честного костра, и забыть о безумцах и их военных намерениях.

Бет встала, чтобы убрать тарелки в мойку.

— Это абсурд, — сказала она раздраженно. — Настаивать на добавлении в моющие средства пенообразующих веществ! За каких же дураков нас принимают. — Она затворила дверь и взяла телефон. — Отличное предложение, дорогой. Но сперва позвоним узнаем, смогут ли Тод или Мюриэль провести за тебя занятия.

Она намочила тряпку и смахнула со стола крошки, а Иш откинулся на спинку стула, так что тот закачался на двух задних ножках, и закурил. Солнце превратилось в бассейн тепла, и профессор всеми порами впитывал радость жизни.

Миллион лет и больше гомо сапиенсы сражались с миром на равных, борясь со всем, что только могла обратить

---

[1] Имеется в виду цитата из книги третьей «Исповеди» Августина Блаженного, епископа Гиппонского: «Я прибыл в Карфаген; кругом меня котлом кипела позорная любовь».

[2] *Пелагий* — знаменитый ересиарх IV в., известен своими взглядами на свободу воли, отрицающими доктрину первородного греха.

против них природа. Сегодня я лежу в пещере вечного полудня в полудреме, и мир спит вместе со мной. Распускаются цветы, опадают листья, набухают почки, но человечество застыло в прохладе бабьего лета, и ни одно дуновение ветерка не тревожит его. Я помню дни, когда мужчины были грубы, мужчины были жестоки, да и женщины тоже; помню смутно, но это мучит меня. И корабли со звезд, падающие с небес, точно манна, взывают ко мне из глубин времени, и зов их уносит ветер. Слишком поздно, слишком поздно.

Небо было голубым, как яйцо дрозда, и столь же хрупким; голубизну окаймляли ватные грозди облаков. Маленькая лощина казалась зеленой чашей, вымытой дочиста для встречи с сияющим синим куполом на полпути между землей и небом. Почему модельеры считают стихийным бедствием носить синее с зеленым, сонно спросил себя Иш Джером, если природа давно и весьма эффектно одевается в эти цвета? Он дожевал жирную отбивную, облизал пальцы и, счастливый, вновь растянулся на траве. Нечто многоногое принялось исследовать его руку, и он лениво смахнул насекомое. Бет закрыла баночки крышками, свернула подстилку и уложила ее в корзину для пикника. Она зевнула; день выдался теплым, но не жарким — самая подходящая погода, чтобы бродить рука об руку у залива, или шептаться, или дремать. Бет тряхнула заискрившимися на солнце светлыми волосами и села рядом с мужем.

Иш приобнял ее. И тут, отгораживая небо, упал занавес, филигранно расшитый алмазами и сапфирами, и закачался на ветру, будто стена сверкающего снега. Высокое старое дерево на вершине холма стало коричневым, искривилось — и взорвалось, разбросав во все стороны желтые ленты пламени. Жар поднялся из ущелья, когда триллион крохотных машин выпустили молекулы, высвобождая энергию, скручивая ее во имя своей сумасшедшей цели. Иш и Бет закричали разом. Но треск растущих кристаллов заглушил звук. Город, расположенный в шестидесяти километрах от них, плавился, принимая формы, которые может породить лишь мигрень: зубчатые стены, башенки, крепостные валы — древняя геометрия подсознания.

Они не видели гриб горячего белого света, пытавшийся сжечь дотла враждебных паразитов. Они оказались счастливчиками, Бет и Иш, двумя из тысячи — или около того, — избежавшими холокоста, бомбы, стершей с лица земли три миллиона человеческих жизней. В других городах другие бомбы обугливали плоть и стальные балки скручивались размякшими ирисками; они также были одними из еще меньшего числа, кто не заразился сразу.

Мужчина и женщина лежали в объятиях друг друга, когда нахлынул и отступил жар, а потом кинулись к пещере в холме, и укрылись в ней, и Бет рыдала, рыдала и рыдала, как дитя, и они выжили.

Они отыскивали друг друга, выжившие, постепенно, но не было у них приюта, которым можно поделиться, и не было надежды. Храбрецы боролись, трусы молча смирялись с алмазно-железными тучами; смерть просачивалась и в храбрецов, и в трусов вместе с губчатым туманом. Они страдали ужасно, последние разобщенные мужчины и женщины, последние чахлые немногочисленные дети, они тощали и болели, гноящиеся язвы расцветали на их телах. Но даже тот, кто защищался, с горечью сознавал, что все тщетно, что, пусть он и проживет на пару месяцев дольше прочих, будущего все равно нет.

Лишенные всего, как и остальные, Иш и Бет скитались по пустынным землям, перекроенным выпущенным на свободу людьми ужасом. Они ели отбросы и найденные уцелевшие консервы, и пили бутилированную воду, которая по прихоти наноружия осталась незараженной, и спали, когда позволяли ночные кошмары, и молились, и настал наконец день, когда туман расступился пред потоком серебристого огня и корабли принесли им спасение — но не радость.

Страдания опустошили людей до предела. Выжившие, и находчивые, и опустившиеся, и смелые — все вместе стянулись к кораблям. На покоробленной равнине, среди немых расселин и остекленевших скал, там, где некогда шумела листва и бурлила жизнь, застыли внушающими страх зеркалами небесные веретена. Их гладкие бока отражали

усеянное алмазами небо, и выжившие, залитые ярчайшим светом, увидели в них себя — во всей красе деградации.

Иш Джером рассмеялся первым.

Он стоял перед выпуклой поверхностью звездного веретена и видел себя в сияющем глянце. Он видел сожженные брови, опаленные, спутанные патлы, видел тощее чучело в грязных лохмотьях.

— Мудрость возраста, — беззлобно хмыкнул он. — Иш, произведение искусства!

Горечь чужда была Ишу. Он даже забавлялся, наблюдая разрушение недавнего философа.

Еле волоча ноги, из толпы скелетов выбралась Бет и подошла к нему, как ребенок к своему защитнику. Они поменялись ролями; лишь невинность может спокойно встретиться лицом к лицу с неизвестностью.

Иш вновь рассмеялся, и маленькая толпа шумно заерзала с некоторым даже облегчением, и тут, перекрывая бормотание, с ними заговорил голос. Голос, эхом без слов зазвучавший в сознании каждого. Существа с кораблей заговорили с ними.

— Мы услышали крик смерти из вашего мира, — сказал голос. — Крик горестной жалобы и скорби, ворвавшийся в вакуум космоса в тот миг, когда погиб ваш мир. Мы приняли его за крик убиваемого, но, прибыв, обнаружили, что гибель вы навлекли на себя сами.

В тишине, придавленный страшным укором, Иш обвел взглядом Землю, на которой, преисполненная надежд, четыре миллиарда лет назад возникла жизнь — возникла, чтобы погибнуть, покончив с собой. Туман нависал над головами, серо-стальная завеса поблескивала искрами света, обещая неизбежную смерть. Голос говорит сущую правду, и вне человеческих сил было искупить преступление. Иш сжал кулаки, стиснул зубы. Близ кораблей земля морщилась, вяло и омерзительно, точно корчащийся червяк.

— Не в нашей власти восстановить вашу землю. Маленькие глупые аппараты людей умертвили биосферу. Мы можем возродить лишь малую часть ее. И мы потребуем платы, но, по крайней мере, кусочек вашего мира вновь станет зелен и свеж.

Последние человеческие существа заволновались; не считающаяся ни с чем жизнь молила дать ей шанс.

— Да! — закричало человечество, закричала жизнь.

В этот миг группка оборванцев слилась в едином порыве в единое существо.

— Да!

— Мы согласны заплатить вашу цену, какой бы она ни была!

— Только позвольте нам жить снова!

Тишина вернулась, лишь скулящий ветер гнал по пустоши сумасшедший созидающий прах. И в сознании выживших возникло видение: море тьмы, океан черноты, вспоротой кое-где светом звезд. Веретена висели там, иной вид жизни и сознания, поглощенные битвой с существами с другого края галактики — или из каких-то еще более удаленных и потаенных мест.

— Они убийцы, нам не постигнуть их, — произнес голос. — Они явились откуда-то из пространств меж звездных островов, явились, неся слепую, беспричинную ненависть, которую не отразишь ничем, кроме беспощадной силы. Мы думали, ваш мир стал их жертвой, но нашли нечто худшее — мир, сам лишивший себя жизни. Слишком поздно предлагать вам помощь, но, по крайней мере, мы можем построить вам убежище, если, в свою очередь, некоторые из вас отправятся с нами — сражаться.

— Сражаться? — в гневе вскрикнула одна из женщин; лицо ее обезображивали плачущие кровавыми слезами раны. — Неужто все живущее столь глупо? Вы обвиняете нас в убийстве нашей планеты, а потом просите повторить безумие? Нет, мы не станем сражаться. Улетайте прочь, дайте нам умереть в стыде и безрассудстве.

— Пусть каждый сделает свой выбор, — предложил голос. — Поймите: они нападают, не ведая милосердия. И они побеждают.

Цена жизни — смерть, подумала Бет, прижимаясь к руке мужа. Те немногие, что уйдут, покинув их и без того жалкую группку, наверняка не вернутся.

— Только некоторые из вас подойдут нам, — объяснил голос. — Хищники, бойцы. Они должны лететь с нами. Ос-

гальные останутся, и мы восстановим для них уголок вашего мира. Решайте же — и решайтесь. Звезды нашей галактики гибнут.

Большинство из них даже представить себе не могло этого — битву между богами. Хотя нет, не богами, сказал себе Иш Джером, это просто жизнь, вынужденная применять неумеренное насилие ради спасения своего рода.

Страх объял людей, леденящий, как ветер, но и решение их крепчало, как ураган, подавляя страх.

Высоко над их головами в серебристом корпусе открылось отверстие. Последние из человечества шагнули вперед — чтобы пройти проверку.

Вот как это было, поет память, здесь, в сумерках. Они забрали нашу душу и даровали нам комфорт бессмертия в свежепостроенном земном раю. Звезды ясно сияют на чистом небе. Мы вглядываемся в черноту ночи и знаем, что где-то там корабли-веретена бьются с врагом слишком ужасным, чтобы его понять или пожалеть. И наша душа с ними — страдает, надрывается в агонии смерти и победы. Мы вращаемся, мы и наш тихий сад, в анестезии довольства.

Я вижу ястреба, парящего на высокой волне песни. Его крик висит в воздухе, как и его горделивое пернатое тело. Вот он замирает, падает стремительно, точно бомба, а вот, расправив крылья, как по волшебству вновь взмывает ввысь. Здесь так уютно, на припеке под солнцем. Но кажется, я помню фразу из прошлого, из повторяющегося прошлого. Почему во мне шевелится страх, когда я гляжу на свои нестареющие руки? Разве моя наивность, мое простодушие и невинность спасли меня? Возможно, но я больше не невинен. Наша жизнь тянется, ибо наша сделка состоялась и солнце греет наш мир.

И все же, как и память, остается ужас — ужас того, что кроткий унаследовал землю.

ДЖЕЙМС ТИПТРИ-МЛ.

Человек, который шел домой

Джеймс Типтри-мл. — псевдоним Алисы Шелдон (1915—1987), которая настолько хорошо скрывала свое настоящее имя, что практически все считали писателя мужчиной. И это несмотря на то, что в таких рассказах, как «Неприметные женщины» («The Women Men Don't See», 1973), ярко демонстрируется половая принадлежность автора. Хотя Шелдон выпустила два романа — «Над стенами мира» («Up the Walls of the World», 1978) и «Сияние канет с высот» («Brightness Falls from the Air», 1985), ее сильной стороной оставалась малая проза. Перу писательницы принадлежат ярчайшие произведения не только 1970-х годов — самого плодотворного десятилетия ее творчества, но и спекулятивной фантастики в целом. Среди ее сборников рассказов можно назвать «Десять тысяч световых лет от дома» («Ten Thousand Light Years From Home», 1973), «Теплые миры и другое» («Warm Worlds and Otherwise», 1975) и «Звездные песни старого примата» («Star Songs of an Old Primate», 1978), но наиболее репрезентативной, вероятно, является книга «Ее дым поднимался вверх вечно» («Her Smoke Rose Up Forever», 1990), которую критик Джон Клют назвал «одним из двух или трех наиболее значимых сборников научной фантастики за всю историю».

Шелдон написала несколько произведений, действие которых разворачивается в постапокалиптическом мире, но, по моему мнению, представленный ниже рассказ (впервые опубликованный в 1972 году) можно назвать самым необычным. В нем речь идет о катастрофе, происшедшей вследствие эксперимента, последствия которого еще много столетий предстоит расхлебывать. Как и большинство работ Типтри, это пространная аллегория, над которой продолжаешь размышлять, дочитав рассказ.

Переброска! Ледяной ужас! Он выкинут куда-то и потерян... набран в немыслимое, брошен, и никогда не будет известно как: не тот человек в самом не том из всех возможных не тех мест из-за невообразимого взрыва устройства, которое уже вновь не вообразят. Покинут, по-

гублен, спасательный канат рассечен, а он в ту наносекунду осознал, что единственная его связь с домом рвется, ускользает, неизмеримо длинный спасательный канат распадается, уносится прочь, навсегда недостижимый для его рук, поглощен стягивающейся воронкой-вихрем, по ту сторону которой — его дом, его жизнь, единственно возможное для него существование; он увидел: канат засасывается в бездонную пасть, тает, и он выкинут и оставлен на непознаваемом берегу, где все беспредельно не то, быть может, красотой, превосходящей радость? Или ужасом? Или пустотой? Или всего лишь своей беспредельностью? Но каково бы ни было место, куда он переброшен, оно не способно поддерживать его жизнь — разрушительную и разрушающую аберрацию. И он, комок яростного безумного мужества, весь единый протест, тело-кулак отвержений собственного присутствия тут, в этом месте, где он покинут, — что сделал он? Отвергнутый, брошенный изгой, томимый звериной тоской по дому, какой не ведал ни один зверь, по недостижимому дому, его дому, его ДОМУ, и ни дороги, ни единого средства передвижения, никаких механизмов, никакой энергии, ничего, кроме его всесокрушающей решимости, нацеленной на дом по исчезающему вектору, последней и единственной связи с домом, он сделал... что?

Он пошел.

Домой.

Что за поломка произошла в главном промышленном филиале Бонневиллской ускорительной установки в Айдахо, так навсегда и осталось неизвестным, ибо все те, кто мог бы определить ее причину, были почти немедленно сметены в небытие разразившейся следом за ней еще более серьезной катастрофой.

Но природа и этого катаклизма не была определена сразу. Точно известно только то, что в одиннадцать часов пятьдесят три минуты шесть секунд 2 мая 1989 года по старому стилю Бонневиллские лаборатории со всем своим персоналом преобразились в чрезвычайно дробную форму материи, сходную с высокотемпературной плазмой, и она тотчас начала распространяться по воздуху, что сопровож-

далось ширящимися сейсмическими и атмосферными явлениями.

К несчастью, в зоне этого происшествия находилась сторожевая ракета типа «Мир» в боевой готовности.

За несколько часов хаоса численность населения Земли заметно сократилась, биосфера претерпела значительные изменения, а сама Земля обзавелась некоторым количеством новых кратеров в дополнение к прежним. Первые годы уцелевшие люди были заняты проблемами непосредственного выживания, и своеобразная пылевая чаша в Бонневилле пребывала в полном забвении от одного меняющегося климатического цикла к другому.

Кратер был невелик — чуть больше километра в поперечнике — и без обычного крутого края. Поверхность его покрывало мелкозернистое вещество, которое, высыхая, превращалось в пыль. До начала ливней поверхность эта выглядела почти абсолютно плоской, и только при определенном освещении внимательный наблюдатель, если бы он откуда-то там взялся, мог различить практически в самом центре что-то вроде пятна или неровности.

Через два десятка лет после катастрофы с юга появилась небольшая орда бронзово-смуглых людей, гнавших стадо довольно-таки атипичных овец. Кратер теперь выглядел неглубокой круглой вдавленностью, где трава росла плохо, что, без сомнения, объяснялось отсутствием в почве необходимых ей микроорганизмов. Однако выяснилось, что ни эти чахлые побеги, ни более сочная трава вокруг овцам вреда не причиняют. У южного края возникло несколько примитивных землянок, и поперек кратера протянулась еле заметная тропка, пересекавшая его почти рядом с обнаженным центром.

Как-то весенним утром на стоянку с воплями примчались двое мальчишек. Они погнали было овец через кратер, но из земли перед ними вдруг выскочило чудовище — огромный плоский зверь, который взревел и тут же исчез, только молния сверкнула да земля содрогнулась. Остался лишь поганый запах. А овцы разбежались.

Поскольку в последнем можно было убедиться воочию, старейшины отправились на место происшествия. Ника-

ких следов чудовища им обнаружить не удалось, спрятаться же ему было негде, и они по зрелому размышлению задали мальчишкам хорошую взбучку, а те по зрелому размышлению начали обходить заклятое место далеко стороной, и некоторое время ничего необычного не случалось.

Однако на следующую весну все повторилось. Теперь свидетельницей оказалась девочка постарше, но она смогла уточнить только, что чудовище словно мчалось, распластавшись над землей, но с места не двигалось. И земля там словно выскоблена. Вновь ничего обнаружить не удалось, но возле залысины установили сук с развилкой, в которую вложили зелье против злых духов.

Когда то же самое повторилось в третий раз год спустя, тропа свернула далеко в сторону, а к прежнему суку добавили еще несколько. Но поскольку дурных последствий словно бы не было, а бронзовые люди видывали многое и похуже, они продолжали пасти своих овец. Чудовище возникало внезапно еще несколько раз — и всегда весной.

На исходе третьего десятилетия новой эры с южной гряды холмов приковылял высокий старик, катя свои пожитки на велосипедном колесе. Он устроил бивак у дальнего края кратера и вскоре, обнаружив заклятое место, попытался расспросить людей, но его никто не мог понять, и он просто выменял кусок мяса за нож. Хотя сразу было видно, что сил у него маловато, что-то в нем было такое, из-за чего они не решились его убить. И вышло к лучшему, потому что потом он помогал женщинам лечить заболевших детей.

Старик много времени проводил возле места, где, по слухам, видели чудовище, и оказался поблизости при следующем его появлении. Он пришел в большое волнение и совершил несколько необъяснимых, но вроде бы безобидных поступков — например, перебрался жить в кратер, поближе к тропе. Целый год он следил за заклятым местом и при очередном появлении чудовища был настороже. Затем он за несколько дней выделал колдовской камень, положил его на заклятое место и ушел на север, все так же ковыляя.

Миновало несколько десятилетий. Ветер и дожди все больше выравнивали чашу кратера, и у края ее уже пересе-

кал овражек, периодически преображавшийся в ложе ручья. На бронзовых людей и их овец напали люди с седыми волосами, после чего уцелевшие ушли на юг. Зимы в области, которая некогда была штатом Айдахо, стали теперь теплыми, и влажная земля поросла осинами и эвкалиптами. Но не в кратере, который обрел теперь вид совсем мелкой ложбины, поросшей травой. С лысиной в центре. Небо более или менее очистилось.

Еще три десятилетия спустя более многочисленная орда черных людей с впряженными в повозки волами обосновалась было возле кратера, но покинула его окрестности после явления громового чудовища. Забредали туда и одинокие скитальцы.

Через пять десятилетий на ближней гряде холмов выросло небольшое селение, и тамошние мужчины верхом на лошадках с темными полосами по хребту пригоняли к кратеру пастись свой горбатый скот. У ручья была построена пастушья хижина, которая со временем стала постоянным обиталищем смуглой рыжеволосой семьи. В положенный срок кто-то из них увидел чудовище-молнию, но эти люди не ушли. Они обратили особое внимание на камень, поставленный высоким стариком, и оставили его стоять как стоял.

Вместо одной хижины у ручья их скоро стало три, затем к ним прибавились новые, и тропа через кратер превратилась в проселок, а через ручей был перекинут бревенчатый мост. На середине все еще чуть различимой впадины проселок описывал крутую дугу, в центре которой среди травы виднелся примерно квадратный метр голой, странно утрамбованной земли и обломок песчаника с глубокими насечками.

Теперь уже все в хижинах знали, что каждую весну неким утром на этом месте появляется чудовище, и мальчишки вызывали друг друга на спор: а тебе слабо стать там! Его обозначили выражением «Старый Дракон». Являлся Старый Дракон всегда одинаково: в громовой вспышке возникало драконоподобное существо, которое словно мчалось по земле, хотя на самом деле не двигалось. Какое-то время после этого в воздухе стоял скверный запах, а почва дыми-

лась. Люди, находившиеся поблизости, говорили потом, что по ним словно пробегала дрожь.

В самом начале второго столетия в городок с севера въехали два молодых всадника. Лошадки их были заметно косматее местных, а снаряжение включало два ящика, которые они и установили на месте появления чудовища. Прожили они там год с лишним и присутствовали при двух материализациях Старого Дракона. За это время они рассказали много интересного о торговых городах в более прохладных областях на севере и раздали карты, на которых были указаны удобные дороги. Эти люди построили ветряную мельницу, которую община приняла с благодарностью, и предложили соорудить осветительную машину, от которой община решительно отказалась. Потом они уехали, забрав свои ящики после нескольких бесплодных попыток найти среди местных юнцов желающего научиться обращению с ними.

В последующие десятилетия и другие путешественники задерживались здесь, чтобы посмотреть на чудовище, а на юге за горной грядой время от времени происходили военные столкновения. Вооруженная банда попыталась угнать скот, принадлежавший деревушке в кратере, но его отбили. Однако нападавшие принесли с собой пятнистую болезнь, которая погубила многих. И все это время чудовище продолжало появляться, независимо от того, наблюдали за ним или нет. Городок на склоне рос, менялся, а деревушка в кратере успела стать городком. Дороги ширились, сплетались в сеть. Склоны кратера теперь покрылись серовато-зелеными хвойными деревьями, которые начинали расти и на равнине. На их ветках обитали чирикающие ящерки.

В конце столетия с запада внезапно нахлынула орда одетых в шкуры кочевников с карликовым молочным скотом и попыталась обосноваться близ кратера. Однако большая часть кочевников была перебита, а остальные предпочли уйти. Тем временем местные стада заразились губительной паразитарной болезнью, и из торгового города на севере пригласили ветеринаров. Но сделать ничего было

нельзя. Семьи, жившие там, переселились, и на несколько десятилетий местность обезлюдела. Затем на равнине появился скот новой породы, и городок снова заселился. А на голой площадке в центре кратера ежегодно снова и снова появлялось чудовище, но теперь это считалось само собой разумеющимся. Несколько раз наблюдать его приезжали даже из отдаленного Северо-Западного Единения.

Городок процветал, теперь он занял и луга, где пасся скот, а часть былого кратера превратилась в городской парк. Появление чудовища стало теперь источником сезонного дохода: местные жители сдавали комнаты туристам, а в трактирах продавались более или менее неподдельные сувениры, так или иначе с ним связанные.

Успело оно породить и несколько религиозных культов. Особенно распространилось поверье, что это не то демон, не то проклятая душа, которая осуждена являться в муках на землю во искупление катастрофы, произошедшей триста лет назад. Другие утверждали, что оно (или он) — вестник чего-то и его рев возвещает то ли гибель, то ли надежду (это уже зависело от точки зрения верующего). Одна местная секта проповедовала, что дракон — это призрак, оценивающий нравственное поведение горожан на протяжении прошедшего года, и при его появлении выискивала изменения, которые можно было бы истолковать как добрые или недобрые знамения. Соприкосновение с поднятой им пылью считалось хорошей приметой или дурной. В каждом новом поколении непременно находился мальчишка, который пытался ударить чудовище палкой; он обретал сломанную руку и тему для рассказов за трактирной стойкой до скончания своих дней. Швырять в чудовище камни и всякие другие предметы стало весьма популярной забавой, а одно время его осыпали цветами и записочками с молитвами. Однажды какие-то смельчаки попытались поймать его в сеть — в руках у них остались жалкие обрывки веревок, а все остальное испарилось. Сам участок в центре парка был давным-давно огорожен.

А чудовище все продолжало свои ежегодные молниеносные таинственные появления — распростертое над зем-

чей в стремительной неподвижности, ревущее и непостижимое.

Только в начале четвертого столетия новой эры обнаружилось, что чудовище чуть-чуть меняется. Теперь оно уже не выглядело просто распростертым — одна нога и одна рука приподнялись, словно в попытке ударить или отбить что-то. Год за годом оно изменялось все быстрее и к концу века приподнялось в скрюченной позе с протянутыми вперед руками, будто замерло в бешеном кружении. Рев его приобрел иную тональность, а земля после его появления дымилась все больше.

Возникло и окрепло убеждение, что человек-чудовище вот-вот что-то сотворит, как-то явит свою сущность. Ряд природных катастроф, а также некоторые чудеса весьма способствовали распространению культа, энергично провозглашавшего эту доктрину. Многие религиозные деятели приезжали в городок, чтобы убедиться во всем своими глазами.

Однако десятилетие сменялось десятилетием, а человек-чудовище лишь медленно поворачивался и теперь выглядел так, словно не то скользил, не то брел, подталкиваемый ураганным ветром. Разумеется, никакого ветра не ощущалось. Затем наступил спад сейсмической деятельности, так что все кончилось ничем.

В начале пятого века по новому календарю оказавшиеся в этой области три топографических отряда из Северо-Центрального Единения задержались, чтобы провести наблюдения над этим феноменом. Горожане получили заверения, что Опасная Наука тут ни при чем, и разрешили установить в загородке постоянное фиксирующее устройство. Юнец, которого было обучили обращению с ним, тут же сложил с себя новые обязанности, так как поссорился из-за них с подружкой, однако сразу же нашелся доброволец, вызвавшийся заменить его. Теперь уже почти никто не сомневался, что чудовище — это либо какой-то человек, либо его дух. Оператор фиксирующего устройства и еще некоторые — в том числе учитель механики в городской школе — прозвали его «Наш Джон». В последующие десятилетия дороги стали много лучше, движение по ним

заметно усилилось, и начались разговоры о постройке канала до реки, некогда называвшейся Снейк-Ривер.

Как-то майским утром на исходе пятого века молодая парочка в щегольской зеленой бричке, запряженной мулами, катила по тракту, который сворачивал на юго-запад от гряды Сент-Рифт. Златокожая новобрачная весело болтала с мужем на языке, которого Наш Джон не слышал ни в начале, ни в конце своей жизни. Впрочем, говорила она то, *что говорилось во все века и на всех языках.*

— Ах, Сирил, я так рада, что мы отправились путешествовать сейчас! Ведь на будущую весну я бы уже не смогла уехать от маленького.

Сирил ответил то, что в таких случаях обычно отвечают молодые мужья, и, продолжая беседовать, они подъехали к городской гостинице. Оставив там бричку и саквояжи, супруги отправились искать дядю новобрачной, который пригласил их сюда. На следующий день должен был появиться Наш Джон, и дядя Лейбен приехал в городок как представитель Исторического музея Маккензи для наблюдений и чтобы кое о чем договориться с городскими властями.

Нашли они его в обществе преподавателя механики городской школы, который по совместительству был штатным хранителем записей. Вскоре дядя Лейбен повел их всех в ратушу, где в канцелярии мэра ему предстояла встреча с различными религиозными деятелями. Принимая во внимание всю важность туризма, мэр помог дяде Лейбену вырвать у сектантов согласие на распространение светского истолкования феномена, предложенное дирекцией Исторического музея. Некоторую роль сыграло то обстоятельство, что у каждой секты было свое, единственно верное объяснение этого явления. Затем мэр, очарованный хорошенькой племянницей Лейбена, пригласил их отобедать у него.

Когда они вечером вернулись в гостиницу, там вовсю веселились туристы.

— О-о! — сказал дядя Лейбен. — Дочь моей сестры, у меня от всех этих разговоров глотка пересохла. Одна бабища Мокша чего стоит! Вот уж неисчерпаемый кладезь свя-

той чепухи! Сирил, мальчик мой, я понимаю, у тебя накопилось множество вопросов. Вот, возьми почитай. Это брошюрка, которую мы им всучили для продажи. А на остальные я отвечу завтра!

И он исчез в переполненном буфете.

Молодожены поднялись к себе в номер, намереваясь прочесть брошюру перед сном, но руки до нее у них дошли только за завтраком на следующее утро.

— «Все, что известно о Джоне Делгано, — читал Сирил вслух между двумя глотками, — восходит к двум документам, оставленным его братом Карлом Делгано в архивах Группы Маккензи в первые годы после Катастрофы...» Майри, детка, намажь мне лепешку медом. Дальше следует полное воспроизведение записей Карла Делгано. Слушай! «Я не инженер и не космонавт, как Джон. У меня была мастерская по ремонту электронных приборов в Солт-Лейк-Сити. Но и Джон только прошел тренировки, но настоящим космонавтом не стал, потому что экономический спад положил всему этому конец. Вот он и пошел работать в Бонневиллский промышленный филиал. Им там требовался человек для каких-то опытов с полным вакуумом. Больше мне об этом ничего не известно. Джон с женой перебрался в Бонневилл, но мы по нескольку раз в году гостили друг у друга — наши жены очень подружились. У Джона было двое детишек — Клэр и Пол.

Опыты были засекречены, но Джон намекнул мне, что они пытаются создать антигравитационную камеру. Не знаю, получилось ли у них что-нибудь. Было это за год до взрыва. Зимой Джон и Кейт с детьми приехали к нам на рождественские каникулы, и он сказал, что они открыли нечто сногсшибательное. Он прямо-таки сиял. Смещение во времени — так он выразился. Что-то связанное с временным эффектом. Он сказал, что их Главный — ну просто сумасшедший гений. Идей хоть отбавляй. Чуть чья-нибудь программа зайдет в тупик, он обязательно отыщет что-нибудь новенькое, если только сумеет арендовать их оборудование. Нет, я не знаю, филиалом чего они были. Может, страхового конгломерата — ведь все капиталы-то были у них, верно? А уж кто, как не они, согласились бы отвалить куш, лишь бы заглянуть в будущее, ясное дело.

Во всяком случае, Джон так и рвался. Кэтрин, конечно, перепугалась. Ей так и чудилось, что он будет, как... ну, вы знаете... как Герберт Уэллс, скитаться неприкаянным в неизвестном будущем мире. Джон ее успокаивал: дескать, это совсем другое — только проблеск, и займет он секунду-другую. Все очень сложно...» Да-да, жадный ты поросеночек! Налей и мне, не то я совсем осипну! «Помнится, я спросил его, что Земля-то движется, так вдруг он вернется не в то место? А он ответил, что это все предусмотрено, какая-то там пространственная траектория. Кэтрин пришла в такой ужас, что мы сменили тему. Но Джон сказал, чтобы она не боялась, он обязательно вернется домой. Только он не вернулся. Хотя какая разница? Там же ничего не осталось. И от Солт-Лейк-Сити тоже. Я-то жив только потому, что двадцать девятого апреля уехал в Калгари навестить маму. А второго мая все там взлетело на воздух. К вам в Маккензи я добрался только в июле. И пожалуй, тут и останусь. Идти мне ведь некуда. Вот и все, что я могу рассказать про Джона. Только одно: он был человек надежный. И если всему причиной тот взрыв, так не по его вине». Второй документ? Да побойся Бога, мамочка, я уже и так голос сорвал. Неужто и дальше читать? Ну ладно-ладно! Только прежде поцелуйте меня, сударыня. Вам обязательно надо выглядеть такой вкусненькой? «Второй документ, датированный восемнадцатым годом нового стиля, написан Карлом...» Хочешь посмотреть старинный почерк, курочка моя поджаристая? Ну хорошо, хорошо! «Писалось в Бонневиллском кратере. Я видел моего брата Джона Делгано. Когда я узнал, что болен лучевкой, то отправился сюда взглянуть, что и как. Солт-Лейк-Сити еще очень горяч. Вот я и пришагал в Бонневилл. На месте лаборатории еще виден кратер, но и он зарастает травой. И все не так — никакой радиоактивности. Мои пленки не засветились. Местные индейцы предупредили меня, что там каждую весну является чудовище. Несколько дней спустя я увидел его своими глазами, но издали и рассмотрел только, что это человек. В скафандре. От грохота я растерялся. Да еще пыль. А через секунду все кончилось. Я прикинул: время почти совпадает. То есть со вторым мая по-старому.

Я задержался там еще на год, и вчера он снова возник. Я встал так, чтобы быть спереди, и увидел его лицо за щитком. Это действительно Джон. Он ранен. Рот у нет в крови, и скафандр поврежден. Он лежит навзничь. Пока я его видел, он не сделал ни единого движения, но пыль взвилась столбом, как если бы человек проехался спиной по земле не шевелясь. Глаза у него открыты, словно он смотрит прямо перед собой. Я не понимаю, что и как, но одно знаю твердо: это Джон, а не его призрак. Оба раза он находился в одном положении, раздавался оглушительный треск, точно удар грома, и еще один звук, точно вой сирены, только ускоренный. И еще — запах озона и пыль. Я ощутил какую-то дрожь.

Я знаю, это Джон, и он жив. Мне необходимо уйти, пока я еще способен ходить, чтобы мои записи не пропали. По-моему, кому-то надо побывать здесь и посмотреть. Может, вы сумеете помочь Джону». Подписано: «Карл Делгано». Группа Маккензи сохранила эти документы, но прошло несколько лет, прежде чем...» Ну, и так далее... Первый световой отпечаток и так далее... архивы, анализ и так далее... Очень мило! Ну а теперь пора идти к твоему дяде, съедобнушка моя! Только на минутку поднимемся в номер.

— Нет, Сирил, я подожду тебя внизу, — благоразумно решила Майра.

В городском парке дядя Лейбен руководил установкой небольшой дюритовой стелы напротив того места, где появлялся Наш Джон. Стела была укутана простыней в ожидании торжественного открытия. В аллеях теснились горожане, туристы, ребятишки, а в оркестровой раковине пел хор Божьих Всадников. Солнце уже сильно припекало. Лоточники предлагали мороженое и соломенные фигурки чудовища, а также цветы и приносящие счастье конфетти, чтобы бросать в него. Чуть поодаль в темных одеяниях стояли члены еще одной религиозной общины, принадлежавшей Церкви Покаяния, видневшейся за воротами парка. Их пастырь метал мрачные взгляды в зевак вообще и в дядю Майры в частности.

Трое мужчин официального вида, которые тоже остановились в гостинице, подошли к дяде Лейбену и представи-

лись. Они оказались наблюдателями из Центральной Альберты и вместе с ним направились в шатер, воздвигнутый над огороженным участком. Горожане с подозрением косились на инструменты в их руках.

Преподаватель механики расставил вокруг закрытой стелы караул из старшеклассников, а Майра с Сирилом последовали в шатер за дядей Лейбеном. Там было заметно жарче, чем на улице. Вокруг огороженного участка около шести метров в диаметре были кольцами расставлены скамьи. Земля вокруг ограды была голой и утрамбованной. К столбикам снаружи были прислонены букеты и ветки цветущей цезальпинии. А внутри не было ничего, кроме обломка песчаника с глубоко вырезанными непонятными метками.

Едва они вошли, как через центр участка пробежала толстенькая девчушка. Это вызвало возмущенные крики. Наблюдатели из Альберты возились возле ограды — там, где был установлен светопечатающий ящик.

— Ну нет! — буркнул дядя Лейбен, когда альбертец, перегнувшись через ограду, установил внутри нее треножник, что-то подкрутил и над оголенным участком раскинулся пышный плюмаж тоненьких нитей.

— Ну нет,— повторил дядя Лейбен.— Это совсем лишнее.

— Они пробуют получить образчик пыли с его скафандра, верно? — спросил Сирил.

— Вот именно! Чистейшее безумие. У вас нашлось время прочесть?

— Ну конечно,— ответил Сирил.

— Более или менее,— добавила Майра.

— Ну так вы знаете. Он падает. Пытается снизить свою... Можете назвать это хоть скоростью. Пытается замедлиться. Он, видимо, не то поскользнулся, не то оступился. Мы очень близки к тому моменту, когда он споткнулся и начал падать. Но что произошло? Кто-то подставил ему ножку? — Лейбен посмотрел на Сирила и Майру взглядом, вдруг ставшим очень серьезным.— А что, если это кто-то из вас? Приятная мысль, э?

— Ой! — испуганно вскрикнула Майра и добавила: — А-а!

— Вы имеете в виду, что тот, кто стал причиной его падения, вызвал все... вызвал...

— Не исключено, — ответил Лейбен.

— Минуточку! — Сирил сдвинул брови. — Но он ведь упал. Значит, кто-то должен был... То есть ему необходимо споткнуться... или... ну, что там произошло... Ведь если он не упадет, прошлое же переменится, верно? Ни войны, ни...

— Не исключено, — повторил Лейбен. — Но что произошло на самом деле, известно одному Богу. Мне же известно только, что Джон Делгано и пространство вокруг него — наиболее нестабильный, невероятно высоко заряженный участок, какой только был на Земле, и, черт побери, я считаю, что ни в коем случае не следует совать в него палки.

— Да что вы, Лейбен! — К ним, улыбаясь, подошел альбертец. — Наша метелочка и комара не опрокинула бы. Это же всего только стеклянные мононити.

— Пыль из будущего, — проворчал Лейбен. — О чем она вам поведает? Что в будущем имеется пыль?

— Если бы мы могли добыть частичку штуки, зажатой в его руке!

— В руке? — переспросила Майра, а Сирил принялся лихорадочно перелистывать брошюру.

— Мы нацелили на нее анализатор, — понизил голос альбертец. — Спектроскоп. Мы знаем, там что-то есть. Или, во всяком случае, было. Но получить более или менее четкие результаты никак не удастся. Оно сильно повреждено.

— Ну, когда в него тычут, пытаются его схватить... — проворчал Лейбен. — Вы...

— ДЕСЯТЬ МИНУТ! — прокричал распорядитель с мегафоном. — Займите свои места, сограждане и гости.

Покаяне расселись на нескольких скамьях, напевая древнюю молитву:

— Ми-зе-ри-кордия! Ора про нобис![1]

Нарастало напряжение. В большом шатре было жарко и очень душно. Рассыльный из канцелярии мэра ужом про-

---

[1] Милосердие! Молись за нас! *(лат.)* — отрывок из католической молитвы.

скользнул сквозь толпу, знаками приглашая Лейбена и его гостей сесть в кресла для почетных приглашенных на втором ярусе с «лицевой» стороны. Прямо перед ними у ограды один из проповедников покаян спорил с альбертцем за место, занятое анализатором: на него же возложена миссия заглянуть в глаза Нашего Джона!

— А он правда способен нас видеть? — спросила Майра у дяди.

— Ну-ка, поморгай! — сказал Лейбен. — И вообрази, что всякий раз, когда твои веки размыкаются, ты видишь уже другое. Морг-морг-морг — и лишь Богу известно, сколько это уже длится.

— Ми-зе-ре-ре, пек-кави[1], — выводили покаяне, и вдруг пронзительно проржало сопрано: — Да мину-у-ует нас багрец гре-е-ха!

— По их верованиям, его кислородный индикатор стал красным потому, что указывает на состояние их душ! — засмеялся Лейбен. — Что же, их душам придется оставаться проклятыми еще довольно долго. Резервный кислород Джон Делгано расходует уже пятьсот лет... Точнее сказать, он еще будет оставаться на резерве грядущие наши пятьсот лет. Полсекунды его времени равняются нашему году. Звукозапись свидетельствует, что он все еще дышит более или менее нормально, а рассчитан резерв на двадцать минут. Иными словами, спасение они обретут где-нибудь около семисотого года, если, конечно, протянут так долго.

— ПЯТЬ МИНУТ! Занимайте свои места, сограждане и гости. Садитесь, пожалуйста, не мешайте смотреть другим. Садитесь, ребята!

— Тут сказано, что мы услышим его голос в переговорном устройстве, — шепнул Сирил. — А вы знаете, что он говорит?

— Слышен практически только двадцатицикловый вой, — шепнул в ответ Лейбен. — Анализаторы выделили что-то вроде «эй» — обрывок древнего слова. Чтобы получить достаточно для перевода, понадобятся века.

— Какая-то весть?

---

[1] Помилуй! Грешен! *(лат.)*

— Кто знает? Может быть, конец какого-то распоряжения: скорей, сильней. Или просто возглас. Вариантов слишком много.

Шум в шатре замирал. Пухлый малыш у ограды захныкал, и мать посадила его к себе на колени. Стало слышно, как верующие бормочут молитвы и шелестят цветы — члены Святой Радости по ту сторону огороженного центра взяли их на изготовку.

— Почему мы не ставим по нему часы?

— Время не то. Он появляется по звездному.

— ОДНА МИНУТА!

Воцарилась глубокая тишина, оттеняемая лишь бормотанием молящихся. Где-то снаружи закудахтала курица. Голая земля внутри ограды выглядела совершенно обыкновенной. Серебристые нити анализатора над ней чуть колыхались от дыхания сотни человек. Было слышно, как тикает другой анализатор.

Одна долгая секунда сменяла другую, но ничего не происходило.

Воздух словно чуть зажужжал. И в тот же миг Майра уловила неясное движение за оградой слева от себя.

Жужжание обрело ритм, как-то странно оборвалось — и внезапно все разом произошло.

Их оглушил звук. Резко, невыносимо повышаясь, он словно разорвал воздух, что-то будто катилось и кувыркалось в пространстве. Раздался скрежещущий воющий рев и...

Возник он.

Плотный, огромный — огромный человек в костюме чудовища: вместо головы тускло-бронзовый прозрачный шар, в нем — человеческое лицо, темный мазок раскрытого рта. Немыслимая поза — ноги выброшены вперед, торс откинут, руки в неподвижном судорожном взмахе. Хотя он, казалось, бешено устремлялся вперед, все оставалось окаменевшим, и только одна нога не то чуть-чуть опустилась, не то чуть-чуть вытянулась...

...И тут же он исчез, в грохоте грома, сразу и абсолютно, оставив только невероятный отпечаток на ретине сотни пар перенапряженных глаз. Воздух гудел, дрожал, и в нем поднималась волна пыли, смешанной с дымом.

— О-о! Господи! — воскликнула Майра, ухватившись за Сирила, но ее никто не услышал.

Вокруг раздавались рыдания и стоны.

— Он меня увидел! Он меня увидел! — кричала какая-то женщина.

Некоторые в ошеломлении швыряли конфетти в пустое облако пыли, но остальные вообще о них забыли. Дети ревели в голос.

— Он меня увидел! — истерически вопила женщина.

— Багрец! Господи, спаси нас и помилуй! — произнес нараспев глубокий бас.

Майра услышала, как Лейбен свирепо выругался, и снова посмотрела через ограду. Пыль уже оседала, и она увидела, что треножник с анализатором опрокинулся почти на середину участка. В него упирался бугорок золы, оставшейся от букета. Верхняя половина треножника словно испарилась. Или расплавилась? От нитей не осталось ничего.

— Какой-то идиот кинул в него цветы. Идемте. Выберемся отсюда.

— Треножник упал и он об него споткнулся? — спросила Майра, проталкиваясь к выходу.

— А она все еще красная, эта его кислородная штука! — сказал у нее над головой Сирил. — Время милосердия еще не пришло, а, Лейбен?

— Ш-ш-ш! — Майра перехватила угрюмый взгляд пастыря покаян.

Они протолкались через турникет и вышли в залитый солнцем парк. Кругом слышались восклицания, люди переговаривались громко, возбужденно, но с видимым облегчением.

— Это было ужасно! — простонала Майра вполголоса. Я как-то не верила, что он настоящий живой человек. Но он же есть. Есть! Почему мы не можем ему помочь? Это мы сбили его с ног?

— Не знаю. Навряд ли, — буркнул ее дядя.

Они сели, обмахиваясь, возле стелы, еще укрытой простыней.

— Мы изменили прошлое? — Сирил засмеялся, с любовью глядя на свою жену.

Но почему она надела такие странные серьги? Ах, да это те, которые он купил ей, когда они остановились возле индейского пуэбло!

— Но ведь альбертцы не так уж виноваты, — продолжала Майра, словно эта мысль ее преследовала. — Все этот букет! — Она вытерла мокрый лоб.

— Инструмент или суеверие? — усмехнулся Сирил. — Чья вина — любви или науки?

— Ш-ш-ш! — Майра нервно посмотрела по сторонам. — Да, пожалуй, цветы — это любовь... Мне немножко не по себе. Такая жара... Ах, спасибо! (Дяде Лейбену удалось подозвать торговца прохладительными напитками.)

Голоса вокруг обрели нормальность, хор затянул веселую песню, у ограды парка выстроилась очередь желающих расписаться в книге для посетителей. В воротах показался мэр и в сопровождении небольшой свиты направился по аллее бугенвиллей к стеле.

— А что написано на камне у его ноги? — спросила Майра.

Сирил открыл брошюру на фотографии обломка песчаника, поставленного Карлом. Внизу был дан перевод: «Добро пожаловать домой, Джон!»

— А он успевает прочесть?

Мэр начал речь.

Гораздо позднее, когда толпа разошлась, в темном парке луна озарила одинокую стелу с надписью на языке этого места и этого времени:

«Здесь ежегодно появляется майор Джон Делгано, первый и единственный из людей, путешествовавший во времени.

Майор Делгано был отправлен в будущее за несколько часов до катастрофы Нулевого Дня. Все сведения о способе, каким его сместили во времени, утрачены, и, возможно, безвозвратно. Согласно одной гипотезе, он по какой-то непредвиденной причине оказался гораздо дальше в будущем, чем предполагалось. По мнению некоторых аналитиков — на целых пятьдесят тысяч лет. Когда майор Делгано достиг этой неведомой точки, его предположительно отозвали назад или попытались вернуть по тому же пути во

времени и пространстве, по которому он был отправлен. Вероятно, его траектория начинается в точке, которую наша Солнечная система займет в будущем, и он движется по касательной к сложной спирали, описываемой нашей Землей вокруг Солнца.

Он появляется здесь ежегодно в тот момент, когда его путь пересекает орбиту нашей планеты, и, видимо, в эти моменты он способен соприкасаться с ее поверхностью. Поскольку никаких следов его продвижения в будущее обнаружено не было, напрашивается вывод, что возвращается он иным способом, чем забрасывался. Он жив в нашем настоящем. Наше прошлое — его будущее, а наше будущее — его прошлое. Момент его появления постепенно смещается по солнечному времени таким образом, что должен совпасть с моментом 1153,6 — 2 мая 1989 года по старому стилю, иными словами — с Нулевым Днем.

Взрыв, которым сопровождалось его возвращение в его собственное время и место, мог произойти, когда какие-то элементы прошлых мгновений его пути перенеслись вместе с ним в свое предыдущее существование. Несомненно, именно этот взрыв ускорил всемирную катастрофу, которая навсегда оборвала Век Опасной Науки».

Он падал, теряя власть над своим телом, проигрывая в борьбе с чудовищной инерцией, которую набрал, стараясь совладать со своими человеческими ногами, содрогаясь в нечеловеческой жесткости скафандра, а его подошвы накалялись, теряли опору из-за слишком слабого трения, пытались ее нащупать под вспышки, под это мучительное чередование света, тьмы, света, тьмы, которое он терпел так долго под ударами сгущающегося и разрежающегося воздуха о его скафандр, пока скользил через пространство, которое было временем, отчаянно тормозя, когда проблески Земли били в его подошвы, — теперь только его ступни что-то могли: замедлить движение, удержаться на точном пути, ведь притяжение, его пеленг, слабело, теперь, когда он приближался к дому, оно размывалось, и было трудно удерживать центровку; он подумал, что становится более вероятным. Рана, которую он нанес времени, заживлялась

сама собой. Вначале она была такой узкой и тесной — единственный луч света в смыкающемся тупнеле, — и он ринулся за ним, как электрон, летящий к аноду, нацелившись точно по этому единственному, изысканно изменяющемуся вектору, выстрелив себя, как выдавленную косточку, в этот последний обрывок, в это отторгающее и отторгнутое нигде, в котором он, Джон Делгано, мог предположительно продолжить свое существование, в нору, ведущую домой; и он рвался по ней через время, через пространство, отчаянно работая ногами, когда под ними оказывалась реальная Земля этого ирреального времени, держа направление с уверенностью зверька, извилистой молнией ныряющего в спасительную норку, он, космическая мышь в межзвездности, в межвременности, устремляющаяся к своему гнезду наперегонки с неправильностью всего вокруг, смыкающейся вокруг правильности этого единственного пути, а все атомы его сердца, его крови, каждой его клетки кричали: «Домой! ДОМОЙ!» — пока он гнался за этой исчезающей отдушиной, и каждый шаг становился увереннее, сильнее, и он несся наперегонки с непобедимой инерцией по бегущим проблескам Земли, словно человек в бешеном потоке — с крутящимся в волнах бревном. Только звезды вокруг него оставались постоянными от вспышки к вспышке, когда он косился мимо своих ступней на миллион импульсов Южного Креста и Треугольника; один раз на высшей точке шага он рискнул на столетие поднять взгляд и увидел, что Большая и Малая Медведицы странно вытянулись в сторону от Полярной звезды, но ведь, сообразил он, Полярная звезда тут на полюс не указывает, и подумал, снова опуская взгляд на свои бегущие ступни: «Я иду домой к Полярной звезде! Домой!» Он утратил память о том, где был, какие существа — люди, инопланетяне или неведомое нечто — вдруг возникали перед ним в невозможный момент пребывания там, где он не мог быть; перестал видеть проблески миров вокруг: каждый проблеск — новый хаос тел, форм, стен, красок, ландшафтов; одни задерживались на протяжении вздоха, другие мгновенно менялись: лица, руки, ноги, предметы, бившие в него, ночи, сквозь которые он проходил, темные или озаренные странными светильниками, под крышами и не

под крышами, дни, вспыхивающие солнечным светом, бурями, пылью, снегом, бесчисленными интерьерами, импульс за импульсом снова в ночь; теперь он опять был на солнечном свету в каком-то помещении. «Я наконец-то уже близко, — думал он. — Ощущение изменяется...» Только надо замедлиться, проверить — этот камень у его ног остается тут уже некоторое время, и он хотел рискнуть, перевести взгляд, но не осмеливался; он слишком устал, и скользил, и терял власть над телом в старании одолеть беспощадную скорость, которая не давала ему замедлиться; и он ранен — что-то его ударило там, что-то они сделали, — он не знал что — где-то там, в калейдоскопе лиц, рук, крючьев, палок, столетий кидающихся на него существ, а его кислород на исходе, но не важно, его должно хватить, ведь он идет домой! Домой! Если бы он только мог погасить эту инерцию, не сбиться с исчезающего пути, соскользнуть, скатиться, съехать на этой лавине домой, домой... и гортань его выкрикнула: «ДОМОЙ!» Позвала: «Кейт! Кейт!» Кричало его сердце, а легкие почти совсем отказывали, а ноги напрягались, напрягались и слабели, а ступни цеплялись и отрывались, удерживались и соскальзывали, а он клонился, молотил руками, пробивался, проталкивался в ураганном временном потоке через пространство, через время в конце самой длинной из самых длинных дорог — дороги Джона Делгано, идущего домой.

ФРИЦ ЛЕЙБЕР

Ведро воздуха

Я искренне надеюсь, что имя, творчество и репутация Фрица Лейбера (1910—1992) не меркнут. Он был одним из самых заметных авторов научной фантастики и фэнтези начиная с 1939 года и вплоть до своей смерти, а также одним из наиболее почитаемых. Согласно списку журнала «Locus», Лейбер шесть раз завоевывал премию «Хьюго», три раза премию «Небьюла», дважды Всемирную премию фэнтези, дважды премию журнала «Locus», по одному разу Британскую премию фэнтези, премию Геффена, специальную премию Уорлдкона (Worldcon Special Convention Award), премию «Балрог», премию «Гэндальф», а также Всемирную премию фэнтези и премию Брэма Стокера за вклад в развитие жанра и звание Грандмастера от Ассоциации американских писателей-фантастов (Science Fiction Writers of America). Вероятно, больше всего Лейбер прославился своей серией в жанре меча и магии о приключениях Фафхрда и Серого Мышелова, состоящей из семи книг, первая из которых — «Мечи Ланкмара» («The Swords of Lankhmar», 1968). Он также известен своими произведениями о сверхъестественном, например, роман «Ведьма» («Conjure Wife», 1943) был трижды экранизирован. Научно-фантастические работы Лейбера, пожалуй, занимают второстепенное место в его творчестве, однако он получил премию «Хьюго» за роман «Странник» («Wanderer», 1964), в котором попавшая в Солнечную систему странствующая планета представляет угрозу Земле. В романе «Тьма, сгущайся!» («Gather, Darkness», 1943), действие которого происходит через триста лет после ядерной катастрофы, две мощные фракции пытаются взять под контроль остатки цивилизации. Из прочих постапокалиптических произведений писателя меня особенно привлекает «Ведро воздуха» из-за своей необычной идеи и ярких образов.

Па послал меня за ведром воздуха. Только я наполнил ведро и тепло сошло с моих рук, как я увидел ЭТО.

Знаете, сначала мне показалось, что я вижу молодую леди. Да, красивую молодую леди со светящимся в темноте лицом. Она смотрела на меня из квартиры на-

против на пятом этаже, как раз над белым покрывалом замерзшего воздуха толщиной двадцать метров. Я никогда не видел живых молодых леди, кроме как на картинках в старых журналах: Сест еще ребенок, а Ма сильно болеет и несчастная. От удивления я даже выронил ведро. Да и вы на моем месте сделали бы то же самое, зная, что на Земле никого нет, кроме Па, Ма, Сест и меня.

Но все равно, наверное, не следовало мне так удивляться. Время от времени чего мы только не видим. Ма — обычно что-то плохое, судя по тому, как начинает таращиться на пустое место, а потом кричит и кричит и бьется об одеяла, которыми обвешано Гнездо. Папа говорит, что иногда мы и должны так реагировать.

Подняв ведро и снова посмотрев на квартиру напротив, я начал понимать, что, возможно, в такие моменты чувствует Ма: оказалось, что это не молодая леди, а пятнышко света — маленький призрачный зайчик, двигающийся от окна к окну, словно одна из далеких звездочек спустилась с безвоздушного неба, чтобы узнать, почему Земля убежала от Солнца, а может, найти внизу кого-нибудь и попугать, раз уж теперь Земля лишилась защиты Солнца.

И, говорю вам, от этой мысли у меня мурашки побежали по коже. Пока я стоял и хлопал глазами от удивления, у меня замерзли ноги, а на шлеме образовался такой слой инея, что я уже не увидел бы свет, если бы он выкатился из одного из окошек, чтобы добраться до меня. Но у меня хватило ума нырнуть обратно.

Медленно пробираясь сквозь многочисленные слои одеял, тряпок и резины, которые Па повесил, чтобы не выпускать воздух из Гнезда, я постепенно успокоился. Наконец услышал тиканье часов и понял, что вокруг уже воздух, потому что в вакууме, естественно, нет никаких звуков. Протиснувшись сквозь щель в последнем слое одеял, которые Па обшил алюминиевой фольгой, чтобы сохранить внутри тепло, я вошел в Гнездо. Но в душе оставалась тревога.

Давайте я расскажу вам о Гнезде. Оно небольшое и уютное, и места там хватает лишь для нас четверых и наших вещей. Пол покрывают толстые шерстяные ковры. Три сте-

ны — одеяла, потолок — тоже одеяла, касающиеся головы Па, когда он стоит. Он объяснял, что они висят внутри гораздо большего помещения, но я никогда не видел ни *настоящих стен, ни потолка*.

Вдоль одной одеяльной стены тянутся длинные полки, на которых лежат инструменты, книги и прочие вещи, а наверху — целая шеренга часов. Па ревностно следит за тем, чтобы они ходили. Говорит, что мы не должны *терять счет времени, а без* Луны и Солнца это не так-то просто.

Четвертая стена — тоже одеяла, но там еще есть и камин, в котором всегда горит огонь. Он не дает нам замерзнуть и вообще приносит большую пользу. Кто-то из нас *должен постоянно наблюдать* за ним. У нас есть несколько будильников, которые напоминают нам, когда чья смена. В первое время за огнем следили только Па и Ма, но теперь им помогаем и мы с Сест.

Конечно, Па — главный хранитель огня. Таким он *навсегда останется у меня в памяти*: высокий мужчина сидит закинув ногу на ногу и, нахмурившись, смотрит на пламя, бросающее бронзовый отсвет на его морщинистое лицо. Через равные промежутки времени он осторожно кладет в огонь кусок угля из большой корзины, стоящей рядом. Па говорит, что в древности тоже были хранительницы огня, их называли весталками, хотя тогда их окружал не замерзший воздух, на небе светило солнце и люди вполне могли обойтись без огня.

Па и сейчас сидел в той же позе, но, увидев меня, встал и, взяв ведро, отругал за то, что я долго оставался снаружи. Он сразу заметил иней, покрывавший мой шлем. Тут же и Ма набросилась на меня. Па объясняет, что ей необходимо выплескивать чувства. Даже Сест и та что-то пару раз пискнула.

Па завернул ведро в плотную ткань. Только в Гнезде ощущаешь, какое же холодное это ведро. Кажется, оно высасывает тепло отовсюду. Даже языки пламени съеживаются, когда Па ставит ведро рядом с огнем.

Однако мерцающее бело-голубое вещество, насыпанное в ведро, сохраняет нам жизнь. Оно медленно тает и, испа-

ряясь, освежает Гнездо и поддерживает огонь. Слои одеял не дают ему слишком быстро покинуть Гнездо. Па хотел бы заткнуть все щели, но у него ничего не получилось (здание сильно повредили землетрясения), да и к тому же он должен держать трубу открытой, чтобы дым выходил наружу. Но там у него поставлены какие-то хитрые штуки (Па называет их отражателями), которые мешают выходу воздуха.

Па говорит, что воздух — это крошечные молекулы, которые улетят мгновенно, если что-то их не остановит. Мы должны пристально следить за тем, чтобы воздуха не оставалось мало. У Па всегда наготове большой его запас, который он держит за первым слоем одеял, вместе с углем, консервами, бутылками с витаминами и прочим, например ведрами со снегом, из которого получаем воду. За ним приходится спускаться на первый этаж, что не так-то легко, и выходить из дома через дверь.

Видите ли, когда Земля начала остывать, вода, находившаяся в атмосфере, замерзла первой, и на поверхности образовалась снежная корка толщиной около четырех метров. А на снег легло покрывало из кристаллов замерзшего воздуха, поднявшееся до пятого этажа.

Разумеется, не все составляющие воздуха замерзали и падали на землю одновременно.

Сразу над снегом — слой углекислоты. Поэтому, когда идешь за водой, надо убедиться, что не набрал этого вещества, которое при испарении может усыпить нас и погасить огонь. Затем идет азот, от которого нет никакой пользы, хотя он составляет бóльшую часть одеяла замерзшего воздуха.

Сверху, к счастью для нас, находится кислород, поддерживающий нашу жизнь. Мы отличаем его от азота по светло-голубому цвету. Твердый кислород образуется при меньшей температуре, чем азот, поэтому он и оказался на самом верху. Па говорит, что мы живем лучше, чем в прошлом короли, потому что дышим чистым кислородом. Но мы привыкли и не видим в этом ничего особенного.

А на самом верху — тоненькая пленка жидкого гелия, очень забавного вещества. Слои всех этих газов четко раз-

делены между собой. Как слоеный торт, иногда говорит папа, что бы это ни значило.

Мне не терпелось рассказать об увиденном, и я заговорил, как только снял шлем и пока выбирался из костюма. Ма разволновалась, принялась поглядывать на входную щель в одеялах, сцепила руки — ту, на которой потеряла три пальца (отморозила), зажимала здоровой. Я видел, что Па сердится за то, что я ее испугал, пытаясь все быстро объяснить, но понимает, что я ничего не выдумываю.

— Ты долго наблюдал свет? — спросил он, когда я закончил.

Впрочем, я ничего не сказал о том, что сначала принял свет за лицо молодой леди. Почему-то мне хотелось сохранить это в тайне.

— Да, огонек прошел пять окон и скрылся этажом выше.

— Может, он выглядел как блуждающее электричество? Или ползучая жидкость? Или звездный свет, сфокусированный растущим кристаллом? Или что-то такое?

Па расспрашивал меня не зря. Много странного случается в мире глубокого холода. Даже когда ты уверен, что вся материя намертво замерзла, вещество обретает новую жизнь. Липкая пленка ползет, ползет к теплу, как собака бежит на запах пищи, — это жидкий гелий. А однажды, в моем детстве, молния — даже Па не представляет себе, откуда она взялась, — ударила в шпиль неподалеку от Гнезда, и электричество сохранялось в нем долгие недели, пока не рассеялось.

— Ничего похожего я еще не видел, — ответил я.

Па какое-то время стоял глубоко задумавшись.

— Выйдем вместе и разберемся, что там делается, — наконец решил он.

Ма и Сест очень не хотели оставаться одни, но Па их успокоил, и мы начали надевать костюмы для дальних походов. Па сделал их сам, со шлемами из трехслойного стекла, которые когда-то были большими прозрачными банками для консервов. Наши костюмы держат воздух и тепло — во всяком случае, мы ходим в них за водой, углем, консервами и прочими необходимыми нам вещами.

Ма вновь начала причитать:

— Я всегда знала, снаружи что-то есть, ждущее, чтобы добраться до нас. Я чувствовала это долгие годы, что-то холодное и ненавидящее тепло, жаждущее уничтожить Гнездо. Оно наблюдало за нами все это время, а теперь явилось, чтобы расправиться с нами. Оно схватит тебя, а потом придет за мной. Не ходи, Гарри!

Па надел все, кроме шлема, и, опустившись на колени перед камином, сунул в него руку и дернул за длинный металлический прут, идущий вдоль всего дымохода. Им мы сбиваем лед, постоянно нарастающий в трубе. Раз в неделю Па лезет на крышу и проверяет, все ли в порядке. Это наше самое опасное путешествие, и туда Па не пускает меня одного.

— Сест, — тихо сказал Па, — следи за огнем. И за воздухом тоже. Если его останется мало или он будет испаряться недостаточно быстро, возьми корзину, стоящую за одеялами. Но будь осторожна. Не касайся корзины голыми руками. Возьми тряпки, прежде чем поднять корзину.

Сест перестала помогать Ма бояться и сделала то, что ей велели. Ма внезапно успокоилась и, хотя глаза оставались дикими, наблюдала, как Па надевает шлем, берет пустое ведро и мы уходим из Гнезда.

Па шел первый, а я держался за его пояс. Что самое смешное, я не боюсь ходить один, но когда Па рядом, мне хочется за него ухватиться. Привычка, наверное, хотя в данной ситуации, надо признать, я и вправду немного боялся.

Видите ли, так уж вышло, что за пределами Гнезда нет жизни. Па слышал, как последние радиоголоса затихли много лет тому назад, и видел, как некоторые из последних людей умирали, потому что им не повезло или они не смогли укрыться в таком вот Гнезде. Поэтому мы знали: если рядом что-то есть, то в этом «чем-то» нет ничего человеческого или дружелюбного.

И кроме того, там всегда ночь, холодная ночь. Па говорит, что и в прежние времена люди боялись ночи, но каждое утро всходило солнце и прогоняло этот страх. Я дол-

жен верить ему на слово, потому что помню солнце лишь большой звездой. Видите ли, я еще не родился, когда черная звезда оторвала Землю от Солнца, а теперь утащила за орбиту Плутона, и Па говорит, что она утаскивает нас все дальше.

Мы можем ее видеть, когда она пересекает небо, закрывая звезды, и особенно четко она выделяется на фоне Млечного Пути. Черная звезда довольно велика, и мы находимся к ней ближе, чем планета Меркурий к Солнцу, но у нас нет времени часто наблюдать за ней.

Я задался вопросом: а вдруг на черной звезде есть что-то такое, что хочет добраться до нас, и именно поэтому черная звезда и прихватила Землю с собой? Но тут, пройдя по коридору, мы вышли на балкон.

Я не знаю, как выглядел город раньше, но сейчас он прекрасен. В звездном свете все неплохо видно (Па говорит, что раньше звезды мерцали — из-за атмосферы, — а теперь сияют ровным светом). Наш дом расположен на холме, над сверкающей пеленой, которую пронзают высокие здания, а темные впадины между ними, когда-то бывшие улицами, образуют ровную прямоугольную сетку. Я иногда нарезаю такую на выровненном картофельном пюре и наливаю в канавки подливу.

На каждом здании — круглая шапка кристаллов замерзшего воздуха, похожая на меховой капюшон Ма, только еще белее. В этих домах видны черные квадраты окон, с белыми наличниками кристаллов воздуха. Некоторые дома наклонились, а многие разрушились во время землетрясений и ураганов, обрушившихся на город в тот период, когда черная звезда боролась с Солнцем за Землю.

Кое-где висят сосульки. Как из воды — эти появились в первые дни похолодания, — так и из замерзшего воздуха. Иногда какая-нибудь сосулька так ярко отражает звездный свет, что кажется, будто одна из звездочек сама спустилась к нам в гости. Именно об этом и подумал Па, когда я рассказал ему об увиденном. Но и я подумал о том же и понял, что причина тут другая.

Он прижал свой шлем к моему, чтобы мы могли говорить, и попросил показать, в каких окнах я видел свет. Но

мы не заметили ничего похожего — ни в тех самых окнах, ни в соседних. К моему удивлению, Па не стал меня ругать и говорить, что мне что-то там привиделось. Он какое-то время оглядывался, после того как набрал ведро воздуха, и мы пошли обратно. А когда входили в дом, он вновь резко оглянулся, словно хотел захватить кого-то врасплох.

Я тоже это чувствовал. Ситуация изменилась. Что-то таилось в темноте, наблюдало, ждало, готовилось.

Когда мы подходили к Гнезду, он вновь коснулся моего шлема:

— Если ты увидишь это опять, сынок, не говори остальным. Твоя Ма очень нервничает, а мы должны ее беречь. Ей пришлось много пережить. Однажды, когда родилась твоя сестра, я уже хотел сдаться и умереть, но твоя мать убедила меня, что надо жить. В другой раз, когда я заболел, она целую неделю сама поддерживала огонь. Выхаживала меня и еще заботилась о вас двоих.

Ты знаешь нашу игру, когда мы садимся в кружок и бросаем друг другу мяч? Мужество — это тот же мяч, сынок. Каждый держит его, сколько сможет, а затем передает мяч другому. Когда он летит к тебе, ты должен поймать его и крепко держать, надеясь, что найдется человек, которому ты сможешь бросить мяч, когда устанешь быть храбрым.

Конечно, мне было приятно услышать такие слова, я почувствовал себя взрослым, но все-таки меня беспокоило увиденное. А кроме того, Па отнесся к этому очень серьезно.

Трудно прятать свое отношение к таким событиям. Вернувшись в Гнездо и раздевшись, Па рассмеялся и сказал, что у меня слишком богатое воображение. Но его слова не убедили ни Ма, ни Сест. Казалось, никто не хотел держать этот мяч-мужество. Следовало как-то отвлечь их от тяжелых мыслей, и я разрядил обстановку, попросив Па рассказать о прежней жизни, о том, как все случилось.

Иногда он не отказывается повторить эту историю, а мы с Сест любим его слушать. И мы сели в кружок около камина, Ма поставила поближе к огню несколько банок с консервами, наш ужин, и Па начал. Впрочем, я заметил,

что перед этим он взял молоток с полки и положил рядом с собой.

Это одна и та же история, я думаю, что могу повторить ее и во сне, но каждый раз Па прибавляет незначительные детали, уточняя ее.

Он рассказал нам, что Земля обращалась вокруг Солнца и на ней жили люди, зарабатывали деньги, устраивали войны, развлекались и относились друг к другу хорошо или плохо. И тут, без предупреждения, из глубин космоса появилась эта черная звезда, сгоревшее солнце, и все изменилось.

Знаете, мне трудно поверить в то, что люди могли плохо относиться друг к другу, как и в то, что их было так много. Я не могу представить, что они готовились к ужасной войне, которая могла уничтожить человечество. Хотели войны, во всяком случае, надеялись, что после ее завершения они уже ни о чем не будут тревожиться. Впрочем, им же не приходилось бороться за каждую крупицу тепла, чтобы остаться в живых. Но как они могли надеяться избавиться от всех опасностей? С тем же успехом мы можем рассчитывать на избавление от холода.

Иногда я думаю, что Па преувеличивает и представляет все в слишком мрачном свете. Он иногда сердится на нас и, возможно, раньше сердился и на других людей. Однако в старых журналах я прочитал такие ужасные истории... Так что, может быть, он и прав.

Черная звезда, продолжал Па, приблизилась довольно быстро и не дала времени подготовиться. Сначала ее появление скрывали от людей, а потом правда открылась сама, пришли землетрясения и потопы — подумать только, океаны незамерзшей воды! — и люди видели, как по ночам что-то закрывало звезды. Сначала все думали, что черная звезда врежется в Солнце, затем — в Землю. Началась паника, и все бросились в Китай, потому что надеялись, что звезда ударит по другому полушарию. Но оказалось, что она пройдет в непосредственной близости от Земли.

Другие планеты в это время находились за Солнцем, и появление черной звезды не повлияло на их движение.

Солнце и пришелица некоторое время боролись за Землю, тянули ее в разные стороны, как две собаки, дерущиеся за одну кость,— на этот раз Па предложил такое сравнение,— но черная звезда победила и утащила нас с собой. Правда, в последний момент Солнце успело получить утешительный приз — в последний момент ухватило Луну.

Тогда же произошли чудовищные землетрясения и наводнения, в двадцать раз хуже, чем прежде, и наша планета полетела вдогонку за черной звездой. Па называет это время «Большим рывком», потому что Землю резко дернули, совсем как Па раз или два дергал меня. Я спрашивал Па, дернулась ли Земля, как дергаюсь я, когда он хватает меня за шиворот, если я сажусь далеко от огня. Па покачал головой и ответил, что гравитация действует иначе. Тоже как толчок, но его никто не чувствует. Как я понял, будто тебя дернули за шиворот во сне.

Видите ли, темная звезда двигалась сквозь космос быстрее, чем Солнце, и в противоположном направлении, поэтому ей пришлось как следует тряхнуть наш мир, прежде чем прихватить с собой.

«Большой рывок» длился недолго и закончился, как только Земля перешла на орбиту вокруг черной звезды. Но, пока он продолжался, с Землей творилось что-то ужасное. Горы и здания рушились, океаны гигантскими волнами накатывали на берег, болота и песчаные пустыни наползали на окружающие земли. Земля также лишилась части атмосферы, и в некоторых местах воздух становился таким разреженным, что люди падали и теряли сознание. И землетрясения сбивали их с ног, ломали им руки и ноги, пробивали головы.

Мы часто спрашивали Па, как вели себя люди в это время: испугались, держались мужественно, сходили с ума или впадали в апатию,— но он обычно отнекивался, как и в этот день. Он говорит, что был слишком занят, чтобы обращать на людей внимание.

Па и его друзья, ученые, предположили заранее, что должно случиться, и вычислили, что наша планета уйдет от Солнца и воздух замерзнет. Поэтому они работали как бешеные, готовя убежище с герметичными стенами и теп-

лоизоляцией, а внутри создавали большие запасы продуктов, топлива и воды. Но во время последних землетрясений убежище разрушилось, а друзья Па погибли. Поэтому ему пришлось начать все сначала и быстренько соорудить Гнездо из того, что оказалось под рукой.

Предполагаю, он не грешит против истины, когда говорит, что не смотрел на других людей ни тогда, ни при наступлении Большого Мороза. А наступил Большой Мороз очень быстро, знаете ли, потому что черная звезда утаскивала нас все дальше от Солнца и вращение Земли замедлилось, а потому ночи стали в десять раз длиннее.

Однако я могу представить себе, что происходило. Потому что видел замерзших людей: в других комнатах этого здания или у очагов в подвалах, когда мы ходим за углем.

В одной комнате старик сидит на стуле, его нога и рука в гипсе. В другой мужчина и женщина лежат в кровати под горой одеял. Видны только их головы, близко друг к другу. В третьей прекрасная молодая леди сидит, натянув на себя разную одежду, и с надеждой смотрит на дверь, словно ждет человека, ушедшего за теплом и едой. Они неподвижные, твердые, как статуи, но выглядят как живые.

Па однажды показал мне их, направив луч фонаря, когда батареек еще хватало и мы могли часть заряда тратить попусту. Они сильно испугали меня и заставили учащенно биться сердце, особенно молодая леди.

Па в какой уж рассказывал эту историю, чтобы отвлечь нас от другого страха, а я вдруг подумал об этих замерзших людях. Внезапно в голове сверкнула мысль, жутко меня испугавшая. Видите ли, я вспомнил лицо молодой леди, которую, как мне показалось, видел в окне. Я забыл его, потому что не хотел говорить об этом видении остальным.

А что, спросил я себя, если замороженные люди ожили? Может, они обрели новую форму жизни и теперь ползут к теплу, как гелий, хотя мы думали, что они замерзли и не могут пошевелиться? Или как электричество, которое при таких низких температурах не хочет рассеиваться? Что, если холод пробудил этих замерзших людей к жизни? Не теплокровной жизни, а какой-то ледяной и ужасной?

Это куда как хуже, чем если бы к нам заявились обитатели черной звезды.

А может, обе идеи правильные? Что-то спустилось с черной звезды и оживило замороженных людей, чтобы использовать их в своих целях. Тогда становится понятным, почему я видел и прекрасную молодую леди, и движущийся звездный свет.

Замороженные люди, управляемые разумом пришельцев с черной звезды, бредущие, ползущие, нацелившиеся на тепло Гнезда.

Говорю вам, мысль эта сильно меня напугала, и я очень хотел рассказать остальным о своих страхах, но потом вспомнил просьбу Па, сжал зубы и не заговорил.

Мы сидели очень тихо, даже огонь горел беззвучно. Слышался лишь голос Па и тиканье часов. Но тут мне померещилось, что где-то за одеялами раздался шорох, и по коже у меня побежали мурашки. А Па рассказывал о первых днях жизни в Гнезде и подходил к месту, где обычно принимался философствовать.

— И я спросил себя: какой смысл тянуть еще несколько лет? Зачем продлевать существование, обреченное на тяжелую работу, холод и одиночество? С человечеством покончено. С Землей покончено. «Почему мы не сдаемся?» — спросил я себя и неожиданно получил ответ.

Снова послышался шорох, на этот раз громче и ближе. Что-то вроде бы зашуршало. У меня перехватило дыхание.

— Жизнь — это постоянный труд и борьба с холодом.

Земля всегда была одинока, находясь за миллионы миль от ближайшей планеты. И как долго ни существовала бы цивилизация, все равно пришел бы конец. Но это не имеет значения. Главное, что жить — хорошо. Жизнь — очень нежная, как густой мед или лепестки цветов, вы, дети, никогда не видели их, но знаете наши ледяные цветы. Или как язычки пламени, которые никогда не повторяются. Жизнь стоит того, чтобы ее прожить. И это так же верно для последнего представителя человечества, как и для первого.

А шорох приближался, и мне показалось, что заколыхался последний слой одеял.

— И хотя обстоятельства изменились, — продолжал Па (теперь я не сомневался, что он тоже слышал шорох и говорил громче, чтобы заглушить его), — я сказал себе, что надо продолжать жить так, будто впереди у нас целая вечность. У меня будут дети, и я научу их всему, что знаю сам. Я дам им возможность читать книги. Я буду планировать наше будущее и постараюсь увеличить Гнездо и улучшить его изоляцию. Я приложу все силы, чтобы мои дети росли и учились видеть прекрасное. И я сохраню в себе веру в чудеса, несмотря на холод, темноту и далекие звезды.

Тут одеяло дернулось и начало подниматься, а за ним показался яркий свет. Голос Па смолк, и его рука тянулась к молотку, пока крепко не схватилась за рукоятку. Наши взгляды устремились на щель между одеялами.

И в Гнездо вошла та самая прекрасная молодая леди. Она стояла, изумленно глядя на нас и держа в руке что-то яркое. А за ее плечами показались два мужских лица, побледневших, с выпученными от изумления глазами.

Прошло несколько секунд, и сердце мое пропустило не больше четырех или пяти ударов, прежде чем я понял, что она в костюме и шлеме — таких же, как сделал нам Па, только лучше, и мужчины тоже в шлемах, а замерзшие люди определенно их не носили бы. И яркое пятно у нее в руке — переносной фонарь.

Ма тихо вздохнула и упала в обморок. Некоторое время стояла мертвая тишина, и я успел несколько раз проглотить слюну, а потом поднялся невероятный шум.

Они оказались обыкновенными людьми. Как выяснилось, выжили не только мы одни. Мы лишь думали, что это так. Эти трое тоже выжили, и еще многие другие. А когда мы узнали, как они пережили катастрофу, Па издал громкий радостный вопль.

Они прилетели из Лос-Аламоса, и им помогла выжить атомная энергия — уран и плутоний, которые собирались использовать для атомных бомб. И их могло хватить на тысячи лет. Они построили небольшой городок с теплоизоляцией и воздушными шлюзами для входа и выхода.

У них было искусственное освещение, при котором они выращивали растения и животных (тут Па издал второй радостный вопль, а Ма пришла в себя).

Но если нас только удивило их появление, то для прилетевших эта встреча стала потрясением.

Один из мужчин продолжал повторять:

— Нет, это невозможно. Вы не можете поддерживать давление воздуха без герметичной изоляции. Это просто немыслимо.

Он уже снял шлем и дышал нашим воздухом, а молодая леди глядела на нас как на святых. Она сказала, что мы сделали что-то фантастическое, а потом ее лицо скривилось и она заплакала.

Они действительно искали выживших, но не предполагали, что найдут здесь кого-нибудь. У них есть космические корабли и большие запасы химического горючего. Что же касается кислорода, то для его добычи стоило лишь выйти на улицу и сгрести сколько надо из верхнего слоя замерзшего воздуха. И после того как они навели порядок в Лос-Аламосе (на это ушло несколько лет), начались поиски других колоний. Конечно, они не могли использовать радио, потому что с исчезновением атмосферы пропала ионосфера и радиосигналы не следовали за кривизной земной поверхности, а улетали в космос.

Они нашли людей в Аргонне и Брукхейвене и на другой стороне Земли, в Харвелле и на Урале. А теперь они осматривали наш город, в общем, без всякой надежды. Но у них есть прибор, регистрирующий тепловые волны, и он показал, что там, внизу, тепло, и они спустились, чтобы проверить. Конечно, мы не слышали, как приземлился корабль, так как нет воздуха, чтобы передать звук. А им пришлось поблуждать, прежде чем они нашли нас.

К этому моменту пять взрослых говорили, как шестьдесят. Па показывал мужчинам, как он поддерживает огонь, избавляется ото льда в трубе, прочие хитрости. Ма рассказывала молодой леди, как она готовит, шьет, и расспрашивала ее, что сейчас носят женщины. Незнакомцы громко удивлялись и расхваливали Па на все лады. Впрочем, по

тому, как они морщили носы, я понял, что им не нравится запах в Гнезде. Но никто не упомянул об этом, и они продолжали засыпать нас вопросами.

В общем, из-за возбуждения и разговоров мы позабыли обо всем, и Па не сразу заметил, что воздух в ведре уже кончился. Он тут же бросился за одеяла и притащил полную корзину. Конечно, незнакомцы снова начали смеяться и хвалить нас всех.

Что интересно, я почти ничего не говорил, а Сест прилипла к Ма и прятала лицо в ее юбку, когда кто-то смотрел на нее. Да и мне было как-то не по себе. Даже хотелось, чтобы они ушли и мы могли бы наконец разобраться, что к чему.

И когда незнакомцы предложили нам перебраться в их городок — они не сомневались, что мы согласимся, — я увидел, что Па пришла в голову та же мысль, да и Ма тоже. Па неожиданно замолчал, а Ма несколько раз повторила молодой леди:

— Но я не знаю, как там себя вести, и у меня нет подходящей одежды.

Незнакомцы сначала удивились, но потом все поняли. После того как Па сказал:

— Нельзя дать угаснуть этому очагу.

Незнакомцы ушли, но они вернутся. Мы пока ничего не решили, но все должно измениться. Возможно, Гнездо сохранят в качестве, как сказал один из мужчин, «школы *выживания*». А может, мы присоединимся к колонистам, которые хотят строить новые города на урановых рудниках около Большого Соленого озера и в Конго.

Конечно, теперь, после их ухода, я много думаю о подземном городе с теплоизоляцией и других удивительных местах, где живут люди. Я очень хочу увидеть их сам. Да и Па, несомненно, тоже хочет побывать там.

— Когда стало ясно, что не мы одни остались в живых,— объяснил он мне,— все выглядит совсем по-другому. Твоя Ма *не чувствует себя* такой беспомощной. Да и мне легче, зная, что я не несу полной ответственности за сохранение рода человеческого. А это не такая уж легкая ноша, сынок.

Я оглядываю стены из одеял, ведра с испаряющимся воздухом, Ма и Сест, спящих в тепле при мерцающем свете огня.

— Не так-то легко покинуть Гнездо, — говорю я и чувствую, что вот-вот заплачу. — Оно такое маленькое, и нас здесь всего четверо. Я боюсь больших мест, где *много* незнакомых людей.

Па кивает и кладет в огонь кусочек угля. Затем, поглядев на черную горку рядом с собой, он улыбается и добавляет еще две пригоршни, будто сегодня один из наших дней рождения или Рождество.

— Это быстро пройдет, сынок, — говорит он. — Беда была в том, что наш мир становился все меньше и меньше, пока не сжался до одного Гнезда. А теперь ему снова пора расти и стать настоящим огромным миром, каким он был в самом начале.

Я думаю, он прав. А интересно, подождет ли прекрасная молодая леди, пока я вырасту? Я спросил ее об этом, а она улыбнулась и ответила, что у нее в городке дочка почти моего возраста и вообще там много детей.

Представляете?

ЭРИК БРАУН

Часовые «Феникса»

Эрик Браун опубликовал более двадцати романов и восьмидесяти рассказов начиная с 1990 года, когда вышел первый сборник писателя «Человек в промежутке времени» («The Time-Lapsed Man»). Первый роман Брауна — «Кульминационные дни» («Meridian Days», 1992), среди недавних работ можно назвать «Падение Тартара» («The Fall of Tartarus», 2005) и «Необыкновенное путешествие Жюля Верна» («The Extraordinary Voyage of Jules Verne», 2005). Он дважды, в 2000 и 2002 годах, завоевывает премию Британской ассоциации писателей-фантастов (British Science Fiction Association) за свои рассказы. Я имел удовольствие сотрудничать с Эриком Брауном, составляя антологию «Новые приключения Жюля Верна» («The Mammoth Book of New Jules Verne Adventures», 2005).

Светало, когда мы выехали из-под перекрученного костяка Эйфелевой башни и отправились через пустыню в Танжер.

Весь день мы ехали по выжженной безжизненной местности, а вечером остановились и попытались уснуть. Я лежал в койке и смотрел сквозь тент, как магнитные бури раздирают тропосферу. Жара стояла невыносимая, даже в условно прохладные ночные часы. Когда я заснул, мне снились женщины, которых я видел в старых журналах, а когда проснулся в обжигающей утренней жаре и Дэнни повел грузовик дальше, сидел молчаливый и угрюмый от меланхоличного вожделения.

В двух днях пути от Парижа, проезжая через место, которое, как сообщил Эдвард, когда-то было Оверном, мы подобрали пятого члена нашей команды.

Ближе к закату, когда горизонт пылал, а над головой свирепствовала магнитная буря, грузовик задергался и остановился. Дэнни стукнул кулаком по рулю:

— Черт! Один из главных конденсаторов. Спорю на что угодно...

— Что, опять?

Страх стиснул мне горло. Грузовик ломался уже в третий раз за столько же недель, и всякий раз отчаяние Дэнни передавалось и мне. Он пытался его скрыть, но я видел ужас в его глазах, видел, как дрожат его руки. Без грузовика, без транспорта, чтобы пересекать опустошенную землю в поисках воды, мы покойники.

Дэнни был нашим лидером исходя из того простого факта, что владел грузовиком и буровой установкой, и потому, что был инженером. Ему было уже за пятьдесят. Невысокий и худощавый, он был оптимистом, несмотря на все, что ему довелось испытать.

Я и слова-то такого не слышал, пока не встретил Дэнни четыре года назад.

Я посмотрел через ветровое стекло. Мы стояли на краю города: зазубренные силуэты разваливающихся зданий четко выделялись на фоне догорающего заката. Песок десятилетиями засыпал парки и эспланады, смягчая резкие углы зданий, создавая красивые параболические изгибы между засыпанными обломками улицами и вертикалями стен.

— Эдвард! Катрин! — позвал Дэнни.

Через несколько секунд в люке показалась лысеющая голова Эдварда. Чуть позже, из-за хромоты, к нам присоединилась Кат. Ее морщинистое лицо сморщилось еще больше, когда она посмотрела сквозь ветровое стекло.

Дэнни указал на местность перед нами:

— Знаешь, что здесь происходило?

Эдвард бросил взгляд на карту, лежащую на сиденье между мной и Дэнни.

— Клермон-Ферран. Ядерного удара по нему не наносили. Уж это я точно знаю. Слишком маленький город, чтобы стать мишенью — что ядерной, что биологической.

Дэнни взглянул на него, почесал седеющую бороду:

— Значит, ты полагаешь, что здесь безопасно?

Эдвард подумал, затем кивнул.

— Я лишь надеюсь, что мы здесь никого не встретим,— вставила Кат.

На неисправном грузовике мы станем легкой добычей для мародеров. Впрочем, все эти годы никто из них нам уже не попадался.

— Ладно, — решил Дэнни. — Пошли, Пьер. Взглянем, что там сломалось.

Я достал из шкафчика винтовку и выбрался следом за Дэнни из грузовика. Хотя солнце уже садилось, жара стояла яростная — впечатление было такое, словно мы вошли в промышленную печь. Мы прошли вдоль грузовика и остановились у подножия лесенки, приваренной к его боковой стенке. Дэнни осторожно открыл лючок и достал из ниши за ним коробку с инструментом и две пары перчаток. Одну пару он передал мне. Перекладины лесенки сожгли бы нам кожу на пальцах, если бы мы стали подниматься без перчаток.

Дэнни кивнул, я поднялся следом за ним по лесенке и прошел по крыше. Жар, исходящий от солнечных батарей и стальной облицовки грузовика, ударил меня раскаленным кулаком. Шагая за Дэнни, я осторожно выбирал дорогу, чтобы не коснуться голой ногой горячей стали.

Дэнни остановился, поднял крышку смотрового люка и передал ее мне. Следующие десять минут он копался внутри, проверяя по очереди все конденсаторы, ворча и ругаясь.

Я снял с плеча винтовку и обвел взглядом темнеющий город, гадая, каким он мог быть пятьдесят или шестьдесят лет назад, когда улицы и дома были полны людей, занимавшихся своими повседневными делами: до ядерных и биологических войн, до того, как правительства рухнули, пытаясь удержать мир на краю гибели.

Я услышал, как внизу открылся люк, и увидел, как из грузовика вышел Эдвард и, прихрамывая, зашагал по песку к ближайшему зданию. Он постоял перед ним, болезненный и изнуренный, глядя вверх на руины, потом вошел.

Я обвел взглядом горизонт, высматривая признаки жизни и понимая, что занятие это безнадежное. Я уже несколько месяцев не видел никаких живых существ, а других людей — вот уже три года. Но я все равно осматривал руины с надеждой и немного со страхом — потому что, если здесь все-таки сохранились люди, все шансы за то, что они окажутся нам враждебны.

— Пьер!

Я вздрогнул:

— Извини, я...

— Передай мне крышку.

Он взял у меня крышку и установил ее на место.

— Ну как, починил? — спросил я.

— На время. Не знаю, сколько еще он протянет. — Дэнни покачал головой. — Но нам еще повезло. Если бы поломка оказалась существенней...

Я кивнул, улыбаясь. Дэнни рассмеялся, пытаясь не относиться всерьез к собственной маленькой победе. Я спустился по лесенке на землю, а когда Дэнни вернулся в грузовик, чтобы успокоить Кат, тоже побрел по песку к разрушенным зданиям.

Эдвард к тому времени вошел в тень ближайших стен. Я прошел по его следам и прислонился к дверному проему, наблюдая за ним.

Он был норвежцем, и ему пришлось объяснять мне, что это значит, потому что теперь нации уже не существовали. До того как колония вымерла, он был врачом в Осло. Эдвард неторопливый и мудрый и такой же призрачно-бледный, как и все мы. Именно он научил меня читать и писать.

Он быстро постарел за те четыре года, что я его знаю. Движения стали более медленными, он сильно похудел, а когда я спросил, все ли с ним хорошо, он лишь улыбнулся и ответил, что для старика он в полном порядке. На вид ему немного меньше пятидесяти.

В комнате, куда мы вошли, было пусто, если не считать песка, клочков бумаги и скелета в дальнем углу. Кости уже развалились, а череп лежал на правой скуле. В полутьме казалось, будто пустые глазницы следят за нами.

— Эд, грузовик в порядке. Накрылся конденсатор, но Дэнни его починил.

Он повернулся и улыбнулся:

— Отлично. — Он выглядел рассеянным и погруженным в свои мысли.

— О чем ты думаешь?

Он показал на скелет:

— Я еще помню времена, когда я взял бы эти кости, Пьер. Можешь в такое поверить? В них еще имелись пи-

тательные вещества, понимаешь? Костный мозг. Их можно было отварить, получился бы суп. Жидкий, но все же питательный... — Он пожал плечами. — Теперь, конечно, от них толку нет. Все безнадежно высохло.

Он медленно опустился на колени, и я практически услышал, как скрипят его суставы. Эдвард протянул руку и взял обрывок бумаги. Подошел ко мне, потому что возле двери было светлее, и всмотрелся в кусок старой газеты.

— Боже правый, Пьер. Две тысячи сороковой год. Это сколько... пятьдесят лет назад. Смотри, заголовок о мирном договоре с Китаем. Много толку было от того договора!

Он рассказал мне о том, что происходило в Китае. Военные там устроили кровавый переворот, свергнув правительство, которое обвинили в том, что оно не делает всего возможного, чтобы накормить народ. А потом народ сверг хунту, поскольку военные оказались такими же бесполезными, как и правительство.

Вскоре после этого Китай вторгся в Индию, Европа пришла на помощь индийцам, и разразилась Третья мировая война. По словам Эдварда, она продолжалась пять дней. А потом мир уже никогда не был таким, как прежде.

Это стало началом конца, рассказал Эдвард. После войны надежды уже не осталось. То, что человечество начало войнами, планета завершила ускорившимся глобальным потеплением.

Он долго смотрел на обрывок газеты. Бумага крошилась в его скрюченных пальцах. Я взял его за руку:

— Пойдем, Эд. Поедим чего-нибудь.

Мы сидели в грузовике за складным столиком и ужинали шпинатом и картошкой, выращенными на гидропонике в трейлере, запивая их дневной порцией воды. Дэнни с энтузиазмом говорил о картах, которые нашел в Париже.

Улыбка Катрин была как у матери, наблюдающей за любимым ребенком. В свои шестьдесят она была седая, худая и напоминала скрученную проволочку. В ее серых глазах читалось нечто такое, что говорило о трагедии в прошлом или о знании будущего, и Дэнни любил ее с нежной, трогательной заботой.

Он ткнул пальцем в карту:

— Есть впадина, вот здесь, чуть севернее африканского побережья. Я уверен, что если мы пробурим достаточно глубоко...

— Да, свежая водичка нам не помешает,— заметил я.— Меня уже достало пить переработанную мочу.

Дэнни рассмеялся. Эдвард поднял стакан, рассмотрел мутноватую жидкость и причмокнул:

— Ну не знаю. Меня вполне устраивает. Хорошее тело чуть отдает горчичкой.

Я смотрел, как ест Кат — очень скупо. Она положила себе маленькую порцию, да и ту не доела. Мы еще не успели прикончить свою еду, как она встала из-за стола и, прихрамывая, направилась к койке, которую делила с Дэнни. Тот проводил ее взглядом и последовал за ней. Я взглянул на Эдварда, словно для объяснения, но его глаза не отрывались от тарелки.

После ужина я выбрался наружу, прихватив винтовку, и в лужице света от грузовика «принял ванну». Раздевшись, я уселся на песок и стал набирать горсти мельчайших песчинок и натирать ими тело. Грязь и пот постепенно сходили с кожи, оставался лишь тончайший слой песчаной пыли. Я копнул глубже, нарыл более прохладного песка и засыпал им живот и бедра.

Я подумал о Кат и решил, что у нее, наверное, все будет хорошо. Через несколько минут, как будто в подтверждение этой надежды, грузовик начал покачиваться, когда Дэнни и Кат занялись любовью. Я поймал себя на мысли о том, какой, наверное, Кат была привлекательной в прошлом. Но оборвал эти мысли в зародыше, встал и натянул шорты.

Я уже собрался было вернуться, когда открылась боковая дверь и из нее выглянул Эдвард:

— Пьер, ты где?

Он вышел из грузовика и медленно сел на песок рядом со мной.

Какое-то время мы молчали, глядя на ночное небо. Высоко над далеким горизонтом начались магнитные бури, расцвечивая небо полотнищами белого огня.

— Кат в порядке? — спросил я в конце концов.

Он бросил на меня взгляд:

— Она больна, Пьер. Мы все больны.

— Но Кат...

— У нее рак. — Он вздохнул. — И я не знаю, на какой стадии. Я ничем не могу ей помочь, разве что давать какое-нибудь болеутоляющее. Да и оно у меня уже на исходе. — Помолчал, добавил: — Мне очень жаль.

— И сколько ей осталось?

Он покачал головой:

— Может, год. Если повезет, то два.

Я кивнул, уставясь на едва различимые в темноте здания. Мне хотелось что-то сказать, но ничего в голову не приходило. И я сменил тему:

— Как думаешь, Дэнни прав насчет той донной впадины?

Эдвард пожал плечами:

— Честно не знаю. — Он помолчал. — Я помню, как на том месте было море, Пьер. И великолепные города. Туда съезжались богачи.

Я уже не впервые пытался вообразить огромный объем воды, описанный Эдвардом. Воды, заполняющей пространства размером с пустыню, и как она перекатывается волнами... Я тряхнул головой. Потому что смог представить лишь пустыню цвета питьевой воды, плоскую и неподвижную.

Эд посмотрел на небо, когда его разорвала белая вспышка. В свое время он объяснил, почему, несмотря на бушующие грозы, никогда не выпадает дождь: если немного дождя и проливается, то капельки испаряются в перегретых нижних слоях атмосферы, не успев долететь до земли. Теперь я думал о грозе как о дразнилке, манящей ложными обещаниями.

Я обвел взглядом здания:

— Как думаешь, мы сможем это восстановить? В смысле, сделать все так, как было прежде?

Эдвард улыбнулся:

— Мне нравится думать, что со временем, упорно трудясь... Я оптимист, как и Дэнни, и действительно считаю, что люди по сути своей хороши. Можешь назвать меня

дураком, если хочешь, но я думаю так. Поэтому... если мы будем держаться вместе и при условии, что людей осталось достаточно, чтобы когда-нибудь восстановить нашу численность... тогда, пожалуй, надежда останется.

— И вернемся к временам, когда все было... цивилизованно?

— А это уже большой вопрос, Пьер. Мы столько утратили, так много знаний и культуры. Так много человеческого опыта. Так много из того, что мы знали, что узнали за столетия научных исследований и постижения природы... все это пропало и может никогда не быть открыто заново. А если и может, то на это уйдут века... даже при условии, что планета не слишком загублена и что человечество сможет исправиться... — Он рассмеялся. — А под исправлением я имею в виду не только буквальный смысл этого слова.

Я подумал над его словами, потом сказал:

— Но раз больше нет океанов, нет морей...

Он улыбнулся:

— Я живу надеждой, Пьер. Могли остаться маленькие моря, подземные запасы. Я слышал, что все еще есть небольшие моря там, где был Тихий океан...

— А мы не могли бы?..

Он улыбался.

— Что? — спросил я.

— До Тихого океана половина планеты, Пьер. Эта тарахтелка еще может довезти нас до Средиземного моря, если повезет. Но не до Тихого океана.

Я задумался: насколько велики бесплодные пространства Земли — и как мало я об этом знаю. Наконец я сказал:

— Если мы последние... в смысле, я уже несколько лет не видел других людей...

— Мы не одиноки, Пьер. Есть и другие небольшие группы. Должны быть. — Он помолчал. — И в любом случае, даже если жизнь на Земле обречена...

— То что? — поторопил я его с ответом.

— Ну... запасным вариантом всегда останется проект «Феникс».

Он уже рассказывал мне о проекте «Феникс», последней надежде. Сорок лет назад, когда правительства осоз-

нали, что дела паршивы и становятся только хуже, они объединили ресурсы и построили космический корабль, отправив к звездам пять тысяч человек.

На востоке, где небо было темнее, я разглядел несколько тусклых мерцающих точек далеких звезд. Подумал о звездолете, который все еще летит или уже долетел и высадил людей на новой планете, похожей на Землю.

— Как ты думаешь, что сейчас происходит на звездолете? — спросил я.

— Хочется думать, что они сидят там сейчас, наслаждаются райской жизнью и вспоминают, что оставили на Земле...

Он вдруг смолк, посмотрел на ночное небо, затем приставил ладонь ко лбу, заслоняя глаза от сияния магнитной бури.

— Боже праведный, Пьер.

Он встал, я тоже. Сердце у меня колотилось.

— Что случилось?

Потом, осматривая небо, я тоже его услышал — слабое гудение далекого двигателя.

Эдвард показал, и я наконец увидел то, что заметил он.

Высоко в небе я разглядел маленький самолет, направляющийся в нашу сторону.

Я схватил прислоненную к грузовику винтовку и позвал Дэнни и Кат.

— Он в беде, — заметил Эдвард.

Двигатель стал работать с перебоями, когда самолет резко накренился над отдаленными зданиями, вырисовываясь темным силуэтом на фоне пылающей магнитной бури. Затем он промчался над нами и сел в пустыне, метрах в пятистах от грузовика.

К этому моменту Дэнни и Кат уже вышли.

— Что тут у вас?

Эдвард рассказал.

— Схожу проверю, что там, — сказал я.

Эдвард схватил меня за руку:

— Это не совпадение. Самолеты не падают с неба так близко и просто так. Они знали, что мы здесь. Им что-то от нас нужно.

Все посмотрели на Дэнни. Тот кивнул:

— Хорошо, я пойду с тобой. Эдвард, Кат, оставайтесь здесь.

Кат кивнула и направилась к Эдварду. Дэнни вошел в грузовик и вернулся с винтовкой. И мы направились через пески к тому месту, где приземлился самолет.

— Господи! — Я едва не подпрыгивал от возбуждения. — Интересно, кто это?

— Кто бы они ни были, — заметил Дэнни, взглянув на меня, — они могут быть опасны. — И он поудобнее перехватил винтовку.

Я видел, что его больше интересует самолет и что можно из него позаимствовать, чем те, кто может оказаться в его кабине.

В моей же голове царил полный сумбур. А что, если пилотом окажется женщина? Я вспомнил фотографии моделей из журналов, собранных за несколько лет, их безукоризненную красоту и надменные взгляды — мол, ты недостаточно хорош для меня.

Мое сердце уже гулко билось в груди к тому времени, когда мы поднялись на вершину осыпающейся дюны.

В мерцающем белом свете магнитной бури было видно, что самолет уткнулся носом в песок. Его ближнее крыло сломалось, превратившись в обломки.

Мне подумалось, что каким разочарованием будет найти в кабине прекрасную женщину... мертвую.

Я шагнул вперед.

— Помни — осторожно, — напомнил Дэнни.

Я кивнул и пошел первым.

Мы приближались медленно, как будто покалеченный самолет был раненым животным.

— Это планер, — определил Дэнни, — только к нему приделали старую турбину.

Я взял винтовку на изготовку, когда мы подошли к кабине с разбитым стеклом.

— О-о...— произнес я, разглядев фигуру, обмякшую в пилотском кресле.

Это оказался мужчина — старый, морщинистый, худой, лысый и вонючий. Даже с двух метров он вонял так, что у меня перехватило дыхание.

Дэнни нажал прикладом на защелку фонаря кабины. Потом сдвинул фонарь, проверил, есть ли у пилота оружие, нащупал у него пульс.

— Живой, — бросил он, но глаза его уже шарили по самолету и по припасам, которыми была набита кабина.

Я протянул руку и осторожно подтолкнул пилота на спинку кресла. Голова его свесилась. Тогда я стал высматривать, ранен ли он. Торс вроде бы не пострадал, но левая нога оказалась сломана в лодыжке и кровоточила.

Дэнни задумался. Я предположил, что он подсчитывает, стоят ли самолет и находящиеся в нем припасы того, чтобы надолго посадить нам на шею этого нахлебника.

— Ладно, возвращайся к грузовику, и пусть Кат пригонит его сюда. А Эду скажи, чтобы приготовил инструменты.

Я побежал к грузовику.

Через пять минут Кат остановила его возле самолета. Эдвард добрел до самолета и забрался в кабину. Осмотрев пилота, он что-то сделал с ногой, перевязал сломанную конечность и кивнул мне и Дэнни. Мы вытащили пилота, пытаясь не обращать внимания на тошнотворную вонь, и отнесли его в грузовик.

По дороге я понял, что пилот не так уж и стар, как мне сперва показалось. Наверное, чуть за сорок, хотя крайнее истощение и лысая голова сильно его старили. На нем были только потрепанные шорты и драная футболка — и все.

Мы уложили его в прихожей, и Эдвард занялся его ногой. Кат ему помогала. Дэнни достал набор инструментов, и часа за два работы мы разобрали планер и уложили его в грузовой отсек. Потом отнесли на кухню припасы, упакованные в три серебристые сумки.

— Вода, — ухмыльнулся Дэнни, передавая мне канистры. — И... подумать только — вяленое мясо!

— И где он взял мясо, черт его побери? — удивился я.

— Выясним, если выживет.

Я искоса взглянул на Дэнни:

— Надеешься, что он умрет?

Он взвесил варианты:

— Если помрет, одним ртом станет меньше... А если выживет, его знания могут оказаться ценными. Выбирай, что тебе больше нравится.

Было уже совсем поздно, когда мы вернулись в грузовик. Пилот все еще не пришел в сознание и лежал с перебинтованной ногой.

— Сломана в двух местах, — сообщил Эдвард. — Но он выкарабкается. Я посижу тут с ним. А вы идите спать.

Лежа в койке, я смотрел через полог на пылающее ночное небо и никак не мог заснуть — настолько меня взволновала перспектива поговорить с пилотом.

Проснулся я от покачивания грузовика. Пустыня за окнами пылала под солнцем. Я натянул шорты и, пошатываясь, выбрался в прихожую. За рулем, наверное, была Кат, поскольку Дэнни сидел в кресле, подавшись вперед и глядя на пилота.

— Вы и представить не можете, как я благодарен... — сказал инвалид по-английски с сильным акцентом, мелкими глотками потягивая воду из мерного стакана — половину дневной нормы, как я заметил. Он показал стаканом на сломанную ногу. — Вы могли и бросить меня там...

— Мы решили, что это будет честный обмен, — настороженно ответил Дэнни. — Обломки твоего самолета, припасы. Мы будем тебя кормить и лечить. Но тебе придется работать, если хочешь быть одним из команды.

Эдвард сидел на потертой кушетке у дальней стены.

— Что ты умеешь делать? — спросил он.

Мужчина неловко улыбнулся тонкими губами:

— Всего понемногу. Умею с инструментом обращаться, что-то собрать и разобрать. Несколько лет назад работал с солнечными панелями.

— Как тебя зовут? — спросил я.

Он посмотрел на меня, и мне не понравилось выражение его глаз. Враждебное.

— А тебя как?

— Пьер, — сказал я, ответив таким же взглядом.

Он кивнул и улыбнулся чуть шире:

— Зовите меня Череп.

Имя явно было не то, каким его назвали при рождении, но если учесть его обтянутую кожей голову и иссохшее лицо, то вполне подходящее. Череп.

— У тебя в планере было мясо. Где ты его взял? — спросил Дэнни.

— Там, на юге. Там еще попадается кое-какая дичь. Я ее сам подстрелил.

— На юге? — Дэнни выпрямился с надеждой в глазах. — Там есть вода? Море?

Череп секунду-другую смотрел на Дэнни, затем покачал головой:

— Нет там никакого моря. Все почти мертвое.

— Откуда же ты тогда прилетел? — поинтересовался Эдвард. — С такими припасами, на самолете. Думаю, там где-то есть колония.

Мне не понравилось, как Череп делал паузу после каждого вопроса, словно прикидывая, как правильно ответить.

— Я был среди неудачников, застрявших в бывшем Алжире. Условия были паршивые. Единственная надежда — уйти оттуда, перебраться на север. Но они не хотели так рисковать.

— И тогда ты украл припасы и самолет и смылся, — договорил за него Дэнни.

Опять эта пауза. Пожатие плечами.

— Нынче приходится самому о себе заботиться.

Я подумал о гибнущей колонии в Алжире — вот и подтверждение, что есть и другие выжившие.

— Тебе чертовски повезло, что ты нас заметил, — сказал Дэнни.

Череп шевельнул было губами, как будто хотел возразить, потом спросил:

— Куда вы направляетесь?

— К Средиземноморью, — ответил Дэнни и выжидательно замолчал.

Незнакомец явно умел не демонстрировать свои реакции, как будто, сделав это, он выдаст какой-то секрет. И я задумался над тем, с какими людьми он жил, раз ему пришлось научиться так скрывать свои эмоции, все время быть настороженным и недоверчивым. Наконец он спросил:

— Вы ведь шутите, да?

Дэнни покачал головой и серьезно ответил:

— Мы пересекли Европу, сам не помню уже, сколько раз, бурили скважины в поисках воды. Я так понял, что здесь все окончательно пересохло. Вот я и прикинул, что на дне Средиземного моря или там, где оно было, больше шансов найти воду.

— Соленую воду, морскую. Ее пить нельзя.

— Ну и что? — улыбнулся Дэнни. — Если причина только в этом, то у меня есть опреснитель.

— Но ехать на юг... к морю? — Череп покачал головой. — Знаете что? Вы сумасшедшие. Вы слыхали, какие там бродят подонки? Дикие банды. Да они убьют вас ради того, что у вас есть, тут и думать нечего.

Дэнни пожал плечами.

— Мы сумеем постоять за себя, — ответил он, и от уверенности в его голосе я даже загордился.

Череп облизнул губы:

— Безумцы.

— Что ж, если не хочешь ехать с нами, мы всегда можем оставить тебя здесь, — заметил Эдвард.

Череп откинул голову и уставился в потолок.

— Уж лучше я рискну и поеду с вами, — буркнул он.

На следующий день пустыня сменилась голыми холмами, а те вскоре превратились в горы. Я сидел с Дэнни в кабине, когда мы ехали по остаткам бывшего шоссе, что ныне было не лучше выщербленной грунтовки. Судя по карте, мы перебирались через горный хребет под названием Севенны. По бокам виднелись останки бывших лесов — низкорослые стволы усеивали склоны наподобие обтесанных колышков, мертвых, как и все остальное.

Мы никогда еще не забирались так далеко на юг, и такого яркого солнца я еще не видел. С высоты нам открылся отличный вид на равнины к югу — наносы золотистого песка, тянущиеся до тех мест, где когда-то было Средиземное море.

Солнце уже садилось, когда я спросил:

— Что там Череп говорил насчет бандитов?

— Такие же, как он, — фыркнул Дэнни. — Ублюдки, что сбегают из колонии, украв припасы... Все они трусы. И вообще, он соврал.

Я взглянул на Дэнни:

— Соврал?

— В Алжире нет никакой колонии. Я слышал, все там вымерли уже давно, лет двадцать назад или больше.

— Но откуда-то он все-таки же сбежал?

— Да, но не из Алжира. Он не захотел говорить, откуда прилетел.

— Почему? Что он скрывает?

— Со временем узнаем, Пьер, уж поверь.

Следующий час он сосредоточился на вождении, пока мы спускались по извилистому выщербленному шоссе, оставив горы позади. Когда стемнело, Дэнни остановил грузовик. После гудения мотора наступившая тишина показалась оглушительной.

Мы вышли из кабины и перебрались в прихожую.

Вчера вечером Дэнни выделил Черепу маленькую койку в заднем конце грузовика, туда же ему носили и еду. Это меня порадовало — не мне одному хотелось, чтобы присутствие Черепа не портило нам настроение за едой.

— Сегодня в меню мясо, — объявил Эдвард.

Он принес исходящую паром кастрюлю и поставил ее перед нами.

Он разлил бульон по тарелкам, и от этого запаха у меня закружилась голова. На секунду я почти обрадовался появлению таинственного незнакомца.

— Ты как себя чувствуешь, Кат? — спросил я.

Она улыбнулась в ответ. Мне понравилось, как она черпала ложкой бульон, — похоже, она искренне наслаждалась ужином. Я взглянул на Эдварда. Тот жевал с закрытыми глазами, как будто смаковал не только мясо, но и воспоминания, которые разбудил его вкус.

После ужина у меня впервые за много месяцев осталось ощущение, что я наелся.

Потом я вышел, желая побыть наедине со своими мыслями. Выйдя из грузовика, я выкопал ямку в прохладном песке и улегся в ней.

Ночь стояла тихая, а небо было необычно спокойным. Сегодня небеса не раздирали магнитные бури, зато воздух был тяжелым, горячим и душным. Я медленно дышал, наслаждаясь прохладным песком, и размышлял о путешествии на юг.

Какой-то звук заставил меня вздрогнуть. Я решил было, что ко мне захотел присоединиться Эдвард. Но ко мне ковыляла скелетообразная фигура, опираясь на костыли, смастеренные из обломков планера.

Череп опустился на песок рядом со мной и кивнул:

— Здесь прохладнее.

В рассеянном свете, льющемся из окон грузовика, его лицо стало еще больше напоминать череп. Я стал дышать неглубоко, не желая вдыхать исходящий от него кислый запах.

— Поэтому я здесь и сижу, — согласился я.

— Может быть, хоть ты прислушаешься к здравому смыслу, Пьер, — сказал он, помолчав. — Я пытался говорить с остальными. Они слишком старые и упрямые, их не переубедить.

— Они мои друзья. Моя семья. Мы все делаем вместе.

Я искоса взглянул на него. В его хитрых глазах читался расчет.

— Послушай меня, Пьер. Ты ведь не дурак. Если мы едем на юг, к морю...

— Да?

Пауза. Он облизнул губы:

— Там есть опасности, с какими вы не сталкивались в Европе.

— Ты уже говорил. Дикие банды...

— Хуже!

— Хуже, чем дикие банды?

— Намного хуже. «Дикий» — значит «животный». С животными можно справиться, перехитрить их. А эти люди... они не дураки. Они злобные и расчетливые. — Я на секунду задумался: уж не себя ли он описывает? — Видел ты когда-нибудь, на что способны люди, когда им нечего терять?

Я вспомнил руины Парижа до того, как город поглотила пустыня. Подумал о людях, с которыми жил, и почему я от них ушел. И едва не ответил ему: «Да, я был рядом

с отчаявшимися людьми и выжил». Но промолчал, не желая делиться с Черепом тем, о чем никогда и никому не рассказывал, даже Дэнни, Кат или Эдварду.

— Как сказал Дэнни, — негромко произнес я, не глядя на него, — мы можем за себя постоять.

Череп зло плюнул:

— Тогда вы точно все дураки!

Я вспомнил, что вчера вечером сказал Дэнни, и прервал молчание вопросом:

— Чем ты так напуган, Череп? От чего ты убегаешь?

Он взглянул на меня, ухмыльнулся:

— Нет... ты не дурак, верно.

— Ну?

Я и не ожидал, что он ответит, поэтому удивился, когда он сказал:

— От людей настолько злобных, с такими гнилыми душами, что ты и представить не можешь, Пьер.

И замолчал, как будто подзуживал меня спросить еще.

Я управлял грузовиком на следующий день, когда мы подъехали к эскарпу, возникшему на краю бывшего Средиземного моря.

— Хотите на такое взглянуть? — спросил Дэнни.

Кат и Эдвард протиснулись в кабину.

Земля перед нами резко уходила вниз, внезапно превращаясь в огромный плоский кратер, настолько большой, что взгляд не мог охватить его целиком. Высохшее морское дно покрывали трещины и разломы, и цвет у него был такой же серо-стальной, как на виденных когда-то фотографиях лунной поверхности. Горизонт расплывался и дрожал, искаженный маревом.

Я взглянул на Дэнни. Он смотрел вперед, утратив дар речи. Я понял, что перед ним сейчас та цель, которой он решил достичь месяцы назад, когда к нему пришла идея путешествия на юг.

— Проедем еще часа четыре или пять, потом остановимся на ночь, — решил он. — За ужином посидим над картой и решим, куда ехать дальше.

Эдвард и Кат вернулись в прихожую. Меня порадовало, что Череп не заявился в кабину.

Я вытер пот с лица. В кабине была духота — термометр показывал почти тридцать пять градусов. Рядом с ним располагалась шкала наружного термометра: пятьдесят пять. При такой температуре человек умрет меньше чем за час.

Дэнни сел за руль и повел грузовик параллельно эскарпу, высматривая подходящий спуск к бывшему морю. Километров через пять мы доехали до участка берега, который понижался более-менее плавно, и Дэнни осторожно перевалил через его край, двигаясь со скоростью улитки. Под колесами захрустела выжженная почва, рассыпаясь мелкой, как цемент, пылью. Грузовик стало покачивать на кочках, и Дэнни притормозил, замедляя спуск.

Наконец бывшее морское дно стало плоским, и мы прибавили скорость. Встречный ветер сдувал пыль за спину. Перед нами распростерлась огромная равнина, изборожденная трещинами и усеянная предметами, которые я поначалу не мог распознать. Когда мы подъехали ближе, я понял, что это ржавые остовы кораблей, торчащие под разными углами из морского дна. Мы проехали в тени одного из них, огромного лайнера, красного от ржавчины. Его обшивка проржавела до дыр, но изящные линии уцелевших надстроек все еще свидетельствовали о гордом прошлом. Мне оказалось трудно вообразить, что такой большой корабль действительно мог плавать — казалось, это противоречит законам физики.

Дэнни показал, и под высоченным бортом корабля я разглядел кучку белых палок, похожих на выбеленное солнцем дерево. Мы приблизились, и я увидел, что это кости. Округлые глазницы контрастировали с геометрической точностью бедренных и берцовых костей: черепа.

Я покачал головой:

— Не понимаю...

— Думаю, на корабле когда-то давно была колония, — предположил Дэнни. — Когда они умирали один за другим, еще живые выбрасывали тела за борт.

— Как думаешь, кто-нибудь из них выжил? — спросил я, зная ответ еще до того, как Дэнни покачал головой.

— Это было, пожалуй, лет тридцать назад. Когда засуха становилась все сильнее, а нации рухнули. Образовы-

вались племена, власть законов кончилась. Каждый стал сам за себя. Колонии возникали на кораблях, пока океаны еще существовали, — чтобы убраться подальше от войн на суше.

Я покачал головой, представив, какие ужасы творились в корабельных колониях в их последние, исполненные отчаяния дни.

Мы поехали дальше, на юг.

Часа через два справа поднялись пять пирамид. Они возвышались над высохшим дном на сотни метров, а их игольчатые пики четко выделялись на фоне неба, светлого, как алюминий.

Дэнни взглянул на карту:

— Это бывшие Балеарские острова, часть старой Испании.

— И люди жили на такой высоте? — недоверчиво спросил я.

Он улыбнулся:

— Это были небольшие участки суши, окруженные морем, Пьер. Острова.

Я покачал головой, с трудом представляя такую конфигурацию суши и моря. На вершине ближайшего пика я разглядел прямоугольные очертания уцелевших зданий и рухнувшие стены других.

Вскоре острова остались позади.

Через три часа алое солнце коснулось горизонта справа от нас. Впереди, над Африкой, сгустились индиговые сумерки, не тронутые магнитными бурями.

— Ужин через десять минут! — крикнула нам Кат.

Дэнни остановил грузовик, и мы присоединились к остальным. Он развернул карту и показал, где мы находимся.

Кат дала нам по тарелке жареной картошки с зеленью — мясо решили экономить. Она уже понесла тарелку нашему пассажиру, когда Череп выбрался из койки и похромал к столу.

— Не возражаете, если я к вам сегодня присоединюсь? Там, сзади, мне стало ужасно одиноко.

Я молча занялся едой. Эдвард показал на стул, и Череп плюхнулся на него, поморщившись.

Дэнни ткнул пальцем в карту:

— Итак, вот где мы сейчас, в сотне километров севернее бывшего побережья Африки, как раз напротив места, называвшегося Танжер.

Череп перестал жевать и с тревогой взглянул на Дэнни:

— Дайте-ка взглянуть...

Он подался вперед и уставился на карту. Потом обвел нас взглядом:

— Ох, не нравится мне это.

Я глотнул воды, ощущая свой пульс и банную жару внутри грузовика.

Дэнни кивнул, обдумал его слова:

— И почему?

— Я уже говорил, тут бродят дикие банды. И с ними нам лучше не встречаться.

— Конкретно тут, Череп? — уточнил Дэнни. — И отчего это вдруг ты в этом так уверен?

Череп жевал, стараясь не смотреть на Дэнни. Потом ответил:

— Ну, я слышал разные истории, слухи...

Дэнни аккуратно положил нож и вилку, и это противоречило гневу на его лице:

— Чушь собачья. Давай выкладывай, что ты об этом знаешь, черт побери!

Глаза Черепа заметались, встречаясь с нашими пристальными взглядами. Он стал похож на загнанную в угол крысу.

— Ты заявился не из Алжира, — спокойно произнес Эдвард. — Так откуда ты взялся?

Молчание затянулось. Череп пошевелил языком, высвобождая застрявшее между зубами волоконце.

— Ладно, ладно... Я ездил с кое-какими людьми. Только людьми их не назовешь. Скорее животные, чудовища. Их около дюжины. У них есть машина — набор солнечных батарей, кое-как приляпанных к старому мотору... Короче, они тоже направлялись в сторону Танжера.

Дэнни кивнул:

— Зачем?

Череп пожал плечами:

— Они не говорили. Пригласили меня остаться на время. Сказали, что им нужна помощь инженера. Вот я и ехал с ними несколько дней... примерно неделю.

— И почему ты от них сбежал? — спросил я.

— Потому что догадался, что скоро, как только помогу им наладить батареи, я переживу свою полезность и они меня убьют, чтобы не тратить на меня еду и воду. Потому что им так проще.

Он обвел нас взглядом, потом торопливо доел, с трудом встал и заковылял к себе на койку.

— Ну, что думаете? — спросил Дэнни. — Он правду сказал?

Эдвард озвучил мои мысли:

— Я бы ему и на дальность плевка не стал доверять. А это для меня нынче совсем недалеко.

— Мы уже натыкались на разные банды, — добавил я. — Нам нужно лишь быть осторожными, вот и все.

— Согласна, — кивнула Кат.

— Но вот что мне хотелось бы знать, — проговорил Эдвард. — Что такого важного есть в Танжере, раз туда направляется эта банда?

Я сидел в кабине с Эдвардом на следующий день, когда мы увидели ховер — машину на воздушной подушке.

День клонился к вечеру, и до впадины, куда мы направлялись, оставалось еще километров сто на юг. Насколько видел глаз, во все стороны простиралось ставшее пустыней морское дно, плоское и унылое.

Я клевал носом из-за жары, когда Эдвард сбросил скорость. Я выпрямился и посмотрел на него. Эдвард молча повернул голову в нужную сторону.

Я посмотрел туда. Далеко впереди, искаженную маревом безжалостной дневной жары, я увидел куполообразную машину, целиком накрытую разномастными панелями солнечных батарей. С такого расстояния она смотрелась как жук, инкрустированный алмазами.

Машина стояла на месте. Я предположил, что те, кто внутри, заметили нас, насторожились и остановились.

Эдвард тоже остановил грузовик и позвал Дэнни. Через несколько секунд Дэнни и Кат пробрались в кабину и втиснулись между нами.

— Что думаете? — спросил я.

— Большая штуковина, — пробормотал Дэнни. — И батареи тоже впечатляют. Конечно, не все они могут быть в рабочем состоянии. — Он прищурился. — Что-то я не вижу ничего похожего на буровую. Хотел бы я знать, как они добывают воду.

— Что будешь делать? — спросила Кат.

— Принеси винтовки, Пьер. Эд, поезжай вперед, только медленно.

Я выскочил из кабины и помчался в прихожую. Там я открыл шкафчик, где мы хранили винтовки, и достал четыре — каждому из нас. Отнес оружие в кабину и раздал его, пока грузовик полз вперед.

Сидящие в другой машине поступили так же, осторожно двигаясь навстречу нам. Мы поехали медленнее, другая машина тоже. Наверное, со стороны мы походили на двух настороженных крабов, пытающихся решить, то ли им сейчас спариваться, то ли драться.

— Это ховер, — сказала Кат. Несмотря на возраст, зрение у нее осталось острым.

Лишь сейчас, когда нас разделяло около полукилометра, я разглядел под солнечными панелями кольцевую округлую «юбку». Дэнни прикинул и сказал, что машина у незнакомцев большая, размером примерно в половину нашего грузовика.

— Хватит, — сказал Дэнни Эдварду. — Остановись здесь.

Грузовик замер. Мотор Эдвард не выключал.

Ховер тоже остановился, подражая нам в осторожности.

Сердце у меня колотилось, и я потел больше, чем обычно. Винтовку я прижал к груди. Тянулись минуты. Снаружи ничто не менялось и не двигалось. Я представил, как незнакомцы в ховере гадают, подобно нам, что мы для них представляем — опасность или возможность.

— И что теперь? — спросил я Дэнни почему-то шепотом.

— Будем ждать. Пусть они сделают первый ход.

Сейчас я впервые более чем за три года видел работающую машину, но не нашу — физическое доказательство, что выжил кто-то еще.

— Что там такое? — спросила Кат.

На одном из бортов машины что-то зашевелилось. Распахнулся большой люк, из него вышли люди. Я насчитал пять фигур, крошечных на таком расстоянии. Они замерли в тени машины, глядя на нас.

Проходили минуты. Они не стали приближаться.

— Похоже, они вооружены, — заметил Эдвард. — Что будем делать?

Дэнни облизнул губы:

— Они сделали первый ход. Наверное, нам нужно сделать ответный.

— Я пойду, — сказал я.

— Но не один, — заявила Кат, опустив руку мне на плечо.

Дэнни кивнул:

— Я пойду с тобой. Прикройте нас, — сказал он Эдварду и Кат. — Если они на что-то решатся, то сперва стреляйте, а потом задавайте вопросы, хорошо?

Кат кивнула и сунула ствол винтовки в бойницу, прорезанную в раме ветрового стекла. Эдвард пристроился рядом.

Мы с Дэнни вышли из кабины и торопливо миновали прихожую, захватив по пути шляпы от солнца. Дэнни разблокировал дверь, и мы оказались в умопомрачительной жаре. Я аж замер, сделав первый вдох перегретого воздуха, благодарный за тень от полей шляпы. Сегодня я впервые за несколько месяцев выбрался из грузовика в дневную жару, и у меня тут же закружилась голова.

Я ожидал, что грунт здесь будет как в пустыне — глубокий песок, в котором вязнут ноги. Но он оказался твердым, пропеченным досуха. Мы постояли у грузовика, разглядывая пять стоящих в ряд фигур.

— Ну ладно... — решился Дэнни.

Мы медленно двинулись вперед, опустив стволы винтовок на согнутые руки. В группе впереди началось какое-

то движение. Одна из фигур нырнула обратно в люк и вернулась с чем-то. Сперва я предположил, что это какое-то оружие. Очевидно, Дэнни тоже так подумал, потому что вытянул руку и остановил меня.

Пока мы смотрели, четыре фигуры соорудили над пятой какую-то конструкцию, нечто вроде навеса от солнца. И лишь когда навес был полностью собран, а центральная фигура оказалась в тени, вся процессия двинулась вперед.

— Господи, — пробормотал я. Сейчас нас разделяло около сотни метров, и я разглядел, что фигура в центре — женщина.

Она была высокая и величавая, как модель из старого журнала. Руки и ноги у нее были обнажены, на ней были лишь шорты и обтягивающая рубашка, подчеркивающая объемистую грудь. Когда мы сблизились до десяти метров, я увидел, что лицо у нее вытянутое и суровое, линия рта жесткая, а нос крючковатый. Но смотрел я не на ее лицо.

Внутри меня что-то проснулось — такое же мощное вожделение, какое я испытывал, разглядывая давно умерших моделей в журналах.

— Вы говорите по-английски? По-французски? — спросил Дэнни.

— Я говорю по-английски, — ответила женщина с акцентом, который я не смог определить. На мой неопытный взгляд, она была откуда-то с Ближнего Востока.

Ее приспешники выглядели жалко — голодные и истощенные, а у двоих были уродливые меланомы, масками покрывавшие их лица.

— Мы с севера, — сообщил Дэнни.

— А я из бывшего Египта. — Женщина наклонила голову. — Меня зовут Самара.

— Я Дэнни. Он Пьер.

Я взглянул на ховер и увидел ствол винтовки, нацеленный на нас из приоткрытой отдушины. Я подтолкнул Дэнни, тот еле заметно кивнул и чуть слышно ответил:

— Я заметил.

— Вы торгуете? — спросила женщина.

— Зависит от того, что вы хотите.

Самара вновь наклонила голову:

— У вас есть вода?

Кажется, Дэнни чуть расслабился. В этом противостоянии у нас возникло преимущество.

— Что у вас есть в обмен? — спросил он.

Женщина облизнула губы. Мне этот жест показался чувственным. Я пялился на ее тело, на изгиб торса от груди до бедер.

— Солнечные панели.

Я ощутил интерес Дэнни.

— В рабочем состоянии?

— Конечно. Можете их проверить до обмена.

— И сколько у вас есть на обмен?

Она показала на панель на боку ховера:

— Четыре такие же.

Дэнни что-то мысленно подсчитал:

— Я дам за них... четыре литра воды.

— Десять.

— Шесть, — парировал Дэнни с поразительной решительностью, — или сделки не будет.

Я смотрел на женщину. Вода ей требовалась больше, чем нам — панели. Я увидел, как она оценивающе разглядывает меня, и внезапно ощутил себя странно уязвимым.

Она кивнула и что-то быстро сказала своим охранникам на незнакомом мне языке. Двое направились обратно к ховеру, двое оставшихся держали навес.

Ее царственная поза под навесом и то, как быстро повиновались ее приспешники, напомнили мне увиденное в журнале изображение древнеегипетской царицы.

Большие темные глаза Самары вновь обратились на меня. Она улыбнулась. Я покраснел и отвел взгляд.

Ее люди вернулись с панелями, положили их на песок и отошли назад. Самара приглашающе махнула рукой, и Дэнни пошел осматривать панели. Я его прикрывал.

Через несколько минут он обернулся ко мне и кивнул.

— С виду они в порядке, — сказал он женщине. — Мы их берем.

— Я велю положить их между нашими машинами. Когда вы принесете воду, встретимся на полпути.

Дэнни кивнул, встал и присоединился ко мне.

— Чем вы занимаетесь, чтобы добыть воду? — спросил он Самару.

Та помедлила с ответом:

— Километрах в двухстах к востоку отсюда, если ехать вдоль бывшего побережья, есть поселение. У них есть буровая установка, и они пробурили глубокую скважину. Мы торгуем с ними время от времени. А вы?

— А мы торгуем с колонией в бывшей Испании, — ответил Дэнни.

Женщина кивнула. Хотел бы я знать, распознала ли она ложь в словах Дэнни.

— Сколько вас в грузовике? — спросила она.

— Пятеро. — Дэнни кивнул на ховер. — А вас?

— Шестеро.

— Мы принесем воду, — сказал Дэнни.

Мы развернулись и медленно пошли обратно к грузовику. Меня тревожило, что я сейчас представляю легкую мишень, но я знал, что страх этот беспричинный. В конце концов, им нужна вода, и они ничего не получат, если застрелят нас.

— Ты слышал? — спросил Дэнни. — У кого-то на востоке есть глубокая скважина. Значит, вода там все-таки есть.

Он отпер замок лючка на боку грузовика, за которым мы хранили воду. Мы достали из хранилища две пластиковые канистры и понесли их туда, где лакеи Самары оставили панели. Она стояла возле блестящих прямоугольников и наблюдала за нами. Мы поставили канистры.

Она бросила какую-то команду одному из своих людей. Тот открыл канистру и налил около чайной ложки на ладонь. Попробовал воду потрескавшимися губами, через секунду кивнул Самаре и сказал что-то на их языке.

Я не мог оторвать глаз от женщины. Ее длинные смуглые ноги были обнажены, а в вороте ее выцветшей блузки я мог видеть ложбинку между грудями. Она заметила, как я на нее смотрю, и уставилась на меня с непроницаемым лицом. Я поспешно отвернулся.

— Куда вы направляетесь? — спросила она.

— На юг, — махнул рукой Дэнни.

Она, похоже, удивилась:

— К Танжеру?

— Да, в этом направлении.

Она что-то подсчитала:

— Тогда нам следует ехать вместе. В этих местах есть бандиты. Вместе мы будем сильнее.

Дэнни взглянул на меня, а я поймал себя на том, что киваю.

— Хорошо, поедем вместе. Остановимся на закате, выезжаем на рассвете.

Она улыбнулась:

— Значит, в Танжер.

Она что-то сказала своим людям, двое взяли канистры. Самара развернулась и пошла к ховеру. Двое других шли по бокам и несли навес от солнца.

Я смотрел ей вслед. Дэнни рассмеялся и сказал:

— Втяни язык и помоги с панелями.

Мы отволокли панели по морскому дну и сложили их в грузовик.

Мы вошли в прихожую и застали ссору в самом разгаре. Череп стоял в одном конце комнаты, Кат и Эдвард в другом. Лицо Черепа стало мертвенно-бледным от гнева, губы перекошены, глаза обвинительно распахнуты.

— Вы ей сказали! — орал он, когда мы вошли. — Вы с ней связались и рассказали, что я здесь!

Я взглянул на Эдварда.

— Он прямо-таки взлетел с койки и теперь выкрикивает всякие идиотские обвинения, — пояснил тот.

— Потому что вы, сволочи, все ей рассказали!

Я даже порадовался, что у него сломана нога, иначе он наверняка бы набросился на нас.

— Остынь, — посоветовал Дэнни. — Никому мы ничего не рассказывали. Слушай меня внимательно — у нас нет радио, усек? Так как мы могли с ней связаться, если у нас нет чертова радио? Да и вообще, с какой стати нам ей рассказывать, что мы тебя подобрали?

Череп выпустил костыль и ткнул пальцем куда-то в сторону:

— А как тогда вышло, что она меня нашла?

Я прошел в прихожую и сел, наблюдая за Черепом. Дэнни присоединился ко мне, указав Черепу на стул напротив. С ненавистью глядя на нас, тот доковылял до стула и уселся. Кат и Эдвард сели рядом с нами.

— Ты уверен, что это те самые люди? — рассудительно вопросил Дэнни.

— А сколько, по-вашему, ховеров здесь ездит? — фыркнул Череп. — Думаете, я не узнал бы и саму эту суку-королеву?

— Это совпадение, — заявила Кат. — Они заметили нас с большого расстояния, и раз им требовалась вода...

Череп покачал головой:

— Ничего себе совпадение! Знаете, сколь велика пустыня? А шансы на то, чтобы две машины вот так неожиданно встретились...

— Мы с ними не связывались, Череп, — подтвердил Эдвард. — Значит, это совпадение, так? Какое еще может быть объяснение?

— Самолет, — предположил Дэнни. — Самолет ведь ты угнал у них, верно? А как тебе такая версия: она снабдила его каким-то отслеживающим устройством. Вполне разумно, ведь это ценная вещь.

Череп уткнулся лицом в ладони и всхлипнул.

— Да чего ты так боишься? — не понял я.

Он уставился на меня сквозь слезы:

— Она — зло. Они все такие. Я сбежал от нее, потому что мне не нравилось, чем она занимается. А она не успокоится, пока я не умру. И теперь, когда она нашла вас, она не остановится, убив только меня.

— Тебя послушать, так она сущий монстр, — заметил я.

— Да еще какой, — кивнул он. — Сегодня она, может, и поменяла вам панели на воду, но уже строит планы, как их вернуть, и не только панели. Они прямо сейчас думают, как убить нас всех, захватить грузовик...

— Что-то не верится, — сказал Дэнни. — Их всего шестеро, а мы хорошо вооружены. Грузовик бронированный. Мы сможем защитить себя.

Череп хрипло расхохотался:

— Шестеро! Это она вам сказала? Врет она все. Когда я сбежал, с ней была дюжина ублюдков.

Я взглянул на Дэнни, и тот повторил:

— Как я уже сказал, мы можем за себя постоять.

— Ладно, но лучшая защита — расстояние. Давайте сматываться отсюда, пока она не напала, хорошо?

Дэнни задумался. Мы договорились с Самарой, что поедем на юг вместе, и теперь отделаться от нее будет нелегко, особенно если Череп не ошибся в предположении, что она приехала по его душу.

— Ладно, заводи. Поедем дальше, — сказал Дэнни Кат.

Кат и Эдвард пошли в кабину. Череп с благодарностью кивнул.

— Слава богу, — только и сказал он, прежде чем встать на костыли и побрести к своей койке.

Я смотрел ему вслед и гадал, как он отреагирует, когда обнаружит, что Самара едет за нами.

Я сел возле Дэнни. Тишину нарушил гул мотора, запущенного Кат.

— Что думаешь? — спросил я.

Дэнни почесал бороду:

— Думаю, что не будем доверять никому, кроме себя, Пьер. Будем держать Самару на расстоянии, а что касается Черепа...

— Да?

— Как вчера сказал Эдвард, ему я доверяю не больше, чем на длину плевка.

Я перебрался в задний конец грузовика и уселся перед смотровым окошком, за которым виднелось морское дно. Сквозь поднятую колесами песчаную пыль, тянущуюся за нами, я разглядел вдали поблескивающий силуэт ховера. Он держался примерно в полукилометре позади нас и шел на той же скорости.

Оставшиеся до заката несколько часов мои мысли перескакивали с предупреждений Черепа на фантазии, включающие Самару. То, как она смотрела на меня, я интерпретировал как желание с ее стороны и напомнил себе, что ее подручные далеко не образцы физического совершенства.

Солнце ушло за горизонт, и его сменила темная синева ночи, пронизанная яростным полыханием магнитных бурь. Кат остановила грузовик на ночь, а Эдвард состряпал ужин.

Ховер сбросил скорость и погрузился в песок в сотне метров от нас, присев на резиновые юбки.

Я вернулся в гостиную к Дэнни и Кат. Эдвард принес из кухни тарелки и поставил их на стол. Воздух наполнился головокружительным ароматом тушеного мяса.

Мы ели молча, в подавленных чувствах. Дэнни рассказал Кат и Эдварду о договоренности с Самарой, и я заметил, как Кат время от времени бросает через люк взгляд на стоящий неподалеку ховер.

— Что станем делать, когда доедем до впадины? — спросил я.

— Остановимся, — ответил Дэнни, прожевав жесткое мясо.

— Но буровую монтировать не станем?

— Конечно нет. Про буровую они ничего знать не должны. Мы остановимся на ночь, а утром изобразим какую-нибудь механическую поломку. И если она не поедет без нас дальше, то мы поймем — ей что-то от нас нужно.

— Череп? — спросила Кат.

— А может быть, и нас в придачу, — негромко проговорил Дэнни.

Пять минут спустя Череп выбрался из своей койки. Я ждал его реакции на увиденный ховер, но, очевидно, он уже знал о его присутствии и сказал:

— Вот видите, она едет за нами. Она знает, что я здесь. И сегодня ночью они придут за нами... — Похоже, он уже смирился со своей судьбой и больше не злился.

— Ты этого не знаешь, — возразил Дэнни. — И в любом случае в грузовике безопасно.

Череп поразмышлял над ответом, но в конце концов лишь кивнул, соглашаясь с Дэнни, схватил свою миску с едой и вернулся на койку.

Ужин мы доедали в тревожном молчании.

После ужина я прихватил винтовку, вышел наружу, разбил корку на поверхности и выкопал себе ямку в песке под ней.

Ховер стоял в сотне метров от нас, похожий на уродливого жука, покрытого броней из панелей солнечных батарей. Очевидно, его команда тоже вышла и устроила вечеринку за машиной. Я слышал их голоса, разгоряченные попойкой.

Я разделся и натерся песком, избавляясь от накопившихся за день пота и грязи. Потом лег на спину и закрыл глаза.

Через несколько минут я вздрогнул, услышав какой-то звук. Я открыл глаза. Кто-то открыл люк на боку ховера и теперь шел к грузовику. Я прикинул, что не успею одеться быстрее, чем они подойдут, поэтому схватил винтовку. И лишь потом нагреб кучку песка на промежность, прикрывая наготу.

Уставившись в темноту, я разглядел фигуру, вошедшую в пятно света, падающего из окна позади меня, и отложил винтовку.

Самара остановилась метрах в трех от меня, улыбаясь. Прежние шорты и рубашку она сняла, переодевшись в тонкое белое платье, обтягивающее грудь, бока и живот и просторное вокруг ее обнаженных ног.

И появилась еще одна деталь, которой я не заметил при нашей первой встрече. От нее пахло цветами.

Мое сердце забилось с перебоями, как неисправный мотор.

Она подошла и опустилась на колени, откинув с лица прядь черных волос. Аромат ее духов почти ошеломил меня.

— Я увидела, как кто-то вышел. И подумала, что это ты.

Я открыл рот. Хотел спросить, чего она хочет, но не смог выдавить и слова. Я прекрасно сознавал, насколько глупо выгляжу, сидя в мелкой ямке с торчащими из нее ногами и торсом.

Она села передо мной, скрестив ноги.

— Вот я и решила прийти поздороваться.

Меня в тот момент поразило, что она нервничает не меньше меня — если только она не превосходная актриса. Легкая дрожь в голосе, нерешительность во взгляде, скользнувшем от песка на мой торс.

Платье у нее было с низким вырезом, и я не мог оторвать глаз от ее полных грудей.

— Знаешь, мне так одиноко в окружении этих... — она указала через плечо рукой с длинными пальцами, — этих животных.

— Наверное, управлять ими нелегко, — предположил я, пожав плечами.

— О, у меня есть кое-какие способы, — улыбнулась она.

Ее нельзя было назвать красавицей, но когда она улыбнулась, ее лицо изменилось и внезапно стало привлекательным. Она пожала плечами, и ее груди при этом так колыхнулись...

Я отреагировал. Песок над промежностью зашевелился.

Она заметила это, протянула руку и взяла меня.

Я выгнулся, застонав, и она приподняла платье, толкнула меня обратно на песок и оседлала. Я закрыл глаза, пока она пристраивалась на мне, невозможно теплая и податливая. Вытянув руки, я впился пальцами в ее ягодицы, а она раскачивалась на мне, подавшись вперед и прижимаясь грудями к моему лицу.

Через несколько минут все закончилось. На пике наслаждения я содрогнулся и вскрикнул, а потом лежал на прохладном песке, пока она не стиснула меня, впившись зубами мне в плечо.

Я едва не расплакался. Мне вспомнились долгие годы одиночества, годы несбывшихся желаний и мыслей о том, суждено ли мне будет когда-либо испытать нечто подобное.

Она что-то прошептала мне, затем перекатилась на песок рядом со мной и опустила платье. Я и возразить не успел, как она встала и побрела обратно к ховеру.

Я уставился на исполосованное магнитными бурями ночное небо. Команда Самары все еще веселилась за ховером. Дул горячий ветер. Все было так же, как и в сотни и тысячи ночей, прожитых в аду, который стал моим миром, и все же сегодня ночью я испытал неописуемый восторг.

Я вспомнил то, что говорил о ней Череп, и сравнил его слова с тем, что испытал. Как она может быть злобной, если так подарила себя мне и рассталась, произнеся такие слова? Именно ее прощальные слова и убедили меня.

— Спасибо тебе, — прошептала она.

Проснулся я под утро от крика.

Я сел и прислушался. Услышал какую-то возню в гостиной, громкие шаги и шум чего-то упавшего на пол. Одев-

шись, я распахнул дверь и пошел по узкому коридору к гостиной. В тусклом свете я увидел шесть фигур, окруживших седьмую, сопротивляющуюся.

Я торопливо зашагал по коридору, сожалея, что поставил винтовку обратно в шкафчик.

Войдя в гостиную, я замер.

Трое мужчин стояли возле связанного Черепа, изо рта у него торчал кляп. Еще трое, вооруженные винтовками, прикрывали их, стоя напротив Дэнни и Кат, только что вышедших из своей комнаты. Через несколько секунд появился и Эдвард.

Один из незнакомцев увидел меня и шевельнул стволом винтовки:

— Шевелись. Топай к остальным.

Ствол винтовки следил за мной, пока я обходил налетчиков и подходил к друзьям. С нового места я смог лучше разглядеть Черепа. Он стоял на коленях со связанными за спиной руками. Кляп заслонял нижнюю часть лица, но глаза над ним пылали гневом.

Кат стиснула руку Дэнни, и я понял ее страх. Неужели именно сейчас закончатся четыре года сравнительной надежности и безопасности? Я слишком поздно осознал, что нам следовало прислушаться к словам Черепа.

— Чего вы хотите? — спокойно осведомился Дэнни.

Я обвел взглядом лица налетчиков. Многих я не видел, когда мы встречались накануне, значит, Самара солгала, заявив, что в ее команде всего шестеро.

Один из них, самый крупный и злобный на вид, кивнул в сторону Черепа:

— Мы уже получили то, за чем пришли.

Я ощутил почти невероятное облегчение, но тут же опомнился. Он наверняка врет. Они могут убить нас и ограбить грузовик, забрав воду, провизию да и саму машину.

Сухопарый африканец оглядел гостиную с явным отвращением:

— Мы бы и вас грохнули... — Остальные бандиты одобрительно забормотали. — Но *она* этого не хочет. Велела привести только этого ублюдка. — Он ухмыльнулся. — Сегодня ваш счастливый день.

Череп задергался, пытаясь что-то сказать. Один из бандитов стукнул его по затылку. Их предводитель что-то буркнул на своем языке, и они, пинком распахнув дверь, ушли, волоча за собой Черепа.

Как только они ушли, Кат быстро подошла к двери. Замок оказался разбит.

— Насчет замка не волнуйся, Кат, — пообещал Эдвард. — Я его починю.

Мы молча сидели за столом. Думаю, каждый из нас ощущал примерно одинаковую смесь эмоций: невероятное облегчение оттого, что все еще живы, запоздалый страх из-за того, что могло с нами случиться, и вину при воспоминании о заверениях, которые мы дали Черепу.

— Итак, что будем делать? — спросила в конце концов Кат.

— Немедленно уезжаем, — решил Дэнни. — Едем к впадине, как и планировали. Стряхнем их со следа. Сейчас нам повезло. Давайте не будем испытывать удачу. Согласны?

Он посмотрел в глаза каждому из нас. Эдвард и Кат кивнули.

— Пьер?

Я подумал о Самаре и о восторге, испытанном с ней всего несколько часов назад. Но все же кивнул:

— Давайте сматываться отсюда.

Дэнни сел за руль, Кат уселась в кабине рядом с ним. Эдвард улегся на койку, пытаясь хоть немного поспать. Я тоже попытался заснуть, но воспоминания о теле Самары и ужасе в глазах Черепа, когда его выволакивали из грузовика, помешали мне отключиться.

Я перебрался в заднюю часть грузовика и уселся возле смотрового окошка. Прямо по курсу всходило солнце, отбрасывая тень грузовика далеко назад. И вскоре я разглядел поблескивающий и мерцающий силуэт ховера, неуклонно летящего по нашим следам.

Мой желудок сжался, но не только от страха.

Мы ехали весь день, направляясь на юго-запад, к впадине. И весь день ховер упорно следовал за нами. После полудня я перебрался в кабину. Дэнни взглянул на меня:

— Он все еще там?

Я кивнул.

Он слегка надавил на педаль, мы прибавили скорости. Кат слезла с пассажирского сиденья и ушла в гостиную. Я пристроился рядом с Дэнни. Грузовик полз по морскому дну. Солнце впереди ослепительным белым взрывом висело над горизонтом. Насколько видел глаз, местность вокруг была совершенно безжизненна.

Вернулась Кат:

— Они не отстают.

— Какого черта им от нас нужно? — процедил Дэнни. — Ведь они еще тогда могли отобрать у нас все.

— Возможно, Самара сказала правду, — предположил я. — Она хотела, чтобы мы путешествовали вместе ради безопасности. И ей хотелось лишь вернуть Черепа, на то у нее имелись свои причины... — Еще не договорив, я сам понял, насколько это объяснение неуклюжее.

— Не верю, — покачал головой Дэнни. — Они чего-то хотят.

Два часа спустя, когда опустившееся солнце подожгло горизонт, Дэнни показал вперед. Примерно в километре от нас я разглядел темную неровность на морском дне — поначалу лишь линию, расширяющуюся вдаль.

Мы приехали к восточной оконечности донной впадины. Дэнни сбросил скорость и повел грузовик параллельно расширяющемуся рифту.

— По моим прикидкам, Танжер примерно в ста километрах на юго-запад отсюда, — сказал он. — Я собираюсь остановиться здесь и молиться, чтобы эти сволочи поехали дальше.

Он остановил грузовик возле скального выступа. После гула мотора от наступившей тишины звенело в ушах. Мы сидели, прислушиваясь к пощелкиванию и потрескиванию остывающего грузовика, и через несколько минут увидели то, чего втайне боялись.

Слева от нас показался ховер, сбросил скорость и опустился на грунт метрах в двухстах от нас.

— Я лишь надеюсь, что Череп не рассказал им о буровой, — почти шепотом произнес Дэнни.

Сама мысль об этом наполнила меня ужасом. Я уставился на покрытый солнечными панелями корпус ховера, ожидая, что в любую секунду его боковой люк распахнется и из него хлынут головорезы Самары.

Через десять минут, когда ничего заметного возле ховера не произошло, мне стало дышаться чуть легче.

Ужин мы съели молча — картофель и шпинат. За едой я задумался — наверное, Кат и Эдвард не смогли решиться и приготовить мясо из запасов Черепа. Мы практически не разговаривали, и после ужина я подошел к люку и выглянул в окошко.

В темноте ховер смотрелся черным куполообразным силуэтом. Команда Самары снова устроила пирушку. Они разожгли костер за машиной, и темно-красные отблески его пламени плясали на панелях батарей.

Я принял решение и повернулся к сидящим друзьям:

— Я пойду туда. Хочу поговорить с Самарой и выяснить, почему они забрали Черепа.

— Я не могу тебя отпустить... — возразила потрясенная Кат.

— Я... Самара ничего мне не сделает. Попробую добиться от нее обещания, что ее люди на нас не нападут.

Кат снова захотела возразить, но Дэнни быстро положил руку ей на плечо и молча мне кивнул. Что-то в его взгляде подсказало мне — он знает о том, что произошло между мной и Самарой прошлой ночью.

— Если пойдешь, то, бога ради, возьми это, — сказал Эдвард. Он подошел к шкафчику с оружием и достал маленький пистолет.

Помедлив, я все же сунул оружие за пояс шорт.

Кивнув на прощание, я вышел из грузовика. Остановившись, я с колотящимся сердцем посмотрел через темную полосу песка на ховер. Набравшись решимости, я уже собрался пойти к нему, и тут открылся боковой люк, и из него вышла знакомая фигура. Я облегченно улыбнулся.

Увидев меня, она остановилась, держа руку на дверце люка.

Я подошел к ней по остывающему песку. Приблизившись, я ощутил кружащий голову запах ее духов, подхлестнувший все мои чувства.

— Я надеялась, что ты выйдешь, Пьер. Я собиралась пригласить тебя к себе... Внутри будет удобнее, да?

— А как же эти?.. — Я махнул в сторону костра за ховером.

Она улыбнулась:

— Они веселятся, Пьер. Нас никто не потревожит. Согласен?

Я смог лишь кивнуть, позабыв о намерении спросить, что стало с Черепом.

Она взяла меня за руку и провела в ховер. Мы прошли по узким коридорчикам, мимо крошечных вонючих каюток, где спала ее команда, и полки с канистрами воды, которую мы обменяли на солнечные панели. Нырнув сквозь другой люк, мы попали в помещение большего размера — очевидно, машинный отсек, где провода от солнечных батарей подключались к генераторам.

Далее располагалась комната Самары.

Я переступил ее порог и замер.

Комната была вдвое больше гостиной в грузовике и воистину роскошной. Центр ее занимала огромная кровать. Небольшое окно слева прикрывала занавеска из тонкой ткани, сквозь которую виднелись отблески огня и доносились громкие нетрезвые голоса.

А потом в дальнем углу я увидел прозрачную пластиковую кабинку. Подошел к ней и вопросительно посмотрел на Самару.

— Это душ, — пояснила она.

Я повторил это слово. Она улыбнулась:

— Это водяной душ.

— Но как ты можешь?..

— Я слежу за тем, чтобы у нас всего хватало, Пьер. А вода, конечно, перерабатывается после того, как я ее использую.

Я едва мог осознать, какая это роскошь — иметь достаточно воды, чтобы использовать ее для мытья.

Она взяла меня за руку и подвела к кровати. Мы поцеловались. Она протянула руку за спину, расстегнула платье, и оно упало на пол. Самара раскинулась на кровати и улыбнулась, а я лишь пялился на нее, как дурак.

Потом я снял рубашку и сбросил шорты. Самара рассмеялась.

— В чем дело? — покраснел я.

— Как вижу, у тебя в шортах целых два оружия, Пьер.

Я попытался объяснить, зачем взял пистолет:

— Эд сказал, что он мне может пригодиться.

— Мудрое решение в такие времена.

Она протянула руку и увлекла меня на кровать.

Мы занялись любовью. Самара просила не торопиться, растянуть удовольствие.

Время словно остановилось, и я понятия не имел, сколько его могло пройти. Всякое ощущение себя я тоже утратил. Я словно превратился в животное, утоляющее древний голод и позабывшее обо всем, кроме плотских наслаждений. Самара вела себя яростно — кусала меня, царапала. А я ощутил кружащий голову успех, почти власть над ней, потому что смог пробудить в ней такой взрыв страсти.

Потом мы лежали, обнявшись, мокрые от пота и вымотанные. Она села, сошла с кровати и направилась в душ. Я смотрел на нее, переполненный зрелищем ее наготы. Она поманила меня к себе.

Мы вошли в кабинку и встали, прижавшись друг к другу. Она повернула кран, и я ахнул. Теплая вода полилась нам на головы, и я ощутил одновременно и наслаждение от шелковистой теплоты воды, и вину за растранжиривание такой ценности.

Она дала мне какой-то белый брикетик.

— Это мыло, — пояснила она. — Натри им меня.

Я выполнил ее просьбу, удивился появившейся пене, и мы снова занялись любовью.

Вытершись, мы улеглись на кровать и повернулись друг к другу. Я погладил ее щеку. Даже в тот момент я сознавал, что это было преходящее удовольствие, неожиданное и восхитительное, но ограниченное опасностью. И понимал, что продолжения не будет.

И тут, словно прочитав мои мысли, Самара провела пальцем по моим ребрам и сказала:

— Можешь остаться, если хочешь. Брось своих, оставайся со мной. Жизнь тяжела, но я смогла сделать ее приятнее.

Я посмотрел в ее холодные глаза, на ее жестокий рот. Даже тогда у меня хватило ума задуматься, нет ли у нее каких-то скрытых мотивов.

— И бросить мою... семью?

— Ты получишь меня, Пьер. Мы ни в чем не будем нуждаться. Мы будем хорошо питаться.

Интересно, есть ли у них на борту специалист по гидропонике. Проходя по ховеру, я не заметил признаков того, что внутри что-то выращивают.

Она оперлась на локоть, глядя на меня сверху вниз:

— И жизнь станет еще лучше, поверь.

Я покачал головой.

— Каким образом? — спросил я, неожиданно подумав, нет ли у нее информации о процветающей колонии где-то в этих краях.

— Мы направляемся в Танжер, — сказала она.

— Там есть колония?

Она улыбнулась:

— Когда-то в Танжере была успешная колония, Пьер. Но я слышала, что несколько лет назад там все умерли.

— Тогда, — я пожал плечами, — зачем туда ехать?

Она помолчала, поглаживая мне грудь:

— Та колония была религиозной — одним из тех безумных культов, что расцветали по мере гибели цивилизации. Они называли себя Часовые «Феникса».

— Никогда о них не слышал.

Она взглянула на меня.

— Но ты слышал о проекте «Феникс»?

— Эдвард мне о нем рассказывал. К звездам послали корабль в надежде отыскать новую Землю.

— Таков был план, во всяком случае, — улыбнулась она.

— План? Так ты хочешь сказать...

— Корабль был уже на орбите, но деньги кончились, а правительства утратили контроль над ситуацией. Этот проект так и остался еще одной несбывшейся надеждой...

— Откуда ты это знаешь?

Она встала, подошла к деревянному столику и вернулась с пачкой листков.

— Это распечатка, — пояснила она, пристраиваясь рядом со мной. — Я получила ее несколько лет назад от одного торговца. Это было еще до того, как умерли Часовые «Феникса». А это официальный отчет о прекращении проекта и оставшихся ресурсах.

Я пролистал бумаги. Их покрывали закорючки непонятного для меня шрифта.

— Это арабский перевод, — пояснила Самара.

Я отложил бумаги:

— И?

— Здесь есть информация о космодроме в Танжере. Это копия так называемых священных текстов, на которых Часовые основали свой культ.

— Все равно не понимаю...

— Пьер, именно с космодрома в Танжере должны были стартовать корабли снабжения — до старта с орбиты самого «Феникса».

— Корабли снабжения, — повторил я, внезапно все поняв. — И ты полагаешь, что эти корабли все еще там, набитые всем, что понадобится колонистам во время полета, — едой, водой...

Она неожиданно рассмеялась, сбив меня с толку:

— О, извини, Пьер! Ты такой наивный. Нет, колонистам не были нужны такие припасы, как еда и вода.

— Не нужны? — озадаченно повторил я.

— Корабли снабжения в Танжере, около дюжины, были полны самими колонистами. Их заморозили, погрузили в анабиоз, и так им предстояло лететь до конца путешествия. Их там пять тысяч.

— Пять тысяч? Это... это же целый город. Господи, да... Раз их так много, мы сможем начать все заново, восстановить цивилизацию.

Самара прервала меня:

— Пьер, ты все неправильно понял. Мы не сможем обеспечить колонию в пять тысяч человек. Чем мы будем их кормить? А вода? Пьер, взгляни правде в лицо — Земля почти мертва. И сейчас каждый за себя.

— Тогда... — Я показал на распечатку. — Что ты имела в виду? Ты же сказала, что там есть колонисты?

Она погладила мне подбородок почти с жалостью:

— Конечно есть, но мы не можем просто оживить их в этом... кошмаре. Это было бы... жестоко.

— Тогда что?

Она спрыгнула с кровати, пересекла комнату, опустилась на колени возле занавешенного окошка и поманила меня.

Я подошел к ней.

Самара отодвинула занавеску и кивнула на пирушку снаружи. Дюжина мужчин стояла вокруг пылающего костра, что-то пьяно распевая. Они пили из пластиковых бутылок и что-то ели.

Я повернулся к Самаре:

— Ну и что?

Ее рука мягко легла на мое плечо.

— Костер... — только и сказала она.

Я снова посмотрел на костер, на вертел, установленный над языками пламени, и на то, что было на него нанизано.

Меня внезапно замутило. Перед глазами все затуманилось.

— Череп?

— Он был предателем, — прошептала Самара. — Возражал против наших планов. Украл у нас еду и воду.

— Но... но... — Я указала на происходящее за окном.

— Пьер, Пьер. Жизнь тяжела. Земля умирает. Надежды нет. Ради выживания мы должны делать то, что должны. И если это означает...

— Колонисты.

Она не ответила, но улыбка оказалась достаточно красноречивой.

Мясо.

Она подвела меня к кровати, заставила лечь, легла рядом и нежно погладила по лицу.

— Пьер, оставайся со мной. Жизнь будет хорошей. Мы будем править Средиземноморьем.

Настроение у меня было мерзкое, но я с удивлением ощутил, как мое тело откликается. Она рассмеялась, и мы снова занялись любовью — на этот раз с яростью зверей, выясняющих, кто из них главный. Однако теперь я не утра-

тил ощущения себя, потому что в голове у меня вертелись слова Черепа, его предупреждения. И я сохранил достаточно контроля над собой, чтобы понять: какое бы наслаждение я ни получал от плотских удовольствий с Самарой, этот раз должен стать последним.

Она тяжело задышала и закрыла глаза. Сдерживая слезы, я перекатился на бок, опустил руку и пошарил возле кровати.

— Пьер?

Она села, но не успела меня остановить, лишь распахнула глаза от внезапной тревоги.

Я выстрелил ей в лоб и всхлипнул. И лишь потом понадеялся, что веселящаяся снаружи компания не услышала выстрел.

Я встал, быстро оделся и направился к двери. На полпути остановился, вернулся к кровати и прихватил распечатку.

У двери я помедлил и заставил себя обернуться и бросить последний взгляд. Самара лежала, распростершись поперек кровати, — самое прекрасное зрелище, какое мне довелось увидеть за всю жизнь.

Я выбежал из комнаты и оказался в отсеке, куда сходились провода от солнечных батарей. Несмотря на желание сбежать, я знал, что должен сделать. Долгую минуту я изучал клеммы и кабели, затем выдрал пучок проводов и вытащил конденсатор. Теперь ховер очень долго никуда не полетит. Если вообще полетит.

Я торопливо двинулся по коридору, подошел к канистрам, схватил две, добрался до люка и побрел в ночь, хватая ртом воздух и волоча к грузовику воду. Я все представлял, как один из пьяных бандитов находит Самару и гонится за мной, перехватывает меня на полпути...

Я вломился в прихожую, напугав Эдварда, Дэнни и Кат. Они изумленно уставились на меня, когда я, пошатываясь, подошел к ним.

— Пьер? — сказала Кат.

— Заводи! Надо сматываться!

Ближе всего к кабине оказалась Кат, и повторять ей не пришлось. Она пролезла в люк кабины, и через несколько секунд мотор ожил. Грузовик рванулся на запад.

Всхлипывая, я рухнул в кресло.

Дэнни и Эдвард опустились на колени возле меня.

— Пьер?.. — Дэнни коснулся моего плеча.

Я отдал Эдварду распечатку и рассказал им о Самаре и ее людях.

Следующие несколько часов, пока грузовик катился вдоль горного хребта, меня не покидал страх, что каннибалы починят ховер и погонятся за нами, одержимые желанием отомстить за свою мертвую королеву. Я сидел у заднего окна, уставившись на поднятую нами пыль.

За час или два до рассвета Дэнни повернул грузовик и направил его к впадине. Сперва мы ехали по скату, потом выехали на ровную местность и прибавили скорости. Чуть позже Дэнни решил, что мы уехали на достаточное расстояние от ховера, снизил скорость и остановил грузовик возле левого склона впадины.

Я присоединился к Дэнни и Кат, мы собрали буровую установку и вогнали самый длинный бур в бывшее морское дно.

— Где Эдвард? — спросил я, закрепляя последний отрезок буровой колонны.

Кат кивнула в сторону грузовика:

— Там, пытается перевести распечатку.

Дэнни нажал кнопку, опускающую буровую головку, и отошел, вытирая пот со лба. Было еще темно, но небо на востоке с приближением восхода обрело магниевую белизну, а температура уже поднялась выше тридцати.

Смертельно усталый, я вернулся в грузовик, чтобы немного поспать.

Час спустя меня разбудили крики. Я резко поднялся, решив, что на нас напали. Выскочив наружу в дневную жару, я в панике огляделся.

Кат и Дэнни стояли в тени буровой, держась за руки и глядя на скважину.

И прямо на моих глазах струйка воды, стекающая с верхушки буровой колонны, превратилась в струю, а потом в фонтан. Я подбежал к ним, и мы обнялись, сразу промокнув насквозь.

Я открыл рот и попробовал воду на вкус.

— Пресная! — заорал я. — Господи, она пресная!

Прижимая худенькое тело Кат, я посмотрел ей в глаза и заплакал. И не только от радости, что мы нашли воду.

Потом мы разобрали буровую и уложили ее в грузовик. Дэнни отметил на карте координаты скважины, мы уселись втроем в кабине и поехали вверх по склону впадины.

Позднее к нам присоединился Эдвард. Я взглянул на него, сидя за рулем.

— Что случилось? — спросила Кат.

Вид у Эдварда был подавленный. Он сидел между нами, положив на колени распечатку и уставившись на нее.

— Эд, у тебя все в порядке? — спросил Дэнни.

Он поднял пачку листков.

— Колонисты, — почти шепотом ответил он. — Примерно пять с половиной тысяч, их отобрали, чтобы основать новый мир возле какой-нибудь далекой звезды. И среди них есть... — его голос дрогнул, — врачи, ученые, инженеры, специалисты в самых разных областях.

Он посмотрел на нас, и в его глазах блестели слезы.

Мы ехали молча навстречу пылающему солнцу. К Танжеру.

ПОЛ ДИ ФИЛИППО

Жизнь в Антропоцене

Пол Ди Филиппо — плодовитый писатель-фантаст и критик, прославившийся своими яркими, причудливыми и в высшей степени оригинальными, живыми произведениями, которые обрушиваются на нас неослабевающим потоком на протяжении более двадцати лет. Эти работы можно найти в сборниках «Рибофанк» («Ribofunk», 1996), «Фрактальные узоры» («Fractal Paisleys», 1997), «Потерянные страницы» («Lost Pages», 1998), «Сон для торговца временем» («Shuteye for the Timebroker», 2006) и около полудюжины других. Хотя Ди Филиппо американец, мне иногда кажется, что его зачастую сюрреалистичные произведения больше привлекают зарубежных любителей жанра, поскольку он удостаивался Британской премии фантастики и французской премии «Imaginaire». Писатель пока не получал ни премию «Хьюго», ни премию «Небьюла», однако его повесть «Год в Линейном городе» («A Year in Linear City», 2002) была включена в шорт-лист обеих (и многих других). Собираясь прочитать очередное творение Ди Филиппо, я всегда знаю, что это будет не похоже ни на что.

1. Авария на Гелиопоясе

Ауробиндо Банджаланг все еще находился в своей весьма обширной холостяцкой берлоге, когда утром 8 августа 2121 года получил по вибу[1] твинг об аварии. В 1ГСК[2] его жилая площадь была раза в три больше, нежели у большинства безбрачных, однако высокопоставленная должность энергетика в Нью-Пертпатне предоставляла ему определенные привилегии.

Пока недолговечная и микроскопическая стая брадобреев паслась на его лице, А. Б. принимал душ и свибывал прогноз погоды в двенадцатом Перезагруженном городе, как более формально именовалась Нью-Пертпатна.

---

[1] *Виб* — неологизм автора, произведенный от аббревиатуры «виртуализация в теле» (virtualization in body). *(Здесь и далее прим. перев.)*

[2] *1ГСК* — квартира с одной гостиной, столовой и кухней; аббревиатура (1 Living, Dining, Kitchen) получила распространение из японского рынка недвижимости.

Разделяя с ним душевую кабинку, но оставаясь при этом нетронутой водой, прекрасная богиня погоды Мидори Мимоза вещала:

— Солнце сегодня взошло в три часа две минуты. Максимальная температура, ожидаемая в полдень, составит приятные тридцать градусов и позволит обойтись без защитных костюмов. Закат — в десять двадцать девять вечера. Уровень содержания углекислоты — четыреста пятьдесят миллионных, значительное снижение по сравнению с прошлогодним уровнем в это же время. Приятной работы, перезагруженцы!

Новый чик-чирик / укол / гул прервал и сводку, и омовение А. Б. На несколько миллисекунд у него потемнело в глазах, словно перед его МЭМС-контактами[1] вставили закопченное стекло, а левая ладонь и левая ступня одновременно ответили зудом: срочный запрос пятого приоритета.

Под редкими струями воды Мидори Мимозу сменил босс А. Б. Джиту Киссун — перемена весьма пугающая и удручающая. Однако виртуально-телесная операционная система А. Б. не позволяла подавлять твинги, помеченные С34 и выше. Политика департамента.

Киссун оскалился и произнес:

— Вытирайся живее, А. Б. Ты нам нужен здесь уже вчера. У меня новость, надо переговорить наедине.

— В чем суть-то?

— Передача энергии с французских ферм упала на один процент. Фотографии со спутников показывают какое-то непонятное скопление пыли на ряде гелиоприемников. Кибы на местах справиться с ней не могут. Откуда эта пыль взялась, почему именно сейчас и как нам ее остановить? Мы вынуждены послать туда человеческую бригаду, и возглавишь ее ты.

Отвлекшись на плохую новость, А. Б. не ополоснулся как следует. А низкорасходный душ, отработав положенное по закону время, отключился. Из этого крана до вечера ему не получить ни капли. Хихикнув, Киссун исчез из расширенной реальности А. Б.

---

[1] *МЭМС* — микроэлектромеханические системы.

А. Б. сдержанно чертыхнулся и вышел из душевой. Для завершения мытья ему пришлось воспользоваться губкой из раковины, но вот для того, чтобы почистить зубы, воды там уже не осталось. Вообще-то, благодаря самовосстанавливающимся колониям антиинфекционных микробов ротовой полости подобная гигиеническая процедура уже давно себя изжила, однако А. Б. нравились вкус свежести после зубной пасты и ощущение праведного физического самосовершенствования. «Воссоздание атмосферы двадцатого столетия, Ауробиндо. Увы, не этим утром».

За пределами 1ГСК А. Б.: коридор, часть хорошо спланированного, просторного и радующего глаз лабиринта с несколькими местами общего пользования, составляющего сто пятидесятый этаж его урбмона[1]. Нежно именуемый Большой Вонючкой, он представлял собой один из более чем сотни скученных исполинских высотных жилищных отсеков, объединенных в Нью-Пертпатну — безликий Перезагруженный город, неотличимый от других, расположенных от края до края обитаемой зоны Земли, занимающих около четверти суши планеты и являющихся коллективным домом для девяти миллиардов душ.

А. Б. тут же столкнулся с одной из полумиллиона душ Большой Вонючки — Зюлькамайном Сафрански.

Зюлькамайн Сафрански был последним человеком, которого А. Б. хотел бы видеть.

Шесть месяцев назад А. Б. накатал на этого типа жалобу за нарушение общественного порядка.

Сафрански был паркурщиком. Увлечение само по себе довольно безобидное — если предаваться ему на отведенных спортивных площадках урбмона. Но Сафрански паркурил свою задницу по всем общественным местам, то и дело налетая или же просто пугая людей во время своих отскоков с карнизов на скамейки. После столкновения с этим агрессивным городским хамом, обернувшегося для него легким телесным повреждением, А. Б. подал протест,

---

[1] *Урбмон* — наименование гигантских небоскребов (Urban Monad, «урбанистическая монада») обязано роману Роберта Сильверберга «Мир изнутри».

присовокупив к нему аналогово-цифровые метки к уже зарегистрированным, но еще не выявленным видеосъемкам его правонарушений. Заява А. Б. перевесила чашу весов против Сафрански, тем самым отправив его в карательно-образовательных целях на полицейском роле до ближайшей каталажки.

Но теперь, и сомнений в этом не возникало, Сафрански вернулся в Нью-Пертпатну и тут же случайно (?) нос к носу столкнулся с А. Б.

Мускулистый, нервный, но смехотворно маленький тип уставился на А. Б. и выпалил, брызгая слюной:

— Присматривай за своей задницей днем и ночью, стукач, а то слетишь вдруг с крыши, сам того не желая.

А. Б. хлопнул себя по уху, подразумевая имплантированный виб-аудиодатчик.

— Угрозы с твоих уст достигают ушей разгневанной Матери-дакини[1], а также полицейского отделения.

Сафрански испепелил его взглядом и двинулся прочь: упругие мышцы его задницы, очерченные плотной тканью контакт-костюма цвета манго, своими естественными сокращениями непостижимым образом выражали неизлитый гнев.

А. Б. усмехнулся. Удивительно, как все-таки часто люди забывают о поднадзорной сущности современной жизни, даже после века все большего погружения в нее и сведения уединенности практически на нет. Привычка порождает забывчивость. Но никогда не лишне, по крайней мере подсознательно, помнить о том, что нынче все всё видят и слышат и это всего лишь часть Перезагруженческой хартии, обеспечивающей функционирование общества, члены которого ощущают и всеобъемлющее вторжение, и всеобъемлющую поддержку.

А. Б. дошел до ближайших к дому лифтов и взмыл на двести первый этаж, отведенный под администрацию Энергетической службы урбмона. Затем проследовал мимо большущей анимационной фрески, изображавшей затонувший

---

[1] *Мать-дакини* — божественный титул жены Богдо-хана (1870–1924), первого и последнего хана независимой Монголии.

Перт: вокруг небоскреба BHP[1] плавают рыбки. Висящие в воздухе указатели довели его до рабочего модуля, который на время занял Джиту Киссун.

Для своих девяноста семи лет Киссун выглядел весьма неплохо — мог бы сойти за старшего брата А. Б., но уж никак не за отца. Кожа кофейного цвета, убеленные сединой виски, глубоко прорезанные морщины-смешинки в уголках глаз, чему несколько противоречило их хмурое выражение.

Когда родился Киссун, старые города еще существовали, а помимо нынешних коз да кур плодилось и размножалось еще много-много других животных. Киссун воочию видел и заброшенные теперь города, и Большой крах флоры и фауны, равно как и саму Перезагрузку. Молодому А. Б. подобное представлялось почти неостижимым. Этот человек представлял собой ходячий урок истории. И А. Б. старался относиться к сему факту с почтением.

Однако следующие же действия Киссуна вызвали у Ауробиндо отнюдь не почтительный возглас возмущения.

— Вот два других техника, которых я выделил тебе в сопровождение.

Перед взором А. Б. повисли два интерактивных досье. Он наскоро прокрутил их, с каждым мигом приходя во все большее замешательство. Наконец он вспыхнул:

— Вы даете мне в помощники меховушку и права?

— Тигришка и Гершон Талес. Лучших сейчас нет. Отправляйся с ними и уладь эту проблему.

Киссун вперил в А. Б. пронизывающий взгляд, и до А. Б. дошло, что эта личная встреча потребовалась только для того, чтобы донести всю глубину следующих слов Киссуна:

— Без энергии мы обречены.

2. Тоска 45-й параллели

Реактивные полеты были повсеместно запрещены. Для поддержания профессиональной коммерческой или турис-

[1] *Перт* — крупный город на юго-западе Австралии, офисный небоскреб горнодобывающей компании «BHP Billiton» и самое высокое (244 м) здание города.

тической авиации попросту не хватало средств. Не было и армий, нуждавшихся в собственных военно-воздушных силах. Реактивные двигатели слишком вредны для и без того угнетенной атмосферы.

И потом, зачем путешествовать?

Везде одно и то же. С большинством потребностей прекрасно справлялся виб.

Обитаемая зона Земли состояла из двух областей: как исторически привычных земель, так и вновь появившихся из-под исчезнувших полярных шапок — над 45-й параллелью к северу и под 45-й параллелью к югу. Остальная часть суши превратилась в пустыню или была затоплена: песок да буруны.

Древние экосистемы оставшихся климатически приемлемыми территорий были истреблены Парниковым изменением, а затем окончательно и намеренно ликвидированы начисто. В разработанной же экосфере вымирание, миграция и ускоренное смешение видов достигли апогея. В новых условиях могли выжить лишь животные не больше мыши да монокультура генетически модифицированных растений.

А вот огромным злобным шипящим тараканам, конечно же, все было нипочем.

Некоторую часть изрядно сократившейся территории человечества заняли леса, специально выведенные для максимального поглощения и связывания углерода. Быстрорастущие и долгоживущие гибридные деревья сочетали в себе геномы эвкалипта, ладанной сосны и тополя — их окрестили эвсостопами.

Бóльшая же часть остальных земель была отведена под зерновые, необходимые и достаточные для пропитания девяти миллиардов человек: в основном киноа, капусту и сою, удобряемые человеческими отходами. Плантации сахарной свеклы обеспечивали сырьем биополимерную промышленность.

И наконец, более сотки Перезагруженных городов на компактных опорах, окруженных небольшими, но весьма продуктивными козьими и куриными фермами.

Отнюдь не тот мир, в котором возможно процветание туризма.

На каждом континенте Перезагруженные города (за исключением каталажек, в гигиенических целях лишенных свободного доступа) связывала довольно простая сеть поездов на магнитной подвеске, намеренно сведенная к редкому графику. Чиновников и бизнесменов обслуживали медлительные, но роскошные аэростаты. Сношение же между континентами осуществлялось посредством кораблей, оснащенных энергетическими ветряками. И все путешествия ограничивались лишь государственными нуждами.

Когда же возникала необходимость отклониться от стандартных маршрутов — как, например, у трио энергетиков, задача которых состояла в отслеживании на юге Франции линии сверхпроводящей передачи, — то в этом случае пользовались *ролами*.

Первый рол — «Озон» — был разработан «Пежо» еще более века назад. Представьте себе катящийся огромный барабан из электрохромного биополимера, с тонкими подвесками в обводах корпуса от одного конца к другому. Бочкообразный отсек подвешен между двумя исполинскими колесами, по размерам равными самой кабине. Два отдельных электромотора снабжаются энергией из твердотельных батарей. Кабину по всей ширине охватывает изогнутая дверь, открывающаяся плавным скольжением вверх[1].

Внутри — три сиденья в ряд, центральное снабжено отказоустойчивым ручным управлением. За ними расположен багажник.

А на этих сиденьях — да!

Ауробиндо Банджаланг, который в первобытном ликовании предпочел орудовать джойстиком, а не вести рол посредством виба.

Справа от него — Тигришка, слева — Гершон Талес.

Царила напряженная тишина.

Тигришка источала скучающий профессионализм, с которым, впрочем, немного не вязались подергивание кончика хвоста да настороженно взъерошенные уши. Из-под краев контакт-костюма торчал тигровый мех; покрытые мехом

---

[1] Автор описывает концепт автомобиля «пежо», созданный турецким дизайнером Озканом Коралом в 2008 г.

же привлекательное лицо и грациозная шея были выставлены на всеобщее обозрение.

А. Б. подумал, что она пахнет, как плюшевая секс-кукла. И это выводило его из равновесия.

На некоторое время она отвела глаза с кошачьими зрачками от монотонно бегущего пейзажа и принялась не без изящества грызть острыми зубами шелушащуюся кожицу у когтя.

Меховушки считали необходимым отображать ненаследуемые части генома различных вымерших видов в собственных телах, таким образом одновременно искупая вину и прославляя утраченное многообразие. Хотя в Хранилищах двадцать девятого Перезагруженного города (бывшего норвежского Шпицбергена) и содержались в безопасности образцы всех исчезнувших видов, оказавшихся недостаточно смышлеными, дабы не ввязываться в конкуренцию с человечеством в антропоценовый период[1] (их геномы ожидали некоего отдаленного дня воссоздания), подобная бесплодная забота о сохранности животных устраивала не всех. Меховушки хотели, чтобы эти виды вновь начали ходить по земле, пускай даже в подобном, частично измененном виде.

В противоположность флегматичной скуке Тигришки Гершон Талес исступленно выказывал намерение максимально увеличить спрос на свою персону. Судя по хватательным движениям его рук, у него было открыто не менее полудесятка виртуальных окон (на какие именно поля информации, А. Б. оставалось только гадать). Он попытался было вибнуть в глаза Гершона, однако наткнулся на пиратскую перегородку. С подобным барьером навряд ли можно было привнести в их бригаду дух товарищества, но А. Б. все же предпочел пока не ставить это ему в вину.

Без всяких сомнений, Гершон зависал на форуме правов. Правы обожали бесконечную болтовню. Изначально

---

[1] *Антропоцен* — по аналогии с антропогеном; предложенный голландским химиком, лауреатом Нобелевской премии за исследования озоновых дыр в атмосфере Паулем Крутцем термин для описания современной геологической эпохи.

самоназывавшиеся *прерывисто-равновесники*[1], последователи этого культа довольно скоро сократили свое неуклюжее наименование до *пре-равов*, а затем и просто *правов*.

Правы были убеждены, что после продолжительного периода застоя человеческий вид достиг одной из тех важнейших дарвиновских критических точек, которая направит человечество в захватывающем, пускай и непредсказуемом, новом направлении. То, что для всех остальных было величайшей трагедией, — безжалостная и убийственная перемена климата, приведшая к Большому краху флоры и фауны, — они воспринимали как полезный пинок под коллективный зад человечества. Правы обсуждали тысячи программ для содействия этому скачку, большинство из которых так и оставалось лишь безумными планами.

А. Б. вел рол да тихонечко цокал языком. Ну и помощничков ему выделили — для разрешения кризиса неизвестного пока размаха.

— А ты не мог бы ехать чуть побыстрее? В кабине уже начинает вонять обезьянами, — внезапно разразилась бархатистым рыком Тигрищка.

Нью-Пертпатна стояла на том месте, где некогда располагался русский город Архангельск — во время Перезагрузки его спесли. До ближайших неисправных гелиоприемников на территории, когда-то являвшейся Францией, оставалось 2800 километров. С ночевкой дорога заняла бы тридцать шесть часов.

— Нет, не могу. Нам и без того придется делать остановку для зарядки аккумуляторов по меньшей мере на восемь часов. Чем быстрее мы едем, тем больше тратим энергии и тем дольше нам придется сидеть без дела. Это оптимальный компромисс. Посмотри на выкладки.

А. Б. вибнул Тигришке расчеты. Та взглянула и издала разочарованный рык:

— Мне нужно побегать! Я не могу сидеть в этой вонючей консервной банке целых четыре часа! Дома я занимаюсь на дорожке каждый час.

---

[1] Прерывистое равновесие — теория, согласно которой эволюция размножающихся половым путем существ происходит скачками, чередующимися с продолжительными периодами относительного постоянства.

А. Б. хотел было рявкнуть: «Это ведь не я засунул в тебя тигровые кодоны[1], так что потише!» — но предпочел переключить кондиционер кабины на усиленный режим и вежливо ответить:

— В данный момент я могу лишь несколько оградить твой нос от неприятностей. Побегать ты сможешь, когда мы остановимся на обед. А сейчас почему бы тебе не повибить, как старина Гершон?

Гершон Талес перестал размахивать руками и воззрился на А. Б. Его скорбный глас звучал подобно жидкому цементу, с хлюпом вытекающему из кюветы:

— На что это ты намекаешь? Что я зазря трачу свое время? А вот и нет. У меня тут постчеловеческая дискуссия на «Главном скачке». Весьма возбуждающе. Вам обоим не помешало бы расширить сознание подобным образом.

Тигришка зашипела. А. Б. запустил приложение, мягкими волнами постепенно приводившее к полному успокоению, — этакий аналог счета до десяти.

— Как руководителя группы, меня совершенно не волнует ваше времяпрепровождение. У вас еще будет повод проявить себя. А теперь: как насчет того, чтобы дать мне спокойно вести рол?

В действительности же «дорога» не особенно-то и требовала внимания водителя. Обширная полоса утрамбованной земли, очищаемая от травы родственниками брадобреев А. Б., шла параллельно на удивление элегантной линии сверхпроводящей передачи, снабжавшей энергией целый город. Она прямолинейно, словно современное правосудие, бежала к питавшим ее гелиоприемникам. Тень от рядов высаженных вдоль дороги эвсостопов смягчала сияние солнца и давала хоть какую-то прохладу.

А прохлады недоставало. Чем дальше на юг они углублялись, тем жарче становилось. Вскоре температура достигнет пятидесяти градусов. И работать снаружи в подобных условиях энергетики смогут лишь благодаря своим контакт-костюмам.

---

[1] *Кодон* — единица генетического кода, состоящая из трех последовательных нуклеотидных остатков в ДНК или РНК.

А. Б. пытался получить удовольствие от ощущения вождения — формы развлечения из прошлого, не отказать себе в которой ему удавалось лишь изредка. Его повседневная работа в основном ограничивалась помещениями и заключалась в текущем ремонте, контроле, оптимизации спроса и предложения да порой в высокоуровневой доработке. Человек все-таки обладает высокой интуицией, тягаться с которой не в силах ни один киб. Полевая экспедиция — желанная передышка от всей этой надомной работы. Или была бы таковой, окажись коллеги приятнее.

А. Б. вздохнул и прибавил скорость, самую малость.

Проведя в пути почти пять часов, они остановились на обед немного севернее места, где некогда располагалась Москва. Вместо нее так и не возвели Перезагруженного города — предпочтение отдавали районам севернее.

Стоило широкой двери скользнуть вверх, как Тигришка пулей вылетела из кабины. Она кинулась в сторону бесконечного леса эвсостопов, причем много быстрее обычного человека. Спустя полминуты А. Б. и Гершон Талес подскочили от зычного и победного рева.

— Наверное, поймала мышку,— сухо предположил Талес.

А. Б. рассмеялся. Может, Талес не такой уж и зануда.

А. Б. подключил рол к ближайшему понижающему узлу зарядки на передающем кабеле, предназначенному как раз для подобных случаев. Даже час заправки будет нелишним. Затем он достал бутерброды с козлятиной и салатом, приправленные карри. Обед с Талесом вышел вполне компанейским. Вернулась Тигришка: уголок ее рта был испачкан мышиной кровью. От человеческой пищи она отказалась.

Забравшись в транспорт, Талес и Тигришка откинули спинки сидений и устроились на послеобеденный сон; вскоре их дремота заразила А. Б. Он поставил рол на автопилот, откинул спинку и быстро заснул.

Проснувшись через несколько часов, А. Б. обнаружил, что они почти достигли 54-й параллели — район бывшего Минска.

Температура за пределами их комфортной кабины достигала обжигающих тридцати пяти градусов, и это несмотря на закат.

— Докатим до Старой Варшавы и устроим там ночлег. Тогда на завтра останется чуть более тысячи ста километров.

— Мы доберемся до ферм поздно вечером — слишком поздно, чтобы имело смысл проводить какое-то обследование, — возразил Талес. — Почему бы не ехать всю ночь на автопилоте?

— Я хочу, чтобы мы хорошенько выспались, без этой тряски. И потом, все равно нам попадется или упавшее поперек дороги дерево, или свежий провал грунта. А автопилот отнюдь не безгрешен. — От страстного мурлыканья Тигришки у А. Б. заныла мошонка. — Кое с какими помехами мне надо разбираться самому.

С наступлением ночи рол остановился. Дверь открылась, и троицу окатило жаром. Их контакт-костюмы автоматически включились в режим защиты. Несчастная, охваченная зноем старушка планета... Они натянули капюшоны и только тогда почувствовали облегчение.

Извлекли три персональные гомеостатические палатки, которые по виб-команде с хлопаньем раскрылись за дорогой. Энергетики забрались внутрь, где по отдельности поели и быстро заснули.

А. Б. разбудила возбуждающая ласка. Теряясь в догадках относительно того, нанесла ли Тигришка предварительно визит Талесу, он все же без всяких сомнений смог бы указать утром в отчете — будь таковой затребован Джиту Кисуном и администрацией Энергетической службы, — что она сохранила еще достаточно энергии, чтобы его истощить.

3. Пески Парижа

Безбрежная и грозная пустыня, охватывающая весь мир южнее 45-й параллели, навеяла тоску на каждого пассажира рола. А. Б. провел языком по губам, истрескавшимся и иссохшимся до невозможности, сколько бы он ни пил воды из заплечного бурдюка контакт-костюма.

Зелень исчезла совершенно, и под безжалостным солнцем пеклась однообразная неторeная и безмолвная пустыня, напоминавшая некий чуждый мир, никогда не знавший поступи человека. Не осталось следа ни от огромных го-

родов, некогда гордо вздымавших свои башни, ни от раскинувшихся пригородов, ни от вьющихся шоссе. Все, что не разобрали для вторичного использования, было погребено под песками.

Рол катился все дальше и дальше вдоль сверхпроводящей линии, его огромные колеса функционировали на рыхлом песке так же безупречно, как и на утрамбованной земле.

А. Б. заново ощутил всю тяжесть удара человеческого безрассудства, нанесенного из прошлого по планете, и подобные переживания удовольствия ему не доставили. Обычно он мало думал на эту скорбную тему.

Всецело современный продукт своей эпохи, перезагруженец до мозга костей, Ауробиндо Банджаланг большей частью был вполне доволен новой цивилизацией. Ее искаженные черты, ее ограничения и принуждения, шаткость и стандартную обстановку он воспринимал безоговорочно — точно так же, как детеныш-тролль убежден, что его мама самая красивая на свете.

Он испытывал гордость за то, что человеческая раса сумела отстроить с нуля сотню новых городов и переместить миллиарды людей на север и юг всего лишь за полстолетия, обгоняя разрушительную и смертоносную погоду. Ему нравился тот гибридный мультикультурный меланж, что пришел на смену старым противоречиям и соперничеству, нравилось это новое смешанное человечество. Все эти ностальгические россказни от Джиту Киссуна и других из его поколения были лишь занимательными сказочками, но никак не хрониками какого-то там утраченного золотого века. Он не мог оплакивать того, чего не знал. И он был слишком занят поддержанием в должном порядке утонченных построений сегодняшнего дня, занят своей работой и счастлив в этой своей занятости.

Попытавшись выразить сии настроения и поднять дух своих товарищей, А. Б. обнаружил, что его собственная оценка Перезагруженной цивилизации отнюдь не всеобща.

— Каждого человека нашего падшего антропоценового периода тенью преследуют мириады духов всех остальных созданий, которых они довели до вымирания, — заявила Тигришка в неожиданно поэтической и угрюмой манере,

вопреки своей обычной грубоватой и отнюдь не сентиментальной практичности. — Киты и дельфины, кошки и собаки, коровы и лошади — все они вглядываются в наши грешные души, и все они смотрят из них. Единственная надежда на искупление состоит в том, что однажды, когда планета будет восстановлена, наши товарищи по эволюции вновь обретут свое телесное воплощение.

Талес издевательски хрюкнул:

— Скатертью дорожка всему этому неразумному генетическому мусору! Homo sapiens — единственный желанный конечный пункт всех линий эволюции. Однако в данный момент диктаторская Перезагрузка завела наш вид в тупик. Мы не сможем сделать завершающий скачок к следующему уровню, пока не избавимся от прочего хлама.

Тигришка фыркнула и сделала резкий ложный выпад в сторону своего коллеги-права над грудью А. Б., из-за чего последний на миг потерял управление ролом. Когда же Талес, поначалу отпрянув, осознал, что никакого вреда ему не причинили, он расплылся в высокомерной и мерзкой ухмылке.

— Ну-ка подожди, — подключился А. Б. — Не значит ли это, что ты и другие правы хотите еще одного Краха?

— Все гораздо сложнее. Понимаешь ли...

Однако А. Б. уже отвлекся от разъяснений права, ибо вмешался виб с запросом четвертого приоритета из его квартиры.

Энергопередающую сеть усеивали виб-узлы, благодаря чему можно было оставаться в постоянном включении, как бы не покидая дома. Конечно же, существовало множество зон молчания, но не здесь, рядом с линией.

А. Б. вполне хватило времени перевести рол на автопилот, прежде чем его взор перекрыл сигнал из дома.

Система безопасности его квартиры зарегистрировала несанкционированный доступ.

Внутри 1ГСК перемещалась какая-то оптическая искаженность размером с невысокого человека и разбрызгивала по мебели нечто, подобное отработанному кулинарному жиру. Руки, державшие распылитель, исчезли в завитке искаженности. А. Б. вибнул своего аватара в домашнюю систему:

— Эй ты! Какого хрена ты *делаешь*?

Некто в плаще-невидимке ответил смехом, и А. Б. тут же распознал характерное гаденькое фырканье Зюлькамайна Сафрански.

— Сафрански, тебе конец! Копы уже в пути!

Не в силах вынести зрелище поругания своей любимой квартиры, А. Б. отключился.

Тигришка и Талес выразили сочувствие товарищу. Однако оставшаяся часть поездки для А. Б. была безнадежно испорчена, и он молча предавался своему горю, пока путешественники наконец не достигли первого из гигантских сооружений, которым Перезагруженные города вверяли само свое существование.

В целях надежности снабжения структура Гелионояса была сделана тройственной.

Сначала появились обширные фермы башен с вертикальной тягой нагретого солнцем воздуха — гигантские трубы, направлявшие поток снизу вверх, который приводил во вращение турбины.

Затем шли параболические зеркальные лотки, отслеживавшие ход солнца и нагнетавшие тепло в специальные котловины, озера из расплавленных солей, которые, в свою очередь, вращали другие турбины после заката.

Наконец, сомкнутые ряды фотогальванических секций, вырабатывавших непосредственно электричество. Именно эти устройства, принципиально самые простые, самые надежные, как раз и испытывали проблемы из-за наноса какой-то пыли.

Вибнув GPS-координаты места поломки, А. Б. довел рол до пораженных фотогальванических панелей. Парадоксально, но он обратил внимание на равномерное и всепроницающее завывание двигателей транспорта лишь после их отключения.

За пределами корпуса рола садящееся солнце сверкало, словно зловещее око циклопа, устремленное на гибнущее человечество.

Дверь скользнула вверх, и энергетиков обдало дыханием дракона. Контакт-костюмы включились на полную мощность, дабы оградить команду от враждебной среды.

К удивлению мужчин, подавленная и задумчивая Тигришка вызвалась разбить лагерь. Стоило опуститься сумеркам, как она поставила интеллектуальные палатки и приготовила ужин — цыплячьи крокеты с жареными бобами.

А. Б. и Талес прошли с десяток метров по песку до ближайшей пораженной платформы с солнечными элементами. В защищенной перчаткой руке прав держал портативную лабораторию.

Маленький ремонтный киб, потертый и опаленный, располагался на верхней части решетки и героически, но безуспешно откалывал своим многофункциональным инструментом твердую кремнистую корку, местами покрывавшую фотогальваническую панель.

Талес взял несколько упавших хлопьев неизвестного вещества и поместил их в анализ-камеру лаборатории.

— Мы получим полные данные о составе этой дряни к утру.

— Не раньше?

— Ну, вообще-то, к полуночи. Но к тому времени я намерен уже видеть седьмой сон. Хоть я два дня только и делал, что отсиживал задницу, я все равно совершенно измотан. Это место так угнетает...

— Ладно,— согласился А. Б. В небе начали появляться первые звезды.— На сегодня хватит.

Они поужинали в роле — в безмолвной атмосфере вынужденного товарищества — и разошлись по палаткам.

А. Б. надеялся на повторный ночной визит крадущейся Тигришки, но не особо разочаровался, когда она так и не появилась, чтобы вывести его из прерывистой дремы. По правде сказать, бесплодные пески Парижа иссушили всю его обычную joie de vivre[1].

Наконец он заснул, и ему снились призрачные воды исчезнувшей Сены, невозможным образом текущие глубоко под его палаткой. И Зюлькамайн Сафрански как-то умудрился отвести их, чтобы затопить его квартиру...

---

[1] Радость жизни *(фр.)*.

4. Триатлон Красной королевы

Утром, после завтрака, А. Б. подошел к Талесу, стоявшему чуть поодаль рола. Солнце уже метало свой тиранический заряд фотонов, столь необходимый для выживания Перезагруженных городов, но, с другой стороны, столь обременяющий и без того перенапряженную парниковую экосферу. Переполняемый раздражением и нетерпением, только и мечтающий оказаться дома, А. Б. обошелся без любезностей:

— Я попытался вибнуть в твою лабораторию за результатами, но ты закрыл ее для доступа этой своей пиратской программой. Давай открывай.

Прав уставился на А. Б. с угрюмой невозмутимостью:

— Подожди минутку, мне нужно кое-что достать из палатки, — и с этими словами нырнул внутрь.

А. Б. повернулся к Тигришке:

— Что ты делаешь...

Ослепляющий свет мучительной вспышки сверхновой на миллисекунду взорвал его зрение, прежде чем среагировала защита МЭМС-контактов и затемнила видимость. Судя по сдавленному взвизгу Тигришки, в котором отразились удивление и боль, она получила такой же лучевой удар по глазам.

В первую очередь А. Б. подумал о сбое в виб-системе — например, был неверно направлен сигнал из солнечной обсерватории. Но стоило его линзам восстановить проницаемость, и он понял, что воздействие, несомненно, было внешним.

Когда же зрение восстановилось полностью, прямо перед ним стоял Гершон Талес, и в руке у него был болеизлучатель, а в зоне его действия находились оба коллеги. У ног его валялась разорвавшаяся спазер-граната[1].

А. Б. попытался вибнуть, однако никуда не попал.

— Да, — подтвердил Талес. — Теперь мы в мертвой зоне. Гранатой я сжег все оптические цепи виб-узлов.

---

[1] *Спазер* — недавно разработанный вид лазера, излучение в котором генерируется поверхностными плазмонами.

Вспышке поверхностных плазмонов хватило мощности для этого? Надо же...

— Но зачем?

Даже не дрогнув болеизлучателем, Талес засунул свободную руку в карман контакт-костюма и достал лабораторию:

— Из-за этих результатов. Это как раз тот знак свыше, которого мы так ждали. Отныне Перезагруженная цивилизация обречена. И я не допущу, чтобы кто-либо из администрации Энергетической службы узнал об этом. Чем дольше они будут оставаться в неведении, тем более необратимые изменения произойдут.

— Ты хочешь сказать, что эта расползающаяся фигня так опасна?

— Слышал когда-нибудь о ВСКЛВЭ?

А. Б. по привычке попытался вибнуть информацию, но, к величайшему разочарованию, натолкнулся на сплошную стену воцарившейся зоны молчания. Оказаться запертым в двадцатом веке! Всю его увлеченность прошлым сняло как по мановению руки. Ну и где эта тотальная поднадзорность, когда она так нужна?!

— Воздушная система контроля лесовозобновления и эрозии, — продолжал Талес. — Пакет геоинженерных программ для стабилизации распространения пустынь. От него отказались несколько десятилетий назад. Но, судя по всему, одна программа все-таки самостоятельно ожила. Полагаю, из-за смещения мутировавшей команды. Или же незримой руки Дарвина.

— И что же это?

— Нанопесок. Предназначенный для активизации формирования макростен, которые должны преграждать распространение обычного песка.

— Он-то и поразил солнечные панели?

— Совершенно верно. Он обладает свойством связываться с поверхностью панелей, и его нельзя удалить, не разрушив их. Самовоспроизводящийся. По наилучшим оценкам, нанопесок уничтожит тридцать процентов производства всего лишь за месяц, если с ним не начнут бороться. Он начнет поражать и турбины.

— Но что тебе даст отключение от сети? Когда администрация не сможет связаться с нами, они всего лишь вышлют еще одну бригаду, — произнесла Тигришка с таким искренним интересом, что А. Б. пришел в замешательство.

— Я подожду их здесь и тоже выведу из строя. Мне надо-то продержаться всего месяц.

— А как же еда? — продолжала Тигришка. — У нас не хватит запасов на месяц, даже для одного.

— Буду совершать набеги на рыбные фермы побережья. И опреснять воду для питья. На роле это довольно быстро.

— Ты псих, Талес, — не смог сдержать своего отвращения А. Б. — Падение поставки энергии на тридцать процентов не убьет города.

— О, мы об этом позаботимся. Видишь ли, Перезагруженная цивилизация — всего лишь шаткий стул о трех ногах, сколоченный в безумной спешке. У нас тут не бег Красной королевы, а триатлон Красной королевы[1]. Энергия, пища и социальные сети. Выбей одну ножку — и все рухнет. И мы подтачиваем остальные две ножки. Вспомни того парня, который изуродовал твою квартиру. Подобное поведение встречается все чаще. Урбмоны сводят людей с ума. Люди не созданы для того, чтобы жить в ульях.

Тигришка шагнула вперед. Талес незамедлительно направил болеизлучатель в ее незащищенное лицо. Разряд высокоинтенсивных микроволн — и она бы орала, блевала да корчилась на песке.

— Я хочу присоединиться, — объявила она, и душа А. Б. ушла в пятки. — Единственная возможность для других видов разделить с нами планету появится лишь тогда, когда исчезнет бóльшая часть человечества.

— Ты мне можешь пригодиться, — согласился Талес, критически осмотрев меховушку. — Но тебе придется доказать свою верность. Для начала свяжи Банджаланга.

---

[1] *Бег Красной королевы* — отсылка к эпизоду «Алисы в Зазеркалье» Льюиса Кэрролла, в котором Красная королева объясняет Алисе, что в Зазеркалье «приходится бежать со всех ног, чтобы только остаться на том же месте» *(перевод Н. М. Демуровой)*.

— Прости, обезьянка, — коварно ухмыльнулась та.

Тигришка быстро связала А. Б. биополимерными проводами из рола — да так туго, что нарушилось кровообращение, — и бросила в гомеостатическую палатку.

Чем они там занимаются?! А. Б. принялся извиваться в тщетных попытках освободиться. Он долго дергался, пока не начал опасаться, что наносит повреждения средствам жизнеобеспечения палатки, и прекратил возню. Совершенно уничтоженный после часов борьбы, он впал в ступор, изнывая от жары, внезапно установившейся в палатке, чьи нарушенные системы отчаянно пытались совладать с условиями пустыни. У него вновь начались галлюцинации о подземной Сене, и он осознал, насколько мучительна его жажда. Бурдюк оказался пустым, когда он потянул из трубки.

В какой-то миг появилась Тигришка и дала ему воды. Или нет? Может, это тоже было всего лишь видение.

За пределами интеллектуальной палатки опустилась ночь. До слуха А. Б. донесся волчий вой — точь-в-точь как в сохранившихся документальных фильмах. Волки? Волков уже нет. Но кто-то все же выл...

Тигришка занимается сексом с Талесом. Вот ублюдок. Плохой парень не только выиграл схватку, но еще и заполучил девушку...

А. Б. проснулся от тысячи уколов восстанавливающегося кровообращения: невыносимая мука, каковую никто более не испытывал до и после пленения Гулливера лилипутами.

Над ним склонилась Тигришка, освобождая от пут:

— Прости еще раз, обезьянка, это отняло гораздо больше времени, чем я предполагала. Он не сводил с меня болеизлучателя до самого оргазма.

Что-то теплое закапало на лицо А. Б. Его освободительница плачет? По ее голосу было непохоже. А. Б. поднял руку (на лицо ему словно лег деревянный чурбан) и неловко размазывал какую-то жидкость, пока часть ее не угодила в рот.

Он пришел к заключению, что этот запретный вкус Тигришке столь же приятен, как и мышиная кровь.

Направлявшийся на север рол с двумя пассажирами на борту казался гораздо более просторным. Труп Гершона

Талеса покоился в багажнике — возможно, специалисты смогут его оживить. Обезвоживание и прожаривание на солнце превратили бы его в превосходную мумию.

Лишь только выйдя из мертвой зоны, А. Б. вибнул обо всем произошедшем Джиту Киссуну, который похвалил их обоих, отчего Тигришка даже замурлыкала. А затем А. Б. все свое внимание сосредоточил на личных сообщениях.

Ребята из подразделения по борьбе с нарушениями общественного порядка повязали Сафрански. Однако они извинялись за некоторую задержку в слушании его дела: сейчас у них очень много работы.

Одним из последних сообщений была сельскохозяйственная новость: посевы капусты на фермах, снабжавших двенадцатый Перезагруженный город, подверглись нашествию ранее не встречавшегося вида черной плесени.

Доза калорий в Нью-Пертпатне будет ограничена, но лишь на некоторое время.

Во всяком случае, власти выражали надежду.

ДЖЕК УИЛЬЯМСОН

Терраформируя Терру

Джек Уильямсон (1908—2006) прожил почти сто лет и не прекращал работать до конца. Его писательская карьера, самая продолжительная за всю историю научной фантастики, насчитывает около восьмидесяти лет. В его самом раннем рассказе, напечатанном в первом научно-фантастическом журнале «Amazing Stories» в 1928 году, чувствовалось влияние Абрахама Меррита. Уильямсон стал одним из крупнейших авторов 1930-х годов, публикуя в «Astounding Stories» такие блистательные «мысленные эксперименты», как рассказ «Рожденный солнцем» («Born of the Sun», 1934), где выясняется, что планеты — это яйца и Земля вот-вот проклюнется. Уильямсон также отдал дань ранней космической опере, выпустив цикл «Космический легион» («Legion of Space»). Помимо этого он написал «Легион времени» («Legion of Time», 1938), где подчеркнул значение мелких моментов, названных осью Джонбар, от которых иногда зависит весь ход жизни. В цикле о Сити (Seetee), созданном в 1940-х годах, Уильямсон развил идею внеземной цивилизации. В этот период он опубликовал еще одну значительную работу, «Гуманоиды» («Humanoids», 1948), в которой затрагивал проблему сверхуслужливого искусственного разума. Произведения Уильямсона часто оказывались на передовом крае науки. В романе «Остров дракона» («Dragon's Island», 1951) рассматривалась генная инженерия, эту тему автор продолжил в «Семени человеческом» («Manseed», 1982). Уильямсон до конца жизни продолжал завоевывать премии. Нижеследующая повесть составляет первую часть его романа «Возрождение Земли» («Terraforming Earth»), отмеченного премией Джона Кэмпбелла в 2002 году. Она также проводит нас через апокалипсис и далеко за его пределы.

1

Мы — клоны, последние, пережившие великое столкновение. Тела наших родителей сотни лет лежат на кладбище на каменистом склоне под кромкой кратера. Я запомнил день, когда мой робот-отец повел нас пятерых посмотреть на Землю — туманный, покрытый красными пятнами шар в черном лунном небе.

— Она... как будто больная. — Дайна, поднявшая к ней лицо, и сама выглядела нездоровой. — У нее кровь идет?

— Кровь раскаленной докрасна лавы по всей Земле, — сказал он. — И ржаво-красные дожди крови реками текут в море.

— Мертвая, — поморщился Арне. — Она выглядит мертвой.

— Столкновение убило ее, — кивнула пластиковая голова. — Вы рождены, чтобы вернуть ее к жизни.

— Мы, дети?

— Вы повзрослеете.

— Только не я, — буркнул Арне. — Что, обязательно надо взрослеть?

— А ты что, — поддразнила его Таня, — хотел бы на всю жизнь остаться курносым сопляком?

— Прошу вас... — Мой робот-отец механически пожал жесткими плечами и обвел линзами нас, стоявших вокруг него под куполом. — Ваша миссия — снова заселить Землю. Эта работа, возможно, займет много времени, но вы будете рождаться снова и снова, пока не выполните ее.

Мы знали своих природных родителей по оставленным нам письмам и изображениям в голографических баках и еще по роботам, которых они запрограммировали воспитывать нас. Моего отца звали Дункан Яр: худощавый человек с добрыми серыми глазами и аккуратной черной бородкой — таким я видел его на голограмме. Голос его я любил, даже когда он звучал в роботе.

Купол был для нас внове, большой и странный, полный странных машин, удивительно увлекательных. Прозрачные кварцевые стены позволяли видеть жесткий лунный ландшафт, освещенный Землей. У нас были клоны домашних животных. Моего звали Космонавт. Он рычал и щетинился на чудовищные, испещренные черными тенями скалы вокруг и прижимался к моей ноге. Кошка Тани тоже увязалась за нами.

— Ладно, Клео, — сказала Таня в ответ на ее мяуканье. — Давай выглянем наружу.

Клео взлетела к ней на руки. Прыгать при слабой лунной гравитации было легко. Мой робот-отец указал тонкой рукой из голубого пластика на изрезанную горную стену, огибавшую с обеих сторон купол:

— Станция погружена в грунт у кромки Тихо...

— Кратер, — перебил Арне. — Знаем по глобусу.

— Какой большой,— робко шепнула Таня. Она была долговязой девчонкой с прямыми черными волосами. Мать заставляла ее коротко стричься, и челка падала ей на брови. Забытая Клео повисла у нее на руке. — Он... он гомогромадный!

Она глазела на зазубренный пик посреди огромной черной ямы, освещенный сиянием Земли. Дайна смотрела в другую сторону, на яркие белые лучи, веером расходившиеся от покрытого валунами склона внизу, освещая склады и ангары с космическими кораблями, и на тянувшиеся много выше через серо-зеленые с черными рябинами скалы к черному беззвездному небу.

— Гомогромадный? — передразнила ее Дайна. — Я бы сказала — фрактированный!

— Гомофракта — что? — хихикнул Пепе. Он был маленький и шустрый, такой же тощий, как Таня, и такой же смуглый. Он любил играть и никогда не причесывался. — Вы по-английски говорить не умеете?

— Получше тебя. — Дайна была высокой, светловолосой и не заводила питомцев. Роботы сделали для нее очки в темной оправе, потому что она обожала сидеть в библиотеке над старыми бумажными книгами. — Я учу латынь.

— Кому нужна латынь? — Нас клонировали одновременно, и мы были одного возраста, но Арне вырос самым большим. У него были светлые волосы и бледно-голубые глаза, и он любил задавать вопросы. — Она мертва, как Земля.

— Ее мы тоже должны спасти. — Тихая, застенчивая Дайна всегда оставалась серьезной. — Вдруг новым людям она понадобится?

— Каким новым людям? — Он махнул рукой в сторону Земли. — Если там все мертвые...

— У нас есть замороженные клетки, — возразила Таня. — Мы сможем вырастить новых.

Ее никто не слушал. Мы все уставились на мертвую лунную поверхность. Купол высоко поднимался над каменистой пустыней и словно залитой чернилами ямой кратера. Когда я глянул вниз, голова вдруг закружилась, а Арне попятился.

— Трусишка! — выкрикнула Таня. — Ты серый, как привидение.

Отступив подальше, он залился краской и задрал голову к Земле. Она висела в вышине, огромная, с белыми шапками полюсов и белыми вихрями бурь. Под облаками в морях расходились бурые, желтые и красные разводы от рек, стекающих с темных материков.

— А была такой красивой, — прошептала Дайна. — На старых картинках она голубая, белая и зеленая!

— Была до столкновения, — подтвердил мой робот-отец. — Ваша работа — снова сделать ее красивой.

Арне прищурился на него и замотал головой:

— Не понимаю как...

— Ты бы послушал, — сказала Таня.

— Прошу вас. — Мой робот-отец не мог улыбаться, но голосом умел выражать снисходительную усмешку. — Позвольте мне рассказать, кто вы такие.

— Я знаю, — перебил Арне. — Клоны...

— Заткнись, — одернула его Таня.

— Клоны, — кивнул мой робот-отец. — Генетические копии людей, выживших после столкновения.

— Все это я знаю, — сказал Арне. — Видел на мониторе. Мы родились в родовой лаборатории из замороженных клеток наших настоящих родителей. И как астероид убил Землю, знаю. Прогонял симуляцию на мониторе.

— А я нет, — отрезала Таня. — И хочу знать.

— Начнем с Кальвина Дефалько.

Наши робородители выглядели одинаково, но нагрудные пластины у всех были разных цветов. У моего — ярко-синяя. Он заботился обо мне, сколько я себя помнил, и я любил его не меньше, чем своего бигля.

— Кэл построил станцию и доставил нас сюда. Он погиб, чтобы дать вам шанс вернуться.

Упрямец Арне выпятил толстую нижнюю губу:

— Мне здесь лучше.

— Ты болванчик, — сообщила ему Таня. — Болванчики не разговаривают.

Он показал ей язык, но все мы тесно обступили моего робота-отца и стали слушать.

— Кальвин Дефалько родился в старом городе под названием Чикаго. Он был не старше вас, когда тетя повела его в музей, где стояли скелеты огромных динозавров, некогда владычествовавших на Земле. Гигантские кости напугали его. Он спросил, не могут ли они вернуться.

Тетя хотела успокоить его. Они совсем мертвые, сказала она, убиты гигантским астероидом, упавшим на побережье Мексики. Это напугало его еще больше. Она посоветовала ему не волноваться. Крупные столкновения случаются раз в миллионы лет. Но он все же продолжал обдумывать, как можно пережить столкновение.

Первой ему пришла мысль о колонии на Марсе. Он выучился на астронавта и возглавил единственную экспедицию, которой удалось туда добраться. Планета оказалась враждебной, неподходящей для самостоятельной колонии. Почти все члены команды погибли, зато вернувшийся Кэл так прославился, что сумел убедить мировое правительство основать станцию Тихо.

Ее строили живые мужчины и женщины, но они вернулись домой, когда появились усовершенствованные человекообразные роботы. Роботы остались работать в обсерватории и вести наблюдения. Заметив приближение беды, они должны были предупредить Землю.

— Но убийца все равно нанес удар, — вставил Арне. — Почему его не остановили?

— Ш-ш-ш! — одернула его Таня. — Слушай!

Он закатил глаза.

— Все сложилось ужасно неудачно. — Голос моего робота-отца проникся настоящей отцовской печалью. — Астероид состоял в основном из железа и был больше того, который погубил динозавров. И двигался он быстро, по орбите вблизи Солнца, которое скрыло его от телескопов. Когда его увидели, уже было поздно менять орбиту. Но кое-кому все же повезло...

— Повезло?' — насупился Арне. — Когда весь мир погиб?

— Тебе повезло, — обратился прямо к нему мой робот-отец. — Твой отец не входил в группу, которую Кэл называл «командой сохранения вида». Это была горстка людей, владеющих полезными навыками и избранных по принципу составления устойчивого генетического фонда. Твой отец, Арне Линдер, был геолог, он написал книгу о терраформировании Марса — приспособлении его для существования людей. Кэл приглашал его участвовать в марсианской экспедиции, но тот не рискнул. Если бы не счастливая случайность, что привела его на Луну, тебя бы не было на свете.

Арне сглотнул и заморгал.

— Кэл каждые три месяца летал на станцию на грузовом корабле. Столкновение застало его в Нью-Мексико, где корабль загружался для следующего рейса, но еще не был заправлен горючим. Команда оказалась разбросанной по всей Земле. Линдер находился в Исландии, в тысячах миль оттуда. А твоя мать... — Его линзы обратились на Таню, и голос потеплел. — Таня Ву была в команде биологом. Это она устанавливала родовую лабораторию. Предупреждение настигло ее в Массачусетсе, на другом краю континента, где она собирала клетки и эмбрионы для криоустановки. Она едва успела добраться сюда со своей кошкой. Твоя Клеопатра — ее второй клон.

Клео мурлыкала на руках у Тани, сонно щурясь на сияющую Землю.

— А ты, Пепе... — Линзы развернулись к нему. — Твой отец, Пепе Наварро, был пилотом авиалиний. В последний день он оказался в Исландии с Линдером, проводившим сейсмическую разведку. Они чуть не опоздали в Белые Пески. — Линзы блеснули в сторону Арне. — Вот почему ты здесь.

— А я? — взмолилась Дайна. — Я кто?

— Ты? — Лицо моего робота-отца не изменилось, но в голосе зазвучали смех, ласково поддразнивавший нетерпеливую девочку. — Твоей клон-матерью была Дайна Лаард, куратор Зала человечества в Большом музее. Кэл пригласил ее помочь в отборе всего, что необходимо спасти. Наш

музейный уровень полон собранными ею книгами и изделиями. Сейчас он закрыт, но вы все будете изучать его, когда подрастете.

— Теперь очередь Данка, — подмигнула мне Таня.

— Ладно. — Голос более серьезно обратился ко мне. — Я был репортером научного отдела. Кэл нанял меня для рекламы станции. Она обходилась дорого, и нам надо было убедить скептиков, что дело того стоит. Я случайно оказался в Белых Песках во время падения астероида — собирался писать статью о родовой лаборатории. Мне тоже повезло.

— А Космонавт? — спросил я. — Он был твоей собакой?

— Честно говоря, нет. — Он сдерживал смех. — Я был слишком занят, чтобы заводить собаку, а вот Кэл их любил. Предок Космонавта был бродяжкой. Он случайно пробегал по полю перед самым взлетом. Кэл подозвал его, он запрыгнул на борт, и вот он здесь. Действительно счастливчик.

— Счастливчик? — Арне хмуро обводил взглядом безжизненную блестящую поверхность Луны. — А ведь он мертв. Как и наши родители и вся Земля. — Он чуть ли не с отвращением покосился на нас с Космонавтом. — По-твоему, быть клонами — счастье?

У моего отца не нашлось готового ответа.

— Мы живы, — ответила за него Таня. — Тебе что, не нравится жить?

— Здесь? — По-моему, его передернуло. — Не знаю...

— А я знаю. — Пепе ухватился за пластиковую руку моего робота-отца. — Я хочу узнать все про столкновение и про то, чем мы можем помочь.

— Я на это надеялся. — Мой отец обнял его и обратился ко всем нам: — Астероид был осколком тяжелой скалы, корявым, как картофелина, десяти миль в длину. Возможно, это был остаток еще большего столкновения. Кэл делал все, что мог, чтобы держать станцию наготове, но такого никто не ожидал.

Предупреждение пришло в Белые Пески перед самой рождественской полуночью. У нас было бы больше време-

ни, если бы дежурный, перед тем отмечавший праздник, не заснул на посту. И все мы могли бы погибнуть, если бы его помощник не заметил красную лампочку и не вызвал Кэла. У нас оставалось всего шесть часов.

В праздничный день все разъехались, ни с кем невозможно было связаться. Грузовой корабль стоял на площадке, но надо было еще сделать миллион дел, а времени не было. Кэл не хотел выпускать новость в эфир, опасаясь паники. Возможно, это было мудро, но это не позволило нам дать объяснения внеурочному взлету. Горючее было заказано, но еще не доставлено. И надо было дождаться доктора Линдера и доктора Ву и продолжать погрузку. Жуткое время.

Сейчас мой робот-отец говорил быстро, срывающимся голосом.

— И в то же время часы величественного героизма. Кэлу в конце концов пришлось объяснить все людям на космодроме — сказать, что жить им осталось считаные часы. Можете представить, как отчаянно рвались они к своим родным, но большинство остались на постах и напряженно работали.

Как мы ни старались, известие прорвалось в эфир. Десятки репортеров и операторов заполонили космодром. Кэлу пришлось подтвердить информацию и умолять их не лишать нас последнего шанса. «Поцелуйте на прощание ваших жен, — слышал я его слова, — молитесь или просто напейтесь». Не знаю, что они сообщали, но вскоре теле- и радиостанции замолчали.

Мы были еще на Земле, когда астероид рухнул в Бенгальский залив на юге Азии. Надо было взлететь, пока ударная волна не настигла нас в Белых Песках. Первыми пришли глубинные волны, за ними более губительные — поверхностные.

Наварро с Линдером прилетели из Исландии. Погрузочная команда загрузила все, что было возможно. Мы успели — в последний момент. Мы не поднялись и на тысячу футов над взлетной площадкой, когда по полю разошлись трещины и желтая пыль затянула все.

Позади нас погибала Земля.

2

— Но вы спаслись? — Пепе уставился на него круглыми глазами. — Вы были героями.

— Мы не чувствовали себя героями. — Голос моего робота-отца звучал торжественно и тихо. — Подумай, что мы потеряли. Нам было очень одиноко.

Голое пластиковое тело вздрогнуло, и линзы медленно обвели наш кружок.

— Рождество. — Он помолчал, вспоминая. — Этому дню полагалось быть счастливым. У меня сестра с мужем жила в Лас-Крусесе, недалеко от базы. У нее было двое детей-пятилеток. Я купил им трехколески. Она готовила обед, запекала индейку, резала салаты, делала клюквенный соус.

Голос у него прервался, и он немного помолчал.

— Вы всего этого *никогда не пробовали*, а мы *любили* полакомиться на Рождество. Из Огайо собирались приехать мои родители. Отец работал до самого конца. Мать после автомобильной аварии была прикована к инвалидному креслу, но они хотели объехать весь мир. Всю жизнь мечтали о кругосветном путешествии. Они так и не узнали, что гибнут. Сестра звонила, но я не сумел сказать... — Он снова осекся, и в голосе послышалось что-то незнакомое. — Даже не попрощался.

— Что такое трехколески? — полюбопытствовал Арне.

Робот-отец стоял, глядя на выпачканную в ржавчине Землю, пока Пепе не дернул его за пластиковую руку:

— Расскажи, как вы спаслись.

— Я не входил в команду. Кэл взял меня на место антрополога, который тогда был на раскопках в Мексике. Наверно, нам полагалось бы радоваться. Но тогда, оглядываясь на ужасную тучу, уже затянувшую половину Земли, никто из нас ни о чем хорошем не думал. — Он взглянул на Дайну. — Твоя мать открыла ноутбук и плакала над ним, пока доктор Ву не дала ей какое-то снотворное.

— Нервы не выдержали. — Арне скорчил Тане рожицу. — Мой отец был храбрее.

— Может быть. — Кажется, отец рассмеялся. — Отец Пепе, наш пилот, достаточно владел собой. Он вывел нас

на орбиту, а потом передал управление Кэлу. У него был с собой литр мексиканской текилы. Он выпил почти до дна, пел испанские песни, а потом заснул и проспал до самой Луны.

— *Какая она страшная.* — Дайна не сводила глаз с Земли и говорила сама с собой. — Красные реки, будто кровь льется в океан.

— Красная глина, — пояснил мой робот-отец. — Железо, принесенное астероидом, окрасило ил в красный цвет. Дожди смывают его в реки, потому что не осталось травы, которая удерживала почву.

— Грустно. — Когда Дайна подняла к нему глаза, я заметил в них слезы. — Вам было грустно.

— Расскажи, — попросила Таня. — Расскажи, как это было.

— Довольно плохо. — Он покивал. — Набирая высоту к востоку от Нью-Мексико, мы встретили поверхностную волну, расходившуюся от точки удара. Твердая кора планеты шла рябью, как морская вода. Здания, поля и горы поднимались к небу и рассыпались в прах.

Удар выбросил в стратосферу огромное облако раскаленного добела пара и обломков. Над Азией уже лежала ночь. Мы ушли далеко на север, но и там видели облако, уже оседавшее и расползавшееся, но все еще светившееся изнутри красным.

Когда мы зашли на новый виток, облака уже покрыли всю Землю. Сначала они были ржаво-коричневыми, но, по мере того как оседала пыль, цвет бледнел. В верхних слоях конденсировались облака, и вся планета стала белой и яркой, как Венера. Это было красиво. Красиво и страшно, — повторил он упавшим голосом.

— Все? — шепнула Дайна, утирая слезы. — Все погибли?

— Кроме нас. — Пластиковая голова очень медленно кивнула. — Здесь, на станции, роботы принимали последние радиосигналы. Удар дал выброс радиоактивности, прервавший сообщение на тысячи миль. Вместе с ударной волной по Земле распространялось молчание.

Несколько пилотов находившихся в воздухе самолетов пытались докладывать о том, что видели, но думаю, не

осталось никого, кто мог бы их услышать. Теле- и радиостанции исчезали из эфира, но несколько смельчаков продолжали передачи до конца. Лайнер в Индийском океане успел позвать на помощь. Мы приняли видеопередачу репортера, снимавшего падение Тадж-Махала в лунном свете.

Один американский астроном угадал, что происходит. Мы поймали речь представителя Белого дома, выступившего с опровержением. Передача прервалась на середине. Наблюдая с высоты, мы видели гигантскую волну, накатывавшую с Атлантического океана. Последнюю весточку мы получили из Белых Песков. Пьяный радист пожелал нам счастливого Рождества.

— Вы добрались сюда! — Пепе весело ухмылялся. — А что случилось с мистером Дефалько?

— Робот для него здесь есть, — вставила Таня. — И я видела замороженные клетки в хранилище.

— Трагедия. — Лицо моего робота-отца не передавало выражения, но голос звучал мрачно. — Кэл попал с нами на Луну, но погиб, не успев запрограммировать компьютер на обучение его клонов. Он был настоящим героем. Удар был настолько катастрофическим, что наша миссия стала казаться невыполнимой, однако он не сдался.

Он старался занять нас делом, чтобы некогда было переживать. Мы разгружали челнок, переносили в криоустановку семя, эмбрионы и замороженные живые клетки. Надо было приспособиться к лунной гравитации, а значит, по многу часов потеть в центрифуге, чтобы мышцы не размякли. Надо было очистить гидропонные сады и снова привести их в действие. Кэл, еще надеявшийся, что кто-то или что-то могло уцелеть, проводил ночи здесь, у телескопов. Земля была тогда огромной белой жемчужиной, сверкавшей отраженным светом и рябой от вулканических выбросов. Мы не могли видеть поверхности.

На второй год он решил вернуться...

— Туда? — опешил Пепе. — Он сошел с ума?

— Это самое мы ему и говорили. Мы не видели признаков жизни — мы вообще ничего не видели сквозь сияющие облака, — но ему все казалось, что несколько уце-

левших еще держатся. Если там кто-то оставался, он хотел им помочь.

Мы спустились втроем: Пепе на управлении, Кэл с поисковой аппаратурой и я с видеокамерой. Мы летели низко, но видели только смерть. Удар выжег города, леса и прерии. Полярные шапки растаяли. Низменности залило водой, береговые линии изменились. Мы увидели Землю такой, какой ее теперь видите вы: черной и голой, изливающей в океан красную грязь. Нигде ни проблеска зелени.

В надежде, что жизнь сохранилась в океане, Кэл приказал Пепе посадить нас на берегу нового моря, уходившего в глубину Амазонской низменности. Я вдохнул немного воздуха, когда мы открывали люк. Он вонял горящей серой, и все мы закашлялись. Тем не менее Кэл твердо решил взять образцы Земли и воды для микроскопических исследований.

Оборудования у нас не было, и он устроил для себя импровизированный скафандр: пластиковый мешок на голове и кислородный баллон с трубкой во рту. Мы наблюдали с борта. Унылое зрелище. Рваный конус черной лавы поднимался к северу от нас. Солнца не было. На западе вспыхивали зарницы грозовой тучи.

У Кэла было радио. Он добрел до воды, нагнулся, чтобы собрать несколько камней в ведро для образцов. «Никакой зелени, — слышал я. — Ни малейшего движения. — Он оглянулся на курящийся вулкан за спиной, оглядел кровавое море. — Нигде ничего».

Пепе умолял его возвращаться, но он пробормотал что-то неразборчивое и перебрался через поток застывшей лавы к грязному ручью. Присел на берегу и наскреб что-то в ведро. Мы видели, как его скрючил приступ кашля, однако он выпрямился и медленно побрел по воде к берегу, к розовой пене прибоя.

Пепе снова позвал его. Он махнул бутылью для образцов: «Наша главная надежда. — Хриплый голос звучал как карканье, но я разобрал несколько слов. — Если в море осталась жизнь... я надеюсь...»

Надеюсь... Подавившись последним словом, он попытался вдохнуть и не смог. Он выронил рацию и ведро, сде-

лал к нам несколько шагов и упал. Баллон с кислородом уплыл от него. Мы видели, как он потянулся за ним, но следующая волна отбросила баллон еще дальше.

— Вы оставили его там? — вскрикнула Дайна. — Оставили умирать?

— Мы оставили его мертвым. Пепе хотел помочь, но он был слишком далеко. Остался без кислорода, и воздух убил его.

— Воздух?

— Плохой воздух. — Мой робот-отец почти по-человечески беспомощно пожал плечами. — В том глотке, который я сделал, в смеси вулканических газов был цианид.

— Цианид? — нахмурился Пепе. — Откуда?

— Из кометного хвоста астероида.

— Ядовитый воздух. — Арне побледнел. — И вы хотите, чтобы мы туда вернулись?

— Чтобы помочь природе его очистить. — Его линзы обвели всех пятерых. — Если там не осталось зеленых растений, чтобы восстановить кислород, вы их посадите. Кэл погиб, не закончив работы. Ее заканчивать вам.

3

Миссия досталась нам, нам одним. Мы умерли и оставили роботов спать, пока на Земле проходил ледниковый период. Родовая лаборатория снова выносила нас, и нас вновь воспитывали наши умершие родители.

Мой робот-отец всегда был со мной. Он учил меня читать первые слова, обучал естественным наукам и геометрии, следил за временем, пока я выматывался на каторге центрифуги.

— Держи себя в форме, — повторял он мне. — Меня хватит навечно, но ты всего лишь человек.

Он заставлял меня работать до седьмого пота.

— В тебе гены твоего клона-отца, — напоминал он. — Тебе никогда им не стать, но я прошу тебя обещать, что ты никогда не откажешься от нашей благородной миссии.

Я обещал, прижав руку к сердцу.

Робот-отец Пепе учил его таблице умножения и ракетной технике, а еще боксу. Бокс должен был выработать у него быстроту ума и реакции.

— Тебе все это понадобится на Земле, — говорил он.

Пепе нравились соревнования. Он вечно старался втянуть в тренировки меня и Арне. Меня он колотил вволю. Здоровяк Арне мог отшвырнуть его на другой конец центрифуги, но он всегда возвращался за добавкой.

Робот-мать Тани учила ее нянчить кукол размером с живого младенца, учила и биологии, и генетике, необходимым для терраформирования Земли. В родовой лаборатории Таня научилась клонировать и препарировать лягушек, но препарировать кошек отказывалась наотрез.

Робот-отец Арне помогал ему, когда тот учился ходить, и преподавал геологию терраформирования. Первым его экспериментальным проектом стала колония клонированных муравьев в стеклянном террариуме.

— Мы не можем существовать одни, — говорил ему клон-отец. — Мы развивались как часть биосферы. В криоустановке хранятся семена, споры, клетки и эмбрионы, которые помогут вам ее возродить.

В детской и на игровой площадке, потом в классах и в спортзале мы научились любить роботов. Они тоже любили нас, насколько роботы на это способны. Они были бессмертными. Иногда я им завидовал.

Я горевал о родителях и об их Земле, погибшей сотни тысяч, если не миллион лет назад — роботы не знали точно. Компьютер разбудил их, когда Земля вновь прогрелась настолько, что на ней стала возможна жизнь.

Мы видели их только на голограммах, слышали их голоса из голографических баков. Когда мой голографический отец исполнял роль учителя, он выглядел высоким худым человеком в темном костюме, с тонкими черными усиками. Когда он считал, сколько раз я отжался в центрифуге, то казался моложе, безусым, в красном спортивном костюме. В спокойные минуты, рассказывая о своей жене и доме, он бывал в бордовом халате. Читая лекцию из бака, он иногда помахивал незажженной трубкой.

Он хотел, чтобы я знал историю искусства.

— Я писал книги и статьи о проекте до столкновения,— сказал он.— Тебе придется продолжать историю. Она понадобится тем, кто придет за нами.

Робот-мать Тани ничем не отличалась от других роботов, кроме золотой пластинки на плоской груди, зато ее голографическая мать была высокой, красивой и совсем не плоскогрудой. У нее были яркие серо-зеленые глаза и густые черные волосы, падавшие, когда она их распускала, до пояса.

В классном баке, обучая нас биологии, она представала в белой лабораторной куртке. В спортзале, на занятиях танцами, являлась в красивом черном платье. В бассейне на нижнем уровне — в красном купальнике, и в нем же я видел ее во сне. Настоящего пианино у нас не было, но она иногда играла на рояле в баке и пела песни, записанные по памяти, о жизни и любви на Земле.

Таня выросла такой же высокой, как она, с такими же яркими зеленоватыми глазами и шелковистыми черными волосами. Она любила петь те же песни тем же звучным голосом. Мы все ее любили — все, кроме Дайны, которой, казалось, было все равно, любит ли ее кто-нибудь.

Голографическая мать Дайны, доктор Дайна Лазард, была меньше Таниной, с грудью плоской, как серая именная пластинка на ее роботе. У нее были волосы красного золота, наверно, красивые, если бы она отпустила их подлиннее, но она стриглась коротко и обычно скрывала их под черным колпачком. Она научила Дайну французскому и русскому, истории литературы и искусства, и почти все, что мы, остальные, знали о старой Земле, мы узнали от нее.

— Знание. Искусство. Культура.— Ее обычный голос был сухим и невыразительным, но начинал звенеть, когда она заговаривала об этих сокровищах и о том, как пугает ее мысль, что они утрачены навсегда.— Нет ничего важнее этого!

На ее занятиях мы надевали видеорадиошлемы, которые позволяли устраивать экскурсии по прежнему миру. Мы на виртуальном самолете пролетали над белыми вершинами Гималаев, ныряли в реку, прорезавшую Большой

каньон, пересекали ледяную пустыню Антарктики до самого полюса. Мы видели пирамиды и Акрополь и более поздние небоскребы. Она водила нас по Эрмитажу, Лувру и Прадо. Она хотела, чтобы мы полюбили их и всю пропавшую Землю.

Дайна любила. Когда она доросла до копии своей матери, она так же коротко подстригла волосы, прикрывала их таким же черным колпачком и носила такие же темные платья. Если ей кто-то и нравился, то разве что Арне.

Его клон-отец, доктор Линдер, был мускулистым великаном, который преподаванием атлетики оплачивал свой путь к степеням в физике и геологии. Такой же толковый и сильный, Арне целыми днями бегал на тренажере в центрифуге. Он учился всему, чему могли научить наши родители, и в ВР-шлеме совершал с Дайной экскурсии по погибшему миру, а потом играл с ней в шахматы. Может быть, они занимались любовью — не знаю.

У нас не было детей. Как бы ни хотелось нам их иметь, в планы Дефалько они не входили. Родовая лаборатория, как объяснила мать Тани, предназначалась только для клонов. Роботы, когда требовалось, давали нам контрацептивы.

Тане они требовались часто. Она, наш биолог, разбиралась в сексе и наслаждалась им. Как и Пепе. Они еще подростками всегда держались вместе и не скрывали своих чувств. Впрочем, Таня бывала щедра и ко мне.

Однажды, танцуя с ней в спортзале, я, оглушенный ее запахом, голосом, ее легким телом в моих объятиях, прошептал ей признание. Под обжигающим взглядом Пепе она вывела меня из зала и отвела наверх, в купол.

Было новоземелие, огненно-красный серп Земли рассекал черную беззвучную ночь, окрашивая лунную поверхность в мертвенный розоватый цвет. В полутемном куполе Таня обнажила свои прелести и раздела меня, дрожавшего от волнения и восторга.

В слабой гравитации Луны нам не нужна была постель. Таня смеялась над моей неопытностью и учила меня. При всем ее опыте урок был для нее таким же наслаждением. Мы пробыли там долго, танцы уже кончились, и, только когда проснулись роботы, мы вернулись вниз. С прощаль-

ным поцелуем, которого я никогда не забуду, она шепнула, что, подучившись, я мог бы превзойти Пепе. Увы, больше такое не повторялось.

Должно быть, она нашла, чем утешить Пепе, потому что он не затаил на меня обиды. По правде сказать, после того случая он стал дружелюбнее прежнего — может быть, потому, что мы разделяли одну любовь. Он хуже ладил с Арне, который без конца играл в шахматы с Дайной и странствовал по старой Земле в ВР-шлеме, изучая планы восстановления планеты, составленные Дефалько. Он хотел быть нашим лидером. Лидером, конечно, должен был стать клон Дефалько, но робот с этим именем на белой пластинке безжизненно стоял в углу склада под слоем тысячелетней серой лунной пыли.

В тот год, когда нам исполнилось по двадцать пять, робородители собрали нас в спортзале. Наши голографические родители уже ждали нас в одном большом баке, в самых официальных костюмах и с самым серьезным видом.

— Вам пора лететь на Землю, — за всех начал мой отец. — Ваше обучение закончено. Удаленные сенсоры показывают, что ледниковый период оканчивается. Роботы заправили двухместный лунный скакун и загрузили его семенами. Двое из вас могут лететь, как только будут готовы.

— Я готов, — взглянув на Таню, подал голос Пепе. — Сегодня, если можно.

— Ты будешь пилотом. — Мой отец улыбнулся и повернулся к Арне. — Линдер, ты изучал терраформирование. Ты займешься распределением семян.

Арне, вспыхнув, замотал головой.

4

Арне мотал головой, хмуро глядя на наших родителей в баке. Дайна шагнула к нему и обняла.

— К черту Дефалько. — Он упрямо выпятил губу. — К черту его безумный план! Обстоятельства изменились. Никто и вообразить не мог, каким огромным будет астероид. Он стерилизовал планету, разломал кору. Да, восстановление происходит, полярные шапки отступают, но со-

храняется опасная сейсмическая активность. Я считаю, надо выждать еще одно поколение.

— Арне! — с болью и укором выкрикнула Таня. — Альбедо[1] показывает, что она достаточно прогрелась. Уже готова нас принять.

— Если верить альбедо.

Наши голографические родители застыли в баке, устремив взгляды на Арне, словно главный компьютер не был запрограммирован на подобный мятеж, зато Таня скорчила ему рожу.

— Кроликошка! — пронзительно выкрикнула она, вспомнив детскую дразнилку. — Притворяешься героем, а на самом деле всегда был зайцем. Трус!

— Прошу тебя, Тэмми, — тронул ее за руку Пепе. — Мы все уже взрослые. — Он очень трезво обратился к Арне: — И не смеем забывать, зачем собрал нас здесь доктор Дефалько.

— Дефалько мертв.

— Со временем мы все умрем. И снова умрем, — пожал плечами Пепе. — Нас это не должно волновать. Нас можно заменить.

— Слава доктору Дефалько! — Арне горячился, но к Тане обернулся с наигранным спокойствием и покачал головой: — Ты называешь меня трусом. А я просто осторожен. Я знаю геологию и теорию терраформирования. Я провел тысячи часов, наблюдая Землю с помощью телескопов, спектроскопов и радаров, изучая океаны, речные бассейны и низменности.

И нигде не нашел условий, пригодных для жизни. Моря все еще загрязнены тяжелыми металлами астероида, а реки смывают с материков все новые смертельные яды. Атмосфера непригодна для дыхания. Кислорода практически нет. Содержание углекислого газа смертельно. Сернистый газ от непрекращающихся извержений. Климат повсюду слишком суров, чтобы там могла укорениться жизнь. Даже если вопреки всем доводам решиться на безумную попытку, давайте выждем хотя бы десять-двадцать лет.

---

[1] *Альбедо* — величина, характеризующая отражательную способность поверхности.

— Чего ждать? — отрезала Таня. — Если для очистки планеты не хватило ледникового периода, какого чуда ты дождешься за десять — двадцать лет?

— Мы могли бы собирать данные, — негромко и рассудительно возразил Арне. — Могли бы перестроить план так, чтобы он соответствовал Земле, какой она должна стать через двадцать или двадцать тысяч лет. Можем подготовиться, если уж в конце концов нам придется взяться за дело.

— Мы уже готовились. — Пепе дождался кивка Тани. — И учились. Готовыми больше, чем сейчас, мы никогда не будем. Отправляемся, я говорю. Сейчас.

— Без меня. — Арне прижал к себе Дайну, и она улыбнулась ему в лицо. — Без нас.

— Нам будет тебя не хватать. — Пепе пожал плечами и повернулся ко мне: — А ты как, Данк?

Я сглотнул и набрал в грудь воздуха, чтобы сказать: «С вами», но Таня уже схватила его за руку:

— Я биолог. Я знаю, что надо делать. И нашла кислородные маски на складе. Ты только спусти меня вниз, и я сумею посеять семена.

Они улетели вдвоем. Пепе пилотировал скакун, а Таня передавала по радио сообщения обо всем, что они видели с низкой орбиты. Она описала съежившиеся ледяные шапки, высокий уровень моря, изменившуюся береговую линию, из-за которой трудно было узнать знакомые континенты.

— Нам нужна почва, в которой могли бы прорасти семена, — сказала она. — С высоты трудно определить, есть ли она вообще. Правда, эрозия идет, но дожди смывают почти все осадки в море, потому что нет корней, которые бы ее удерживали.

Дайна спросила, сохранилось ли что-то от человеческой цивилизации.

— От цивилизации? — ехидно передразнила Таня. — Ледник и время стерли с лица Земли великие пирамиды. И великие плотины. И Великую Китайскую стену. Все, что можно было бы разглядеть сверху.

— Неудивительно, — буркнул Арне. — Удар переделал Землю, только не для нас.

— Наше дело, — прозвучал голос Пепе, — снова приспособить ее для себя.

— Новехонький мир, — сарказм пропал из голоса Тани, — только и ждет искорки жизни.

Арне задавал в микрофон технические вопросы о показаниях спектрометра, анализировавшего отраженное от поверхности солнечное излучение, о полярных льдах, о воздушных и океанических течениях. Эти данные, сказал он, мы должны оставить следующим поколениям.

— Мы здесь, чтобы посеять новую жизнь. — В голосе Тани послышалось раздражение. — И мы слишком низко над экватором, чтобы различать узор течений. Поверхность почти вся скрыта густыми облаками. Для выбора посадочной площадки понадобится радар.

Арне так и не сказал, что пожалел о решении остаться, но задавал столько вопросов, что я решил: он чувствует себя виноватым.

Спустившись в верхние слои атмосферы, они засеяли планету бомбами жизни, термостойкими цилиндрами с семенными гранулами. Над Восточной Африкой между облаками открылось узкое море на месте большого разлома, который стал глубже и шире. Таня решила приземлиться там.

— Самое подходящее место, какое мы видели. Вода на вид голубая, может, и пресная, без особых загрязнений. Кроме того, в этих местах возникли первые представители гомо сапиенс. Символическое место для второго творения, хоть Пепе и говорит, что я сумасшедшая.

Он говорит, что мы уже сделали свое дело. Разбросали семена над всеми материками и выкинули бомбы с водорослями над океанами. Он говорит, природа доделает остальное, но я биолог. Я хочу взять образцы почвы, воды и воздуха для следующих поколений.

Здесь нужен был бы Арне. — Она говорила серьезно, без тени сарказма. — Он лучший терраформист, чем мы. Он упускает самый волнующий момент в своей жизни. — Она вся бурлила восторгом. — Мы чувствуем себя богами. Нисходим в мертвый мир с огнем жизни. Пепе говорит, нам надо возвращаться на Луну, пока еще можно, но я не... я не могу... отказаться от посадки!

Они начали спуск на другой стороне Земли и оказались вне зоны связи. Целый час я грыз ногти от волнения.

— Сели благополучно! — Первое, что мы услышали, когда связь восстановилась,— восторженный крик Тани.— Пепе посадил нас на западном берегу Кенийского моря. Отличный день, солнце высоко, роскошный вид через узкий залив на темную скальную стену и склон молодого вулкана высотой почти с Килиманджаро. Над конусом поднимается башня дыма. Над нами небо синее, как море, хотя это может быть ненадолго. Я вижу, на западе собирается гроза.

Таня несколько секунд помолчала.

— Еще одно... очень странно. Скакун приземлился вертикально на хвост, и мы сидим высоко. Из кабины нам далеко видно море. Оно спокойно, но кое-где видны необычные пятна барашков. Это странно, потому что они движутся к нам, хотя ветра не заметно.

Я могла бы понять... — Ее голос прервался.

Я услышал короткий вздох и сдавленное восклицание Пепе.

— Эти барашки! — пронзительно зазвучал голос Тани.— Это вовсе не барашки! Это что-то... что-то живое!

Наверно, она отодвинулась от микрофона. Голос затих, и я расслышал несколько слов Пепе:

— Невероятно... никакой зелени, нет фотосинтеза, откуда жизнь может получать энергию... надо узнать...

Больше мы ничего не слышали, пока Таня не вернулась к микрофону.

— Что-то плывет,— быстро, задыхаясь, говорила она.— Плывет по поверхности. Мы видим только расходящиеся волны, но это наверняка какие-то потомки существ, переживших удар. Пепе не верит, что такие крупные существа могут жить при таком недостатке кислорода, но на дне старых океанов существовала анаэробная жизнь. Черные перья, гигантские трубчатые черви, бактерии, которыми они питались...

Приглушенный голос Пепе. Микрофон щелкнул и онемел. Арне и Дайна подошли, чтобы слушать вместе со мной.

— Их что-то отрезало! — Дайна содрогнулась.— Нападение каких-то морских животных?

— Откуда нам знать? А ведь я их предупреждал. — За следующий час Арне повторил это не меньше дюжины раз.— Планета просто не готова для нас. А может, никогда и не будет готова.

В нашем ангаре стояли десятки запасных челноков, доставлявших на Луну грузы и рабочих. Я предложил подготовить спасательный корабль.

— Глупо, — покачал головой Арне. — Если им нужна помощь, то сейчас, а не через неделю. Наш долг остаться здесь, по возможности собирать информацию и записывать ее для поколений, у которых будет больше шансов.

— Я боюсь, — прошептала Дайна. — Я бы хотела...

— Чего? — огрызнулся Арне. — *Мы ничего не можем* сделать. Только ждать.

Мы ждали целую вечность, пока после щелчка микрофона не раздался голос Пепе:

— Я, Наварро, на борту один. Таня отсутствует уже много часов. Вышла в дыхательной маске собирать все, что можно. Я умолял ее вернуться, пока не кончился воздух, но ее очаровали эти пловцы. Мы видели, как один выполз из воды. Что-то вроде красного осьминога, хотя, по ее словам, он не родствен ни одному виду, существовавшему до удара. Масса толстых кроваво-красных щупалец. Он распластался на берегу и неподвижно лежал на солнце.

Она предположила, что у него в крови живет какой-то симбионт, способный к фотосинтезу. Красный, а не зеленый, но также питающийся солнечной энергией. Не понимаю, как она могла бы это проверить, но она так и торчит там с биноклем, камерой и контейнером для образцов.

Я умолял ее вернуться с тем, что есть, но она каждый раз твердит: «Еще несколько минут». Она продолжает работу на берегу. Говорит, что эти красные штуки — амфибии. Их там уже несколько дюжин. Она подозревает, что эта форма жизни впоследствии может создать проблемы. Тогда и разберемся, говорю я, но она все не возвращается. Берег топкий, с холмов на западе смывает много ила. Она говорит, что они роются в нем, возможно, ищут что-то съедобное. Хочет посмотреть. А теперь...

Он повысил голос и осекся, словно всматривался. Я ничего больше не слышал, пока снова не зазвучали его уговоры. «Она зашла слишком далеко. Ил глубже, чем кажется. У нее кончается воздух. Она могла бы пока понаблюдать за этими существами из кабины». Я расслышал ее слабый ответ:

— Еще только минутку.

— Еще минутку, — эхом отозвался он. — Скоро ночь. К нам идет гроза. Поднимается ветер. Уже несколько капель... Стой, Тэмми, стой! — выкрикнул он. — Там топко!

— Еще одну минутку. — Ее голос звучал еле слышно. — Эти создания... это же новая эволюция. Мы должны знать, что они такое. Забудь о риске.

— Не забуду! — снова крикнул он. — Тэмми, прошу тебя!

Он остановился, чтобы выслушать ее отклик, неслышный мне. Потом замолчал, доносилось только его частое дыхание.

— Снова Наварро, — с горькой обреченностью зазвучал его голос. — Она не может оторваться от этих красных чудовищ. Сперва они лежали неподвижно, распластавшись на солнце, а теперь движутся. Один запрыгнул на другого. Другой вывернулся и прыгнул на первого. Сейчас...

Он понаблюдал молча и снова выкрикнул что-то предостерегающее.

— На них действительно стоит посмотреть. Выглядят безногими, а может, и костей нет, но поразительно активные и проворные. Загадка, если они не нуждаются в кислороде. Но я бы хотел... — Он снова закричал и смолк.

— Там в иле кишмя кишат длинные красные щупальца. Дерутся? Совокупляются? Она не знает. Наблюдала в бинокль, теперь снимает на видео. Подошла слишком близко. Собирает информацию, только не нравится мне эта грязь, без связывающих ее растений, там, может быть, и дна нет. У нее ноги вязнут в иле. Она споткнулась, выкарабкивается...

Боже! — прозвучал из микрофона его вопль. — Не двигайся, я иду!

— Не надо. — Ее голос звучал слабо и отчаянно, но на удивление спокойно. — Пепе, прошу тебя. Возвращайся на

Луну, доложи, что видел. Обо мне не думай. Будет другой клон.

Я услышал жужжание и щелчок замка, и больше ничего.

5

Мы, трое оставшихся в Тихо, дожили до естественного конца, не получив больше известий с Земли. Роботы снова уснули — может быть, на миллион лет: у нас не было часов, которые шли бы так долго. Компьютер разбудил их, когда сенсоры показали, что Земля стала достаточно зеленой. Мы снова выросли, слушая роботов и голограммы, снова заучивая роли, которые нам предстояло сыграть.

— Мясные роботы. — Арне всегда выбирал роль критика. — Боги, созданные и запрограммированные стариком Дефалько.

— Вряд ли мы боги. — Таня была яркой, красивой и редко сомневалась. — Зато мы живые.

— Мясные копии, — насмехался Арне. — Копии голографических призраков.

— Но не только копии, — сказала Таня. — Гены — это не все. Мы есть мы.

— Может, и так, — пробурчал Арне, — но все равно рабы старика Дефалько и его идиотского плана.

— Ну и что? — Таня небрежно отбросила за спину гриву блестящих черных волос. — Для того мы и существуем. Я собираюсь выполнить свое задание.

— Ты — может быть, но я слышал, что говорит мой отец в баке.

Мы все знали образ его отца. Гигант с бронзовой бородой, доктор Арне Линдер до столкновения был видным геологом. Мы читали его книги в библиотеке Дайны.

Он родился в старой Норвегии, женился на Сигрид Кнутсон, высокой блондинке, с которой дружил с детства. Остальное о его жизни мы узнали из дневника Пепе Наварро. Предупреждение застало их в Исландии. Возвращаясь на лунную базу, он умолял Пепе высадить его в Вашингтоне, где в норвежском посольстве работала переводчиком жена.

Он оставил ее беременной, они ждали первенца. Он рвался к ней, но Наварро сказал, что на посадку нет времени. Они подрались в кабине. Наварро его вырубил и привез на базу в последний момент.

— Ужасно,— сказала Дайна.— Он до конца горевал о ней и считал себя предателем.

Наверно, нашему новому Арне передалась часть той горечи. Зеленеющая Земля манила нас завершить свою миссию, но он, кажется, так и не полюбил ее. Еще ребенком он то и дело заходил в купол, чтобы злобно разглядывать ее в телескоп.

— Эти черные пятна,— бормотал он, качая головой.— Не знаю, что это такое, и не хочу знать.

По всем материкам там и здесь были разбросаны темно-серые заплаты. Приборы показывали там только песок и голые скалы, лишенные жизни.

— Скорее всего, древние лавовые потоки,— говорила Таня.

— Раковые опухоли,— бормотал Арне, качая головой.— Рак в зелени.

— Глупые выдумки,— бранила она его.— Узнаем, когда там высадимся.

— Высаживаться там? — с отвращением повторил он.— Только через мой труп.

Наши голографические родители провели в компьютере так много времени, что подобные дела их уже не заботили, но для нас они были вполне реальными. Мой отец, журналист, делал когда-то репортажи со всего мира. Его видеосъемки памятников истории и культуры России, Китая и старой Америки несли в себе призрачное очарование, но всегда наполняли меня черной тоской по всему, чего нам уже не вернуть.

Он мало говорил о себе, но я узнал больше из долгого повествования, надиктованного им компьютеру, где странно смешивались факты и вымысел. Отец назвал эту повесть «Последний день». Думая о будущем, которое, как он надеялся, когда-нибудь захочет узнать прошлое, он рассказывал о родных и обо всех людях, которых знал, и о том, что все они значили для него. Это были факты. Вы-

мысел относился к тому, как каждый из них провел последние минуты.

Одна глава была о жене Линдера. Отец, бывший шафером на их свадьбе и танцевавший с ней на вечеринке, много думал о ее трагедии. Ему представлялось, что ребенок родился, пока Линдер был в Исландии. Она уже была дома и старалась дозвониться до него, чтобы сообщить известие, когда в последнее утро ей позвонил Дефалько.

Он ничего не сказал ей о падающем астероиде, но ее встревожили его тон и спешка. Она снова и снова дозванивалась Линдеру в отель в Рейкьявике. Его не было. Вне себя, она попробовала дозвониться друзьям на лунную базу в Белых Песках. Все линии были заняты.

Слушая радио и включив голопрограммы, она узнала о волне отключений, распространяющейся по Азии. Малыш почувствовал ее ужас и расплакался. Она кормила, баюкала его и молилась, чтобы Арне позвонил или вернулся. Голофон зазвонил, но это был знакомый диспетчер полетов из Белых Песков, который решил, что ей будет легче узнать, что муж спасся. Она успела увидеть, как он торопливо поднимается на борт спасательного корабля.

Наверняка она почувствовала облегчение, считал мой отец, но и ужасное отчаяние. Она знала, что ее и ребенка ждет смерть. Она гнала мысль о предательстве и молилась за него. Ребенок вопил у нее на руках, она пела ему колыбельные и молилась за его душу, пока поверхностная волна не обрушила на них здание.

Слушая голос отца, я отчасти разделял его печаль, но тоска покидала меня, когда мы поднимались в купол посмотреть на оживающую Землю и потолковать, как нам ее восстановить. Наши приборы не улавливали никаких признаков тех невероятных созданий, которые выползали на солнце на глазах у Ву и Наварро. Содержание кислорода в воздухе повысилось. Земля, вращавшаяся в нашем черном небе, быстро сменяя дни и ночи, манила нас домой зеленью, расплескавшейся по материкам.

Идентичные гены не дали нам полной идентичности. Мы все создавали свой компромисс между собственной личностью, генами и требованиями миссии. Я не был ко-

пией моего клона-брата, чье высохшее и замерзшее тело целую вечность лежало в лунной пыли за кромкой кратера.

Я читал обращенные им ко мне письма о безнадежной преданности Тане, но понимал с трудом. Она, выросшая заново, любила миссию, как и ее мать. Чтобы избежать раздоров, она оделяла нас поровну: Пепе, меня и Арне. Если Дайну это задевало, она хорошо скрывала обиду.

«Высокомерие, — записал в дневнике клон-брат Арне. — Высокомерие антропоцентризма. Мы застали новую экосистему в расцвете. Мы не вправе были разрушать ее. Это преступление хуже геноцида».

Новый Арне пожал плечами в ответ на мой вопрос, что он думает на эту тему.

— Чужие мысли и слишком давние. Я понял, какого он был мнения о миссии, но сам сделаю то, что должен. Честно говоря, я не пойму его слов о Дайне. Неужели они в самом деле любили друг друга? Теперешняя думает только о своих пыльных книгах и замороженном искусстве, а в шахматы играет с компьютером.

Нашим лидером должен был стать клон Дефалько, но тот умер, не оставив клона. Когда нам пришло время возвращаться, Арне собрал нас в библиотеке.

— Прежде всего, — сказал он, — зачем нам возвращаться?

— А как же иначе? — возмутилась Таня. — Для этого мы и живем.

Он задрал нос:

— Воздушные замки. Удар, убивший Землю Дефалько, был не первым. И не последним. Может, бывало и хуже. Однако новая эволюция каждый раз замещала исчезнувшее чем-то, может быть, и лучше прежнего. Природа действует по своим законам. Зачем нам вмешиваться?

— Затем, что мы люди, — сказала Таня.

— Есть чем гордиться! — фыркнул Арне. — Стоит взглянуть на старую Землю с ее жестокостями и геноцидом. Не слишком радостное зрелище. Наварро и Ву застали новый виток эволюции. Он мог обернуться чем-то лучшим, чем были мы.

— Те красные монстры на берегу? — Ее передернуло. — Я предпочитаю своих родичей.

Арне обвел нас взглядом и понял, что все мы против него.

— Если мы возвращаемся, — сказал он, — я главный. Я разбираюсь в терраформировании.

— Возможно,— нахмурилась Таня,— но этого мало. Нам придется спуститься на новую орбиту и провести разведку для выбора посадочной площадки. Пепе — космический пилот.— Она улыбнулась ему.— Если мы благополучно сядем, придется заняться строительством. Пепе — инженер.

Мы проголосовали. Дайна была за Арне, Таню и Пепе. Решающий голос остался за мной, и я назвал Таню. Арне злился, но не устоял перед ее улыбкой. Для посадки мы выбрали тот же берег внутреннего моря. Пепе назначил день. Когда он настал, мы собрались у лифта, ведущего в ангар. Нас было трое, и мы с беспокойством дожидались Арне и Дайну.

— Ее нет! — Арне бежал к нам по коридору.— Я всюду искал. В ее комнате, в музее, в спортзале, в мастерских, в общих комнатах. Не нашел.

6

Роботы нашли ее в скафандре в тысяче футов вниз по внутреннему склону кратера. Она ударилась о скалистый уступ, отскочила, покатилась и снова ударилась. Кровь залила лицевой щиток, и к тому времени, как ее вернули на станцию, она была тверже железа. В ее компьютере Арне нашел записку:

«Прощайте и всего лучшего, если кто-нибудь из вас обо мне вспомнил. Я решила остаться, потому что на земном форпосте буду бесполезна. Я не гожусь в первопроходцы. Даже в лучшем случае у колонистов не будет времени и нужды во мне, пока не вырастут следующие клоны».

— Вряд ли это правда. — Пепе сурово покачал головой.— Миссия нуждается в нас всех.

Роботы выкопали новую могилу среди камней, под которыми так долго лежали наши родители и старшие бра-

тья и сестры: рядом тянулся ряд маленьких холмиков над моими биглями. Мы похоронили ее там, такую же негнущуюся, прямо в скафандре. Арне сказал всего несколько слов, его голос гулко и мрачно отдавался в шлеме.

— Я буду ее помнить. Ужасно то, что, наверно, это я ее убил. Я читал дневниковые записи о нашей любви. Думаю, она опять полюбила меня, хотя никогда ни мне и ни кому-то другому не признавалась. Может быть, я должен был догадаться, но я — не мой брат.

— У нас будет еще один шанс, — попыталась утешить его Таня. — Но мы такие как есть, и тут ничего не поделаешь.

Мы посмотрели, как роботы засыпали могилу, и дождались, пока Арне положил в изголовье металлическую пластину, которая на лишенной воздуха Луне останется навечно. На ней было только имя.

ДАЙНА ЛАЗАРД
НОМЕР ТРИ

— Номер три. — Его голос в шлеме отдавал горечью. — Номера — вот что мы такое.

— Не просто номера, — возразила Таня. — Мы люди. И не просто люди, если помнить о нашей цели.

— Не мы ее выбирали, — проворчал он. — Лучше бы старик Дефалько оставил моего отца на Земле.

Проглотив остальное и что-то бормоча себе под нос, он опустился на колени в ногах могилы. Остальные молча ждали, отделенные друг от друга неуклюжими панцирями. Дайна, запершись в своем крошечном мирке, казалось, удовлетворялась драгоценными артефактами, о которых так пеклась. Мне стало грустно при мысли, что я, в сущности, не знал ее.

Арне встал с колен, и Таня повела нас от кладбища к нагруженному кораблю. Пять наших роботов оставались на станции, но шестой, которого не успел запрограммировать Дефалько, отправился с нами. Мы назвали его Кальвином.

С орбиты мы снова рассмотрели темные заплаты и заметили в них перемену.

— Они сместились со времени нашего детства, — сказал Арне. — Передвинулись и выросли. Они мне не нравятся. Не думаю, что планета готова принять нас.

— Готова не готова, — усмехнулась Таня, весело похлопав его по спине, — мы идем.

— Не представляю, — хмуро бормотал он, разглядывая пораженную раком Землю, — что бы это могло быть.

— Например, голые лавовые потоки, с которых дождь смывает почву?

— Или ожоги? — Она дождалась своей очереди изучить данные. — Спектрометр показывает высокое содержание кислорода. Значит, могут гореть леса.

— Дыма нет, — покачал головой Арне. — И пожары не длятся годами.

— Давайте спускаться.

Таня велела Пепе выйти на орбиту приземления над экватором. Спускаясь к Африке, мы увидели, что разлом стал еще шире. Внутреннее море разлилось, скрыв древние берега, и все же она решила приземляться здесь.

— С какой стати? — резко возразил Арне. — Ты не забыла о чудовищах на берегу?

— Хочу посмотреть, как они эволюционировали.

— Мне это не нравится. — Он кивнул на монитор. — То черное пятно к востоку от разлома. Я наблюдал, как оно ползло через Центральную Африку, стирая что-то вроде густых дождевых лесов. Это какая-то мерзость.

— Если нам бросают вызов, я намерена его принять.

Пепе посадил нас на берегу молодой реки в нескольких милях от этого узкого, запертого в скалах моря.

Мы бросали кости: кому первому выходить. Выбросив выигрышную шестерку, я открыл входной люк и долго стоял, всматриваясь в травянистую равнину на западе, тянувшуюся к темной стене леса, пока Таня не подтолкнула меня, попросив дать ей место.

Пепе оставался в корабле, но остальные выбрались наружу. Таня собрала несколько травинок и сказала, что это те самые кентуккийские травы, что они с Пепе посеяли давным-давно. Но леса, который мы разглядывали в бинокль, они не сажали. Над густой путаницей багровых лиан поднимались толстые стволы с пальмовыми кронами перистых листьев и огромными трубами лиловых цветов.

— Джунгли загадок, — шепнула Таня. — Деревья могут быть потомками одного из видов кактусов. Но подлесок? — Она долго рассматривала его и снова зашептала: — Змеиные джунгли! Гладкие красные змеи.

Я увидел их последним, когда бинокль перешел ко мне. Тяжелые красные витки поднимались от земли, обвивая черные ножки чего-то похожего на грибы-поганки. Они изгибались, как живые змеи, выбрасывая щупальца, вероятно, в сторону невидимых насекомых.

— Новая эволюция. — Таня забрала у меня бинокль. — Возможно, потомки пловцов, которых мы видели на берегу. Красный цвет могут придавать им мутировавшие фотосинтезирующие симбионты. Я хочу посмотреть поближе.

— Не забудь, — буркнул Арне. — «Поближе» тебя уже однажды прикончило.

Больше мы не видели никакого движения, пока из кабины нас не окликнул по рации Пепе:

— Взгляните на север! У края джунглей! Скачет, как кенгуру. А может, кузнечик.

Неизвестное существо опасливо продвигалось вдоль опушки, становилось столбиком, разглядывая нас, делало несколько прыжков в нашу сторону и снова замирало, рокочуще мурлыкало, словно гигантский кот. Оно было двуногим, толстый хвост уравновешивал тяжелый зад и образовывал третью подпорку, когда существо останавливалось. За ним медленно следовали другие. Между высокими прыжками они приостанавливались и как будто паслись.

— Наши тормозные двигатели, верно, всех вокруг распугали, — воскликнул Пепе. — А теперь! Выше по склону. Пара зверюг, рядом с которыми старые слоны — карлики. И полдюжины поменьше, возможно детеныши.

— Опасны для нас? — забеспокоился Арне.

— Как знать. Большой остановился, смотрит. На вид им ничего не стоит нас растоптать, если вздумают.

— Нам уходить?

— Пока не надо.

Арне потянулся за биноклем, но Таня его не отдала, рассматривая край леса, речной берег и стада травоядных прыгунов.

— Страна чудес! — восхищалась она. — И ящик с головоломками. Наверняка мы проспали дольше, чем я думала, раз эволюция успела уйти так далеко.

Арне вскарабкался к люку и, вернувшись с тяжелой винтовкой, установил ее на треноге. Припал к телескопическому прицелу, поджидая монстров.

— Не стреляй, — сказала Таня, — пока я не скажу.

— Хорошо, если ты скажешь вовремя.

Он держал зверей под прицелом, пока те не остановились в нескольких сотнях футов от нас.

Гладкие черно-лиловые пластины на их телах блестели под тропическим солнцем. Они мало напоминали слонов, больше походили на танки. Самый высокий вышел вперед, растопырил огромные уши, разинул пасть с блестящими клыками и заревел, как сирена в тумане.

Арне приник к ружейному прикладу.

— Не надо, — предостерегла его Таня. — Ты их не остановишь.

— Надо попытаться. Бежать уже поздно.

Он навел ствол. Мы смотрели, как мощные челюсти распахивались во всю ширь. Громовой рев вспугнул прыгунов. Таня схватила Арне за плечо и оттолкнула от оружия. Зверь долго простоял так, рассматривая нас большими черными прорезями глаз, словно ждал ответа на вызов, но наконец повернулся и увел свое семейство в обход корабля к реке. Они скрылись с громким плеском.

— Вот уж не ожидала такого. — Таня нахмурилась, глядя им вслед. — Крупные наземные животные выжить не могли. Разве что некоторые морские. Предки древних китов были наземными животными. Возможно, они возвратились к стадии земноводных.

Встревоженные прыгуны успокоились. Таня заставила нас неподвижно стоять в тени корабля, пока пасущееся стадо брело в нашу сторону. Через некоторое время Пепе снова подал голос:

— Если тебе нужны хищники, вот и они.

Вожак прыгунов встал столбиком и издал тот же мурлычущий крик. Прыгуны бросились врассыпную. Стремительное создание с тигровыми полосами на спине высо-

чило из травы и перехватило детеныша на втором прыжке. Грохнула винтовка Арне, и оба повалились наземь.

— Я же сказала,— упрекнула его Таня,— не делай этого.

Он пожал плечами:

— Образцы. Можешь посмотреть.

Он остался прикрывать нас, а мы с ней пошли осматривать его трофеи. Маленький прыгун оказался не больше собаки, безволосый, в тонких серых чешуйках. Брюхо у него было вспорото, из него вывалились внутренности. Таня расправила искалеченное тело на траве, чтобы я мог снять его на камеру.

— Хорошо приспособлен к предполагаемой экологической нише, но большего пока сказать не могу.— Она досадливо помотала головой.— Мы, должно быть, пропустили сотни миллионов лет.

Хищник оказался плотной массой могучих мышц, покрытых лоснящейся черной шкурой. Таня открыла окровавленные челюсти, показывая на камеру клыки, потом заставила меня перевернуть тело и заснять соски и когти.

— Млекопитающее,— говорила она в микрофон.— Возможно, потомок мышей или крыс, переживших катастрофу.

Радость открытия заставила ее простить Арне убийство.

— Новый мир для новой расы! — воскликнула она.

— Может, и так,— бурчал Арне,— только для нашей ли? Больше похоже на совершенно новую биосферу, в которой нам нет места.

— Поглядим.— Она пожала плечами и оглянулась на море, где жили гигантские амфибии, и на лес, вскормивший хищника.— Для того мы и здесь.

Она поставила роботов расчищать от земли вершину скального холмика, выравнивая ее под лабораторию и жилище. Мы выгрузили припасы и установили первый геодезический купол. Роботы начали обтесывать камни для оборонительной стены. Мы сделали небольшую вылазку на побережье и прошлись вдоль хребта, описывая обнаруженные образцы флоры и фауны. Вскоре Таня спросила Пепе, сколько осталось горючего.

— Хватит, чтобы доставить нас на Луну, и еще полкапли останется.

— А если на борту будет один человек?

— Хватит с избытком.

— Тогда я прошу тебя вернуться за новыми семенами и эмбрионами для создания нашего биокосма. И за лабораторным оборудованием.

— Наши клоны? — насупился Арне. — Когда прямо за хребтом этот черный биокосм?

Она пожала плечами:

— Надо рискнуть. Приходится иметь дело с тем, что есть. — Она повернулась ко мне. — Ты возвращайся с Пепе. Будешь голографировать данные, которые мы тебе пришлем, и держать крепость.

— А нас оставят на произвол судьбы? — Арне побледнел. — Вдвоем?

— Пепе вернется, — объяснила она. — У тебя здесь хватит дел. Анализ почвы, поиски нефти и руд.

Мы с Пепе вернулись на Луну. Мой бигль восторженно приветствовал мое возвращение. Роботы загрузили и заново заправили корабль. Пепе улетел, оставив меня в одиночестве. Роботы — плохие собеседники, а голограммы не могли сказать ничего нового, но Космонавт утешал меня, пока не пришли вести с Земли.

Пепе надул еще один купол для гидропонного сада. Арне отыскал участок для фермы. После окончания дождливого сезона робот Кальвин поставил разделительную плотину, направив речную воду на полив.

— Арне с удовольствием стреляет молодых прыгунов, когда нам нужно мясо, — сообщала Таня. — Приятная перемена после лунных восстановленных продуктов. Гиппокиты ходят от реки к пастбищу и обратно. Дважды задерживались поглазеть и пореветь, но теперь уже не обращают на нас внимания. Думаю, наш островок человечества практически безопасен, хотя Арне продолжают беспокоить те черные пятна. Сейчас он решил перевалить через западный хребет и взглянуть, что там за ним.

Следующая передача поступила всего час спустя.

— Арне вернулся, — быстро и напряженно говорила она. — Бежал от чего-то. Он называет это бурей, но ничего подобного представить невозможно. Тучи совершенно скры-

ли солнце. Слышен гул, но это не ветер. Что-то падает на землю, но не дождевые капли. Он говорит, что на Земле нам больше не жить.

7

Монитор погас. Я слышал только шум помех. Над куполом в лунной ночи висела полная Земля. Африка ушла за край, появились покрытые черными заплатами Америки, потянулся бесконечный день. Только когда Африка вернулась, я вновь услышал Танин голос:

— Положение отчаянное.

Ее осунувшееся лицо было выпачкано чем-то черным. В окне за ее спиной я видел мертвый черный склон, протянувшийся к лавовому потоку на краю долины.

— Жуки нас одолели, — хрипло, поспешно говорила она.— Жуки! Вот откуда эти выжженные области, что всегда волновали Арне. Ты должен записать то немногое, что мы узнали.

Я предполагаю, что эта форма жизни развилась из мутировавших форм саранчи или цикад, переживших столкновение. По-видимому, сейчас они вступают в миграционную фазу, как у прежней саранчи. Насколько я понимаю, у них необычный жизненный цикл. Думаю, периодический, как у семнадцатилетних цикад.

Они, вероятно, проводят десятилетия, а то и века под землей, питаясь корнями или соком растений. Вероятно, когда питания становится недостаточно, они выбираются на поверхность и переходят к всеядности, поедают всю органику в пределах досягаемости и мигрируют к новым территориям, чтобы отложить там яйца и начать новый цикл.

Их нападение было ужасно. Небо почернело, стоял оглушительный гул. Они падали градом и пожирали все живое: деревья, кусты, траву, древесину, даже мертвую, живых и мертвых животных. Они спаривались в собственных экскрементах, закапывали в них яйца и умирали. Тела устилали землю ковром нечистот. Вонь была невыносимой.

Сейчас мы в безопасности в корабле, но кругом полное опустошение. Жуки проели пластиковые купола. Они съели лес и траву. Они убивали и съедали прыгунов с костями и прочим. Они сбрасывали крылья и ели их. Умирали и ели мертвых. Сейчас ни одного не осталось. Ничего живого, кроме яиц в пыли, дожидающихся, пока ветер и вода принесут сюда новые семена, пока Земля оживет, чтобы они могли народиться, размножиться и снова убивать.

Ветер теперь поднимает черную пыль, горькую, с запахом мертвечины. Гиппо вылезли, побродили в поисках пастбищ и снова нырнули в реку. Сколько видит глаз, ничего живого. Никого, кроме нас, и тишина так же невыносима, как их рев.

Не знаю, долго ли мы продержимся. Арне хотел взлететь и вернуться на Луну, но для этого у нас не хватит горючего. У нас нет снаряжения для перехода через эту пустыню, но Пепе оторвал от корабля металлические пластины и склепал из них лодку. Если жуки не переправились через море, мы попробуем начать там заново.

Корабль придется оставить, как и радиостанцию. Это — наша последняя передача. Посматривай на Землю и записывай все, что можешь. И, Данк... — У нее перехватило дыхание, и она смахнула слезы. — Я не могу желать, чтобы ты был с нами, но знай, что я по тебе скучаю. В следующий раз, когда он будет, я хотела бы узнать тебя лучше. Как говорит Пепе: «Hasta la vista!»[1]

Через тысячу лет мы возродились для новой попытки. Часть Земли еще покрывали темные шрамы, но с Африки и Америки пятна сошли. Мы спускаемся на Землю все вместе, с криоустановкой, наполненной семенами и клетками, которые при необходимости позволят заново заселить планету. Дайна берет с собой часть своих драгоценных артефактов и слабую надежду, что мы найдем кого-нибудь, кого они могли бы заинтересовать.

Мы приземлимся в дельте Нила. Он теперь впадает в Красное море, но долина по-прежнему ярко зеленеет среди

[1] Пока, до скорого *(исп.)*.

красно-бурой пустыни. Пепе выбрал место для посадки чуть севернее того участка, где прежде стояли пирамиды. Корабль перегружен. По мнению Пепе, на разведку и приземление уйдет столько горючего, что о возвращении думать не приходится. Но мы к этому готовы. Когда мы сойдем с посадочной орбиты, я запишу новые подробности.

— Технология! — Победный вопль Пепе прогремел в кабине при первом же пролете над Нилом. — Они создали технологию. Я слышал визг и свистки по радио, а потом дикие музыкальные аккорды. Думаю, мы свое дело сделали.

— Если так... — Дайна наблюдала у телескопа, но я слышал полные священного трепета слова, обращенные ею к самой себе: — Новый мир готов нас принять.

— Возможно. — Арне, нетерпеливо дожидавшийся своей очереди посмотреть в телескоп, покачал головой. — Мы с ними еще не знакомы.

— Возможно? — передразнил его Пепе. — Познакомимся, и у них найдется, что нам показать. Я вижу блестящие линии вдоль древней дельты. Они тянутся до самой реки. Каналы, вероятно. И... — У него перехватило дыхание. — Решетка. На западной стороне. Плотный узор вполне может оказаться городскими улицами. Он помолчал, глядя на поворачивавшуюся под нами Землю. — Здания! — вдруг вскрикнул он. — Так и есть, город! В косых лучах я видел башни в центре. Новая Александрия!

— Попробуй с ними связаться, — сказала ему Таня. — Запроси разрешения на посадку

— Зачем садиться? — проворчал Арне. — Нас туда не звали.

— Чем мы рискуем? — спросила в ответ Дайна. — Что нам терять?

На следующем витке Пепе пытался наладить связь.

— Визг, — досадливо поморщился он, не снимая наушников. — Свист. Обрывки дикой музыки. И голоса тоже, но я ни слова не понимаю.

— Там! — Таня смотрела в телескоп. — На краю пустыни к западу от города. Нечто вроде колеса.

Он всмотрелся.

— Пожалуй... — помолчав, заговорил оживленно. — Аэропорт. И широкая белая полоса — наверно, дорога в город. Если бы знать, как спросить...

— Все равно, — сказала Таня, — у нас не хватит горючего на долгие поиски. Спускайся, но подальше, чтобы никого не задеть.

На следующем витке мы плавно скользнули вниз. Под нами пронеслись городские крыши. Красная, желтая и синяя черепица вдоль величественных проспектов. Мелькнул внизу аэропорт. Мы были над высокой башней диспетчерской, когда я ощутил тяжелую отдачу тормозных двигателей.

Мы нацелились на вертикальное приземление. Грохочущий столб огня и пара скрыл все. Когда ракета приземлилась, мы снова смогли вздохнуть. Таня открыла дверь, чтобы выглянуть наружу.

Пар рассеялся, хотя я еще чувствовал его горячий запах. Протерев ослепленные солнцем глаза, я увидел кругом синевато-зеленые узкие листья пустынных растений. Далеко на востоке высилось здание терминала. Мы стояли на пороге в нетерпеливом ожидании. Пепе принимал по радио гудение, визг и крики.

— Похоже, на нас орут. — Он пощелкал кнопками, вслушался, попробовал подражать и покачал головой. — Может, и английский, — подытожил он. — Звучит очень сердито, но разобрать ничего не могу.

Мы сидели в зное пустыни, пока в кабине не стало слишком жарко.

— А они поймут? — Арне отодвинулся от двери. — Они знают, что это мы доставили сюда их предков?

— Если не знают, — сказала Таня, — мы сумеем им объяснить.

— Как?

Он вспотел, и не только от жары. Спросил у Пепе, возможен ли взлет.

— Только не на Луну, — ответил тот. — Разве что в крайнем случае.

Мы с Таней спустились на грунт. Космонавт выскочил с нами, принюхался к чему-то в кустарнике и отпрянул,

прижавшись к моей ноге. Арне вышел несколькими минутами позже, остановился в тени корабля и уставился на далекую башню за кустами. На ней вспыхивали яркие красные огоньки.

— Предупредительные вспышки, — пробормотал он.

Я захватил свою видеокамеру. Таня попросила снять шипастый куст и камень, покрытый вроде бы красным мхом.

— Соответствует данным по красному симбионту из рапорта последней экспедиции, — деловито проговорила она в микрофон. — По-видимому, к настоящему времени переродился в мутантный бриофит...

— Слышите? — Арне приставил ладонь к уху. — Что-то ухает.

Лично я слышал отрывистый механический шум. Космонавт замолчал и теснее прижался к ноге при виде нелепой машины, перевалившей через холм и катившей к нам на высоких колесах, разбрасывая вокруг цветные вспышки.

— Пора, — сказала Таня, — вручить им наши дары. Показать, что мы *не* хотим им зла.

Двигаясь неуклюже из-за высокой гравитации, мы забрались в корабль и вынесли наружу свои подношения. Дайна захватила любимую книгу: «Стихотворения» Эмили Дикинсон[1], в хрусткой обертке из древнего пластика. Арне вытащил мегафон, возможно тот самый, через который Дефалько обращался к толпе, отгоняя ее от спасательного корабля. Пепе остался в кабине.

— Мы с Луны. — Арне вытолкнул нас навстречу машине и заорал в мегафон: — Мы пришли с миром. Мы принесли дары.

В машине не было окон и, насколько мы видели, не было водителя. Космонавт с лаем бросился к ней. Арне уронил рупор и встал перед ней, размахивая руками. Она заухала еще громче и, едва не задавив нас, вильнула, объезжая. И двинулась дальше, нацелившись боднуть корабль. Толстые металлические руки высунулись из нее, подхватили и подняли корабль в воздух. Пепе в последний момент

---

[1] *Эмили Дикинсон* (1830–1886) — американская поэтесса. Основные мотивы ее поэзии — тайна мироздания, жизнь, смерть, любовь.

успел вывалиться из кабины. Уханье смолкло, и машина поволокла корабль прочь. Космонавт, скуля, припал к моим ногам.

— Робот, наверно. — Пепе, глядя ей вслед, почесывал затылок. — Послали подобрать обломки крушения.

Ошеломленные и встревоженные, мы остались стоять. Было жарко. Насекомые облепили наши потные тела. Некоторые кусались. Таня заставила меня сделать макроснимок одного, сидевшего на предплечье. С запада, из пустыни, дул горячий ветер, пахнувший подгоревшим тостом. Мы пошли к башне.

— Мы идиоты, — шепнул Арне Танс. — Надо было остаться на орбите.

Она не ответила.

Мы брели, преодолевая гравитацию и отмахиваясь от насекомых, пока с каменистого пригорка не увидели перед собой широкую белую дорогу к башне и колесу аэродрома, до которых оставалось еще несколько миль. В треугольниках между спицами взлетных полос стояли летательные аппараты. Часть была приспособлена для вертикального взлета и посадки, как наш корабль, но бо́льшая часть, с крыльями и шасси, напоминала старые машины, знакомые мне по снимкам.

Мы повалились на землю, когда огромная машина с серебряными крыльями с ревом прошла над нами, и снова остановились, когда навстречу нам беззвучно помчался колесный экипаж. Арне поднял свой мегафон и снова опустил, наткнувшись на хмурый взгляд Тани. Расхрабрившийся Космонавт рычал и щетинился, пока машина не встала. Трое мужчин в белом вышли из нее и уставились на пса. Он облаивал незнакомцев, пока один из них не направил на него нечто вроде древнего фонарика. Заскулив, пес повалился. Они подобрали его и отнесли в машину.

— Собаку взяли, — возмутился Арне, — а на нас ноль внимания?

— Собаки вымерли, — ответила Таня.

— Эй! — вскрикнул Пепе. — Мы двигаемся!

Стоявшие на земле самолеты плавно удалялись от нас. Белая мостовая без ряби, без звука, без видимых призна-

ков механизмов несла нас к зданию терминала. Пепе, наклонившись, ощупал ее пальцами, приложил ухо.

— Тысяча лет прогресса с того сражения с жуками! — выпрямившись, бросил он Тане. — Дефалько был бы доволен.

Множество людей выходили из приземлившегося самолета и вступали на ползущую дорогу. Мужчины в штанах и похожих на килты юбках. Женщины в шортах и длинных платьях. Дети в праздничной одежде всех цветов радуги. Ничего похожего на наши желто-оранжевые костюмы я не видел, но внимания мы не привлекали. Людской поток изливался из терминала. Я заметил, что почти все носили на браслетах или ожерельях серебряные шарики.

— Сэр, — обратился Арне к стоявшему рядом мужчине, — вы не могли бы сказать...

Шикнув на него, мужчина нахмурился и отступил. Все стояли совсем тихо — поодиночке или парами, маленькими семьями — и серьезно смотрели вперед.

Пепе хлопнул меня по плечу, когда, обогнув здание, мы увидели величественный проспект, уходивший к центру города. У меня перехватило дыхание при виде ряда гигантских статуй, расставленных вдоль аллеи.

— Смотрите! — Пепе указал на них рукой. — По-моему, очень похожи на нас.

Женщина в длинном серебристом платье остановила его строгим жестом. Дорога несла нас к высокой игле обелиска, устремлявшегося в небо, в конце проспекта. Узкий серп на его вершине блестел, как яркая молодая луна. Статуи, обелиск, месяц — все было из блестящего серебра. Где-то впереди ударили в колокол, низкий звон походил на отдаленный гром. Ропот голосов затих. Все взгляды обратились к полумесяцу. Я видел, как перекрестился Пепе.

— По-моему, — прошептал он, — они поклоняются Луне.

Я слышал, как он про себя считал удары колокола.

— Двадцать девять. Лунный месяц.

Мостовая бесшумно несла меня вперед, пока он опять не дернул меня за руку, указав на высившуюся впереди

фигуру. Гигантская статуя нестерпимо сверкала в косых утренних лучах. Прикрыв глаза ладонью, я моргнул, всмотрелся и снова моргнул.

Это был мой отец. В той же куртке, в галстуке, как на голограмме, обращавшейся ко мне из бака, с той же курительной трубкой, взмахами которой он всегда сопровождал уроки. Трубка, подумалось мне, теперь наверняка осталась просто магическим символом: семян табака Дефалько не сохранил.

Те, кто был у подножия статуи, упали на колени, целуя свои лунные амулеты. Подняв глаза, они тихо молились и встали тогда, когда мы придвинулись к новому монументу, еще выше первого. Это был сам Пепе в пилотской куртке и кепке, какие носил на Луне его клон-отец. Подняв огромную руку, он словно указывал ею на иглу с полумесяцем. Люди старались оказаться поближе к нему, целовали амулеты и молились.

— Он и не мечтал... — Пепе, тоже подняв глаза, благоговейно покачал головой. — Ему и не снилось, что он станет богом.

Следующей была Таня, великолепная в солнечном сиянии лабораторной куртки, поднимавшая перед башней огромную пробирку. За ней Арне с геологическим молотком. И наконец Дайна, самая высокая, с серебряной книгой в руках. Настоящая Дайна рядом со мной ахнула, прочитав вырезанное на металле заглавие: «Стихотворения Эмили Дикинсон».

Мостовая принесла нас на окружавшую обелиск круглую площадь с серебряной колоннадой. Замедляя ход, она наполняла площадь толпой. Еще один громовой удар, и люди замерли, подняв лица к балкону, высящемуся на грани обелиска.

На нем появился казавшийся отсюда крошечным человечек в блестящем серебряном одеянии. Он высоко воздел руки. Снова ударил колокол, отдавшись эхом от колонн. Голос человека перекрыл звон колокола. Молящиеся ответили медленным торжественным пением. Человек заговорил снова, и Пепе вцепился в мой локоть.

— Английский, — шептал он. — Выговор странный, но это точно английский.

Оратор замер, все так же воздев руки к небу. Колокол смолк, медленно затих его низкий гул. Люди вокруг падали на колени, обратив лица к полумесяцу. Мы тоже преклонили колени — все, кроме Арне. Он шагнул вперед, высоко подняв мегафон.

— Послушайте! — взревел он. — Нет, вы послушайте!

Вокруг негодующе зашикали, но он упрямо шагнул к башне.

— Мы — ваши боги. — Он подождал, пока погас отзвук среди колонн. — Мы живем на Луне. Мы вернулись!

Высокая женщина в серебряном платье, вскочив, закричала на него, взмахнув серебряным жезлом. Он замолчал и указал на Дайну и на остальных.

— Смотрите! — вопил он. — Вы должны нас узнать!

Она направила на него жезл. Он задохнулся, выронил рупор и рухнул на мостовую. Женщина перевела жезл на нас. Дайна встала, подняв свою книгу, и продекламировала из Дикинсон:

Здесь письма миру от меня,
Что не напишет мне, —
Скупые вести Бытия
В их вящей простоте...[1]

Я успел заметить, как отчаянно дрожит ее голос, увидеть сдержанный гнев на лице женщины. Жезл описал короткую дугу. Облачко тумана морозом обожгло мне щеки. Мостовая словно опрокинулась, и я, должно быть, упал.

8

Мне долго казалось, что я вернулся на станцию Тихо и лежу в постели в нашем лазарете. Надо мной стоял робот — терпеливый и неподвижный, как все роботы. Негромко гудел вентилятор. В теплом воздухе стоял странный свежий запах. Я лежал в полусне, пока онемевшая

[1] Э. Дикинсон. Здесь письма миру от меня... Пер. Л. Ситника.

щека не напомнила о том, что произошло: ряд гигантских серебряных фигур, суровая женщина в серебряном одеянии, ледяной туман над кончиком ее серебряного жезла.

Я разом проснулся, хотел встать с кровати и обнаружил, что слишком слаб. Робот развернул свои линзы, наклонился и, взяв меня за запястье, стал считать пульс. Теперь я заметил отличия: его гладкое пластиковое тело было голубым, под цвет стен, хотя формой он, как и наши лунные роботы, напоминал человека.

От земной тяжести у меня кружилась голова. Робот уложил меня обратно в постель и, кажется, прислушался, когда я заговорил, но ответ его был для меня совершенно невразумительным. Когда я снова зашевелился, он помог мне пересесть на стул и привел врача-человека — худощавого смуглого мужчину с серебряным полумесяцем на опрятной белой куртке. Тот с профессиональной деловитостью послушал сердце, пощупал живот, покачал головой на мои попытки заговорить и повернулся к двери.

— Мои друзья! — крикнул я. — Где они?

Он пожал плечами и вышел. Робот наблюдал за мной, пока я собирался с силами, а когда сумел подняться, взял меня под руку и вывел в круглый внутренний сад, окруженный стенами здания. Линзы робота бдительно поворачивались мне вслед, когда я пошел по гравийной дорожке среди странных растений, наполнявших воздух незнакомыми запахами. Найдя другую дверь, я решил, что она может скрывать моих спутников, но робот перехватил мою руку, когда я хотел постучать. При моей попытке настоять на своем он поднял висевший на поясе серебряный жезл и молча поманил меня в прежнюю комнату.

Он неплохо меня опекал. Слова мои, как видно, ничего для него не значили, однако он кивнул, когда я потер губы и живот, и принес мне еду: плоды, каких никогда не росло на Луне, тарелку хрустящих печений со вкусом ореха и стакан очень хорошего вина. Я с неожиданным аппетитом поел.

Робот большей частью молчал, но время от времени разражался потоком слов. У него явно было много вопросов. Как и у меня — мне отчаянно хотелось расспросить о наших

далеких потомках и о том, как они собираются с нами поступить. Робот тупо выслушал, вышел и запер за собой дверь. Я так и остался без ответа.

В ту ночь я плохо спал, перед глазами стояли статуи, и мне снилось, что они гонятся за нами по пятам, а мы бежим через безжизненную пустыню, изрытую кратерами, которые оставили те черные насекомые, что изъели планету.

Меня леденил страх. Не принесут ли нас в жертву на священной площади? Или утопят в Ниле? Скормят жукам? Зальют серебристым металлом и поставят стражами против нового вторжения еретичных клонов? Я проснулся в ознобе и уже боялся получить ответы.

На следующее утро робот принес странного вида аппарат и впустил в комнату тонкую подвижную женщину, немного напоминавшую Дайну, если бы не морщины и не загар от солнца, никогда не заглядывавшего под наш купол. Монахиня, если это была монахиня, носила высокий серебристый тюрбан и вертела в пальцах лунный амулет. Она установила аппарат, проецировавший слова на стену.

Луна от моря далека,
Но с твердой добротою
Ведет его, как мать дитя,
Янтарною рукою[1].

Знакомые слова. Я слышал, как восторженно декламировала их Дайна, хотя сам никогда в точности не понимал их смысла. Тем более странно звучали они сейчас, когда женщина пропела их, словно молитву. Она повторила их два или три раза тем же торжественным тоном, а потом прочитала медленно и раздельно, наблюдая через очки в черной оправе за моей реакцией до тех пор, пока я не кивнул, поняв. Просто изменились гласные. «Луна» звучало как «лана», «море» — как «марэ».

Она приходила снова и снова, чтобы с помощью своего аппарата обучать меня, как ребенка. Даже привыкнув к странному звучанию, я часто недоумевал: незнакомыми были названия растений и животных, одежды, инструментов, карта

[1] Э. Дикинсон. Луна от моря далека. Пер. А. Грибанова.

мира и математические символы. Все же наконец я сумел спросить, что с моими спутниками.

— Нэрозамно... — Она нахмурилась и покачала головой.

Неразумно. Когда я попытался объяснить, что мы — гости с Луны, она отчитала меня и посмотрела как будто с жалостью. Поглаживая свой священный талисман, рассказала о рае, созданном Всемогущей Пятерицей на Луне, где в вечной радости обитают блаженные.

Увы, рай не предназначался для таких, как я. Самозванцы, посягнувшие на святые предметы и слова, поглощались черными демонами из подземного ада.

В прежние времена, мрачно объяснила она, с небес мог бы сойти божественный огонь, дабы пожрать мою заблудшую душу. Однако в новые просвещенные времена, к счастью для меня, в тех, кто пытается злоупотреблять Святой Книгой, видят либо нуждающихся в лечении безумцев, либо схизматиков, обреченных на вечную муку.

Она стремилась спасти меня, посвящая в лунные истины, извлеченные из массивного фолианта в серебряном переплете, в котором едва ли не каждое святое слово снабжалось богословским комментарием. Иволга из стихов Дикинсон стала плутовским богом Пепе, обманщиком и чародеем. Дайна была не только Матерью-Луной, но и душой, подбиравшей себе общество достойных поселиться с ней в раю. А сама книга была ее письмом к миру, который никогда к ней не писал.

Я упорствовал в ереси, пока, гуляя с роботом в саду, не сошел с тропинки, чтобы сорвать бордовый цветок. Робот протянул: «Нэ-эт, нэ-эт» — и отобрал цветок, но не заметил бумажки в моей ладони. Когда я, спрятавшись в ванной, развернул бумажный комок, он оказался запиской от Тани, написанной на пустой странице ее блокнота.

«Они твердо решили считать нас сумасшедшими, хоть им и трудно объяснить, как мы оказались в корабле, каких они прежде не видели. Мой лекарь-шаман вывел собственную теорию. Он пытается убедить меня, что мы явились из Южной Америки, которая еще не колонизирована. Он рассказывал о пропавшей пару столетий назад экспедиции, посланной против черных жуков. Кажется, экспедиция погиб-

ла в районе дождевых джунглей Амазонки, когда туда вторглась мигрирующая стая насекомых. Спасти их не удалось, но он уверен, что мы — потомки выживших. Он считает, что мы нашли и отремонтировали разбитый воздушный корабль, который и доставил нас обратно. Если мы хотим отсюда выбраться, думаю, лучше ему подыграть».

Я скатал бумажку и на следующий день обронил на том же месте. В конце концов мы все сдались, только Арне упорствовал, пока Дайне не позволили его переубедить. Он сердито ворчал, пока не нашел работу на речной драге, выправлявшей русло Нила и превращавшей болота в новые земли для строительства складов и доков. Сейчас он говорит, что куда счастливее, чем был, бездельничая на Луне.

Столетия стерли все следы нашего времени, но эти люди упорно исследуют свое прошлое в поисках свидетельств о Святых Клонах. Они дали Дайне место в музее. Там ей пригодились навыки восстановления и хранения древностей, и со временем она, пожалуй, сама станет вдохновенной толковательницей Святого Писания.

Пепе сдал на пилотские права, а Таня разрабатывает методы контроля хищных насекомых. Сейчас они отправились с новой экспедицией на освоение Америк.

Хотя все мои знания здесь — сплошная ересь, я получил место привратника в университете, которое дало мне доступ к радиоустановке, способной связаться с лунной станцией. Мы, конечно, надеемся, что наши серебряные фигуры увидят со временем, как этот новый Египет вырастет в цивилизацию прекрасней, чем была наша. Однако Тихо надо сохранить на случай новой катастрофы.

КОНЕЦ
ВСЕГО

ГВИНПЛЕЙН МАКИНТАЙР

Свет без конца

Три завершающих произведения переносят нас в самые последние дни существования жизни на Земле.

Фергюс Гвинплейн Макинтайр, писатель, драматург и журналист, родился в Шотландии, но уже давно живет в Соединенных Штатах. Его работы, часто юмористические, славящиеся детальными исследованиями и тщательно продуманными сюжетами, публиковались во многих журналах и антологиях. Среди его книг роман «Женщина между мирами» («The Woman Between the Worlds», 1994) и сборник юмористической фантастики «Невероятный бестиарий Макинтайра» («MacIntyre's Improbable Bestiary», 2005).

Он украл мою смерть. После всех этих долгих лет я забыла его лицо. Помню только руки: длинные, сужающиеся к кончикам пальцы, сжимающие шприц для подкожных инъекций, вгоняющие иглу в мое тощее предплечье, когда я молю его дать мне наркотик, какого еще не пробовала прежде. О-о-о да-а-а. Она оказалась слишком хороша, та дрянь.

Когда я встретилась с ним в далеком две тысячи двадцать третьем, я была уличной шлюшкой: продавала свои дырки искателям приключений в шикарных и не слишком машинах и прочим извращенцам, чтобы достать деньжат на очередную дозу. Потом экстези выветривалось, и я снова оказывалась на панели. Новая ночь, новая улица.

Теперь мне принадлежат все улицы мира.

Я исписала все имевшиеся на свете карандаши. А также все ручки, маркеры, фломастеры и губные помады. Однажды, когда я еще жила в Лондоне, я вломилась в музей и сперла старую ржавую пишущую машинку, но она прослужила мне всего пару лет — я и на ней настукивала эти записки самой себе (а кому еще их читать?). Я пережила жесткие диски, дискеты, флэшки и прочие фигли-мигли для хранения текстов. Пришлось вернуться к истокам, да, пришлось.

Сейчас я пишу углем на стенах. Нехватки стен тут не наблюдается, а когда закончится уголь, я просто сожгу что-нибудь.

С каждым днем солнце делается больше. Я заставляла себя думать, что это только так кажется, потому что оно приближается и все такое. Нет. Оно действительно растет, я уверена. И становится все краснее.

Ночи теперь приходят реже, и они короче, а когда темно, я не узнаю созвездий. В их названиях я никогда не разбиралась: знаю только Большую Медведицу и Орион. Через несколько тысяч лет после того, как у меня похитили смерть, звезды Ориона расползлись в стороны. Сейчас вообще все звезды чужие, кроме Солнца над головой. Уж с ним-то я отлично знакома.

Помню отца. Когда я думаю о нем, то вижу только рот, орущий на меня, и два тяжелых квадратных кулака. Помню его голос, вопящий, что я шлюха, тупица и гроша ломаного не стою. Впрочем, в последнем он ошибся: я самая ценная в мире особа на данный момент.

Поскольку никого, кроме меня, не осталось.

Маму я не помню. Я забыла лица и голоса всех, кого когда-то любила. Единственные, кого я помню, — это ублюдки, которых я буду ненавидеть до последнего мгновения моей жизни. Что, весьма вероятно, означает, что я буду ненавидеть их вечно. Больше всего я ненавижу своего папашу и грязного извращенца, укравшего мою смерть.

На улице я оказалась, когда мне стукнуло пятнадцать, а его я встретила уже проституткой, в шестнадцать. Он был одним из этих университетских умников, что читают лекции по естественным наукам. Пока я тянула его в проулок, он занудно болтал о чем-то, над чем работает. Нанотех — вот какое слово он употребил. И еще трепался о чем-то вроде предела Хейфлика[1], но тогда это ничегошень-

---

[1] *Предел Хейфлика* — граница количества делений соматических клеток названа в честь ее открывателя Леонарда Хейфлика. В 1965 г. Хейфлик наблюдал, как клетки человека, делящиеся в клеточной культуре, умирают приблизительно после 50 делений и проявляют признаки старения при приближении к этой границе.

ки для меня не значило, только позже я разузнала, что это за хрень. Сказал, что не вел записей собственных экспериментов и не уверен, что сумеет когда-нибудь повторить результаты. А мне хотелось, чтобы он перестал болтать и я могла бы наконец заняться его членом, после чего подыскать себе следующего клиента, но он продолжал блеять о каких-то крошечных роботах и прочей фигне. На мне тогда были суперкоротенькая мини-юбчонка и майка на бретельках. Он заметил «дорожки» на моих венах на руках и ногах и понял, что я на игле. И тут он воткнул в меня шприц, ввел что-то. В крови моей будто вспыхнул пожар, о-о-о, и я хотела еще, хотела еще!

Деньги я с него уже получила, так что он просто сделал свое дело и ушел. Я обработала еще пару клиентов, а потом вернулась в дыру, которую снимала на паях с двумя другими шлюшками. Той ночью у меня были месячные, но когда я вытащила и выбросила пропитавшийся насквозь тампон, то не смогла найти новый. Тогда я натянула свои последние чистые трусы, чувствуя, как горит во мне кровь, и долго не могла уснуть. Но потом все-таки отключилась.

Проснувшись, я обнаружила в своих новых трусиках дыру... как раз там, напротив моей собственной дырки. И в матрасе подо мной тоже было отверстие.

Есть не хотелось, но это нормально, когда ты под кайфом. Странно то, что и ширнуться меня не тянуло, ну совершенно. Впервые на моей памяти я не испытывала голода или жажды к чему бы то ни было. Надев юбку, я потянулась за косметичкой. Проститутки стареют быстро, так что приходится основательно повозиться, чтобы замазать морщины и все такое.

И тут я заметила, что следы уколов на моих руках исчезли. И «дорожки» на ногах тоже тускнеют.

Прихватив косметику, я направилась к зеркалу. Нанося тональный крем и губную помаду, я увидела, что борозд на моем лице больше нет. В свои шестнадцать я еще вчера выглядела на все сорок. А теперь мне снова дали бы не больше шестнадцати.

И тогда я вспомнила того парня из универа и решила: что бы он ни впрыснул в меня, я хочу еще. Но

я не имела ни малейшего представления, где искать этого типа.

До той поры я, бывало, много дней подряд жила впроголодь, тратя весь заработок на экстези и другие наркотики. После встречи с преподом-извращенцем мне понадобилось двое суток, чтобы понять, что мне больше не хочется ни есть, ни колоться. Но каждое утро я обнаруживала дыру в своих трусах, так что мою задницу и прочее всегда овевал ветерок. После недели без пищи — и без желания поесть — я начала думать, что я, может быть...

[п р о б е л]

...и размышляла, не суждено ли мне навеки остаться шестнадцатилетней. Резала ли я себя или получала взбучку от клиента, раны тут же затягивались. Кроме зубов. До встречи с тем извращенцем у меня было выбито несколько зубов, и они так и не выросли, и от кариеса я тоже не избавилась. Странно, теперь вылечилось все, а зубы — ни в какую.

Прокладками и трусами я пользоваться перестала, выяснив, что, когда я сажусь или вообще когда моя задница касается чего-либо, эти крохотные нанороботы во мне набирают энергию для своей работы, а когда встаю, маленькие кусочки того, с чем контачило мое влагалище, исчезают, будто бы тают. Не важно что: ткань, дерево, металл, пластик. Эти букашки во мне вроде как всеядные. Стекло им тоже годится. Так что я теперь человек-бутылка.

Так продолжалось, пока я могла жить в одном месте, не рискуя быть уличенной в том, что я не старею. Я старалась избегать благотворительных обществ, бирж труда, государственной службы здравоохранения — любых мест, где правительство может обратить на меня внимание. Но когда всем поголовно стали вживлять под кожу идентификационные микрочипы, я поняла, что игра окончена. Через несколько недель после подсадки мой организм отторг микрочип — просто вытолкнул наружу. И в Центре мгновенно об этом узнали.

Служба безопасности Центра Ввода явилась за мной. Меня доставили в государственную лабораторию при Цент-

ре и тестировали, тестировали, тестировали без конца, пока кто-то не просек, что эти микроботы в моей крови регенерируют мое тело — кроме зубов, — так что все излечивается и я не старюсь. Один правительственный зануда из тех, что не умеют говорить по-простому, объяснил, отчего не меняются мои теломеры[1], и про предел Хейфлика тоже. Другой типчик сказал, что наноботы в моей крови (я слышала это слово так часто, что даже запомнила его) саморепродуцирующиеся.

А потом они упрятали меня за решетку, чтобы изучать. Издали особый акт парламента или что-то вроде того, только бы держать меня в лаборатории.

Врачей особенно интересовало, как это мне не нужно ни есть, ни пить, если мои наноботы получают энергию и материалы из того, чего касается моя промежность. Впрочем, спать мне все-таки требуется.

Мне выделили личную комнату, но это все равно клетка, поскольку мне не позволяли покидать ее, кроме как ради их экспериментов. Меня кололи иголками, дважды выкачивали всю кровь, пытаясь извлечь крошек-роботов. Досконально исследовали мою вагину, и мои букашки прилежно плавили концы их научных штуковин. Потом меня провожали обратно в комнату. И запирали дверь.

Однажды в моей камере перекрыли вентиляционное отверстие, и я услышала, как из помещения откачивают воздух. Без воздуха я не могла говорить. И дышать тоже. Часа через три воздух вернули, я снова начала дышать, а потом полюбоваться на меня явились доктора. Сказали, что это была случайность. Лжецы!

Имелась там раковина, но воду я пила очень редко, только когда помирала со скуки. Ну, вы, конечно, поняли — жутко скучала, а не помирала. Я обходилась без воды месяца по два, и никаких проблем. Кто-то из врачей болтал о том, что наноботы заботятся о регидрации моих клеток. Еще он сказал, что крошки приспособились к моей персональной ДНК и, если перелить мою кровь кому-то другому, фокус не пройдет.

---

[1] *Теломер* — концевой участок хромосомы.

Я не голодаю и не испытываю жажды. Но по крайней мере, мне все еще нужно спать.

После семи-восьми лет ощупываний и уколов я попыталась...

[п р о б е л]

...и они старались, сколько могли, уберечь лабораторию от соплегноя (как выражалась медсестра), или от глобальной пандемии (как называли это доктора), но в конце концов зараза проникла сюда, и все они начали умирать. Эта дрянь разъедала плоть, кости и все такое. Персонал судачил о людях, просто расплывающихся огромными лужами соплей, или, по крайней мере, это выглядело как сопли, так что не оставалось ничего, кроме одежды, ботинок да, может быть, кос-каких зубов.

Однажды утром я проснулась, но на мой звонок никто не явился, сколько я ни нажимала на кнопку. Я попробовала силой открыть дверь или окно, но система безопасности, как всегда, остановила меня. И механический голос настоятельно рекомендовал не пытаться снова.

Прошло немало времени, прежде чем погас свет и остановились вентиляторы. Я дергала дверь и снова получала предупреждения. Я кричала, звала кого-нибудь — все равно кого. Наконец и механический голос заткнулся. Подождав еще довольно долго, я рванула ручку, и дверь открылась.

Чтобы выбраться из лаборатории, я потратила еще много времени и сил, но мне это удалось.

Все были мертвы. Я видела большие кучи соплей и одежды там, где еще недавно лежали люди, а внутри зданий — маленькие горстки пыли там, где сопли уже высохли.

Большинство животных тоже погибло. Однако деревья и трава остались. И насекомые. Несколько недель еще летали птицы, но потом пандемия настигла и их.

Я нашла машину, работавшую без активации идентификационным чипом владельца. Водить я никогда толком не умела, но когда ты единственный шофер на дороге, все о'кей. Я выбралась из Лондона и двинулась...

[п р о б е л]

...наткнулась на моторку и переправилась во Францию. Плыла вдоль берега, пока лодке не потребовалась подзарядка и она не отказалась двигаться. Тогда я отыскала машину, которую смогла завести, и пару лет я просто...

[п р о б е л]

...и да будет вам, черт побери, известно: что бы ни погубило все вокруг, оно не тронуло насекомых, и их с каждым днем становится все больше! Тьфу! И мух, и жуков, и прочих поганых букашек. К тому же я заметила новые виды этих тварей — мошек, блестящих, точно красная медь, жужелиц с огромными желтыми глазами — уверена, никого из них не существовало прежде, когда еще соплегной не убил всех людей. Но по крайней мере, крысы в большинстве...

[п р о б е л]

Когда-то, давным-давно, я нашла старый тайник с продуктами в пластиковых упаковках, так что жрачка не испортилась и не заплесневела, и иногда съедаю что-нибудь, просто чтобы не забыть вкуса пищи. Порой обнаруживается, что упаковка лопнула и еда прогнила, но я все равно глотаю ее. И еще ни разу не сдохла, ха-ха-ха. Однажды попробовала сыр, весь в плесени, так, ради опы...

[п р о б е л]

...и кинулась к ним, крича, чтобы они взяли меня с собой, взяли с собой, откуда бы они ни явились. Знаю, они меня видели. И уверена, что слышали. Двое из них поглядели на меня — полагаю, что чем-то вроде глаз. Но жукачи взяли и скрылись в своем большом железном шаре. Шар загудел, вспыхнул — и пропал. Нет, не взвился в небеса, ничего подобного. Просто исчез.

Какое-то время я ждала, что жукачи вернутся или покажется кто-нибудь еще, но потом поняла, что никогда...

[п р о б е л]

Каждые десять — двенадцать лет я снова и снова пытаюсь убить себя, но, конечно, у меня никогда не получается, и я прекращаю себя мучить. Ты, ублюдок, укравший мою смерть, не мог сделать так, чтобы я никогда не чувствовала боли, никогда! Каждый раз, когда я творю что-то с собой, из ран хлещет кровища и боль такая, что спятить можно, но все всегда проходит.

Первые несколько лет было не так уж паршиво, потому что я нашла склад дисков, проигрыватель и кое-какие источники питания, так что по крайней мере могла смотреть голографическое видео и все такое. Я прокручивала диски, все подряд, опять и опять, по кругу, пока не выучила фильмы наизусть. Они у меня уже в печенках сидели, и от скуки я перешла на образовательные диски, узнала кое-что о физических сущностях, лекарствах и прочей дряни. Хуже стало, когда закончились работающие батареи, а сдохшие я перезарядить не могла.

Это чертовски нечестно! Батарейки умирают, а я — нет.

Я никогда особо не любила читать, но когда смотреть головидео стало больше невозможно, я нашла библиотеку с тысячами текстовых дисков. Однако просмотрщик не заработал. Зато на одном чердаке обнаружилось несколько сотен древних книг и журналов, которыми люди пользовались еще до появления дисков. Я сходила с ума от скуки и только потому приступила к чтению.

Затем мне пришла в голову идея начать писать самой, и вот я взялась за этот дневник. Нет, конечно, никто его никогда не прочтет, разве что те жукачи вернутся. Печатать, как большинство людей в мое время, я не могла, но нашла несколько старых карандашей, и вот результат.

Я решила, что если уж стала записывать, то работу надо делать хорошо, так что стоит выучить всю эту орфографию и пунктуацию с ее запятыми и кавычками и, может, запомнить кое-какие длинные слова, если они отыщутся в книгах. Так что я старалась вести достойный дневник моей...

[п р о б е л]

Я давно уже перестала считать года. Это было легче, когда сезоны менялись. После того как я стала бессмертной, зима меня совершенно не беспокоила, разве что путешествовать делалось труднее. Когда же погибла вся растительность, я все равно отслеживала времена года, потому что наступала — и отступала — зима. Лучшее в зиме то, что становится меньше насекомых.

Долгое время от меня не отставали москиты. И мухи. Но теперь они, кажется, все перемерли. Кроме жуков. Куда бы я ни пошла, всюду миллионы жуков. Хоть бы и они сдохли.

Хоть бы я сдохла!

Сейчас мне, кажется, около трех тысяч лет, хотя на вид все еще только шестнадцать.

Я все еще помню отца. Помню, как он орал на меня и бил. Я ненавижу его, ненавижу. Единственное, что никогда не умрет, кроме меня, — это ненависть.

[п р о б е л]

Солнце с каждым днем становится больше и краснее. Времен года нет, можно считать, что наступило вечное лето.

Все жарче и жарче. Я много потею, но это значит лишь то, что наноублюдки во мне трудятся усерднее, возмещая влагу, а моя дырка плавит все больше того, на чем я сижу, набирая энергию, массу и все такое. Я забыла многое из того, что твердили мне доктора, но это помню.

И помню Луну. Пока еще оставалась трава, я спала в поле, под звездами, глядя в полудреме на дружелюбную Луну.

Луна исчезла уже давно. Не знаю, куда она делась.

Однажды я попробовала...

[п р о б е л]

Наноштуки во мне каким-то образом меняются. Недавно я открыла, что больше не нуждаюсь в сне. Я пыталась,

но сон так и не пришел. Я очень старалась, но мне уже никак не уснуть.

Это ужасно нечестно. Все это время единственное, что оставалось во мне нормальным, — это способность спать. Значит, теперь ублюдок, укравший мою смерть, украл и мой сон. Так сделал бы хотя бы так, чтобы я не уставала!

Когда я сообразила, что мои наноботы меняются, то начала надеяться, что скоро смогу умереть. Пустые мечты! Я все еще тут.

После того как не стало времен года, я пробовала считать дни и ночи. Все дерево и большинство железа превратились в пыль и ржавую труху, только пластик и кое-какое стекло остались с тех времен, когда здесь жили люди. И еще камень. Я нашла старые куски какой-то пластмассы, на которой могла царапать, и делала зарубку каждое утро, когда всходило солнце. Маленькие такие зарубки, по десять в ряд. Куда бы я ни пошла, я брала эту пластмасску с собой, чтобы продолжать следить за временем. Впрочем, теперь все места выглядят одинаково.

Я сделала тысячу триста сорок семь зарубок, и ставить оказалось больше некуда. Нескоро я нашла другой кусок пластмассы. Нацарапав на нем еще тысячу триста сорок семь штрихов, я стала каждый день перечеркивать по десятку зарубок. Так продолжалось довольно долго.

Я одна уже по меньшей мере двенадцать тысяч лет.

Я решила простить своего отца.

[п р о б е л]

Я слепну на один глаз. На левый. Не помню, когда в последний раз что-либо возбуждало меня, но когда я заметила непорядок со зрением, я возбудилась, о да! Если со мной что-то не так и лучше не становится, может, эти вонючие нанотвари внутри меня наконец поломались?

Мои зубы давным-давно стерлись до пеньков. Помню, кто-то из врачей там, в лаборатории, предупреждал, что это произойдет, и предлагал мне вырвать зубы, пока они еще есть. Жаль, что тогда я отказалась. Какой-то зуб болел у меня целых триста лет. Сейчас все прошло.

Думаю, года становятся короче, словно Земле требуется меньше времени, чтобы обогнуть Солнце. Оно постоянно такое яркое, что невозможно определить, когда наступает ночь, и...

[п р о б е л]

Я ХОЧУ УМЕРЕТЬ Я ХОЧУ УМЕРЕТЬ Я ЧЕРТОВСКИ ХОЧУ СДОХНУТЬ

[п р о б е л]

Хотя я давно уже перестала нуждаться в воздухе, я все равно продолжала дышать, чисто рефлекторно. Иногда, со скуки, я задерживала дыхание на шесть-семь часов, но потом всегда опять начинала. Усилий это не требовало. Помню, когда-то, когда я еще могла спать, я засунула на ночь голову в пластиковый пакет и плотно завязала его вокруг шеи, чтобы внутрь не проникал воздух. Проснувшись на следующий день, я не дышала несколько часов, но разницы не почувствовала, так что я стянула с себя шуршащую дрянь — и дыхание возобновилось, как всегда.

Это было давным-давным-давным-давно. Дышать теперь стало труднее. Нет, меняюсь не я, а воздух. Он вроде как гуще, чем должен быть, и горячее, и липкий какой-то. Думаю, в нем есть и яд, но недостаточно сильный, чтобы прикончить меня. Вдыхать довольно больно, и когда я ощутила эту боль впервые, то снова обрадовалась, понадеявшись, что умираю. Но дышать делалось все трудней и трудней, все болезненней и болезненней.

Однажды я заметила, что больше не дышу. Я возомнила, что мое тело наконец сдается! наконец! наконец! Но, очевидно, оно просто решило, что дыхание отныне требует слишком больших усилий, и ослабило рвение.

Давным-давно я случайно нашла реку, где текла в основном мерзкая зловонная жижа, но я все равно глотнула из нее, просто чтобы вспомнить воду. Не знаю, когда я в последний раз видела реку. Или озеро.

Большинство городов обратилось в прах. Я вернулась к побережью, то есть туда, где оно должно было быть, чтобы наблюдать за изменениями океана. Уверена, вся рыба вымерла тысячи лет назад. Некоторое время в океане еще жило что-то водорослеобразное, но теперь — сомневаюсь.

И сам океан мельчает. Каждый раз, когда я прогуливаюсь по пляжу, полоса песка и камней делается шире.

Попадалось тут нечто шевелящееся, я таких тварей прежде не видела. Их наверняка не было до того, как все люди сгинули, так что научного названия у них нет. Фу, мерзость! Ерзающая дрянь, у которой слишком много ног, и вся в слизи. И с длинными отростками вместо глаз. Они ворочались в иле возле океана, пока тут еще был ил. Какое-то время я была просто счастлива видеть их, это было что-то новое — и живое. Теперь они пропали.

Иногда я кричу, но меня никто не слышит.

Когда-то я и плакала. Сейчас слезы не текут, и не важно, насколько сильно мне хочется зареветь. Это просто жутко нечестно. Я не могу есть, не могу пить, не могу спать, не могу дышать и даже не могу плакать. Я потеряла все, что некогда делало меня человеком, вот только не могу умереть.

[п р о б е л]

...должен же быть какой-то способ выключить солнце — оно такое яркое, и когда...

[п р о б е л]

Теперь все происходит быстрее. Я привыкла, что мои раны, когда я их себе наношу, заживают с обычной для лечения скоростью. Вчера же я нашла зазубренный обломок пластмассы с острым краем и нарочно вспорола себе руку от запястья до самого плеча. Полилась кровь, и я понадеялась, что нанотвари вытекут из меня. Но на моих глазах рваная рана затянулась ровно за девятнадцать секунд. Теперь я исцеляюсь быстрее.

Это так чертовски нечестно.

[п р о б е л]

Те жукачи с их железным шаром так и не вернулись, но зато объявились какие-то зеленые сияющие люди. Нет, фигурой они не напоминают людей, но — да, они зеленые и сияют. Думаю, они все женщины, не мужчины. Они начали строить город, посадили какие-то растения, изменили воздух, так что дышать стало полегче. Конечно, я бросилась к ним с раскрытыми объятиями. Их речь — сплошной скрежет, однако они все равно попытались научить меня своему языку, и я старалась научиться, но это слишком сложно. Небо теперь все время такое яркое, что за короткий отрезок ночи едва можно разглядеть пару звезд, но одна из зеленых леди показала наверх — думаю, она объясняла, с какой звезды они прибыли, то есть возле какой звезды кружится их планета.

Довольно долго я жила в их городе вроде как на правах домашнего животного, и они были вполне милы, разве что никак не понимали, что мне надо. Они вертели меня так и эдак — верно, проводили всякие медицинские тесты, но я им позволяла — частично потому, что хотела понравиться зелененьким тетенькам, а частично оттого, что надеялась, что они выяснят, как меня исправить, чтобы я смогла умереть. Прекратив проверки, они остались довольно любезны.

Прекрасные сияющие зеленые дамы владели всевозможными видами дивного искусства и создавали чудные вещи, совсем не похожие на статуи, картины и все такое прочее, существовавшие, когда еще живы были люди. Зеленые леди творили из раскаленного газа, который на некоторое время повисал в воздухе, а потом рассеивался. Одна из дам показала мне созданную ею скульптуру из красного жара, а потом показала на Солнце, так что я догадалась, что их милые вещицы сделаны из того же вещества, что и Солнце. Газ этот называется плазма — так вроде говорили по головидео. Долго ли, коротко ли, но зеленым леди удалось даже научить меня, как работать с плазмой, и я тоже писала слова и рисовала картины в воздухе пылающим газом.

Потом вдруг что-то случилось, и все зеленые леди поспешно убрались прочь. Я так и не узнала почему. Они оставили мне свой город и кое-какие машины, но я не сумела разобраться, как заставить эти агрегаты работать. Впрочем, хорошо, что зеленые леди жили здесь хоть сколько-то.

Жаль только, что они не забрали меня с собой.

[п р о б е л]

Солнце теперь постоянно торчит над головой. Огромное, красное, жаркое, чертовски жаркое.

Иногда, путешествуя, я возвращаюсь в те места, где была когда-то, и нахожу записи, которые сделала давным-давно. Я плохо помню, что писала тогда, так что каждый раз мои собственные каракули становятся сюрпризом, я читаю их как в первый раз.

Правый глаз почти ничего не видит, левый давно ослеп. Я не сплю, но меня терзают кошмары наяву, мысли о том, что со мной станется, если я не могу есть-пить-спать-дышать, да еще и не смогу ВИДЕТЬ, и мне придется вслепую идти сквозь вечность. Это так чертовски нечестно.

Кажется, очень скоро Земля расплавится или упадет на Солнце. Мне-то все равно, что именно случится, но интересно было бы знать, убьет ли это меня наконец. Если да, я обрету наконец покой.

Но меня жутко пугает мысль, что я рухну на Солнце и умру, но внутри Солнца воскресну, умру снова и так далее — без конца. И будет, конечно же, жутко больно.

Придет день, когда Солнце погибнет. То есть, когда это произойдет, дня-то как раз не будет, но вы поняли, что я имею в виду. Да, повезет мне, нечего сказать, если Земля грохнется на Солнце, а я все равно буду продолжать жить, чувствуя, как Солнце раз за разом убивает меня, а наноТвари возрождают миллионы-миллиарды-треклятые-секстильоны лет, пока Солнце наконец не погаснет. Интересно, смогу ли я писать пылающей плазмой внутри Солнца, как научили меня однажды зеленые леди неизвестно откуда? Хоть бы они вернулись. Я надеюсь, что, может...

[п р о б е л]

Повсюду горячая лава. Тает, тает, плавится все, и я горю, горю вся, и как же мне больно, чертовски больно, и как только я исцеляюсь, я сгораю снова. Хватит, хватит, хватит, прекратите.

Я все еще немного вижу одним глазом. Пишу эти слова черным расслаивающимся камнем на твердом белом камне, но камень размягчается. Солнце все ближе. После стольких миллионов лет я вдруг вспомнила старую добрую песню о том, что когда восходит солнце, то все хорошо[1], но тут сейчас совсем НЕ ВСЕ ХОРОШО. Все раскалено, все плавится. Уверена, наступит...

[п р о б е л]

наконец, наконец, наконец миллиарды лет падения на Солнце, скорее, скорее, умру ли я теперь или все станет еще хуже, не знаю, если...

[п р о б е л]

...о черт, это нечестно...

[1] Песня «The Beatles» «Here comes the sun» («Вот восходит солнце»).

СТИВЕН БАКСТЕР

Дети времени

Карьера Стивена Бакстера началась в 1987 году с рассказа «Цветок Ксили» («Xeelee Flower») — произведения, открывшего его знаменитый цикл, который включает такие романы, как «Плот» («Raft», 1991), «Поток» («Flux», 1993) и «Кольцо» («Ring», 1994). Бакстер привлек внимание широкой читательской аудитории своим романом «Корабли времени» («The Time Ships», 1995), являющимся продолжением «Машины времени» («The Time Machine») Герберта Уэллса, и заявил о себе как об одном из самых передовых и интригующих британских писателей-фантастов. Среди последних книг автора апокалиптический роман «Потоп» («Flood», 2008) и его продолжение «Ковчег» («Ark», 2009).

I

Льды на горизонте манили Джаала давно. Вот и сейчас сквозь дымовую завесу вечернего костра мальчик всматривался в линию чистой костяной белизны — точно по кромке неба полоснули отточенным каменным лезвием.

День подходил к концу, по небу кляксами расплескался неистовый закат. Непоседливый ребенок в одиночестве пошагал сквозь густую пелену дыма, подальше от запаха вареного енотового мяса и шкварчащего козьего жира, от неторопливых взрослых бесед и радостных детских игр.

С северной стороны горизонта ледник был всегда вечно недосягаемый, сколько ни шагай по чахлой траве. Джаал знал, почему так. Ледяная шапка отступала, белоснежность низвергалась талыми ручьями, оставляя за собой усыпанную валунами землю в разломах и выбоинах. А потому, сколько ни иди, — за льдом все равно не угнаться.

Сейчас заходящее солнце окрашивало ледниковые дали розовым. Мальчика влекло к геометрической простоте пейзажа; завороженный, Джаал смотрел не отрываясь.

Ему было одиннадцать: коренастый, с буграми мышц. Поверх многослойных одеяний из козьих шкур, сшитых сухожилиями, — тяжелый плащ из кроличьего меха. На голо-

ве — шапка, сделанная отцом из цельной енотовой шкуры, обувь — из смазанных снаружи жиром голубиных шкурок, вывернутых оперением внутрь, на шее — ожерелье из кошачьих клыков.

Джаал оглянулся на семью. Родственников было около дюжины: родители, дети, дяди и тети, племянники и племянницы и потрепанная жизнью бабушка сорока двух лет. Все, не считая малышей, двигались крайне медленно, очевидно от усталости. Сегодня пришлось проделать долгий путь.

Мальчик понимал, что нужно вернуться к костру и помочь, выполнить свой долг — принести дров или освежевать крысу... Но все это повторялось изо дня в день. Из раннего детства у Джаала сохранились тревожные воспоминания: горящие хижины, бегущие, кричащие люди... С тех пор ребенок и его семья двигались на север в поисках пристанища. Но нового дома пока так и не нашлось.

Мальчик заметил шутливую возню Сьюры с младшей сестренкой: старшая стягивала с извивающегося тельца девочки грязный кожаный плащ. Сьюра была троюродной сестрой Джаала, на два года старше. Во всех ее движениях сквозила плавная, переливающаяся легкость.

Заметив взгляд мальчика, Сьюра вскинула бровь. Тот жарко зарделся, отвернулся к северу. С ледником гораздо проще, чем с сестрой.

Внезапно Джаал заметил что-то новое.

Менялся угол падения солнечных лучей, и на земле засверкало что-то непонятное. Прямая линия отливала красным, будто повторяя широкую кромку льда. Линия была совсем близко, пересекала торосы и валуны на расстоянии короткого перехода. Нужно разобраться, в чем дело.

Виновато оглянувшись на родичей, мальчик побежал на север, башмаки из голубиных шкурок неслышно ступали по грубой земле. Прямолинейная штука оказалась гораздо дальше, чем представлялось сначала, и чем сильнее становилась досада, тем быстрее — бег. Неожиданно для себя Джаал достиг цели. Замер, едва не споткнувшись, тяжело переводя дыхание.

Каменная гряда, по колено высотой, состояла не из изрезанных льдом валунов и мешанины гальки, усеявших

окрестности. Хотя верхушка искрошилась, стороны были ровные — гораздо более гладкие, чем любой камень, который Джаалу доводилось видеть прежде; кремовую поверхность окрашивало заходящее солнце.

Мальчик боязливо вскарабкался на стену, чтобы видеть лучше. Каменная гряда простиралась вправо и влево, на запад и восток, резко поворачивала к северу и вновь смыкалась. Джаал обратил внимание на упорядоченность линий. Гряда образовывала прямоугольный каркас. И он оказался не единственным. Заходящее солнце четко высвечивало каменный рисунок. Всю землю к северу, насколько хватало взора, покрывали огромные прямоугольники. Сделано руками человека. Это показалось очевидным и неоспоримым.

Когда-то здесь находился пригород Чикаго. Надвигающийся ледник стер город с лица земли, но, к счастью, затопленные фундаменты замерзли еще до прихода льда. Возраст руин насчитывал сотню тысяч лет.

— Джаал! Джаад! — птичьим криком донесся материнский голос.

Оставить находку не было сил. Мальчик стоял на разрушенной стене, дожидаясь матери.

Подошла женщина: усталая, перепачканная сажей, нервная.

— Зачем ты сюда пошел? Разве не знаешь, что в сумерках выходят на охоту кошки?!

От боли в материнском взгляде Джаал вздрогнул, но все равно не смог сдержать своего восторга:

— Посмотри, что я нашел, мама!

Женщина огляделась. На лице — непонимание, скука.

— Что это?

Подпитанная ощущением чуда фантазия вырвалась на свободу, и Джаал попытался заставить мать увидеть то, что видел он:

— Может быть, раньше здесь стояли большие каменные стены — высокие, как ледник! Может быть, здесь жила орава людей и дым от их костров поднимался до самого неба! Мама, а мы вернемся сюда жить?

— Наверное, когда-нибудь вернемся, — машинально произнесла женщина, чтобы утихомирить сына.

Но люди больше не вернутся сюда никогда. К тому времени, как наступающие ледники уничтожили монокультурную, повсеместно раскинувшуюся промышленную цивилизацию, человечество исчерпало земные ресурсы железной руды, угля, нефти и прочих полезных ископаемых. Люди выжили: разумным, легко приспосабливающимся существам не обязательно обитать именно в городах. Но, располагая лишь древнейшими технологиями обработки камня и добывания огня, заново отстроить чикагские небоскребы не удастся никогда. А вскоре о существовании этого места забудет даже Джаал, околдованный пылающим взором Сьюры.

Но сейчас мальчик горел жаждой исследований.

— Ну, можно я еще погуляю? Совсем чуть-чуть!..

— Нет, — мягко произнесла мать. — На сегодня хватит приключений. Пора. Идем. — И, положив руку на плечо сына, повела его домой.

II

Урлу ползла к реке. Под коленками и ладонями — жесткая, спекшаяся земля, пеньки от выжженных деревьев и кустов царапали тело. Здесь не было зелени, ничего не росло и, не считая редких хлопьев пепла, гонимых легким ветерком, царила неподвижность.

Девочка была голой, блестящая от пота кожа перепачкана углем. Волосы сбились в жирный, пыльный колтун. В одной руке она держала заточенный камень. Ей было одиннадцать.

На шее Урлу носила ожерелье из зубов. Подарок дедушки Палы: старик сказал, что это зубы зверя, который называется кроликом. Кроликов девочка не видела никогда. Все эти животные вымерли во время Пожарища, задолго до рождения Урлу, вместе с крысами, енотами и прочими мелкими млекопитающими, с которыми до этого человечество пережило ледниковый период. А потому кроличьих зубов больше не будет. Ожерелье бесценно.

Свет стал ярче. Внезапно перед девочкой выросла тень — ее собственный силуэт на темной земле. Урлу распласталась

в грязи. К теням она не привыкла. Осторожно оглянулась, всматриваясь в небо.

Всю ее жизнь небо скрывал толстый слой пепельных облаков. Но в последние дни небосвод стал проясняться, и сегодня пелена расступилась. Сквозь плывущую высоко в небе тучу девочка разглядела чахлый, бледный диск.

Солнце. Урлу говорили, как оно называется, но она никогда не верила, что солнце бывает. И вот оно показалось: девочка смотрела на геометрически четкий круг, не в силах отвести взгляда.

Чей-то ласковый голос предостерегающе окликнул:

— Урлу!

Кричала мать.

Нет, не стоит грезить о небе. У девочки есть долг, и она должна его выполнить. Урлу поползла дальше.

Добралась до берега. Речные воды, загустевшие от грязи и мусора, двигались медленно. Русло — такое широкое, что при полуденном свете едва виден противоположный берег. Когда-то реку называли Сена, а выжженная земля скрывала следы бывшего Парижа. Но где бы девочка ни находилась, вся Земля, любое ее место оказалось бы точно таким же.

Справа от себя, ниже по течению, Урлу увидела охотников: из остатков уничтоженной растительности выглядывали розовые, перемазанные грязью лица. Нетерпение соплеменников давило на девочку.

Урлу взялась за осколок камня, прижала заточенный край к ладони. Она должна. Люди верят, что водных тварей привлекает кровь девственницы. Урлу боялась предстоящей боли, но выбора не оставалось: если не порежется сама, то это сделает кто-нибудь из племени, а так — еще больнее.

Внезапно раздался плач, крик расставания и утраты, словно дым, вздымающийся в затхлом воздухе. Звук доносился со стороны стоянки. Лица на берегу, привлеченные шумом, повернулись в сторону жилищ. Затем охотники по одному скрылись в изувеченном подлеске.

С невероятным облегчением Урлу отвернулась от захламленной реки; камень безопасно зажат в ладони.

Стоянка была простой прогалиной на выжженной земле с безучастно тлеющим костром. Перед ним на грубой подстилке из опаленного хвороста лежал старик — костлявый, голый и грязный, как и все остальные. Слезящиеся, широко распахнутые глаза не отрываясь смотрели на небосвод. Сорокапятилетний Пала приходился Урлу дедом. Он умирал, снедаемый чем-то изнутри.

За стариком, опустившись на колени в грязь, ухаживала женщина, самая старшая из дочерей, тетя Урлу. На чумазом лице — полосы от слез.

— Испугался, — произнесла тетка. — Оно его убивает.

— Что? Чего он боится? — спросила мать Урлу.

Тетка указала на небо.

Страх старика перед странным небесным светом был вполне объясним. Пале было только четыре года, когда на Землю обрушилось еще более яркое сияние.

Когда миновала эпоха Джаала, ледник надвигался еще десятки раз, прежде чем отступить окончательно. Потом люди быстро очистили Землю от ледникового наследия: потомков кошек, грызунов и птиц, покрупневших и обнаглевших за временное отсутствие человечества. После этого люди занялись охотой и земледелием, создали сложную систему торговли и культуры, разработали технологии применения дерева, камня и кости. В морских глубинах, вне досягаемости человечества, неистово бурлил эволюционный процесс. Но люди едва переменились со временем: у них не было потребности меняться.

Безмятежный рассвет человечества продлился тридцать миллионов лет. Родители напевали маленькому Пале песни невообразимой древности.

Но тут внезапно нагрянула комета. Земля испытала новую мощную катастрофу почти сто миллионов лет спустя после столкновения, положившего конец лету динозавров.

По счастью, Пала и его родители оказались поблизости от гор со множеством пещер и пережили пожары, дождь из расплавленных камней и долгую зиму под саваном пыли. Человечество перенесло это так же, как переносило гораздо менее серьезные катастрофы после ледникового периода. Изо-

бретательность, приспособляемость и едва ли не всеядность позволили людям расселиться по истерзанной земле вновь.

Раньше надежды на спасение человеческого рода связывали с колонизацией других миров, ибо на планете всегда существовала опасность подобных бедствий. Но люди никогда не пускались в дальние странствия: вне Земли не было ничего. Звезды хранили упрямое молчание. И хотя после ледникового периода население планеты не превышало нескольких миллионов человек, люди оказались слишком многочисленны и слишком широко расселены, чтобы их убил смертоносный поцелуй кометы. Уничтожить множество людей оказалось несложным. Истребить все человечество — гораздо трудней.

Вышло так, что старик Пала оказался последним из живущих, кто помнил мир до Пожарища. Вместе с Палом умирали и воспоминания о событиях тридцатимиллионнолетней давности. Наутро мертвое тело выставили на возвышенность.

Группа охотников вернулась к реке — завершить начатое. Теперь уже Урлу не придется надеяться на отсрочку в последний момент. Девочка рассекла ладонь глубоким продольным порезом и выпустила кровь в темную речную воду. Алая струйка была самой яркой в черно-сером мире.

Безмолвной твари, притаившейся в воде, не было никакого дела до девственности Урлу: самку привлек запах крови. Еще одна представительница великих мастеров выживания, рептилия переждала Пожарище в грязевой топи, без малейшей брезгливости кормясь обожженными останками, смываемыми в реку. Сейчас животное выплывало к тусклому свету.

Всю свою жизнь Урлу питалась лишь змеями, тараканами, скорпионами, пауками, личинками и термитами. Той ночью девочка пировала крокодиловым мясом.

Наутро Урлу перестала быть девственницей. Ей не очень понравилось, но по крайней мере она сделала самостоятельный выбор. И теперь больше не придется проливать кровь.

III

Подгоняемый слабым течением и усилиями экипажа, по ряби мелководья скользил к берегу катамаран. Когда судно налетело на отмель, люди врассыпную кинулись в воду,

доходившую им до коленей, и принялись выгружать оружие и пищу. В безоблачно-синем куполе неба висело яркое, жаркое солнце. Люди, низкорослые и гибкие, работая, поднимали вокруг себя сверкающие облака брызг. Некоторые обвили шеи любимыми змеями.

Сидящий на катамаране Кале, уцепившись за водоросли, всматривался в море. Он разглядел тонкую черную линию плавучего селения, где родился. То была эпоха тепла и наводнений, затопивших берега континентов, и бóльшая часть населения Земли жила за счет богатых коралловых рифов и прочих экосистем мелководья, залитых солнечным светом. Кале рвался обратно, на плоты, но вместо этого ему придется впервые в жизни ступить на сушу. Кале было одиннадцать лет.

Его мать, Лия, с плеском приблизилась к сыну. На темном лице женщины выделялись белоснежные зубы.

— Если будешь таким робким, никогда не станешь мужчиной, — заметила она.

И с этими словами сгребла мальчика в охапку, закинула на плечо, пробежала по мелководью к берегу и бросила на песок.

— Вот! — кричала Лия. — Ты первый сюда шагнул, раньше всех!..

Все засмеялись. Запыхавшийся, обиженный Кале смущенно покраснел.

Не так давно плавучая семья, к которой принадлежал Кале, заметила линию на горизонте. Родичи приготовили дары моря и резные кораллы в качестве подношений, повторили песни, которые собирались спеть, наточили оружие... и только их и видели. Думали, перед ними — заселенный людьми остров. Но ошиблись. Их ждал не остров, а целый континент.

С тех пор как мир оправился после великого Пожарища времен Урлу, прошло достаточно времени, чтобы материки смогли исполнить свой неторопливый тектонический танец. Африка мягко уткнулась в Европу, Австралия поцеловалась с Азией, а Антарктика переместилась подальше от Южного полюса. Именно значительные географические изменения наряду с медленным, неумолимым нагреванием поверхности солнцем подарили миру долгое лето.

Семьдесят миллионов лет мирно дремали над плодородными морскими пучинами плоты. Но спустя столь существенный промежуток времени люди остались почти такими же, как прежде.

И сейчас они достигли побережья Антарктиды, где Кале действительно ступил на берег первым.

Мальчик неуверенно встал. На мгновение показалось, что мир под ногами сотрясается и ходит ходуном. Но Кале тут же осознал: это не мир пустился в пляс, а его фантазия, его сформированное плавучей жизнью мышление.

Перед ним раскинулся пляж, отлого поднимающийся к полосе высокой растительности. Ничего подобного мальчику никогда не приходилось видеть. Вытесненные любопытством страх и обида отступили.

Высадившиеся на берег уже забыли о Кале. Собирали топляк для костра, выгружали кольца змеиного мяса — мяса разжиревших, глупых, одомашненных потомков одного из видов, переживших огненную эпоху Урлу. Сейчас люди устроят пир, захмелеют и повалятся спать, а осмотр окрестностей начнется лишь завтра.

Кале понял, что не готов ждать так долго. Развернулся и пошагал прочь от моря, вверх по покатому склону.

Вокруг высились ряды массивных гладких стволов. Эти «деревья», как называл странные штуки отец, на самом деле являлись своего рода травой — наподобие бамбука. Мир Кале был бескрайней плоскостью, а потому деревья казались мальчику подлинными исполинами. Сквозь заросли пробивался солнечный свет.

Ручей, струящийся всего в нескольких шагах, с журчанием впадал в море. Вытекал он из оврага, преградившего Кале путь. Придется спуститься.

Ступать было колко, кожу царапали острые ветки. В стенах оврага виднелись самые различные камни: от крупных валунов в серой глине до гальки, такой мелкой, что уместилась бы в кулаке у Кале, — всё плотно склеено друг с другом. Дно оврага было изрезано и изрыто, точно там билась громадная шипастая рыбина.

Здесь, в тропических джунглях, мальчика окружали свидетельства ледникового периода.

Вскоре за деревьями показался просвет — всего лишь просека несколько шагов шириной, образовавшаяся из-за падения могучего ствола. Кале шагнул вперед, к зеленой полянке. Но тут затрепетали радужные крылья и толстое, поделенное на сегменты туловище выплыло из зелени. Кале застыл на месте. Насекомое было громадным, длина тела превосходила рост мальчика. И тотчас же вверх взмыли другие стрекозы и испуганно сбились в рой в поисках защиты. Над деревьями с жужжанием пролетело гладкое, в желтую полоску существо. Одинокий хищник, далекий потомок осы. Насекомое напролом, через мерцающие крылья, ринулось в гущу стрекоз. Все это происходило над головой Кале в хлопающем, звенящем облаке. Так удивительно, что даже не страшно.

Мальчика отвлекло странное движение внизу, под ногами. Зеленая полянка, с которой Кале спугнул стрекозиную стаю, зашевелилась и словно растеклась. На самом деле это было скопление живых существ — извивающихся червей. В дрожащей куче поблескивали глаза.

Подобное зрелище можно было увидеть лишь в Антарктике. И больше нигде на Земле.

После того как сошли льды, оголенная антарктическая земля превратилась в арену битвы за выживание. Первопоселенцев — растений, насекомых и птиц — принесло заморским ветром. Но время птиц, тем более млекопитающих миновало. По мере того как экологические системы мира компенсировали постепенное нагревание поверхности солнцем, углекислый газ, основной парниковый газ, поглощался морской водой и скалами, а воздух насыщался кислородом. На этой пьянящей подкормке насекомые выросли до гигантских размеров, и вскоре хищные осы и обнаглевшие, как крысы, тараканы расправились с нелетающими антарктическими пернатыми.

Затем настало время еще более драматических событий: мутация целого отряда живых существ. Извивающееся множественное создание, растекшееся при появлении Кале, было потомком сифонофор, колонией морских организмов, наподобие португальского кораблика. Эти обладающие бесконечной приспособляемостью и невероятной биологической способностью к мутациям сложносоставные существа, выйдя на

сушу, заселили пресные водоемы, землю, траводеревья и даже воздух.

Кале чувствовал, как во всем, что он видит, сквозит некая неуловимая странность. Необитаемая Антарктика оказалась последним местом на Земле, где проявилось эволюционное творчество. Но неумолимый тектонический дрейф в конце концов пригнал континент к плавучим сообществам, странствовавшим над затопленной Индией, и великому эксперименту суждено было завершиться. Кале с широко распахнутыми глазами озирался вокруг, он жаждал увидеть больше.

Над головой пролетело копье с коралловым наконечником, раздался рев. Потрясенный мальчик отшатнулся, едва не упав.

Зеленая поляна перед ним расползлась и скрылась. Откуда-то появилось громадное существо. Серокожее, на двух тонких передних ножках, с мощным хвостом, чудище словно целиком состояло из головы. Из шеи торчало древко. Еще один продукт мутаций: хрящевая рыба, отдаленный потомок акулы. Зверь распахнул похожую на пещеру пасть, обдав Кале кровавым дыханием.

Лия появилась рядом с сыном.

— Идем. — Мать схватила его под мышки и потащила прочь.

Вскоре, пожевывая на отмели змеиное мясо, Кале оправился от пережитого потрясения. Рассказы о громадных осах и большущей сухопутной акуле оживили всех. В тот момент мальчик и представить себе не мог, что ему придется вернуться к кошмарам джунглей.

Но конечно же, он еще не раз отправится туда. Не пройдет и тысячи лет, как потомки Кале, пройдя всю Антарктиду из конца в конец, вместе со змеями и недавно прирученными боевыми осами загонят на охоте последнюю из сухопутных акул и сделают из ее зубов ожерелье.

IV

Близнецы Бел и Тура выросли в плоском мире — на берегу, между бескрайним океаном и похожей на столешницу землей. Но вдалеке брат и сестра видели горы: блед-

ные конусы, в багряной дымке становящиеся пурпурными. Сколько Тура помнила себя, ее всегда манили горы. Ей так и хотелось приблизиться к ним, она даже мечтала взобраться на вершину.

Но разве туда попадешь? Народ Туры населял побережье, питаясь мягкотелыми потомками неотеничных крабов. Суша представляла собой красную пустыню, устланную сверкающими солончаками, где невозможна никакая жизнь. Горы были недосягаемы.

Затем, на одиннадцатый год жизни Туры, земля неожиданно зазеленела.

В стареющем мире вспышки вулканической активности по-прежнему случались. Вместе с потоками базальтовой магмы в атмосферу выплескивался углекислый газ. Подобно тому как раньше десятилетиями ждали дождя цветы пустыни, их отдаленные потомки тоже ожидали недолгого вулканического лета, чтобы зацвести.

Тура и ее брат вынашивали общий план давно. Второго такого шанса может больше никогда не представиться: зелень исчезнет через год и, может быть, больше не появится ни разу за всю их жизнь. Ни один взрослый не одобрил бы их план. Но никому из взрослых и не нужно знать о нем.

Рано утром дети ускользнули из деревни. Одетые лишь в сплетенные из водорослей килты, с любимыми ожерельями на шеях, брат с сестрой были очень похожи друг на друга. Предвкушая приключение, они смеялись на бегу, голубые глаза сияли и казались еще ярче на фоне ржаво-малинового пейзажа.

Бел и Тура жили там, где некогда располагалось западное побережье Северной Америки, но это не имело значения — и во времена Урлу весь мир был одинаков. Только теперь настала эпоха сверхконтинента.

Медленно сдвигаясь, материковые плиты объединились, в точности повторяя очертания прежнего исполинского монолита, раздробившегося задолго до появления динозавров. Пока воды Мирового океана бушевали в ревущих штормах, внутренняя часть Новой Пангеи превратилась в безжизненную пустыню, а люди переселились к устьям крупных рек и к береговой линии. Великое слияние, словно барабанной

дробью, сопровождалось вымиранием видов, и всякий раз мир восстанавливал силы, хотя каждое новое возрождение было уже не столь бурным, как прежде.

Прошло двести миллионов лет, прежде чем сверхконтинент стал выжженным и прокаленным. А потом — еще двести. Но люди жили почти так же, как и раньше.

Одиннадцатилетние близнецы Тура и Бел ничего не знали о прошлом. Они были молоды, как и их мир, и видели его только таким. А сегодня вокруг происходили чудеса: все растения, жадно поглощая углекислый газ, выстреливали в воздух залпы спор, а насекомые стремительно отправлялись на поиски партнеров для размножения.

Солнце поднималось все выше и выше, уставшие дети сбивались с ритма, спотыкались. Пот на их коже быстро испарялся в сухом воздухе. Наконец сквозь завесу пыли проступили горы. Древние, истерзанные временем возвышения, хранившие следы формирования Новой Пангеи. Но для Туры и Бела, стоящих у пологих, усыпанных голышами предгорий, это были высочайшие вершины.

Тура заметила вспышку зеленого и коричневого высоко на склоне. Разгорелось любопытство. Не раздумывая ни секунды, девочка принялась карабкаться вверх. Боязливый Бел остался на месте.

Поначалу склон горы был таким пологим, что можно было идти обычным шагом. Но вскоре Тура очутилась выше, чем ей когда-либо доводилось в жизни. Продолжая восхождение, девочка инстинктивно опустилась на четвереньки. Сердце стучит, как молот, но Тура двигается вперед. Внизу раскинулась Новая Пангея: море красной, как на Марсе, пыли, слежавшейся со временем.

Наконец девочка добралась до зелени. Несколько питаемых подземными водоносными пластами деревьев, в тени горы укрывшихся от насыщенных пылью ветров. Тура машинально провела ладонью по гладким, крепким стволам. Никогда прежде она не видела деревьев.

По мере того как солнечное излучение усиливалось, экологические системы спасались тем, что усваивали углекислый газ из воздуха. Но бесконечно так продолжаться не могло: даже во времена Джаала углекислота была на исходе.

Планета уже освободилась от множества прежних экосистем: тундры, лесов, полей, лугов, мангровых болот... Вскоре концентрация двуокиси углерода окажется ниже критического уровня, и тогда лишь немногие растения будут способны к фотосинтезу. Человеческая популяция, и без того сократившаяся до миллиона особей, рассеянных по единственному на весь мир побережью, уменьшится едва ли не до десятка тысяч.

Люди выживут. Как всегда. Но эти деревья, в прохладной тени которых стояла Тура, — одни из последних на целом свете.

Девочка задрала голову, всматриваясь в крону... Наверное, там — какой-нибудь плод или вода, скопившаяся в остроконечных листьях... Но подняться по гладкому стволу невозможно.

Посмотрев вниз, Тура увидела белую точку: обращенное вверх лицо Бела. Время шло: чем выше окажется солнце, тем сложнее будет идти по пустыне. Девочка нехотя принялась спускаться на равнину.

Прожив всю жизнь на побережье Пангеи, Тура запомнила короткое приключение навсегда. И всякий раз при мысли о деревьях у нее зудели ладони и ступни: в теле пробуждались инстинкты обезьян, похороненные полмиллиарда лет тому назад.

V

Рууль заскучал.

Гулкое эхо пира разносилось по всем пещерам. Люди играли, плясали, болтали и смеялись, пили и дрались при свете костров и тростниковых факелов; изрядно эволюционировавшие потомки змей и ос любовно обвивали лодыжки своих владельцев. Наступил Праздник Тысячного Дня. Под землей, в мире, навечно скрытом от солнечного света, бледные, как черви, люди мерили время сменой сна и бодрствования, а продолжительность жизни высчитывали на пальцах.

Все веселились. Все, кроме Рууля. Когда мать увлеклась праздником настолько, что перестала замечать его, ребенок выполз в темноту.

Недавно, неутомимо исследуя обитаемые окрестности пещеры, где протянулись во тьму туннели и трещины, мальчик обнаружил расщелину в известняке. Похоже, по ней можно было забраться далеко вверх. Рууль пригляделся, и ему показалось, что там, высоко, горит странный, красноватый свет. Наверное, люди из пещер сверху, подумал мальчик. А может быть, что-то настолько странное, что и представить невозможно.

Теперь при тусклом свете факелов Рууль осмотрел расщелину и принялся карабкаться вверх, цепляясь за выступы.

Он убежал с праздника. Одиннадцатилетний, ни ребенок и ни взрослый, Рууль попросту оказался лишним и сейчас разгневанно проклинал пир. Но по мере того, как мальчик погружался в глубокую тишину, все его внимание поглощал подъем.

Народ Рууля, издавна бессчетными поколениями селившийся в пещерах, с успехом овладел искусством скалолазания. Люди жили в глубоких карстовых пещерах, в известняке, на месте давным-давно сгинувших мелководных морей. Когда-то в этих углублениях обитали изрядно эволюционировавшие потомки ящериц, змей, скорпионов, тараканов, даже крокодилов и акул. Неизменно экстремальные условия Пангеи способствовали развитию усложненности и взаимозависимости. Отступив под землю, люди позволили выжить фрагментам этих необычных экосистем.

Вскоре известняк вокруг Рууля сменился более мягким, рыхлым песчаником. Здесь выступов оказалось больше. Малиновый свет сверху был достаточно ярок, чтобы стали заметны мельчайшие детали скалы, по которой поднимался мальчик. Рууль увидел, что горная порода состоит из пластов повторяющегося рисунка: темные полосы с проступающими комковатыми друзами. Коснувшись одного из выростов, мальчик обнаружил лезвие — настолько острое, что едва не порезал пальцы. Каменный топор, изготовленный, использованный и выброшенный давным-давно и отчего-то погребенный под отложениями, образовавшими песчаник. Охваченный любопытством, Рууль принялся исследовать темные полосы. Вещество крошилось, стоило лишь колупнуть ногтем; чувствовался запах пепла — такой свежий,

словно здесь недавно разжигали огонь. Темные слои остались от кострища.

Мальчик пробирался вдоль пластов угля и каменных инструментов — тысячи нагроможденных друг на друга и впечатанных в камень слоев. Должно быть, люди очень долго жили здесь. Рууля потряс массивный груз лет, незыблемость прошлого.

Но тут внимание мальчика привлекли несколько зубов: маленькие, треугольные и острые, со специально проделанными отверстиями. Аккуратно расшатав, Рууль извлек находку из стены и положил в мешочек: быть может, еще сделает из зубов ожерелье.

Мальчик продолжал подъем, пальцы рук и ног ныли.

Неожиданно Рууль оказался у выхода. Лаз открывался в более широкое пространство — может быть, даже в пещеру, заполненную красноватым светом. Подтянувшись, мальчик закинул ноги на пол над головой и поднялся.

И замер от удивления.

Он стоял на плоской поверхности — казалось, ровное пространство простиралось в бесконечность. Все покрывала красная пыль — такая легкая, что налипала на вспотевшие ноги. Мальчик медленно огляделся. Если это пол пещеры, тогда получается, что у пещеры нет стен. Да и потолок, должно быть, находится очень высоко — так, что и не разглядишь. Сверху — лишь купол темноты (Рууль не знал слова «небо»). С одной стороны, на краю мира что-то висело. Над безжизненно ровной линией горизонта высовывался румяный, идеально круглой формы диск — вернее, его небольшой кусок. Именно оттуда исходил малиновый свет; мальчик чувствовал, как его опаляет жар.

Рууль жил в извилистом мире-лабиринте пещер и тунелей; никогда прежде ему не доводилось видеть такой гладкой равнины, такого идеального полукружия света. Мальчика влекло к геометрической простоте пейзажа; завороженный, Рууль смотрел не отрываясь.

Вот какой стала Земля через триста миллионов лет после смерти Туры и Бела. Осадочные породы, на которых стоял Рууль, являлись остатками последних гор. Потоки магмы, мчащейся по остывающему миру, не смогли разъединить

нового сверхконтинента, как в первый раз. А тем временем солнечное излучение неумолимо усиливалось. И вот уже единственной формой жизни на экваторе оказались бактерии, да на полюсах немногочисленные медлительные животные в тяжелых, защищающих от жары панцирях паслись среди редких растений с толстой кожей. Земля уже лишилась влаги, и побережье Пангеи было окаймлено алмазно-белыми солончаками.

Но мальчик, стоящий на выровненной ветрами и влагой земле, не многим отличается от своих далеких предков — от Туры, Кале, Урлу и даже Джаала. Людям ни разу не пришлось существенно измениться, поскольку человечество само меняло окружающий мир и тем самым задушило эволюционный прогресс.

Повсюду во Вселенной — одно и то же. С возникновением разума история любой биосферы заметно упрощается. В этом главная причина молчания звезд.

Но долгий период земной истории подошел к концу. Еще несколько поколений, и потомки Рууля сгинут — тихо, без страданий, спекаясь в обезвоженных пещерах. Жизнь сохранится, и по всей планете раскинутся ярким цветом древние термофильные микроорганизмы. Но людей больше не будет: человечество уйдет, оставив после себя пласты песчаника возрастом почти миллиард лет, в котором — кострища, обработанные камни и человеческие кости.

— Рууль! Рууль! Вот ты где! — Мать, вся в красной пыли, с усилием карабкалась по расщелине. — Мне сказали, что ты направился сюда. Я места себе не находила! Рууль, что ты делаешь?

Мальчик раскинул руки; объяснить он не мог. Не хотелось обижать мать, но его переполнял восторг от открытия.

— Посмотри, что я нашел, мама!

— Что?

Ребенок принялся возбужденно лепетать об очагах, орудиях и костях.

— Может быть, здесь жила орава людей и дым от их костров поднимался до самого неба! Мама, а мы вернемся сюда жить?

— *Наверное, когда-нибудь вернемся,* — машинально произнесла женщина, чтобы утихомирить сына.

Но этого ответа было явно недостаточно, чтобы успокоить Рууля. Снедаемый любопытством, он еще раз взглянул на гладкое восходящее солнце. Земля на закате своих дней оказалась удивительным местом. Мальчик горел жаждой исследований.

— Ну, можно я еще погуляю? Совсем чуть-чуть!..

— Нет, — мягко произнесла мать. — На сегодня хватит приключений. Пора. Идем. — И, положив руку на плечо сына, повела его домой.

ЭЛИЗАБЕТ КУНИГАН

Звезда Полынь

Для завершения антологии я мог бы выбрать разные рассказы, но финал этого произведения показался мне наиболее правильным, замыкающим круг нашего путешествия через апокалиптическое будущее.

Элизабет Куниган происходит из семьи писателей. Ее отец был журналистом Би-би-си, а дед — романистом. Куниган много лет проработала семейным врачом в Государственной службе здравоохранения (National Health Service), но сейчас сосредоточилась на писательской деятельности. Ее рассказы публиковались в «Asimov's», «Realm of Fantasy», «Nature Futures» и еще некоторых журналах и антологиях. Куниган является редактором британского журнала фэнтези «Sheherazade».

Аня умерла в ту неделю, когда к земле подошла комета. Поначалу яркая искра на востоке, она росла, тащила за собой светящееся белое облако — мерцающий снежок, заброшенный в небо из промерзшей Сибири. Аня ее не видела. Она, девяностодевятилетняя, лежала в последнем ледяном дворце под опекой машин, которые были еще старше. Их антенны нащупали новое небесное тело. Их голоса сообщили о нем, отдались эхом в сводчатых камерах и давно опустевших коридорах, где редкие пушистые зверьки шевельнули усиками и навострили мохнатые ушки, а потом вернулись к своим делам. Голоса шептались в комнате Анны. Она уже не могла говорить, но электронные глаза поняли движение ее губ и зарегистрировали, что последним ее словом было: «Полынь». Последний прерывистый вдох, и ее глаза закрылись.

Машины перешли к кладбищенскому участку и высверлили кусок льда. Тело Ани облекли в вышитый саван и опустили ногами вперед в образовавшуюся дыру. Затем машины, как были обучены, благоговейно засыпали ее могилу ледяной пылью и включили музыку, подобающую хозяйке дворца. Ее услышали только волки и медведи в чащобе.

Могила Ани, последняя во многих рядах таких же могил, застыла под холодным взглядом кометы.

Комета пронеслась над морщинами гор, иссохшими равнинами, над опаленным солнцем океаном. Дикие псы выли на нее, совы моргали под ее ярким взглядом.

Кури присел под колючим деревом. Черная тень его под солнцем экватора была совсем крошечной. Он протянул длинную костлявую руку и взял желтую стекляшку из горки цветных осколков поющего стекла, осторожно добавил ее к другим, отложенным раньше. Поразмыслил несколько минут, подперев подбородок ладонями, выбрал еще один, на этот раз зеленый, и поместил к другим. Снял широкополую шляпу и наполнил ее до половины отобранными стекляшками, неловко поднялся и пошел к дому у озера. Его жилистое тело было обнажено, корявые ступни босы. Шляпу он нес в руках, и только черные с сединой колечки волос защищали голову от солнца.

Путь его лежал к куполу, занимавшему сотню метров плоской пустыни, окаймленной темным тростником. Отсюда тянулось к западу зеленое, как нефрит, озеро. Перышки белого пара струились из вулкана на Крокодиловом острове и растворялись в мареве. На полпути Кури остановился передохнуть: едкие испарения вулкана драли глотку. Он прищурился, наполовину ослепленный красотой своего старинного дома, сверкавшего как переливчатый самоцвет между ним и озером. В это время дня окна были почти неслышимы, лишь намекая на гармонию, зато в глазах мелькали отблески полуденного солнца.

Что-то шевельнулось у воды. Кури прикрыл глаза от солнца свободной рукой, усмехнулся и громко свистнул в два пальца. Существо, отозвавшееся на зов, заскакало к нему на всех четырех, но, приблизившись, поднялось на задние лапы. Оно сложило тонкие передние лапы на желтокоричневой, как земля, груди, с плоской кошачьей рожицы взглянули по-собачьи преданные зеленые глаза. Язык царапнул Кури кожу.

Он наклонился, поцеловал ее между ушей и сказал:

— Попить, Нефрит.

— Пить? Вода? Сок пить? — ответила она с придыханием низким голосом. Потерлась головой о его ладонь, и он почесал ей под подбородком.

— Сок. В доме, — сказал он.

Она помчалась обратно к светящемуся зданию, помахивая хвостом, как желтым пушистым пером. Кури шел медленнее, прижимая к груди шляпу. Стеклышки тихо звенели, подхватив вибрацию дома. Его ноги оставляли еще одну цепочку следов в пыли. Он оглянулся: сегодняшний след тянулся только до дерева, да и вчерашний не дальше, а все же Кури очень устал. Он прищурился, всматриваясь в прежние следы. Следы лапок Нефрит пересекали их во все стороны, и тут же были следы побольше, ее диких родственников — приемышей. Он узнал след антилопы и — не без тревоги — недавний след клыкастого леопарда. Вдали еле видные отпечатки копыт его дромадера. Неужели он так давно не ездил в пустыню? Кури с некоторым удивлением подсчитал, что с тех пор прошло не меньше двух месяцев. Он медленно поворачивался, тщетно высматривая собственные следы, уходящие дальше колючего дерева с кучей стекляшек, сверкающих на солнце. Взглянул на свои руки, черные и морщинистые, на предплечья, тонкие и жесткие, как сухая древесная ветвь. На душу его легла тень.

Кури пожал плечами и потащился дальше. Хотелось пить, и надо было заняться восточным окном. Темный вход в его дом был прохладным и манил блестящими окнами. Кури пригнулся, чтобы не удариться о свод туннеля, и нырнул внутрь, как лиса в нору. Снова запыхавшись, сел под прохладным светом северного окна, сиявшего высоко над ним. Нефрит подскочила на задних лапах, держа в передних кувшин. Кури выпил, и на коже выступили прохладные бусинки пота. Повернулся к Нефрит, но она предугадала его желание и уже протягивала квадратик влажных озерных водорослей. Он улыбнулся маленькой любимице: в свете окна ее золотистая шкурка пестрила лиловыми и бронзовыми пятнышками, как детская игрушка. Нефрит приплясывала на задних лапах, словно понимала, что ее ужимки забавляют его.

— Умница, Нефрит, — сказал он, утирая лоб. — Пойди сегодня вечером поиграй с друзьями.

— Кури поиграть с Нефрит? — спросила она.

— Я слишком стар для игр. Старики не играют.

Она упала на четыре лапы и потерлась о его колени. Взяла в пасть водоросли из его руки, игриво заворчала, замотала головой, но, видя, что он не поддерживает игру, убежала из дома, чтобы вернуться к воде.

Кури вздохнул и хрустнул суставами. Хотелось спать, но еще больше хотелось вернуться к начатому делу. Он кое-как встал на ноги и принес с ледника еще сока. Прошел вдоль восточной стороны стены жилища, критически оглядел восточное окно в форме солнца, сиявшее желтым и оранжевым, однако не пропускавшее жары. Он не мог вспомнить, кто установил это окно — мать? Может, даже дед. Он нахмурился, вызывая в памяти далекие времена, когда здесь жили три человека — нет, четыре, был еще брат, Ому, погибший от змеиного укуса.

Кури с трудом нагнулся и поднял свой крар[1], побренькал тремя струнами по очереди. Недовольно покачал головой и взял ряд аккордов. Пронзительный звук стал гуще, но все же резал ухо. Должно быть, так художник представлял себе восходящее солнце — слишком резким и звенящим, на его вкус.

Кури вывалил стеклышки из шляпы в корзину к другим, собранным раньше. Проковылял вдоль стен, подбирая инструменты и перенося их вместе со стеклышками к восточной стене. Наконец произнес приказ, и деревянная платформа со скрипом выдвинулась из стены, качнулась к нему, опускаясь до уровня пола. Кури взгромоздил на нее все собранное и потянулся вверх, направляя платформу к крыше. Даже вблизи окно-солнце не слепило и не пекло — таково было чудесное свойство поющего стекла.

Решив, какого эффекта хочет добиться, Кури стал работать быстро, выбивая из солнечного круга серпики цитрина и гуммигута. В отверстия ворвался настоящий зной

[1] *Крар* — пяти- или шестиструнный музыкальный инструмент (популярный в Эфиопии), согласно легендам — «дьявольский» инструмент.

и ветер от вулкана. Кури промокнул лоб полями шляпы и нахлобучил ее на голову. Даже решетка витража недовольно корчилась и с благодарностью принимала новые куски: мягкие розовые и охряные тона. Вставив очередной осколок, Кури настраивал его по крару, срезая со стекол тончайшую стружку, пока звук не совпадал с образом в его голове.

К тому времени как он опустил механизм, солнце ушло к западному окну, которое уже нежно вибрировало в предвкушении. Кури рухнул на пол. Он так устал, что не в силах был даже пойти попить. Огляделся в поисках Нефрит, но та не спала на обычном месте, под прохладным светом северо-западной спирали — единственного молчаливого окна. Мысленным взором он видел, как она скачет и приплясывает в тростниках среди приемных родичей. Так и должно быть.

Кури облизал сухие губы. Она должна научиться жить без него — и поскорее, подумал он. Но тут же услышал ее зов — знакомые монотонные звуки, которые она издавала, когда приносила ему еду. Она влетела сквозь входной тунель с извивающейся рыбешкой во рту. Уронила к его ногам и убежала обратно, радостно мяукая. Кури с улыбкой покачал головой.

— Я не голоден, — прошептал он.

Нефрит вернулась со второй рыбой и ускакала, пока он убеждал свое тело держаться прямо. Он умело убил обеих рыб и сложил их в сетку.

— Давай поедим снаружи, — сказал он, зная, что ей это будет приятно.

Кури подобрал нож и кухонную посуду и вышел через туннель.

Вечерний ветер дул с озера, донося содистый привкус его воды и серу с вулкана. От запаха еще сильнее захотелось пить.

— Пить, Нефрит, — прокаркал он. — Теперь воды.

Кури почистил рыбу и разжег печь, пока она бегала за мехом свежей воды из фильтра. Уронила мех перед Кури и злобно заворчала на пару стервятников, высмотревших рыбу. Те перелетели подальше. Один сел, взметнув серую

пыль, другой низко закружил над ними, наблюдая. Кури напился, бросил рыбешек на сковородку, и они зашкворчали. Внутренности он оставил для Нефрит, которая с удовольствием их слопала.

Музыка западного окна усилилась. Кури повернулся к озеру. Сияние восточного окна затушила близящаяся ночь, и отсюда здание виделось ему темным силуэтом на фоне западного неба. Темный улей его дома скрывал западное окно. За его спиной озеро из нефритового стало багровым, как расплавленное железо. Кури улыбнулся от чистой радости, купаясь в гармонии. Западное окно звучало идеально, но в восточном все же чего-то недоставало. Нахмурившись, он взялся за сковороду.

— Я не голоден, — повторил он чуть слышно.

Словно подслушав его, над озером взлетела стайка мелких птиц, заглушив высокими голосами звучное пение окна. Бóльшая часть их летела прямо к привычному насесту в колючих ветвях дерева и прибрежных пальмах, но самые смышленые приземлились к ногам Кури и запрыгали, выпрашивая крошек. Кури оторвал кусочек рыбы, немного отправил в рот, а остальное разбросал подальше от Нефрит. Та сидела рядом с ним, вылизываясь, однако навострила уши и напряглась, показав клыки.

— Оставь их, Нефрит, — сказал Кури. — Рыба куда вкуснее.

Он дал ей кусочек, и она, подбросив его в воздух, чтобы охладить, ловко поймала и съела, мурлыча от удовольствия. Кури пришлось запивать последний кусок водой. Музыка затихала, словно удаляясь. Он снова обернулся. Вода теперь была цвета темнейшего индиго, и этот цвет разбивал только красный уголек слабо мерцающего вулкана. Птицы расселись на ветвях и смолкли. Кури слышал плеск воды, вздохи ветра, сонное мурлыканье Нефрит. Он улыбнулся ей — той, кого больше всего любил. Все было так, как должно, как было всегда, всю его долгую жизнь. Смерть придет, когда придет.

Он посмотрел на восток, где уже загорелись звезды.

Что-то изменилось: незнакомое небесное тело, слабо светящееся в белом ореоле.

Не подводят ли его глаза? Нет, все остальное так же четко, как всегда: звезды, планеты, орбитальные спутники, запущенные в пространство его предками тысячи лет назад. Но теперь в небесах появилось что-то новое.

Вблизи закашлял клыкастый леопард. Кури свистнул Нефрит, и они вдвоем скрылись в доме.

На третью ночь Кури распознал в новой звезде комету. Она с каждой ночью становилась больше: размытое пятнышко света превратилось в кружок, похожий на крошечное солнце в окружении белой короны. На третью ночь он увидел хвост, протянувшийся между звездами и вскоре затерявшийся в них. Кури плохо разбирался в таких вещах: было ли это явление предсказано астрономами, или это новая небесная гостья? Несет ли она гибель Земле или пройдет мимо? Остались ли где-нибудь мудрецы, способные разрешить эту загадку? Или он последний человек, созерцающий звезды и гадающий о них?

На следующее утро он надел свободные брюки и вышел оседлать строптивого дромадера. Верблюдица так долго бегала на воле, подходя к нему только за угощением, что решила не обращать на него внимания. И к тому же предпочла забыть свое имя: Скоти (сокращение от «Плюющаяся скотина» — поскольку лучше всего она умела плеваться). Как только Кури подходил к ней, она отбегала на безопасное расстояние, после чего останавливалась, подозрительно поглядывая на него. Нефрит в этом случае была бесполезна. Поняв затруднение Кури, она хотела помочь, но верблюдица плюнула в нее без промаха, а когда Нефрит зарычала, принялась лягаться.

В конечном счете победило коварство и настойчивость, но к тому времени утренняя прохлада выгорела без остатка. Кури мучительно задыхался, а пропитанные потом брюки липли к ногам. Боль, бившаяся в голове, не лишила его твердости. Дело не терпит отлагательств. Верблюдица неохотно опустилась на колени, и он взобрался к ней на спину. Нефрит жалостно взвыла, однако он заверил, что вернется к ужину, а она пусть наловит рыбы и остерегается крокодилов.

Раз покорившись, Скоти послушно побрела по знакомой дороге, а Кури отдыхал и даже прикорнул, свернувшись под попоной и нахлобучив на голову шляпу. Когда он снова открыл глаза, озеро уже скрылось за холмами. В воздухе стояло марево. Даже звук копыт дромадера звучал приглушенно. Его едкий запах обволакивал Кури, как грязный плащ. Он отмахнулся шляпой от лезших в глаза мух, потянулся за мехом с водой и в несколько глотков осушил его. Они миновали стаю бабуинов, дремавших в тени скалы. Их так разморило, что они даже не стали клянчить у него угощение. На солнце остались только две мамбы, свернувшиеся мотками черной веревки.

До города они добрались вскоре после полудня, спустившись с голых холмов к нежданному оазису, кругу зеленой листвы и ярких цветов у стен. Для Кури это был просто город, потому что других он не видел, хотя знал, что этот — один из многих и когда-то имел имя. Столбы ворот изображали вздыбившихся слонов, поднявших одну ногу, но в них не было злобы. Они признали гостя и протрубили, приветствуя его. Кури с дромадером спокойно прошел под аркой, образованной поднятыми ногами. Он даже не взглянул на тяжелые подошвы, угрожавшие растоптать любого незваного пришельца.

Город, как всегда, был полон жизни. На каждом дереве возились и щебетали птицы. В затененных ручьях и прудах плескались зеркальные карпы. В воздухе, словно летучие цветы, порхали бабочки. На мостовой — черноглазые змеи и янтарные скорпионы. Бабуины спрыгивали с деревьев и шумно требовали внимания. За каждым поворотом он видел миниатюрных антилоп.

Но людей, кроме него, здесь не было.

Кури направил верблюда в проход между гигантским базальтовым шакалом и высеченным из живой кости клыкастым леопардом. Дикие братья выглядывали из окон обеих башен. Он улыбнулся и помахал им, радуясь, что эти, в отличие от бабуинов, не лезут на глаза. Верблюдица шагала знакомой дорогой, следуя изгибам здания Змеиного Пути до внутреннего двора с прудом в центре. Здесь Кури

спешился, оставив ее пить и пастись. Сам он нагнулся, глотнул воды из пруда и лотащился до мраморной скамьи в тени пальм и олеандров. Растянулся на ней, обессилев, под прохладным ветерком, не доносившим сюда вулканических ядов. Немного собравшись с силами, он направился к самому большому из зданий, окружавших двор: к гигантскому кристаллу, повторявшему форму крара: там век за веком образовывалось поющее стекло.

Он точно знал, чего хочет.

К озеру он вернулся в сумерках. Скоти снова заупрямилась и долго не давала себя поймать. Несколько раз по дороге он останавливался отдохнуть и напиться. Дым вулкана уже казался черным на фоне первых звезд, и комета ярко горела в восточном небе у него за спиной.

Перед дверями его ожидали две тени. Первая с радостным мяуканьем метнулась ему навстречу. Он слез, поставил на землю корзину с новыми стеклышками и отпустил верблюдицу, хлопнув ее по крестцу. Та, бурча, побежала прочь. Нефрит уже приплясывала на задних лапах, стараясь лизнуть его в лицо. Второй приемыш, побольше ростом, поколебался, словно подумывал сбежать, но все же остался. Кури услышал тихое ворчание. Это существо высоко, гордо держало ощетиненный хвост. Оно с жалобным мяуканьем обратилось к Нефрит. Та ответила, но тут же отскочила, остановилась и оглянулась на Кури.

— *Все хорошо, Нефрит,* — сказал он. — *Это ведь Бурый Парень, да? Иди с ним.*

Но Нефрит, потыкавшись носами со вторым приемышем, вновь подскочила к Кури. Бурый рысцой отбежал к лежке в тростниках и оттуда время от времени повторял зов.

Нефрит опять наловила для Кури рыбы, но он, почистив ее, понял, что не может есть. Нефрит, как обычно, жадно проглотила внутренности и, очевидно забеспокоившись, подбежала к нему, твердя:

— Кури поесть, Кури поесть.

Когда они пошли спать, она пристроилась рядом с ним, но он сказал:

— Я не могу больше любить тебя, Нефрит. Я слишком стар, слишком устал. — Он погладил ей брюхо.

Он услышал призыв второго приемыша из тростников.

— Иди с Бурым. Он даст тебе маленьких, — шепнул он.

Но она не захотела.

Кури продолжал переделку восточного окна. Он извлек сердцевину солнечного диска, составленную из бледного золота и оранжевых стекол, и заменил их на прозрачные, каких никогда еще не использовал в окнах. Настраивая новые поющие стекла по крару, он все больше углублялся в себя. Он забывал поесть — ему не хотелось. Он только пил: воду, сок, опять воду. Даже жалобный плач Нефрит не отвлекал его.

К ночи комета выросла настолько, что светила, как луна.

Кури закончил работу на третий день. Новые стекла звенели в тон крару: внешние круги цветного стекла гармонично резонировали. Он остался доволен.

К закату Кури понял, что не в силах держаться на ногах. Он прополз по туннелю и встал на колени лицом к озеру, дожидаясь ночи. В последний раз он увидел, как солнце ныряет в воду, окрашивая ее в цвет крови. Услышал прощальную песню западного окна. Нефрит подползла к нему и свернулась рядом, поскуливая. Он потрепал ее по голове.

Спустилась ночь.

И тогда зазвучали новые вибрации, поначалу еле слышные. Скоро стало казаться, что рядом тонко и чисто звенит хрустальная арфа. Свет за спиной у Кури разрастался, но он не оглядывался, завороженно всматриваясь в свое творение.

Свет упал на восточное окно. Кури увидел комету, яркую, как вторая луна, отраженную в прозрачном, как бриллиант, центре. Он услышал голос, достигший земли из глубин пространства, звучавший все яснее и громче. Внешние круги окна отзывались чудной гармонией. А потом, ново и неожиданно, песню подхватили другие окна: пылающие

аккорды южного, прихотливые диссонансы северного, трубная слава западного. Темный купол вибрировал, колебался перед глазами. Кури сознавал, что из тростников взлетели испуганные птицы, что вдали закричали шакалы. Он видел тени рядом с собой. Он понимал, что Бурый Парень сидит рядом с Нефрит, что несколько приемышей застыли полукругом перед домом.

Но все это воспринималось лишь дымкой на краю сознания. Всем существом он созерцал окно рая, слушал музыку сфер.

Он упал лицом вниз.

Утром Бурый Парень позвал Нефрит с собой. Она всю ночь стерегла тело Кури, выкликая его имя. Бурый ласково подтолкнул ее носом. Она ответила вопросительно-умоляющим взглядом, ее глаза отразили цвет озера. Она встала, потянулась и, повесив хвост, прошла к воде. Бурый последовал за ней и тоже набрал полный рот пемзовой гальки. Так же как Нефрит, он высыпал ее на скорченное тело последнего из творцов. Нефрит побежала за новыми камешками. Бурый поднял голову и позвал. Из тростников вышли новые приемыши.

Вскоре Кури, последний из своего рода, лежал под грудой камней на том самом месте, где его первобытные предки впервые подняли головы от земли, чтобы спросить: «Что?» и «Почему?».

Приемыши провели еще одну ночь, дивясь белому сиянию окна Кури, раскачиваясь в такт волновавшей их кровь музыке. Наконец Бурый обнял хвостом плечи Нефрит и потянул ее к новой жизни.

Окна дома Кури все так же приветствовали каждое время дня, но по мере того, как гасла небесная гостья, восточное окно замолкало — до времени, когда комета, быть может вернувшись на новый круг, напомнит Земле о существах, которые правили ею так недолго.

Теперь же звезда, названная Полынь, продолжала путь к западу через Африку. Ее яркие лучи будили уснувших птиц, заставляли трубить и мычать больших зверей, блестели в глазах крадущихся хищников и скачущих грызунов.

Комета протянула серебряную дорожку через океан, металлическим отливом коснулась дельфиньих спин и нежных плавников летучих рыб.

Где-то далеко, на побережье Бразилии, несколько древоподобных созданий качали ветвями на ветру. Кончики ветвей терлись друг о друга, смыкаясь и размыкаясь. Когда комета пролила на них свое сияние, светочувствительные веточки потянулись к небу. Другие замахали, хлопая соседей.

— Что? — шептали они. — Почему?

All of the stories are copyright in the name of the individual authors or their estates as follows, and may not be reproduced without permission.

"The Rain at the End of the World" © 1999 by Dale Bailey. First published in *Fantasy & Science Fiction*, July 1999. Reprinted by permission of the author.

"The Books" © 2010 by Kage Baker. First publication original to this anthology. Printed by permission of the author and the author's agent, Linn Prentis Agency.

"The End of the World Show" © 2006 by David Barnett. First published in *Postscripts* #9, Winter 2006. Reprinted by permission of the author.

"Moments of Inertia" © 2004 by William Barton. First published in *Asimov's Science Fiction Magazine*, April/May 2004. Reprinted by permission of the author.

"The Children of Time" © 2005 by Stephen Baxter. First published in *Asimov's Science Fiction Magazine*, July 2005. Reprinted by permission of the author.

"And the Deep Blue Sea" © 2005 by Elizabeth Bear. First published on *Sci Fiction*, May 2005. Reprinted by permission of Don Congdon Associates, Inc. on behalf of the author.

"The Meek" © 2004 by Damien Broderick. First published in *Synergy SF* edited by George Zebrowski (Waterville: Five Star, 2004). Reprinted by permission of the author.

"Guardians of the Phoenix" © 2010 by Eric Brown. First publication original to this anthology. Printed by permission of the author.

"A Star Called Wormwood" © 2004 by Elizabeth Counihan. First published in *Asimov's Science Fiction Magazine*, December 2004. Reprinted by permission of the author.

"Life in the Anthropocene" © 2010 by Paul Di Filippo. First publication original to this anthology. Printed by permission of the author.

"When Sysadmins Ruled the World" © 2006 by CorDocCo, Ltd (UK). First published in *Jim Baen's Universe*, August 2006. Reprinted by permission of the author. Some rights reserved under a Creative Commons Attribution – ShareAlike – NonCommercial 3.0 license.

"The Clockwork Atom Bomb" © 2005 by Dominic Green. First published in *Interzone* #198, May/June 2005. Reprinted by permission of the author.

"The End of the World" © 2002 by Sushma Joshi. First published on the Internet at http://www.eastoftheweb.com. Reprinted by permission of the author.

"The Last Sunset" © 1996 by Geoffrey A. Landis. First published in *Asimov's Science Fiction Magazine*, February 1996. Reprinted by permission of the author.

"A Pail of Air" © 1951 by Fritz Leiber. First published in *Galaxy Science Fiction*, December 1951. Reprinted by permission of Richard Curtis Associates as agents for the author's estate.

"World Without End" © 2010 by F. Gwynplaine MacIntyre. First publication original to this anthology. Printed by permission of the author.

"The Flood" © 1998 by Linda Nagata. First published in *More Amazing Stories* edited by Kim Mohan (New York: Tor, 1998). Reprinted by permission of the author.

"Fermi and Frost" © 1985 by Frederik Pohl. First published in *Isaac Asimov's Science Fiction Magazine*, January 1985. Reprinted by permission of the author.

"Pallbearer" © 2010 by Robert Reed. First publication original to this anthology. Printed by permission of the author.

"Sleepover" © 2010 by Alastair Reynolds. First publication original to this anthology. Printed by permission of the author.

"When We Went to See the End of the World" by Robert Silverberg © 1972 by Agberg Ltd. First published in *Universe 2* edited by Terry Carr (New York: Ace Books, 1972). Reprinted by permission of the author and Agberg Ltd.

"The Man Who Walked Home" © 1972 by Alice Sheldon. First published in *Amazing Science Fiction Stories*, May 1972. Reprinted by permission of the Virginia Kidd Literary Agency as agent for the author's estate.

"Bloodletting" © 1994 by Kate Wilhelm. First published in *Omni*, June 1994. Reprinted by permission of the author.

"Terraforming Terra" © 1998 by Jack Williamson. First published in *Science Fiction Age*, November 1998, and incorporated into *Terraforming Earth* (New York: Tor, 2001). Reprinted by permission of the Spectrum Literary Agency as agent for the author's estate.

Содержание

Конец всего. *Майк Эшли* 5

ПРИРОДА КАТАСТРОФЫ

Роберт Сильверберг. КАК МЫ ЕЗДИЛИ СМОТРЕТЬ КОНЕЦ СВЕТА. *Пер. В. Баканова* 11

Сушма Джоши. КОНЕЦ СВЕТА. *Пер. В. Двининой* 20

Доминик Грин. АТОМНАЯ МИНА. *Пер. Е. Третьяковой* 28

Кейт Вильгельм. КРОВОПУСКАНИЕ. *Пер. Г. Соловьевой* . . . 57

Кори Доктороу. КОГДА СИСАДМИНЫ ПРАВИЛИ ЗЕМЛЕЙ. *Пер. А. Новикова* 73

Дейл Бейли. ДОЖДЬ И КОНЕЦ СВЕТА *Пер. О. Ратниковой* 123

Линда Нагата. ПОТОП. *Пер. О. Ратниковой* 137

Дэвид Барнетт. ШОУ КОНЦА СВЕТА. *Пер. А. Новикова* . . . 147

Фредерик Пол. ДЕВЯТЫЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ *Пер. А. Корженевского* 165

Аластер Рейнольдс. СПЯЧКА. *Пер. А. Новикова* 186

Джеффри Лэндис. ПОСЛЕДНИЙ ЗАКАТ. *Пер. А. Новикова* . 236

ПОСЛЕ АРМАГЕДДОНА

Уильям Бартон. МОМЕНТЫ ИНЕРЦИИ. *Пер. Г. Соловьевой* . 243

Кейдж Бейкер. КНИГИ. *Пер. А. Бродоцкой* 293

Роберт Рид. МОГИЛЬЩИК. *Пер. А. Новикова* 309

Элизабет Бир. МЕЖДУ ДЬЯВОЛОМ И СИНИМ МОРЕМ *Пер. О. Гайдуковой* 373

Дэмиен Бродерик. КРОТКИЕ. *Пер. В. Двининой* 398

Джеймс Типтри-мл. ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ШЕЛ ДОМОЙ. *Пер. И. Гуровой* 406

Фриц Лейбер. ВЕДРО ВОЗДУХА. *Пер. В. Вебера* 427

Эрик Браун. ЧАСОВЫЕ «ФЕНИКСА». *Пер. А. Новикова* . . . 443

Пол Ди Филиппо. ЖИЗНЬ В АНТРОПОЦЕНЕ *Пер. Д. Попова* 487

Джек Уильямсон. ТЕРРАФОРМИРУЯ ТЕРРУ *Пер. Г. Соловьевой* 508

КОНЕЦ ВСЕГО

Гвинплейн Макинтайр. СВЕТ БЕЗ КОНЦА *Пер. В. Двининой* 557

Стивен Бакстер. ДЕТИ ВРЕМЕНИ. *Пер. Адама Асвадова* . . . 572

Элизабет Куниган. ЗВЕЗДА ПОЛЫНЬ. *Пер. Г. Соловьевой* . . 590

А 76 **Апокалиптическая** фантастика: Антология / Пер. с англ. Адама Асвадова, В. Баканова, А. Бродоцкой и др. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. — 608 с.
ISBN 978-5-389-01612-5

Тема конца света, одна из основных в научной фантастике, на протяжении многих лет будоражит умы людей. Мы с содроганием и невольным любопытством представляем себе момент гибели всего сущего, втайне надеясь получить шанс заново отстроить этот мир.

В данной антологии собраны произведения, воплощающие различные сценарии того, как жизнь на Земле может быть уничтожена в результате чумы или потопа, ядерной войны или столкновения с кометой, инопланетного вторжения или вырвавшихся из-под контроля новейших технологий. Свою интерпретацию апокалипсиса предлагают такие мастера, как Стивен Бакстер, Фриц Лейбер, Фредерик Пол, Аластер Рейнольдс, Роберт Сильверберг и многие другие.

Грозные предостережения и подробные инструкции по выживанию для тех, кто помнит, что каждый день может стать последним.

УДК 82/89
ББК 84.7 США

Литературно-художественное издание

АПОКАЛИПТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Руководитель проекта Денис Лобанов
Ответственный редактор Марина Смелкова
Редакторы Александра Банченко, Валентин Бобрецов
Художественный редактор Александр Золотухин
Технический редактор Мария Антипова
Корректоры Елена Терскова, Светлана Федорова, Елена Орлова
Верстка Александра Савастени

Подписано в печать 21.02.2012
Формат издания 84 × 108 $^{1}/_{32}$. Печать офсетная.
Гарнитура «Петербург». Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 31,92. Заказ № 4581.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119991, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
196105, г. Санкт-Петербург, ул. Решетникова, д. 15

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в ОАО «Тульская типография»
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109

ПО ВОПРОСАМ ПРИОБРЕТЕНИЯ КНИГ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

тел.: (495) 933-76-00, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru;
info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“ в г. Санкт-Петербурге»

Тел.: (812) 324-61-49, 388-94-38,
327-04-56, 321-66-58

факс: (812) 321-66-60

E-mail: trade@azbooka.spb.ru;
atticus@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

тел./факс:
(044) 490-99-01

E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах, а также условия сотрудничества на сайтах

www.azbooka.ru
www.atticus-group.ru

Тема конца света, одна из основных в научной фантастике, на протяжении многих лет будоражит умы людей. Мы с содроганием и невольным любопытством представляем себе момент гибели всего сущего, втайне надеясь получить шанс заново отстроить этот мир.

В данной антологии собраны произведения, воплощающие различные сценарии того, как жизнь на Земле может быть уничтожена в результате чумы или потопа, ядерной войны или столкновения с кометой, инопланетного вторжения или вырвавшихся из-под контроля новейших технологий. Свою интерпретацию апокалипсиса предлагают такие мастера, как Стивен Бакстер, Фриц Лейбер, Фредерик Пол, Аластер Рейнольдс, Роберт Сильверберг и многие другие.

Грозные предостережения и подробные инструкции по выживанию для тех, кто помнит, что каждый день может стать последним.

ISBN 978-5-389-01612-5 01
9 785389 016125
www.azbooka.ru